

# *HISTORIA ROSSICA*



Олег Будницкий  
Александра Полян

Русско -  
еврейский  
Берлин

1920 - 1941

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Historia Rossica

Олег Будницкий

**Русско-еврейский  
Берлин (1920—1941)**

«НЛО»

2015

**Будницкий О.**

Русско-еврейский Берлин (1920—1941) / О. Будницкий —  
«НЛО», 2015 — (Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-0388-2

Предлагаемая вниманию читателей монография посвящена жизни российских евреев-эмигрантов в Берлине в период между двумя мировыми войнами. В работе рассказывается о социальной структуре и правовом статусе «русских евреев» в Берлине, об их повседневной жизни, взаимоотношениях с немецкими евреями, о деятельности различных благотворительных и профессиональных организаций (прежде всего – Союза русских евреев в Германии и Союза русской присяжной адвокатуры) в процессе адаптации эмигрантов к новым реалиям. Конечно, говоря об эмигрантах, нельзя обойти вопросы политики, идейных споров и дискуссий на темы недавней истории, в особенности русской революции, участия в ней евреев и ее воздействия на судьбы российского еврейства. В книге рассматривается также еврейский аспект культуры русского Берлина, ставшего в начале 1920-х годов «столицей» русской эмиграции. Отдельные главы посвящены жизни русских евреев при нацистском режиме (1933—1941), а также процессу реэмиграции в другие страны, преимущественно в США. Монография основана в значительной степени на материалах из архивов России, Германии и США. Книга адресована не только специалистам, но и всем читателям, интересующимся историей российского еврейства, историей русской эмиграции и культуры.

ISBN 978-5-4448-0388-2

© Будницкий О., 2015

© НЛО, 2015

## Содержание

Введение	6
Глава 1	24
Глава 2	46
Глава 3	67
Глава 4	91
Глава 5	116
Глава 6	160
Глава 7	178
Глава 8	206
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	231
Приложение 1	235
Приложение 2	242
Приложение 3	246
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	248
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	264
Сведения об авторах	266

# Олег Будницкий, Александра Полян Русско-еврейский Берлин (1920—1941)

## Введение ФЕНОМЕН РУССКО-ЕВРЕЙСКОГО БЕРЛИНА

Литературный критик и мемуарист Александр Бахрах оставил яркий портрет Берлина начала 1920-х годов:

Странный это был город, неповторимый, и едва ли гофмановское перо способно было бы с достаточной убедительностью передать «несуразность» Берлина начала двадцатых годов нашего века. В нем смешивалось многое – еще не зарубцевавшаяся горечь поражения, крушение всех недавних кумиров и то странное – тогда еще, собственно, Европе неведомое – явление, которое ученые финансисты именуют «инфляцией» и которое было не только экономическим или социальным, но в еще большей степени психологическим феноменом.

И рядом с этим куда-то (теперь мы знаем, в какие бездны) проваливающимся Берлином, в котором старый быт еще как будто внешне сохранялся и улицы были по-старому «причесаны», был еще другой город, страшноватый в его внутренней обнаженности и опустошенности. На таком фоне возник, преимущественно в западных кварталах германской столицы – с точки зрения местных жителей, как-то «ни с того ни с сего» – как бы «город в городе», русский Берлин. Сколько жителей он насчитывал, едва ли может быть точно установлено; во всяком случае, количество их выражалось тогда не то пяти-, не то шестизначными цифрами. Жители этого «города в городе» очень громко разговаривали на улицах на чуждом берлинцам языке, как будто вражеском, но и не совсем уже вражеском, тем более что «ам слав» – «славянская душа» – сразу же давала себя почувствовать. Здесь эти пришельцы, отнюдь не сливающиеся с общим пейзажем города, постепенно оседали, наивно думая, что круг их кочевой жизни этим завершился<sup>1</sup>.

Кроме «славянских душ», о которых писал Бахрах, в этом странном, уютном и страшном городе появилось немало душ еврейских – в том числе русско-еврейских, к которым относился и сам автор цитированного выше фрагмента. Число жителей русского Берлина ныне установлено (хотя скорее приблизительно, чем точно) историками эмиграции: на пике «русского присутствия» в 1923 году оно достигало 360 тысяч человек. Из них значительную часть – по нашим оценкам, около четверти – составляли евреи, выходцы из бывшей Российской империи<sup>2</sup>. О русском Берлине 1920 – 1930-х годов написано множество мемуаров и немало исследований. Автор практически любого «берлинского текста» отмечает еврейскую составляющую российской эмигрантской колонии. Марк Шагал говорил о Берлине 1920-х годов:

После войны Берлин стал чем-то вроде караван-сарая, где встречались все путешествующие между Москвой и западом... В квартирах на Bayrischer

---

<sup>1</sup> Бахрах А.В. Андрей Белый // Бахрах А.В. Бунин в халате; По памяти, по записям. М.: Вагриус, 2006. С. 232.

<sup>2</sup> Подробнее мы рассматриваем этот вопрос в первой главе настоящего исследования.

Platz было столько же самоваров, теософических и толстовских графинь, сколько бывало в Москве... За всю свою жизнь я не видел столько великолепных раввинов или такого множества конструктивистов, как в Берлине в 1923 году<sup>3</sup>.

По словам историка русского Берлина Карла Шлэгеля,

русская колония в Берлине не смогла бы функционировать без существенной роли русско-еврейских интеллектуалов, публицистов и предпринимателей. Берлинские годы Симона Дубнова (1922 – 1933) продемонстрировали особенный, неповторимый характер русского еврейства в Берлине, полнее всего выраженный в биографиях С.М. Дубнова и Я.Л. Тейтеля<sup>4</sup>.

Наша работа и является попыткой исследования «неповторимого характера» русского еврейства в Берлине. Прежде всего следует определиться с понятием русского еврейства, которое будет часто употребляться на страницах нашей книги. Это словосочетание в нашем исследовании обозначает, во-первых, всех евреев – выходцев из бывшей Российской империи, покинувших по тем или иным причинам свою родину; во-вторых, собственно «русское еврейство» – феномен, возникший во второй половине XIX века. Предметом нашего исследования является преимущественно вторая, небольшая по численности, но весьма влиятельная группа.

Напомним, что евреи «переехали» в Россию в результате разделов Польши в конце XVIII века. Вплоть до Февральской революции 1917 года евреи были ограничены в правах, в том числе в выборе места жительства. Они должны были жить в пределах Черты еврейской оседлости. Российская власть стремилась в конечном счете к эмансипации евреев, к интеграции их в российское общество. Это вполне соответствовало идее «регулярного государства». Вопрос был лишь в мерах и сроках. Меры поощрительные (например, разрешение «полезным» категориям евреев жить за пределами Черты оседлости, облегчение доступа к общему среднему и высшему образованию и даже выделение субсидий для этого) и ограничительные (запрещение ношения традиционной одежды или же выселение из сельской местности) чередовались или даже сочетались в одних и тех же законодательных актах<sup>5</sup>.

В отличие от своих довольно быстро эмансипирующихся (начиная с эпохи Великой французской революции) западноевропейских собратьев, российские евреи едва ли не на протяжении столетия оставались общественной группой, «отличавшейся от коренного населения религией и собственными общинными институтами и выполнявшей специфические экономические функции вне рамок господствующих корпораций и гильдий»<sup>6</sup>. Собственно, о «русском

<sup>3</sup> Цит. по: *Боулт Дж.* Бегство в Берлин: Иван Пуни в эмиграции // *Русский Берлин, 1920 – 1945*. М.: Русский путь, 2006. С. 224.

<sup>4</sup> *Шлэгель К.* Русский Берлин: попытка подхода // *Русский Берлин, 1920-1945*. С. 17.

<sup>5</sup> Подробнее об истории евреев в России см. обобщающие работы: *Гессен Ю.И.* История еврейского народа в России. Л., 1925 – 1927. Т. 1 – 2; Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. Нью-Йорк, 1960; Очерк истории еврейского народа / Ред. проф. Ш. Эттингер. Иерусалим, 1990. Т. II; *Baron S.* The Russian Jew Under Tsars and Soviets. 2nd ed. New York, 1976; *Löwe H. – D.* The Tsars and the Jews: Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772 – 1917. Chur, 1993; *Gitelman Z.* A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the present. 2nd ed. Bloomington, 2001, а также монографии, в которых рассматриваются основные проблемы истории евреев в России и отношение российского государства и общества к ним (в хронологической последовательности): *Klier J.D.* Russia Gathers her Jews: The Origins of the «Jewish Question» in Russia 1772 – 1825. DeKalb, 1986 (рус. пер. дополненного и переработанного варианта этой книги: *Клиер Дж.Д.* Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России: 1772 – 1825. М.; Иерусалим, 2000); *Idem.* Imperial Russia's Jewish Question, 1855 – 1881. Cambridge, 1995. *Stanislawski M.* Tsar Nicholas I and the Jews. The Transformation of Jewish Society in Russia. 1825 – 1855. Philadelphia, 1983; *Rogger H.* Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles, 1986; *Nathans B.* Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles; L., 2002. См. также: *Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М., 2005. С. 13 – 92. Перечень носит далеко не исчерпывающий характер.

<sup>6</sup> *Ципперштейн С.* Евреи Одессы: История культуры. 1794 – 1881. М.; Иерусалим, 1995. С. 15.

еврействе» можно говорить лишь начиная с 70-х годов XIX века; до этого времени евреи Российской империи оставались скорее «польскими евреями».

Впрочем, и само польское еврейство, ставшее российским, не было единым. По словам израильского историка М. Минца, «российское еврейство, как единое целое, существовало только в фантазиях еврейских общественных деятелей Петербурга и Одессы... Однако на самом деле российское еврейство не существовало как единое целое. Украинские, белорусские, литовские, польские и бессарабские<sup>7</sup> евреи являлись отдельными общинами, а не расплывчатым географическим или региональным понятием»<sup>8</sup>. Впервые словосочетание «русские евреи», по наблюдению Б. Натанса, было употреблено в 1856 году в докладе министра внутренних дел<sup>9</sup>. По мнению Н.В. Юхневой, в докладе министра речь шла обо всех евреях – российских подданных; впервые же термин «русские евреи», подразумевая обрусевших или во всяком случае подвергшихся заметному влиянию русской культуры евреев, употребил И.Г. Оршанский применительно к «таврическим евреям» в книге «Евреи в России: Очерки экономического и общественного быта русских евреев»<sup>10</sup>.

Эпоха «великих реформ» Александра II создала возможности «прорыва» евреев за пределы Черты оседлости и положила начало, в известном смысле, «русификации» части еврейства, причем в отличие от предыдущего царствования этот все более ускорявшийся процесс был добровольным. «Право жительства» за пределами Черты получили сначала купцы 1-й гильдии (1859), затем лица с высшим образованием, с учеными степенями кандидата, магистра, доктора (прежде всего медицины) (27 ноября 1861 года); в 1865 – 1867 годах закон был распространен на евреев-врачей, не имеющих ученой степени, в 1872-м – на выпускников Санкт-Петербургского Технологического института. Наконец, в 1879-м право жить за Чертой получили все, окончившие курс в высших учебных заведениях, а также аптекарские помощники, дантисты, фельдшеры, повивальные бабки и изучающие фармацевтику, фельдшерское и повивальное искусство. 28 июня 1865 года такое же право получили ремесленники, а 25 июня 1867-го – отставные николаевские солдаты. Евреи получили также право поступать на государственную службу, участвовать в городском<sup>11</sup> и земском самоуправлении и новых судах.

Разрыв между «передовым отрядом» российского еврейства, все более интегрировавшимся в русское общество, и основной массой их «местечковых» единоверцев увеличивался. Они постепенно даже начинали говорить «на разных языках» в прямом смысле этого слова.

В 1897 году 5 054 300 (96,90 %) российских евреев называли жаргон, т.е. идиш, родным языком<sup>12</sup>. Далее шли русский язык – 67 063 (1,28 %), польский – 47 060 (0,90 %) и немецкий – 22 782 (0,44 %)<sup>13</sup>. При этом по-русски умели читать «несколько менее половины (45 %) взрослых евреев мужского пола» и четверть женского. По знанию «русской грамоты» евреи занимали одно из первых мест среди народов России; они отставали от немцев, но опережали

<sup>7</sup> Бессарабия вошла в состав России в 1812 году.

<sup>8</sup> Минц М. Национальные движения евреев и других меньшинств в национальных государствах // Вестник Еврейского университета. 2001. № 5 (23). С. 202.

<sup>9</sup> Натанс Б. За Чертой: евреи, русские и «еврейский вопрос» в Петербурге (1855 – 1880) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 2 (6). С. 28, прим. 1.

<sup>10</sup> Юхнева Н.В. Русские евреи как новый субэтнос // Ab Imperio. 2003. № 4. С. 481 – 482; Оршанский И.Г. Евреи в России: Очерки экономического и общественного быта русских евреев. СПб., 1877. С. 183.

<sup>11</sup> Однако по Городовому положению 1870 года даже в городах с преобладающим еврейским населением евреи не могли составлять более трети гласных городской думы и не могли избираться городскими головами.

<sup>12</sup> Среди тех 3 % евреев, которые уже не могли назвать идиш родным языком, был 18-летний Лев Бронштейн-Троцкий. Он говорил с детства на смеси русского и украинского; племяннику его матери пришлось учить юного Лева чисто и без акцента (украинского!) говорить по-русски (*Deutscher I. The Prophet Armed. Trotsky: 1879 – 1921. N.Y., 1965. Vol. I. P. 11 – 12*).

<sup>13</sup> Еврейский ежегодник «Кадима» на 1918 – 1919 г. / Ред. Б.А. Гольдберг. Пг., 1918. С. 21.

русских. В Черте оседлости подавляющее большинство евреев могло объясняться по-украински или по-белорусски<sup>14</sup>.

Быстрыми темпами шли процессы аккультурации и ассимиляции петербургских евреев. В 1855 году в Петербурге насчитывалось менее 500 евреев, в 1910-м – почти 35 тысяч. Если в 1869 году идиш назвали родным языком 97 % евреев – обитателей Петербурга, то в 1890 году русский язык считали родным 28 % петербургских евреев, в 1900 году – 36 %, в 1910-м – 42 %, в то время как доля идиша снизилась до 42%<sup>15</sup>. Дети еврейской элиты ходили в русские гимназии, учились в русских университетах, постепенно они становились людьми русской культуры. Это было характерно не только для евреев Петербурга: сходные процессы наблюдались среди еврейского населения других крупных городов. Приобщение к русской культуре не означало (во всяком случае, не для всех и не всегда) отход от еврейства или разрыв с ним. Немалое число успешных предпринимателей, политиков, интеллектуалов, профессионалов, интегрировавшихся в русское общество, чувствовали ответственность за своих менее преуспевших единоплеменников и активно участвовали в различных благотворительных и просветительских организациях. Эта традиция, сформировавшаяся еще в России, затем будет продолжена в эмиграции.

В конце XIX – начале XX века быстрыми темпами шло разложение традиционного еврейского общества: эмиграция, стремление все большего количества молодых людей получить светское образование, пролетаризация значительной части еврейского населения подрывали систему ценностей, считавшихся ранее бесспорными.

Все большее число евреев, преимущественно молодежи, втягивалось в политическую борьбу. Наряду с радикализацией «еврейской политики» продолжался процесс интеграции евреев в российское общество<sup>16</sup>. В течение полувека сформировалась субкультура «русских евреев», считавших себя, даже если это не произносилось вслух, «русскими Моисеева закона». Это была сравнительно малочисленная, но весьма влиятельная группа, заметно отличавшаяся от своих соплеменников по уровню образования, материальному благосостоянию, профессиональному составу, культуре. Они были глубоко укоренены в российской экономике<sup>17</sup>, активны в российской политике. Для большинства из них русская культура стала столь же своей, как еврейская, а русский язык был если и не родным, то во всяком случае языком профессионального общения. Многие из них принадлежали к числу творцов русской культуры. Вовсе не все из них были сторонниками ассимиляции; далеко зашедший процесс аккультурации отнюдь не означал отказа от еврейских корней и от борьбы за интересы еврейского народа.

Предприниматели, врачи, юристы, ученые, литераторы, издатели – они считали Россию страной, в которой евреи смогут в конечном счете жить не хуже, чем, скажем, в Германии – надо лишь вместе со своими русскими товарищами добиться либерализации, европеизации страны. Они были такими же (если не еще более рьяными) патриотами, как их русские коллеги и единомышленники.

<sup>14</sup> Статистика еврейского населения: Распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи. 1897 г. / Сост. Б.Д. Бруцкус. СПб., 1909. С. 61, 41.

<sup>15</sup> Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX в. Л., 1984. С. 210; Nathans B. Beyond the Pale. P. 92, 111.

<sup>16</sup> Собственно, вовлеченность в политическую борьбу в империи также была формой интеграции.

<sup>17</sup> По нашим подсчетам, в 1914 году евреи составляли около 20 % «деловой элиты» России. Подсчитано по кн.: Боханов А.Н. Деловая элита России. 1914 г. М., 1994. С. 68-265. Автор указанного справочника относит к деловой элите предпринимателей, занимавших не менее двух постов в руководстве акционерно-паевых обществ. При некоторой условности подобного определения деловой элиты, «выборка», на наш взгляд, довольно репрезентативна. Включенные в справочник лидеры делового мира входили в руководство двух третей акционерных компаний, действовавших в России. На 1 июля 1914 года таковых в России насчитывалось 2303. Известный экономист (в недалеком будущем министр финансов Временного правительства, а затем правительств Деникина и Врангеля) проф. М.В. Бернацкий писал, что евреи составляют больше трети «торгового класса» России (Бернацкий М. Евреи и русское народное хозяйство // Щит: Лит. сборник / Ред. Л. Андреев, М. Горький и Ф. Сологуб. М., 1915. С. 30 – 31).

Выделяя русских евреев-эмигрантов, ставших частью так называемой «первой волны» (1918 – 1940) русской эмиграции, мы полагаем, что двумя важнейшими признаками, отличавшими их от остальной массы российских евреев-беженцев, были русский язык и связь с Россией. Точнее, намерение вернуться в Россию. Они уехали (чаще – бежали) не потому, что хотели навсегда оставить свою не всегда ласковую родину. Они стали эмигрантами, поскольку не могли существовать – по политическим, экономическим или иным причинам – в обстановке Гражданской войны или при большевистском режиме. Они уехали в надежде вернуться.

Правда, это относилось далеко не ко всем. Едва ли жители местечек и городов Черты оседлости, страдавшие от погромов и дискриминации со стороны властей, были склонны идеализировать дореволюционную Россию и воспринимать себя как неотъемлемую ее часть. Целью сионистов было создание еврейского государства в Палестине. Именно Палестину, а не Россию считали они своей родиной. Но вот парадокс – языком, на котором чаще всего российские сионисты обсуждали проблемы своего движения, был русский. Сионистская газета «Рассвет», выходившая в 1922 – 1924 годах в Берлине (затем в Париже), печаталась на русском языке. Российские сионисты были в определенной (иногда значительной) степени русскими интеллигентами и – вольно или невольно – были вовлечены в полемику со своими единоплеменниками по вопросу о судьбе еврейского народа, полемику, неизбежно затрагивавшую проблемы существования евреев в России, так же как настоящее и будущее самой России. Poleмика велась, как правило, на русском языке.

Итак, с одной стороны, предмет нашего исследования – русско-еврейская община межвоенного Берлина – является частью русской эмиграции вообще и российского эмигрантского сообщества (при всей условности применения термина к нередко враждующим между собой или не соприкасающимся друг с другом эмигрантским группировкам) в Берлине в частности. Соответственно, избранная нами тема является одним из аспектов истории русской эмиграции. С другой стороны, говоря о русских евреях в Берлине, нельзя обойти еще одну тему – историю евреев-иностранцев (преимущественно беженцев из Восточной Европы) в Веймарской Германии.

В англо- и немецкоязычной литературе этих евреев принято называть «Ostjuden» – «восточные евреи». Этот термин неоднозначен: в русском узусе он может обозначать евреев из различных азиатских общин или евреев, пользующихся сефардским литургическим канон<sup>18</sup>, и тогда в эту общность попадают все евреи, кроме ашкеназов<sup>19</sup>. Поэтому по отношению к евреям Центральной и Восточной Европы, которые как раз и составляли основную массу эмигрантов, мы предпочитаем употреблять словосочетание «восточноевропейские евреи». Или используем оригинальный термин, приводя его в транслитерации: «остьюден».

Языком «еврейской улицы» в Берлине, так же как и в городах и местечках бывшей Российской империи, оставался идиш. Впрочем, на идише говорила и писала не только «улица». Идиш был основным языком группы еврейских интеллектуалов, публицистов, историков,

<sup>18</sup> Сефарды (*иврит* сефарадим, *совр.* сфарадим) – субэтническая группа евреев, сформировавшаяся на Пиренейском полуострове в Средние века. Место своего проживания – Испанию – они обозначали библейским топонимом Сефарад. В 1492 году они были изгнаны из Испании, в 1496-м – из Португалии. Часть сефардов приняла христианство (марраны), остальные покинули Пиренейский полуостров и расселились в Северной Африке, Малой Азии, на Балканском полуострове, на юге Франции, в Нидерландах, Англии и некоторых других странах. Исторически бытовым языком сефардских евреев служил джудезмо (бытовое не вполне корректное его название – ладино), близкий к испанскому. В Новое время литургический канон (вид синагогальной службы, а также вид молитвенника) сефардов распространился и среди многих других еврейских общин (живших в Азии, Африке и на Кавказе), вытеснив их собственные каноны. По этой причине в современной исследовательской литературе термин «сефарды» может употребляться в двух значениях: 1) испанские евреи (собственно сефарды), 2) представители всех восточных (неашкеназских) еврейских общин.

<sup>19</sup> Ашкеназы – термин, обозначавший в средневековой еврейской литературе евреев, проживавших в бассейнах Майна, верхнего Рейна и Дуная, а затем на всей территории современной Германии. В последующем стал обозначать не только евреев Германии, но и всех евреев, являющихся по своему происхождению потомками еврейского населения Германии Средних веков, в первую очередь – еврейство Восточной Европы, в т.ч. польское и русское. Обиходным языком ашкеназов был идиш.

писателей, обосновавшихся в Берлине, – Довида Бергельсона, Якова Лещинского, Нохума Штифа, Ильи Черикова и других. Иврит еще не часто звучал в среде еврейской интеллектуальной элиты, не говоря уже о беженцах, принадлежавших к низшим социальным слоям. Однако же наряду с идишистскими издательствами, к примеру «Швелн», в Берлине возник в 1921 году филиал тель-авивского издательства «Двир», главной задачей которого было пропагандировать произведения еврейских авторов из России, написанных на иврите или переведенных на иврит. Основал берлинский филиал «Двира» поэт Хаим Нахман Бялик. Художник Леонид Пастернак (отец поэта Бориса Пастернака) в начале 1920-х годов возглавлял отдел в еще одном ивритоязычном берлинском издательстве – «Явне»<sup>20</sup>.

В.Е. Кельнер, автор фундаментальной биографии великого еврейского историка С.М. Дубнова, прожившего в Берлине более 10 лет, выделяет две группы среди евреев-эмигрантов из России: «русско-еврейскую» и «еврейско-русскую». По его словам,

в основе жизни русско-еврейской и еврейско-русской культурных общностей лежат разные системообразующие признаки. В первом случае это группа, объединенная языком и культурно-политическими традициями, сложившимися в России на протяжении нескольких десятилетий конца XIX – начала XX в. Члены этой группы воспринимали себя как часть общероссийской эмиграции. Во втором случае это представители народной массовой идишистской культуры, идейно и политически далеко отстоявшие от русско-еврейской интеллигенции – основы русско-еврейской эмиграции. Так же далеко не идентичны они были и со сторонниками сионизма. Но думается, что их общая национальная деятельность все же позволяет, хотя и достаточно условно, объединить их в некую еврейско-русскую группу. Тут решающим становится «страна исхода», то есть географический фактор. При этом нельзя не учитывать, что представители всех групп не были отделены друг от друга непреодолимыми препятствиями. Между ними существовало немало общих точек соприкосновения, основой для которых являлась национальная общность и единая историческая «русская» память<sup>21</sup>.

Эти нередко далеко отстоящие друг от друга в культурном, социальном и политическом отношении группы объединял еще один фактор – кровь. Та кровь, которая, по словам Юлиана Тувима, течет не в жилах, а из жил. Рост национализма, точнее, «национализмов» в межвоенной Европе сказывался на евреях больше, чем на какой-нибудь другой этнической группе. Евреи подвергались дискриминации, различного рода ограничениям в Польше, прибалтийских республиках, Румынии, Венгрии. На этом фоне Германия – при всем росте антисемитизма после Первой мировой войны – казалась едва ли не Землей обетованной, несмотря на нередкие погромы, полицейские облавы и публичные антисемитские заявления, которые исходили в том числе от представителей властей. В 1933 году в Германии к власти приходят национал-социалисты, ставившие своей целью поначалу вытеснение евреев из страны, а впоследствии – их поголовное истребление. В 1930-е годы евреи-эмигранты из России – религиозные ортодоксы и свободомыслящие, атеисты и перешедшие в православие – начинают преследоваться нацистами по одному объединяющему признаку – признаку крови.

Наиболее активными и заметными на берлинской политической, культурной и общественной эмигрантской сцене были «русские евреи», для которых если не родным, то рабочим языком был язык Пушкина и Льва Толстого. По мнению Карла Шлёгеля, русские евреи представляли собой «организующую» и «интегрирующую» силу русской эмиграции в Берлине.

---

<sup>20</sup> Кельнер В.Е. Миссионер истории: Жизнь и труды Семена Марковича Дубнова. СПб.: Мирь, 2008. С. 572.

<sup>21</sup> Кельнер В.Е. Миссионер истории. С. 573 – 574.

Он выделяет три ведущие группы среди нерусских народностей бывшей Российской империи, занесенных ветром революции в Берлин. Первыми двумя были немцы – российские (в прошлом преимущественно жители крупных городов – Петрограда, Москвы, Киева, Одессы и Саратова) и балтийские.

Третья группа – русские евреи – была наиболее буржуазной среди эмигрантов. Она поставляла основную массу представителей свободных профессий: врачей, адвокатов, издателей, публицистов, – образуя своего рода организующий центр русской диаспоры. Ее представители не имели ничего общего с живущими в Германской империи восточноевропейскими евреями и придавали важное значение тому, чтобы их с ними не ставили на одну доску. На основе своей культуры и социального статуса русские евреи поддерживали всесторонние и тесные отношения с берлинскими еврейскими организациями. По отношению к «белой» монархической эмиграции, весьма склонной к антисемитизму, русские евреи отчетливо стремились сохранять дистанцию. Слишком живы были воспоминания о страшных погромах царского времени. Тот факт, что важнейшую русскую ежедневную газету Берлина «Руль» называли «еврейской газетой», как, между прочим, и вторую ведущую эмигрантскую газету – рижскую «Сегодня», отражал важную интегрирующую роль, которую играли евреи в русской эмиграции<sup>22</sup>.

За исключением фразы, касающейся воспоминаний о погромах царского времени (на самом деле в памяти евреев были более свежие, так же как более страшные воспоминания о погромах Гражданской войны, погромах, ответственность за значительную часть которых несли войска белых), Карл Шлёгелъ довольно точно описывает характер и значение еврейской эмиграции в Берлине. Точнее, ее ядра, профессиональной и интеллектуальной элиты.

Итак, важная роль русско-еврейской послереволюционной эмиграции в истории русского еврейства, так же как в истории «первой волны» русской эмиграции, у исследователей сомнений не вызывает. История русско-еврейской эмиграции в Германии в целом, и в Берлине в особенности, неоднократно в различных аспектах затрагивалась в научной литературе.

Пионерами здесь, что вполне естественно, стали немецкие исследователи. Уже в 1920-е годы защищаются первые диссертации, причем одна из них – в 1920 году! В диссертации Клары Эшельбахер «Еврейская иммиграция в Берлин» (Берлин, 1920)<sup>23</sup> представлен первый статистический анализ этого явления, описывается социальный состав мигрантов и их экономическое положение. Диссертация Лео Скларжа озаглавлена «История и организация помощи восточным евреям в Германии с 1914 года» (Росток, 1926)<sup>24</sup>. В этих исследованиях русско-еврейская эмиграция рассматривалась в рамках истории иммиграции в Германию восточноевропейских евреев. Подробнейшие статистические сведения о еврейской общине Германии в целом и иммигрантской ее составляющей в частности приведены в работе Х. Зильберглайта «Демографическая и экономическая статистика евреев в немецком государстве» (Берлин, 1930)<sup>25</sup>.

Ряд работ, в которых среди прочего затрагивалась и проблема эмиграции евреев из России в Германию, опубликовал в 1920-е и начале 1930-х годов выдающийся социолог, экономист и еврейский общественный деятель Яков Лещинский (1876 – 1966). В 1922 году вышла на

<sup>22</sup> Шлёгелъ К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 160.

<sup>23</sup> Eschelbacher K. Die ostjüdische Einwanderungsbevölkerung der Stadt Berlin. Ph. Diss. Berlin, 1920.

<sup>24</sup> Sklarz L. Die Geschichte und Organisation der Ostjudenhilfe in Deutschland seit dem Jahre 1914. Inaugural-Dissertation. Rostock, 1926.

<sup>25</sup> Silbergleit H. Die Bevölkerungs- und Berufsverhältnisse der Juden im Deutschen Reich. Berlin, 1930.

идише его книга «Дос йидише фолк ин циферн» («Еврейский народ в цифрах»), посвященная демографическим процессам в мировом еврействе. В 1926 году – на немецком языке «Проблема движения народонаселения у евреев», в 1927-м – на идише «Ди йидише вандерунг фар ди лезде 25 йор» («Миграции евреев за последние 25 лет»)<sup>26</sup>. Лещинский, будучи эмигрантом из России, знал описываемое явление изнутри.

Подробный статистический очерк еврейской эмиграции представляет собой статья Герша Либмана «Международные миграции евреев». Статья была опубликована в сборнике «Международные миграции» (Нью-Йорк, 1931)<sup>27</sup>. В 1939 году в сборнике «Еврейский мир» (Париж) были приведены сведения о деятельности международных организаций еврейской социальной помощи, часть из которых (Джойнт, ОРТ, ОЗЕ и другие) поддерживали в числе прочих восточноевропейских евреев в Берлине<sup>28</sup>.

В 1959 году вышла в свет книга Шалума (Соломона) Адлер-Руделя «Восточноевропейские евреи в Германии, 1880 – 1940»<sup>29</sup> – исследование, до сих пор остающееся одним из самых авторитетных. Его автор, Адлер-Рудель, был активистом Бюро поечительства о рабочих (Arbeiterfürsorgeamt), одной из крупнейших организаций, помогавших мигрантам. С 1926 по 1928 год он издавал газету «Еврейский рабочий» (Jüdischer Arbeiter). В книге прослежена история возникновения общины восточноевропейских евреев в Берлине, отношения к ним со стороны немцев и немецких евреев, а также попытки решить проблемы мигрантов, связанные с жильем и трудоустройством; большое внимание при этом уделяется, разумеется, деятельности Arbeiterfürsorgeamt.

Наиболее масштабным исследованием истории иммиграции восточноевропейских евреев является работа Труде Маурер «Восточные евреи в Германии: 1918 – 1933» (Гамбург, 1986)<sup>30</sup>. Работа основана на материалах архивов и периодической печати Германии, Израиля и США. В ней рассматривается история возникновения общины восточноевропейских евреев, ее социальная структура и история различных организаций самопомощи. Однако фундаментальная монография Маурер посвящена в основном отношению немецкого общества (в частности, подробно анализируются стереотипы в отношении мигрантов, бытовавшие среди немцев), в том числе немецкого еврейства, к остьюденам.

Проблеме восприятия восточноевропейских евреев немецкими, отношению разных кругов немецко-еврейского общества к мигрантам посвящены также: книга С. Ашхайма «Братья и чужаки. Восточноевропейские евреи в Германии и самосознание немецких евреев, 1800 – 1923» (1982)<sup>31</sup>, статьи Й. Вайс «Мы, западные евреи, – еврейские националисты» (опубликована в: Архив социальной истории. Т. 37. Брауншвейг; Бонн, 1997)<sup>32</sup>, П. Мендес-Флора «Опыт войны и еврейское сознание» (опубликована в: Еврейская жизнь в Веймарской республике. Тюбинген, 1988)<sup>33</sup> и Л. Хайда «"Быть пролетарием и к тому же евреем – несказанная мука..." Социалисты о "восточноеврейском вопросе"»<sup>34</sup>. Эта же проблема рассматривается в

<sup>26</sup> Leščinski, Yankev (Jacob). Di yidiše vanderung far di letste 25 yor. Berlin, 1927 (идиш).

<sup>27</sup> Liebmann H. International Migration of the Jews // International Migrations / Ed. W.F. Willcox. Vol. II. Interpretations by a group of scholars in different countries. New York, 1931.

<sup>28</sup> Еврейский мир. Ежегодник на 1939 год. Иерусалим; М.; Минск, 2002 (репринтное воспроизведение издания 1939 года). С. 330 – 369.

<sup>29</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. Tübingen, 1959.

<sup>30</sup> Maurer T. Ostjuden in Deutschland: 1918 – 1933. Hamburg, 1986.

<sup>31</sup> Aschheim S.E. Brothers and Strangers. The East European Jew in German and German Jewish Consciousness, 1800 – 1923. Madison, Wisconsin, 1982.

<sup>32</sup> Weiß Y. Wir Westjuden haben jüdisches Stammesbewußtsein // Archiv für Sozialgeschichte. B. 37. Braunschweig; Bonn, 1997.

<sup>33</sup> Mendes-Flohr P. The Kriegserlebnis and Jewish Consciousness // Jüdisches Leben in der Weimarer Republik / Hrsg. W. Benz, A. Paucker u. P. Pulzer. Tübingen, 1998.

<sup>34</sup> Heid L. «Proletarier zu sein und Jude dazu, das bedeutet unsägliches Leid...» Sozialisten zur «Ostjudenfrage» // Juden und deutsche Arbeiterbewegung bis 1933. Soziale Utopien und religiös-kulturelle Traditionen. Tübingen, 1992.

обзорных исторических трудах: «История евреев Германии в Новое время» А. Баркай и П. Мендес-Флора<sup>35</sup> и «Евреи в Германии: от римского периода до Веймарской республики» Т.Н. Гидаля<sup>36</sup>. В этих двух работах речь идет о двойственной реакции немецких евреев на своих восточноевропейских соплеменников.

О сложном отношении к мигрантам со стороны немецко-еврейских интеллектуалов – статья М. Брумлика «От обскурантизма к сакрализации. “Размышления о восточных евреях” у Бубера, Гешеля, Левинаса», опубликованная в специальном выпуске журнала «Osteuropa»<sup>37</sup>, посвященном истории восточноевропейского еврейства. О поддержке восточноевропейских евреев их немецкими единоверцами, об организации германской еврейской общиной юридической защиты мигрантов пишет Дональд Ньюик в работе «Евреи в Веймарской Германии» (Батон-Руж, Луизиана, 1980)<sup>38</sup>. Ньюик анализирует также социальные изменения, происходившие в среде восточноевропейских евреев в эмиграции, а также взаимоотношения евреев с немецким обществом и проблемы, с которыми они сталкивались, прежде всего антисемитскую реакцию и утверждения о засилье евреев в межвоенной Германии.

Отдельным защитникам восточноевропейского еврейства посвящены статьи Л. Хайда (о Г. Эпштейне)<sup>39</sup>, Э. Федера (о П. Натане)<sup>40</sup>, Т. Лёве и Р. Вистриха (об Э. Бернштейне)<sup>41</sup>, Д. Бреннера (об авторах журнала «Ost und West»)<sup>42</sup>. Проблема антисемитизма в Германии посвящены исследования Х. Бибера: опубликованная в журнале «YIVO-Bleter» статья на идише «Антисемитизм в первые годы Веймарской республики» (вып. XXIX) и работа «Антисемитизм как отражение социальной, экономической и политической напряженности в Германии: 1880 – 1933», вошедшая в сборник статей «Евреи и немцы, 1860 – 1933: проблемы сосуществования» под редакцией Д. Бронзена (Гейдельберг, 1979)<sup>43</sup>.

Сложным взаимоотношениям русских евреев с другими эмигрантами из России посвящена статья М. Феттера «Русская эмиграция и ее “еврейский вопрос”» (опубликована в сборнике «Русская эмиграция в Германии, 1918 – 1941» под редакцией К. Шлёгеля)<sup>44</sup>. Попытка реконструкции жизни восточноевропейских евреев в Шойненфиртеле – эмигрантском квартале Берлина – предложена в статье А. – К. Засс «“Ikh bin an emigrant... tsvishn emigrantn... ikh vil es mer nisht...” Еврейские мигранты из Восточной Европы в Берлине 1918 – 1933 годов», опубликованной в сборнике «Еврейская эмиграция из России. 1881 – 2005»<sup>45</sup>.

Культура евреев из Восточной Европы в Германии – тема исследования М. Найс, посвященного периодическим изданиям на идише («Пресса в пути. Газеты и журналы на идише

<sup>35</sup> Barkai A., Mendes-Flohr P. German-Jewish History in Modern Times. Vol. 4. Renewal and Destruction. 1918-1945. New York, 1998; см. также: Lowenstein S.M., Mendes-Flohr P., Pulzer P., Richarz M. Deutsch-jüdische Geschichte in der Neuzeit. München, 1997. B. 3.

<sup>36</sup> Gidal T.N. Ha-yehudim be-Germanya mi-tequmat haromaim 'ad le-republiqat Waymar. Yerušalayim, 1997.

<sup>37</sup> Brumlik M. Vom Obskurantismus zur Heiligkeit. «Ostjüdisches Denken» bei Buber, Heshel, Levinas // Osteuropa. 2008 (August – Oktober). 58. Jahrgang. Heft 8 – 10.

<sup>38</sup> Niewyk D.L. The Jews in Weimar Germany. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980.

<sup>39</sup> Heid L. Harry Epstein – Ein Anwalt der Ostjuden in der Zeit der Weimarer Republik // Juden in der Weimarer Republik / Hrsg. W. Graß, J.H. Schoeps. Stuttgart; Bonn. 1985.

<sup>40</sup> Feder E. Paul Nathan – Politiker und Philanthrop // Deutsches Judentum. Aufstieg und Krise. Stuttgart, 1963.

<sup>41</sup> Löwe T. Der Politiker Eduard Bernstein: eine Untersuchung zu seinem politischen Wirken in der Frühphase der Weimarer Republik 1918 – 1924. Bonn, 2000; Wistrich R.S. Eduard Bernsteins Einstellung zur Judenfrage // Juden und deutsche Arbeiterbewegung bis 1933. Soziale Utopien und religiös-kulturelle Traditionen. Tübingen, 1992.

<sup>42</sup> Brenner D.A. Promoting East European Jewry: Ost und West, Ethnic Identity, and the German-Jewish Audience // Prooftexts. 1986. Vol. 15. No. 1.

<sup>43</sup> Bieber H. – J. Anti-Semitism as a Reflection of Social, Economic and Political Tension in Germany: 1880 – 1933 // Jews and Germans from 1860 to 1933: the Problematic Symbiosis / Ed. D. Bronsen. Heidelberg, 1979.

<sup>44</sup> Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.

<sup>45</sup> Еврейская эмиграция из России. 1881 – 2005 / Ред. О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2008.

в Берлине: 1919 – 1925 годы»<sup>46</sup>. Этой теме посвящена также статья М. Дмитриевой «Следы путешествия. Еврейские художники из Восточной Европы в Берлине», опубликованная в журнале «Osteuropa»<sup>47</sup>. Идеология самих остьюденов – предмет рассмотрения Л. Хайда в его статье «“Для восточноевропейского еврея Германия – это страна Гете и Шиллера”. Культура и политика рабочих – восточноевропейских евреев в Веймарской республике» (опубликована в: Архив социальной истории. Т. 37. Брауншвейг; Бонн, 1997)<sup>48</sup>.

История русско-еврейской эмиграции, точнее еврейской части российской эмиграции, затрагивается в общих работах, посвященных истории и культуре российских изгнанников. Разумеется, историю русско-еврейской эмиграции можно изучать только в контексте истории российской диаспоры.

Истории русской эмиграции в Германии и в особенности в ее столице – Берлине – посвящено несколько значительных работ. Фундаментальное исследование, остающееся до сих пор одним из лучших (в особенности в отношении статистических данных о демографии русской эмигрантской общины), принадлежит перу немецкого ученого Х. – Э. Фолькмана. Это монография «Русская эмиграция в Германии, 1919 – 1929» (Вюрцбург, 1966)<sup>49</sup>. Автор реконструирует численность русских в Германии и их положение де-юре и де-факто, описывает организации, предоставлявшие эмигрантам юридическую и финансовую помощь и осуществлявшие общинное строительство в эмиграции.

В 1990-е годы, когда история русской эмиграции становится популярной темой не только в России, но и в других странах, выходит работа Б. Доденхёфт «“Отпустите меня в Россию”. Русские эмигранты в Германии с 1918 по 1945 год» (Франкфурт-на-Майне; Берлин; Берн, 1993)<sup>50</sup>, сборник статей под редакцией К. Шлөгеля «Русская эмиграция в Германии, 1918 – 1941» (Берлин, 1994)<sup>51</sup>, его же работа «Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945)»<sup>52</sup>. В последней отдельная глава посвящена берлинским годам жизни С.М. Дубнова. Чрезвычайно ценной является хроника общественно-политической и культурной жизни русской эмигрантской общины в Берлине, составленная по данным периодических изданий (вышла в 1999 году под редакцией того же неутомимого К. Шлөгеля и его коллег)<sup>53</sup>.

Без особого риска ошибиться можно утверждать, что львиная доля исследований по истории русской эмиграции посвящена ее культуре. Среди русских эмигрантов было немало представителей русского Серебряного века – писателей, поэтов, художников, литературных критиков, театральных деятелей. Не является исключением и русская эмиграция в Германии, тем более что Берлин в начале 1920-х годов был бесспорной культурной столицей русского зарубежья. Среди работ по истории культуры русской эмиграции в Германии выделяется вышедшая в 1972 году монография Р. Уильямса «Культура в изгнании. Русские эмигранты в Германии, 1881 – 1941»<sup>54</sup>. Содержание книги шире ее названия: автор не только анализирует развитие

<sup>46</sup> Neiss M. Presse im Transit. Jiddische Zeitungen und Zeitschriften in Berlin von 1919 bis 1925. Berlin, 2002.

<sup>47</sup> Dmitrieva M. Spuren des Transits. Jüdische Künstler aus Osteuropa in Berlin // Osteuropa. 2008 (August – Oktober). 58. Jahrgang. Heft 8 – 10. S. 233 – 246.

<sup>48</sup> Heid L. «Dem Ostjuden ist Deutschland das Land Goethes und Schillers». Kultur und Politik von ostjüdischen Arbeitern in der Weimarer Republik // Archiv für Sozialgeschichte. B. 37. Braunschweig; Bonn, 1997.

<sup>49</sup> Volkmann H. – E. Die russische Emigration in Deutschland, 1919 – 1929. Würzburg, 1966.

<sup>50</sup> Dodenhoeft B. «Laßt mich nach Rußland heim». Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt a. M.; Berlin; Bern, 1993.

<sup>51</sup> Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.

<sup>52</sup> Schlögel K. Berlin Ostbahnhof Europas: Russen und Deutsche in ihrem Jahrhundert. Berlin, 1998 [рус. пер.: Шлөгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). М.: Новое литературное обозрение, 2004].

<sup>53</sup> Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918 – 1941 / Hrsg. K. Schlögel, K. Kucher, B. Suchy, G. Thum. Berlin, 1999.

<sup>54</sup> Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany. 1881 – 1941. Ithaca; London, 1972.

литературы и искусства, историю периодики и эмигрантские книгоиздательства, но рассматривает также и политическую жизнь эмиграции. Определенное, хотя и гораздо меньшее внимание уделяется социальной структуре, правовому статусу эмигрантской общины. Уильямс кратко останавливается на истории русско-еврейской эмиграции в Берлине, в числе прочего упоминает и о деятельности различных еврейских организаций.

Немалое место истории культуры русского Берлина отведено в классическом исследовании Марка Раева «Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции, 1919 – 1939»<sup>55</sup>. Культурной жизни русской общины в Берлине посвящено несколько исследований, опубликованных в Германии в конце 1980-х и в 1990-е годы. Это книга Ф. Мирау «Русские в Берлине. Литература. Живопись. Театр. Кино. 1918 – 1933» (Лейпциг, 1987)<sup>56</sup>, сборники «Москва – Берлин, 1900 – 1950» (Мюнхен; Нью-Йорк, 1995)<sup>57</sup> и «Русские в Берлине. 1910 – 1930» (Берлин, 1995)<sup>58</sup>. Творчество художников русского Берлина, в значительной своей части евреев, рассмотрено в монографии А.В. Толстого «Художники русской эмиграции»<sup>59</sup>. Полезные сведения по интересующей нас теме можно найти в сборнике «Русский авангард 1910 – 1920-х годов в европейском контексте» (М., 2000) и специальном выпуске журнала «Пинакотека» (1999, № 10 – 11), посвященном художественной культуре русского зарубежья<sup>60</sup>.

Гebraистскому Берлину 1910 – 1920-х годов посвящено фундаментальное исследование Шахара Пинскера «Литературные паспорта: создание модернистской прозы на иврите в Европе» (Стэнфорд, 2011)<sup>61</sup>. Мы пользовались также статьями Барбары Шефер и Рахель Перец, опубликованными в сборнике «Еврейские языки в немецком окружении. Иврит и идиш со времен Просвещения до XX века» (редактор – проф. М. Бреннер)<sup>62</sup>. В состав того же сборника входят статьи об идишеязычной культуре в Берлине: Д. Бештель «Литература и культура на идише в Берлине в кайзеровскую и Веймарскую эпоху»<sup>63</sup> и А. Эшеля об отношении Ф. Кафки и П. Целана к ивриту и идишу<sup>64</sup>.

Культура на идише, так же как традиционные, перенесенные в эмиграцию споры о будущем этого языка, а главное – его носителей, является темой сборника статей «Идиш в Веймарском Берлине. На перекрестке политики и культуры диаспоры», вышедшего в 2010 году в Лондоне под редакцией Г. Эстрайха и М. Крутикова<sup>65</sup>.

Кроме упомянутых исследований тем или иным аспектам истории и культуры русского Берлина или биографиям отдельных представителей русско-еврейской диаспоры посвящены десятки книг и статей. Особенно повезло издателям русского Берлина; немало публикаций вышло и по истории русской эмигрантской периодической печати<sup>66</sup>.

<sup>55</sup> Raeff M. *Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919 – 1939*. New York; Oxford, 1990.

<sup>56</sup> Mierau F. *Russen in Berlin. Literatur. Malerei. Theater. Film. 1918 – 1933*. Leipzig, 1987.

<sup>57</sup> *Berlin – Moskau / Москва – Берлин, 1900 – 1950*. München; New York: Prestel, 1995.

<sup>58</sup> *Die Russen in Berlin. 1910 – 1930*. Berlin, 1995.

<sup>59</sup> Толстой А.В. *Художники русской эмиграции*. М.: Искусство-XXI век, 2005.

<sup>60</sup> См. также: Wolitz S. *The Kiev-Gruppe (1918 – 1920) Debate: The Function of Literature* // *Studies in American Jewish literature*. 1978. No. 4; Kazovsky H. *Jewish Artists in Russia at the Turn of the Century: Issues of National Self-Identification in Art* // *Jewish Art*. 1995/96. No. 21/22; Казовский Г. *Художники Культур-Лиги*. М.; Иерусалим, 2003; Духан И. Эль Лисицкий и русско-еврейско-немецкий авангард // *Русско-еврейская культура* / Ред. О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2006 и др.

<sup>61</sup> Pinsker Sh.M. *Literary Passports: The Making of Modernist Hebrew Fiction in Europe*. Stanford: Stanford University Press, 2011.

<sup>62</sup> Schaefer B. *Hebräisch im zionistischen Berlin* // *Jüdische Sprachen in deutscher Umwelt. Hebräisch und Jiddisch von der Aufklärung bis ins 20. Jahrhundert* / Hrsg. M. Brenner. Göttingen, 2002; Perets R. *Die Vermittlung der hebräischen Sprache in Deutschland vor 1933* // *Ibid*.

<sup>63</sup> Bechtel D. *Jiddische Literatur und Kultur in Berlin im Kaiserreich und in der Weimarer Republik* // *Ibid*.

<sup>64</sup> Eshel A. *Von Kafka bis Celan: Deutsch-jüdische Schriftsteller und ihr Verhältnis zum Hebräischen und Jiddischen* // *Ibid*.

<sup>65</sup> *Yiddish in Weimar Berlin. At the Crossroads of Diaspora Politics and Culture* / Eds. G. Estraiikh, M. Krutikov London: Legenda, 2010.

<sup>66</sup> Левитин И. *Русские издательства в 1920-х гг. в Берлине* // *Книга о русском еврействе: 1917 – 1967*. Иерусалим; М., 2003;

О русско-еврейских организациях, осуществлявших общественную, культурную и благотворительную деятельность, написано немного. Союзу русских евреев в Германии, одной из центральных организаций русско-еврейских мигрантов в Берлине, посвящена статья Е. Соломинской «Союз русских евреев в Германии (1920 – 1935 гг.): урок истории», опубликованная в одном из выпусков серии «Евреи в культуре русского зарубежья»<sup>67</sup>, а также небольшие главы в упомянутых выше книгах Т. Маурер и Р. Уильямса. Русские организации взаимопомощи описываются в работе Х. – Э. Фолькмана, а также в статье А. Ушакова «Русские благотворительные организации в Германии в начале 1920-х годов» (опубликована в сборнике «Русская эмиграция в Германии 1918 – 1941»<sup>68</sup>). Информация о деятельности еще одной крупной организации помощи русским евреям – ОРТа – содержится в монографии Л. Шапиро «История ОРТ» (Нью-Йорк, 1980)<sup>69</sup>.

В начале XXI века были проведены конференции, посвященные русскому Берлину (в Москве) и еврейской эмиграции из России в Берлин (в Берлине). По итогам конференций были изданы сборники статей. В московском сборнике «Русский Берлин, 1920 – 1945»<sup>70</sup>, вышедшем в свет в 2006 году, опубликовано несколько статей, прямо или косвенно относящихся к нашей теме. В статье В. Хазана «Об одной вероятной полемике, или Берлинские импульсы повести В. Жаботинского “Самсон Назорей”» не только содержится литературоведческий анализ известной повести лидера сионистов-ревизионистов В.Е. Жаботинского, но обсуждаются также другие темы, в том числе дискуссия между сионистами и сменовеховцами, проблемы использования идиша и русского языка в русском Берлине. В обширной статье З.С. Бочаровой «Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920 – 1930-е гг.» рассматриваются особенности юридического статуса российских эмигрантов в Берлине и показывается деятельность российских юристов по защите прав товарищей по изгнанию.

Работы В.В. Янцена «Об иррациональном в истории. Биографические заметки к переписке С.Л. Франка и Д.И. Чижевского (1932 – 1937, 1947 гг.)» и К.А. Чистякова «Российская политическая эмиграция в Берлине во второй половине 1930-х гг.» посвящены особенностям жизни российских эмигрантов, в том числе евреев, в Германии в период господства национал-социалистов<sup>71</sup>.

В сборнике статей под редакцией Верены Дорн и Гертруд Пикхан «Движение и трансформация. Восточноевропейские еврей-мигранты в Берлине, 1918 – 1939»<sup>72</sup> рассматриваются различные аспекты жизни русско-еврейского Берлина – от «топографии» расселения восточноевропейских евреев в мегаполисе до проблемы модернизма в литературе на идише. В основу статей положены доклады, прочитанные на одноименной конференции, состоявшейся в Берлине в октябре 2009 года. В свою очередь, конференция стала итогом международного проекта, участниками которого были и авторы этих строк<sup>73</sup>.

---

Емельянов Ю.Н. «Русский Берлин» (издательские центры в 20 – 30-х гг.) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917 – 1940. Кн. 1. М., 1994; Ипполитов С.С., Катаева А.Г. «Не могу оторваться от России»: Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг. М., 2000; Лысенко А.В. Голос изгнания: Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919 – 1922 гг. М., 2000; Базанов П.Н. Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917 – 1988 гг.). СПб., 2004.

<sup>67</sup> Соломинская Е. Союз русских евреев в Германии (1920 – 1935 гг.): урок истории // Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе: 1919 – 1939 гг. / Ред. М.А. Пархомовский. Иерусалим, 2003. Т. 10.

<sup>68</sup> Ušakov A. Die Russischen Hilfsorganisationen in Deutschland zu Beginn der 20er Jahre // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.

<sup>69</sup> Shapiro L. The History of ORT. New York, 1980.

<sup>70</sup> Русский Берлин, 1920 – 1945. М.: Русский путь, 2006.

<sup>71</sup> Там же.

<sup>72</sup> Transit und Transformation. Osteuropäisch-jüdische Migranten in Berlin 1918 – 1939 / Hrsg. V. Dohrn, G. Pickhan. Göttingen: Wallstein Verlag, 2010.

<sup>73</sup> См.: Budnitskii O. Von Berlin aus gesehen – Die Russische Revolution, die Juden und die Sowjetmacht // Transit und Transformation. S. 156 – 172; Polyan A. Productive Help in Russian-Jewish Berlin – The Union of the Russian Jews in Germany // Ibid. S. 210-217.

Нетрудно заметить, что при наличии довольно обширной историографии истории русской эмиграции в Германии вообще и в Берлине в особенности, так же как ряда работ, посвященных еврейской иммиграции «с востока» в Германии, история русско-еврейской общины в Берлине изучена фрагментарно. Преобладают (что вполне объяснимо, учитывая выигрышность и «видимость» подобных сюжетов) исследования по истории культуры и биографические очерки. При этом многие ведущие исследователи справедливо подчеркивают особую роль русских евреев в деловой, общественной, политической, культурной жизни российской эмиграции в Берлине.

В настоящей работе предпринята попытка изучения прежде всего социальных аспектов жизни русских евреев в Берлине в межвоенный период. Среди задач, которые ставили перед собой авторы, – исследование социальной структуры и правового статуса русских евреев в Берлине, их повседневной жизни, взаимоотношений с немецкими евреями, роли различных благотворительных и профессиональных организаций в процессе адаптации эмигрантов к новым реалиям. Конечно, говоря об эмигрантах, нельзя обойти вопросы политики, идейных споров и дискуссий на темы недавней истории, в особенности русской революции, участия в ней евреев и ее воздействия на судьбы российского еврейства, так же как и проблемы «культуры в изгнании».

Несколько слов о географических и хронологических рамках исследования. Книга посвящена истории русско-еврейской эмиграции в Берлине – он-то и является основным «местом действия». В то же время историю русско-еврейского Берлина нельзя отрывать от истории русской эмиграции (включая ее еврейскую часть) в Германии в целом, да и в других странах. События в Мюнхене – рост нацистского движения – не могли не отзываться в Берлине, так же как берлинские события «аукались» в Дрездене и т.д. Более того, отклики на берлинскую дискуссию о евреях и русской революции появлялись, к примеру, на страницах парижской «Еврейской трибуны» и рижской «Народной мысли», причем авторами статей были обитатели Берлина.

Первоначально мы планировали ограничить наше исследование русско-еврейского Берлина 1935 годом, полагаясь на «всем известный» факт, что после прихода нацистов к власти произошел исход русских евреев из Германии. Рубежом, обозначающим конец русско-еврейского Берлина, мы считали закрытие в 1935 году Союза русских евреев в Германии по распоряжению гестапо. Однако материалы, обнаруженные нами в архивах, свидетельствуют о том, что «еврейская жизнь» в Берлине теплилась вплоть до 1941 года, ибо далеко не все смогли или – как это ни парадоксально – хотели уехать из Германии. Таким образом, в книге прослеживается история русско-еврейского Берлина, в том числе полулегальная работа благотворительных организаций, до 1941 года.

Авторы не сочли возможным «бросить» своих героев после того, как они покинули Германию. Мы проследили передвижения и попытки обустроиться некоторых бывших берлинцев, оказавшихся во Франции, Бельгии, Ирландии, Великобритании, наконец, в США. Некоторые из них сменили по несколько стран, спасаясь от наступающих германских войск и почти неизбежной гибели.

Наше исследование основывается в значительной степени на архивных материалах, отложившихся в архивохранилищах России, Германии, Израиля, США и Великобритании.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Москва), куда в 1946 году был передан РЗИА – Русский заграничный исторический архив (известный также как Пражский архив), хранятся материалы эмигрантских общественных организаций, личные фонды отдельных эмигрантов. Важнейшим для нашего исследования является фонд Союза русских евреев в Германии (СРЕВГ), возглавлявшегося Я.Л. Тейтелем. Фонд СРЕВГ (Р-5774) содержит 209 дел, в том числе устав Союза, его переписку с другими эмигрантскими общественными организациями и с частными лицами, прошения о материальной помощи, направленные в Союз,

материалы отдельных комиссий. В фонде Союза находятся расписки в получении пособий, опросные листы, списки членов Союза, документы финансовой отчетности.

Похоже, к сожалению, что архив руководителя Союза русских евреев в Германии Я.Л. Тейтеля не сохранился, зато в нашем распоряжении имеется небольшой фонд благотворительной организации «Дети-друзья», им основанной. Организация занималась созданием детского сада, улучшением питания еврейских детей, отправкой больных детей в летние оздоровительные лагеря и т.п. (фонд Р-6407, 10 дел).

Фонд Союза русской присяжной адвокатуры в Германии (Р-5890), бессменным председателем которого был известный юрист Б.Л. Гершун, содержит немало материалов, напрямую относящихся к нашей теме. Союз русской присяжной адвокатуры был профессиональной, а не национальной организацией. Однако в силу того, что подавляющее большинство членов Союза было евреями (что отражало высокую долю евреев в российской дореволюционной адвокатуре), в указанном фонде встречаются материалы, отражающие некоторые аспекты истории русских евреев в Германии. Фонд Союза русской присяжной адвокатуры в Германии содержит 99 дел, включающих документы о профессиональной деятельности членов Союза, переписку Союза с другими организациями.

Определенный интерес для нас представляют фонды Общества помощи русским гражданам в Берлине (Р-5815), возглавлявшегося В.С. Манделем.

Особый интерес представляют личные фонды. Среди них фонд присяжного поверенного Алексея Александровича Гольденвейзера, юрисконсульта СРЕвГ, члена Союза русской присяжной адвокатуры в Германии, практикующего юриста, публициста и переводчика. Его личный фонд (Р-5981) содержит 180 единиц хранения – личную и деловую переписку, материалы судебных дел, черновики и рукописи статей и переводов, некоторые личные документы. Фонд Вениамина Семеновича Манделя (Р-5769, 145 единиц хранения), практикующего адвоката, владельца страхового бюро и председателя Общества помощи русским гражданам в Берлине, включает документы возглавлявшегося им Общества, а также Союза русской присяжной адвокатуры, в котором он руководил рефератной комиссией. В фонде Манделя находятся также материалы, относящиеся к дискуссии 1923 года о роли евреев в русской революции, активным участником которой он был. Интересен также личный фонд председателя Союза русской присяжной адвокатуры Бориса Львовича Гершуна (Р-5986, 425 единиц хранения). Фонд содержит материалы по делам, которые вел Гершун, личную переписку Гершуна начиная с 1910 года, воспоминания о последних днях русской адвокатуры в Петрограде в 1917 году.

При подготовке книги мы пользовались также документами, находящимися в архивах Берлина. Наибольшее количество актуальных для нас материалов хранится в Политическом архиве МИД Германии (Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes). Это официальная корреспонденция МИД Веймарской республики, в том числе дела об иммиграции евреев в Германию (фонд R 78706, R 78713), о выдаче им виз и удостоверений личности (фонды R 78679, R 78721, R 78722) и о высылке восточноевропейских мигрантов-евреев (фонд R 78705). В последнем фонде содержатся, в частности, протоколы заседаний МИД и МВД, посвященные еврейской иммиграции, материалы о проявлениях антисемитизма (R 78704).

В фонде М. Зобернхайма, профессора-семитолога, который в 1918 году был приглашен руководителями МИД организовать комиссию по делам еврейских мигрантов, находятся документы Международной еврейской конференции 1927 года (R 78729) и доклад Зобернхайма о проблемах «остьюден в Германии» (1918, R 78731). Сведения о русских военнопленных и интернированных, среди которых были и евреи, можно найти в фондах R 83810 – R 83820. Самый поздний по времени фонд (R 84333) из тех, к которым мы обращались в Политическом архиве МИД, относится к эпохе Третьего рейха (1933 – 1936) и входит в группу фондов, посвященных отношениям Германии и СССР. Фонд содержит документы относительно

русских евреев. В нем, в частности, хранится переписка МИД и гестапо, результатом которой стало принятие решения о принудительном закрытии Союза русских евреев в Германии.

В Еврейском архиве при Новой синагоге Берлина (Centrum Judaicum Archiv) находятся несколько документов Союза русских евреев в Германии, в том числе отчет о деятельности Союза за 1920 – 1928 годы. Здесь же нами обнаружено воззвание к еврейским общинам Германии, подписанное Я.Л. Тейтелем, С.М. Дубновым и членами раввинской комиссии (фонд 1, 75 A Stu 1, Nr. 9, Ident. – Nr. 8513).

Ценными документами располагает архив Еврейского музея Берлина: в нем находится архивная коллекция ОРТ, один номер берлинского сионистского еженедельника «Рассвет», выходившего под редакцией В.Е. Жаботинского, на немецком языке. Журнал выходил в Берлине в 1922 – 1924 годах на русском языке, в немецком варианте вышел всего один выпуск. Здесь же хранится важный источник по проблеме восприятия восточноевропейских евреев частью их немецких соплеменников – микрофильм подшивки газеты «Der nationaldeutsche Jude», печатного органа Союза евреев – немецких националистов (шифр – XI Natio 104; B 307).

Мы пользовались также материалами Центрального архива еврейской истории в Иерусалиме (Ha-arkhiyon ha-merkazi le-toldot ha-'am ha-yehudi, Yeruṣalayim). Это фонд Благотворительного союза немецких евреев (M2/1/f), переписка А. Эйнштейна и Ю.Д. Бруцкуса (Inv. 1204). Интерес представляют также материалы Общества по развитию литературы на идише и иврите среди русских военнопленных под протекторатом Испании (Inv. 149): Общество переписывалось с военнопленными в немецких лагерях и высылало требуемые книги и газеты: священные тексты, художественную литературу, учебники иврита, литературу о сионизме и по естественным наукам.

Некоторые материалы, относящиеся к теме нашего исследования, находятся в британских архивах. В рукописном отделе Бодлеанской библиотеки Оксфордского университета хранятся бумаги адвоката Б.И. Элькина, жившего в Берлине в 1919 – 1933 годах. Особый интерес представляет его переписка с А.А. Гольденвейзером и М.А. Алдановым. Некоторые материалы, относящиеся к политической деятельности Элькина в период Гражданской войны, находятся в Русском архиве в Лидсе.

Особое значение для изучения истории русских евреев в нацистской Германии, так же как реэмиграции и последующих скитаний по миру многих из них, имеет колоссальное собрание А.А. Гольденвейзера, находящееся в Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры при Колумбийском университете (Нью-Йорк, США). Бумаги Гольденвейзера хранятся в 114 коробках. Среди материалов, отложившихся в его фонде, – исследования по истории и юридическому положению эмигрантов, черновики статей, материалы, относящиеся к деятельности различных эмигрантских организаций как в Европе, так и в США. Важнейшее значение для нашего проекта имеет обширная переписка Гольденвейзера, содержащая уникальные сведения о жизни российских эмигрантов в 1930-е и начале 1940-х годов. Среди его корреспондентов – видные общественные деятели русско-еврейского Берлина, юристы, литераторы, редакторы различных эмигрантских изданий, ученые, «простые» эмигранты, стремящиеся выбраться из нацистской Германии, и другие. В числе корреспондентов Гольденвейзера – писатель М.А. Алданов, редактор «Руля» И.В. Гессен, «звезда» русской адвокатуры О.О. Грузенберг, адвокат Б.Л. Гершун, социолог Г.Д. Гурвич, адвокат Л.М. Зайцев, адвокат и литературный критик М.Л. Кантор, публицист и философ Г.А. Ландау, В.В. и В.Е. Набоковы, Я.Л. Тейтель, видный деятель различных еврейских организаций Я.Г. Фрумкин, адвокат и публицист Б.И. Элькин и многие, многие другие.

Незаменимым источником по истории русско-еврейского Берлина являются материалы периодической печати. Мы использовали еврейские газеты на немецком языке, где некоторое внимание уделяется и проблемам иммигрантов-единоверцев из Восточной Европы: «Jüdische Rundschau», «Israelitisches Familienblatt», «Jüdisch-liberale Zeitung». Сродни немецко-еврей-

ским газетам, содержащим сведения как о восточноевропейских мигрантах, так и об отношении к ним немецких евреев, публицистические произведения немецко-еврейских авторов, посвященные исследуемой проблеме: к примеру, статья Лео Винца «Восточноевропейский вопрос» («Die Ostjudenfrage»), опубликованная в журнале «Ost und West» (№ 16 за 1916 год), или статья П. Натана «Восточноевропейские евреи и антисемитская реакция», опубликованная в альманахе «Zeit- und Streitfragen». О том, какое значение придавали последней публикации в Союзе русских евреев в Германии, свидетельствует тот факт, что она была переведена на русский язык как бы для «служебного пользования». Анонимный перевод статьи без указания авторства и названия обнаружен нами в фонде Союза русских евреев в ГАРФ<sup>74</sup>.

На страницах русских берлинских газет часто освещались события еврейской жизни, тем паче что среди авторов и редакторов большинства из них было немало этнических евреев. Это прежде всего «Руль» (1920 – 1931), крупнейшая газета русской эмиграции в Берлине и последняя русскоязычная газета, выходившая в Берлине до прихода к власти нацистов «Наш век» (1931 – 1933). В Берлине в 1922 – 1924 годах, до переезда в Париж, выходила сионистская газета «Рассвет» под редакцией Ш. Гепштейна, а затем де-факто – лидера сионистов-ревизионистов, писателя, переводчика и публициста В.Е. Жаботинского.

События русско-еврейской жизни в Берлине находили отражение на страницах русскоязычных изданий, выходивших в других странах, как на страницах еврейских изданий на русском языке – парижской «Еврейской трибуны» или рижской «Народной мысли», так и в общей периодике – парижских «Последних новостях», рижской «Сегодня», нью-йоркском «Новом русском слове» и других.

Среди использованных нами источников – литературные, публицистические и научные сочинения представителей русско-еврейской эмиграции. В Берлине вышел литературный альманах «Сафрут»<sup>75</sup>, который в буквальном смысле слова был русско-еврейским, включая тексты не только Х.Н. Бялика, С. Черниховского и С.М. Дубнова, но и В.Я. Брюсова и И.А. Бунина. Любопытно, что среди авторов сборника был будущий любимый поэт советских детей С.Я. Маршак. Сборник в какой-то степени отражал ситуацию неопределенности начала 1920-х годов: среди авторов эмигранты и писатели, живущие в Советской России, непроходимая стена еще не возведена, еще как будто есть шанс на возвращение/примирение – как и на отъезд.

«Между двумя мирами» существовали И.Г. Эренбург и Эль Лисицкий, обладатели советских паспортов, издававшие в Берлине конструктивистский журнал «Вещь» (1922 – 1923). Еврейская тема становится весьма заметной в книгах Эренбурга 1920-х годов – вышедшем в Берлине романе «Хулио Хуренито» (1922), в книге «Шесть повестей о легких концах» (1922), в более позднем романе «Бурная жизнь Лазики Ройтшванца» (1928) и некоторых других. Выразительный образ Берлина 1920-х годов создан в публицистической книге Эренбурга «Виза времени» (1929). Русско-еврейская проблематика затрагивается в знаменитом берлинском эпистолярном романе В.Б. Шкловского «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза» (1923). Эти и другие художественные или полухудожественные, полупублицистические тексты являются не только источниками по истории культуры русского Берлина. Они замечательно воссоздают атмосферу, стиль эпохи, которые не всегда можно уловить в документах.

Важный архивный материал по истории литературы российской диаспоры в Берлине введен в научный оборот благодаря книге Л. Флейшмана, Р. Хьюза и О. Раевской-Хьюз «Русский

<sup>74</sup> Этот текст опубликован нами. См.: Натан П. Восточные евреи в Германии и антисемитская реакция / Вступит. ст. О.В. Будницкого и А.Л. Полян; подготовка текста и комментарии А.Л. Полян // Архив еврейской истории. М.: РОССПЭН, 2008. Т. 5. С. 247 – 263.

<sup>75</sup> Сафрут: Литературно-художественный сборник / Ред. Л.Б. Яффе. Берлин: Издательство С.Д. Зальцман [1922]. Востребованность еврейской литературы на русском языке в эмигрантской среде в определенной степени доказывает еще одно берлинское издание начала 1920-х годов: Еврейский сборник. Берлин: Русское Универсальное издательство, 1921 (Всемирный пантеон № 24 – 25).

Берлин, 1921 – 1923» (Париж, 1983). В книге опубликована, с образцовыми комментариями, переписка редакции берлинского журнала «Русская книга» (затем – «Новая русская книга»), сохранившаяся в огромном собрании Б.И. Николаевского, находящемся ныне в архиве Гувейровского института (Стэнфордский университет, Калифорния).

Число публицистических, исторических, философских, юридических, педагогических работ, вышедших в Берлине в изучаемый период, столь велико, что одно их перечисление заняло бы не один десяток страниц. Не говоря уже о работах, вышедших в других городах и странах, ставших предметами дискуссий в русско-еврейском Берлине. Так, много шума наделал сборник, составленный из докладов, прочитанных в Берлине членами Отечественного объединения русских евреев – И.М. Бикерманом, Г.А. Ландау, Д.С. Пасмаником и др., – «Россия и евреи» (Берлин, 1924). Полемика вокруг этого сборника будет уделена немало места в нашей книге. Сборнику в некотором смысле предшествовала книга одного из активных участников полемики Д.С. Пасманика «Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм)», вышедшая в Париже в 1923 году.

Для понимания историсофских взглядов одного из видных деятелей русско-еврейского Берлина А.А. Гольденвейзера важна выпущенная им небольшая книжка «Большевики и якобинцы (психологические параллели)» (Берлин, 1922)<sup>76</sup>. Деятельность тейтелевской организации «Дети-друзья» затрагивается в одноименной брошюре Фишла Шнеерсона<sup>77</sup>. В Берлине работали и публиковали свои работы на русском, немецком, идише экономисты Я.Д. Лещинский и Б.Д. Бруцкус, историки С.М. Дубнов, Н. Гергель, И.Б. Шехтман, И.М. Чериковер, юристы Б.Л. Гершун и И.М. Рабинович<sup>78</sup> и многие другие. Ссылки на соответствующие работы будут даны в тексте монографии.

Разумеется, мы использовали мемуары обитателей русского Берлина. Иногда они достаточно обширны, иногда фрагментарны. Пожалуй, на первое место в списке воспоминаний о русском Берлине, включая ее еврейскую составляющую, следует поставить мемуары И.В. Гессена «Годы изгнания. Жизненный отчет», вышедшие посмертно в Париже в 1979 году, «Книгу жизни» С.М. Дубнова<sup>79</sup> (лучшим изданием, бесспорно, является третье, подготовленное и прокомментированное В.Е. Кельнером: М.; Иерусалим, 2004) и «Я унес Россию. Апология эмиграции» писателя, редактора одного из отделов журнала «Новая русская книга» Р.Б. Гуля. Первый том книги Гуля озаглавлен «Россия в Германии». Несмотря на то что его текст написан относительно поздно (в конце 1970-х годов; первый том вышел в Нью-Йорке в 1981 году) и не свободен от ошибок, он дает широкую и в целом достоверную (при всех поправках на субъективизм мемуариста) панораму жизни русского Берлина<sup>80</sup>.

О русском Берлине писал в своих неоднократно переиздававшихся мемуарах «Люди. Годы. Жизнь» И.Г. Эренбург. Картина русско-еврейского Берлина и живописные портреты его обитателей воссозданы в воспоминаниях А.В. Бахраха (журналиста, секретаря берлинского Клуба писателей в 1922 – 1923 годах, в конце жизни – редактора русского отдела радио «Свобода») «По памяти, по записям» (Париж, 1980); интерес представляют берлинские зарисовки Н. Набокова (племянника В.Д. Набокова) «БАГАЖ: Воспоминания русского космопо-

<sup>76</sup> Наиболее полный сборник работ А.А. Гольденвейзера «В защиту права. Статьи и речи» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952) вышел уже в другую эпоху и в другой стране. Однако же он включает статьи и доклады, некогда написанные и прочитанные в Берлине.

<sup>77</sup> Дети-друзья (новые пути социального воспитания). Доклад, прочитанный на открытом собрании общества «Дети-друзья». Берлин: Изд-во общества «Дети-друзья», 1924.

<sup>78</sup> И.М. Рабинович составил ценный юридический справочник «Русские в Германии» (Берлин: Слово, 1921).

<sup>79</sup> В отличие от других воспоминаний, текст Дубнова основан на дневниковых записях, что делает его наиболее точным. Не говоря уже о его релевантности теме нашего исследования.

<sup>80</sup> Мы пользовались лучшим, на наш взгляд, изданием воспоминаний Гуля: Гуль Р. Я унес Россию. Т. 1. Россия в Германии. М.: Б.С.Г. – пресс, 2001. Это издание сопровождается весьма полезной аналитической статьей О. Коростелева и им же составленным указателем имен.

лита» (Нью-Йорк, 1975)<sup>81</sup>. Конечно, мы не могли не обратиться к воспоминаниям Я.Л. Тейтеля, посвященным российскому периоду его жизни<sup>82</sup>. Эти воспоминания позволяют понять личность председателя Союза русских евреев в Германии, наложившую отпечаток на деятельность Союза и заметно влиявшую на атмосферу русско-еврейского Берлина. По существу мемуарный характер носят некоторые тексты, включенные в сборник к 80-летию юбилею Тейтеля, праздновавшемуся и в русском Берлине, и в русском Париже<sup>83</sup>. Это же можно отнести к биографическому очерку А.А. Гольденвейзера о Тейтеле, опубликованному в сборнике «Еврейский мир» в 1944 году и включающему личные воспоминания<sup>84</sup>.

Перечень мемуарных текстов, посвященных русскому Берлину, можно легко продолжить.

Авторы настоящей книги надеются, что благодаря использованию разнообразных источников, как опубликованных, так и преимущественно находящихся в различных архивах и впервые вводимых в научный оборот, им удалось воссоздать картину жизни русско-еврейского Берлина. Если не исчерпывающую, то отражающую ее основные черты. Конечно, это было бы невозможно без исследований предшественников (краткий обзор которых дан выше), на которые мы опирались в своей работе. Насколько нам удалось достичь поставленных целей – судить читателям.

Некоторые фрагменты исследования публиковались на страницах научной периодики<sup>85</sup>. В настоящее издание они включены в существенно дополненном и переработанном виде.

В заключение считаем приятной обязанностью выразить признательность тем людям и организациям, без поддержки которых этот проект не мог бы быть завершен.

Подготовка настоящей работы стала возможной благодаря щедрой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Немецкого национального фонда научных исследований. Это дало возможность провести исследования в архивах и библиотеках зарубежных стран, прежде всего Германии, США и Израиля, где, как и положено в случае с эмигрантами, отложилась значительная часть их бумаг. Обнаруженные материалы позволили во многом по-новому взглянуть на историю русско-еврейской эмиграции в Берлине. Пользуясь случаем, выражаем искреннюю благодарность нашим германским коллегам: профессору Гертруд Пикхан, доктору Верене Дорн и Анне-Кристин Засс, которые оказали авторам всемерную поддержку во время исследовательской работы в берлинских архивах и библиотеках. Неизменная признательность – куратору Бахметевского архива Татьяне Чеботаревой, как всегда проявившей доброжелательность и всячески содействовавшей реализации проекта. Мы благодарны также д.и.н. В.Е. Кельнеру и к.и.н. М.Д. Долбилову, взявших на себя труд прочесть рукопись и высказавших полезные замечания.

<sup>81</sup> Nabokov N. BAGAZH: Memoirs of a Russian Cosmopolitan. New York, 1975.

<sup>82</sup> Тейтель Я.Л. Из моей жизни. За сорок лет. Париж: Изд. Я.Е. Поволоцкого, 1925.

<sup>83</sup> Я.Л. Тейтель. Юбилейный сборник. 1851 – 1931. Париж; Берлин: Изд. Я.Е. Поволоцкого, 1931.

<sup>84</sup> Гольденвейзер А. Я.Л. Тейтель (1859 – 1939) // Еврейский мир. Сборник 1944 года. Иерусалим; М.: Мосты культуры; Гешарим; Минск: МЕТ, 2001. С. 305 – 327.

<sup>85</sup> Будницкий О.В. Из истории «русско-еврейского Берлина»: А.А. Гольденвейзер // Архив еврейской истории. Т. 2. М., 2005. С. 213 – 242; Он же. Русские евреи в нацистской Германии (1933 – 1941) // Ab Imperio. 2010. № 4. С. 283 – 316.

## Глава 1

# РУССКО-ЕВРЕЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ГЕРМАНИИ: ЧИСЛЕННОСТЬ, СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ, ЮРИДИЧЕСКИЙ СТАТУС

Первая мировая война и послевоенные события в Восточной Европе обернулись для евреев беспрецедентными потрясениями. Сотни тысяч евреев были депортированы российскими военными властями из прифронтовой полосы, проходившей по территории Черты оседлости, во внутренние губернии; депортации нередко сопровождались погромами<sup>86</sup>. Чередой погромов обернулась для евреев и Гражданская война<sup>87</sup>. Военные и революционные события, а также политика «военного коммунизма» вызвали разрушение экономической жизни еврейских общин. Все это привело к массовым миграциям евреев – как на восток, так и на запад. Эти миграции сопровождались демографическими, социальными и экономическими трансформациями, которые коренным образом изменили облик еврейской общины. Одним из результатов стало то, что сотни тысяч восточноевропейских евреев оказались в странах Западной Европы и Америки<sup>88</sup>.

В 1920-е годы Германия стала одним из крупнейших центров русской эмиграции: в стране насчитывалось до 600 тысяч человек, приехавших из России. Эмигранты ехали в основном не «куда», а «откуда», т.е. причины, побудившие их уехать, заключались не в привлекательности страны назначения, а в невозможности оставаться на родине: бежали от Гражданской войны, от власти большевиков, от погромов. Однако относительная популярность

<sup>86</sup> По подсчетам М. Альтшулера, за время войны было депортировано и выслено 500 – 600 тысяч евреев (*Altshuler M. Russia and her Jews. The Impact of the 1914 War // The Wiener Library Bulletin. 1973. Vol. 27. No. 30/31. P. 14*), Дж. Френкель считает, что это число достигло 1 миллиона уже к концу 1915 года (*Studies in Contemporary Jewry: An Annual 4: The Jews and the European Crisis, 1914 – 1921 / J. Frankel, ed. Bloomington, 1988. P. 6*). См. также подготовленную М.М. Винавером, Д.О. Заславским и Г.М. Эрлихом публикацию: «Из “черной книги” российского еврейства. Материалы для истории войны 1914 – 1915 гг.» (Еврейская старина. 1918. Т. 10. С. 195 – 296). Новейшие работы на эту тему: *Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001 (July). Vol. 60. P. 404 – 419; Idem. Nationalizing the Russian Empire. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. P. 137 – 145* [рус. пер.: Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012]; Лор Э. Новые документы о российской армии и евреях во времена Первой мировой войны // Вестник Еврейского университета. 2003. № 8 (26). С. 245 – 268; Иоффе Г.З. Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 85 – 96; Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М., 2005. С. 286 – 304.

<sup>87</sup> Историки расходятся во мнениях относительно числа жертв погромов, наиболее кровавые из которых произошли на Украине в 1919 – начале 1920 года. Приводимые в литературе данные варьируются от 50 – 60 до 200 тысяч убитых и умерших от ран. С. Бэрон считал, что число жертв «легко» превысит 50 тысяч: *Baron S. The Russian Jew Under Tsars and Soviets. 2nd ed. New York, 1976. P. 184*; Нора Левин называет цифру 50 – 60 тысяч жертв: *Levin N. The Jews in the Soviet Union since 1917. New York; L., 1988. Vol. 1. P. 49*; Ш. Эттингер – 75 тысяч: *A History of the Jewish People / Н.Н. Ben-Sasson, ed. Cambridge, Mass., 1976. P. 954*; Н. Гергель (*Gergel N. The pogroms in the Ukraine in 1918 – 1921 // YIVO Annual of Jewish Social Science. 1951. Vol. 6. P. 251*) и С. Гусев-Оренбургский в «Книге о еврейских погромах на Украине в 1919 г.» (Пг., б.г. С. 14) говорят о 100 тысячах жертв. Цифру в 200 тысяч приводит Ю. Ларин в книге «Евреи и антисемитизм в СССР» (М.; Л., 1929. С. 55). По мнению Ц. Гительмана, были убиты около 30 тысяч евреев, общее же число жертв, включая умерших от ран и болезней, связанных с погромами, достигает 150 тысяч человек (см.: *Gitelman Z. A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the Present. 2nd ed. Bloomington, 2001. P. 70*). О. Файджес считает наиболее достоверными данные, приведенные в отчетах еврейских организаций в Советской России, расследовавших последствия погромов, – более чем 150 тысяч погибших: *Figes O. A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891 – 1924. New York, 1998. P. 855* (см.: ГАРФ. Ф. 6764. Оп. 1. Д. 775. Л. 3 – 4). Подробнее о погромах эпохи Гражданской войны см.: Будницкий О.В. Российские евреи. С. 275 – 343.

<sup>88</sup> Точная численность евреев, эмигрировавших в 1918 – 1922 годах из советских республик, неизвестна. По принятым в научной литературе оценкам, она составила «более двухсот тысяч» человек (Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1996. Т. 8. Стлб. 294). Исходя из этих расчетов, евреи составляли вторую по численности этноконфессиональную группу в составе первой волны эмиграции после русских (точнее, православных). Численность первой волны русской эмиграции оценивается в литературе, как правило, в 1,5 – 2 миллиона человек.

Германии среди других направлений эмиграции тоже заслуживает своего объяснения. Основных причин такой популярности три: географическая близость к России, сравнительно мягкий визовый режим и дешевизна жизни.

Благодаря этим трем обстоятельствам в Германию, несмотря на политическую нестабильность, в начале 1920-х годов происходил приток русских эмигрантов как с востока, так и с запада – из других западноевропейских стран. Самое большое число русских отмечалось в 1922 – 1923 годах. Однако по порядку.

Русская «колония» сформировалась в Берлине еще в начале XX века. По утверждению одной из российских газет, летом, в разгар сезона, «десятки тысяч» русских туристов «наполняли» улицы Берлина<sup>89</sup>.

В 1913 году немецкая газета «Москауер дойче цайтунг», выходившая в Москве, сообщала о «русских в Берлине». По данным газеты, в Берлине существовал кружок при посольской церкви во главе с протоиереем А. Мальцевым; кроме того, упоминалась «небольшая студенческая корпорация русских студентов ультра-консервативного направления». Наибольшую по численности группу, однако, по оценкам газеты, составляли эмигранты, приехавшие в Германию в 1905 – 1908 годах. Это «студенты, учащиеся музыкальных училищ, корреспонденты различных газет», объединившиеся в «Русский литературно-художественный кружок» – «единственный союз русских Берлина».

По подсчетам «Москауер дойче цайтунг», «три четверти живущих в Берлине русских – евреи». В Берлине, по утверждению корреспондента газеты, преобладает мнение, что «тот, кто говорит и думает по-русски, – русский». Берлинцы считали русскими и немцев, приехавших из России<sup>90</sup>. И, кстати, не без оснований: согласно всероссийской переписи 1897 года, немцы занимали первое место в стране по знанию русской грамоты. Вслед за ними шли евреи.

Миграции восточноевропейских (и в том числе российских) евреев в Германию происходили в несколько этапов. Накануне Первой мировой войны в Германии проживало около 48 тысяч восточноевропейских евреев<sup>91</sup>. Эта группа не была однородной: она включала как рабочих – жителей местечек, бежавших от нищеты и погромов начала XX столетия (пик еврейских погромов пришелся на революционные 1905 – 1906 годы), так и существенно более состоятельных людей. Среди них были студенты, приехавшие учиться в немецкие университеты, где, в отличие от российских университетов, прием евреев не был ограничен процентной нормой; предприниматели, осуществлявшие торговые связи между Германией и Восточной Европой, а также люди, приезжавшие в Германию для лечения или отдыха.

Назвать российских евреев, обосновавшихся или проводивших длительное время в Германии, общиной в начале XX века было вряд ли возможно: у «верхов» и «низов» не было общих интересов, да и вообще точек соприкосновения.

Немцы впервые заговорили о чрезмерном наплыве восточноевропейских евреев еще в конце XIX века. Первое диссертационное исследование, посвященное статистике иммиграции евреев из Восточной Европы, – работа Клары Эшельбахер, защищенная в Берлине в 1920 году, – отражает именно такой взгляд. По мнению автора, еврейское население Пруссии сильно увеличилось за счет мигрантов<sup>92</sup>. Однако до войны местное еврейское население заметно превосходило мигрантов по численности: восточноевропейские евреи составляли 19,1 % всего

<sup>89</sup> Раннее утро. М., 1910. 17 авг.

<sup>90</sup> Москауер дойче цайтунг. 1913. № 36. 13/26 февр. Цит. по: Кратц Г. Битов, Бунин и Берлин // Русский Берлин/Russische das Berlin 1918 – 1941: Издание к выставке «Русский Берлин, 1918 – 1941» в Государственном историческом музее 13 – 27 мая 2002 года. Б.м., б.г. С. 22 – 23.

<sup>91</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. Tübingen, 1959. S. 21.

<sup>92</sup> Eschelbacher K. Die ostjüdische Einwanderungbevölkerung der Stadt Berlin. Ph. Diss. Berlin, 1920. S. 3 – 6.

еврейства Германии<sup>93</sup>. Из них русские евреи составляли порядка одной трети (остальные имели австро-венгерское или иное подданство).

Чужаками мигранты казались и местным, немецким евреям. С.М. Дубнов указывал на символизм «новой исторической встречи восточных и западных ашкеназов»: «...из Германии бежали в XIV в. в Польшу от черной смерти, теперь из России бегут в Германию от красной смерти, а в самой Германии катится черно-красная волна нацистов и коммунистов...»<sup>94</sup>

Впечатление об иммиграции как о невероятно сильном наплыве чужаков объясняется, кроме тенденции преувеличить их число, – черты, свойственной народному сознанию, – следующими обстоятельствами. Во-первых, восточноевропейские евреи концентрировались в крупных городах, и там их присутствие было весьма заметно<sup>95</sup>. Во-вторых, одновременно с иммиграцией восточноевропейских евреев происходил сопоставимый по интенсивности процесс эмиграции немецких евреев в Америку. Таким образом, увеличение общего числа евреев Германии практически не выходило за рамки естественного прироста населения, но при этом состав еврейской общины страны менялся, и приток восточноевропейских иммигрантов на фоне оттока немецких евреев казался более интенсивным и менее желательным<sup>96</sup>.

В ходе Первой мировой войны изменился и характер русско-еврейской иммигрантской общины. С началом войны многие граждане России, в том числе русские евреи, были интернированы. Место интернированных заняли другие группы русско-еврейских мигрантов, которые были также переселены насильно (но не на восток, а на запад): военнопленные и рабочие, депортированные в Германию из оккупированных районов. Число таких евреев-рабочих оценивается в 30 тысяч<sup>97</sup>. Русских военнопленных было примерно 1 200 000 человек, сколько из них евреев, не установлено, но евреи считаются одной из заметных этнических групп в их составе<sup>98</sup>.

После войны произошла еще одна ротация состава русско-еврейской эмиграции в Германии. В первые послевоенные годы отмечается приток рабочих, оцениваемый в 70 – 75 тысяч человек: восточноевропейские евреи, спасаясь от погромов и голода, бежали на запад. Там они обеспечивали себя преимущественно неквалифицированным физическим трудом. Из 100 тысяч рабочих (еще 30 тысяч, как отмечено выше, иммигрировали в Германию во время войны) порядка 47 тысяч покинули страну в первые послевоенные годы<sup>99</sup>. Таким образом, в 1920 году в Германии оставалось около 55 тысяч рабочих – восточноевропейских евреев, большинство из которых, видимо, приехали уже после войны<sup>100</sup>.

Кроме миграций рабочих происходила постоянная репатриация военнопленных. Транспортировка бывших русских военнопленных была существенно затруднена отказом Советской России принимать их и в ряде случаев отказом самих военнопленных покидать Германию. Однако немецкое командование все равно высылало их, поскольку содержание военнопленных

<sup>93</sup> *Aschheim S.E. Brothers and Strangers. The East European Jew in German and German Jewish Consciousness, 1800 – 1923.* Madison, Wisconsin, 1982. P. 300, n. 63.

<sup>94</sup> *Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени.* М.; Иерусалим, 2004. С. 583.

<sup>95</sup> Там же. Однако масштабы этой концентрации не следует преувеличивать: согласно статистическому справочнику Х. Зильберглайта, в 1925 году в Берлине евреи-иностранцы составляли лишь 1,09 % всего населения города: *Silbergleit H. Die Bevölkerungs- und Berufsverhältnisse der Juden im Deutschen Reich.* Berlin, 1930. S. 25.

<sup>96</sup> *Aschheim S.E. Brothers and Strangers.* P. 23.

<sup>97</sup> *Ibid.* P. 121; PAAA. R 78705. Denkschrift über die Ein- und Auswanderung nach bzw. aus Deutschland in den Jahren 1910 bis 1920. Der Reichsminister des Innern. V 1641 B. S. 19.

<sup>98</sup> См. подробнее: *Baur J. Zwischen «Roten» und «Weißen» – Russische Kriegsgefangene in Deutschland nach 1918 // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel.* Berlin, 1994.

<sup>99</sup> *Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940.* S. 120; *Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany.* 1881 – 1941. Ithaca; London, 1972. P. 154; PAAA. R 78705. Denkschrift über die Ein- und Auswanderung nach bzw. aus Deutschland in den Jahren 1910 bis 1920. Der Reichsminister des Innern. V 1641 B. S. 8 – 9; ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 114. Л. 8 – 9.

<sup>100</sup> *Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940; Aschheim S.E. Brothers and Strangers.* P. 231.

обходилось стране слишком дорого<sup>101</sup>. К 1920 году еврейских военнопленных осталось 60 – 70 тысяч<sup>102</sup>, в 1921 – 1922 годах репатриация еще продолжалась<sup>103</sup>.

Данные по статистике вновь прибывших часто противоречивы. Государственной статистике в этом отношении доверять не следует: она составлялась по данным Центрального управления полиции (*Polizeipräsidium*) и потому учитывает только тех беженцев, которые зарегистрировались в полицейских участках.

Тысячи беженцев, жилищная ситуация и состояние документов которых не удовлетворяли правилам проживания иностранцев в Германии, не проходили регистрацию, боясь высылки или какого-либо иного наказания, и потому оставались за рамками официальных данных. Так, в январе 1923 года при обсуждении в Министерстве иностранных дел меморандума об иммигрантах из стран Восточной Европы были приведены две версии: версия Центрального управления полиции, согласно которой по состоянию на 3 июня 1922 года в Берлине находилось 56 тысяч мигрантов из восточноевропейских стран; согласно другой версии – 200 тысяч. Источник второй версии не указан, однако именно она принимается участниками обсуждения с большим доверием<sup>104</sup>.

С другой стороны, статистика, которую составляли сами русские эмигранты, тоже оказывается недостоверной. По словам историка русской эмиграции Х. – Э. Фолькмана, русские беженцы старались завysить свою численность, «чтобы в глазах мирового сообщества выглядеть полноправным представителем угнетенного русского народа. Так, согласно эмигрантской статистике, в Германии в 1925 году находились 500 000 беженцев из России»<sup>105</sup>.

Данные о численности евреев среди эмигрантов из России тоже могут быть недостоверными. Современники-немцы представляли себе переселение в Германию восточноевропейских евреев (казавшихся чужаками, нахлебниками и конкурентами в борьбе за рабочие места и жилье) как гораздо более массовую миграцию, чем это было на самом деле<sup>106</sup>. Это же представление тяготело и над рядом публицистов и политических деятелей, которые доказывали, что восточноевропейские евреи наводнили Германию. Цифры, которые приводят еврейские авторы-современники – защитники восточноевропейских евреев, – оказываются, напротив, заниженными: эти авторы пытаются представить мигрантов незначительной по численности группой, которая не может причинить вред немецкому обществу и экономике Германии<sup>107</sup>.

<sup>101</sup> Baur J. Zwischen «Roten» und «Weißen». S. 98.

<sup>102</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. S. 89.

<sup>103</sup> Volkman H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. 1919 – 1929. Würzburg, 1966. S. 30; PAAA. R 83813, R 83814, R 83815, R 83816, R 83817, R 83818, R 83819, R 83820. См. также: Шлэгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 217 – 218.

<sup>104</sup> PAAA. R 78705. L 348515. Аналогичный пример сопоставления оценок МВД и эмигрантских организаций см. у Фолькмана (Volkman H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. S. 5): по данным МВД, в Германии в 1921 году находилось от 50 000 до 80 000 беженцев, по данным эмигрантских организаций – 230 000 – 250 000.

<sup>105</sup> Volkman H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. S. 6.

<sup>106</sup> Aschheim S.E. Brothers and Strangers. P. 231.

<sup>107</sup> См., например: PAAA. R 84333. L 364547-50. Показательна в этом отношении статья «Восточноевропейские евреи и антисемитская реакция», написанная Паулем Натаном, известным общественным деятелем, филантропом и публицистом, содиректором Благотворительного союза немецких евреев и покровителем восточноевропейских евреев. Статья написана в 1922 году в качестве ответа на запрос одного из лидеров DNVP (*Deutschnationale Volkspartei*, Немецкая национальная народная партия), одной из ультраправых партий, требовавшей запретить въезд восточноевропейских евреев в страну и выслать как можно большую их часть. В запросе данные по еврейской иммиграции завышены, «чтоб таким образом создать, хотя бы видимость основания для реакционного антисемитского утверждения, что современная Германия “наводнена восточными евреями”» (ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 114. Л. 7). Данные, которые приводит сам Натан (в Германии в 1921 – 1922 годах насчитывалось не более 55 000 евреев), соответствуют статистике Бюро попечительства о рабочих (*Arbeiterfürsorgeamt*), однако являются заниженными, поскольку учитывают лишь евреев-рабочих, обращавшихся в *Arbeiterfürsorgeamt* (PAAA. R 78705. Denkschrift über die Ein- und Auswanderung nach bzw. aus Deutschland in den Jahren 1910 bis 1920. Der Reichsminister des Innern. V 1641 B. S. 8 – 9).

Источники достоверных данных таковы: статистика благотворительных организаций и – в отношении евреев – статистические службы Еврейского исследовательского института (YIVO) и американского Национального бюро экономических исследований (NBER). В Германии достоверной (хотя и неполной) считалась статистика Бюро попечительства о рабочих (Arbeiterfürsorgeamt) – благотворительной организации, созданной как организация помощи депортированным в годы войны рабочим-евреям. Именно на эту статистику опирается МВД Германии<sup>108</sup>. Большинство исследователей принимает статистические данные о численности русских в Германии, приведенные в работе Х. – Э. Фолькмана «Русская эмиграция в Германии, 1919 – 1929»<sup>109</sup>.

Итак, динамика численности русской эмиграции выглядит следующим образом. В мае 1919 года на территории Германии, по данным Немецко-русского общества содействия двусторонним торговым отношениям, находилось 60 – 80 тысяч русских. К осени того же года их число возросло до 100 тысяч (по данным Русской делегации по делам военнопленных и репатриантов). Численность русской эмигрантской общины достигла апогея в конце 1920 года – 560 тысяч человек (данные американского Красного Креста). В начале 1921 года в связи с оттоком части эмигрантов во Францию и в Америку и возобновлением репатриации военнопленных число русских в Германии снова сокращается и к весне достигает 300 тысяч (из которых 100 тысяч находятся в Берлине), а к началу следующего года – 230 – 250 тысяч. За этим снижением снова следует рост численности русской иммиграции. Пик этого роста приходится на 1923 год – год экономического кризиса в Германии, сопровождавшегося гиперинфляцией.

#### **Страна**

Турция

Балканские страны

Греция

Румыния

Югославия

Болгария

Всего

Польша и страны Балтии

Эстония

Финляндия

Гиперинфляция впервые в XX столетии поразила европейскую страну<sup>110</sup>. За четыре месяца, с июля по ноябрь 1923 года, денежная масса выросла в 132 тысячи раз, уровень цен – в 854 тысячи раз, курс доллара – почти в 400 тысяч раз. Так, цена месячной подписки на «Руль», наиболее популярную русскую газету Берлина, составлявшая в июле 1923 года 100 тысяч марок, в сентябре достигла 30 миллионов, а уже в декабре один номер продавался за 200 миллиардов марок. За три месяца, прошедшие между первым свиданием Веры Слоним с Владимиром Набоковым и их новой встречей, цена трамвайного билета из «русского» предместья Берлина до центра города выросла в 700 раз и исчислялась миллионами марок. Таким образом, обладатели твердой валюты, хотя бы в незначительном количестве, могли существовать в Германии сравнительно неплохо, даже при цене буханки ржаного хлеба в 430 миллиардов марок, а килограмма сливочного масла – в 6 триллионов<sup>111</sup>.

<sup>108</sup> PAAA. R 78705. L 348519-21; Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. S. 121.

<sup>109</sup> На данные, приведенные Фолькманом, опираются Р. Уильямс и К. Шлөгель: Williams R.C. Culture in Exile. P. 111; Schlögel K. Berlin: «Stiefmutter unter der russischen Städten» // Der große Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. München: Beck, 1994.

<sup>110</sup> Гиперинфляцию пережила и Советская Россия, но это был особый случай, в значительной степени следствие коммунистических экспериментов в области товарно-денежных отношений.

<sup>111</sup> <http://www.globfin.ru/articles/crisis/hyperinf.htm> (Гиперинфляция // Портфельный инвестор. 2008. № 11. С. 122 – 128);

Латвия  
Литва  
Гданьск  
Польша  
Всего  
Центральная Европа  
Австрия  
Венгрия  
Чехословакия  
Германия  
Всего  
**1922**  
35 000  
3 000  
35 000  
34 000  
31 000  
138 000  
15 000  
20 000  
16 000  
4 000  
—  
175 000  
230 000  
4 000  
3 000  
5 000  
250 000  
262 000  
**1930**  
1 400  
13 000  
30 000  
22 000  
—  
68 400  
11 000  
10 000  
16 000  
5 000  
—  
85 000  
127 000  
3 000  
5 000  
15 000

90 000  
113 000  
**1937**  
1 200  
2 200  
11 000  
27 500  
15 700  
57 600  
5 300  
8 000  
13 000  
5 000  
—  
80 000  
111 000  
2 500  
4 000  
9 000  
45 000  
60 500  
Франция  
Другие страны Западной Европы  
Бельгия  
Великобритания  
Италия  
Скандинавия  
Швейцария  
Другие  
Всего  
Дальний Восток  
**Всего**

И.В. Гессен однажды погасил 75-миллионный долг за ремонт центрального отопления в квартире пятьюдесятью американскими центами<sup>112</sup>. Необыкновенная дешевизна жизни для иностранцев – обладателей валюты или иных ценностей (драгоценных металлов или камней,

---

<sup>112</sup> Гессен И.В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Paris: YMCA-press, 1979. С. 110 – 111. Приведем полностью красочное описание Гессеном нескольких забавных эпизодов времен гиперинфляции. Гессен устанавливал в доме радиаторное отопление. «Смета была определена в 11 000 000 марок (8 000 000 на покупку труб и печи и 3 000 000 на оплату рабочих), которые я занял у знакомого банкира. Трубы и печь были немедленно куплены, а три миллиона, предназначенные на плату рабочим, выросли в течение месяца в 60 с чем-то миллионов. Когда же, спустя некоторое время банк уведомил, что мой долг составляет 75 миллионов, я погасил его пятьюдесятью американскими центами. Долларовая бумажка, что уж говорить о фунтовой, представлялась несметным богатством, лучше сказать – скатертью-самобранкой. Помню, на одном из общих собраний Союза литераторов я обратился с напоминанием об уплате причитающихся членских взносов. Один из присутствующих сказал: “Прошу принять мой взнос!” и поднял руку, державшую бумажку в десять шиллингов. Надо было видеть, какая сразу воцарилась благоговейная тишина... Да! Такая бумажка подлинно была скатертью-самобранкой: и с малым количеством иностранной валюты можно было, под ее обеспечение, получать в банках миллионы, миллиарды германских марок, которые Рейхсбанк печатал во всех крупных типографиях, выпускал в несметном количестве и которые феерически обесценивались не с каждым днем, а с каждым часом, каждой минутой. Поэтому расплачиваться за миллиарды можно было буквально грошами иностранной валюты... У меня был знакомый, умудрившийся таким образом выстроить и отмеблировать отличную виллу в Груневальде. А сколько домов, целыми кварталами, перешло из рук разоренного инфляцией среднего сословия к иностранцам, в том числе и к русским беженцам...» (Там же). Конечно, забавными такие случаи были для обладателей твердой валюты, что же касается основной массы населения Германии, то это было явно не лучшее время в их жизни.

мехов и т.п.) привела к притоку иммигрантов из стран Восточной Европы и к реэмиграции беженцев из Франции. Разумеется, основная масса эмигрантов не имела бриллиантов или мехов. Однако даже скромные гонорары в несколько долларов за публикации в американских или в рижских газетах позволяли сводить концы с концами. «В конечном счете поток эмигрантов подчинялся простейшим законам: где скорее всего можно было выжить, если не потеряна надежда вернуться на родину, и где подольше можно было продержаться с теми средствами, которые удалось спасти», – резюмирует немецкий исследователь Карл Шлэгель<sup>113</sup>.

70 000  
4 000  
9 000  
9 000  
2 000  
3 000  
1 000  
28 000  
145 000  
**863 000**  
175 000  
7 000  
4 000  
25 000  
15 000  
23 000  
27 000  
20 000  
127 000  
**630 000**  
110 000  
8 000  
(2 000)  
(1 300)  
3 000  
(1 000)  
(1 700)  
17 000  
94 000  
**450 000**

Закончилась гиперинфляция – кончилась и роль Берлина в качестве столицы русской эмиграции. После преодоления в конце 1923 года гиперинфляции численность российских беженцев в столице Веймарской республики начинает стремительно сокращаться.

В середине 1923 года в Германии, по оценке Лиги Наций, находилось 600 тысяч русских, из них более 300 тысяч – в Берлине (Католическая организация *Päpstliches Hilfswerk* зарегистрировала в Берлине 300 тысяч русских, которым требовалась помощь, а по данным *Arbeiterfürsorgeamt*, в 1923 году 360 тысяч русских в Берлине искали приюта). Русское присутствие в столице было весьма и весьма ощутимо. «В 20-х годах Берлин был заполнен русскими, всюду были русские кабаре и дорогие бары для белых эмигрантов, русские рестораны и книж-

<sup>113</sup> Шлэгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 144.

ные магазины. В городе продавались три ежедневные газеты на русском языке. Постоянно чувствовалось русское влияние на немецкое искусство, особенно влиятельными были советский театр и советское кино», – пишет об этом историк Веймарской республики А. де Йонг<sup>114</sup>. Русские были настолько заметны в общественной и повседневной жизни Берлина, что немцы были склонны преувеличивать их численность и влияние на происходящее. Существовал, например, анекдот о немецком патриоте, который застрелился от отчаяния, поскольку нигде в Берлине не смог услышать ни одного немецкого слова: отовсюду доносилась только русская речь.

Начиная с декабря 1923 года экономическая обстановка в Германии постепенно нормализуется. Центральный банк Германии привязывает национальную валюту к продовольственным запасам (вводит так называемую «ржаную марку») и тем самым сокращает инфляцию. В начале 1924 года марка стабилизируется, и стоимость жизни в Германии для иностранцев резко дорожает. Русские эмигранты снова устремляются на запад (прежде всего во Францию, где после войны все еще существовала нехватка трудоспособного мужского населения и рабочая сила была востребована вплоть до 1926 года, когда в стране разразился финансовый кризис), в дальнейшем – в США, а также на восток: в Чехословакию, в балканские страны. Некоторые возвращались в Советскую Россию.

Таким образом, Берлин для сотен тысяч беженцев стал пересадочной станцией. Это точно и образно зафиксировал И.Г. Эренбург в «Визе времени»:

Ведь сколько раз в былые времена, проезжая Берлин, торопились мы скорее перебраться с одного вокзала на другой, подняв воротник пальто, не глядя на прямые, скучные улицы. Берлин тогда казался нам не городом, а узловой станцией. Что же, мы не были столь далеки от правды. Конечно, многое изменилось в Европе. Говорят, что и Берлин сильно изменился. Но сильнее всего изменились мы сами. Если я живу в Берлине, то отнюдь не оттого, что в нем появились мимозы или кианты. Нет, просто я полюбил за годы революции грязные узловые станции с мечущимися беженцами и недействующими расписаниями<sup>115</sup>.

Однако трансмиграция беженцев в США обернулась для Германии новой проблемой: американские власти принудительно высылали беженцев из России (их против воли сажали на пароходы, идущие в Германию, несмотря на отсутствие германской визы). Таким образом, Германия, старавшаяся снизить количество иммигрантов, поощрявшая трансмиграцию и репатриацию, сама оказывалась территорией, на которую депортировали нежелательных приезжих<sup>116</sup>. И в 1925 году численность русских беженцев в Германии снова достигает уровня 1922 года – 250 тысяч человек. В 1926 – 1929 годах она сокращается до 150 тысяч. Наконец, в 1930 году она составляет 100 тысяч человек, и в начале 1930-х годов наблюдается ее дальнейшее снижение<sup>117</sup>.

Представление о численности и миграциях русских беженцев в 1920 – 1930-е годы дает приводимая ниже таблица<sup>118</sup>:

<sup>114</sup> Jonge A., de. The Weimar Chronicle. Prelude to Hitler. New York; London, 1978. P. 127.

<sup>115</sup> Эренбург И.Г. Виза времени // Собр. соч.: В 9 т. М.: Художественная литература, 1966. Т. 7. С. 283.

<sup>116</sup> PAAA, R 78680. L 337034-36.

<sup>117</sup> Volkman H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. S. 5 – 6; Williams R.C. Culture in Exile. P. 111 – 112.

<sup>118</sup> Источник: Hope Simpson J., sir. The Refugee Problem: Report of a Survey. London – New York – Toronto: Oxford University Press, 1939. P. 64.

Страна	1922	1930	1937
Турция	35 000	1 400	1 200
Балканские страны			
Греция	3 000	13 000	2 200
Румыния	35 000	30 000	11 000
Югославия	34 000	22 000	27 500
Болгария	31 000	—	15 700
Всего	138 000	68 400	57 600
Польша и страны Балтии			
Эстония	15 000	11 000	5 300
Финляндия	20 000	10 000	8 000
Латвия	16 000	16 000	13 000
Литва	4 000	5 000	5 000
Гданьск	—	—	—
Польша	175 000	85 000	80 000
Всего	230 000	127 000	111 000
Центральная Европа			
Австрия	4 000	3 000	2 500
Венгрия	3 000	5 000	4 000
Чехословакия	5 000	15 000	9 000
Германия	250 000	90 000	45 000
Всего	262 000	113 000	60 500
Франция	70 000	175 000	110 000
Другие страны Западной Европы			
Бельгия	4 000	7 000	8 000
Великобритания	9 000	4 000	(2 000)
Италия	9 000	25 000	(1 300)
Скандинавия	2 000	15 000	3 000
Швейцария	3 000	23 000	(1 000)
Другие	1000	27 000	(1 700)
Всего	28 000	20 000	17 000
Дальний Восток	145 000	127 000	94 000
<b>Всего</b>	<b>863 000</b>	<b>630 000</b>	<b>450 000</b>

Следует учесть, что приведенные данные могут быть неполны, ибо не все эмигранты были зарегистрированы. В то же время многие, натурализовавшись и формально перестав быть эмигрантами, сохраняли национальную идентичность и считали принятие иностранного гражданства формальным актом. Сокращение численности русских эмигрантов объясняется несколькими факторами: высокой смертностью, натурализацией, неблагоприятной демографической ситуацией – большинство эмигрантов были одинокими мужчинами, что обусловило низкую рождаемость. За 1921 – 1931 годы, после объявления политической амнистии в 1921 году, в Советскую Россию – СССР вернулось свыше 181 тысячи человек (пик пришелся на 1921 год – 121 843 человека), большинство из них, по данным эмигрантской печати, было репрессировано<sup>119</sup>.

Без большого риска ошибиться можно предположить, что среди мигрантов с востока на запад и обратно было немало русских евреев. Точнее, евреев русских и польских. США были традиционной целью еврейской эмиграции из Российской империи в конце XIX – начале XX века, а Германия служила перевалочным пунктом. Теперь ситуация резко осложнилась, и многие были вынуждены возвращаться обратно. Конечно, в данном случае речь идет о бедней-

<sup>119</sup> Будницкий О.В. Эмиграция // Россия. М.: Научное издательство «Большая российская энциклопедия», 2004. С. 408.

ших слоях эмигрантов. Люди состоятельные имели, как правило, возможность обеспечить себе необходимые документы и финансовые гарантии заранее. Но для них в 1920-е годы США не были особенно привлекательны: деловая и интеллектуальная элита русско-еврейской эмиграции предпочитала Европу, более близкую по языку (немецкий и французский были «стандартными» языками, изучавшимися в российских учебных заведениях, в отличие от английского) и культуре.

Карл Шлёгел пишет о восточноевропейских евреях, по-видимому, не без влияния «берлинской» прозы Эренбурга:

И вот они попали в послевоенный Берлин, как эмигранты, беженцы, транзитные пассажиры или с надеждой остаться здесь навсегда. На десятилетие этот город стал остановкой, промежуточной станцией, сборным пунктом для прибывающих с Востока евреев, будь то на пути в морские гавани Бремен и Гамбург, или по дороге в Палестину, или же (добровольно или в результате высылки) на обратном пути в Россию и в Польшу<sup>120</sup>.

Евреи были третьей по численности этнической группой российской эмигрантской общины в Германии, после собственно русских и русских немцев (К. Шлёгел подразделяет немцев, в свою очередь, на немцев, живших в великорусских губерниях, и балтийских). В нашем распоряжении есть точные данные о еврейской составляющей российской иммиграции только на 1925 год (данные на 1925 год приводятся в статистическом справочнике Х. Зильберглайта о евреях Германии, изданном в 1930 году): из приблизительно 250 тысяч эмигрантов из России 63 тысячи составляли евреи<sup>121</sup>.

В первые послевоенные годы иммиграция восточноевропейских евреев была преимущественно рабочей (75,96 % мигрантов – мужчины в возрасте от 15 до 30 лет<sup>122</sup>, большинство занималось неквалифицированным физическим трудом<sup>123</sup>). Однако позже, в 1925 году, примерно четверть еврейских мигрантов – около 17 500 – обеспечивали себя уличной торговлей, около 5500 были мелкими ремесленниками (портными, сапожниками, чистильщиками шляп и т.п.)<sup>124</sup>. В Баварии основную массу работающих мигрантов составляли рабочие на табачных фабриках, скорняки, розничные торговцы, учителя, лавочники, пекари, мясники, плотники, сапожники, музыканты, ювелиры, мелкие промышленники<sup>125</sup>.

Однако экономическое влияние миграций на еврейское население в целом принято связывать с доминированием нового вида занятости евреев – в сфере физического труда. «Миграции восточноевропейских евреев и происходивший с исключительной во всемирной истории скоростью процесс пролетаризации, в кратчайшее время превративший еврейские массы из народа торговцев в народ рабочих-пролетариев, – это неоспоримые факты», – отмечают в 1923 году руководители благотворительной организации Союз восточных евреев<sup>126</sup>. Американская статистика в 1931 году отмечает «вытеснение традиционных видов занятости, таких как розничная торговля и неопределенные занятия люфтвершей<sup>127</sup>, физическим трудом (более тяжелым, но более продуктивным)»<sup>128</sup>.

<sup>120</sup> Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. С. 386 – 387.

<sup>121</sup> Williams R.C. Culture in Exile. P. 113.

<sup>122</sup> Eschelbacher K. Die ostjüdische Einwanderungsbevölkerung der Stadt Berlin. S. 16 – 17.

<sup>123</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. S. 38 – 39.

<sup>124</sup> Silbergleit H. Die Bevölkerungs- und Berufsverhältnisse der Juden im Deutschen Reich. S. 104 – 105.

<sup>125</sup> Gidal T.N. Ha-yehudim be-Germanya mi-tequfat ha-romaim 'ad le-republiqat Waymar. Yerušalayim, 1997. P. 401.

<sup>126</sup> PAAA. R 78713. L 348771-72.

<sup>127</sup> Люфтверш (луфтверч) (יודיש) – буквально: человек воздуха. Имеется в виду человек без определенных занятий, живущий случайными заработками. Фигура, характерная для перенаселенных еврейских местечек черты еврейской оседлости в конце XIX – начале XX в. Выразительные образы люфтвершей созданы Шолом-Алейхемом.

<sup>128</sup> Liebmann H. International Migration of the Jews // International migrations. Vol. II. Interpretations by a group of scholars in

Миграции послужили причиной и более глобальных изменений, происходивших с еврейством, которые современники сравнивали по степени воздействия на еврейский народ с изгнанием из Иудеи после поражения восстания Бар-Кохбы<sup>129</sup>.

Во-первых, переселение из мест традиционного проживания означало отрыв от корней, секуляризацию, отход от традиционного уклада жизни. Основные последствия этого явления были двух типов: социальные (ослабление влияния и власти общины, резкое расширение системы социальных связей для бывших ее членов) и культурные (отход от традиционных ценностей и подверженность влиянию культуры нового окружения). Во-вторых, среда проживания евреев изменилась: в Восточной Европе большинство евреев жили в местечках и мелких городах, в эмиграции же они концентрировались преимущественно в мегаполисах, в основном в столицах<sup>130</sup>.

Заметно изменился социокультурный облик евреев-мигрантов. Слом традиционной общинной структуры означал резкое социальное расслоение и секуляризацию. Стереотип набожного самодостаточного еврея в традиционной одежде, часто идеализируемого и противопоставляемого немецкому еврею, устарел. Пролетариат и интеллектуалы примыкали к политическим движениям, часто радикальным. Ортодоксия уступала секулярным формам еврейской самоидентификации<sup>131</sup>.

В условиях отрыва от традиционной жизни, переезда из замкнутой общины в большой город в среде восточноевропейских евреев появились две новые социальные проблемы: воровство и проституция. Это дополнительно обострило отношения между немецкими евреями и мигрантами<sup>132</sup>. Особенно трудно поддавалась искоренению проблема проституции. Действия Союза еврейских женщин (Jüdischer Frauenbund), который пытался бороться с проституцией, привлекая к ней общественное внимание, не имели эффекта, поскольку еврейские религиозные лидеры предпочитали эту проблему замалчивать<sup>133</sup>.

Восточноевропейские евреи не были желанными гостями в Германии. Для немцев восточноевропейские евреи были «чужаками», они выглядели не так, как европейцы, придерживались иных обычаев, были, казалось, отсталыми, говорили на непонятном языке. Их большая численность, чуждость и неизбежные попытки найти жилье и работу в нищей послевоенной Германии сослужили им дурную службу. Веймарскую Германию захлестнула сильнейшая волна антисемитизма: немцы, потрясенные поражением Германии в войне, часто обвиняли собственных евреев в саботаже, предательстве и шпионаже в пользу противников, скудное и нестабильное послевоенное существование заставляло немцев видеть в еврейских мигрантах нахлебников, конкурентов за квартиры и рабочие места, спекулянтов и попрошайек.

В общественном сознании восточноевропейские евреи представляли жадными, пронырливыми, аморальными; их обвиняли в спекуляции драгоценными металлами и хлебом и т.д. Во время финансового кризиса 1923 года в нескольких городах Германии, а также в Шойненфиртеле, районе компактного проживания еврейских мигрантов в Берлине, происходили погромы, которые удалось остановить только после обращения к министру внутренних дел К. фон Севе-

---

different countries / W.F. Willcox, ed. New York, 1931. P. 520.

<sup>129</sup> Ibid.

<sup>130</sup> Ibid. P. 519.

<sup>131</sup> Barkai A., Mendes-Flohr P. German-Jewish History in Modern Times. Vol. 4. Renewal and Destruction. 1918 – 1945. New York, 1998. P. 62 – 63.

<sup>132</sup> Aschheim S.E. Brothers and Strangers. P. 143; Niewyk D.L. The Jews in Weimar Germany. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980. P. 118. Проблема проституции евреек-иммигранток стала предметом специального обсуждения на Международной еврейской конференции, состоявшейся в 1917 году в Лондоне (PAAA. R 78729).

<sup>133</sup> Niewyk D.L. The Jews in Weimar Germany. О Союзе еврейских женщин см.: Kaplan M.A. Die jüdische Frauenbewegung in Deutschland, Organisation und Ziele des Jüdischen Frauenbundes 1904 – 1938. Hamburg, 1981.

рингу<sup>134</sup>. Самая крупная волна погромов в Шойненфиртеле лишь на несколько дней предшествовала гитлеровскому пивному путчу в Мюнхене<sup>135</sup>.

Пребывание в Германии для мигрантов было неизбежно сопряжено с юридическими трудностями. Если до войны российский гражданин мог беспрепятственно проживать в Германии, то после войны такое право в соответствии с нормами законодательства предоставлялось не каждому. Германия старалась ограничить въезд мигрантов, периодически ужесточала паспортно-визовый режим, устраивала полицейские облавы, высылала нелегальных эмигрантов из страны. В то же время беженцы из России лишились поддержки своего государства (правда, возможной лишь теоретически). В декабре 1921 года ВЦИК Советской России издает указ, согласно которому все бывшие российские граждане, прожившие более пяти лет непрерывно за границей, которые до 1 июня 1922 года не получают в советских представительствах действующие паспорта, лишаются советского гражданства<sup>136</sup>.

Большинство русских беженцев в Германии автоматически получили статус бесподданных, т.е. людей без гражданства, лишенных опеки со стороны какого бы то ни было государства. В Германии бесподданные были беззащитны перед мерами, которые принимались полицией, – арестами, интернированием и т.п. Власть подталкивала их к социальному одиночеству: дети бесподданных, родившиеся в Германии, объявлялись тоже бесподданными; немецкая женщина, вышедшая замуж за бесподданного, теряла гражданство<sup>137</sup>. Фактически эти меры означали, что естественным путем число бесподданных в Германии сократиться не могло, и поэтому власть прибегала к массовым высылкам из страны. В 1921 – 1922 годах на посту министра внутренних дел социал-демократа К. фон Северинга, противника высылки, сменил член Немецкой демократической партии А. Доминикус; демократы были настроены гораздо жестче по отношению к восточноевропейским мигрантам, нежели социал-демократы. Условия для применения этой меры формулировались общо, что оправдывало высылки любого количества беженцев. Согласно распоряжению МВД Германии от 21 октября 1921 года, высылка была возможна, если:

- 1) есть доказательства или подозрения, что беженец способен принести вред стране,
- 2) он является спекулянтом или посетителем игровых заведений,
- 3) он владеет недвижимостью, не получив на это разрешения в муниципалитете или не представив его в течение двух недель,
- 4) он получил работу не в соответствии с действующим законодательством о предоставлении работы иностранцам,
- 5) у него нет приюта и занятия<sup>138</sup>.

На заседаниях в МВД Германии высказывались мнения, что высылки неэффективны и бесполезны для страны<sup>139</sup>, однако они продолжались до конца 1923 года, когда пост министра внутренних дел вновь занял К. фон Северинг<sup>140</sup>.

Одним из факторов, облегчающих властям обоснование высылки, была проблема документов: дореволюционные паспорта были недействительны, действующих советских паспортов (или паспортов какого бы то ни было другого государства) у бесподданных не было. В феврале 1920 года в Шойненфиртеле, еврейском районе Берлина, полиция провела рейд, окон-

<sup>134</sup> Maurer T. Ostjuden in Deutschland: 1918 – 1933. Hamburg, 1986. S. 329 – 332. Об антисемитской пропаганде и ее роли в организации погромов см.: Ibid. S. 339.

<sup>135</sup> Ibid. S. 338.

<sup>136</sup> Volkmann H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. S. 29.

<sup>137</sup> Ibid. S. 31.

<sup>138</sup> PAAA. R 78705. L 348531.

<sup>139</sup> PAAA. R 78713. L 348771-72.

<sup>140</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. S. 119.

чившийся арестом жителей, не имевших документов, – таких жителей на улицах района оказалось немало<sup>141</sup>.

По требованию властей Германии все иностранцы, въезжающие в страну или выезжающие из нее, должны были иметь паспорт и каждый раз при пересечении границы проставлять штампель на визу. В течение 48 часов по приезде следовало зарегистрироваться в полиции, чтобы получить персональное удостоверение личности, дающее разрешение на перемещение в пределах Германии, и вид на жительство. Первоначально срок действия удостоверения личности составлял от 6 недель до 3 месяцев, впоследствии он был увеличен до 6 месяцев. Каждое продление удостоверения личности было сопряжено с проверкой в полиции и чревато высылкой<sup>142</sup>. Документы могли выдавать как центральные инстанции (МВД), так и местные<sup>143</sup>. Кроме того, особые документы для беженцев выдавались в эмигрантских организациях.

В 1922 году комиссар Лиги Наций по делам беженцев Фритьоф Нансен ввел временные проездные документы (так называемые нансеновские паспорта) для эмигрантов, позволявшие им свободно перемещаться по территории стран, принявших условия Женевской конференции. Однако в Германии система нансеновских паспортов не была широко распространена<sup>144</sup>, и беженцы пользовались временными документами, выдаваемыми эмигрантскими организациями.

В.В. Набоков не без доли иронии вспоминал о беженских паспортных проблемах:

Оглядываясь на эти годы вольного зарубежья, я вижу себя и тысячи других русских людей ведущими несколько странную, но не лишенную приятности жизнь в вещественной нищете и духовной неге, среди не играющих ровно никакой роли призрачных иностранцев, в чьих городах нам, изгнанникам, доводилось физически существовать... Наша безнадежная физическая зависимость от того или другого государства становилась особенно очевидной, когда надо было продлевать визу, какую-нибудь шутовскую карт д'идантите, ибо тогда немедленно жадный бюрократический ад норовил засосать просителя, и он изнывал и чах, пока пухли его досье на полках у всяких консулов и полицейских чиновников. Бледно-зеленый несчастный нансенский <так!> паспорт был хуже волчьего билета; переезд из одной страны в другую был сопряжен с фантастическими затруднениями и задержками. Английские, немецкие, французские власти где-то, в мутной глубине своих гланд, хранили интересную идейку, что, как бы дескать плоха ни была исходная страна (в данном случае, советская Россия), всякий беглец из своей страны должен априори считаться презренным и подозрительным, ибо он существует вне какой-либо национальной администрации. Не все русские эмигранты, конечно, кротко соглашались быть изгоями и привидениями<sup>145</sup>.

<sup>141</sup> *Gidal T.N.* Ha-yehudim be-Germanya mi-tequfat ha-romaim 'ad le-republiqat Waymar. P. 399.

<sup>142</sup> *Williams R.C.* Culture in Exile. P. 144. С.М. Дубнов, при всей своей известности и связях, далеко не сразу получил постоянный вид на жительство. По его словам, «для получения права на наем комнат приходилось ходатайствовать в жилищных комитетах городского управления, причем центральный комитет отсылал просителей к районным, а районные в центральный. Нелегко было также добиться продления права жительства в Берлине. Вследствие наплыва огромной массы эмигрантов и иностранцев вообще, в том числе спекулянтов на инфляции, полицей-президиум давал новоприбывшим право жительства только на короткие сроки. За меня ходатайствовал профессор-ориенталист Собернгейм (*Зобернхайм*), занимавший высокий пост в Министерстве иностранных дел, и даже после этого мне выдали разрешение на жительство только в течение двух месяцев, так что впоследствии приходилось каждый раз просить о продлении срока. Позже отсрочивали на полгода и на год, пока не дали в 1926 г. разрешения на бессрочное жительство» (*Дубнов С.М.* Книга жизни. С. 532).

<sup>143</sup> *Рабинович И.М.* Русские в Германии. Юридический справочник. Берлин, 1921. С. 50 – 51.

<sup>144</sup> *Williams R.C.* Culture in Exile. P. 145.

<sup>145</sup> *Набоков В.В.* Другие берега. М., 2001. С. 253 – 254.

По отношению к беженцам – восточноевропейским евреям власть проводила двойственную политику. С одной стороны, декларировался принцип гуманности (немецкие власти брали под защиту евреев, которые, будучи высланными на родину, стали бы жертвами погромов<sup>146</sup> – такое отношение декларировалось в Указе о восточноевропейских евреях от 1 ноября 1919 года, о котором речь пойдет ниже); с другой стороны, численность беженцев и их «заметность» в общественной жизни государство старалось снизить. Еще в 1918 году правительство запретило въезд в Германию еврейским сезонным рабочим<sup>147</sup>. Еврейские беженцы тем не менее имели небольшое преимущество перед остальными благодаря деятельности Бюро попечительства о рабочих (Arbeiterfürsorgeamt) – еврейской организации, сотрудничавшей с МВД Германии. Бюро попечительства о рабочих было уполномочено выдавать удостоверения личности своим подопечным и представлять в МВД ходатайства за тех или иных мигрантов<sup>148</sup>.

Двойственным было и отношение властей к трудоустройству евреев-беженцев. В целом для большинства из них, как для бесподданных, попытки трудоустройства неизбежно становились попытками преодоления юридических препятствий. В статье 1927 года «Социальная проблема беженства» А.А. Гольденвейзер так описывает эти препятствия:

Самое тяжелое правоограничение для беженцев касается их права на труд. И в этом отношении бесподданные приравнены к иностранцам. А по существующим в Германии правилам, иностранец, приехавший в страну после 1913 г., не может наниматься на сельскохозяйственные работы; приехавший после 1919 г. – не допускается также к работе на фабриках. Случаи освобождения от этого запрета крайне редки. Так как почти все русские беженцы выехали в Германию после 1919 года, то для них всех, за ничтожными исключениями, закрыт доступ к земледельческому и промышленному труду. Вся жизнь русской беженской колонии в Германии проходит под знаком этой невозможности заняться продуктивным трудом<sup>149</sup>.

Итак, в области трудоустройства германские власти установили временной ценз. Эту меру следует, несомненно, рассматривать как попытку ослабить конкуренцию, которую иностранцы представляли для немецких работников. Напомним, что в 1914 году иностранные подданные, проживавшие на территории Германии, были интернированы; большинство послевоенных трудовых мигрантов приехало в страну уже после 1919 года.

2 февраля 1926 года был принят указ, согласно которому иностранные рабочие могли быть трудоустроены только в том случае, если у работодателя было специальное разрешение на трудоустройство (Befreiungsschein), причем право получить это разрешение и претендовать на рабочее место давали документы, подтверждающие, что их обладатель находился в Германии с 1921 года. Этот ценз тоже иногда оказывался непреодолимой преградой, поскольку у большинства трудовых мигрантов (многие из которых не регистрировались в полиции и не получали отметки в паспорте от тех или иных местных властей) не было документов, которые могли бы удостоверить длительность их пребывания в Германии<sup>150</sup>.

Определенное облегчение в положении мигрантов наступило в 1927 году, когда они получили некоторые социальные гарантии. А.А. Гольденвейзер писал об этом по горячим следам в статье «Социальная проблема беженства»: «Государственные меры социальной помощи и призрения в большинстве также не распространяются на бесподданных. Лишь недавно в этом вопросе пробита брешь: по распоряжению министра труда от 17-го февраля 1927 года бес-

<sup>146</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. S. 114.

<sup>147</sup> Ibid. S. 154, 47.

<sup>148</sup> Ibid. S. 66 – 68.

<sup>149</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 125. Л. 1.

<sup>150</sup> Volkmann H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. S. 31.

подданные не в пример другим иностранцам, будут получать пособия по безработности»<sup>151</sup>. В действительности речь шла о двух видах пособий: о пособии по безработице и о пособии, выделяемом для поддержания прожиточного минимума (*Krisenunterstützung*)<sup>152</sup>.

Несколько более привилегированным был статус военнопленных. Их положение определялось декретом МВД IV b 3412 от 15 августа 1922 года<sup>153</sup>: по соглашению с Советской Россией отправка военнопленных на родину без их собственного согласия не производилась, и даже правонарушения, совершенные ими на территории Германии, не могли служить основанием для высылки<sup>154</sup>. Однако проблемы, связанные с документами, касались и их: принудительная высылка была допустима, если у военнопленного после 15 сентября 1922 года не было при себе бумаг, подтверждающих его статус<sup>155</sup>.

Положение еврейских эмигрантов на общем фоне было более благоприятным, чем положение мигрантов в целом. Эта привилегия была законодательно подкреплена Указом о восточноевропейских евреях от 1 ноября 1919 года (VI b 2719)<sup>156</sup>. Указ был издан В. Хайне, тогдашним министром внутренних дел от социал-демократической партии, либерально настроенным по отношению к еврейским беженцам. В указе описывается тяжелое положение мигрантов, опасности, которые угрожают им на родине. Указ оправдывает, с одной стороны, присутствие евреев в Германии, с другой стороны, обосновывает необходимость принятия мер по ограничению притока восточноевропейских евреев (в частности, закрытия границы). Масштабная высылка мигрантов представляется Хайне невозможной: во-первых, она противоречит принципам гуманности, во-вторых, она неосуществима из-за политических препятствий (он утверждал, что восточноевропейские страны не дадут беженцам разрешения на въезд на свою территорию).

Исходя из этих соображений, власти формулируют принцип отношения к восточноевропейским евреям в Германии – *Duldung*, т.е. терпение. Указ предусматривает различные основания для высылки мигрантов из страны, однако в целом евреям разрешается жить и работать в Германии. Их трудоустройство противоречит интересам большинства немецких рабочих, о чем прямо сказано в тексте указа: «Скорое трудоустройство безработных восточноевропейских евреев, в котором заинтересованы все, осложняется тем, что, согласно существующим предписаниям, для этого требуется разрешение Рейхспрезидента, для устройства на работу в сельском хозяйстве – разрешение Ландрата. Введение этих разрешений преследует простую цель: предотвратить безработицу среди немецких рабочих, которая усугубляется вследствие трудоустройства иностранцев»<sup>157</sup>. Тем не менее оно представляется желательным, и для достижения этой цели Министерство внутренних дел развивает сотрудничество с еврейскими организациями (прежде всего с тем же Бюро попечительства о рабочих).

Положения этого указа кажутся достаточно странными, особенно на фоне общей ситуации в Германии. По мнению С. Ашхайма, составители указа рассчитывали, что еврейские мигранты покинут страну, как только это станет возможным<sup>158</sup>. Таким образом, предполагалось, что меры, облегчающие пребывание евреев в Германии, будут действовать в течение ограниченного времени (хотя никакие конкретные сроки не оговаривались). Однако едва ли можно было рассчитывать, что принятие закона, благоприятствующего нормальному существованию евреев в стране, подтолкнет их к отъезду; скорее наоборот, оно способствовало бы все боль-

<sup>151</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 125. Л. 1.

<sup>152</sup> Maurer T. Ostjuden in Deutschland. S. 303.

<sup>153</sup> Volkmann H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. S. 30.

<sup>154</sup> PAAA. R 78680. L 336960.

<sup>155</sup> Volkmann H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. S. 30.

<sup>156</sup> Текст указа опубликован в: Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880-1940. S. 158 – 161.

<sup>157</sup> Ibid. S. 160.

<sup>158</sup> Aschheim S.E. Brothers and Strangers. P. 238.

шему притоку восточноевропейских евреев в страну. Можно было бы объяснить содержание закона давлением еврейских организаций: С. Ашхайм указывает, что Бюро попечительства о рабочих «имело приоритет в поисках работы для нетрудоустроенных мигрантов. Это спасало их от высылки, которой требует закон для [безработных]»<sup>159</sup>, однако едва ли они были настолько влиятельны, чтобы лоббировать принятие настолько непопулярного среди населения указа.

Более подробно обстоятельства и цель принятия этого указа освещаются в работе Т. Маурер. Она подчеркивает тот факт, что в тексте указа достаточно большое внимание уделяется основаниям для высылки (ей подлежали мигранты, представляющие опасность для общества, а также безработные и бездомные), т.е. существование механизма высылки представляется автономным указом необходимым. Кроме того, она приводит соображения самого Хайне: на заседаниях в МВД он ссылаясь на неудовлетворительное состояние железнодорожного транспорта, которое не позволило бы транспортировать нежелательных мигрантов до восточной границы Германии, и на фактическую невозможность для них получения въездных документов в Польшу<sup>160</sup>. Таким образом, Т. Маурер интерпретирует указ не как проявление толерантности по отношению к восточноевропейским евреям, а как приведение законодательства по проблеме, будоражившей немецкое общество, в соответствие с реальным положением дел<sup>161</sup>.

Мы считаем, что принятие этого указа не имело своей целью стимулирование выезда из Германии еврейских беженцев. Очевидно, в момент его составления это представлялось не слишком реалистичным: возвращение на восток было неосуществимо, въезд в западные страны тоже был значительно затруднен: например, для въезда в США требовались виза и «аттестат» о передвижениях за последние два года. Правом выдачи аттестата обладал только консул той страны, подданным которой являлся иммигрант, соответственно, бесподданные мигранты и большинство граждан Польши такого документа предоставить не могли<sup>162</sup>. Проявлением покровительственного отношения к еврейским мигрантам этот указ тоже не был, поскольку предполагал внедрение оформленного механизма высылки. На наш взгляд, значение указа заключается в следующем:

1. Законодательное оформление существующей практики: присутствие восточноевропейских евреев признается легитимным.

2. Ослабление социального напряжения: указ старается представить еврейских мигрантов из Восточной Европы не как конкурентов и нахлебников, а как людей, ставших жертвами сложившихся обстоятельств, готовых к производительному труду. Примечательно, что при этом производится определенная селекция мигрантов: слишком бедные и неспособные к труду («социально опасные», безработные и бездомные) воспринимаются как неприемлемые и подлежат высылке, остальным же предоставляются различные права и возможности. «Приемлемых» восточноевропейских евреев власть хочет сделать в будущем более близкими к немецкому населению, чем на момент подписания указа: «требуются определенные меры безопасности, чтобы... мигранты, в большинстве своем представители чужих, неполноценных культур, за время своего пребывания в стране могли приспособиться к социальным и экономическим отношениям в Германии»<sup>163</sup>.

3. Уполномочивание еврейских организаций на решение проблемы трудоустройства еврейских беженцев. С одной стороны, это означало признание Бюро попечительства о рабо-

<sup>159</sup> Ibid. P. 239.

<sup>160</sup> Maurer T. Ostjuden in Deutschland. P. 283; см. также: PAAA, R 78713. L 348771-72.

<sup>161</sup> Maurer T. Ostjuden in Deutschland. S. 281-283.

<sup>162</sup> PAAA, R 78705. L 348544.

<sup>163</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. S. 158.

чих и других организаций в качестве партнеров государства, с другой стороны, указ имел целью переложить решение этой проблемы на еврейские организации.

Дальнейшие шаги в отношении трудоустройства евреев предпринимали главным образом Бюро попечительства о рабочих и Еврейская биржа труда, поскольку государство провозгласило первоочередной задачей трудоустройство демобилизованных солдат: работодатель обязан был предоставить им те же места, которые они занимали до войны. Следовательно, работник, временно занимавший это место, должен был быть уволен<sup>164</sup>. Работники неквалифицированного физического труда, несколькими годами ранее востребованные более всего, теперь не могли устроиться: места на заводах и рудниках, которые продолжали работать после войны, были заняты демобилизованными солдатами. Таким образом, большинство восточноевропейских евреев были вынуждены заниматься мелкой торговлей<sup>165</sup>. Однако некоторого успеха еврейским организациям удалось добиться: около 1000 рабочих – восточных евреев были трудоустроены на рудниках и заводах Вестфалии<sup>166</sup>.

В последующие несколько лет ситуация оставалась достаточно неустойчивой. В мае 1920 года Министерство труда выпустило распоряжение, определявшее порядок предоставления работы иностранцам; отдельные указания содержались в отношении восточноевропейских евреев: они могли претендовать на работу лишь в том случае, если на нее не находилось претендентов среди немецкого населения, а права еврейских организаций, занимавшихся трудоустройством, были существенно ограничены. Весной 1921 года положение евреев-иммигрантов улучшилось: работодателю предоставлялась свобода (с определенными ограничениями) нанимать работников по своему желанию (решение было принято под давлением работодателей, испытывавших нехватку дешевой рабочей силы).

В 1923 году в связи с финансовым кризисом законодательство было снова ужесточено, а смягчено лишь в 1927 году<sup>167</sup>. Еврейские организации предпринимали попытки трудоустроить беженцев: они обращались к еврейским компаниям с призывом брать на работу безработных единоверцев; в ноябре 1932 года Союз еврейских общин Пруссии организовал агитационную кампанию под лозунгом «Наше право на работу». Однако в целом эти попытки оставались безрезультатными<sup>168</sup>.

Норма, аналогичная той, которая была установлена распоряжением Министерства труда 1920 года, существовала и в отношении жилья: еврейские иммигранты могли арендовать квартиры, на которые не претендовали немецкие граждане. Часто биржа жилья предоставляла им жилье при условии немедленного его освобождения, если найдется немецкий гражданин, желающий его снять. Более того, в марте 1923 года был установлен налог на жилые помещения, устанавливающий для иностранцев пятикратную ставку! Этот налог был особенно обременителен для беженцев.

З.С. Бочарова следующим образом суммирует сложившуюся ситуацию:

Более миллиона квартир не хватало для германских граждан. Поэтому для иностранцев устанавливались ограничения и гораздо большая плата. Более того, при переезде беженец не мог получить больше комнат, чем оставлял в городе, из которого выезжал. Чтобы получить помещение для жилья, иностранец должен был добиться разрешения центрального квартирного бюро на проживание в Берлине вообще и местного – на определенное помещение. Разрешение на квартиры могло быть дано иностранцам только в особо

<sup>164</sup> Maurer T. Ostjuden in Deutschland. S. 297.

<sup>165</sup> Ibid.

<sup>166</sup> Ibid. S. 298.

<sup>167</sup> Ibid. S. 298 – 300.

<sup>168</sup> Barkai A., Mendes-Flohr P. German-Jewish History in Modern Times. P. 39.

исключительных случаях (в 1922 г. таких разрешений дано 80, из них 42 членам иностранных миссий, пользующимся правом экстерриториальности). Более доступны были меблированные комнаты. Лицо или семья, желающие получить комнаты, должны были обратиться сначала в центральное бюро. Последнее, проверив право просителя на проживание в Берлине, давало ордер местному жилищному ведомству (вонунгсамту) на предоставление права на 1-2 комнаты в выбранном просителем районе. Получение права на проживание занимало иногда несколько месяцев, во время которых проситель теоретически мог жить только в гостиницах и пансионах<sup>169</sup>.

Однако же и столь строгие законы можно было обойти – разумеется, при наличии денег и связей. По свидетельству И.В. Гессена, «война показала, что напрасно взяточничество и протекция считались государственной особенностью России: где только ни появлялись исключительные законы, тотчас к ним прокладывались обходные тропинки, и в тем большем количестве, чем законы были сложнее и стеснительней». В издательской фирме Улльштейна, с которой сотрудничал Гессен, был для этих целей специальный «ходок», профессор-социолог и сотрудник одной из газет концерна. При помощи этого «специального профессора» (о размере взятки, без которой, очевидно, не обошлось, Гессен целомудренно умалчивает) Гессены вселились в «отличную барскую, со старинной мебелью, очень уютную квартиру»<sup>170</sup>.

Квартирный вопрос в 1920-е годы портил не только москвичей, по известному выражению М.А. Булгакова, но и берлинцев. Эмигрантская литература переполнена рассказами об удивительных (и чаще всего крайне неприятных) историях, случавшихся с ними при найме жилья. С.М. Дубнов даже дал подзаголовок к одной из глав своей «Книги жизни»: «Инфляция, квартирная нужда и бешеные квартирные хозяйки»<sup>171</sup>.

Приведем красочное описание квартирных мытарств великого историка. К началу зимы 1922/1923 годов он переехал из полуподвала на Гальберштетерштрассе в лучшее помещение в Грюневальде, дачном районе Берлина:

Две большие светлые комнаты в комфортабельной квартире на Шарлоттенбруннерштрассе показались бы мне домашним раем, если бы там не сторожил злой цербер в образе немецкой квартирной хозяйки. В то время чудовищной инфляции и недостатка квартир эта порода «домашних животных» сделалась бичом для всех эмигрантов, которые не могли иметь самостоятельных квартир. Большею частью вдовы, жившие на наследственную банковскую ренту, которая теперь быстро таяла из-за инфляции, эти хозяйки обезумели от горя. Вынужденные сдавать часть своих квартир жильцам из переполнивших Берлин иностранцев, они требовали огромной наемной платы, опасаясь обесценения этих десятков тысяч марок; многие сдавали комнаты только при условии платежа твердой иностранной валютой, преимущественно долларами. Часто хозяйки-фурии отравляли жизнь своим квартирантам разными придирками. При встречах мы, эмигранты, обыкновенно осведомляли друг друга о качествах наших хозяек и способах борьбы с этой породой хищников<sup>172</sup>.

Однако же осведомление не всегда помогало. Так, хозяйка упомянутых выше двух светлых комнат в Грюневальде в момент переезда Дубновых на новое место жительства внезапно

---

<sup>169</sup> Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920 – 1930-е гг. // Русский Берлин, 1920 – 1945. М.: Русский путь, 2006. С. 388 – 389.

<sup>170</sup> Гессен И.В. Годы изгнания. С. 55 – 56.

<sup>171</sup> Дубнов С.М. Книга жизни. С. 529.

<sup>172</sup> Там же. С. 531 – 532.

заявила, что она передумала их сдавать. И это несмотря на полученный задаток и заключенный контракт! Лишь после скандала удалось вселиться, но в течение последующих четырех месяцев хозяйка устраивала жильцам «всевозможные пакости», хотя Дубнов ежемесячно удваивал или утраивал плату, в зависимости от темпов инфляции. Это было не последнее «приключение». Ранней осенью 1923 года Дубновы сняли мезонин в старом доме (вилле) в сельской местности в окрестностях Берлина. Вид с балкона на «огороды, поля и лес» был не последним аргументом, повлиявшим на решение историка. Хозяйка уверяла, что зимой будет тепло ввиду наличия центрального отопления на вилле. Дубнов заплатил вперед за комнаты с пансионом «порядочную сумму в долларах». Однако же с наступлением холодов выяснилось, что центральное отопление не работает, печей в комнатах нет, и уже в декабре пришлось «бежать» в Берлин и поселиться в пансионе в центре города. «Так я дорого заплатил за свою сельскую идиллию, за мечту о жизни на лоне природы, вдали от шума городского», – резюмировал историк<sup>173</sup>.

Не менее – если не более – экзотические квартирные приключения пришлось пережить чете Набоковых. Летом 1926 года они снимали комнату у хозяйки, державшей телефон в ящике под замком! Как пишет биограф В.В. Набокова Брайан Бойд, «ключи и затворы были, казалось, специфически берлинскими кошмарами (ключи от комнаты, ключи от парадной двери, без которых ночью не выйдешь из дома, – неудивительно, что они имеют такое значение в “Даре”), но телефон, запертый на ключ, – это было уже слишком, и Набоковы переехали». На сей раз они сняли комнату в квартире, в которой жил хозяин с двумя умственно отсталыми сыновьями. Как рассказывала много лет спустя Вера Набокова Бойду, однажды, когда они с мужем сидели у себя в комнате за обедом, к ним вошел какой-то незнакомец, и состоялся следующий диалог: «А вы что здесь делаете? Я плачу за эту комнату». – «Нет, мы», – ответили Набоковы. Как выяснилось, хозяин сдал комнату дважды, причем Набоковым – второй раз<sup>174</sup>.

И.В. Гессен к проблеме взаимоотношений квартиросъемщиков и хозяев подошел несколько более объективно, чем большинство мемуаристов-эмигрантов, с содроганием вспоминавших о своих злключениях. Гессен писал о немецком гостеприимстве, которое постепенно испарялось по мере того, как из гостей «мы превращались в сожителей, цыганским наклонностям коих все настойчивей противопоставлялись в повседневном быту заскоруждые традиции, закоренелые обычаи и навыки и, главным образом, пожалуй, феноменальная расчетливость, исторговавшая иногда невольный крик изумления». В качестве примеров Гессен приводит похожие на анекдоты случаи, когда его, пришедшего в гости и ожидавшего хозяев, владелица квартиры попросила пересест с дивана на табурет, чтобы не «просиживать» диван. Другой, еще более разительный эпизод: хозяйка очень сочувствовала квартиросъемщице, муж которой был тяжело болен, и помогала за ним ухаживать. А после его смерти включила в счет плату «за перенесенные огорчения». Наконец, когда один эмигрант скоропостижно скончался на вокзале перед отходом поезда, наследникам вернули стоимость билета за вычетом 10 пфеннигов, цены перронного билета, так как несчастный скончался на перроне<sup>175</sup>.

Если эти истории (за исключением просиженного дивана) и являлись плодом эмигрантской фантазии, то в значительной степени отражали реалии столкновения российских беженцев с немецким представлением о порядке. Но, довольно объективно пишет Гессен, «вероятно, еще больше изумления, а подчас и негодования вызывали мы у квартирохозяек упорным, казавшимся им нарочитым беспорядком в комнате, ночными бдениями, поздним вставанием и т.п.»<sup>176</sup>

<sup>173</sup> Там же. С. 536.

<sup>174</sup> Бойд Б. Владимир Набоков: Русские годы. Биография. М.: Изд-во «Независимая газета»; СПб.: Симпозиум, 2001. С. 309.

<sup>175</sup> Гессен И.В. Годы изгнания. С. 52 – 53.

<sup>176</sup> Там же. С. 53.

Возможно, квартирные мытарства навевали Набокову сравнение нелюбимого Берлина с меблированной комнатой: «русский Берлин двадцатых годов был всего лишь меблированной комнатой, сдаваемой грубой и зловонной немкой»<sup>177</sup>.

Впрочем, в нелюбви к Берлину Набоков был не слишком оригинален (что с ним случилось нечасто). По наблюдению Эренбурга, все иностранцы «Берлином недовольны и не пропустят возможности его поругать. Особенно русские: это считается хорошим тоном»<sup>178</sup>.

Иногда, Впрочем, случаются и исключения. Вместо ругани – неожиданная если не похвала, то констатация. Причем в стихах. Поэт-сатирик (временами писавший и лирические стихи) Жак Нуар неожиданно сравнивает идеальную чистоту немецкого леса с немецким же домом:

Все ровно культурно и чисто.  
Как в доме немецкой хозяйки.  
В лесу ни соринки, ни тряпки<sup>179</sup>.

Вернемся, однако, к суровой прозе. В Берлине, где проживало большинство восточно-европейских евреев, существовали районы их компактного расселения. Состоятельные представители русско-еврейской эмиграции селились в западном и северном Берлине, особенно типичным для русско-еврейской эмиграции считался район Шарлоттенбург. Большинство же бедного населения было сосредоточено в районе Шойненфиртель на северо-востоке Берлина. Жилищные условия были гораздо хуже, чем в среднем по городу: по данным инспекции района, проведенной в 1925 году, на один гектар площади в Шойненфиртеле приходилось 1477 жителей (в среднем по Берлину – 296), 8,5 % всех квартир представляли собой чердачные помещения<sup>180</sup>. В условиях скученности и антисанитарии в Шойненфиртеле население страдало от эпидемий и педикулеза<sup>181</sup>.

Многие русско-еврейские мигранты старались покинуть Берлин и уехать либо во Францию (и дальше, в США), либо в Палестину, либо назад, в Восточную Европу. Трансмиграция поддерживалась еврейскими организациями, дорожные расходы (билет, виза и т.д.) были одной из основных статей, по которым Союз русских евреев оказывал помощь своим просителям. Существовали и варианты трудоустройства в экзотических странах: в марте 1925 года Общество помощи евреям-врачам эмигрантов объявило о наличии для врачей работы во Французском и в Бельгийском Конго<sup>182</sup>.

Русско-еврейская община не была однородной. Ее представители проживали как в Шойненфиртеле, так и в Шарлоттенбурге (в целом период существования общины был слишком краток, чтобы выработалась своя топология, однако заселение этих двух районов было достаточно устойчивым), среди них были нищие и богачи, местечковые евреи и бывшие столичные жители, рабочие и интеллектуалы.

При всех претензиях к германским властям и сложностям приспособления эмигрантов к немецким нравам и обычаям, не следует забывать, что Германия в период Веймарской рес-

<sup>177</sup> Статья В.В. Набокова «Памяти И.В. Гессена» цит. по: *Шифф С. Вера* (Миссис Владимир Набоков). С. 83.

<sup>178</sup> *Эренбург И.Г.* Виза времени. С. 284.

<sup>179</sup> *Нуар Ж.* Гравюра // *Гримасы пера*. Рига: Литература, [1928]. С. 242 – 243. Жак Нуар – псевдоним Якова Викторовича Окснера (1888 – 1941?), поэта-сатирика и фельетониста. Он получил известность еще в России, печатался, в частности, в «Сатириконе». После революции перебрался в Кишинев, в 1922 году – в Берлин, печатался в берлинских и прибалтийских изданиях. С января 1936 года – в Бухаресте. Погиб в Кишиневском гетто.

<sup>180</sup> *Maurer T.* Ostjuden in Deutschland. S. 131.

<sup>181</sup> См.: PAAA. R 78731.

<sup>182</sup> *Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918 – 1941* / Hrsg. K. Schlögel, K. Kucher, B. Suchy u. G. Thum. Berlin: Akademie-Verlag, 1999. S. 250.

публики была одним из самых свободных государств в мире. Это не всегда учитывают исследователи, принимая на веру все эмигрантские жалобы, как обоснованные, так и не слишком. И при всех сложностях жизни и ограничениях для эмигрантов – сравнительно комфортным местом для беженцев.

«Какой строй в Германии? Говорят, что республика. Вероятно, это так. Во всяком случае, в Берлине строй незаметный, а это немалое достоинство», – писал Эренбург о Германии 1920-х годов<sup>183</sup>.

Мы совершенно согласны с выводами З.С. Бочаровой, автора специального исследования о правовом положении русских беженцев в Германии:

Можно сказать, что беженцы из послереволюционной России стали большим бременем для экономики, внутри- и внешнеполитической жизни Германии. Не являясь до 1926 г. членом Лиги Наций, Германия присоединялась к международным соглашениям, касающимся беженского вопроса, с целью облегчить жизнь бывшим подданным Российской империи... Правовое поле, в котором приходилось жить беженству, формировалось постепенно... Главное, на что ориентировалось германское правительство, это достижение стабильности в обществе, угроза которой усугублялась наплывом бесподданных, защита интересов немецких граждан, налаживание международных отношений – одним словом, на обеспечение национальной безопасности страны.

Российские беженцы, хотя и сталкивались с нарушением гражданских прав, находились в лучшем положении, чем в Польше, Румынии, Турции или Китае. И если бы эмигрантским организациям удалось найти общий язык, выработать единую платформу, не компрометировать себя идейно-политическими противоречиями, взаимным подсиживанием и интригами, это положительно сказалось бы на решении правового вопроса<sup>184</sup>.

Как бы то ни было, несмотря на юридические и иные трудности и постоянные колебания численности общины, Берлин, уступив пальму первенства политической и культурной столицы русского зарубежья Парижу, вплоть до середины 1930-х годов оставался одной из столиц русско-еврейской эмиграции. Этому способствовали среди прочего тесные связи, установившиеся между некоторыми немецко-еврейскими организациями и деятелями русско-еврейского Берлина, о чем пойдет речь в следующих главах.

---

<sup>183</sup> Эренбург И.Г. Виза времени. С. 286.

<sup>184</sup> Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии. С. 399.

## **Глава 2**

# **«ИХ ОДЕЖДА ОЧЕНЬ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНА, ПРИВЛЕКАТЕЛЕН И ИХ ЯЗЫК...» / «И ТОГДА ОН СТАЛ МНЕ ОТВРАТИТЕЛЕН»: ОТНОШЕНИЕ ЕВРЕЕВ ГЕРМАНИИ К ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИМ ЕВРЕЯМ**

Иммиграция в Германию большого количества восточноевропейских евреев спровоцировала бурную реакцию не только немецкого населения, но и германского еврейства. Для многих идеологических течений, сформировавшихся в среде евреев Германии, непосредственное знакомство с восточноевропейскими соплеменниками оказалось серьезным вызовом и заставило их вновь задуматься о собственной идентичности, о сущности еврейской культуры и о дальнейшем пути, которым следует идти европейскому еврейству.

Встрече немецких и восточноевропейских евреев в послевоенные годы предшествовали их контакты в начале XX века (на территории Германии) и во время войны (в районах, оккупированных немецкими войсками). Осмысление этих контактов и деятельная реакция на них у немецких евреев происходили в основном в рамках двух направлений общественной мысли, противоположных друг другу.

Первое из них было воплощено в деятельности многих сионистских организаций, в том числе Восточного комитета<sup>185</sup>, а также Благотворительного союза немецких евреев, о которых речь пойдет ниже. Это направление разделяло идеалы еврейского Просвещения: включение евреев во все сферы жизни общества, кроме религиозной, т.е. предоставление евреям гражданских прав, их культурную ассимиляцию (с сохранением религиозной автономии). Евреи должны были приобрести «продуктивные» профессии и интегрироваться в экономику страны, жителями которой они являлись. Разумеется, эта стратегия требовала резких и масштабных перемен, в необходимости которых нужно было убедить как евреев (поскольку для ее реализации следовало существенно преобразовать структуру еврейской общины и еврейского образования), так и государственную власть. Многие просветители считали недостижимым интеграцию евреев в российское общество. Поэтому они планировали организовать массовые миграции евреев (в Палестину, в Северную или Южную Америку) и считали борьбу против российских властей вполне правомерной.

Просветительские идеалы, к концу XIX века уже во многом осуществившиеся в среде немецкого еврейства, были едва ли приложимы к остьюденому времени – и еврейско-немецкие просветители начиная с конца XVIII века старались отмежеваться от своих восточноевропейских единоверцев; в литературе и публицистике закрепилась традиция карикатурного их изображения. Узы, связывающие единоверцев и соплеменников, были для идеологов Просвещения не столь актуальны: религиозная общность отступала на задний план перед политическими, языковыми и культурными различиями. «Немцы Моисеева закона» чувствовали себя гораздо ближе этническим немцам, чем культурно далеким восточноевропейским евреям, говорившим на другом языке.

Второе направление общественной мысли, возникшее в среде еврейства Германии в качестве реакции на столкновение с остьюденом, было отчетливо антипросветительским – это

---

<sup>185</sup> Komitee für den Osten, влиятельная организация, созданная в начале Первой мировой войны для оказания помощи российским евреям, жившим в прифронтовой полосе.

был еврейский национализм. Его идеологи старались создать этническую еврейскую самоидентификацию, которая бы объединяла как евреев разных западноевропейских стран, так и остьюденов. Разумеется, для этих целей образ восточноевропейского еврея должен был быть переосмыслен.

Изданием, наиболее показательным в этом отношении, был журнал «Ost und West» («Восток и Запад»), выходивший в Берлине с 1901 по 1923 год. Главным его редактором был Лео Винц, который редактировал также крупнейшую еврейскую газету Берлина – «Gemeindeblatt der jüdischen Gemeinde zu Berlin» («Листок еврейской общины Берлина»). Среди постоянных авторов журнала были М. Бубер, Э.М. Лилиен, Д. Трич, Ахад га-Ам, Н. Бирнбаум<sup>186</sup>. Цель, поставленная редакцией журнала перед собой, – формирование еврейского самосознания, общего для евреев из разных культурных регионов, – предполагала «воспитание» читательской аудитории. Журнал подчеркивал свою «еврейскость» и критиковал самих читателей – немецких евреев (интеллектуалов и средний класс)<sup>187</sup>. Несмотря на это, «Ost und West» был популярен, его тираж охватывал до 10 % всего еврейского населения Германии.

Позднее во многом похожая попытка построить еврейскую самоидентификацию на национально-культурном, а не религиозном основании будет предпринята авторами журнала «Der Jude» («Еврей», 1916 – 1924) под редакцией М. Бубера<sup>188</sup>.

Общее основание для искомой этнической самоидентификации редакторы журналов искали в жизни и культуре восточноевропейских евреев<sup>189</sup>. Образ остьюденов на страницах журналов получил идеалистическую, романтическую трактовку: если в просветительских текстах восточноевропейские евреи назывались отсталыми, косными, погрязшими в предрассудках и т.п., то авторы «Ost und West» и «Der Jude» превозносили их близость к традициям и благородство. Мишенью для критики становятся, напротив, немецкие евреи (журналу присущ среди прочего антикапиталистический, антизападный шпенглеровский пафос).

Винц писал, что среди восточноевропейских евреев не появлялось идей отказаться от культурной и религиозной идентичности «для достижения лучших условий существования», в то время как немецкие евреи боролись за гражданские права и лучшие условия, отказываясь от своих еврейских черт, – и в результате перестали быть евреями, исчезли как таковые<sup>190</sup>. Идеалы еврейской эмансипации подвергаются сомнению. Залман Рубашов, один из лидеров немецкого сионизма (он приехал в Германию из России еще до войны; учился в университете, относил себя к немецкоязычному еврейству Германии, впоследствии стал президентом Израиля), писал в 1916 году в журнале «Der Jude»: «Не внутренняя природа эмансипации стала причиной того, что еврейские националистические требования так и не были удовлетворены, а полный отказ тех, кто хотел эмансипироваться, от своего еврейства»<sup>191</sup>.

Складывается своеобразный культ остьюденов; они воспринимаются как носители древней достойной традиции и духа посреди порочного индивидуалистического западного мира<sup>192</sup>. Этот культ основан на их противопоставлении немецким евреям: в заслугу остьюденов сионисты ставили то, что им удалось сохранить свою культурную, религиозную, языковую и даже

<sup>186</sup> Brenner D.A. Promoting East European Jewry: Ost und West, Ethnic Identity, and the German-Jewish Audience // Prooftexts. Vol. 15. 1986. No. 1. P. 63 – 67.

<sup>187</sup> Ibid. P. 64.

<sup>188</sup> Подробнее см.: Mendes-Flohr P. The Kriegserlebnis and Jewish Consciousness // Jüdisches Leben in der Weimarer Republik / Hrsg. W. Benz, A. Paucker u. P. Pulzer. Tübingen, 1998. P. 34.

<sup>189</sup> При этом не всё в культуре остьюденов идеологи журнала приветствовали: одним из неприемлемых для них явлений этой культуры был хасидизм.

<sup>190</sup> Winz L. Die Ostjudenfrage // Ost und West. 1916. No. 16. S. 103 – 105. Цит. по: Weiß Y. Wir Westjuden haben jüdisches Stammesbewußtsein // Archiv für Sozialgeschichte. B. 37. Braunschweig; Bonn, 1997. S. 160.

<sup>191</sup> Ibid.

<sup>192</sup> Ibid. S. 81 – 82; Aschheim S. Brothers and Strangers. The East European Jew in German and German Jewish Consciousness, 1800 – 1923. Madison, Wisconsin, 1982. P. 191.

политическую обособленность на протяжении нескольких веков жизни в чуждом окружении. Западноевропейское же еврейство сионисты упрекали в ассимиляторстве. Встреча с евреями Восточной Европы трактовалась сионистами как повод усомниться в ценности пути, выбранного евреями западными.

Эта идея получила особенное распространение во время Первой мировой войны, которая рассматривалась как проявление кризиса меркантильной и циничной западной цивилизации<sup>193</sup> и во время которой недоверие к идеалам еврейской эмансипации лишь усилилось. В целом взаимоотношения немецких и восточноевропейских евреев в 1920-е годы во многом продиктованы именно военными событиями.

Начало войны в 1914 году вызвало в Германии подъем патриотизма, немецкое население верило, что кайзеровская армия быстро победит противников. Евреи не остались в стороне: в синагогах по всей Германии были организованы торжественные богослужения с молитвами за немецкую родину и ее славную победу, раввин Лео Бек произнес проповедь, в которой высказывал надежду на торжество справедливости, которое ознаменует победа Германии; ортодоксальный еврейский журнал «Йешурун» приветствовал «великое время» борьбы за «правое немецкое дело» и за освобождение русских евреев от гонений антисемитских властей<sup>194</sup>.

Однако вскоре на смену чувству причастности к общему немецкому делу и патриотическому воодушевлению пришла отчужденность. Немецкий патриотизм приобретал шовинистическую окраску, на евреев возлагалась вина за поражения Германии на фронте. В 1916 году по приказу военного командования в немецких войсках была проведена перепись солдат-евреев (*Juden-zählung*). Цель ее была проста: проверить, справедлив ли слух о том, что евреи скрываются от призыва и отсиживаются в тылу. Независимо от результатов этой переписи (которые так и не были опубликованы), она стала символом унижения солдат-евреев, маркировала рост антисемитизма, недоверия к евреям, рост их социальной изоляции<sup>195</sup>.

Эрнст Симон (1899 – 1988), еврейский солдат, в 1916 году ушедший на фронт добровольцем, в дальнейшем – деятель сионистского движения и друг Ф. Розенцвейга и М. Бубера, описывал эту перепись как событие, окончательно лишившее немецких евреев надежды на то, что они будут приняты немецким обществом когда бы то ни было: «мы... чувствовали себя ближе к нашим товарищам и верили, что наконец-то стали частью этого чужого для нас народа, который мы так любили... Но теперь степень этого самообмана достигла вершины – и достаточно было даже слабого удара извне, чтобы полностью уничтожить наши иллюзии о собственной защищенности. Таким ударом стала *Juden-zählung*...»<sup>196</sup> Апогеем недоверия стал всплеск антисемитизма сразу после окончания войны, когда идея о том, что в неожиданном и незаслуженном сокрушительном поражении Германии виноваты евреи, артикулировалась открыто<sup>197</sup>.

Другим важнейшим переживанием, которое война принесла немецким евреям, служившим в кайзеровской армии, как уже замечалось, была их встреча с восточноевропейскими евреями. Реакция немецких евреев не была однозначной: от неприятия до восхищения<sup>198</sup>. Приведем слова Ф. Розенцвейга, который был командирован на курсы офицеров под Варшавой и столкнулся там с традиционным еврейским населением польского местечка. Он писал об этом матери: «Еврейские мальчики восхитительны. Они настолько живые и энергичные, что заставили меня ощутить то, что я чувствую крайне редко, – настоящую гордость за свой народ. Когда мы ехали через местечко, я был поражен евреями. Их одежда очень привлекательна, привле-

<sup>193</sup> Brenner D.A. Promoting East European Jewry. P. 81.

<sup>194</sup> Mendes-Flohr P. The Kriegserlebnis and Jewish Consciousness. P. 227 – 229.

<sup>195</sup> Ibid. P. 231.

<sup>196</sup> Barkai A., Mendes-Flohr P. German-Jewish History in Modern Times. Vol. 4. Renewal and Destruction. 1918 – 1945. New York, Columbia, 1998. P. 14.

<sup>197</sup> Biber H. Antisemitizm in di erste yorn fun der Vaymarer Republik // YIVO Bleter. Vol. 29 (идиш).

<sup>198</sup> Aschheim S. Brothers and Strangers. P. 139 – 214.

кателен и их язык... Я заметил: то, что у нас характерно лишь для высшего слоя евреев, здесь свойственно всем, – я имею в виду удивительную живость ума... Я хорошо понимаю, почему средний немецкий еврей уже не ощущает ничего общего с восточноевропейскими евреями. Он просто полностью утратил сходство с ними, став обывателем, буржуа...»<sup>199</sup>

Этому письму Розенцвейга созвучна процитированная выше статья З. Рубашова, который писал, что пути восточноевропейского еврейства и еврейства Германии соотносятся между собой так же, как и «пора цветения, в которой пребывает еврейская культура, – и холодное запустение, которое испытывает культура марранов»<sup>200</sup> Бордо, отказавшихся от собственного еврейства»<sup>201</sup>.

«Культь» восточноевропейских евреев получил выражение и в искусстве. Среди писателей, переводчиков и художников, восхищенно изображавших ост्योंден, – Арнольд Цвейг, Франц Кафка, Эфраим и Фейга Фриш (переводчики литературы на идише), Герман Штрук. В 1920 году в Берлине вышел альбом «Облик восточноевропейских евреев», который состоял из графических работ Штрука (портретов ост्योंден, выполненных преимущественно во время войны Штрук-ом-солдатом) и текста, написанного Цвейгом. Цвейг противопоставляет восточноевропейских евреев немецким: если у первых лица прекрасны и «неподвластны времени», то у вторых – «жирные лица торговцев»; первые – носители народного духа, вторые его утратили в деловой суматохе<sup>202</sup>.

Подчеркнем (мы вернемся к этому ниже), что в обоих случаях – и когда восточноевропейский еврей вызывает неприязнь и отторжение, и когда он оказывается привлекательным и достойным, – немецкие евреи воспринимают ост्योंден как чужого и подчеркивают разницу между ним и собой.

Реакцией на опыт войны (с одной стороны, на растущий антисемитизм властей и немецкого общества, а с другой – на встречу с ост्योंден) для многих немецких евреев стало разочарование в просветительской идеологии. Некоторых, как, например, Эрнста Симона, это разочарование привело к религии и традиционному образу жизни, других, в том числе Розенцвейга, – к сионистской идеологии.

В годы войны и массовой иммиграции восточноевропейских евреев многие сионисты развили бурную благотворительную деятельность: во время войны основаны Восточный комитет и Немецкое объединение для защиты интересов восточноевропейских евреев, после ее окончания – еврейский отдел Немецкой биржи труда, Секретариат помощи еврейским рабочим, Еврейская биржа труда и Бюро попечительства о рабочих. Во время войны появляются также новые журналы: уже упомянутый «Der Jude» и «Monatsheften» («Ежемесячник»), оба – под редакцией М. Бубера<sup>203</sup>.

Одним из сионистских проектов стало создание в 1916 году в Шойненфиртеле – бедном окраинном районе Берлина, где концентрация восточноевропейских евреев была особенно высока, – еврейского Народного дома (Jüdisches Volksheim). Народный дом был благотворительной и культурной организацией (мигрантов поддерживали материально, а также давали профессиональную подготовку, организовывали лекции, уроки немецкого языка, выставки, концерты и т.д.); среди его деятелей – Франц Кафка, Мартин Бубер, Зигфрид Леман. Интересно, как организаторы Народного дома мотивировали свою деятельность. С одной стороны, они считали, что мигранты находятся на более низкой ступени социального и культурного развития, и ставили перед собой цель сделать их более образованными и «облагородить»

<sup>199</sup> Mendes-Flohr P. The Kriegerlebnis and Jewish Consciousness. P. 234.

<sup>200</sup> Марраны (мараны) – исп. marranos; в средневековых Испании и Португалии евреи, официально принявшие христианство.

<sup>201</sup> Weiß Y. Wir Westjuden haben jüdisches Stammesbewußtsein. S. 160.

<sup>202</sup> Barkai A., Mendes-Flohr P. German-Jewish History. P. 16.

<sup>203</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. Tübingen, 1959. S. 48.

население района своим присутствием. Для этого некоторые организаторы Народного дома, в частности студенты – немецкие евреи, селились в Шойненфиртеле<sup>204</sup>. С другой стороны, они стремились к близкому знакомству с мигрантами, чтобы перенять их религиозность, самобытность, близость к традиции, познакомиться с их фольклором и литературой<sup>205</sup>. Например, Кафка восхищался восточноевропейскими евреями и считал работу в Народном доме единственным верным путем немецких евреев к духовному освобождению<sup>206</sup>.

Как ни странно, в этом плане отношение немецких сионистов к остьюден можно было бы сравнить с отношением европейцев-колонистов к населению колоний. «Дикари», образ которых часто романтизировался, могли вызывать интерес и даже восхищение своей патриархальностью, наивностью, набожностью и естественностью. В случае с восточноевропейскими евреями поводом для восхищения становилась социальная иерархия: «...насколько структура их общины более естественна, чем в Германии, где еврейство состоит только из буржуа и интеллектуалов!»<sup>207</sup> Этнография и фольклор остьюден становились предметом исследования и популяризации. Бубер издал сборник отредактированных хасидских преданий; публиковались пособия по идишу, произведения идишской литературы<sup>208</sup>, в то время как сами колонисты воспринимали себя в качестве носителей цивилизации и высокой социальной культуры.

Примечателен еще один пример, относящийся к довоенному времени. В 1910 году в газете «Die Welt» была опубликована статья Франца Оппенгеймера, одного из создателей и руководителей Восточного комитета, под заглавием «Родовое и народное самосознание» («Stammesbewußtsein und Volksbewußtsein»). В этой статье в терминах модных в то время антропологических и этнологических теорий проводилось различие между западно- и восточноевропейским еврейством:

У нас, западноевропейских евреев, еврейское родовое самосознание, у восточноевропейских евреев – еврейское народное самосознание... Родовое самосознание опирается на прошлое, оно есть всегда, когда индивид осознает, что происходит из того или иного народа... это осознание общего происхождения, общей крови или, по крайней мере, принадлежности к одной и той же народности, наличия общей истории, общих воспоминаний о страдании и радости, героизме и подвигах... Народное самосознание опирается на настоящее: на общность языка, обычаев, экономических и правовых отношений и т.п. и духовной культуры<sup>209</sup>.

Осознание глубокой культурной пропасти между евреями Германии и восточноевропейскими евреями, которое заставило Оппенгеймера написать эти строки, было несовместимо с сионистским тезисом о единстве еврейской нации<sup>210</sup> – таким образом, идею национальной самоидентификации, общей для немецких евреев и остьюден, разделяли не все сионисты. Интересно и другое: противопоставляя две еврейские группы, Оппенгеймер подчеркивает, что в основе самоидентификации немецких евреев лежит история, в то время как самосознание восточноевропейских евреев зиждется на этнографии. Эта формулировка близка представлению колонистов о том, что колониальные народы лишены истории: если их этнография существует и ее уже можно изучать, то их историю для них могут создать только колонисты.

<sup>204</sup> Ibid. S. 52 – 54.

<sup>205</sup> Barkai A., Mendes-Flohr P. German-Jewish History. P. 16 – 18.

<sup>206</sup> Ibid.

<sup>207</sup> Gidal T.N. Ha-yehudim be-Germanya mi-tequmat ha-romaim 'ad le-republiqat Waymar. Yerušalayim, 1997. P. 318 – 319 (иврит).

<sup>208</sup> Подробнее см.: Ibid. P. 319 – 320.

<sup>209</sup> Цит. по: Weiß Y. Wir Westjuden haben jüdisches Stammesbewußtsein. S. 158.

<sup>210</sup> Ibid. S. 159.

Сравнение представлений немецких евреев об остьюденах и колониальных стереотипов имеет смысл и для ситуации в Веймарской Германии. В послевоенный период спектр реакций на мигрантов, который вырабатывает немецкое еврейство, становится шире (от интереса и покровительства до ненависти), однако все эти реакции объединяют две вещи. Во-первых, все они исключают идентификацию с приезжими. Иными словами, немецкие евреи воспринимали восточноевропейских евреев как чужаков, коренным образом отличающихся от них самих<sup>211</sup>. Эта общая посылка привела разные группы немецких евреев к совершенно различным выводам: для одних подобная чуждость означала желание как можно скорее избавиться от наплыва приезжих и повод для ненависти к ним, для других – желание узнать мигрантов ближе, изучить их язык и культуру. Во-вторых, западноевропейские евреи чувствовали свое превосходство над восточноевропейскими, считая себя более развитыми как в экономическом, так и в духовном отношении; в остьюденах немецкие евреи видели объект для своего воздействия (будь то сужение их прав или, напротив, благотворительная помощь) или для изучения, восточно-европейским евреям роль рефлектирующей стороны не отводилась.

Однако полностью отождествить эту ситуацию с колониальной не позволяет все еще актуальная в 1920-е годы сионистская идея о существовании еврейской этнической самоидентификации, объединявшей евреев и противопоставлявшей их культурно более близким немцам. Эта идея заставляла некоторых ее адептов уходить из собственной культурной среды, чтобы стать такими же, как восточноевропейские евреи. В этом отношении показателен пример Фрица Мордхе (Мордехая) Кауфмана, «ориентализм» которого заставил его пойти даже дальше положительно относившихся к восточноевропейским евреям сионистов. Мир остьюдена с его набожностью, этнографичностью, наполненностью фольклором, Кауфман стал воспринимать как воплощение живого, здорового народного духа – еврейского *Volksgeist*; он выучил идиш, исследовал и публиковал в Германии фольклорные песни на идише<sup>212</sup>.

Существовало еще одно проявление осознания этого родства, на этот раз не продиктованное духовными поисками и сантиментами самих евреев Германии. Они понимали, что от роста антисемитизма в Германии, обращенного до поры в первую очередь к восточноевропейским евреям, могут пострадать и они сами. Общая внешняя угроза оказывалась объединяющим фактором. Т. Маурер пишет об этом: немецкие евреи «должны были защищать остьюденов, поскольку... осознавали, что негативные стереотипы могут быть перенесены и на них самих»<sup>213</sup>.

Среди всех направлений, существовавших в немецко-еврейском обществе в послевоенные годы, мысль о том, что родство с восточноевропейскими евреями требует их защищать, в той или иной степени была свойственна двум течениям: политическим левым (именно в левые партии входило большинство сионистов) и религиозной ортодоксии. Однако осуществлять эту идею на практике пришлось прежде всего руководству ряда еврейских общин.

О ситуации в еврейских общинах следует сказать подробнее. Большинство еврейских мигрантов из Восточной Европы, прибыв в Германию, были лишены возможности обеспечить себя: рабочих мест и жилья не хватало. Остьюдены стали рассматриваться как конкуренты немцев, «отбирающие» у них работу и жилье. Трансмиграция же была затруднена или невозможна. В этой ситуации восточноевропейские евреи становятся зависимыми от благотвори-

<sup>211</sup> Тема чуждости восточноевропейских евреев, осознание пропасти между ними и немецким еврейством достаточно распространены в сочинениях немецких евреев в то время. Показательно в этом отношении свидетельство новеллиста Якоба Бассермана. Вот отрывок из его автобиографического произведения «Мой путь как немца и еврея» («Mein Weg als Deutscher und Jude», впервые издано в 1921 году): он пытался почувствовать свое родство с польским или галицийским евреем, но «не мог ощутить ни тени братства или родства. Он был для меня абсолютно чужой – каждое его слово, каждый вздох был мне чужд; он не смог пробудить во мне сочувствие к нему как к человеческому существу – и тогда он стал мне отвратителен» (New York, 1993, цит. по: *Aschheim S. Brothers and Strangers*. P. 225).

<sup>212</sup> *Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland*. S. 31.

<sup>213</sup> *Maurer T. Ostjuden in Deutschland: 1918 – 1933*. Hamburg, 1986. S. 758.

тельной помощи, основным донором которой были еврейские общины Германии. В Саксонии (в Лейпциге и Хемнице) местные еврейские общины содержали еврейских беженцев, оказавшихся там еще в начале войны: «Мы пожертвовали сотни тысяч марок, чтобы не допустить их отправки в концлагерь. Саксония – это въездные ворота в Германию для галицийских и польских евреев», – говорил глава общины Хемница на съезде немецких общин Германии в январе 1921 года<sup>214</sup>. Аналогичную щедрость проявила по отношению к иммигрантам община Бремена<sup>215</sup>.

При этом нередко восточноевропейские евреи становились для принимающих их общин политически опасными. За счет притока восточноевропейских евреев численность общин заметно возрастала, и, объединившись с электоратом той или иной партии, остьюдены могли составить решающее большинство. На общинных выборах они, скооперировавшись с оппозиционерами, добивались свержения правящих партий и иногда приводили к победе партии более радикального толка<sup>216</sup>.

Итак, руководители ряда еврейских общин Германии, несмотря на очевидные экономические и политические претензии к мигрантам (остьюдены были для общин в целом нахлебниками, а для общинного руководства – массой, поддерживавшей политических конкурентов), считали своим долгом в течение нескольких лет содержать их. Вероятно, в этом проявлялось не только благородство, но и следование религиозной традиции, которая объединяла руководство общин с восточноевропейскими евреями. Однако при этом руководители общин пытались по возможности сократить время пребывания остьюдены в Германии<sup>217</sup>.

Гораздо более меркантильным было содействие, которое оказывала мигрантам немецко-еврейская идеологическая ортодоксия: она была заинтересована в притоке в общины евреев, соблюдающих религиозные традиции, поскольку этот приток сулил ортодоксам усиление позиций и возможный успех на общинных выборах<sup>218</sup>.

В целом внутриобщинные выборы стали очередным поводом для ожесточенных споров между различными политическими силами внутри немецкого еврейства. Более того, в эту дискуссию оказались включены и государственные власти.

Вопрос о предоставлении мигрантам избирательных прав дополнительно разделил правые и левые партии: за предоставление этих прав выступали левые (социалисты и социал-демократы), против них – либералы, которых среди немецких евреев было большинство<sup>219</sup>. Как на внутриобщинном, так и на государственном уровне они неожиданно оказались сторонниками дискриминации еврейских мигрантов. Основная идеологическая претензия либералов к восточноевропейским евреям, наряду с политическими и экономическими, не слишком оригинальна: это их замкнутость, традиционный образ жизни, заметное отличие их культуры от немецкой культуры. Для либералов была неприемлема сама эта изоляция: с их точки зрения, восточноевропейские евреи нарушали идеалы либерализма – построение общества равных граждан – своим нежеланием уподобляться остальным, ассимилироваться, стремлением к обособленной жизни (*Sonderleben*)<sup>220</sup>.

<sup>214</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland. S. 29.

<sup>215</sup> Niewyk D.L. The Jews in Weimar Germany. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980. P. 114.

<sup>216</sup> Brenner D.A. Promoting East European Jewry. P. 83 – 84.

<sup>217</sup> Barkai A., Mendes-Flohr P. German-Jewish History. P. 62.

<sup>218</sup> Ibid. P. 66.

<sup>219</sup> Эта расстановка сил напоминала довоенную ситуацию, когда конфликт между остьюдены и немецкими евреями довольно часто принимал формы классовой борьбы (до войны большинство остьюдены в Германии составляли рабочие). См.: Heid L. «Dem Ostjuden ist Deutschland das Land Goethes und Schillers». Kultur und Politik von ostjüdischen Arbeitern in der Weimarer Republik // Archiv für Sozialgeschichte. B. 37. Braunschweig; Bonn, 1997. S. 183.

<sup>220</sup> Aschheim S. Brothers and Strangers. P. 228.

Либеральные фракции в еврейских общинах старались ввести многоступенчатую систему ограничений (срок проживания в Германии, имущественный ценз), которая в конечном счете не позволила бы восточноевропейским евреям участвовать в голосовании<sup>221</sup>. Сионисты, принадлежавшие к левым партиям, стремясь к расширению своего влияния в общинах, старались создать коалицию, с которой либералы не смогли бы соперничать на выборах. Для этого они объединялись с общинной ортодоксией, а также с восточноевропейскими евреями и боролись за предоставление последним избирательных прав без ограничений<sup>222</sup> (в политической программе сионистов вопрос восточноевропейских евреев приобрел решающее значение, и репатриацией в Палестину он отнюдь не исчерпывался<sup>223</sup>).

Удивительным образом государственные властные структуры в этом случае нередко вставали на сторону приезжих и принимали постановления, гласившие, что на общинные права наличие или отсутствие гражданства влияния не имеет. Такие случаи были зафиксированы в Саксонии, где, в отличие от Пруссии и Баварии, власти были настроены гораздо терпимее по отношению к восточноевропейским евреям<sup>224</sup>. Складывалась парадоксальная ситуация: евреев-мигрантов преследовала еврейская община, в то время как их защитником оказывалась государственная власть.

Объяснить это можно следующим образом. В целом в спектре отношения немецких евреев к восточноевропейским из двух крайних вариантов, которые мы обозначили выше (от сочувствия до ненависти), первый – покровительственное отношение к менее развитым, но все же по каким-то критериям близким мигрантам, желание оказать им помощь и поддержку – был менее очевидным. Гораздо более объяснимым на фоне социальных реалий межвоенного периода является второй из перечисленных вариантов.

С идеологической точки зрения негативное отношение немецких евреев к единоверцам из Восточной Европы обуславливается боязнью немецких евреев быть идентифицированными с остюден и в конечном счете восходит еще к просветительскому неприятию образа традиционного восточноевропейского еврея. Государственные деятели еврейского происхождения, не чувствуя никакого родства с евреями-мигрантами, редко вступались за них, особенно если интересы последних входили или могли входить в конфликт с интересами государственными.

В этом отношении показательны два примера. Во-первых, это Вальтер Ратенау, министр реконструкции, затем – министр иностранных дел Германии, убитый в 1922 году, как предполагается, по антисемитским мотивам. В дискуссиях о проблеме мигрантов – восточноевропейских евреев он высказывался за их высылку<sup>225</sup>. Во-вторых (этот пример относится ко вре-

<sup>221</sup> Еще до войны в нескольких общинах (Кельн, Хамборн, Дюссельдорф, Бохум, Дуйсбург, Данциг) восточноевропейские евреи были лишены права быть избранными, право избирать было также отнято или сильно ограничено. В некоторых общинах вводилась трехклассная система: члены общины распределялись по классам в зависимости от суммы уплачиваемых ими налогов, на представителей третьего класса активное избирательное право не распространялось; в других общинах обязательным условием для предоставления избирательного права был определенный уровень дохода; в третьих – шестилетнее проживание в общине. После войны избирательное право было отнято у восточных евреев в Реклингхаузене (1924), ограничено шестилетним сроком – в Аахене, Кельне (1920) и Эрфурте (1922): *Heid L. Harry Epstein – Ein Anwalt der Ostjuden in der Zeit der Weimarer Republik // Juden in der Weimarer Republik / Hrsg. W. Graß, J.H. Schoeps. Stuttgart; Bonn. 1985. S. 281 – 282.*

<sup>222</sup> Ibid. S. 279. О реакции и ответных действиях либералов см.: Ibid. S. 279 – 281.

<sup>223</sup> В этом ключе понимали позицию сионистов их оппоненты: они надеялись использовать сионистов как силу, благодаря которой удастся организовать массовую эмиграцию восточноевропейских евреев в Палестину и избежать их притока в Германию (см., например: *Aschheim S. Brothers and Strangers. P. 181*). Хотя следует отметить, что подобные идеи встречаются в сионистской риторике, однако они сопровождаются призывами к немецким евреям также репатриироваться (см.: *Jüdische Rundschau. 1921. No. 1. S. 5*).

<sup>224</sup> См.: *Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland. S. 28.*

<sup>225</sup> PAAA. R 78705. L348515-18. Некролог Ратенау, опубликованный в берлинском журнале русских сионистов «Рассвет», помимо признания заслуг покойного содержит и упрек. Автор пишет, что Ратенау презирал своих восточноевропейских братьев: «...он указывал на единственно возможную форму разрешения проблемы “азиатской орды на песках Бранденбурга” – усвоение высшей немецкой культуры, немецкого духа», и не успел (или не хотел?) ничего сделать в их защиту. См.: *Рассвет. 1922. № 11. С. 3.*

мени Первой мировой войны), это Людвиг Хаас, депутат Рейхстага, назначенный властями главой еврейского департамента при немецкой гражданской администрации оккупированной Польши. Хаас, будучи сам ассимилированным евреем, отмечал, что его подопечные казались ему абсолютно чужими, и на заседаниях Министерства внутренних дел Германии, когда обсуждались вопросы миграций и возможного закрытия границы, он, единственный этнический еврей среди участников заседаний, ни разу не высказался против мер, затруднявших для остьюден иммиграцию в Германию<sup>226</sup>.

Стремление немецких евреев отмежеваться от своих восточноевропейских собратьев подчас принимало довольно причудливые формы: немецкие евреи сжились с антисемитскими стереотипами и проецировали их на остьюден<sup>227</sup>.

В правой немецкой прессе сформировался определенный стереотип в отношении остьюден: в отличие от немецкого еврея, он однозначно чужой, он по-другому выглядит, говорит на другом языке, ведет другой образ жизни. Он совершенно не похож на немца, и потому его гораздо проще изображать карикатурно<sup>228</sup>: это торгаш или попрошайка, который боится тяжелого физического труда и не берется за него, грязный и больной, преступник и развратник по натуре, лживый и безнравственный<sup>229</sup>. Восточноевропейские евреи стали также частично отождествляться с коммунистами и социалистами<sup>230</sup>.

Подобной риторике не были чужды и немецкие евреи. Самую крайнюю форму, которой было представлено враждебное отношение к остьюден, отвергавшее всякое представление о родстве с ними, воплощала организация под названием *Verband deutschnationaler Juden* (Союз евреев – немецких националистов). Организация была создана в 1921 году как ответ на послевоенный всплеск немецкого антисемитизма, с одной стороны, и на массовую иммиграцию восточноевропейских евреев, с другой. Она объединяла представителей еврейско-немецкой интеллигенции, которые позиционировали себя как патриоты Германии, ревнители немецкой культуры и чистоты немецкого языка. Возглавлял Союз д-р Макс Науман, адвокат. В состав правления Союза входили преимущественно люди, получившие докторскую степень, врачи или адвокаты. В немецком политическом спектре Союз ассоциировал себя с DNVP<sup>231</sup> – праворадикальной Национал-немецкой народной партией<sup>232</sup>.

В сентябре 1921 года начинает выходить газета Союза – «*Nationaldeutscher Jude*» («Национал-немецкий еврей», или «Еврей – немецкий националист»). Первый выпуск открывается программой, в которой декларируется цель Союза: «Мы хотим заложить основы совместной работы немецких националистов – евреев и неевреев, которая приведет к возрождению нашей бедной разрушенной родины»<sup>233</sup>. Стремление идеологов Союза – приобщение евреев – немец-

<sup>226</sup> *Aschheim S. Brothers and Strangers*. P. 180 – 181.

<sup>227</sup> *Barkai A., Mendes-Flohr P. German-Jewish History*. P. 62.

<sup>228</sup> *Aschheim S. Brothers and Strangers*. P. 215, 235.

<sup>229</sup> *Maurer T. Ostjuden in Deutschland*. S. 104 – 119.

<sup>230</sup> Показателен в этом отношении пример лидера баварских социалистов Курта Эйснера, еврея, который вовсе не происходил из Восточной Европы, но при этом получил прозвище «галицианер» («галицийский еврей») и изображался в виде «Шейлока... в маленькой грязной ермолке на затылке». См.: *Aschheim S. Brothers and Strangers*. P. 231 – 233, см. также: *Barkai A., Mendes-Flohr P. German-Jewish History*. P. 21-28. На самом деле Эйснер родился в Берлине, был известным журналистом. В период Ноябрьской революции 1918 года Эйснер – председатель Мюнхенского рабочего, солдатского и крестьянского совета, затем возглавил республиканское правительство Баварии. Был застрелен монархистом.

<sup>231</sup> *Gidal T.N. Ha-yehudim be-Germanya mi-tequfat ha-romaim 'ad le-republiqat Waymar*. P. 405.

<sup>232</sup> В 1922 году эта партия внесла в Прусское Государственное министерство «большой запрос» о мерах, которые министерство предпринимает для снижения численности мигрантов-остьюден в Германии, и о возможности интенсификации высылки восточноевропейских евреев из страны. Этому запросу посвящена опубликованная нами статья П. Натана «Восточноевропейские евреи и антисемитская реакция»: *Hanan П. Восточные евреи в Германии и антисемитская реакция* / Вступ. ст. О.В. Будницкого и А.Л. Полян; подготовка текста и комментарии А.Л. Полян // Архив еврейской истории. М.: РОССПЭН, 2008. Т. 5. С. 247 – 263.

<sup>233</sup> *Der Nationaldeutsche Jude. Mitteilungsblatt des Verbandes deutschnationaler Juden*. 1921. No. 1. S. 1. Jüdisches Museum

ких патриотов к немецкому народу на почве германского патриотизма, сокращение различий между «национал-немецкими» евреями и немцами, искоренение взаимных предрассудков. К массовой иммиграции в Германию евреи – немецкие националисты относились крайне враждебно: иностранцы поработают страну и мешают ей выйти из состояния послевоенного упадка<sup>234</sup>.

Риторика, к которой прибегает Науман, говоря о решении этой проблемы, предельно неконкретна: «Немец, иди на фронт! Речь не о множестве “фронтов единства”, которые пытаются нам навязать глупцы и которые являются на деле не чем иным, как вывеской, под которой прячутся группки ненастоящих немцев. Речь идет о единственном Фронте Единства, который сегодня имеет право существовать в Германии, о союзе тех, чье немецкое сердце признает лишь одну Родину, – о немецком народном союзе»<sup>235</sup>.

По убеждению «национал-немецких» евреев, среди всех иностранцев для них наибольшую опасность представляли восточноевропейские евреи. Во-первых, их появление в Германии спровоцировало распространение антисемитизма даже в тех кругах, где прежде слово «антисемит» звучало как ругательство<sup>236</sup>, и теперь ненависть немцев к остьюденам могла быть перенесена и на немецких евреев, в том числе на евреев – немецких националистов. Во-вторых, они являлись питательной средой для распространения коммунистических симпатий. В-третьих, остьюдены были опасны с культурной точки зрения, так как они овладевали немецким языком и приобщались к немецкой культуре, оставаясь ей внутренне чуждыми, и тем разлагали ее изнутри<sup>237</sup>.

Таким образом, если претензия еврейско-немецких либералов к восточноевропейским евреям заключалась в том, что они не желают ассимилироваться и встраиваться в жизнь немецкого общества, то представители Союза видели опасность именно в преодолении этой замкнутости и в приобщении мигрантов к немецкой культуре.

Стереотип восточноевропейского еврея, который описывается в материалах газеты, сходен с аналогичными представлениями, отраженными в правой немецкой прессе тех лет. И евреи – немецкие националисты, и немецкая правая пресса обвиняли мигрантов в том, что они отнимали у немецкого пролетария то, что ему принадлежало по праву (жилье, работу, еду), а также в спекуляциях: «Все, что можно приобрести за деньги, становится для них объектом купли-продажи. Старое платье и новейшие произведения искусства, драгоценности и меха, валюта и металлы – все это они покупают и перепродают. Среди прочего они скупают наши продукты, наше белье, наше сырье, нашу одежду и обувь – не как самоцель, а мимоходом, потому что у них для этого есть средства и потому что человек в принципе должен во что-то одеваться и что-то есть»<sup>238</sup>, – это слова из программной статьи «Ostjudengefahr» («Опасность, исходящая от восточноевропейских евреев»).

Цитированная статья подписана именем J. Nobrecht (вероятно, псевдоним). Автор обвиняет остьюденов во лжи, в нарушении законов: восточноевропейские евреи изобретают нелегальные поводы поселиться всей семьей в Берлине, добывают фальшивые документы, не продлевают паспортов, уклоняются от налогов, воруют<sup>239</sup>.

Стилистика, в которой выдержаны пассажи «национал-немецких» евреев о восточноевропейских, порой напоминает национал-социалистскую. Остьюдены сравниваются с саранчой и противопоставляются немецкому труженику: «Бессмысленно искать причины [миграции] или

---

Berlin, XI Natio 104; В 307. Последний номер газеты вышел в свет в 1934 году.

<sup>234</sup> Ibid. 1923. No. 1. S. 2.

<sup>235</sup> Ibid.

<sup>236</sup> Ibid. S. 3.

<sup>237</sup> Ibid. 1922. No. 7. S. 1; 1925. No. 1. S. 5.

<sup>238</sup> Ibid. 1922. No. 7. S. 2.

<sup>239</sup> Ibid. 1924. No. 4. S. 3.

вину [мигрантов]. Эти люди, с их собственной точки зрения, в полном праве поступать так, как поступают: отряхивать с ног прах стран, в которых продолжаются погромы, и ехать на запад. С точки зрения саранчи, она тоже имеет полное право роиться на наших полях, пожирать наши леса. Но не меньшие права имеет и человек, защищающий свою родину, на полях которой растет его хлеб»; «Кто проявляет жалость к бациллам, тот безжалостен по отношению к человеку, которому угрожает этот вредитель»<sup>240</sup>.

Основная вина остьюденов – в том, что их много, раздражает их внешний облик, их речь, их поведение: «Куда ни глянь – всюду они. Повсюду мы видим их странные глаза, в которых хитрость и вязкая скорбь пульсируют и мерцают, как поминальный огонь в масляном светильнике. Всюду мы слышим гортанный, пронзительный звук их взволнованных разговоров. Во всех поездах, во всех вагонах они сидят на корточках и что-то подсчитывают в своих объемистых записных книжках. Во всех кофейнях они сбиваются в активно жестикулирующие стайки, бегают, крича и перешептываясь, от столика к столику, из кофейни – к ближайшему нотариусу, чтобы купить дом или перепродать дом, купленный вчера»<sup>241</sup>. Представления о всеобъемлющей торговле, которую ведут восточноевропейские евреи, граничат с представлениями об их всемогуществе: «Целые улицы Берлина находятся в их руках, жилыцы даже не видят своих истинных хозяев...»<sup>242</sup>

В 1923 году, во время погромов в Шойненфиртеле, евреи – немецкие националисты обвинили в происшедшем самих жертв. По их заявлениям, именно восточноевропейские евреи сами подали погромщикам повод к нападению своим вызывающим образом жизни и участием в спекуляции драгоценными металлами<sup>243</sup>.

В качестве действенных средств руководители Союза рассматривали в первую очередь пропаганду и политическую борьбу: выпуски газеты «Национал-немецкий еврей» содержат призывы распространять сведения о Союзе, ходатайствовать о его внесении в избирательные списки и т.п. Кроме того, они предполагали добиться от правительства устроения миграционного законодательства и контроля за его соблюдением, а в качестве личного вклада пропагандировали бойкот заведений, открытых восточноевропейскими евреями<sup>244</sup>.

Виновными в сложившемся положении «национал-немецкие» евреи считали всех, кто потворствовал остьюденов: полицию и пограничный контроль, которые попустительствуют проникновению восточноевропейских евреев в страну и пребыванию в ней, Бюро попечительства о рабочих, которое не вынуждает их к эмиграции, министра внутренних дел К. фон Северинга, социал-демократа, который разрешает им оставаться в Германии и предоставляет различные законодательные льготы<sup>245</sup>, сионистов, газеты которых пестрят именами восточноевропейских евреев. Еще один упрек, обращенный к сионистам, заключается в их интересе к ближневосточной культуре и отходе от культуры немецкой<sup>246</sup>. Одна из передовиц газеты «Национал-немецкий еврей» носит заголовок: «Евреи, ощущающие себя немцами! Ни пфеннига на возрождение Палестины!»<sup>247</sup>

Ш. Адлер-Рудель указывает, что среди еврейских идеологических течений Союз евреев – немецких националистов замечен не был. Однако для антисемитов он оказался удачной наход-

<sup>240</sup> Ibid. 1922. No. 7. S. 1, 3.

<sup>241</sup> Ibid.

<sup>242</sup> Ibid. S. 1 – 2.

<sup>243</sup> Maurer T. Ostjuden in Deutschland. S. 340 – 342. Т. Маурер анализирует полемику по поводу погромов, развернувшуюся в печати между «национал-немецкими» евреями и сионистами, и отмечает, что для первых эта полемика оказалась возможностью продемонстрировать свою солидарность с немецким народом.

<sup>244</sup> Der nationaldeutsche Jude. 1930. No. 2. S. 6.

<sup>245</sup> Ibid. 1923. No. 1. S. 3.

<sup>246</sup> Ibid. 1922. No. 7. S. 2.

<sup>247</sup> Ibid. 1922. No. 2.

кой, поскольку крайнее ассимиляторство «национал-немецких» евреев и их отказ от всего еврейского были для антисемитской пропаганды весьма выгодны: они как будто подтверждали правоту антисемитов устами самих евреев<sup>248</sup>. Таким образом, результат, достигнутый деятельностью Союза, оказался прямо противоположен поставленной им цели.

Вернемся, однако, к немецким евреям – покровителям остьюденов. Большинство евреев Германии сочувствовали престижной, респектабельной организации – Центральному союзу немецких граждан иудейского вероисповедания (Centralverein der deutschen Staatsbürger jüdischen Glaubens). Центральный союз был организацией просветительского и в основном либерального толка, отстаивавшей необходимость включения евреев в гражданскую и экономическую жизнь Германии. В целом подобная позиция не предполагала ни симпатий по отношению к сионизму, ни любви к восточноевропейским евреям. Однако Центральный союз пытался выполнять роль посредника между немецкими евреями и остьюденом (под лозунгом «восточноевропейские евреи – такие же евреи, как и мы»<sup>249</sup>): выступал за предоставление мигрантам избирательных прав в общинах, спонсировал благотворительные организации, оказывающие помощь остьюденов. Поддержку получали также сионистские организации, однако с оговоркой: Центральный союз не разделяет политических целей сионизма<sup>250</sup>.

Сионисты составляли подавляющее большинство среди защитников остьюденов. Подобная защита предполагала известную долю самоотождествления с подзащитными, оказавшимися в тяжелом положении. Во время погромов 1923 года, полемизируя с Союзом евреев – немецких националистов, сионисты призывали организовать еврейскую самооборону и выступить против погромщиков единым фронтом. «Было бы наивностью, – писал сионистский публицист, – стремиться “ограничить” погром только восточноевропейскими евреями. Этот погром направлен не против восточноевропейских евреев, а против евреев вообще»<sup>251</sup>.

В определенном смысле понятия «быть сионистом» и «помогать восточноевропейским евреям» стали синонимами, и подтверждением в данном случае может служить пример Альберта Эйнштейна, который в начале 1920-х годов примкнул к сионистскому движению как к наиболее «остьюдодобильской» политической силе, способной что-то противопоставить общественным настроениям и политическим тенденциям, враждебным по отношению к остьюденов. «Восточноевропейских евреев сделали козлом отпущения, объявив их виновниками разрухи, в которой сейчас пребывает хозяйственная жизнь Германии и которая в действительности является следствием войны. Спекуляции на тему несчастных беженцев, вырвавшихся из ада, который представляет собой сегодня Восточная Европа, стали одним из наиболее эффективных средств политической борьбы и с успехом используются демагогами. Когда правительством разрабатывались меры против восточноевропейских евреев, я ввязался в дискуссию и указывал на страницах “Berliner Tageblatt” на бесчеловечность и бессмысленность этих мер», – эти сочувственные слова об остьюденов Эйнштейн написал в 1921 году в эссе «Как я стал сионистом»<sup>252</sup>.

Одним из тех, кто вовлек Эйнштейна в сионистскую деятельность, был Гарри Эпштейн, руководитель нескольких сионистских организаций Дуйсбурга и Вестфалии. Несмотря на провинциальность Дуйсбурга, Эпштейн был заметным действующим лицом в еврейской жизни Германии, участвовал в сионистских дискуссиях, тесно общался со многими знаменитыми сио-

<sup>248</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland. S. 29.

<sup>249</sup> Gidal T.N. Ha-yehudim be-Germanya mi-tequfat ha-romaim ‘ad le-republiqat Waymar. P. 399.

<sup>250</sup> Ibid. P. 405.

<sup>251</sup> Maurer T. Ostjuden in Deutschland. S. 341.

<sup>252</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland. S. 301 ; Gidal T.N. Ha-yehudim be-Germanya mi-tequfat ha-romaim ‘ad le-republiqat Waymar. P. 283. Позднее Эйнштейн присоединил свой голос к воззванию Эмигдиректа и ОЗЕ и обратился к американским евреям с призывом поддержать остьюденов. См. переписку Эйнштейна и Ю.Д. Бруцкуса в Центральном архиве истории еврейского народа: Ha-arkhiyon ha-merkazi le-toldot ha-‘am ha-yehudi, Yeruṣalayim. Inv. 1204.

нистами – Максом Боденхаймером, Альфредом Клее, Арнольдом Цвейгом, Мартином Бубером (именно под влиянием Эпштейна Бубер примкнул к сионизму), Нохумом Гольдманом, Куртом Блюменфельдом и др. Эпштейн регулярно печатался в газете «Jüdische Rundschau» и других изданиях, выступал с лекциями в университетах<sup>253</sup>. Он начал свою деятельность еще до войны, добившись предоставления восточноевропейским евреям в своей общине избирательных прав. После Первой мировой войны он занялся организацией помощи еврейским мигрантам: был основным инициатором создания в 1918 году в Дуйсбурге отделения Еврейской биржи труда. До создания Биржи он и его жена приискивали беженцам работу собственными силами<sup>254</sup>. В 1920 году дуйсбургская Биржа вошла в состав Бюро попечительства о рабочих, и Эпштейн организовал отделения Бюро в Кельне и Бохуме.

Эпштейн был сторонником так называемой *продуктивной помощи*: подопечным его организаций приискивалась работа или оплачивался билет до места будущей работы, а также оказывалась помощь в получении документов (паспорта, вида на жительство и т.п.) – в этом смысле деятельность организаций Эпштейна весьма похожа на деятельность Союза русских евреев в Германии. В определенный момент как Союз, так и организации, руководимые Эпштейном, стали собирать средства для своей деятельности в еврейских общинах Германии (что вызывало недовольство либералов)<sup>255</sup>. Чтобы спасти мигрантов от высылки, Эпштейн записывал их сотрудниками своего предприятия<sup>256</sup>.

Еще одной политической силой, на поддержку которой остьюдены могли претендовать, были социал-демократы<sup>257</sup>. В отличие от сионистов, они не считали принципиальными культурные различия между немецкими и восточноевропейскими евреями, не проявляли внимания к традиционному жизненному укладу и религиозности остьюдены. В социал-демократических партиях – СДПГ (Sozialdemokratische Partei Deutschlands, Социал-демократическая партия Германии) и существовавшей с 1917 по 1931 год НСДПГ (Unabhängige Sozialdemokratische Partei Deutschlands, Независимая социал-демократическая партия Германии) – присутствие евреев не было значительным, и входившие в их состав евреи занимались общегерманской политикой, не уделяя, как правило, специального внимания проблемам евреев.

Один из виднейших представителей СДПГ и НСДПГ, в 1902 – 1918 и 1920 – 1928 годах – депутат Рейхстага, Эдуард Бернштейн определял свою национальную принадлежность следующим образом: «Я не являюсь религиозным евреем и не вхожу в еврейские национальные объединения, не принадлежу также к евреям-националистам. Я вырос в лоне немецкого народа и ощущаю себя немцем, однако помню, что по происхождению я еврей, и если евреи испытывают притеснения, я чувствую своим природным долгом вступить за них»<sup>258</sup>.

Полемизируя с патриотами-антисемитами, Бернштейн создает апологию восточноевропейских евреев и евреев вообще, отрицая их вину за поражение Германии в войне, указывая на их высокий культурный и образовательный уровень. В брошюре «О задачах евреев в мировой войне», вышедшей в свет в 1917 году, он называет евреев «связующим элементом между народами культурного мира», «учителями народов» (речь шла о роли евреев в распространении

<sup>253</sup> Heid L. Harry Epstein. S. 292.

<sup>254</sup> Ibid. S. 227 – 288.

<sup>255</sup> Ibid. S. 289.

<sup>256</sup> Ibid. S. 290. В период Второй мировой войны к такому же способу будет прибегать О. Шиндлер. Вот только ставка в его случае была гораздо выше.

<sup>257</sup> Именно к этим двум течениям – сионистскому и социал-демократическому – примыкали, как правило, восточноевропейские евреи, получавшие немецкое подданство. См.: Gidal T.N. Ha-yehudim be-Germanya mi-tequmat ha-romaim 'ad le-republiqat. P. 405.

<sup>258</sup> PAAA. R 23154. Besprechung über Judenfragen, 31.3.1919. S. 19. Цит. по: Löwe T. Der Politiker Eduard Bernstein: eine Untersuchung zu seinem politischen Wirken in der Frühphase der Weimarer Republik 1918 – 1924. Bonn, 2000. S. 53.

монотеизма)<sup>259</sup>. В работе «Восточноевропейские евреи в Германии» (1923) Бернштейн опровергает стереотипы относительно остьюденов, распространенные в среде правых (восточноевропейские евреи паразитируют на немецком обществе, гнушаются физическим трудом, занимаются спекуляциями, они морально неполноценны и т.д.). Он приводит статистические данные о евреях, работающих на рудниках в Вестфалии, свидетельства немецких рабочих, которые положительно отзывались об остьюденов, работающих бок о бок с ними, и, более того, заявляет, что между немецкими и восточноевропейскими евреями нет принципиальных моральных различий<sup>260</sup>.

Не входя официально в еврейские организации, Эдуард Бернштейн с ними активно сотрудничал: он служил неофициальным посредником между властными структурами и Бюро попечительства о рабочих, Секретариатом для рабочих – восточноевропейских евреев, контактировал с сионистским движением Поалей-Цион<sup>261</sup>.

Социал-демократом был и Юлиус Бергер, известный сионистский деятель и публицист (во время войны он не раз пытался привлечь внимание к проблеме еврейских беженцев, ратовал за открытие восточной границы Германии). Он тесно сотрудничал с Всемирной сионистской организацией, был председателем немецкого отделения Керен га-йесод<sup>262</sup>; в еврейской жизни Германии он также сыграл значительную роль, добившись создания еврейского отдела в Немецкой службе занятости<sup>263</sup> и приняв участие в создании Секретариата по делам еврейских рабочих<sup>264</sup>.

В парламенте социалисты боролись против высылки евреев из разных земель и полицейского произвола в отношении восточноевропейских евреев-мигрантов, поступали даже предложения предоставить им полное гражданское равноправие после пяти лет пребывания в Германии<sup>265</sup>. Бергер в 1919 году направил в МИД Германии меморандум с протестом против высылки евреев из Пруссии<sup>266</sup>.

Наконец, членом социал-демократической партии долгое время был человек, которого называли заступником восточноевропейских евреев, – видный политический деятель и публицист Пауль Натан. Его политические пристрастия менялись: в начале XX века он был либералом и редактировал газету либеральной направленности «Нация» («Die Nation»), после войны вступил в DDP (Deutsche Demokratische Partei, Немецкая демократическая партия), в 1921 году перешел в СДПГ.

В 1901 году для помощи восточноевропейским мигрантам Натан совместно с Дж. Симон и Б. Каном создал Благотворительный союз немецких евреев (Hilfsverein der deutschen Juden) для помощи евреям Восточной Европы и Ближнего Востока. Помощь оказывалась по трем направлениям: материальная поддержка, содействие эмиграции и создание сети школ<sup>267</sup>.

<sup>259</sup> Bernstein E. Von der Aufgabe der Juden im Weltkriege. Berlin, 1917. S. 24. Цит. по: Wistrich R.S. Eduard Bernsteins Einstellung zur Judenfrage // Juden und deutsche Arbeiterbewegung bis 1933. Soziale Utopien und religiös-kulturelle Traditionen. Tübingen, 1992. S. 87. Товарищ Бернштейна по партии Оскар Кон во время парламентских дебатов 1922 года о роли евреев в поражении Германии заявил, что еврейские рабочие, депортированные в страну во время войны, были поддерживающей силой, позволявшей Германии оставаться в войне до 1918 года (Heid L. «Proletarier zu sein und Jude dazu, das bedeutet unsägliches Leid...» Sozialisten zur «Ostjudenfrage» // Ibid. S. 186).

<sup>260</sup> Heid L. «Proletarier zu sein und Jude dazu, das bedeutet unsägliches Leid...». S. 188; Aschheim S. Brothers and Strangers. S. 239 – 240.

<sup>261</sup> Heid L. «Proletarier zu sein und Jude dazu, das bedeutet unsägliches Leid...». S. 187.

<sup>262</sup> PAAA. R 78680. L 337005. L 337008. Керен га-йесод (ועדו: основной фонд) – фонд, основанный в 1920 году в Лондоне для финансирования Всемирной сионистской организации. Отделения фонда были созданы в странах со значительным еврейским населением.

<sup>263</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland. S. 39.

<sup>264</sup> Ibid. S. 44.

<sup>265</sup> Heid L. «Proletarier zu sein und Jude dazu, das bedeutet unsägliches Leid...». S. 288.

<sup>266</sup> Aschheim S. Brothers and Strangers. P. 239.

<sup>267</sup> Feder E. Paul Nathan – Politiker und Philanthrop // Deutsches Judentum. Aufstieg und Krise. Stuttgart, 1963. S. 129.

Цель Союза провозглашалась следующим образом: «Способствовать нравственному, духовному и экономическому развитию своих братьев по вере, в особенности в Восточной Европе и в Азии»<sup>268</sup>. Как и другие немецко-еврейские просветительские организации, Благотворительный союз пропагандировал немецкую культуру и стремился распространять ее среди евреев Ближнего Востока и Восточной Европы – в противовес французскому «Альянсу» (Alliance Israélite Universelle). В 1903 – 1905 годах Союз оказывает помощь жертвам погромов на юге Российской империи, развивает сеть школ и детских садов в Палестине, облегчает восточно-европейским евреям эмиграцию в США. В 1904 году на конференции по эмиграции Натан предлагает проект переселения евреев в США и страны Южной Америки. За 1905 – 1914 годы Благотворительный союз немецких евреев оплатил переезд 210 771 из примерно 700 тысяч евреев, эмигрировавших из Восточной Европы в США<sup>269</sup>.

Во время Первой мировой войны Благотворительный союз действует в Восточной Европе, в прифронтовой полосе, помогая евреям – жертвам погромов, боевых действий и депортаций, организует доставку гуманитарной помощи евреям на территориях, оккупированных немецкой армией<sup>270</sup>, эвакуацию с этих территорий и расселение в Германии детей восточноевропейских евреев, оставшихся сиротами. После войны Союз вместе с Джойнтом отстраивает в Восточной Европе разрушенные местечки и еврейские кварталы в городах и снабжает пострадавших.

В послевоенной Германии Натан, как и Бернштейн, публиковал материалы, оправдывающие присутствие восточноевропейских евреев в Германии. Примечательна его статья «Восточные евреи в Германии и антисемитская реакция», вышедшая в свет в 1922 году: Натан описывает события, в ходе которых десятки тысяч восточноевропейских евреев оказались на территории Германии, и опровергает несколько стереотипов, закрепившихся в риторике правых применительно к восточноевропейским евреям, в частности представление об их огромной численности<sup>271</sup>.

Натан не был еврейским националистом, себя определял как человека немецкой культуры и видел путь решения проблемы антисемитизма в аккультурации евреев, сионизму он не симпатизировал. Однако именно Натан организовал успешный сбор средств для создания сети еврейских школ в Палестине и был одним из создателей Техниума в Хайфе, который впоследствии получил название Технион. Примечательно, что Натан, несмотря на свою приверженность немецкой культуре и немецкому языку, считал, что языком преподавания в школах должен быть иврит – причем, как утверждает его биограф Э. Федер, не по национальным, а по педагогическим причинам (владение дополнительным иностранным языком он считал чрезвычайно полезным для развития ребенка)<sup>272</sup>.

Политическая значимость Натана была достаточно велика: в 1900-х годах после погромов на юге России он два раза приезжал в Петербург и получал аудиенцию у С.Ю. Витте, П.А. Столыпина и В.Н. Коковцева. В беседах с российскими сановниками Натан требовал гражданского равноправия для евреев (разрешение заниматься сельским хозяйством, винокурением и продажей алкоголя, допуск к занятию начальственных должностей, отмену привилегий для еврейских купцов 1-й и 2-й гильдий, разрешение организовать собственные школы). Эти требования не были удовлетворены; впрочем, не только радикальные предложения германского общественного деятеля, но и гораздо более умеренный проект изменения законов о евреях

<sup>268</sup> Gidal T.N. Ha-yehudim be-Germanya mi-tequfat ha-romaim 'ad le-republiqat Waymar. P. 328.

<sup>269</sup> Ibid. P. 133.

<sup>270</sup> Ibid. P. 139.

<sup>271</sup> Публикацию русского перевода статьи см.: Натан П. Восточные евреи в Германии и антисемитская реакция // Архив еврейской истории. М., 2008. Т. 5.

<sup>272</sup> Feder E. Paul Nathan. S. 134.

в либеральном духе, представленный Столыпиным, был отвергнут лично императором Николаем II<sup>273</sup>.

Натан старался привлечь общественное внимание к антисемитизму в России, выпускал «Корреспонденцию из России», в которой писал о положении евреев в России, а в 1913 году, когда начался процесс Бейлиса, он неоднократно выступал в защиту обвиняемого, выпустил книгу «Случай Ющинского», в которой доказывал, что М. Бейлис не виновен в инкриминируемом ему убийстве. В целом проблему антисемитизма в России Натан считал не разрешимой мирным путем, поэтому он добивался принятия антироссийских политических решений, в 1917 году приветствовал революцию, в 1920-е организовал гуманитарную помощь голодающим советским евреям и поддержал проекты аграрной «продуктивизации» евреев<sup>274</sup>.

Еще одна организация, оказавшая в послевоенные годы серьезную поддержку беженцам, – Союз еврейских женщин (Jüdischer Frauenbund), учрежденный Бертой Паппенхайм и Зидони Вернер в 1904 году. Союз еврейских женщин не был создан специально для помощи восточноевропейским евреям и не имел политических амбиций: он был задуман как социальное движение, совмещающее еврейскую традицию и участие в жизни немецкого общества. Иными словами, по замыслу создательниц Союза, еврейская женщина должна была быть вовлечена как в жизнь еврейской религиозной общины, так и в гражданскую жизнь, которая происходит вне общины.

Социальная работа, которой в основном занимался Союз, в первые годы была направлена преимущественно на борьбу с проституцией и торговлей женщинами (жертвами часто оказывались еврейки)<sup>275</sup>. Кроме того, Союз занимался благотворительностью и организовывал курсы, на которых женщины могли обучаться продуктивным профессиям, и занятия по еврейской традиции. Союз имел значительные амбиции по реформированию еврейской общины: начиная с самых первых лет существования Союза его идеологи добивались предоставления женщинам права голоса на общинных выборах (таким образом, «выборная» история восточноевропейских евреев повторила сценарий, уже осуществленный Союзом еврейских женщин 15 – 20 лет назад)<sup>276</sup>.

К 1920-м годам Союз еврейских женщин был достаточно влиятельной организацией: в его деятельности участвовала почти четверть женского немецко-еврейского населения, кроме того, Союз входил в состав Лиги женских организаций Германии<sup>277</sup>, и поэтому его помощь оказалась для еврейских мигранток существенной. Во-первых, Союз помогал им обучиться профессии и/или найти работу<sup>278</sup>. Во-вторых, Союз вновь стал бороться со своим главным врагом. Проституция оказалась одной из важнейших социальных проблем еврейских мигранток из Восточной Европы (девушек, очутившихся в незнакомом большом городе без работы и средств к существованию, кроме того, исторгнутых из общинной структуры с ее традиционными ценностями и системой определенного контроля). Союз еврейских женщин вновь

<sup>273</sup> Ibid. S. 130 – 131.

<sup>274</sup> На собрании Благотворительного союза немецких евреев в марте 1925 года Натан выступил с докладом «Еврейская проблема», в котором речь шла о том, что эмиграция восточноевропейских евреев на запад (в т.ч. в США: иммиграционная квота была введена годом ранее) невозможна, поэтому единственным перспективным направлением эмиграции является советский Дальний Восток: Центральный архив еврейской истории (Ha-arkhiyon ha-merkazi le-toldot ha-'am ha-yehudi, Yerušalayim). M2/1/f. T 12825b. P. 10 – 11. К реализации подобных планов Натан относился вполне серьезно, в 1926 году он вместе с М. Вишницером посетил московскую конференцию ОЗЕТа, где обсуждались различные проекты еврейской сельскохозяйственной колонизации (M2/1/f. T-12825e. P. 18).

<sup>275</sup> См.: Kaplan M.A. Die jüdische Frauenbewegung in Deutschland, Organisation und Ziele des Jüdischen Frauenbundes 1904-1938. Hamburg, 1981.

<sup>276</sup> Barkai A., Mendes-Flohr P. German-Jewish History. P. 68 – 69; Kaplan M.A. Jüdisches Bürgertum, Frau und Familie im Kaiserreich. Hamburg, 1997. S. 121.

<sup>277</sup> Barkai A., Mendes-Flohr P. German-Jewish History. P. 68.

<sup>278</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland. S. 79.

пытался привлечь общественное внимание к этой проблеме, однако его действия не увенчались успехом, поскольку религиозные организации старались замалчивать распространение проституции среди евреев<sup>279</sup>.

Во время Первой мировой войны социальная деятельность Паппенхайм и Вернер распространилась и на ост्यों: их опыт был востребован в Центральном благотворительном обществе немецких евреев (*Zentralwohlfahrtsstelle der deutschen Juden*) – большой организации, которая возникла в результате слияния нескольких благотворительных союзов для поддержки еврейских мигрантов и рабочих; в 20 – 30-е годы Общество возглавляли Ойген Каспари и раввин Лео Бек. Общество оказывало материальную и правовую помощь, прежде всего военнопленным и беженцам.

В годы Первой мировой войны возникает ряд организаций для помощи евреям, пострадавшим в ходе войны. Большинство из них были созданы сионистами. Первой стал Немецкий комитет освобождения русских евреев (*Das deutsche Komitee zur Befreiung der russischen Juden*), учрежденный в Германии в 1914 году по инициативе Франца Оппенхаймера (Оппенгеймера) и Макса Боденхаймера. Комитет имел и политические амбиции: его идеологи поддерживали немецкую оккупацию Польши, надеясь, что она позволит польским евреям получить национальную автономию. Одним из активных деятелей Комитета был известный сионистский функционер Лео Моцкин. В дальнейшем помощью евреям прифронтовой полосы занимались Восточный комитет (*Das Komitee für den Osten*) – зонтичная организация, аккумулировавшая средства нескольких крупных благотворительных союзов (Союза немецких евреев, Союза еврейских общин Пруссии, Сионистской организации Германии, Бней-Брит<sup>280</sup> и др.)<sup>281</sup>, председателем которой был чиновник Министерства иностранных дел Германии проф. Зобернхайм, и Немецкое объединение для защиты интересов восточноевропейских евреев (*Deutsche Vereinigung für die Interessen der osteuropäischen Juden*), руководимое Альбертом Баллином, Максом Варбургом и Паулем Натаном<sup>282</sup>.

Однако Комитету не удалось консолидировать все основные силы немецкого еврейства. С одной стороны, для многих он был чересчур сионистским<sup>283</sup>, с другой – для сионистов он оказался чересчур просветительским: Б. Сегель, автор, публиковавшийся в журнале «*Ost und West*», упрекал Боденхаймера в чрезмерной приверженности к немецкой культуре и в неправильном понимании эмансипации (создание национальной автономии в Восточной Европе, полагал он, только усугубит дискриминацию евреев)<sup>284</sup>.

Большинство действий Комитета по оказанию помощи были «дистанционными»: евреи Германии направляли средства жертвам погромов в Восточной Европе, не сталкиваясь с ними лично. Целью их была не только непосредственная материальная поддержка, но и предотвращение вероятного кризиса, который был бы вызван приездом в Германию массы евреев, лишившихся в военное время крова и возможности заработка<sup>285</sup>.

<sup>279</sup> Niewyk D.L. *The Jews in Weimar Germany*. P. 118.

<sup>280</sup> Бней-Брит – самая старая и одна из наиболее многочисленных еврейских общественных организаций. Основана в Нью-Йорке 13 октября 1843 года. «Бней-Брит» (буквально: «Сыны Завета») – термин, применяемый в еврейской традиции к лицам, исповедующим иудейскую религию; эмблема Бней-Брит – менора (семисвечник). В преамбуле к уставу Бней-Брит цели организации сформулированы следующим образом: «Бней-Брит видит свою цель в объединении лиц еврейской веры в работе, направленной на удовлетворение их важнейших интересов и интересов всего человечества». Таким образом, программа Бней-Брит охватывала сферу, выходящую за пределы специфических еврейских проблем. Первая ложа (отделение) Бней-Брит в Европе была основана в 1882 году в Германии.

<sup>281</sup> Lowenstein S.M., Mendes-Flohr P., Pulzer P., Richarz M. *Deutsch-jüdische Geschichte in der Neuzeit*. München, 1997. B. 3. S. 363. См. также: Adler-Rudel Sh. *Ostjuden in Deutschland*. S. 36.

<sup>282</sup> Lowenstein S.M. et al. *Deutsch-jüdische Geschichte in der Neuzeit*. S. 364.

<sup>283</sup> Ibid. S. 363.

<sup>284</sup> Brenner D.A. *Promoting East European Jewry*. P. 76.

<sup>285</sup> Lowenstein S.M. et al. *Deutsch-jüdische Geschichte in der Neuzeit*. S. 364.

Ситуация изменилась ближе к концу войны, когда на территории Германии оказалось большое количество депортированных восточноевропейских евреев (угнанных на работу на немецких заводах и прочих предприятиях), а позже – военнопленных и мигрантов, волны которых захлестнули Германию в первые послевоенные годы. Появилась необходимость в создании организаций, занимающихся их снабжением и устройством. Первой такой организацией стал еврейский отдел Немецкой биржи труда (*Deutsche Arbeiterzentrale*)<sup>286</sup>, которая вербовала рабочих из Восточной Европы во время войны. Отдел был создан в 1917 году по инициативе Юлиуса Бергера.

В 1918 году Бергером и его коллегами был учрежден Секретариат помощи еврейским рабочим (*Sekretariat für ostjüdische Arbeiter*), студентами-сионистами – Союз профессиональной помощи еврейским солдатам (*Berufsfürsorgestelle für jüdische Soldaten*), организация по реабилитации воевавших евреев и профессиональной их подготовки для жизни в Палестине. В дальнейшем Союз получил название Еврейская биржа труда (*Jüdisches Arbeitsamt*)<sup>287</sup>. Одновременно была создана организация, выполнявшая аналогичные задачи, – Бюро попечительства о рабочих (*Arbeiterfürsorgeamt*). Она стала в итоге основной организацией помощи восточноевропейским евреям. Организаторами Бюро был повторен опыт создания Восточного комитета; Бюро попечительства о рабочих тоже представляло собой зонтичную структуру, за которой стояло сразу несколько благотворительных организаций, в их числе сам Комитет и его организаторы (Союз немецких евреев, Бней-Брит, Сионистская организация Германии)<sup>288</sup>.

Еврейский отдел Немецкой биржи труда просуществовал до конца войны, после чего прекратил свою деятельность вместе с прекращением деятельности самой Биржи<sup>289</sup>. Секретариат еврейских рабочих действовал до осени 1919 года (в 1919 году он был поглощен Бюро, чуть позже та же судьба постигла и Еврейскую биржу труда). Между ним и Бюро попечительства о рабочих существовало достаточно четкое разделение функций: Секретариат занимался подысканием работы, Бюро – политической и правовой защитой мигрантов, а также материальным их снабжением (выдачей пособий).

В области правовой и политической защиты Бюро попечительства о рабочих довольно скоро стало авторитетной инстанцией: оно сотрудничало с полицией, Министерством внутренних дел Германии, предоставляло информацию о мигрантах, регистрировало их. В 1919 году оно получило право выдавать мигрантам паспорта (процедура запроса данных у консульств, а тем более процедура установления личности, проводившиеся полицией, были сложны, и полиция часто передоверяла их Бюро)<sup>290</sup>; с Бюро согласовывались вопросы высылки восточноевропейских евреев (количество высылки Бюро удавалось минимизировать).

Разновидностью юридической помощи было и приискание мигрантам жилья: по закону работодатель должен был обеспечить жильем своих работников, что еще более затрудняло трудоустройство мигрантов<sup>291</sup>. Для решения этой проблемы Бюро создало специальную сеть размена квартир и прочих помещений. Для мигрантов, не способных платить за съем жилья, Бюро организовало приют<sup>292</sup>, а в 1920 году совместно с Союзом восточных евреев получило в свое распоряжение бывший «берлинский приют» – целый городок, позволявший вместить несколько сот бездомных и предоставить им проживание, питание, врачебную помощь и обу-

<sup>286</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland. S. 39.

<sup>287</sup> Ibid. S. 79.

<sup>288</sup> Ibid. S. 44.

<sup>289</sup> Ibid. S. 46.

<sup>290</sup> Ibid. S. 67.

<sup>291</sup> Ibid.

<sup>292</sup> Maurer T. Ostjuden in Deutschland. S. 538 – 539.

чение<sup>293</sup>. Мигрантам позволялось находиться в городке до тех пор, пока они не найдут себе постоянное жилье или не покинут Германию.

Стимулирование дальнейшей эмиграции было одной из важных целей Бюро. При помощи Благотворительного союза немецких евреев Бюро ходатайствовало о получении мигрантами разрешений на въезд, виз, приобретало им билеты и выдавало субсидии, позволявшие покрыть дорожные расходы<sup>294</sup>.

Более того, Бюро иногда удавалось влиять на юридическую практику в Германии, лоббируя принятие законов, благоприятствующих еврейским мигрантам, в частности Указа о восточноевропейских евреях, речь о котором шла в предыдущей главе<sup>295</sup>.

Еще одной функцией Бюро было составление статистики еврейской миграции: именно к данным Бюро попечительства о рабочих обращались чиновники Министерства внутренних дел в ходе дебатов об иммиграции восточноевропейских евреев<sup>296</sup>.

Такое значительное влияние Бюро позволила приобрести поддержка некоторых видных деятелей еврейской общины Германии: Пауля Натана, Фрица Мордхе Кауфмана, Бернарда Кана, который впоследствии стал представителем Джойнта и помог добиться финансирования деятельности Бюро<sup>297</sup>.

Бюро попечительства о рабочих представляет собой первую крупную организацию, созданную для помощи восточноевропейским евреям, оказавшимся в ходе войны на территории Германии. Оно же являлось и первой еврейской благотворительной организацией, помогающей остьюденам, официальной идеологией которой не был сионизм.

В 1920 году Бюро получает название *Arbeiterfürsorgeamt der jüdischen Organisationen Deutschlands* – Бюро попечительства о рабочих еврейских организаций Германии, и его зонтичная структура получает юридическое оформление. Принимается решение, что в состав Бюро будут входить 12 еврейских организаций, представляющих собой довольно широкий спектр движений, дружественных остьюденам, – от сионизма до бундизма: Главная ложа Бней-Брит, Благотворительный союз немецких евреев, Еврейская община Берлина, Еврейская биржа труда, Восточный комитет, Центральное бюро помощи еврейским бродягам и нищим, Центральный союз немецких граждан иудейского вероисповедания, Сионистское объединение Германии, Бунд, Га-поэль га-цаир<sup>298</sup>, Социал-демократическая рабочая организация и Союз восточных евреев<sup>299</sup>.

Бюро продолжало свою деятельность вплоть до середины 1930-х годов и за это время успело поддержать несколько десятков тысяч евреев: помощь заключалась в защите их от высылки, снабжении документами, предоставлении жилья, часто помощи при трансмиграции (наряду с Палестиной направлениями миграции были страны Западной Европы и США) и репатриации. Однако основной путь решения «восточноевропейской проблемы» Бюро видело в трудоустройстве мигрантов. В частности, в 1922 году Бюро была опубликована цифра в 40 тысяч рабочих мест, предоставленных восточноевропейским евреям<sup>300</sup>.

Организации, входящие в состав Бюро, не всегда проводили благотворительные акции под его эгидой. Иногда они действовали изолированно: так, например, в 1922 году Благотворительный союз немецких евреев взял на себя заботу о группе еврейских детей с Украины,

<sup>293</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland. S. 87.

<sup>294</sup> Ibid. S. 88.

<sup>295</sup> Ibid. S. 66.

<sup>296</sup> Maurer T. Ostjuden in Deutschland. S. 534; PAAA. R 78705. L 348515.

<sup>297</sup> Maurer T. Ostjuden in Deutschland. S. 72 – 73.

<sup>298</sup> Га-поэль га-цаир (*иврит*: молодой рабочий) – сионистская рабочая партия, созданная в 1905 году в Палестине и имевшая последователей в Германии.

<sup>299</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland. S. 71.

<sup>300</sup> Niewyk D.L. The Jews in Weimar Germany. P. 114.

оставшихся сиротами после погромов. Дети были распределены по детским домам Германии, получили материальную поддержку и профессиональное образование<sup>301</sup>.

Состав еврейской эмиграции был неоднороден, к «восточным евреям» формально относились и галицийские ремесленники или мелкие торговцы, и петербургские юристы или литераторы, которые едва ли сумели бы найти общий – в буквальном смысле слова – язык со своими сородичами. Стереотип остьюдена, закрепившийся в сознании немецкого (да и не только немецкого) обывателя, – бывший житель местечка, ведущий традиционный образ жизни и говорящий на идише. Русские евреи стремились подчеркнуть свое отличие от местечковых евреев: русский еврей – обитатель крупного города, носитель русского языка и русской культуры, принадлежащий к русской интеллигенции. Во всяком случае, к созданию именно такого образа стремились деятели Союза русских евреев, важнейшей организации самопомощи, созданной русско-еврейскими эмигрантами в Германии. Подобный стереотип, отчасти верный (но лишь отчасти!), утвердился и в исследовательской литературе<sup>302</sup>. В реальности, однако, большинство бенефициантов того же Союза русских евреев вовсе не относилось к интеллектуальной элите, о чем подробнее пойдет речь в следующей главе.

Русские евреи, дистанцируясь в определенной степени от своих менее европеизированных единоверцев, в то же время отнюдь не отказывались от этих бедных – в прямом смысле слова – родственников. Более того, они восхищались их естественностью и приверженностью традициям. Суждения русских евреев об остьюдена напоминали суждения немецких евреев, не случайно в их текстах можно уловить знакомые интонации. Так, тема родства с восточноевропейскими евреями и благотворного влияния остьюдена на евреев западных была центральной в статье Е. Рабиновича с характерным названием «*Ex oriente lux!*» («Свет с востока!»), посвященной «германским настроениям» и опубликованной в парижском журнале «Еврейская трибуна». Анализируя роман «*Toŭ va-voŭ*», созданный немецким сионистом С. Гронеманом, Рабинович замечал:

то, что придает этому роману глубокий интерес – это попытка художественного воспроизведения того глубокого идейного содержания, которое приносят «культурному» германскому еврейству «дикие» *евреи из Литвы, Польши, Украины, – короче говоря – русские евреи*. Если немецкое еврейство еще существует вообще как таковое – как говорит автор, – то только потому, что время от времени в него вливается живительная волна с востока. Ибо в обоих своих ликах – ассимиляторском и ортодокском – немецкое еврейство одинаково перестало быть чем-то настоящим: одни разучились быть евреями, другие не научились быть немцами. Одно из двух: или карикатурная «германизация» с вечным стыдом своего еврейского происхождения и объективной и субъективной невозможностью забыть его – или сохранение внешнего обряда, не только без внутренней религии, но и без сознания того символического значения, которое живет в самом обряде даже тогда, когда непосредственная вера уже давно исчезла<sup>303</sup>.

<sup>301</sup> Maurer T. Ostjuden in Deutschland. S. 533.

<sup>302</sup> Ibid. S. 709 – 716; Шлэгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). М.: НЛЮ, 2004. С. 387.

<sup>303</sup> Рабинович Е. Ex oriente lux! (Из германских настроений) // Еврейская трибуна. 1920. № 43. 22 окт. Рецензия написана в шпенглеровском духе: немецких евреев автор критикует за ассимиляторство и утрату своего еврейства, а Восточную Европу рассматривает как источник обновления: «Тоска немецкого еврея по утраченной национальной идее делается отражением общей тоски лучшей части европейской интеллигенции по утраченной культуре; вера в русское еврейство делается частью веры в “свет на востоке”, в новую культуру, которая должна сменить – или оживить – европейскую цивилизацию».

Картина была бы неполной без упоминания еще одного мотива, который возникает у немецких евреев – защитников остьюденов в середине 1920-х годов, – это разочарование в подопечных.

В 1925 году Гарри Эпштейн писал своему коллеге Исроэлу Таубе: «Наибольшие трудности, с которыми я сталкивался за время моей утомительной, но до сих пор успешной деятельности, мне доставляли те, от кого этого можно было меньше всего ожидать, – сами восточно-европейские евреи»<sup>304</sup>. То же самое отмечали и создатели Союза восточноевропейских евреев (Verband der Ostjuden): «Несмотря на нападки на восточноевропейских евреев, сами жертвы отказывались дать серьезный организованный отпор. Как от немецких евреев можно было ожидать защиты, если сами восточные евреи не пытались себя защитить?»<sup>305</sup>

Полагаем, что эти упреки были не вполне заслуженными. Если говорить о нападках политических, то восточноевропейские евреи вряд ли имели какие-либо возможности постоять за себя, не будучи гражданами Германии, да и не слишком хорошо, в большинстве своем, владея немецким языком. Что же касается помощи в адаптации в новой стране, юридической защите эмигрантов, то в этом отношении восточноевропейские евреи проявили, на наш взгляд, достаточно высокую способность к самоорганизации, в значительной степени «вывезенную» из России.

Мы говорим не об остьюденов вообще, а о русских евреях, создавших одну из самых эффективных благотворительных организаций русского Берлина – Союз русских евреев в Германии. О нем пойдет речь в следующей главе.

---

<sup>304</sup> Heid L. «Proletarier zu sein und Jude dazu, das bedeutet unsägliches Leid...». S. 284.

<sup>305</sup> Aschheim S. Brothers and Strangers. P. 239.

## Глава 3

# СОЮЗ РУССКИХ ЕВРЕЕВ В ГЕРМАНИИ

История организаций, представлявших интересы восточноевропейских и российских евреев, находившихся в Берлине, начинается еще до Первой мировой войны. Наиболее известной из них является Русский студенческий союз (Russischer Studentenverein) – организация, созданная в 1880-е годы для объединения студентов, приехавших для учебы в университетах Германии. В нее входили почти исключительно евреи. Наиболее националистически настроенные студенты-евреи в 1889 году вышли из состава этой организации и создали свою – Русско-еврейский научный союз (Russisch-Jüdischer Wissenschaftlicher Verein), программа которого подчеркивала еврейский национальный характер организации<sup>306</sup>.

Обе организации – Русский студенческий союз и Русско-еврейский научный союз – являлись, по сути, клубами дебатов, в которых еврейские студенты продолжали политические споры, начатые еще в России. Многие члены Русско-еврейского научного союза стали впоследствии известными сионистскими деятелями. Среди них – Лео Моцкин (участник первого Сионистского конгресса, впоследствии – глава Всемирной сионистской организации), Хаим Вейцман (первый президент Израиля), Шмарья Левин (общественный деятель и журналист), Виктор Якобсон (дипломат, представлявший сионистскую организацию во время войны в Константинополе, а позже – Еврейское агентство при Лиге Наций в Женеве), Нахман Сыркин (основатель социалистического сионизма).

Практически все организации, поддерживавшие еврейских мигрантов до и во время Первой мировой войны, были созданы немецкими евреями (как националистами, так и просветителями, как сионистами, так и либералами), которые желали оказать безвозмездную помощь своим восточноевропейским единоверцам и в то же время преследовали иногда те или иные собственные политические цели. Восточноевропейские евреи относились к немецко-еврейским благотворительным организациям двояко: с одной стороны, они были благодарны немецким евреям за поддержку, с другой – их не устраивало положение «бедного родственника», которому помогают, однако не дают возможности действовать самому.

Стремление самим участвовать в благотворительной помощи своим соплеменникам побуждало общественных деятелей, в том числе общинных лидеров, приехавших из России, сотрудничать с немецкими сионистами, прежде всего с активистами Народного дома и Центрального благотворительного общества<sup>307</sup>. Однако многих эмигрантских лидеров не вполне устраивал характер сотрудничества: они хотели создания собственных организаций. Их мотивы можно понять из переписки в 1921 году по поводу их возможного объединения между недавно возникшими Союзом восточных евреев и Союзом русских евреев в Германии. Союз восточных евреев направил Союзу русских евреев следующую ноту:

Восточные евреи передавали до сих пор их опеку и защиту немецким евреям. Это далеко недостаточно. Поведение немецких евреев при этом находится в первую очередь в зависимости от их собственных интересов, контроль же и корректив со стороны тех, кого это больше всего касается, т.е. самих же восточных евреев, – отсутствует совершенно. В

---

<sup>306</sup> Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. Tübingen, 1959. S. 16.

<sup>307</sup> Barkai A., Mendes-Flohr P. German-Jewish History in Modern Times. Vol. 4. Renewal and Destruction. 1918 – 1945. New York, 1998. P. 65.

Арбейтерфюроргеамт<sup>308</sup>, которая должна служить центром для защиты политических интересов восточных евреев, находятся, кроме немецких организаций, из представителей восточных евреев только социалисты<sup>309</sup>... Это противоречие было в прошлом облегчено тем, что для целей вспомоществования восточным евреям немецким организациям были предоставлены американские деньги<sup>310</sup>. Этих американских денег теперь не имеется, в связи с этим материальное положение всех организаций вспомоществования, как и моральное положение восточных евреев среди общества немецких евреев, становится крайне критическим... Для разрешения всех этих вопросов есть один ответ: Самопомощь Восточных Евреев. Все наличные силы восточных евреев должны быть мобилизованы и соединены в одно целое. Немецкие евреи должны видеть, что восточные евреи сами исполняют свой долг и должны эту действительную силу чувствовать и уважать...<sup>311</sup>

В Берлин переносится деятельность и штаб-квартиры многих организаций, созданных еще в Восточной Европе, среди них были ОРТ – Общество распространения труда между евреями, ОЗЕ – Общество здравоохранения евреев. Наконец, несколько организаций учреждается уже в Германии, в том числе Союз восточных евреев, Союз русских евреев в Германии и Союз еврейских студенческих объединений в Германии. Насколько можно судить, организации активно противопоставляли себя друг другу, и немецко-еврейские филантропы не были готовы разбираться в этих различиях. По этому поводу иронизировал лидер сионистов-реви-зионистов В.Е. Жаботинский:

Сионизм, голусный<sup>312</sup> национализм – не только политический, но и социальный, словом, все, что можно было бы назвать словом народничество, где национальное и демократическое начало тесно переплетаются, – это для наших западных братьев – одно и то же. Конечно, мы, восточные евреи, искушенные в различении самых тонких оттенков политической окраски, отлично знающие ту «пропасть», которая отделяет гебраистов от идишистов, сторонников сейма от поклонников национального самоуправления, – мы смеемся над невежеством западных евреев, для которых официальный сионист Моцкин и официальный фолькист Ефройкин кажутся товарищами по партии... однако... западные евреи ведь, пожалуй, правы<sup>313</sup>.

Организации еврейских мигрантов не были изолированы от организаций остальных беженцев из России. Русские евреи были социально активны, некоторые из них были к тому же состоятельны и сумели переправить часть своих капиталов за рубеж. В Берлине доля евреев среди российских эмигрантов была выше, чем в какой-либо из других «столиц» изгнания. Неудивительно, что евреи составляли значительную часть, а то и большинство во многих организациях русской эмигрантской взаимопомощи: Союзе русской присяжной адвокатуры, Союзе

<sup>308</sup> Arbeiterfürsorgeamt, т.е. Бюро попечительства о рабочих.

<sup>309</sup> Т.е. Бунд. См.: *Adler-Rudel Sh. Ostjuden in Deutschland*. S. 71.

<sup>310</sup> Имеются в виду ежемесячные субсидии, которые Джойнт предоставлял Бюро попечительства о рабочих. См.: *Ibid*. S. 74.

<sup>311</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 1. Л. 15 – 16.

<sup>312</sup> Голус (галут), буквально: изгнание, вынужденное пребывание еврейского народа вне Эрец-Исраэль (Страны Израиля). Этим термином в еврейской традиции обычно обозначается период со времени разрушения Второго храма до создания Государства Израиль. Иногда в качестве синонима галута используется термин «диаспора», что не совсем точно, ибо этим древнегреческим словом (рассеяние) евреи в эллинистическую эпоху называли добровольное пребывание вне Страны Израиля. Для сионистов галут (голус) – безусловное зло, прилагательное «галутный» («голусный») всегда несет негативную, презрительную оценку.

<sup>313</sup> Рассвет. Берлин, 1922. № 3. С. 5.

русских врачей, Обществе друзей русской печати<sup>314</sup>, Обществе помощи русским гражданам в Германии<sup>315</sup>, Союзе русских торгово-промышленных и финансовых деятелей<sup>316</sup>, наконец, в Объединении русских общественных организаций Берлина («Объединение 1916 года»), возглавлявшемся И.В. Гессеном<sup>317</sup>.

Все эти организации объединяла идея самопомощи, общая для многих эмигрантских организаций, в частности, характерная для самой известной русской благотворительной организации – Земгора (официальное название – Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей). Земгор был создан в Париже в начале 1921 года, имел филиалы в Чехословакии, Германии, Болгарии, Польше, Греции, Югославии и Китае<sup>318</sup>. Идея самопомощи, активно проводившаяся в жизнь Земгором, предполагала не только выдачу пособий, но также «трудовую помощь». А именно – содействие в создании предприятий, получении работы и, соответственно, оплаты труда.

Бюро попечительства о рабочих предложило такую формулировку этой идеи: «продуктивное снабжение» («produktive Fürsorge»). Мигранты обеспечивались работой, что страхovalo их от высылки, для Бюро же такой вид помощи оказывался дешевле, чем содержание безработных. С точки зрения социальных последствий он был безопаснее, поскольку давал некоторые гарантии, что восточноевропейские евреи не станут бродягами и попрошайками<sup>319</sup>. Однако чаще всего организация мастерских и курсов оказывалась убыточной для благотворительных обществ. По тому же пути – организации «самопомощи», которая должна была позволить нуждающимся заняться производительным трудом, – пытались идти и русско-еврейские благотворительные организации.

Цель трудовой «продуктивизации» евреев преследовало прежде всего ОРТ – организация, основанная в 1880 году в России. ОРТ (Общество ремесленного труда, позднее – Общество распространения труда) поначалу именовалось Обществом ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России. ОРТ было основано в Петербурге по инициативе известного предпринимателя Самуила Полякова. В его создании приняли самое живое участие барон Гораций Гинцбург, предприниматель и общественный деятель Леон Розенталь, ученый-физиолог и писатель Николай Бакст. Целью организации было распространение и поощрение среди евреев России квалифицированного профессионального и сельскохозяйственного труда. Со временем правление общества демократизировалось. Признанным лидером ОРТ становится депутат I Государственной Думы трудовик Леонтий Брамсон. Усилия ОРТ теперь были направлены не столько на «прямую» филантропию, сколько на профессиональную подготовку ремесленников (и квалифицированных рабочих, например электриков), на помощь профессиональным школам и курсам.

В период Первой мировой войны Общество ремесленного труда вместе с другими еврейскими организациями помогало еврейским беженцам, выселенным из прифронтовой полосы по распоряжению командования русской армии. Помощь заключалась в организации курсов для взрослых и профессионального образования детей; беженцам также помогали найти работу. В период Гражданской войны ОРТ оказывало помощь пострадавшим от погромов. Таким образом, ОРТ уже имело определенный опыт работы по оказанию помощи беженцам, хотя и на другой почве.

<sup>314</sup> ГАРФ. Ф. Р-5981. Оп. 1. Д. 180. Л. 6 – 8.

<sup>315</sup> Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918 – 1941 / Hrsg. K. Schlögel, K. Kucher, B. Suchy, G. Thum. Berlin, 1999. S. 48, 60, 265.

<sup>316</sup> Ibid. S. 37, 40, 48.

<sup>317</sup> ГАРФ. Ф. Р-5981. Оп. 1. Д. 17. Л. 95.

<sup>318</sup> Сабенникова И.В. Российская эмиграция (1917 – 1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002. С. 175 – 176.

<sup>319</sup> Maurer T. Ostjuden in Deutschland: 1918 – 1933. Hamburg, 1986. S. 544.

В августе 1921 года на конференции Общества ремесленного труда в Берлине было принято решение о преобразовании ОРТ во всемирную организацию. С этого времени штаб-квартира ОРТ находилась в Берлине, его филиалы открылись в разных городах Германии. ОРТ стало не только благотворительной организацией, но и культурным, политическим и интеллектуальным центром русско-еврейской эмиграции в Берлине. По словам одного из лидеров ОРТ Д.В. Львовича, «наш президиум, наше Центральное [правление]... не что иное, как собрание представителей разных центральных комитетов трудовиков, эсеров, Бунда, — даже меньшевиков. Разве это собрание не важнее отдельных центральных комитетов?»<sup>320</sup> Деятельность организации в Германии в основном завершилась с приходом к власти нацистов, но и после установления нацистской диктатуры одна из мастерских ОРТ в Берлине продолжала функционировать еще около 10 лет<sup>321</sup>.

Необходимо заметить, что среди руководителей всемирного Общества распространения труда не было единого мнения по вопросу об отношении к СССР. Многим советский эксперимент казался заслуживающим поддержки, в особенности учитывая усилия советской власти по приобщению евреев к производительному труду. Понятно, что под трудом понимался труд прежде всего физический. Если Л.М. Брамсон был принципиальным противником советского режима, то другой руководитель ОРТ, доктор А.З. Сингаловский, сочувственно относился к ряду мероприятий советской власти, особенно к политике «продуктивизации» советского еврейства, к привлечению евреев к сельскохозяйственному труду. Руководители берлинского ОРТ искренне хотели помочь советским евреям, а СССР, в свою очередь, нуждался в средствах. В результате в 1923, затем в 1925 году были подписаны соглашения о деятельности всемирного Общества распространения труда в Советском Союзе. В 1926 – 1930 годах на помощь советским евреям было ассигновано 4,7 миллиона рублей, из них 3 миллиона 225 тысяч – на приобретение оборудования для еврейских ремесленников и ремесленных кооперативов; 902 тысячи – на помощь еврейской сельскохозяйственной колонизации; 288 тысяч – на профессиональное образование, 57 тысяч – на техническую помощь, 288 тысяч – на разные нужды. В конечном счете деятельность ОРТ в СССР была пресечена в начале 1930-х годов<sup>322</sup>.

Несомненно, что на первое место среди международных еврейских благотворительных организаций, не по времени создания, а по значению, должен быть поставлен американский Комитет по распределению фондов помощи евреям, пострадавшим от войны (с 1931 года – Американский еврейский объединенный комитет по распределению фондов, American Jewish Joint Distribution Committee), сокращенно Джойнт. Джойнт был основан 27 ноября 1914 года по инициативе известных американских еврейских общественных деятелей (и людей весьма состоятельных) – Феликса Варбурга, Джейкоба Шиффа и Льюиса Маршалла на базе трех организаций: Американского еврейского комитета помощи (основанного влиятельными еврейскими деятелями, главным образом немецкого происхождения), Центрального комитета помощи (созданного лидерами американской ортодоксии) и Народного комитета помощи (основанного еврейскими рабочими организациями)<sup>323</sup>.

В годы Первой мировой войны Джойнт оказал помощь сотням тысяч евреев Российской империи и Австро-Венгрии, оказавшихся на положении беженцев и лишившихся крова в рай-

<sup>320</sup> Аронсон Г. Записки секретаря ОРТ / Публ., вступит. статья и комментарии А.И. Иванова // Архив еврейской истории. М.: РОССПЭН, 2006. Т. 3. С. 95.

<sup>321</sup> Подробнее об ОРТ см.: Shapiro L. The History of ORT. A Jewish Movement for Social Change. New York, 1980; Аронсон Г. Записки секретаря ОРТ. С. 94 – 124; Ivanov A. Nähmaschinen und Brillantringe – Die Tätigkeit der Berliner ORT 1920 – 1943 // Transit und Transformation. Osteuropäisch-jüdische Migranten in Berlin 1918 – 1939 / Hrsg. V. Dohrn, G. Pickhan. Göttingen: Wallstein Verlag, 2010. S. 195 – 209.

<sup>322</sup> Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1992. Т. 6. Стлб. 188 – 194.

<sup>323</sup> Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1982. Т. 2. Стлб. 345 – 347; Bauer Y. American Jewish Joint Distribution Committee // Encyclopaedia Judaica. Vol. 2. Col. 827-832; Beizer M. The American Jewish Joint Distribution Committee // The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe / G. Hundert, ed. New Haven & London: Yale University Press, 2008. P. 39 – 44.

онах военных действий. Около 15 миллионов долларов Джойнт направил на помощь евреям в подвластной Турции Палестине. В 1919 – 1920 годах Джойнт израсходовал 22,7 миллиона долларов на организацию учреждений в помощь евреям, пострадавшим от погромов в Польше и на Украине. Благотворительность в стране, охваченной Гражданской войной, отнюдь не была делом безопасным. Двое представителей Джойнта, Израэль Фридлендер и Бернард Кантор, были убиты на Украине. Один из них, доктор Израэль Фридлендер (1876 – 1920), был профессором Еврейской теологической семинарии в Нью-Йорке, ученым-семитологом и историком. В числе прочего перевел на английский язык «Историю евреев в России и Польше» С.М. Дубнова. Фридлендер, который часто отрывался от письменного стола для работы в различных еврейских общественных организациях, отправился в 1919 году на Украину по поручению Джойнта, где и погиб через несколько месяцев от рук бандитов<sup>324</sup>.

В 1921 – 1924 годах большая часть расходов Джойнта, на внушительную по тем временам сумму в 24,5 миллиона долларов, пришлась на помощь российским евреям. Львиная доля была направлена на помощь евреям Советского Союза. По соглашению с советскими властями, подписанному в 1922 году, Джойнтом были открыты медицинские пункты, ссудные кассы и профессионально-ремесленные училища; оказывалась финансовая поддержка созданию еврейских сельскохозяйственных поселений на Украине и в Крыму. Помощь оказывалась не только евреям. Джойнт перечислил Американской администрации помощи (АРА), оказывавшей помощь голодающим в СССР в 1921 – 1922 годах, 4 миллиона долларов. В середине июля 1922 года Джойнт кормил только на Украине 800 тысяч детей ежедневно. Позднее поддержку советскому проекту превращения евреев в крестьян оказывал Агро-Джойнт. Этому любопытному сюжету, который выходит за пределы проблематики нашего исследования, посвящена довольно обширная литература, к которой мы и отсылаем заинтересованных читателей<sup>325</sup>.

Некоторая (и немалая по эмигрантским понятиям) толика помощи Джойнта доставалась и евреям-эмигрантам. Точнее, эмигрантским организациям, которые, в свою очередь, распределяли средства, полученные от Джойнта, между нуждающимися беженцами. Среди этих организаций была и одна из крупнейших благотворительных организаций, созданных русскими евреями, – Союз русских евреев в Германии, о котором речь пойдет ниже. Заметим, что помощь Джойнта получали еще несколько еврейских благотворительных организаций, в том числе ОРТ и ОЗЕ.

Союз русских евреев в Германии (СРЕвГ) – организация самопомощи, созданная русскими евреями уже в эмиграции. СРЕвГ унаследовал традиции благотворительности и русских, и еврейских организаций. Он тесно контактировал как с русскими эмигрантскими, так и с еврейскими благотворительными организациями Германии и международными еврейскими организациями.

Союз был основан в 1920 году в Берлине. Первым председателем его правления был Исаак Соломонович Соловейчик, юрист, присяжный поверенный и присяжный стряпчий. В России он был состоятельным человеком – председателем правления Петроградского акционерного общества химических и механических заводов, а также домовладельцем. Время его председательства в правлении СРЕвГ было недолгим: Соловейчик умер в начале августа 1921 года.

Тогда на пост председателя был приглашен выехавший весной 1921 года из Советской России в Ковно (Каунас) известный деятель еврейской филантропии Я.Л. Тейтель. Это ока-

<sup>324</sup> Об убийстве И. Фридлендера и Б. Кантора см. подробнее: *Beizer M. Who Murdered Professor Israel Friedlaender and Rabbi Bernard Cantor: The Truth Rediscovered // American Jewish Archives Journal. 2003. Vol. 55. No. 1. P. 63 – 113.*

<sup>325</sup> *Handlin O. A Continuing Task; the American Jewish Joint Distribution Committee, 1914 – 1964. New York, 1964; Bauer Y. My Brother's Keeper: a History of the American Jewish Joint Distribution Committee, 1929 – 1939. Philadelphia, 1974; Бейзер М., Мишель М. Американский брат: Джойнт в России, СССР и СНГ. М.; Иерусалим, 2004 и др.*

залось чрезвычайной удачей для молодой организации. В известном смысле можно было бы сказать, что Союз – это Тейтель. Якову Львовичу Тейтелю исполнился в момент «вступления в должность» 71 год. Этот немолодой человек развил кипучую деятельность и стал подлинным «мотором» новорожденной организации.

Тейтель оставил мемуары (не написанные – продиктованные группе молодых людей в Киеве, где он провел период революции и Гражданской войны<sup>326</sup>). В честь его 80-летнего юбилея был издан сборник с речами, статьями, воспоминаниями о встречах с юбиляром<sup>327</sup>. О нем писал Горький, некогда бывший завсегдатаем его дома, в котором познакомился с Екатериной Волжиной, ставшей женой писателя. Горьковское определение – «веселый праведник» – современники и последующие исследователи считали вполне точным. Если судить по собственным письмам Тейтеля и переписке его современников, так оно и было.

Жизни и деятельности Тейтеля посвящены по меньшей мере два биографических очерка<sup>328</sup>. Напомним все же вкратце основные вехи его биографии. Яков Львович родился в 1850 году в местечке Черный Остров Подольской губернии. В раннем детстве потерял мать. Его отец, служивший по откупам, был постоянно в разъездах и отдал сына на воспитание чужим людям (некому Розену – смотрителю винокуренного завода). В общем, детство Тейтеля было не слишком радостным. Возможно, именно поэтому он впоследствии столь большое внимание уделял детям-сиротам. Тейтель учился в хедере, затем в четырехклассном Черноостровском дворянском училище. В 1871 году окончил гимназию в городе Мозырь Минской губернии и поступил на юридический факультет Московского университета, который окончил в 1875 году со званием кандидата прав.

Любопытно, что еще в октябре 1875 года Тейтель выступил с призывом к еврейской общественности основать еврейскую газету на русском языке для борьбы с антисемитизмом. Эта идея нашла поддержку среди еврейской общественности, однако Министерство внутренних дел не дало разрешения на издание газеты.

Возможно, это был как раз тот случай, о котором говорят: «не было бы счастья, да несчастье помогло». Тейтель поступил на государственную службу по судебному ведомству и в 1877 году был назначен исполняющим обязанности (в 1880 году утвержден в должности) судебного следователя при Самарском окружном суде. Окружной суд неоднократно избирал его в члены своей коллегии, но Министерство юстиции соглашалось утвердить избрание лишь при условии принятия Тейтелем христианства, на что он неизменно отвечал отказом. В соответствии с традициями русской благотворительности, которая поощряла опеку уважаемых и состоятельных людей над социальными учреждениями (медицинскими, образовательными и т.п.), Тейтель стал инициатором создания и покровителем детского сада для социально неблагополучных детей. Число детей (в основном из окраинных районов), посещавших сад, достигало 2000 человек<sup>329</sup>. Своей общественной и филантропической деятельностью, особенно заботой о бедных детях, Тейтель приобрел популярность в широких слоях русской интеллигенции. Сведения о нем можно найти в воспоминаниях Н.Г. Гарина-Михайловского, которого Тейтель «снабдил» сюжетами для некоторых произведений, С.Г. Скитальца, В.А. Поссе, М. Горького. Тогда же Тейтель начал заниматься и еврейской общественной деятельностью, которая практически сводилась к бесконечным хлопотам за бесправных.

<sup>326</sup> Тейтель Я.Л. Из моей жизни. За сорок лет. Париж: Изд. Я.Е. Поволоцкого, 1925.

<sup>327</sup> Я.Л. Тейтель. Юбилейный сборник. 1851 – 1931. Париж; Берлин: Изд. Я.Е. Поволоцкого, 1931.

<sup>328</sup> Гольденвейзер А. Я.Л. Тейтель (1859 – 1939) // Еврейский мир. Сборник 1944 года. Иерусалим; М.: Мосты культуры; Гешарим; Минск: МЕТ, 2001. С. 305 – 327; Капитайкин Э. «Веселый праведник» – Яков Львович Тейтель // Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе: 1919 – 1939 гг. / Ред. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. Т. 1. С. 465 – 475. Очерк, принадлежащий перу А.А. Гольденвейзера, содержит также личные воспоминания.

<sup>329</sup> Я.Л. Тейтель. Юбилейный сборник. С. 18.

Тейтель был довольно своеобразным судьей. По словам Б.Л. Гершуна, «Тейтель не имел в сущности никакого образования. Он сам рассказывал, что за всю свою судебную деятельность ни разу не заглянул не только в юридические книги, но даже в кодексы, которые он должен был применять. Он судил по совести, и я думаю, что от этого дело правосудия не проиграло...»<sup>330</sup> Это видно и из воспоминаний самого Тейтеля.

Гершун в письме Гольденвейзеру по поводу написанного последним очерка о Тейтеле приводит характерный эпизод:

Я как-то ехал из Берлина в Париж; тем же поездом ехал и Тейтель. Меня просили взять его в мое отделение и заботиться о нем, так как этот раз он ехал без провожающего. Он вынул из чемодана несколько неразрезанных книг и положил их на столик. Я предложил ему разрезать для него странички. – Зачем, – сказал он, – я ведь никогда ничего не читаю, книжки мне преподнесли, и я выложил их, чтобы показать, какие милые надписи на них учинены<sup>331</sup>.

В 1904 году Тейтель был назначен членом уголовного отделения Саратовского окружного суда. В Саратове Тейтель также стоял во главе многих благотворительных и культурных учреждений. Однако настали другие времена. К 1910 году в судебном ведомстве Российской империи были только два некрещеных еврея: вице-директор департамента Министерства юстиции, тайный советник Я.М. Гальперн (1840 – 1914) и Тейтель. Министр юстиции И.Г. Щегловитов решил избавиться от евреев в своем министерстве, однако Тейтель был судьей, которого по закону нельзя было сменить. В результате сильнейшего давления в 1912 году Тейтель был вынужден подать в отставку. Правда, в качестве условия своего якобы добровольного ухода он выговорил чин действительного статского советника, т.е. «штатского генерала». Как объяснял сам Тейтель, высокий чин потребовался ему для облегчения в будущем хлопот по делам единоверцев. Условие было выполнено. «Так совершился уход Тейтеля из судебного ведомства, после 37-летней беспорочной службы, – писал в своем очерке о Тейтеле А.А. Гольденвейзер. – Еще во время пребывания его в Самаре князь Мещерский указывал в своей газете “Гражданин” на “недопустимость того, чтобы в христианском государстве еврей производил следствие над православными”. В 1912 году российское министерство юстиции официально присоединилось к этой точке зрения и удалило из своих рядов последнего еврея. Впрочем, в свете нашего дальнейшего опыта мы скорее склонны удивляться тому, что всесильное царское правительство так долго церемонилось с этим затесавшимся в судьи не арийцем и в такой деликатной форме рассталось с ним...»<sup>332</sup>

Вскоре Тейтель переехал в Москву и стал одним из руководителей (вместе с М.М. Винавером, Г.Б. Слиозбергом, инженером И.С. Каннегисером – отцом Леонида Каннегисера, поэта и будущего убийцы председателя петроградской ЧК М.С. Урицкого) Общества поощрения высших знаний среди евреев. Общество собирало средства для помощи евреям, которые из-за процентной нормы вынуждены были поступать в заграничные университеты. В 1912 – 1914 годах Тейтель разъезжал по крупным городам России, основывал местные комитеты будущего общества, собирал средства в его фонд (планировалось собрать миллион рублей), устанавливал связи с русскими студенческими организациями при иностранных университетах.

<sup>330</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 15 июля 1945 года: Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Alexis Goldenweiser Papers, Box 9 (далее Gold-9; при дальнейших ссылках на фонд Гольденвейзера в Бахметевском архиве цифра после сокращения Gold обозначает номер коробки; письма внутри коробки сгруппированы по хронологическому принципу).

<sup>331</sup> Там же.

<sup>332</sup> Гольденвейзер А. Я.Л. Тейтель (1859 – 1939). С. 312 – 313.

Еще в саратовский период своей жизни Тейтель начал налаживать связи с еврейством западных стран. «Летом он стал выезжать с женой за границу. Ездили они третьим классом и останавливались в студенческих общежитиях и т.п. Но Я.Л. неизменно пользовался пребыванием в Берлине или Париже для заведения личных знакомств с руководителями общественных учреждений. Руководители Благотворительного союза немецких евреев Джемс Симон, Пауль Натан и Бернард Кан – в Берлине; Люсьен Вольф в Лондоне; президент Alliance Israélite Universelle Нарсисс Левен (племянник и секретарь знаменитого Кремье<sup>333</sup>) в Париже – стали его друзьями задолго до войны 1914 года. Несмотря на незнание иностранных языков, он сумел произвести на них большое впечатление. Эти знакомства весьма пригодились Тейтелю впоследствии, в эмигрантский период его деятельности», – свидетельствовал А.А. Гольденвейзер<sup>334</sup>, имевший возможность лично оценить, насколько важными оказались старые связи Тейтеля для возглавляемого им Союза русских евреев.

«Я уже 25 лет имею счастье работать совместно с сегодняшним юбиляром, – говорил в день 80-летия Тейтеля Бернард Кан. – Как перелетная птица, которую врожденный инстинкт посылает в определенное время туда, где ее ждет тепло и обновление жизненных сил, – так и он ежегодно является к нам, чтобы получить от своих братьев в Центральной Европе новые силы. Однако и среди таких перелетных птиц он представлял собой редкий экземпляр: он не только искал тепло, он приносил нам, молодым, свое тепло. И когда он снова возвращался в холодную страну царей, мы, воспламененные его примером, работали с удвоенной энергией»<sup>335</sup>.

Начало Первой мировой войны застало Тейтеля в Париже, куда он приехал по делам Общества поощрения высших знаний среди евреев. Затем Тейтель перебрался в Лондон, где создал отделение Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО), образованного в Петербурге в 1914 году. В Лондоне Тейтель познакомился с видными сионистами, в том числе с Хаимом Вейцманом, будущим первым президентом Государства Израиль, Иехиэлем Членовым, Нахумом Соколовым, Владимиром Жаботинским, работавшим над созданием еврейского батальона в составе британской армии. Тейтель смог вернуться в Россию лишь в сентябре 1915 года. Он сразу активно включился в работу по оказанию помощи жертвам войны.

Годы революции и Гражданской войны Тейтель провел в Киеве, где руководил юридическим отделом Комиссии по изучению еврейских погромов на Украине. Затем поехал в Москву, надеясь добиться разрешения на выезд за границу. Он рассчитывал на старые знакомства с революционерами, ставшими теперь властью. Среди его знакомых был В.И. Ленин. Известно, что сыграло главную роль – старые связи, преклонный возраст Тейтеля и его безупречная репутация или просто случайность, но он получил право на выезд из Советской России. Это был один из первых случаев легальной эмиграции. Тейтели поехали в Ковно, а затем, как мы уже знаем, в Берлин. Здесь Тейтеля постиг тяжелый удар – 29 ноября 1921 года скончалась его жена Екатерина Владимировна. Однако личное горе не сломило старого судью. Менее всего он был похож на одинокого старика. Тейтель был всегда среди людей и жил, говоря высоким слогом, ради людей<sup>336</sup>.

<sup>333</sup> Кремье Изаак (Ицхак) Адольф (Crémieux, Isaac Adolphe; 1796 – 1880), французский государственный деятель, один из лидеров французского еврейства. Дважды входил в состав правительства в качестве министра юстиции. Был депутатом Национального собрания (1871 – 1875), с 1875 года пожизненный сенатор. В 1863 – 1880 годах – президент Альянса (Всемирного еврейского союза, Alliance Israélite Universelle). Защищал наряду с интересами французских единоверцев интересы евреев Марокко, Румынии, Сербии, Бельгии, Швейцарии, Турции и России.

<sup>334</sup> Гольденвейзер А. Я.Л. Тейтель. С. 310 – 311.

<sup>335</sup> Я.Л. Тейтель. Юбилейный сборник. С. 86.

<sup>336</sup> За внешней веселостью и легкостью, которую отмечали многие современники, Тейтель скрывал свое горе: «После кончины Екатерины Владимировны я ко многому стал равнодушен и мне кажется смешным всё то, что раньше волновало, – писал он старому знакомому по Самаре. – Работаю много по общественным делам, кладу заплаточки, стараюсь забыть себя, но ничто не помогает» (Тейтель Я.Л. – Смирнову А.А., 23 марта 1923 года). Письмо, хранящееся в Самарском литературном музее, цит. по публикации М. Перепелкина «Франциск Ассизский в сутолоке провинциальной жизни» в интернет-журнале Performance: Все об искусстве. № 3 (20) – <http://lifeart.narod.ru/nom20/p20-3.htm>.

Нетрудно убедиться, что Тейтель был более чем подготовлен для той нелегкой миссии, которая выпала на его долю.

Прежде чем говорить о структуре и деятельности Союза русских евреев, заметим, что и в Германии Тейтель особое внимание уделял помощи детям. В Берлине он создает две «детские» организации. В 1923 году в бедном районе на севере Берлина был основан клуб «Дети-друзья»<sup>337</sup>, в котором применялись модные в то время педагогические методики. Посещение клуба было свободным, там общались дети бедных и богатых родителей, детям предоставлялась возможность выбрать себе занятие самим (можно было посещать тот или иной кружок или просто общаться с друзьями). Кроме того, в клубе осуществлялось детское самоуправление: раз в 4 месяца голосованием детей избиралось правление, действия которого свободно критиковались на собраниях<sup>338</sup>.

В ноябре 1928 года был основан Детский дом имени Я.Л. Тейтеля<sup>339</sup>, основной задачей которого поначалу было «дать приют детям, оставляемым на целый день родителями, и вести борьбу с душевным очерствением и ожесточением, порождаемыми разлагающим влиянием улицы»<sup>340</sup>. Позднее Детский дом стал заниматься и образованием своих воспитанников: проводились уроки по немецкому языку, дополнительные занятия по школьным предметам; для одаренных детей – занятия по музыке. Кроме того, 75 % родителей воспитанников Дома просили педагогов заниматься с детьми русским языком, и в Детском доме проводились занятия по русской грамоте и русской литературе. Впоследствии было организовано и профессиональное обучение: для мальчиков – по электротехнике, столярному и переплетному делу, для девочек – по стенографии, кройке и шитью<sup>341</sup>. На каникулы больных детей отправляли в санатории и оздоровительные «детские колонии». Обе организации были сравнительно небольшими: в клуб «Дети-друзья» приходило до 150 детей, в Детдом – до 94.

Основное детище Тейтеля – Союз русских евреев – был сравнительно крупной по эмигрантским масштабам организацией: в лучшие годы его членами являлись несколько сот человек. В 1920 году в Союз входили 685 человек<sup>342</sup>, по состоянию на 1 января 1923 года, т.е. еще до финансового кризиса, обеднения и отъезда большинства членов союза, их насчитывалось 511<sup>343</sup>, на 1 января 1925 года – «более 400»<sup>344</sup>. Однако наметившаяся как будто тенденция к сокращению числа членов Союза не получила развития; напротив, как мы увидим ниже, численность членов Союза вскоре вновь превысила 500 человек. Годовой бюджет Союза составлял в среднем 180 – 200 тысяч марок.

На сцене как еврейской, так и русской благотворительности того времени он был замечен для современников.

В 1924 году делегация Союза была приглашена на Имперскую конференцию помощи восточным евреям в Германии<sup>345</sup>. Лео Скларж, автор диссертации об организациях помощи восточноевропейским евреям в Германии, защищенной в 1926 году, называет Союз «значительной, хорошо финансируемой» организацией<sup>346</sup>. Ходатайства в поддержку просите-

<sup>337</sup> Документы организации находятся: ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 54.

<sup>338</sup> Я.Л. Тейтель. Юбилейный сборник. С. 185 – 189. Главный педагог клуба издал брошюру, в которой рассказал о принципах своей работы: *Шнеерсон Ф.З.* «Дети-друзья». Новые пути социального воспитания. Берлин, 1924.

<sup>339</sup> Т. Маурер отмечает, что комитет по созданию Детского дома был основан раньше, в 1926 году. См.: *Maurer T.* Ostjuden in Deutschland. S. 710. См. также ее подробный обзор деятельности СРЕВГ: Ibid. S. 709 – 716.

<sup>340</sup> Я.Л. Тейтель. Юбилейный сборник. С. 180 – 181.

<sup>341</sup> Там же. С. 182 – 184.

<sup>342</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Д. 102. Л. 7.

<sup>343</sup> Centrum Judaicum Archiv. 1. 75 A Stu 1. Nr. 9 (Ident. – Nr. 8513). S. 46a.

<sup>344</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 41. Л. 16.

<sup>345</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 – 6, 10.

<sup>346</sup> *Sklarz L.* Die Geschichte und Organisation der Ostjudenhilfe in Deutschland seit dem Jahre 1914. Inaugural-Dissertation. Rostock, 1926. S. 52.

лей в Союз русских евреев направляли такие организации, как Благотворительный союз немецких евреев, Союз восточных евреев, Общество помощи русским гражданам в Берлине (Verein zu Unterstützung russischer Staatsangehöriger in Berlin), ЦК Красного Креста (Zentralkomitee der Deutschen Vereine vom Roten Kreuz), Немецкое благотворительное общество (Deutsche Wohlfahrtsstelle), ОЗЕ, Еврейский детский дом для беженцев (Jüdisches Kinder-Flüchtlingsheim), Комитет помощи и правовой защиты эмигрантов и трансмигрантов (Rechtsschutz u. Hilfskomitee für Emigranten u. Transmigranten), Союз помощи еврейским врачам в эмиграции (Hilfsverein jüdischer emigrierter Ärzte), Центральный комитет помощи русским детям в Германии (Zentral-Komitee für Hilfeleistung an russische Kinder in Deutschland), Еврейский студенческий союз (Der jüdische Studentenverein) и др.<sup>347</sup> В 1927 году Союз становится членом Сопредседательского комитета по делам беженцев при Лиге Наций (Comité consultatif pour les réfugiés). Делегатом на заседания Комитета в 1927 году был избран А.А. Гольденвейзер, в 1928-м – М. Пинес<sup>348</sup>.

Несомненно, во многом подобным влиянием Союз обязан авторитету своего руководителя и его связям в мире еврейских общественных организаций. Многие видные деятели еврейской благотворительности – сопредседатель Благотворительного союза немецких евреев П. Натан, генеральный секретарь, впоследствии директор европейского отделения Джойнта Б. Кан, Дж. Симон, М. Варбург (список не исчерпывающий) – были друзьями Тейтеля. Как говорилось выше, со многими из них Тейтель познакомился и наладил сотрудничество еще до Первой мировой войны<sup>349</sup>.

Структура Союза подробно описана в его документации<sup>350</sup>. Правление Союза состояло из 24 членов, избираемых ежегодно на общем собрании. Каждый год из состава правления выбывали 8 членов (сначала по жребию, потом по старшинству вступления), причем выбывшие могли быть вновь избраны. Заседания правления проводились минимум два раза в месяц, кроме того, председатель мог созывать заседания по мере надобности. Каждый член правления имел право вносить предложения, но не позднее чем за три дня до заседания. Предложение об исключении кого-либо из состава правления могло быть внесено не менее чем тремя членами правления. Решения принимались большинством, при равенстве голосов перевес достигался голосом председателя. Для исключения кого-либо из состава Союза был необходим кворум в 12 членов и большинство в 2/3 голосов.

Из членов правления избирался президиум – председатель и трое его товарищей (заместителей). Президиум осуществлял распорядительную и исполнительную функции Союза. Председатель президиума представлял Союз русских евреев во внешних сношениях, руководил президиумом и всем делопроизводством, подписывал все исходящие от правления бумаги, имел право участвовать в заседаниях всех комиссий с правом голоса. Среди товарищей председателя один выполнял обязанности казначея, другой – счетовода и делопроизводителя.

В составе Союза насчитывалось шесть комиссий: благотворительная, финансовая, культурно-просветительская, синагогальная, ссудная и дамский кружок. Каждая комиссия сама выбирала своего председателя.

Помощь просителям (рассмотрение их документов и распределение средств) осуществляли несколько комиссий. Благотворительная комиссия, через которую проходило большинство прощений о материальной помощи, занималась также организацией благотворительных обедов, содержала пункт выдачи одежды и оплачивала прием больных в поликлинике д-ра Михаэлиса (Берлин) и посещение тяжелобольных на дому. Ссудная комиссия распределяла

<sup>347</sup> Подробнее см.: ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 58.

<sup>348</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 129. Л. 50; Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 134. Л. 46.

<sup>349</sup> Я.Л. Тейтель. Юбилейный сборник. С. 28 – 32.

<sup>350</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 18. Л. 23 – 29.

краткосрочные ссуды тем просителям, которые планировали устроиться на работу или открыть собственное дело и обращались к Союзу за поддержкой. Дамский кружок заведовал столовыми и дешевыми кухнями, снабжал неимущих едой и дровами или углем для отопления, собирал и раздавал белье, одежду и обувь, заботился о находившихся в больницах и ночлежках, а также проводил исследование положения обращающихся за помощью. Дамский кружок вдобавок устраивал благотворительные балы, вечера и аукционы.

Финансовая комиссия занималась поиском средств для Союза, принимала членские взносы и пожертвования, составляла годовой бюджет.

Функции общинного строительства осуществляли культурно-просветительская и синагогальная комиссии. Культурно-просветительская комиссия ведала библиотекой, устраивала доклады, лекции (в лектории Союза выступали такие известные ученые и публицисты, как Б.Д. Бруцкус, С.М. Дубнов, Л.И. Шестов, Ю.И. Айхенвальд, С.И. Гессен, А.М. Кулишер, С.Л. Франк)<sup>351</sup>. Синагогальная комиссия организовывала общественные богослужения, занималась устройством временной молельни на праздники, приемом пасхального сбора «моэс-хитим»<sup>352</sup>, выпечкой и распространением мацы. Кроме того, действовали канцелярия и ревизионная комиссия, проверяющая отчеты<sup>353</sup>.

Деятельность СРЕвГ была во многом построена по модели деятельности Земгора: как и Земгор, Союз русских евреев был организацией аполитичной, ведущей, однако, активную социальную работу. В основе деятельности обеих организаций – благотворительная помощь (выдача пособий, содержание благотворительной столовой и поликлиники, юридические консультации и помощь адвокатов). Однако обе организации занимались также образованием мигрантов. Земгором была основана внушительная по эмигрантским масштабам школьная сеть – несколько десятков школ в разных странах; деятельность СРЕвГ в этой области значительно скромнее: поддержка студентов и организация лектории. Перспектива создания русско-еврейской школы в Берлине обсуждалась, но необходимого количества средств для этого не нашлось.

Кроме того, и Земгор, и Союз исповедовали принцип продуктивной помощи: содержали курсы немецкого и английского языков, курсы профессионального обучения, выдавали беспроцентные ссуды для желающих открыть свое маленькое дело (например, заняться розничной торговлей), создавали мастерские, где выпускники профессиональных курсов могли трудиться. В большинстве случаев эти мастерские не окупались. Показателен пример СРЕвГ: в 1927 году Союзом была организована фабрика женской и детской одежды. Арендную плату и оплату труда взяло на себя руководство Союза. Фабрика была совершенно нерентабельной, поэтому все члены Союза делали на фабрике заказы, чтобы поддержать ее<sup>354</sup>.

Большинство видных деятелей СРЕвГ принимали участие и в работе других русских организаций Берлина, в том числе Союза русской присяжной адвокатуры<sup>355</sup> и Общества помощи русским гражданам в Берлине (председатель – В.С. Мандель)<sup>356</sup>. Общество помощи русским гражданам в Берлине, как и СРЕвГ, было благотворительной организацией, поддерживавшей просителей, а не своих членов (первоначально бюджеты обеих организаций формировались только из членских взносов). Структура благотворительной деятельности Общества, как и в случае СРЕвГ, копирует модель, предложенную Земгором: прежде всего это материальная поддержка просителей (пособия, приют, благотворительные обеды, юридическая помощь

<sup>351</sup> См.: ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 60.

<sup>352</sup> Моэс-хитим (буквально: копейки на пшеницу) – сбор на приобретение мацы к Пасхе для бедных евреев.

<sup>353</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 18. Л. 23 – 29.

<sup>354</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 129. Л. 115.

<sup>355</sup> См. о нем главу 4 настоящего издания.

<sup>356</sup> См. документы Общества: ГАРФ: Ф. Р-5769. Оп. 2. Д. 29. Формально Общество основано американским отделом YMCA, однако фактически оно было самостоятельной организацией.

и выдача временных документов, раздача одежды). Правда, в отличие от Земгора и СРЕвГ, Общество не имело собственной культурной и образовательной программы.

Для многих видных деятелей русско-еврейского Берлина было характерно двойное самосознание. Они не отделяли себя ни от русского еврейства, ни от русского народа. Иногда это выглядело довольно курьезно. Так, В.С. Мандель, председатель Общества помощи русским гражданам, на Международной конференции помощи в 1924 году поприветствовал еврейские организации от лица русского народа. В 1926 году, на праздновании 10-летия Общества, Мандель заявил: «Мой долг – от имени комитета нашего Общества, а также он имени многих тысяч русских, сердечно поблагодарить Германию за все то доброе, что она сделала нашему Союзу»<sup>357</sup>. Далее речь шла о дружбе русского и немецкого народов, недавняя война между которыми – лишь недоразумение: «...как между близкими людьми случайная размолвка весьма часто приводит в конце концов к вящему укреплению прежней дружбы и любви, так и по окончании этой несчастной войны, русские и немцы почувствовали, что необходимо забыть кошмарное время и вернуться к старой дружбе»<sup>358</sup>.

В отчете о «чае для прессы», устроенном 3 мая 1927 года Союзом русских евреев, сообщалось, что В.С. Мандель от имени Общества помощи русским гражданам благодарил «дружественную организацию союза русских евреев за устройство настоящего собеседования». Мандель пожелал Союзу полного успеха в его начинаниях<sup>359</sup>.

Двойное самосознание характерно и для многих клиентов СРЕвГ. Среди прошений, адресованных Союзу, есть такие тексты: «Сегодня утром удержал высланные мне Союзом 10 мар., за что приношу последнему мою русскую искреннюю благодарность за теплую отзывчивость к своим несчастным собратьям... все же этой минимальной суммой трудно исцелить больное сердце русского страдальца...»; «...еврейские сердца русских всегда были отзывчивы у нас на родине к несчастным...»<sup>360</sup>.

В среднем в Союз обращались 5000 – 6000 человек в год. Это были в первую очередь русскоговорящие евреи, прибывшие в Германию во время или после Первой мировой войны. Большая их часть – бывшие жители небольших городов России и Украины, часть просителей происходила из Литвы, некоторые жили до эмиграции в Москве или Петербурге. Именно на них – евреев по происхождению, иудеев по вероисповеданию, жителей бывшей Российской империи – был «нацелен» Союз<sup>361</sup>. Иногда, впрочем, помощь оказывалась евреям, рожденным в Германии<sup>362</sup>, и бывшим соотечественникам, принадлежавшим к другим конфессиям<sup>363</sup>.

О языковой принадлежности подопечных Союза можно судить по поданным ими прошениям. Большая их часть написана по-русски, вторая по численности группа – немецкоязычные прошения, третья – прошения, написанные на идише. С течением времени немецкоязычных прошений становится больше – и документация Союза, ведшаяся в первые годы его существования почти исключительно на русском, частично переводится на немецкий язык. Это объясняется снижением численности русских эмигрантов (в том числе евреев) в Германии, происходившим с 1924 года, и аккультурацией эмигрантов, оставшихся в Германии.

<sup>357</sup> ГАРФ. Ф. Р-5769. Оп. 2. Д. 29. Л. 65. Мандель говорил по-немецки. В оригинале его слова звучали так: «Ich betrachte es als meine Pflicht im Namen des Komitees unserer Gesellschaft und im Namen vieler Tausende von Russen, Deutschland für all das unseren Dank auszudrücken, was es Gutes unserem Verein getan hat».

<sup>358</sup> Там же. Л. 75.

<sup>359</sup> В Берлине. «Чай для прессы» Союза русских евреев // Руль. 1927. № 1955. 6 мая. С. 4.

<sup>360</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 58. Л. 37 – 38, 44 – 45.

<sup>361</sup> Члены благотворительной комиссии Союза обозначили свою целевую аудиторию следующим образом: «Наш союз есть СОЮЗ РУССКИХ ЕВРЕЕВ, а потому мы должны окончательно отказаться от помощи крещеным евреям. Христианам же, в исключительных случаях, помогать только с санкции на то Правления» (ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 42. Л. 5).

<sup>362</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 100. Л. 1 – 6.

<sup>363</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 129. Л. 16.

Изначально Союз воспринимал себя как русская организация, что видно по стратегиям сбора средств: Союз обращался к русским организациям и – из частных лиц – только к русским евреям. В 1921 году Союз вошел в Союз русских общественных организаций и институций в Германии (Ausschuß russischer öffentlicher Organisationen und Institutionen in Deutschland) – зонтичную структуру для русских благотворительных организаций, в правлении которой представителем его интересов был В.Д. Набоков<sup>364</sup>. Рабочим языком Союза был только русский.

Средства Союза поначалу формировались за счет членских взносов и частных пожертвований. В начале 1920-х годов размер взносов не был фиксированным, вступающие в Союз платили от 20 до 5000 марок. Кроме того, многие вступающие в члены Союза делали пожертвования, доходящие до 10 тысяч марок<sup>365</sup>.

В середине 1920-х годов личные капиталы русских евреев, вывезенные ими из России, стали заканчиваться, и для продолжения благотворительной деятельности лидерам Союза пришлось обратиться за помощью к крупным международным и германским еврейским организациям. В 1924 году ЕКО (Еврейское колонизационное общество) переводит СРЕВГ 25 тысяч франков, в 1925 и 1926 годах – по 20 тысяч франков, Благотворительный союз немецких евреев (Hilfsverein der Deutschen Juden) – 5500 марок (1925), Альянс (Alliance Israélite Universelle) – 25 тысяч франков в 1924 году, 10 тысяч франков в 1925 году и 5 тысяч франков в 1926 году<sup>366</sup>, Джойнт – 6 тысяч долларов (1925) и 7 тысяч долларов (1926)<sup>367</sup>; кроме того, Союз поддерживало Еврейское телеграфное агентство (Jewish Telegraphic Agency, London)<sup>368</sup>. Лига Наций в 1926 году переводит Союзу 2500 долларов<sup>369</sup>.

В 1928 году Союз русских евреев впервые обратился за финансовой помощью к еврейским общинам Германии (для этих целей Я.Л. Тейтель вел переговоры с общинами Лейпцига, Гамбурга, Франкфурта-на-Майне, Хемница<sup>370</sup>). В дальнейшем Тейтель регулярно совершал поездки по еврейским общинам Европы вплоть до закрытия Союза, и эти поездки становятся одним из важнейших каналов поступления средств в казну Союза.

По воспоминаниям А.А. Гольденвейзера, когда он осенью 1921 года приехал в Берлин, то взялся организовать при Союзе русских евреев отдел по оказанию бесплатной юридической помощи. «Однако Я.Л. [Тейтель] умел заставлять своих сотрудников заниматься всем тем, что он считал важным». Поэтому «само собой сложилось так», что Гольденвейзеру пришлось помогать Тейтелю и в сборах.

«В этой области он творил чудеса. В ноябре 1925 года было торжественно отпраздновано 75-летие Тейтеля, а незадолго перед тем он издал свои мемуары под заглавием “Из моей жизни. За сорок лет”. И свой юбилейный банкет, и томик мемуаров Тейтель всемерно использовал для пропаганды возглавляемой им организации. В 1926 году он съездил в Женеву и представил доклад Нансеновскому комитету и директору Международного Бюро Труда Альберу Тома. В 1927 году он отправляется для сборов в Голландию, а начиная с 1928 года Я.Л. почти непрерывно был в разъездах».

Гольденвейзер приводит список городов, в которых Тейтель делал сборы в пользу Союза русских евреев в течение десятилетия с 1925 по 1935 год, т.е. в возрасте от 75 до 85 лет:

В Германии – Берлин, Гамбург, Лейпциг (три поездки), Франкфурт, Бреслау, Мюнхен, Нюрнберг, Кельн, Дюссельдорф, Дрезден, Хемниц (три поездки).

<sup>364</sup> Volkman H. – E. Die russische Emigration in Deutschland. 1919 – 1929. Würzburg, 1966. S. 15.

<sup>365</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 6.

<sup>366</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 134. Л. 15.

<sup>367</sup> Там же. Л. 14 – 15.

<sup>368</sup> Там же. Л. 63.

<sup>369</sup> Там же. Л. 16, 122.

<sup>370</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 124. Л. 46; Оп. 1. Д. 134. Л. 19.

Во Франции – Париж (почти ежегодно), Страсбург, Ницца.  
В Англии – Лондон (с 1924 по 1937 гг. пять поездок).  
В Голландии – Амстердам, Гаага, Роттердам.  
В Бельгии – Брюссель, Антверпен.  
В Швеции – Стокгольм, Гётеборг.  
В Дании – Копенгаген.  
В Швейцарии – Базель, Цюрих, Женева.  
В Чехословакии – Прага, Брно.  
В Латвии – Рига.  
В Литве – Ковно<sup>371</sup>.

Автор наиболее информативной биографии Тейтеля, его если не правая рука (таковой был заместитель Тейтеля Б.С. Ширман), то левая точно, А.А. Гольденвейзер иногда сопровождал его в поездках. Так, весной 1931 года он отправился вместе с Тейтелем в Баварию. Целью поездки, что обычно для благотворительной беженской организации, было собрать средства и заручиться поддержкой местной общественности. В честь Тейтеля был устроен многолюдный банкет, на котором председатель Союза русских евреев и Гольденвейзер выступили с докладами о тяжелом положении беженцев. «В ответах на доклады, – по сообщениям прессы, – была отмечена необходимость создания специальных беженских организаций, так как органы государственной и общинной социальной помощи не приспособлены к особому характеру и особенностям психике беженцев. В результате банкета и был организован “Баварский комитет помощи русско-еврейским беженцам”, в состав которого вошли видные раввины, судьи и адвокаты»<sup>372</sup>.

По оценке Е. Соломинской, в 1930 году суммы, вырученные в результате сборов за границы, составили более четверти доходов Союза (26 %), примерно столько же дали членские взносы (24 %) и сборы среди немецких евреев (24 %)<sup>373</sup>.

В 1931 году структура доходов Союза выглядела следующим образом:

Членские взносы – 35.823.20 марок  
Пожертвования, собранные в Берлине – 3.373.65  
Сбор Моэс-Хитим – 15.057.40  
Синагога – 4.386.80  
Кружечный сбор – 266.84  
Сбор взамен бала – 10.930.00  
Субсидии заграничных организаций – 41.904.66  
Сборы среди немецких евреев и за границей – 17.767.18  
Субсидии от Берлинского Еврейского  
Общества и Ландесфербанда – 5.750.00  
Сбор в «фонд им. Я.Л. Тейтеля» – 8.885.20  
Проценты по текущим счетам – 466.80  
Всего: 144.601.73 марки<sup>374</sup>.

Таким образом, год спустя членские взносы и субсидии заграничных организаций составляли более половины доходной части бюджета Союза. Остальная часть была сформирована за счет различных сборов, причем сборы среди немецких евреев и за границей существенно

<sup>371</sup> Гольденвейзер А.А. Я.Л. Тейтель. С. 314 – 315.

<sup>372</sup> Помощь Союзу Русских Евреев // Руль. 1931. № 3175. 8 мая. С. 6.

<sup>373</sup> Соломинская Е. Союз русских евреев в Германии (1920 – 1935 гг.): урок истории // Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе: 1919 – 1939 гг. / Ред. М. Пархомовский. Иерусалим, 2003. Т. 10. С. 217.

<sup>374</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 105. Л. 7. Приведено в докладе Л.Г. Аронова «Материалы по истории еврейской эмиграции в фонде “Союза русских евреев в Германии” Государственного архива Российской Федерации» на конференции «120 лет еврейской эмиграции из России» (Москва, декабрь 2002 года).

снизились: поступившая сумма в совокупности в два раза уступала сумме членских взносов. Очевидно, на эффективность сборов повлиял никак не желавший заканчиваться экономический кризис.

В целом доход Союза выглядел для кризисного времени вполне прилично. К тому же в конце 1931 года СРЕВГ получил право продажи спиртных напитков. По сообщению газеты «Наш век», «Союзу русских евреев в Германии предоставлена для состоящего при союзе Общественного Собрания так называемая “большая концессия” на продажу всех без исключения спиртных напитков. Такое право дается эмигрантской организации впервые, и объясняется тем, что на запрос компетентного учреждения о деятельности союза берлинским полицей-президиумом был дан о союзе отзыв, как об учреждении не только безупречном, но и весьма ценном»<sup>375</sup>.

Учитывая эти обстоятельства, воззвание Союза, опубликованное 10 декабря 1931 года, в котором рисовалось тяжелое положение беженцев (что было чистой правдой), содержалась просьба о помощи и говорилось, что «вся деятельность» Союза «парализована вследствие отсутствия средств» и ему «угрожает опасность закрытия», несколько драматизировало ситуацию. Конечно, беженская нужда в условиях кризиса лишь возросла, а сборы снизились: «Маститый председатель нашего Союза Я.Л. Тейтель только что вернулся из длительной поездки по Франции, Эльзасу, Швейцарии и т.п. Он повсюду встречал сочувствие, но оказанная ему помощь – капля в море беженской нужды», – говорилось в том же возвании, однако прекращение деятельности ввиду отсутствия средств Союзу не грозило<sup>376</sup>.

Расходы только благотворительной комиссии в этом же 1931 году составили:

Единовременных пособий – 36.061.75 марок  
Ежемесячных пособий – 55.598.00 – « -  
Помощь больным – 1.788.50 – « -  
Всего: 93.448.25 марок<sup>377</sup>.

Многие упрекали Тейтеля в любви к рекламе.

Действительно, он до старости лет, как молодой артист-дебютант, любил газетный шум вокруг своего имени. Однако, здесь был элемент сознательного «делового» расчета. Успех его сборов и поездок был ведь почти всецело основан на его личном престиже, на «легенде», которой была окружена его личность («единственный еврей-судья в царской России» и т.д.). По поводу повторявшихся каждое пятилетие юбилейных чествований Я.Л. откровенно говорил: «мне это нужно для успеха сборов – ведь я торгую своей старостью»<sup>378</sup>.

Для «рекламы» Тейтель активно использовал вышедший в 1929 году перевод на немецкий язык его мемуаров<sup>379</sup>. Он «усердно» рассылал книгу, она стала «его главным орудием пропаганды в кругах немецких евреев»<sup>380</sup>. В 1929 году Тейтель основал комитет из видных представителей немецкого еврейства (Reichsausschuß für russisch-jüdische Flüchtlinghilfe), главным

<sup>375</sup> Наш век. 1931. 13 дек. № 6. С. 8. В этом же номере газеты сообщалось, что дамский комитет при Союзе русских евреев решил вместо проведения традиционного бала устроить «по примеру прошлого года сбор». Видимо, организаторы не были уверены в том, что бал себя окупит.

<sup>376</sup> Наш век. 1931. № 7. 20 дек. С. 10.

<sup>377</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 105. Л. 4. Аронов Л.Г. Материалы по истории еврейской эмиграции в фонде «Союза русских евреев в Германии» Государственного архива Российской Федерации.

<sup>378</sup> Гольденвейзер А.А. Я.Л. Тейтель. С. 317.

<sup>379</sup> Teitel J. Aus meiner Lebensarbeit. Uebersetzt von Dr. Elias Hurwitz. Frankfurt a. Main: Verlag Felix Kauffmann, 1928 (в выходных данных значится 1928 год, хотя книга появилась в продаже в 1929-м).

<sup>380</sup> Гольденвейзер А.А. Я.Л. Тейтель. С. 317.

делом которого стал сбор средств в пользу русских евреев. Комитет рассылал воззвания о помощи беженцам по всей Германии. Председателем комитета был избран известный берлинский адвокат и один из лидеров сионистов Альфред Клее (Alfred Klee). Писатель Арнольд Цвейг, социалист и сионист, друг Зигмунда Фрейда и Лиона Фейхтвангера, автор популярнейшего в то время в Германии романа «Спор об унтере Грише» (в рус. пер. – «Трагедия унтера Гриши», 1928), произнес в одном из собраний Союза блестящую речь о проблеме беженства, изданную затем отдельной брошюрой под заглавием «Судьба беженцев» («Das Los der Geflüchteten»). Впоследствии Альфред Клее погибнет в концентрационном лагере в Голландии, куда он уедет из нацистской Германии. Арнольд Цвейг, книги которого одними из первых запылали в кострах, разожженных студентами-нацистами, пережил его на 25 лет. Он уехал в Палестину, после окончания Второй мировой войны вернулся в Восточную Германию и стал президентом Академии искусств ГДР.

Б.Л. Гершун и А.А. Гольденвейзер дали различные, но в главном, причем независимо друг от друга, сходные объяснения успеху сборов, проводившихся Тейтелем. Гершун писал:

К фактической организационной работе он не был способен, но в нем было много инициативы и способность воодушевлять других к производительной работе. Он был совершенно незаменим в важнейшей роли – по привлечению пожертвований. Он пользовался доверием и симпатиями, и отказу, когда он появлялся за сбором денег, ему не было. Среди еврейской колонии в Германии было мало богатых людей, преобладали люди среднего достатка и люди, еле сводившие концы с концами. Тейтель стал объезжать крупные центры в Европе, и тут обнаружилась его исключительная способность получать деньги там, где всякий другой встретил бы отказ. Он не владел ни одним иностранным языком, являлся с переводчиком и, тем не менее, производил неотразимое впечатление на иностранных евреев-богачей, к которым он обращался. Престиж бывшего единственного еврейсудьи в России, безыскусственная речь, простота и естественность подхода к людям, приятная внешность бодрого крепыша-старика с милой, лукавой и привлекательной улыбкой – все содействовало успеху миссии Тейтеля. Со своих набегов на еврейских благотворителей и толстосумов в Европе он возвращался с крупными суммами, дававшими Союзу возможность широко развивать свою помощь. Можно с уверенностью сказать, что благодаря Тейтелю, привлекавшему средства, и комитету, организовавшему помощь, Союз русских евреев был самым крупным и лучшим благотворительным делом не только Берлина и Германии, но и других центров сосредоточения еврейской эмиграции<sup>381</sup>.

По словам Гольденвейзера,

успех этих фантастических поездок связан еще с одним талантом, которым обладал Тейтель, – с его умением легко и быстро заводить знакомства и затем уже никогда не терять из виду людей, с которыми он хоть раз встретился. Единственные записи, которые Я.Л. вел аккуратно и которым придавал большое значение, были записи адресов. Его адресные книги, где тысячи имен были распределены по странам и городам, тщательно сохранялись и часто переписывались очередными секретаршами. Куда бы судьба ни занесла Якова Львовича, он везде встречал старых друзей. Притом не было человека, хотя бы мельком встреченного им 40 или 50 лет назад,

<sup>381</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 15 июля 1945 года: Gold-9.

о котором он при новой встрече не вспомнил бы всех подробностей: где и когда виделись, что друг другу сказали, в какое платье была одета жена и т.д. Немудрено, что эти люди тотчас же превращались в его друзей и сотрудников. Так во всех городах, куда он совершал свои налеты, Тейтель умел с молниеносной быстротой создавать группы людей, душевно ему преданных и готовых работать для его целей<sup>382</sup>.

Средства Союзу давали, конечно, не только личные вояжи Тейтеля. Упомянувшийся выше «чай для прессы» служил достаточно распространенной формой привлечения внимания общественности и потенциальных финансовых доноров к проблемам евреев-беженцев. Так, 3 мая 1927 года в берлинской гостинице «Эден» на «чай», устроенный СРЕвГ, собрались свыше 100 представителей прессы и общественных организаций, включая уполномоченного Лиги Наций по делам беженцев, генерального консула Шлезингера, директора представительства Джойнта д-ра Бернарда Кана, директора HIAS<sup>383</sup> д-ра Бернштейна, представителей берлинской еврейской общины и главных беженских организаций, корреспондентов русских, немецких, еврейских и иностранных газет.

После речи Тейтеля, призывавшего оказывать Союзу содействие в его работе, с докладом на немецком языке выступил Гольденвейзер. Рассказав о деятельности Союза, он заключил:

С 500-ми членов и с годовым бюджетом в 132.000 марок, союз вероятно является крупнейшей из всех беженских организаций. За семь лет выданы пособия десяткам тысяч беженцев. В картотеке просителей отразилась судьба беженства – неисчислимы случаи обнищания и почти отсутствуют случаи обратного подъема. Деятельность союза выходит за пределы благотворительной. Выдаются ссуды ремесленникам и мелким торговцам на обзаведение. На курсах союза беженцы обучаются шитью, массажу, стенографии, языкам. Оказывается бесплатная врачебная и юридическая помощь. Однако во всех отраслях союз удовлетворяет лишь ничтожный процент существующей нужды. Вопрос о судьбе беженцев с каждым годом становится все острее. Он заслуживает внимания самых широких кругов<sup>384</sup>.

В 1927 году Союз русских евреев и в самом деле был, вероятно, крупнейшей из российских эмигрантских организаций в Берлине. К тому времени численность российских беженцев в этом мегаполисе заметно сократилась, составив на 1 января 1927 года 15 500 человек. Русские эмигранты составляли третью по численности группу иностранцев в Берлине, уступая австрийцам (32 000) и полякам (21 500), но опережая чехов (15 000)<sup>385</sup>. Численность еврейской части российской колонии сократилась, очевидно, в существенно меньшей пропорции. Так, если в 1920 году в Союз русских евреев входили 685 человек, то на 1 января 1930 года членов Союза, регулярно плативших членские взносы, насчитывалось 525 человек, на 1 января 1931 года – 510 человек, на 1 января 1932 года – 548 человек<sup>386</sup>.

Жизнь русско-еврейского Берлина как будто была ключом. Вот, наудачу, несколько событий середины – второй половины ноября 1927 года. 14 ноября доклад Б.Д. Бруцкуса «Еврейское местечко при советской власти», 19 ноября в отеле «Кайзергоф» – традиционный бал

<sup>382</sup> Гольденвейзер А.А. Я.Л. Тейтель. С. 323.

<sup>383</sup> HIAS (Hebrew Immigrant Aid Society) – Общество помощи еврейским иммигрантам и беженцам, образовано в 1909 году в Нью-Йорке. После окончания Первой мировой войны представительства HIAS открылись в Восточной Европе и на Дальнем Востоке.

<sup>384</sup> В Берлине. «Чай для прессы». С. 4.

<sup>385</sup> В Берлине: Хроника // Руль. 1927. № 1948. 28 апр. С. 4. О деятельности Тейтеля по сбору средств и организации помощи евреям-беженцам из России см. также: Соломинская Е. Союз русских евреев в Германии. С. 212 – 218.

<sup>386</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 102. Л. 7; Д. 103. Л. 6; Д. 105. Л. 5.

Союза еврейских студенческих организаций в Германии. «В программе принимают участие лучшие художественные силы», – говорилось в объявлении о бале. В тот же день в клубе имени Шолом-Алейхема С.Л. Рафалович читал доклад на тему: «Перспективы южноамериканского еврейства». 30 ноября в «Кайзергофе» пресс-конференция деятелей ОРТ, в тот же день – концерт в пользу Общества помощи евреям-врачам эмигрантов<sup>387</sup>.

Обратимся теперь от благотворителей к их подопечным.

Образовательный уровень просителей был весьма различен. Среди них заметную часть, видимо, составляла интеллигенция, люди с высшим образованием или студенты. Однако их долю среди всех подопечных Союза по прошению оценить достаточно трудно: в этом отношении прошения представляют не слишком репрезентативную выборку. Насколько можно судить, прошения от людей, обладавших низким уровнем грамотности, заполнялись секретарем в бюро Союза, и большая их часть не сохранилась. Руководство Союза старалось представить своих клиентов определенным образом: это русскоязычные евреи, получившие хорошее образование, носители русской культуры, в прошлом состоятельные, обедневшие в эмиграции и стыдящиеся обратиться за помощью.

Наиболее красноречиво свидетельствует об этом фрагмент выступления Я.Л. Тейтеля в 1928 году:

Эти люди, жившие прежде в полном довольстве, иногда предпочитают теперь умереть с голоду, чем обращаться за помощью к городским или еврейским благотворительным организациям. Лишенные права работать и потому не имеющие никаких источников дохода, они, в большинстве случаев, даже от собственного своего Союза не хотят принимать какой-либо поддержки... Всюду, во всем мире переживаем мы теперь печальное явление – следствие войны и годов инфляции: старые, почетные, культурные поколения принуждены уступать место тупым, неразвитым духовно выскочкам. Мы, евреи, никогда не поклонялись деньгам, мы всегда презирали всяких «парвзю», необразованных «богатеи»... Тем более надлежит нам охранять от падения те еврейские слои, которые олицетворяют собой «фин флер» европейской культуры<sup>388</sup>.

Приглашенный на «чай для прессы» в 1929 году Арнольд Цвейг в своей речи подчеркивает элитарность СРЕВГ: его клиентов он описывает как «15 000 интеллектуалов, писателей, профессоров, врачей, адвокатов, ученых разных направлений, торговцев, инженеров и т.д.»<sup>389</sup> Отметим, что торговцы помещены в конце списка, состоящего из названий интеллектуальных профессий. На праздновании 80-летия Тейтеля, совпавшем с 10-летием СРЕВГ, главный юбиляр, отвечая на поздравительные речи, сказал: «Меня прозвали “королем шнорреров”<sup>390</sup>, и я с удовлетворением принял это звание. Но мое королевство, увы! Чудовищно разрастается и, к моей горькой скорби, среди моих подданных я вижу тысячи лучших представителей былой русской интеллигенции с их семьями и детьми»<sup>391</sup>.

Знакомство с прошением, адресованным в финансовую комиссию Союза, показывает, что сконструированный руководством Союза образ довольно далек от действительности. Тема бывшего благосостояния и стыда жить впроголодь и обращаться за помощью действительно присутствует в прошении: «Я сын Петербургского Потомственного почетного гражданина и купца

<sup>387</sup> Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918 – 1941. S. 331 – 334; Пуль. 1927. № 2122. 20 нояб. С. 10.

<sup>388</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 129. Л. 49.

<sup>389</sup> Zweig A. Das Los der Geflüchteten. Rede auf dem Presse-Tee des Verbandes Russischer Juden in Deutschland. Berlin, 1930. S. 6.

<sup>390</sup> Schnorrer (нем.) – попрошайка.

<sup>391</sup> Я.Л. Тейтель. Юбилейный сборник. С. 104.

1-й Гильдии Виктора Мойсеевича Йосселе, который был в течение 20 лет общественным деятелем и делал много пожертвований. В настоящее время я очутился в безвыходном положении благодаря своей продолжительной болезни и не имею даже комнаты»; «Пребываю в Берлине свыше 3-х лет с женой и двумя взрослыми детьми... Работал здесь как Courtier т.е. посредником по продаже драгоценных вещей, пользовался всеобщим доверием, жил прилично, не нуждаясь в ничьей помощи. С середины 1923 г. эта отрасль совершенно замерла за отсутствием продавцов (частных лиц, продававших свои драгоценности), и с того момента я стал все меньше и меньше зарабатывать, хотя мог еще держаться в надежде на скорое улучшение положения. Мои надежды, к сожалению, не оправдались, и даже наоборот, с 1-го дек. 1923, с началом стабилизации Марки дела вообще настолько затихли, что с того момента по сегодняшний день я не мог даже заработать на нашу повседневную жизнь, и приходится жить с семьей впроголодь и большими лишениями»<sup>392</sup>.

Одна просительница обращается лично к Тейтелю: она боится перспективы жить в нищете или стать нахлебницей и просит об анонимной помощи:

Тяжелые мысли моего отца (о том, что лишние люди не должны жить) вызывают и во мне меланхолию и подрывают во мне веру и бодрость духа. Много способствует этому мое безделье. Обостренность моего положения дошла до пароксизма (sic). После утреннего разговора с моим отцом, после того, как он мне открыл все карты, я побежала снова во все банки, гимназии, к нотариусам – спрашивать повсюду работы, переводов, уроков, но повсюду я получала ответ, что кризис большой, что штат хотят уменьшить, и т.п. ... Еще я Вам хотела сказать, дорогой Яков Львович, что мои два письма к Вам являются исповедью, которую делают только духовному отцу... Я прошу, чтобы о моих просьбах к Вам не знал никто из наших общих знакомых<sup>393</sup>.

Однако прошений, в которых рассказываются подобные истории, немного: в основном пишут люди, которые бедствовали и на родине. Кроме того, среди авторов прошений есть студенты, врачи, сотрудники лабораторий, но они не составляют большинства, а известных интеллектуалов среди просителей очень мало. Сам же Союз, видимо, расценивал помощь именно таким просителям как одно из приоритетных направлений своей деятельности: в составе Союза существовала специальная комиссия, занимавшаяся поддержкой студентов, выдавались ссуды на получение образования и сдачу экзаменов, кроме того, Союз подчеркивал, что оказывает помощь русско-еврейским интеллектуалам, оказавшимся в Берлине. В отчете Союза за 1928 год, опубликованном на немецком языке, читаем:

Тяжелее всего положение интеллектуалов, которые особенно страдают от безработицы. Многие известные русские врачи, адвокаты, профессора и писатели не в состоянии прокормить себя и свои семьи. Наш союз считает своим особым долгом помогать этим кругам<sup>394</sup>.

Прежде всего речь шла о материальной поддержке этих интеллектуалов и их семей: в «Разъяснении и дополнении» к меморандуму о деятельности Союза за 1920 – 1925 годы указано, что «союз выдает лицам ежемесячные пособия и поддерживает семей (sic) из интеллигенции»<sup>395</sup>. Именно для такой поддержки в 1924 году Союзом была получена субвенция от Джойнта<sup>396</sup>.

<sup>392</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 58.

<sup>393</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 129. Л. 7.

<sup>394</sup> Centrum Judaicum Archiv. 1. 75 A Stu 1. Nr. 9 (Ident. – Nr. 8513). S. 46b.

<sup>395</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 41. Л. 36.

<sup>396</sup> Там же. Л. 21.

Кроме того, оказывалась и помощь в работе по специальности. Среди удовлетворенных прошений встречаем, например, такое: «Ввиду того, что я начал практику в г. Берлине (Schlüterstraße, 21) и нуждаюсь в микроскопе для необходимых медицинских исследований, разрешаю себе обратиться с покорнейшей просьбой к Союзу о выдаче мне суммы денег в размере двухсот марок (200 м.) в качестве задатка при покупке микроскопа, стоящего приблизительно от 500 до 600 марок, сумму которую я буду выплачивать фирме ежемесячно постепенными взносами»<sup>397</sup>.

Удовлетворялись также прошения музыкантов о пособиях на приобретение инструментов и даже прошения о помощи в проведении творческих вечеров. Студентам оплачивалось обучение в университетах и на курсах. Непосредственно при Союзе был организован ряд кружков (по английскому и немецкому языкам, стенографии, вождению, кройке и шитью, косметологии). Обучение в этих кружках полностью оплачивалось Союзом, и среди обоснований необходимости обучения встречаются довольно неожиданные. Так, одному из слушателей, корреспонденту американской газеты, издаваемой на идише, обучение на курсах было необходимо, поскольку газета «заключает в себе много англицизмов, требующих знания английского языка»<sup>398</sup>. Другой слушательнице, ассистенту кафедры физиологии Берлинского университета, английский был нужен для чтения литературы по бактериологии<sup>399</sup>.

Авторы большинства прошений рассчитывали получить от Союза помощь в удовлетворении самых элементарных потребностей. В большинстве обращений содержится просьба о предоставлении пособий, способных покрыть прожиточный минимум, в который входят траты на питание, на отопление, на одежду (в нескольких прошениях сообщается, что у заявителя имеется только одна смена одежды или нет верхнего платья, и он не может заняться поиском работы именно по этой причине<sup>400</sup>). Часто просят деньги на лечение (многие из клиентов Союза были физически истощены от недоедания и тяжелых жизненных условий, многим требовалась срочная медицинская помощь) и оплату съемного жилья, не менее часто – на выкуп имущества, взятого собственниками жилья в залог из-за неуплаты.

Иногда авторы прошений – люди, находящиеся в совершенно отчаянном положении: «... не видя другого исхода, как бы выкарабкаться из своего крайне-крайне тяжелого положения, я принял веронала (яда), но смерть не приходит. Нашли в беспомощном состоянии и привезли в больницу “Charité”»<sup>401</sup>.

Для того чтобы дать представление о масштабах помощи, оказывавшейся Союзом, приведем выразительные данные. Вторая опись в фонде СРЕвГ в Государственном архиве Российской Федерации включает 51 дело на 15 781 листе за 1922 – 1930 годы. Дела содержат только расписки лиц, получивших пособие.

Союз занимался приисканием работы просителям. Во многих обращениях содержатся просьбы о предоставлении работы или ссуд для небольших индивидуальных предприятий (для занятий уличной торговлей, открытия маленьких мастерских и т.п.) или об оплате проезда до места службы.

Частым предметом просьб подопечных являлась оплата дороги. Союз поощрял и трудовую эмиграцию, оплачивая визы и билеты/шифскарты<sup>402</sup> для отъезда на работу в Западной Европе (преимущественно во Франции), Америке или Палестине, и репатриацию (достаточно многочисленны прошения об оплате билета для возвращения в Россию). Стимулированию тру-

<sup>397</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 58. Л. 294, прошение д-ра медицины С.Д. Липского.

<sup>398</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 60. Л. 102.

<sup>399</sup> Там же. Л. 103.

<sup>400</sup> См., например: ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 52. Л. 135.

<sup>401</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 58. Л. 162.

<sup>402</sup> Шифскарта (*нем.* Schiffskarte) – билет на пароход. Трансатлантические пароходные компании продавали иммигрантам шифскарты в кредит.

довой эмиграции служила и организация курсов английского языка. Интересен в этом отношении отчет преподавателя этих курсов. Он поясняет, зачем его ученики занимаются языком: «В Германии перспектив нет, работы нет, поэтому даже высокообразованные люди стремятся в английские колонии: Азию, Африку, Южную Америку»<sup>403</sup>.

Интересно, что председатель и главный «добытчик» средств для Союза нередко вносил дезорганизацию в его деятельность. По свидетельству Б.Л. Гершуна, «[Б.С.] Ширман и другие члены Комитета мне иногда жаловались на то, что Тейтель совершенно не считался ни с уставом, ни с установленными комитетом планами помощи, и оказывал помощь там, где в ней надо было отказать, и в порядке, нарушавшем план, намеченный комитетом. Тейтель любил творить добро, и не умел и не хотел отказывать, и комитету и, гл[авным] обр[азом], казначею приходилось мириться с действиями этого enfant terrible Союза»<sup>404</sup>. Это было очень «по-тейтелевски».

Союз занимался юридической защитой русских евреев, многие из которых были бесподанными, а значит, не имели возможности обратиться за защитой своих интересов в консульство своей страны и подлежали высылке из Германии и прочим наказаниям в первую очередь. Союз хлопотал для них о выдаче и продлении паспортов, получении видов на жительство и прав на трудоустройство. А.А. Гольденвейзер писал в 1928 году о юридической политике Союза:

Цель, которую преследует Союз, — это положить конец бесправию беженцев. Он добивается для них: права свободного передвижения как в Германии, так и за границей, права работы по своим специальностям, социального обеспечения и охраны их правосудием. Бедственное положение беженцев является социальной проблемой, разрешение которой должно идти не только путем филантропии, но и главным образом путем хозяйственной ассимиляции. Необходимо изменение правовой ситуации беженцев, которое возможно достичь исключительно при интернациональном соглашении<sup>405</sup>.

Юридическая помощь состояла также в бесплатном консультировании беженцев. Ведение дел на безвозмездной основе вряд ли было возможно в сколько-нибудь серьезных масштабах, учитывая неизбежные затраты как материальные, так и временные. В нашем распоряжении имеется статистика обращений в юридический отдел Союза русских евреев за 1931 год по отдельным категориям дел. Они распределялись следующим образом: гражданские дела — 178, паспортные и административные — 107, налоговые — 23, уголовные — 9. Всего 317 дел<sup>406</sup>.

Приходилось иногда, особенно учитывая материальные проблемы большинства обратившихся, прибегать к нетрадиционным способам улаживания их дел. Так, однажды к Гольденвейзеру в Союз русских евреев пришла женщина-врач А.Э. Катель, жившая отдельно с мужем — И.Я. Кателем. Она воспитывала их общих детей девяти и двенадцати лет. С некоторых пор муж перестал присылать ей деньги на жизнь. У покинутой жены не было денег на подачу иска, к тому же бывший муж жил в Париже. Тогда Гольденвейзер написал личное письмо известному адвокату М.Л. Гольдштейну, однако обращался к нему не как к юристу, а как к «одному из руководителей парижского Общества помощи русским евреям». Гольденвейзер просил Гольдштейна убедить Кателя выплачивать хотя бы самую необходимую сумму на содержание детей. Если же тот все-таки откажется, то сообщить ему условия подачи судебного

<sup>403</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 60. Л. 91.

<sup>404</sup> Гершун Б.Л. — Гольденвейзеру А.А., 15 июля 1945 года: Gold-9.

<sup>405</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 129. Л. 50-51.

<sup>406</sup> ГАРФ. Ф. 5774. Оп. 1. Д. 105. Л. 8. Аронов Л.Г. Материалы по истории еврейской эмиграции в фонде «Союза русских евреев в Германии» Государственного архива Российской Федерации.

иска во Франции. Видимо, дело удалось уладить полюбовно, во всяком случае, подобный иск среди дел, которые вел Гольденвейзер, не значится<sup>407</sup>.

Союз заботился не только о материальной, но и о духовной пище своих подопечных. Еврейские праздники входили в обязательный «календарь» Союза (особенной популярностью пользовались Песах [Пасха] и Ханука), причем праздники отмечались не только в его клубе «Ахдут» (единство), которым организация располагала до 1924 года, но иногда в отелях, в том числе в роскошном «Адлоне». Это вовсе не было проматыванием общественных денег: торжества неизменно сопровождались сборами, и касса Союза скорее пополнялась, нежели худела. В клубе Союза устраивались семейные и музыкальные вечера, концерты и т.п.<sup>408</sup>

Культурно-просветительская комиссия Союза русских евреев в Германии устраивала доклады, на которых могли присутствовать все желающие<sup>409</sup>. Для этого нанимался большой зал, сначала – «Ложенгауз» (Logenhaus) на Kleiststraße, 10 (в южной части центра Берлина), позже чтения проходили в предоставленном еврейской общиной лекционном зале берлинской синагоги и в «Гутман-зале». Обычно на этих мероприятиях председательствовал глава Союза Я.Л. Тейтель. Тематика лекций отражала проблемы, волновавшие русских евреев, да и эмиграцию в целом. Среди докладчиков были не обязательно евреи, и проблематика не всегда носила «еврейский» характер. К сожалению, тексты подавляющего большинства докладов не сохранились, если не были опубликованы впоследствии авторами в виде статей<sup>410</sup>.

В июне и ноябре 1921 года были прочитаны три доклада по жгучим для русско-еврейской эмиграции в Берлине вопросам: Я.Л. Тейтеля – о бедственном положении евреев в России и В.С. Манделя и О.О. Грузенберга – о возможности привлечь к ответственности виновников погромов времен революции и Гражданской войны.

Начиная с 1922 года деятельность культурно-просветительской комиссии приобретает более систематический характер. Так, в разные годы были проведены циклы лекций «Философы-евреи», «Современные еврейские писатели», «Тенденции в немецком еврействе за последние 150 лет» и другие. Проводились циклы лекций об истории евреев в древности и Средние века, включавшие, к примеру, такие лекции, как «Царь Давид», «Библейское предание и современная наука», «О библейской критике» «Судьбы хазарско-иудейского государства», «Ересь жидовствующих». Читались лекции об истории литературы на идише, проводились вечера, посвященные творчеству Шолом-Алейхема, Шолома Аша.

Однако проблематика докладов не ограничивалась исключительно еврейскими сюжетами и темами, так же как лекторы не обязательно были евреями. Были прочитаны лекции, посвященные русским писателям и философам – Л.Н. Толстому, Ф.М. Достоевскому, В.Г. Короленко, В.С. Соловьеву, В.В. Розанову.

Важное место в программе докладов занимали потенциальные направления эмиграции: Палестина (в 1922 – 1923 годах Союз организовал несколько докладов о ее современном экономическом и юридическом положении и перспективах, были показаны два документальных фильма о Палестине, выступали известные сионисты), Северная и Южная Америка.

Разумеется, обсуждалось положение в Советской России и перспективы падения советской власти. Евреи-эмигранты, по меньшей мере в 1920-е годы, были уверены, что это произойдет в обозримом будущем. В этом они ничем не отличались от большинства российских изгнанников. Характерно название доклада, прочитанного в мае 1925 года: «Евреи и падение советской власти». Речь шла о перспективах еврейства после предполагаемого конца большевистского владычества. В том, что падение не за горами, никто особенно не сомневался.

<sup>407</sup> ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 175. Л. 24 – 24 об.

<sup>408</sup> Соломинская Е. Союз русских евреев в Германии. С. 209.

<sup>409</sup> См. программу докладов и лекций в приложении.

<sup>410</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 41. Л. 53.

Шесть лет спустя тема все еще казалась актуальной: теперь конец советской власти связывали с насильственной коллективизацией и индустриализацией, которые, казалось, приведут к неизбежному взрыву. В июне 1931 года И.М. Бикерман выступил с докладом «Пятилетний план как гробокопатель советской власти». Однако, как вскоре выяснилось, хоронить ее он поторопился.

Доклады были ориентированы на весьма широкую публику и носили популярный характер. В 1927 году А.А. Гольденвейзер, член культурно-просветительской комиссии, писал автору доклада о Розанове: «Очень прошу Вас принять во внимание неподготовленность нашей аудитории и, по возможности, избегать малодоступных философских терминов»<sup>411</sup>.

В качестве резюме деятельности Союза русских евреев в Германии приведем выдержку из выступления Л.М. Брамсона, одного из руководителей ОРТ, на банкете, посвященном 80-летию Тейтеля и 10-летию Союза:

Таится какое-то коренное противоречие и в судьбе второго юбиляра, тесно связанного с Я.Л., – «Союза русских евреев». Только 10 лет этому второму юбиляру, – и на первый взгляд срок как будто небольшой: молодым безусым Вениамином<sup>412</sup> представляется Союз в сравнении с другими еврейскими организациями в Берлине, насчитывающими много, много больше лет. Но, невзирая на свои молодые годы, «Союзу» пришлось, словно «вундеркинду», в действительности проделать так много, чего не успевали другие, спокон веков существующие в Берлине учреждения. За какие-нибудь 10 лет Союз, ведомый Яковом Львовичем и группой общественных деятелей, с ним сроднившихся, поддержал «в минуты жизни трудные» тысячи одиноких, обездоленных беженцев; хлопотал об их праве на жительство, чутко откликался на их нужды в повседневной жизни, заботился о профессиональной подготовке подрастающего поколения, искал для него света и простора, старался скрасить досуги этих людей, обреченных на долгую разлуку с далекой Россией<sup>413</sup>.

Брамсон приводит и упреки, которые слышались в адрес Союза: «...что нет систематической выдержки в развитии работы “Союза русских евреев”, что деятельность его разбросана и преимущественно направлена на скорую, преходящую помощь». Однако приходит к выводу, что в тех исторических обстоятельствах, в которых СРЕвГ начал свою деятельность, именно такая паллиативная помощь (денежные субсидии, медицинская помощь, содействие в трансмиграции) была наиболее нужной и исторически обусловленной<sup>414</sup>.

Конец деятельности Союза русских евреев в Германии, как и конец истории многих других еврейских организаций Берлина, связан с приходом к власти нацистов. В Политическом архиве Министерства иностранных дел Германии сохранилась переписка о его закрытии. Руки до Союза у гестапо дошли через два с половиной года после установления гитлеровской диктатуры. 1 августа 1935 года гестапо направило в Министерство иностранных дел запрос следующего содержания:

Союз русских евреев в Германии основан после окончания Мировой войны, зарегистрирован в реестре организаций 4.5.1920. Союз провозгласил своей целью создание системы взаимопомощи евреев, бежавших из России. Помимо благотворительной деятельности, Союз организует лекции и другие

---

<sup>411</sup> ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 60. Л. 63.

<sup>412</sup> Союз сравнивается с библейским Вениамином – младшим из 12 сыновей Иакова.

<sup>413</sup> Я.Л. Тейтель. Юбилейный сборник. С. 81 – 82.

<sup>414</sup> Там же.

общественные мероприятия. Члены Союза пользуются русским языком. Протоколы собраний Союза составляются также на русском языке.

Большинство членов Союза были лишены русского гражданства еще до смены власти. Некоторые из них стали бесподданными, другие приняли гражданство других государств, большинство – Литвы. Председатель Союза – бесподданный, статский советник в отставке Яков Тейтель (Берлин).

Контроль за деятельностью Союза представляется трудным из-за использования Союзом русского языка. Антигосударственный характер деятельности до сих пор не подтвержден. Однако деятельность евреев в Германии в целом заставляет видеть в Союзе источник вредоносной пропаганды, подпитываемый благодаря нелегальным связям с враждебными кругами в России, Литве или Латвии.

В свете вышесказанного я предлагаю распустить Союз, учитывая, что в его дальнейшем существовании нет необходимости, а использование слова «русский» в названии организации, при том что многие ее члены лишились русского гражданства, может ввести читателя в заблуждение, а потому недопустимо.

Учитывая иностранное происхождение членов Союза и их вероятные связи с восточными странами, я прошу Вас высказать свою точку зрения относительно роспуска Союза<sup>415</sup>.

Подпись под запросом неразборчива.

Через две недели, 15 августа 1935 года, референт МИД ландрат фон Типпелькирх сообщил гестапо, что «против предложения о роспуске Союза русских евреев в Германии (зарегистрированной организации) МИД не имеет возражений»<sup>416</sup>.

За 15 лет своей легальной деятельности Союз помог многим русским евреям адаптироваться к новым условиям или уехать на Запад. Клиентура Союза не была постоянной, она быстро и многократно обновлялась; община с четкой структурой и единой культурой не успела сложиться за время существования Союза. Да и вряд ли могла сложиться, учитывая жизнь многих русских евреев в Берлине «на чемоданах» и условия мегаполиса, определившие тенденцию к индивидуализму, нежели к коллективизму. Это была тенденция, характерная не только для эмигрантской среды. «Официальная», точнее, легальная история Союза русских евреев в Германии закончилась в сентябре 1935 года. Однако далеко не все русские евреи сумели уехать из нацистской Германии. Многие из них еще острее нуждались в поддержке. И деятельность Союза не прекратилась. Она возобновилась под другим названием, в других формах, но с такой же настойчивостью и энтузиазмом. И продолжалась, как мы увидим в дальнейшем, вплоть до середины 1941 года.

---

<sup>415</sup> PAAA. R 84333 Abteilung IV: Rußland. Juden. 1933 – 1936. L 364535 – 364537.

<sup>416</sup> Ibid.

## Глава 4

### ЮРИСТЫ МОИСЕЕВА ЗАКОНА

Союз русской присяжной адвокатуры в Германии был организацией профессиональной, а не национальной. И если мы посвящаем специальную главу этому объединению в книге о русско-еврейском Берлине, то дело не только в том, что подавляющее большинство членов Союза (временами около 4/5)<sup>417</sup> были евреями по происхождению (а большинство из них и по вероисповеданию, хотя последнее для значительной части членов Союза не слишком много значило). В деятельности Союза, а в особенности в судьбах подавляющего большинства его членов, возможно, в наибольшей степени выразился дух «русского еврейства», этих «русских Моисеева закона», бежавших из России потому, что они были русскими юристами, а из Германии (если успели) – потому, что они были евреями. Многие члены Союза русской присяжной адвокатуры входили также в другие общественные и политические организации русского Берлина, в том числе в еврейские.

Столь высокая доля евреев среди юристов-эмигрантов, причем именно адвокатов, неудивительна. Евреи играли весьма заметную роль в русской адвокатуре. В 1888 году по Петербургскому судебному округу они составляли 21 % всех присяжных поверенных и 39 % помощников присяжных поверенных<sup>418</sup>. Среди «звезд» русской адвокатуры были А.Я. Пассовер, Г.Б. Слиозберг, М.М. Винавер, О.О. Грузенберг (Петербург), А.С. Гольденвейзер (Киев)<sup>419</sup>. Однако с конца 1880-х годов правительство, в полном согласии и в известной степени по инициативе некоторой части их христианских коллег по адвокатскому цеху, начало принимать меры по ограничению доступа евреев в адвокатуру. В 1889 году император Александр III утвердил доклад министра юстиции Н.А. Манасеина, согласно которому допуск в адвокатуру лиц нехристианских исповеданий производился только с разрешения министра юстиции по представлению советов присяжных поверенных. На практике это означало, что евреи будут приниматься в адвокатуру в виде исключения. Так, знаменитые юристы Винавер и Грузенберг, фактически выполняя работу адвокатов, числились в помощниках присяжных поверенных пятнадцать и шестнадцать лет соответственно. В 1915 году была введена процентная норма для приема евреев в состав присяжных поверенных – 15 % для округов варшавской, виленской и одесской судебных палат, 10 % для округов петроградской и киевской палат и 5 % для прочих судебных округов<sup>420</sup>.

Однако же эти ограничения, принятые за два года до Февральской революции, снявшей для евреев всякие ограничения, не успели существенно повлиять на численность евреев в составе русской присяжной адвокатуры. Высокая доля евреев-юристов среди адвокатов объяснялась также тем, что служить по судебному ведомству им не дозволялось. После прихода к власти большевиков, ликвидировавших «нормальную» юриспруденцию и судопроизводство, многие адвокаты, в том числе евреи, предпочли эмигрировать. У них были не только «классовые» (юристы все-таки очень неплохо зарабатывали и были явно «чуждыми элементами» для

<sup>417</sup> ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 39 (Список присяжных поверенных и их помощников, живущих в Берлине [вторая половина 1920 года, в этот период их насчитывалось 50 человек]); Ф. Р-5981. Оп. 1. Д. 179. Л. 138 – 144 (список членов Союза на 1927 год); Русская адвокатура в Германии. Отчет о деятельности Союза за 10 лет (1920 – 1930). Берлин: Союз русской присяжной адвокатуры в Германии, 1930. С. 29 – 32 (список членов Союза на 1930 г.).

<sup>418</sup> Nathans B. *Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia*. Berkeley; Los Angeles; L., 2002. P. 348.

<sup>419</sup> См. подробнее: Кучеров С.Л. Евреи в русской адвокатуре // Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М.: Мосты культуры; Гешарим; Минск: МЕТ, 2002 (воспроизведение издания: Нью-Йорк, 1960). С. 404 – 441.

<sup>420</sup> Кучеров С.Л. Евреи в русской адвокатуре. С. 406 – 413; Löwe H. – D. *The Tsars and the Jews: Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772 – 1917*. Chur, 1993. P. 345 – 348; Nathans B. *Beyond the Pale*. P. 345 – 366.

«рабоче-крестьянской власти», что в эпоху красного террора было небезопасно), но и профессиональные расхождения с советской властью. К тому же многие из них были членами враждебных большевикам партий, от вполне «буржуазных» кадетов до народных социалистов.

Высокая доля евреев в Союзе русской присяжной адвокатуры объясняется отчасти тем, что еврей-юристы в эмиграции предпочитали обосновываться в Германии, где испытывали меньшие языковые проблемы. Согласно опросным листам, заполненным членами Союза в апреле – мае 1925 года, большинство российских адвокатов владели в той или иной степени немецким языком, а многие и другими языками, преимущественно французским. Так, А.А. Гольденвейзер написал в анкете, что владеет немецким, французским и английским языками. Отвечая на вопрос, какими познаниями, кроме своей специальности, он обладает и какой иной деятельностью, кроме адвокатской, он мог бы заняться, Гольденвейзер указал: «теоретическими по государственному праву, преподаванием, переводами, секретарством»<sup>421</sup>.

Характерно, что практически никто из заполнивших опросные листы не хотел бы переехать в другую страну. Исключением оказался В.Л. Горн, не владевший никакими иностранными языками. Он написал: «Куда угодно поехал бы, если б оказалась подходящая работа»<sup>422</sup>.

Инициаторами создания Союза русских присяжных поверенных в Германии были Б.Л. Гершун, И.В. Гессен, И.М. Рабинович и М.Д. Ратнер. 21 июня 1920 года состоялось учредительное собрание Союза, в котором приняли участие 29 человек. 19 июля адвокаты утвердили устав, и с тех пор Союз начал существовать де-факто. В состав Союза русской присяжной адвокатуры (так впоследствии стал именоваться Союз) принимались только те, кто мог представить подтверждение своей работы в качестве присяжного поверенного в дореволюционной России. 19 декабря 1920 года устав Союза был официально зарегистрирован судом<sup>423</sup>. Основной задачей Союза было обеспечение взаимной поддержки и защиты интересов находившихся в Германии членов русской присяжной адвокатуры, а также оказание бесплатной юридической помощи неимущим эмигрантам и посильной защиты их прав.

На 1 ноября 1921 года в Союз входило 67 членов, в 1922 – 139, 1923 – 186, 1924 – 129, 1925 – 136, 1926 – 97, 1927 – 101, 1928 – 86, 1929 – 86, 1930 – 76. В правление Союза первоначально входило пять человек, по решению от 28 сентября 1922 года их число было увеличено до семи<sup>424</sup>.

Первым председателем правления Союза был избран Исаак Моисеевич Рабинович (1859 – 1929), присяжный поверенный при Петербургской судебной палате. В России он был известен прежде всего как автор фундаментальных трудов по железнодорожному праву<sup>425</sup>. В эмиграции с присущей ему основательностью подготовил и издал юридический справочник «Русские в Германии»<sup>426</sup>. В справочнике разъяснялись различные аспекты германского законодательства об иностранцах, хитросплетения германских, старых российских и новых советских законов, прямо или косвенно оказывавших воздействие на юридический статус и повседневную жизнь русских беженцев. Приведем для примера краткое содержание некоторых разделов. В разделе IV речь шла о паспортах и визах и разъяснялись такие вопросы, как действующие

<sup>421</sup> ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 41. Л. 33.

<sup>422</sup> Там же. Л. 16.

<sup>423</sup> Русская адвокатура в Германии. С. 3 – 4, 6.

<sup>424</sup> Там же. С. 14 – 15, 27; ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 13. Л. 29 – 30.

<sup>425</sup> Рабинович И.М. Теория и практика железнодорожного права по перевозке грузов, багажа и пассажиров. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1891; Изд. 2-е, доп. СПб., 1898. Это капитальный труд объемом более 500 страниц. См. также: Международная конвенция о перевозке грузов по железным дорогам: Рус. и фр. текст с прил. и с разъяснениями по протоколам берн. конф. 1878, 1881, 1886 и 1890 г. / Сост. И.М. Рабинович. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1893; Рабинович И.М. Теория и практика железнодорожного права по перевозке грузов, багажа и пассажиров за 1898-1906 гг. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1907; Общий устав российских железных дорог по разъяснениям Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената и его отделений / Сост. И.М. Рабинович. СПб.: Право, 1914.

<sup>426</sup> Русские в Германии. Юридический справочник / Сост. И.М. Рабинович. Берлин: Слово, 1921.

правила о паспортах и визах, разрешение на пребывание в Германии и «последствия проезда через границу без законной визы»<sup>427</sup>.

Особый интерес представляют разделы о гражданских законах и о законах и правилах, регулирующих наем жилых помещений. В разделе о гражданских законах рассматривались следующие вопросы:

В каких случаях к русским в Германии применяются не германские, а русские законы. Применение советских «декретов». Дееспособность. Безвестное отсутствие. Вексельная правоспособность. Форма акта. Форма векселя. Форма чека. Содержание и сила акта. Ответственность за убытки. Давность. Брак. Имущественные отношения супругов. Развод. Отношения между родителями и детьми. Незаконнорожденные. Узаконение и усыновление. Наследство. Неприменимость русских законов, противоречащих «добрым нравам» и правовым принципам германского законодательства. Советские «декреты»<sup>428</sup>.

Возможно, наиболее актуальным для беженцев был квартирный вопрос, о котором мы говорили в первой главе настоящего исследования. В справочнике Рабиновича русские эмигранты могли найти ответы на вопросы о германских законах, регулирующих наем жилого помещения, а также об обычаях, нравах, материальной ответственности и принятой в Германии терминологии:

Законы и правила о найме помещения (квартир, комнат и пр.) в Германии. Объявления. Посредничество. Порядок найма. Жилищные комиссии. Гостиницы и пансионы. Наем без согласия комиссии. Иностранцы и иногородние. Прописка паспортов. Максимальные таксы для наемной платы. Расходы по центральному отоплению. Меблированные квартиры. Время уплаты за квартиру. Kündigung<sup>429</sup>. Права хозяина на арест вещей съезжающего квартиранта. Передача квартиры. Негодная квартира. Надзор за вещами в гостиницах<sup>430</sup>.

Уже простой перечень тем, рассматривавшихся в справочнике, показывает, сколь сложна была жизнь на чужбине беженца, зачастую не владевшего (или плохо владевшего) немецким языком и, разумеется, совершенно не разбиравшегося в немецких законах и неспособного приноровиться к немецким обычаям. А ведь это было еще не все – какую «головную боль» доставляли дела о разводах: ведь многие семьи разрушила революция и Гражданская война, многие просто потеряли друг друга без всякой надежды найти. Возникали новые отношения, складывались семьи, рождались дети. А «узаконить» сложившееся положение вещей бывало чрезвычайно трудно.

Учитывая изложенное выше, очевидно, что услуги российских адвокатов должны были быть востребованы русскими беженцами. Проблема, однако, заключалась, во-первых, в том, что далеко не все эмигранты были в состоянии оплатить услуги юриста, во-вторых, не все адвокаты в достаточной степени владели немецким языком, знали германские законы и были способны вести дела на том же профессиональном уровне, что в России. Кроме того, немецкие адвокаты встретили своих российских коллег как конкурентов, без восторга, и не были готовы принять их в свою гильдию. Работать русские адвокаты могли, но, к примеру, не имели права писать в объявлениях слово «адвокат», поскольку титулом Rechtsanwalt (адвокат) мог именовать

---

<sup>427</sup> Там же. С. 49 – 57.

<sup>428</sup> Там же. С. 58 – 73.

<sup>429</sup> Kündigung (нем.) – предупреждение о необходимости освободить квартиру, расторжение договора.

<sup>430</sup> Русские в Германии. С. 74 – 81.

ваться только немецкий адвокат. Однажды немецкий юрист подал в суд на русского коллегу за то, что тот в письме к нему употребил обращение «*Mein Kollege*» (коллега), тем самым уравнивая себя с ним, и подписался с титулом «*Doktor*»<sup>431</sup>.

В 1922 году в правлении Союза русской присяжной адвокатуры велись дискуссии об особенностях деятельности в изгнании. Один из обсуждаемых вопросов касался профессиональной этики: можно ли рекламировать свою деятельность (давать объявления в газетах, вывешивать вывески – иными словами, размещать где бы то ни было рекламный материал, который мог бы привлечь незнакомых клиентов). В среде дореволюционной присяжной адвокатуры этого не разрешалось:

Запрещение публикаций, вывесок и т.п. исходило из того правильного соображения, что практика адвоката должна слагаться путем постепенного расширения круга его клиентуры, убеждающейся в его деловитости, знаниях и честности, а не путем публичного оповещения в газетах, могущего в этих условиях носить характер зазывания клиентов, не соответствующего при нормальных условиях жизни достоинству адвоката, в распоряжении которого находятся все возможности работы и создания практики<sup>432</sup>.

В эмиграции юристы оказались в иных условиях работы: они потеряли привычную клиентуру и заработок; кроме того, публикация рекламы адвокатских услуг могла бы быть полезной для потенциальных клиентов за отсутствием «списка адвокатов, доступного всем и каждому, как то было в России». Однако публикация рекламы все равно была запрещена. Причиной были взаимоотношения между русскими и немецкими юристами: «...запрет актуален для немецких адвокатов, так что русские адвокаты могут не давать публикаций из уважения к стране, оказавшей им гостеприимство». Было разрешено указывать лишь свое имя, при этом «недопустимы... публикации, носящие зазывной или рекламный характер, указывающие на успешность ведения дел, ссылки на прежде занимаемые должности и вообще выходящие за пределы простого оповещения об адресе и занятии адвокатской практикой»<sup>433</sup>.

В «организации трудовой помощи», т.е. трудоустройстве юристов-эмигрантов, особых успехов Союз не достиг. Если работу и находили, то, как правило, помимо Союза. Клиентами русских адвокатов становились старые знакомые, выбравшиеся из России, причем нередко с капиталами или какой-то их частью, и русские компании, возобновившие свою деятельность за границей или пытавшиеся отсудить свои средства у зарубежных партнеров. Обзаводились они и новыми клиентами, принадлежавшими к деловой и финансовой элите эмиграции. Юристы, в частности, занимались управлением имуществом, в том числе недвижимостью. В общем, постепенно складывалась клиентура, появлялись заработки, позволявшие вести вполне достойную жизнь, хотя для некоторых крупных и успешных адвокатов несопоставимую с российской. Преуспевали юристы со сложившейся в России репутацией – разумеется, при условии свободного владения немецким языком и должной ориентации в германском законодательстве и судебной практике. Наблюдалось и другое явление: сравнительно молодые адвокаты, не успевшие громко заявить о себе в России, в силу профессиональной подготовки (например, обучения в свое время в германских университетах), знания языка быстро выдвигались в первые ряды. Наиболее ярким примером такого «выдвиженца» был А.А. Гольденвейзер.

Члены Союза понимали, что подавляющее большинство эмигрантов не может себе позволить оплату услуг адвоката. При Союзе была создана юридическая консультация, занимавшаяся по сути благотворительностью:

---

<sup>431</sup> ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 2. Л. 4 – 5.

<sup>432</sup> Там же. Л. 1.

<sup>433</sup> Там же.

Состав клиентов и категории приносимых ими в консультацию сомнений не отличались от обычной нормы, – говорилось в отчете о работе юридической консультации в период с 1 ноября 1924 по 1 ноября 1925 года. – Это были всегда бедняки-эмигранты, дела их – паспортные, семейные, квартирные – отражали беженскую нужду и беженскую беспомощность. Такой характер дел по необходимости диктовал и неприменную сдержанность в назначении гонораров, как за советы, так и за составление деловых бумаг. Из 108 данных советов больше половины, а именно 69, были совсем бесплатными. По остальным делам взимавшиеся гонорары были крайне мелки...<sup>434</sup>

Общественная деятельность Союза не ограничивалась консультированием малоимущих эмигрантов. Русские юристы пытались (и нередко небезуспешно) отстаивать интересы эмиграции перед германскими властями, влиять на принимаемое в отношении эмигрантов законодательство. К их мнению (что было нечастым явлением в случае с эмигрантами) власти прислушивались<sup>435</sup>.

Прежде чем рассмотреть эту грань деятельности русской «адвокатуры в изгнании», остановимся на некоторых персонах, во многом определявших лицо русской адвокатуры в Берлине, на их общественной и политической деятельности, далеко выходящей за рамки сугубо профессиональной.

В 1921 году председателем Союза был избран Б.Л. Гершун, бессменно находившийся на этом посту вплоть до отъезда из Германии после прихода к власти нацистов в 1933 году.

Борис Львович Гершун (1870 – 1954), бесспорно, принадлежал к числу выдающихся русских юристов и общественных деятелей, и только нашей ленью и нелюбопытством объясняется отсутствие в литературе хотя бы биографического очерка о нем. Если говорить о понятии «русский еврей», то Гершун был, вероятно, одним из наиболее характерных и в то же время выдающихся представителей этого своеобразного племени.

Гершун родился в городке Соколка Гродненской губернии, где его отец, Лев Яковлевич Гершун (1836 – 1898), служил уездным врачом. Более половины населения Соколки составляли евреи. Детские годы провел в Вильно, где Л.Я. Гершун получил в 1877 году назначение ординатором городской еврейской больницы. В 1891 году Л.Я. Гершун был назначен старшим врачом этой больницы, с производством в статские советники. Дед Б.Л. Гершуна со стороны отца был купцом (оптовая торговля сукном), но мало интересовался торговлей и занимался главным образом еврейскими общественными делами. Он был одним из первых евреев, давших своим детям «общерусское» образование. Л.Я. Гершун, в частности, окончил Московский университет. Все, кроме одного, сыновья торговца сукном стали врачами. Дед Б.Л. Гершуна со стороны матери, Софии Семеновны (урожденной Шерешевской), был оптовым торговцем лесом. Его дети получили образование в Германии<sup>436</sup>.

В 1888 году Гершун с серебряной медалью окончил 1-ю Виленскую гимназию. В детстве, благодаря гувернанткам и домашним учительницам, хорошо овладел немецким и французским языками. В 1888 году поступил в Петербургский университет на юридический факультет. Для еврея, даже «из хорошей семьи», это было непросто ввиду установленной за год до этого процентной нормы для евреев. В Петербургский университет могло быть принято не более 3 % евреев. Помогли хлопоты отца, который все-таки был почти «штатским генералом» (чин статского советника соответствовал чину бригадира – правда, к тому времени уже упраздненного – в армии или должности вице-директора департамента или вице-губернатора в гражданской

---

<sup>434</sup> ГАРФ. Ф. Р-5981. Оп. 1. Д. 179. Л. 93 – 94.

<sup>435</sup> Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920 – 1930-е гг. // Русский Берлин 1920 – 1945. М.: Русский путь, 2006. С. 399.

<sup>436</sup> ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1а. Л. 1.

службе). Гершуна приняли в университет по приказу министра народного просвещения И.Д. Делянова – того самого, распоряжением которого была введена процентная норма. Окончил Гершун университет в 1894 году с дипломом 1-й степени<sup>437</sup>.

Заметим, что старший брат Б.Л. Гершуна, Александр Львович Гершун (1868 – 1915), также выпускник Петербургского университета, но по физико-математическому факультету, был ученым-физиком и инженером, крупным специалистом в области прикладной оптики, электромагнетизма, радиоактивности, основателем российской оптической промышленности.

После окончания университета по заключению выдающегося юриста профессора Н.Л. Дювернуа Б.Л. Гершун «был признан заслуживающим оставления при университете по кафедре гражданского права для подготовки к ученому званию». Однако юного юриста влекла практическая деятельность. Он поступил на службу в 4-й департамент Правительствующего Сената на должность помощника обер-секретаря и провел в Сенате в этом качестве 15 месяцев. Здесь Гершун проявил себя как толковый юрист и набрался опыта. Особенно он отличился при рассмотрении дела о несостоятельности сибирской купчихи Варыпаевой. Безнадежно запутанное, дело лежало в канцелярии уже 15 лет и составляло 20 томов! Гершуна освободили от всяких других обязанностей на месяц, и он сумел-таки разобраться в деле и подготовить проект сенатского решения. Первоприсутствующий оценил мастерство начинающего коллеги и предложил выдать ему награду. Обер-прокурор 4-го департамента П.П. Кобылинский назначил в качестве премии небольшую по тем временам сумму – 300 рублей, однако заявил, по воспоминаниям Гершуна: «Но я Вас вижу насквозь: Вы здесь не останетесь, Вас, несомненно, перетянет в адвокатуру, и Вы будете правы. Получив 300 рублей, Вы немедленно удерете. Нет уж, голубчик, будете получать эту награду по 25 рублей в месяц»<sup>438</sup>.

Однако вскоре, осенью 1895 года, сам же Кобылинский рекомендовал Гершуна своему приятелю, известному адвокату В.Н. Герарду. Впоследствии Гершун писал:

Уже в Сенате я увидел – и затем убедился в том из всей моей адвокатской деятельности, – что в каждом деле нужно быть прежде всего *правым по существу*, и что для успеха в деле недостаточно быть только формально правым<sup>439</sup>.

По-видимому, Гершун следовал в своей практике заявленному принципу, и этим объяснялся его высокий авторитет среди коллег и в России, и в эмиграции.

После службы помощником Герарда Гершун отправился в самостоятельное «плавание». Его карьера была блистательной. Гершун стал присяжным поверенным Санкт-Петербургской судебной палаты, в 1906 – 1917 годах был присяжным стряпчим<sup>440</sup> Санкт-Петербургского коммерческого суда. Он был юрисконсультom множества торгово-промышленных предприятий, а также великих князей Бориса и Андрея Владимировичей. К 1917 году Гершун владел 17 юрисконсультами; входил в правления бельгийского общества Доменных печей и фабрик на Ольховой, Общества для постройки экономических путей сообщения и механических приспособлений «Артур Кеппель (Коппель)», Русского общества полевых и узкоколейных путей «Паровоз» и, очевидно, был небедным человеком. Гершун занимался также благотворительной деятельностью: оказывал бесплатную юридическую помощь, был казначеем Общества защиты детей от жестокого обращения. Его профессиональные и человеческие качества нашли признание у коллег: он руководил конференцией помощников присяжных поверенных, был чле-

<sup>437</sup> Там же.

<sup>438</sup> Гершун Б.Л. Воспоминания адвоката // Новый журнал. 1955. Кн. 43. С. 136.

<sup>439</sup> Там же.

<sup>440</sup> Присяжный стряпчий – в Российской империи поверенный по делам частных лиц в коммерческом суде.

ном Совета присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты, после Февральской революции был избран его председателем<sup>441</sup>.

«Момент истины» наступил для присяжных поверенных после большевистского переворота. Некоторые коллеги Гершуна считали необходимым сохранить присяжную адвокатуру как «сословие». Юристов волновали вопросы профессиональной этики и следования ей в условиях разрушения привычной системы права. Гершун вспоминал:

Самым острым вопросом, прежде всего возникшим среди адвокатуры, был вопрос: выступать ли в большевистских судах. Старые суды были уничтожены. Появились народные судьи, избранные из рабочих, прислуги, полуинтеллигентов, выбранных писцов и нередко преступных элементов; юристов среди судей в первое время почти не было. Суд творился не по старым законам, отмененным большевистскими декретами, а по революционной совести. Об обязательных и уже привычных гарантиях правосудия не могло быть речи: творился по произволу классовый суд. Вправе ли адвокат принимать участие в такой пародии на суд? Не поддерживает ли он тем самым режим, который осужден на скорое падение? Не будет ли это изменой по отношению к основным принципам адвокатуры и в отношении прежних деятелей суда, оставшихся без средств к существованию?

Выдвигались и соображения другого порядка: не обязан ли адвокат всегда и при всех условиях становиться на защиту попранного права, как бы тяжела ни казалась ему его миссия? Разве не защищали адвокаты в политических процессах в царское время в условиях, не всегда соответствовавших требованиям справедливости и беспристрастия?<sup>442</sup>

В итоге адвокаты, по крайней мере большинство из них, решили не становиться советскими «защитниками», у которых власть поначалу не считала обязательным наличие университетского диплома. Понятно, что Гершун был несовместим с властью, упразднившей русскую присяжную адвокатуру<sup>443</sup>. В октябре 1918 года он приехал в Берлин, чтобы провести там последние 15 лет своей жизни.

В эмиграции у Гершуна была солидная практика, которая все же не могла идти в сравнение с практикой петербургского периода. Среди его клиентов были самые разные люди: от торговцев А.Г. Айзенштадта и М.Л. Гешеля, между которыми возникла тяжба о расчетах при продаже бочек табаку, до известного издателя З.И. Гржебина<sup>444</sup> и графини Брасовой, вдовы великого князя Михаила Александровича. Графиня унаследовала лес, принадлежавший некогда великому князю, а Гершун помогал ей взыскать деньги с неких немецких купцов, эксплуатировавших лес, оказавшийся в период Первой мировой войны на оккупированной германскими войсками территории. Кроме практики Гершун занимался также и теорией –

<sup>441</sup> Гершун Борис Львович – в кн.: *Серков А.И.* Русское масонство. 1731 – 2000 гг.: Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. С. 235.

<sup>442</sup> ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 1.

<sup>443</sup> Ликвидация адвокатуры была провозглашена первым советским законодательным актом о суде – Декретом о суде № 1, принятым 22 ноября 1917 года. О жизни присяжных поверенных в первый год советской власти, ставший последним годом существования адвокатуры как «сословия», т.е. профессиональной общности, см. воспоминания Гершуна «Последний год Петроградской адвокатуры»: ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1 в. Л. 417. См. также: *Гершун Б.Л.* Воспоминания адвоката. С. 147 – 152. Подлинные журналы последних заседаний Петроградского совета присяжных поверенных от 29 августа и 19 сентября 1918 года, которые Гершун как реликвию увез в эмиграцию, а затем передал вместе с другими своими бумагами в Русский заграничный исторический архив в Праге, находятся в его фонде: ГАРФ. Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 418.

<sup>444</sup> Гершуну пришлось вести переговоры с кредиторами Гржебина и заниматься ликвидацией этого некогда крупнейшего эмигрантского издательства. См. об этом подробнее: *Янгиров Р.* Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х годов (По новым материалам) // *Диапора: Новые материалы.* Париж; СПб., 2004. Т. 6. С. 571 – 573.

опубликовал несколько статей на юридические темы в германских специальных юридических изданиях.

Гершун как будто не был особенно активен в эмигрантской политике. С июня 1920 года он стал членом берлинской группы Партии народной свободы (кадетов) и на первом собрании группы даже был избран во Временное бюро наряду с другими, «занимавшими в России по выборам должности в партийных организациях». Однако судя по протоколам заседаний группы, посещал их нечасто и, вопреки присущей адвокатам разговорчивости, в прениях практически не участвовал<sup>445</sup>. Последний раз Гершун был на заседании группы в ноябре 1921 года. После 1921 года, похоже, берлинская группа не собиралась. И хотя «загробное существование» кадетов продолжалось до начала 1930-х годов, никаких признаков участия Гершуна в партийной деятельности в дошедших до нас документах не прослеживается. На первом собрании группы 1 июня 1920 года присутствовали один русский аристократ (В.Д. Набоков) и двенадцать евреев (И.В. Гессен, И.М. Рабинович, С.А. Ефрон, С.И. Розенфельд, Н. Цетлин, А.Я. Тейтель, Л.М. Зайцев, А.И. Лурье, Б.Л. Гершун, Б.Е. Ческис, А.С. Розенталь, М.Д. Ратнер). Еще двое (А.И. Каминка и И.Г. Коган) прийти не смогли<sup>446</sup>. Среди собравшихся были все четверо инициаторов создания Союза русской присяжной адвокатуры – И.В. Гессен, Б.Л. Гершун, И.М. Рабинович и М.Д. Ратнер.

Большую часть времени Гершун уделял общественной деятельности, в особенности защите интересов русских беженцев и объединению (в том числе и с целью защиты интересов беженцев) русских юристов за границей. В 1921 году Гершун был избран членом Совета русских общественных организаций в Берлине, в 1923-м – членом правления Общества помощи русским гражданам в Германии, в 1925 году был кооптирован в состав постоянного русского третейского суда в Берлине (предназначенного для урегулирования споров между русскими эмигрантами в досудебном порядке). По «еврейской линии» Гершун вошел в правление Союза защиты детей русских евреев в Германии<sup>447</sup>.

Гершун и его коллеги по Союзу русской присяжной адвокатуры приложили немало усилий для созыва съезда русских юристов. Созывать было кого. Кроме берлинского Союза довольно крупные адвокатские объединения были созданы во Франции и в Великобритании. Адвокатами, разумеется, не исчерпывался русский юридический корпус, собственные объединения создавали служащие судебного ведомства. Так, Общество взаимопомощи русских адвокатов за границей (именовавшееся также Союзом русских адвокатов за границей) было основано в Париже в марте 1920 года, официально зарегистрировано в августе того же года. В июне 1920 года был избран комитет Общества в составе председателя (А.М. Берлин), товарищей (заместителей) председателя (М.Л. Гольдштейн, И.В. Дуссан), казначея (И.К. Тимковский) и секретаря (М.Г. Мандельштам). Кандидатами в члены комитета стали Е.И. Кедрин и В.П. Кушковский. Если в первом, учредительном собрании принимали участие 13 человек, то год спустя Общество насчитывало уже 102 члена<sup>448</sup>.

В июне 1922 года Союз русской адвокатуры за границей насчитывал 106 человек, причем в его члены были приняты и некоторые юристы, которые жили за пределами Франции, в том числе Б.Л. Гершун. Состав комитета к этому времени изменился: товарищем председателя вместо М.Л. Гольдштейна стал М.Г. Казаринов, кандидатами в члены комитета – Г.Б. Слиозберг, М.И. Шефтель и тот же Кушковский<sup>449</sup>. Образовался Союз адвокатов (очевидно, не столь

<sup>445</sup> См.: Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: В 6 т. Т. 4. Протоколы заграничных групп конституционно-демократической партии. Май 1920 – июнь 1921 г. М.: Прогресс-Академия; РОССПЭН, 1996; Т. 5. Июнь – декабрь 1921 г. М.: РОССПЭН, 1997.

<sup>446</sup> Протоколы. Т. 4. С. 30.

<sup>447</sup> Серков А.И. Русское масонство. С. 235.

<sup>448</sup> ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 45. Л. 159.

<sup>449</sup> ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 48. Л. 129 – 133; Д. 45. Л. 155.

многочисленный) и в Лондоне. На 15 ноября 1921 года председателем комитета лондонского Союза был А.Я. Гальперн, товарищем председателя и казначеем – С.Л. Конкевич, членами комитета – Н.Б. Глазберг и Я.М. Шефтель, секретарем – М.М. Вольф<sup>450</sup>.

Инициатором созыва съезда русских юристов выступил Союз русской присяжной адвокатуры в Германии. Для непосредственной работы по организации съезда было создано исполнительное бюро, разославшее в марте 1922 года циркулярное письмо, объясняющее необходимость созыва съезда и его задачи.

Достаточно назвать вопросы о личном статусе эмигрантов, о паспортах, о правовом положении русских юридических лиц за границей, – говорилось в письме, – чтобы понять, насколько обширна область возникающих на практике юридических проблем и насколько важно в интересах русской эмиграции скорейшее выяснение этих вопросов. Вопросы эти уже разрабатывались отдельными юристами и организациями в Париже и Берлине, имеются ценные доклады русских юристов, но все эти усилия внести ясность в правовое положение русских эмигрантов по своей разрозненности и несогласованности – до сих пор не дали положительных результатов. Между тем – вопрос о правовом положении русской эмиграции уже поставлен на очередь в Лиге Наций, заседающей в Женеве. Состоящий Верховным Комиссаром по делам русских беженцев Нансен образовал в Женеве при Лиге Наций особый отдел, задачей которого именно является разработка вопроса о правовом положении русских эмигрантов. Возможность же признания на Генуэзской Конференции большевистской власти *de jure* делает неотложным решение вопроса о положении тех русских эмигрантов, которые не признают для себя возможным принять советское подданство<sup>451</sup>.

Среди конкретных вопросов, которые предполагалось обсудить на съезде, были следующие:

I. Публично-правовое положение русской эмиграции с точки зрения законодательства тех государств, где эмигранты поселились, и с точки зрения международного права.

- 1) право убежища,
- 2) дипломатическое покровительство эмигрантам,
- 3) право передвижения – паспорта, визы.

II. Гражданские права русских эмигрантов в странах иммиграции:

- 1) пределы применимости отечественных законов,
- 2) могут ли советские декреты быть признаны в отношении эмигрантов за законы отечества,

- 3) коллизии между советскими декретами и законами стран иммиграции,
- 4) права русских юридических лиц в эмиграции.

III. Права русских эмигрантов на имущество в России в связи с вопросом предоставления таковых иностранцам:

- 1) охрана участия русских граждан в иностранных компаниях,
- 2) охрана прав русских граждан на имущество, приобретенное иностранцами по концессиям советского правительства.

<sup>450</sup> ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 45. Л. 156.

<sup>451</sup> Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920 – 1930-е годы) / Сост. З.С. Бочарова. М.: РОССПЭН, 2004. С. 228.

#### IV. Критическое освещение новейших законодательных попыток советской власти<sup>452</sup>.

Съезд русских юристов за границей состоялся 1 – 4 октября 1922 года в Берлине. Председателем съезда был избран Б.Л. Гершун, который и открыл съезд краткой вступительной речью. На съезде рассматривались вопросы практического применения паспортов и юридического обеспечения деятельности русских эмигрантов, а также юридическое положение беженцев в отдельных странах. Не ставя себе задачей подробно анализировать работу съезда, отметим, что наиболее важные мысли, на наш взгляд, были высказаны профессором С.К. Гогелем («Публично-правовое положение русской эмиграции») и профессором бароном Б.Э. Нольде («Вопрос о правовом положении эмиграции в Лиге Народов<sup>453</sup>»).

Гогель высказал истину как будто очевидную, но не всегда учитывавшуюся правительствами стран пребывания русских беженцев: «Нынешних русских эмигрантов следует признать *политическими* эмигрантами, и такое признание послужит к более благоприятному толкованию и сохранению их прежних и настоящих прав»<sup>454</sup>. Нольде указал на пробелы в готовящемся «Нансеновском офисе» при Лиге Наций международном соглашении о беженцах и высказал ряд конкретных предложений. Учитывая то, что Верховный комиссар по делам беженцев Фритьоф Нансен собирался созвать русских экспертов для изучения правового положения русских беженцев в различных странах, Нольде считал необходимым выработать заранее согласованную и единодушную «русскую экспертизу»<sup>455</sup>. Заметим, что это был тот редкий случай, когда удалось достичь единства русской эмиграции. К мнению русских экспертов в самом деле прислушивались в Женеве, где находилась штаб-квартира Лиги Наций, а представители русских беженцев при Нансеновском офисе К.Н. Гулькевич и Я.Л. Рубинштейн находились в постоянном контакте с эмигрантскими учреждениями в различных странах, и в особенности с русскими юристами.

Съезд постановил образовать Комитет съездов русских юристов за границей, причем Комитету предписывалось создать местные отделения. Центральное бюро Комитета съездов русских юристов предполагалось создать в Париже, что было вполне логично, учитывая тесную связь Парижа и Женевы и мощное русское дипломатическое и юридическое лобби в этом городе. В постановлении констатировалось, что отделение Комитета уже существует в Берлине. Без большой натяжки можно утверждать, что это «отделение», возникшее раньше центрального органа, и «породило» съезд. Среди задач Комитета важнейшей было «представительство русских юристов, совместно с другими организациями, при обсуждении отдельными правительствами и Лигой Наций личного статута эмигрантов, равно и возбуждение и защита ходатайств по сему поводу»<sup>456</sup>.

Председателем берлинского отделения Комитета съездов русских юристов за границей был избран Гершун. Центральное бюро в Париже возглавил барон Б.Э. Нольде. Среди других задач берлинскому отделению было поручено издание протоколов съезда, что и было выполнено<sup>457</sup>. Первый съезд русских юристов за границей остался единственным, однако отделения,

<sup>452</sup> Там же. С. 228 – 229.

<sup>453</sup> Лига Народов – так среди русских эмигрантов было принято называть Лигу Наций.

<sup>454</sup> Русские беженцы. С. 230.

<sup>455</sup> Там же. С. 230 – 231.

<sup>456</sup> Там же. С. 229.

<sup>457</sup> Протоколы Съезда русских юристов за границей 1 – 4 октября 1922 года в Берлине: по стенограмме. Берлин: Издание Берлинского отделения Комитета съездов русских юристов, 1922. Эта сравнительно объемистая книга (282 с.) была отпечатана на стеклографе тиражом 50 экземпляров. Учитывая уникальность этого издания, сохранившегося в считанном числе экземпляров, приводим краткое содержание/аннотацию книги: Список лиц, принявших участие в Съезде. – Первый день – 1 октября 1922 г. (Речи и приветствия. Доклад Б.Э. Нольде и вопрос о правовом положении русской эмиграции в Лиге Народов. Справка о личном статусе русских беженцев. Выписка из докладной записки «Бюро защиты» в Париже о конфликтах. Прения по докладу Нольде). – Второй день – 2 октября 1922 г. (Доклад О.А. Верта «О правовых вопросах русской эмиграции

во всяком случае берлинское, действовали довольно активно<sup>458</sup>. Причем берлинское отделение занималось не только общебеженскими, но и специфически «германскими» (а то и вовсе «берлинскими») вопросами. Мы берем прилагательные «германский» и «берлинский» в кавычки, поскольку речь шла исключительно об одной части обитателей мегаполиса и его «окрестностей» – русских эмигрантах.

Берлинское отделение Комитета работало в тесном контакте с Союзом русской присяжной адвокатуры в Германии. Точнее, в обеих организациях работали нередко одни и те же люди, и разделение их, на наш взгляд, было чисто формальным. Отделение Комитета занималось в большей степени «стратегическими» вопросами и было ориентировано на оказание помощи всей русской эмиграции (преимущественно все же в Германии), в то время как Союз был своеобразным «профсоюзом» адвокатов, хотя не ограничивался взаимопомощью, а занимался оказанием конкретной юридической помощи или «просветительской» работой на местном (почти исключительно берлинском) уровне. Отличие берлинского отделения Комитета от Союза заключалось также в том, что в состав отделения могли входить не только присяжные поверенные. Так, в апреле 1923 года в президиум отделения были, причем единогласно, избраны: председателем Б.Л. Гершун, заместителями председателя – С.Д. Боткин и профессор Н.С. Тимашев, секретарем стал Б.Л. Покровский, казначеем – О.А. Верт. Ни Боткин, ни Тимашев, юристы по образованию, адвокатами никогда не были.

Пять с половиной лет спустя, в ноябре 1928 года, при очередных выборах президиума председателем вновь был избран бессменный Гершун, заместителями – Боткин и А.А. Гольденвейзер (представитель сравнительно молодого поколения), секретарем – Е.А. Фальковский<sup>459</sup>.

За время своей работы (в нашем распоряжении имеются документы за 1922 – 1928 годы) отделение подготовило ряд докладов, информационных сообщений и писем, предназначенных эмигрантам, преимущественно юристам, а также обращений и экспертных заключений, адресованных германским властям и/или российским представителям при Нансеновском офисе в Женеве<sup>460</sup>. Не вдаваясь в юридические дебри, остановимся лишь на одном эпизоде, относящемся к чрезвычайно болезненному для эмигрантов квартирному вопросу.

В марте 1923 года в Берлине был введен налог на аренду жилых помещений, устанавливавший пятикратные ставки для иностранцев. Русским беженцам приходилось сверх арендной платы за жилье вносить еще не менее 75 % этой суммы в виде налога. 2 мая 1923 года на заседании отделения с докладом, посвященным вопросу о налоге на аренду жилья, выступил член комитета А.А. Гольденвейзер. В докладе обосновывалось принципиальное отличие положения русских беженцев от положения прочих иностранцев: «...русские беженцы не просто иностранцы, приехавшие в Германию для своих дел или удовольствия и могущие в любой момент

в Германии». Доклад П.О. Дубинского «О французском законодательстве и практике по русским вопросам». Доклад П.Н. Маслова «О правовом положении беженцев в Польше». Доклад К.Н. Николаева «О правовом положении беженцев в Польше и Данциге». Прения по докладам Верта и Дубинского). – Третий день – 3 октября 1922 г. (Сообщение Е.А. Ефимовского «О положении русских беженцев в Болгарии»). Сообщение А.Н. Мандельштама «О положении русских граждан в Турции». Сообщение А.А. Горцева «О положении беженцев в Эстонии». Сообщение Б.Л. Покровского «О положении беженцев в Австрии». Постановления Съезда. Доклад Н.С. Тимашева «О правотворчестве и применении права в советской России». Резолюция, предложенная А.А. Пиленко в заключение его доклада «Критическое освещение новейших законодательных попыток советской власти». Постановления Съезда). – Четвёртый день – 4 октября 1922 г. (Доклад Я.Г. Перского «Правовое положение русских юридических лиц в эмиграции». Доклад Л. М. Зайцева «О советском уголовном законодательстве». Выборы членов Комитета Союза юристов. Состав Комитета. Доклад А.В. Маклецова «О русском юридическом факультете в Праге и общих задачах юридического образования русской молодежи за границей». Резолюции по докладу. Прения по докладам о советском законодательстве. Резолюция по докладам о советском законодательстве. Заключительные речи при закрытии Съезда). – Выписка из протокола 1-го заседания Комитета Съезда юристов. – Наказ Комитета Съезда русских юристов. – Состав Центрального Бюро. – Состав Берлинского отделения.

<sup>458</sup> Материалы берлинского отделения Комитета съездов русских юристов за 1922 – 1928 годы хранятся в ГАРФ (Ф. Р-5908, 1 оп., 25 ед. хр.), в т.ч. протоколы заседаний, тексты докладов, списки членов отделения и т.п.

<sup>459</sup> В комитете русских юристов // Руль. 1928. № 2424. 14 нояб. С. 5.

<sup>460</sup> Некоторые из них опубликованы в книге «Русские беженцы» (С. 277 – 318).

вернуться на родину; они явились сюда под защиту Германии и выехать отсюда им некуда. Право политического убежища, основанное на началах международных обычаев, предполагает известные обязанности со стороны хозяина». Гольденвейзер провел параллель «с обязанностью моряка или портовых властей принять потерпевших кораблекрушение и общей обязанностью всякого гражданина прийти на помощь находящемуся в опасности». «И первой из обязанностей, налагаемых правом убежища, является дать имуществу это убежище право на самые минимальные условия существования вообще, т.е. право на жилище, на труд, и на свободное передвижение... На деле же русские беженцы в Германии *никакого права* на квартиры и помещения не имеют... Но право вообще на кров равносильно праву на жизнь, и без этого право убежища превращается в фикцию»<sup>461</sup>.

Берлинское отделение Комитета съездов русских юристов за границей направило обер-бургомистру, городскому казначею и в городское налоговое управление меморандум, в котором разъяснялись особенности положения беженцев, не позволявшие приравнивать их к обычным иностранцам. Комитет просил внести в закон о налоге на жилые помещения следующие поправки: «1) освободить от налога проживающих в пансионах и в частных квартирах, оставив налог только для живущих в гостиницах; 2) ограничить срок взимания налога с иностранцев первыми шестью месяцами их пребывания; 3) уравнивать ставки налога для местных жителей и иностранцев». Обращение возымело эффект. Городское управление постановило: «1) уменьшить ставки налога для проживающих в пансионах и в частных квартирах; 2) взимать налог с иностранцев, как и с постоянных жителей, лишь в течение 6 месяцев; 3) уравнивать ставки налога для иностранцев и для коренных жителей»<sup>462</sup>.

Таким образом, юристы добились заметного успеха. Правда, положение с квартирами и комнатами (точнее, взаимоотношения с их владельцами) было у многих эмигрантов сложное, и «ввиду особой беспомощности эмиграции в квартирном вопросе» берлинское отделение решило «войти в соглашение с Союзом русской присяжной адвокатуры» для организации юридической помощи по квартирным вопросам<sup>463</sup>.

В политическом смысле юристы-эмигранты занимали непримиримую позицию в отношении большевиков и очень скептически оценивали перспективы эволюции, «нормализации» большевизма и, соответственно, возвращения на родину. Речь шла не только о самих юристах, но и о «простых» эмигрантах, рядовых солдатах белых армий, казаках, которым сулили амнистию. Мы говорим об официальной позиции берлинского отделения Комитета съездов русских юристов; возможно, отдельные юристы-эмигранты думали по-другому, но это не нашло отражения в документах Союза русской присяжной адвокатуры или берлинского отделения Комитета.

Между тем проблема репатриации ставилась Нансеном; более того, учитывая тяжелое положение русских беженцев в Румынии и Польше, представители Земгора при Лиге Наций Н.И. Астров и С.В. Панина внесли проект резолюции, одобрявшей переговоры Нансена с правительствами России и Украины по вопросу о репатриации беженцев. Условием возвращения, согласно проекту резолюции Астрова – Паниной, должны были стать гарантии советского правительства, что репатриантам предоставят равные права с другими советскими гражданами. По поводу проекта резолюции, ставшего достоянием эмигрантской общественности и вызвавшего

---

<sup>461</sup> Русские беженцы. С. 307. Публикатор цитируемой нами записки о работе берлинского отделения Комитета съездов русских юристов по правовой защите эмигрантов З.С. Бочарова датирует ее концом 1923 года. На наш взгляд, записка относится к маю 1923 года: в текст записки инкорпорированы фрагменты доклада Гольденвейзера о квартирном вопросе и в то же время еще ничего не говорится о его относительно благополучном разрешении.

<sup>462</sup> Русские беженцы. С. 285 – 286.

<sup>463</sup> Там же. С. 310.

оживленный и резкий обмен письмами и заявлениями протеста в апреле – мае 1923 года<sup>464</sup>, сочло необходимым высказаться и берлинское отделение Комитета съездов.

Русские юристы в Берлине прежде всего задались вопросом о том, «имеются ли в Советской России какие-либо гарантии неприкосновенности личности, ее прав на жизнь, свободу, честь и имущество». Ответ, как можно было предположить, был отрицательным, но облеченным при этом в безупречную юридическую форму.

В этом отношении наиболее показательными, – говорилось в отзыве, – являются изданные Советской властью в 1922 г. Кодекс уголовный; гражданский; уголовно-процессуальный и др., характеризующие «новое» направление Советского строя. Все эти кодексы при внешнем сходстве, а иногда простом повторении прежних русских законов, содержат положения, явно нарушающие самые основные начала правового строя. Так, уголовно-процессуальный кодекс, повторяя десятки статей судебных уставов 20 ноября 1864 г., устанавливает правило, в силу коего все судебные приговоры могут быть отменены административным учреждением – Отделением Комиссариата Юстиции.

Далее, даже сами советские законодатели признают всю несогласованность... взаимно противоречивых декретов, издаваемых отдельными советскими учреждениями, а потому рекомендуют судам руководствоваться не декретами, а «социалистическим правосознанием».

Наконец, среди всех других советских учреждений выделяются чрезвычайные комиссии, для действий которых уже не существует никаких законов, и которые фактически не подчиняются даже Совету Народных Комиссаров.

При таких условиях нельзя не прийти к выводу:

1) что в Советской России нет правового строя и каких-либо гарантий личности, 2) что при существующем строе, даже если бы Советское правительство пожелало честно исполнять свои обязательства, – а для допущения чего-либо подобного нет никаких оснований – то и в том случае оно не могло бы поручиться за фактическое выполнение своих обязательств и 3) что поэтому всякое обращение со стороны российских общественных организаций с предложениями и ходатайствами о репатриации должны быть признаны явно неуместными и недопустимыми<sup>465</sup>.

По поводу нового советского Гражданского кодекса, значение которого существенно снижалось его первой статьей, гласившей, что гражданские права реализуются постольку, поскольку они не противоречат интересам рабочей и крестьянской власти, афористично высказался еще один русский адвокат, гораздо более знаменитый, чем его берлинские коллеги, В.А. Маклаков: «Это совершенно как в старину – право [не] быть высеченным, пока не высекут»<sup>466</sup>.

\* \* \*

Непримиримый антибольшевизм отличал Бориса Исааковича Элькина (1887 – 1972), члена правления Союза русской присяжной адвокатуры и заметного деятеля русско-еврейского

<sup>464</sup> См. проект резолюции и полемику по ее поводу в: Русские беженцы. С. 179 – 203.

<sup>465</sup> Русские беженцы. С. 199 – 200 (текст отзыва датируется публикатором 30 мая 1923 года).

<sup>466</sup> Цит. по: Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М.: РОССПЭН, 2005. С. 104, прим. 38.

Берлина<sup>467</sup>. Элькин родился в Киеве; окончил Санкт-Петербургский университет по юридическому факультету и в 1910 году вступил в столичную присяжную адвокатуру; судя по всему, он был преуспевающим адвокатом. Элькин сотрудничал в журнале «Право» до его закрытия большевиками в 1918 году, затем перебрался в родной Киев. В январе 1919 года он уехал из Киева в Берлин. Здесь он попытался выступить в качестве защитника «белого дела» перед общественным мнением Запада. После десяти месяцев пребывания за границей Элькин пришел к выводу, что белые проигрывают большевикам пропагандистское сражение. «У сильного врага надо учиться», – писал Элькин в записке, в которой он обосновывал необходимость учреждения в Берлине Бюро печати, главным назначением которого было бы распространение информации, поставлявшейся Управлением пропаганды при Добровольческой армии<sup>468</sup>.

Элькин, анализируя положение на западном «пропагандистском рынке», указывал, что в выгодном для большевиков свете события в России освещают не только социалистические «Юманите» («Humanité»), «Аванти» («Avanti»), «Роте Фане» («Rote Fahne»), но и вполне респектабельные буржуазные газеты, такие как «Daily Express», «Manchester Guardian», «Daily News», «Frankfurter Zeitung»: «Имея большое распространение и влияние, эти газеты служат большевизму много более нужную и плодотворную службу, чем издания явно большевистские: они укрепляют, силою своего авторитета, в сознании очень широких общественных кругов представление, что господство большевиков есть поддерживаемая большинством русского народа форма народовластия, противобольшевистское же движение есть реставрация, ставящая своей задачей уничтожение политической свободы и восстановление неравенства». Кроме того, в Германии распространялась информация, поставляемая различными «сепаратистскими» бюро печати – украинским, грузинским, эстонским и другими.

Попытки Элькина в частных беседах с отдельными германскими политическими деятелями и представителями печати «нарисовать подлинную картину большевистского режима», как правило, «наталкивались на глухую стену недоверия». Собеседники Элькина упорно сопоставляли Россию с революционной Францией, причем большевики представлялись им якобинцами, защищающими родину, а Добровольческая армия ассоциировалась с поддерживаемой иностранцами Вандеей.

Предполагаемое Бюро печати должно было снабжать берлинскую и провинциальную печать информацией из первых рук, т.е. из штаб-квартиры Добровольческой армии, как по старинке называл Элькин Вооруженные силы Юга России (ВСЮР). Это было важно не только для воздействия на общественное мнение в Германии, но и потому, что в этой стране оказались к тому времени уже десятки тысяч, по оценке Элькина, русских беженцев и еще оставалось несколько сот тысяч военнопленных. Составленная Элькиным смета, которая позволила бы начать работу, была довольно скромной – 4500 марок в месяц. Среди предполагаемых сотрудников он назвал только И.О. Левина, печатавшегося ранее в «Русской мысли» и «Русских ведомостях»<sup>469</sup>.

<sup>467</sup> См. о нем некролог Н.Е. Андреева: Новый журнал. 1972. Кн. 109; см. также вступительную статью к публикации нескольких писем из архива Элькина: *Рогачевский А.* Борис Исаакович Элькин и его оксфордский архив // Евреи в культуре русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим, 1996. Вып. 5. С. 222 – 229 (в публикацию вошли по одному письму Л.О. Дан, М.А. Алданова и А.А. Гольденвейзера к Элькину); о собрании Элькина в Бодлеанской библиотеке Оксфордского университета см.: *Степанский А.Д.* Россика в британских архивах // Отечественные архивы. 1994. № 6. С. 3 – 7. См. также публикации из собрания Элькина: письма Я.Б. Полонского к Элькину: «Крайне тяжелые дни»: Письма из Франции / Публ. О.Р. Демидовой // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Иерусалим, 2001. Кн. 1. С. 225 – 248; нами опубликованы некоторые письма Л.О. Дан к Элькину: *Будницкий О.* Завтра не имеет значения. Лидия Дан: Письма о Ленине (Колокол [Лондон]. 2002. № 3. Июль – август. С. 66 – 73) и письма к нему российского дипломатического представителя в Лондоне Е.В. Саблина: *Будницкий О.* «Советская дипломатия покажет еще англичанам <...> кузькину мать!» (Из истории «советофильства») // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.: Athenaeum; Феникс, 2005. Т. VII. С. 510 – 550.

<sup>468</sup> Leeds Russian Archive. Zemgor Collection.

<sup>469</sup> Ibid.

Элькин представил записку российскому дипломатическому представителю в Берлине С.Д. Боткину, а тот, в свою очередь, переправил ее министру иностранных дел колчаковского и денкинского правительств С.Д. Сазонову. Сазонов постоянно находился в Париже, где в то время вершились судьбы мира. В сопроводительном письме Боткин поддержал проект. Он считал, что, хотя смета занижена наполовину и потребуется дополнительное финансирование, «было бы полезно сделать опыт с организацией такого рода противодействия нежелательным для нас тенденциям, постоянно замечающимся в местных газетах»<sup>470</sup>. Одновременно Боткин направил личное письмо барону Б.Э. Нольде, ответственному за пропаганду в Русской политической делегации за границей<sup>471</sup>, в котором писал: «Мне кажется, следовало бы, несмотря на все трудности получать осведомления, обратить внимание на эту записку и прислать эту сравнительно небольшую сумму (2000 фр[анков] в мес[яц]»<sup>472</sup>.

20 февраля 1920 года по докладу Нольде Делегация постановила организовать пропаганду в Германии по проекту Б.И. Элькина и И.О. Левина и отпустить на эту затею 100 фунтов стерлингов на три месяца. Это было эквивалентно 1500 франкам в месяц<sup>473</sup>. Неясно, каким образом и в каком объеме Элькину удалось претворить свой план в жизнь. Во всяком случае, понятно, что ожидаемого оперативного – так же как и какого-либо иного – осведомления из пропагандистского ведомства ВСЮР он получать не мог ввиду военной катастрофы денкинской армии.

Элькин как будто стремился не обсуждать информацию о погромах, в своей переписке (доступной нам) он лишь раз с раздражением упомянул о появлении в Берлине «киевского еврейского большевика» Каца, «меньшевика-интернационалиста и большевистского чиновника» Хейфеца и доктора Грановского, которые, по его выражению, «эксплуатировали» тему еврейских погромов. Можно лишь гадать, каким было бы отношение Элькина к Белому движению, если бы он находился на Украине в период «добровольческих» погромов, в том числе во время трехдневного «тихого» погрома в Киеве в октябре 1919 года. Заметим, что в большевики или в сочувствующие большевизму Элькин, как и многие другие эмигранты, записывал своих политических оппонентов довольно легко. Так, об остановившемся в Берлине по пути в Лондон бывшем заместителе министра иностранных дел в правительстве С.В. Петлюры адвокат А.Д. Марголине Элькин писал, что тот «в кругах петлюровцев... представляет – и не только теоретически – течение, признающее необходимость соглашения с большевиками»<sup>474</sup>.

Элькин придерживался либеральных взглядов и одновременно – подобно одному из политических лидеров российского еврейства М.М. Винаверу, с которым состоял в переписке, – был сторонником сохранения «единой неделимой» России. Он с возмущением писал Винаверу в начале 1920 года о выступлениях в Берлине Марголина, который был якобы уполномочен «от имени какого-то будто бы компетентного еврейского учреждения или коллектива... заявить перед лицом всего мира, что русское еврейство отрекается от единой России и отныне поддерживает программу ее расчленения... Хорош балаган, не правда ли?» – заключал Элькин. Он «принял даже специальные меры», чтобы не встретиться с Марголиным, этим, по

<sup>470</sup> Боткин С.Д. – Сазонову С.Д., 26 декабря 1919/8 января 1920 года: Leeds Russian Archive. Zemgor Collection.

<sup>471</sup> Русская политическая делегация за границей была создана для возможного представительства интересов России на Парижской мирной конференции. В ее состав входили кн. Г.Е. Львов (председатель), С.Д. Сазонов, В.А. Маклаков, Н.В. Чайковский и Б.В. Савинков. Делегация не получила доступа на конференцию. После окончания Парижской конференции она не была распущена, продолжая играть роль российского представительства за границей. Прекратила свое существование лишь в феврале 1921 года, когда после падения последнего оплота Белого движения в России – врангелевского Крыма, – российскими дипломатами был создан в Париже Совет российских послов.

<sup>472</sup> Боткин С.Д. – Нольде Б.Э., 28 декабря 1919/10 января 1920 года: Там же.

<sup>473</sup> Журнал Русской политической делегации за границей № 21 от 20 февраля 1920 года: Там же.

<sup>474</sup> Элькин Б.И. – Винаверу М.М., 16 февраля 1920 года: ГАРФ. Ф. Р-5818. Оп. 1. Д. 38. Л. 5 – 6.

его словам, «украинским сановником» и Хлестаковым, который «принесет еще много вреда, причинит еще много бед»<sup>475</sup>.

Белое движение кончилось катастрофой. Надежды на возвращение на родину становились все более призрачными. Надо было налаживать жизнь, и Элькину это, в общем, удалось. В Германии Элькин имел вполне приличную адвокатскую практику. Его небольшой фонд в Государственном архиве Российской Федерации состоит исключительно из материалов дел, которые он вел<sup>476</sup>. Отметим такие любопытные случаи, как дело по иску Б.И. Николаевского к Институту К. Маркса и Ф.Энгельса в Москве и дело по иску Д.С. Мережковского к издателю З.И. Гржебину. Последнее дело (речь шла о претензиях Мережковского к Гржебину, перепродавшему права на издание некоторых его произведений; правда, выяснилось, что и Мережковский был не без греха и продал эти права еще раньше чешскому издательству Centrum) Элькин сумел уладить в досудебном порядке<sup>477</sup>.

Элькин хорошо разбирался в проблемах, связанных с книгоизданием и взаимоотношениями (не всегда, мягко говоря, корректными) между издателями и авторами. Он был членом правления крупнейшего берлинского издательства «Слово» и председателем Союза русских издателей и книготорговцев в Германии<sup>478</sup>. Среди прочих дел он занимался «выколачиванием» по просьбе академика С.Ф. Платонова причитающегося тому гонорара за учебник русской истории для средней школы, который пиратским образом был выпущен одним из берлинских издательств. Элькину удалось, во-первых, выяснить, кто же именно издал книгу, во-вторых, убедить издателя выплатить Платонову гонорар в размере 200 тысяч марок. Правда, эта сумма была внушительной только на первый взгляд. За то время, пока шли переговоры, набрала ход инфляция и Элькин, дабы деньги совсем не «усохли», обменял их на доллары. Вырученная сумма составила по тогдашнему (12 декабря 1922 года) курсу 22 доллара. Эти деньги Элькин передал дочери Платонова Н.С. Краевич, оказавшейся, в отличие от своего знаменитого отца, вместе с мужем в эмиграции. Что же касается гонорара адвокату за оказанные им услуги, то об этом, как писал 19 декабря 1922 года Элькин Платонову, с которым, видимо, был знаком по Петербургу, «не может быть и речи»<sup>479</sup>.

Элькин принимал активное участие в общественной и политической жизни эмиграции – был представителем Союза русской присяжной адвокатуры в Федерации русских адвокатских союзов, одним из учредителей Германского комитета помощи русским ученым и писателям-эмигрантам. Он время от времени печатал статьи в периодике, преимущественно по юридическим вопросам<sup>480</sup>.

Одной из заметных фигур Союза русской присяжной адвокатуры, да и русского Берлина в целом, был присяжный поверенный Вениамин Семенович Мандель. В России Мандель был успешным юристом и активным деятелем еврейского общественного движения. Мандель родился в 1861 году в Шавлях (Шауляе), в 16 лет окончил гимназию, в 21 год – юридический факультет Санкт-Петербургского университета, в 1887 году стал присяжным поверенным, еще до введения ограничений для евреев. Он специализировался по страховому праву, был юрисконсультантом страхового общества «Саламандра» и Русского страхового общества<sup>481</sup>.

<sup>475</sup> Элькин Б.И. – Винаверу М.М., 16 февраля 1919 года: Там же. Л. 6.

<sup>476</sup> ГАРФ. Ф. Р-5897. Д. 26, 28. Всего фонд состоит из 46 единиц хранения, охватывая период 1920 – 1933 годов. Он включает исключительно судебные дела Элькина на русском и немецком языках. Последним Элькин, судя по всему, владел свободно.

<sup>477</sup> Подробнее см.: Янгиров Р. Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х годов (По новым материалам) // Диаспора: Новые материалы. Париж: СПб., 2004. Т. 6. С. 552 – 555.

<sup>478</sup> Там же. С. 577, прим. 268.

<sup>479</sup> Там же. С. 580.

<sup>480</sup> См., например: Элькин Б. Новое акционерное право: К реформе акционерного права в Германии // Закон и суд (Рига). 1929. № 2. С. 54 – 60.

<sup>481</sup> ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 13. Л. 29 – 30. Любопытно, что в свободное от служебных обязанностей и общественных

В политическом отношении Мандель примыкал к партии кадетов, но особенно активное участие принимал «в вопросах еврейской общественной жизни». Он был деятельным членом Еврейской народной партии, участвовал в издании «Еврейского мира», русскоязычного журнала, выходившего в 1909 – 1911 годах в Петербурге при участии С.М. Дубнова, С.А. Анского и других. По словам одного из инициаторов и руководителей издания А.Ф. Перельмана, в трудное для журнала время была организована «финансовая группа для поддержания журнала. Наиболее активным членом этой группы был видный адвокат и общественный деятель В.С. Мандель, единственный, у которого был живой интерес к журналу и который по мере своих сил поддерживал его»<sup>482</sup>.

Но, как говорилось в некрологе Манделя, написанном, по-видимому, Гершуном,

ближе привлекало его внимание и интерес дело еврейской эмиграции. Он состоял председателем «Петербургского общества по регулированию еврейской эмиграции»; он совершенно отдался деятельности в этом обществе, активно участвовал в созыве Всемирного Еврейского эмиграционного конгресса, ездил для этого в 1911 г. вместе с делегацией возглавляемого им общества в Берлин и Вену. Озабоченный теми подчас возмутительными по своей несправедливости затруднениями, которые ставились еврейским эмигрантам из России в контрольных пограничных пунктах, В.С. Мандель предпринял в 1914 г. поездки в Гамбург и Бремен, где благодаря его энергичным настояниям пред пароходными обществами были достигнуты серьезные для эмигрантов облегчения<sup>483</sup>.

Вряд ли Мандель, преуспевающий петербургский адвокат, мог тогда представить себе, что он сам в недалеком будущем окажется в положении даже не эмигранта, а почти бесправного беженца. В эмиграции Мандель, как уже упоминалось в предыдущей главе, стал председателем Общества помощи русским гражданам в Берлине. Политически он заметно поправел, вступил в Отечественное объединение русских евреев, выступившее в поддержку Белого движения, и принял участие в известном сборнике «Россия и евреи», опубликовав в нем статью «Консервативные и разрушительные элементы в еврействе»<sup>484</sup>.

В эмиграции Мандель служил юрисконсультom подававшего признаки жизни страхового общества «Саламандра», была у него и кое-какая адвокатская практика. Видимо, юридическая работа не приносила ему серьезных доходов, и незадолго до смерти он открыл пансион на заемные деньги. Мандель скончался 14 марта 1931 года, когда пансион еще не приносил ожидаемых доходов, и вдове не осталось ничего, кроме долгов. Коллеги покойного пытались как-то обеспечить вдову, но, судя по переписке, в условиях экономического кризиса сборы шли довольно туго<sup>485</sup>.

Здесь будет уместно сказать о деятельности рефератной комиссии Союза русской присяжной адвокатуры, председателем которой почти до своей смерти был В.С. Мандель<sup>486</sup>. Задачей комиссии была организация докладов и рефератов по юридическим и общественным вопросам.

Публичные доклады и лекции по самым разным вопросам были атрибутом общественной жизни русского Берлина. Как правило, они были рассчитаны на достаточно широкую публику и носили популярный характер. В Союзе русской присяжной адвокатуры, напротив, доклады

---

дел время Мандель писал романсы и пьесы для фортепиано (Незабытые могилы. М., 2004. Т. 4. С. 370).

<sup>482</sup> Перельман А.Ф. Воспоминания. СПб.: Европейский дом, 2009. С. 97.

<sup>483</sup> ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 13. Л. 29 – 30.

<sup>484</sup> Россия и евреи. Берлин: Основа, 1924 (репринт. изд.: Paris: YMCA-press, 1978). С. 169 – 206.

<sup>485</sup> ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 13. Л. 30.

<sup>486</sup> Русская адвокатура. С. 9.

носили почти исключительно профессиональный характер и предназначались для «своих»: приглашения были адресованы членам Союза русской присяжной адвокатуры и содержали формулировку: «Гости допускаются по рекомендациям членов Союза»<sup>487</sup>.

Темы докладов, организуемых рефератной комиссией, как правило, определялись «злобой дня». Во-первых, был сделан ряд докладов по насущным вопросам, связанным со статусом и правами русских эмигрантов в Европе: в 1920 году были прочитаны доклады «Права русских граждан за границей» (В.С. Мандель), «О правовом положении русских эмигрантов с точки зрения международного права» (барон М.А. фон Таубе) и др. Во-вторых, обсуждалась недавняя история (доклад Б.Л. Гершуна «Последние дни петербургской адвокатуры»), вопросы корпоративной этики присяжной адвокатуры, в частности возможность участвовать в советских судах, возможность публиковать в немецких газетах рекламные объявления и т.п.<sup>488</sup>

Адвокаты пристально следили за происходившим в России, как и прочие эмигранты, строили планы о ее (и своем) будущем. В марте 1921 года комиссию занимал проект российской (не советской!) конституции. В середине – конце 1921 года заседаний рефератной комиссии не проводилось, поскольку все силы ее сотрудников были брошены на создание Русского третейского суда, первое заседание которого состоялось 5 сентября. В 1922 году Рапалльские соглашения между Советской Россией и Германией заставляют мигрантов не некоторое время оставить мечты о скором падении большевиков, и в повестке дня рефератной комиссии Союза проблемы юридического положения эмигрантов конкурируют с проблемами правового положения населения в Советской России / Советском Союзе в целом или в отдельных районах советской территории. Советская правовая система становится объектом рассмотрения, и весьма пристрастного. Один из выступавших – немецкий адвокат Р. Фрейнд – в ходе своего доклада в конце 1923 года упрекал собравшихся:

Простите, господа, если я буду говорить совсем откровенно, и если я Вам скажу, что у меня создалось впечатление, что русские юристы при рассмотрении вопроса о применении советских законов за границей руководствовались менее чисто научными соображениями, чем политической ненавистью против советского правительства. Можно сказать, что этот съезд<sup>489</sup> был только звеном в цепи политической борьбы, которую русская эмиграция ведет против Совдепии. Это совершенно понятно и даже естественно. Я знаю, сколько Вы, уважаемые коллеги, пострадали и еще страдаете от переворота в России, что Вы все потеряли: имущество, родину и даже подданство. Я знаю, что воспоминание об этих страданиях еще слишком свежо, чтобы позволить Вам анализировать события в России с хладнокровностью хирурга...<sup>490</sup>

В 1923 году был заявлен ряд докладов на тему «Советское законодательство», однако в середине года этот ряд прерван выступлениями о юридических проблемах, сопряженных с финансовым кризисом в Германии: Я.Г. Перский прочел доклад «Обесценение германской марки и гражданское право», Е.А. Фальковский – «О судебном законе и праве бедности по германскому закону применительно к бесподданным», С.К. Гогель – «Кризис парламентаризма и демократии».

В 1924 – 1927 годах юристы продолжали попытки осмыслить правовую ситуацию в СССР и сущность советской власти (доклады А.А. Гольденвейзера «Советский федерализм», К.И. Савича «Российская коммунистическая партия в значении верховной власти СССР» и «Новый хозяйственно-административный строй в советской деревне», А.А. Боголепова «Власть на

<sup>487</sup> ГАРФ. Ф. Р-5769. Оп. 2. Д. 15. Л. 38.

<sup>488</sup> ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 2, 39; Ф. Р-5986. Оп. 1. Д. 1в.

<sup>489</sup> Очевидно, имелся в виду съезд русских юристов за границей, состоявшийся 1 – 4 октября 1922 года в Берлине.

<sup>490</sup> ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 71. Л. 60.

местах в республиках советской России», И.М. Рабиновича «Идеология советского гражданского законодательства»). Доклады о советском праве делили повестку дня с актуальными проблемами юридического положения эмигрантов в Германии. Новым поводом для изучения советского права стало заключение в октябре 1925 года торгового договора между СССР и Германией (этот договор становится темой нескольких докладов, подготовленных рефератной комиссией). Тезисы докладов на фоне эмигрантской публицистики выглядят достаточно стандартно: коммунистическая партия узурпировала власть и подавляет гражданские свободы, коммунистическое хозяйство после отмены нэпа неэффективно («социалистические элементы работают дорого и плохо и развиваются благодаря привилегиям и монополиям. Им передается вся эмиссия, они получают громадные дотации из бюджета, построенного на непомерной эксплуатации частного хозяйства»<sup>491</sup>), выход заключается в возврате к капитализму.

В 1928 – 1930 годах заседания комиссии проводились значительно реже, несколько раз в год, в 1931 и 1932 годах было сделано всего по два доклада. Явный интерес вызвали сообщения члена американской Коллегии адвокатов А.Д. Марголина (того самого бывшего петлюровского дипломата) об американском праве: в 1929 – 1930 годах докладчика приглашали выступить трижды.

Упомянем еще одного видного юриста, имя которого часто будет встречаться на страницах этой книги, – приват-доцента Киевского университета по кафедре государственного права Льва Моисеевича Зайцева (1882 – 1947). Зайцев был довольно серьезным ученым и еще в России опубликовал ряд научных трудов, причем, как правило, на актуальные темы<sup>492</sup>. В Берлине, где он обосновался в 1920 году, Зайцев среди прочего читал лекции по русскому праву в Институте иностранного права при Берлинском университете, состоял членом Русской академической группы. По партийной принадлежности Зайцев был кадетом и принимал в 1920 – 1921 годах участие в заседаниях берлинской группы Партии народной свободы. Он был членом Союза русских евреев в Германии, в котором играл довольно заметную роль, и одним из последних членов Союза русской присяжной адвокатуры, уехавшим из Берлина незадолго до начала Второй мировой войны.

На 28 января 1933 года, за два дня до прихода Гитлера к власти, в Союзе русской присяжной адвокатуры в Германии состояли 75 человек. Около 60 из них были этническим евреями<sup>493</sup>.

В 1933 году начинается исход русских (как, впрочем, и немецких) евреев из Германии. Об этом мы будем говорить подробнее в заключительной главе нашего исследования, здесь же остановимся, несколько забегаая вперед, на судьбах адвокатов – членов Союза русской присяжной адвокатуры в Германии, причем будем акцентировать внимание среди прочего на их специфических профессиональных проблемах.

Вскоре после прихода к власти нацистов, в антисемитском характере политики которых сомневаться не приходилось, Б.Л. Гершун и Б.И. Элькин уехали в Париж. Гершун стал членом Объединения русских адвокатов во Франции и принял активное участие в деятельности русско-еврейских организаций в Париже. В 1936 году он председательствовал в Союзе защиты евреев-эмигрантов и их детей, который в декабре того же года был переименован в Очаг для евреев-беженцев в Париже. Гершун стал членом правления Очага (председательницей стала основательница Очага Т.И. Левина). С 1937 года Гершун сотрудничал с Объединением русско-еврейской интеллигенции в Париже. В 1939 году он был избран товарищем (заместите-

<sup>491</sup> Там же. Л. 12.

<sup>492</sup> Зайцев Л.М. Ответственность при массовых преступлениях. Киев: И.И. Самоненко, 1909; *Он же*. Независимость суда. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1912; *Он же*. Взаимное исполнение иностранных судебных решений и русско-германский торговый договор: [Докл., сдел. на Экспорт. съезде в Киеве 21 февр. 1914 г.]. Киев: Тип. А.И. Гроссман, 1914; *Он же*. Поданные враждебного государства и русские суды. Киев: И.И. Самоненко, 1915.

<sup>493</sup> ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 48. Л. 1 – 6, 26.

лем) председателя Объединения русских адвокатов во Франции<sup>494</sup> (председателем был Н.В. Тесленко, в прошлом депутат Государственной Думы).

Адвокаты «разъезжались» из Германии медленнее, чем можно было ожидать. Держали незаконченные дела, да и, видимо, не хотелось бросать налаженную жизнь, изучать другой язык, что в их профессии было ключевым условием. В декабре 1937 года уехал в США Гольденвейзер. Большинство его коллег перебирались в Париж, признанную столицу русской эмиграции. Однако бывшие берлинцы поддерживали между собой связь, делились впечатлениями и проблемами, сообщали о судьбах коллег. «Адвокатские судьбы» можно проследить по переписке Гольденвейзера, среди корреспондентов которого было немало членов Союза русской присяжной адвокатуры.

Один из самых интересных эпистолярных диалогов завязался у Гольденвейзера с его старшим товарищем по адвокатскому цеху Б.Л. Гершуном. «Мы с середины сентября живем в Нью-Йорке, – информировал Гольденвейзер Гершуна в конце 1938 года. – Я посещаю лекции по гражданскому праву (“Контракты”) в одном из здешних университетов. Так как это не лекции, а скорее практические занятия, в которых студенты принимают не менее деятельное участие, чем профессор, то приходится к ним готовиться: читать казусы (т.е. судебные решения), составлять письменные изложения таковых, просматривать литературу. О своих впечатлениях об этом запоздалом ученичестве я вероятно изложу в какой-нибудь форме в печати»<sup>495</sup>. – «Итак, Вы в третий раз строите свою жизнь, – откликнулся Гершун. – Такова наша судьба. Жить две, а то и три жизни. Если бы я был моложе, я бы тоже оставил Европу. Здесь повсюду скверно и будущее чревато опасностями»<sup>496</sup>.

Далеко не юному Гершуно также пришлось начинать третью по счету жизнь, после российской и германской. «Старость заключается в том, – писал он в мае 1938 года, – что человек для окружающих часто умирает раньше, чем наступает его физическая кончина... И комизм заключается в том, что сошедший со сцены внутри еще считает себя актером, а сцены-то уже давно нет»<sup>497</sup>.

Забегая вперед, скажем, что «на сцене», во всяком случае эмигрантской, Гершуно еще предстояло сыграть немаловажную роль, и не одну<sup>498</sup>.

Тем временем в Берлине «по категорическому требованию германского правительства, не пожелавшего далее терпеть такое учреждение» должен был закрыться Нансеновский офис (Нансенамт). Это определило судьбу общего приятеля Гершуна и Гольденвейзера – Е.А. Фальковского. «Евг[ений] А[дамович] уволен и получает при закрытии Нансенамта 2-месячное жалование; он хлопочет о визе во Францию. Нелегко ему будет здесь устроиться», – сообщал Гершун<sup>499</sup>.

Фальковский перебрался в Париж в июле 1938 года. Гершун не слишком оптимистично смотрел на перспективы одного из лучших экспертов по международному законодательству о беженцах: «Несколько месяцев может выдержать, но затем окажется в тяжелом положении, если не найдет место или работу: это не так легко. Он не мог оставаться в Германии, несмотря на свое арийство. Я думаю, да и он полагает, что он легко бы мог оказаться в концентрационном лагере»<sup>500</sup>.

<sup>494</sup> Серков А.И. Русское масонство. С. 235.

<sup>495</sup> Гольденвейзер А.А. – Грузенбергу О.О., 3 ноября 1938 года: Gold-4.

<sup>496</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., Париж, 25 декабря 1938 года: там же.

<sup>497</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., Париж, 15 мая 1938 года: Там же.

<sup>498</sup> О жизни Б.Л. Гершуна во Франции см.: Зеелер В.Ф. Памяти хорошего человека // Русская мысль. 1954. 28 июня (№ 679). С. 4.

<sup>499</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., Париж, 3 июля 1938 года: Gold-4.

<sup>500</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 5 сентября 1938 года: Там же.

В Париж постепенно съезжались остатки берлинской адвокатской колонии: «С Б.И. Элькиным вижусь часто. Он, как всегда, пессимистичен и недоволен. Зол... Л.М. Зайцев не в силах выдержать и скоро покидает Германию (пока это – конфиденциально). Я.С. Бродский и Кучеров<sup>501</sup> в Париже»<sup>502</sup>.

Адвокатов наряду с общими для беженцев проблемами волновала и еще одна, специфическая: чем жить? В большинстве своем они были людьми немолодыми, даже один из самых «юных», Гольденвейзер, приближался к пятидесяти. Ничего другого, кроме как занятия юриспруденцией, они не знали и не умели. Переучиваться было поздно, заниматься физическим трудом не позволяли возраст и здоровье.

И все же Гольденвейзер не терял оптимизма. «В Америке я не разочарован, – писал он М.Л. Кантору через полгода после приезда в новую страну. – Поле для наблюдения и изучения здесь громадное, да и для деятельности были бы интересные возможности, но вот только *специальность наша как нельзя менее подходит для трансплантации* [курсив мой. – О.Б.], а кроме того нужно жить и входить в жизнь годами, пока настолько с ней освоишься, что сможешь активно в ней участвовать»<sup>503</sup>.

Это было справедливо для любой другой новой страны. Если даже удавалось приспособиться, то выйти на прежний уровень было нелегко. Гершун писал после пяти лет жизни во Франции:

Мы с О.М.<sup>504</sup> живем тихо, уединенно, и скромно, одним словом, не столько живем, сколько доживаем. У меня много всякой работы, и не профессиональной, а заработки скромные. С здешним правом, обычаями и нравами больше или меньше освоился. Право неплохое, обычаи – хуже, а нравы – совсем скверные<sup>505</sup>.

Фальковский более чем через год после приезда во Францию был так же неустроен:

Хотите подробностей? – задавал он риторический вопрос Гольденвейзеру. – Вот: работы так же нет (как у Вас, и как год назад), если не считать случайных (одно слово нрзб.) дел, без работы и без будущего, не покрывающих и половины бюджета. Маклаков с каждым месяцем все отдаленней и суше, не устает разъяснять, время от времени, что денег у него нет и никогда не будет<sup>506</sup>. А волонтером я к нему также по-прежнему хожу и радуюсь скромному успеху: чувствовать себя и в Париже одним из первейших специалистов по беженскому праву. Сбережения растягиваются как резина, – но и резине бывает конец, и вскоре после рождества я выкидываю сигнал SOS и иду ко дну<sup>507</sup>.

В письмах Гольденвейзера можно найти сведения, хотя и самые общие, о том, чем он жил. «Ко мне по старой памяти, – сообщал он А.Ю. Эфросу летом 1939 года, – обращаются

<sup>501</sup> Яков Соломонович Бродский и Самуил Львович Кучеров – члены Союза русской присяжной адвокатуры в Германии.

<sup>502</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 25 декабря 1938 года: Gold-4.

<sup>503</sup> Гольденвейзер А.А. – Кантору М.Л., 12 июня 1938 года. «Службы или иного постоянного заработка пока также не имею. Можно ли будет существовать здесь в качестве русского адвоката, пока еще не могу сказать», – писал он месяц спустя Гершуну (Гольденвейзер А.А. – Гершуну Б.Л., 10 июля 1939 года).

<sup>504</sup> Ольга Марковна, жена Б.Л. Гершуна.

<sup>505</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 25 декабря 1938 года: Gold-4.

<sup>506</sup> Маклаков Василий Алексеевич (1869 – 1957), адвокат, один из лучших русских ораторов начала XX века, член ЦК партии кадетов, депутат Государственной думы 2 – 4 созывов. В 1917 – 1924 годах российский посол во Франции. После признания Францией Советского Союза – глава офиса по делам русских беженцев при Министерстве иностранных дел Франции и председатель русского Эмигрантского комитета. Фальковский, возглавлявший в Берлине Нансеновский офис, работал в «офисе Маклакова» в качестве волонтера в расчете на возможное появление оплачиваемого места.

<sup>507</sup> Фальковский Е.А. – Гольденвейзеру А.А., 26 ноября 1939 года: Gold-5.

по разным делам, как письменно из Европы, так и лично приезжающие сюда. У меня с давних времен хорошие связи со здешними адвокатами. К сожалению, здесь нет такой компактной русской беженской колонии, какая была в Берлине, поэтому трудно приобрести постоянную клиентуру»<sup>508</sup>.

Я лично еще ничего не добился, – сообщал Гольденвейзер коллеге-адвокату в Варшаву, – но вполне искренне приписываю свои неудачи исключительно моим личным дефектам и комплексам.

Адвокатская работа, о возможности которой Вы пишете, вероятно, возможна, хотя нужно считаться с тремя отрицательными моментами: 1) деловые связи с Европой здесь гораздо слабее, чем обычно предполагают, особенно в последние годы, 2) крупные фирмы имеющие дела с Европой, обычно имеют в европейских центрах отделения, 3) самостоятельное занятие адвокатской практикой, хотя бы в форме дачи советов и т.п., без зачисления в сословие, воспрещено, так что приходится работать полулегально и непременно в связи с американскими адвокатами. Однако, повторяю: при неограниченном и растущем спросе решительно на все, в Америке можно найти применение для всяких знаний и талантов, нужно только уметь бороться и добиваться<sup>509</sup>.

Начавшаяся 1 сентября 1939 года война отразилась на материальном положении не только тех, кто находился в воюющих странах. Она ударила и по благополучным – тем, кто успел перебраться за океан. «Затруднения почтовой связи с Европой катастрофически отражаются на адвокатской практике. Писать корреспонденции перестал: в переведенных на сокращенный размер “Последних новостей” нет места, с “Сегодня” произошла какая-то подневольная метаморфоза<sup>510</sup>, а русские журналы, по-видимому, приостановились до лучших времен»<sup>511</sup>.

Л.М. Зайцев с присущим ему юмором писал Гольденвейзеру из Брюсселя в марте 1940 года: «От коллег получаю письма из Буэнос-Айреса и Сант-Яго, Парижа и Лондона, Риги и Ковно. Все предлагают ответить на трудный вопрос частного международного права: куда девался клиент, как таковой? Не можете ли Вы посодействовать разрешению этой столь актуальной проблемы?»<sup>512</sup>

Гольденвейзер и сам недоумевал:

В связи с устремлением в Америку всех людей из всех стран и всех принадлежащих им капиталов, казалось бы, для нашего брата могло бы открыться здесь поприще. Но пока я этого не замечаю. Если есть дела, то либо старые претензии к американским капиталам русских обществ, либо хлопоты по «размораживанию» разных замороженных счетов. Больше всего просьб об аффидевитах и всяких, более или менее безнадежных, запросов о квотах и визах<sup>513</sup>.

Переписка юристов не исчерпывалась обсуждением профессиональных проблем, сводившихся в основном к отсутствию клиентов и, следовательно, работы и заработков. Очень любо-

<sup>508</sup> Гольденвейзер А.А. – Эфросу А.Ю., 10 июля 1939 года: Там же.

<sup>509</sup> Гольденвейзер А.А. – Мазору М.М., 11 декабря 1938 года: Gold-4.

<sup>510</sup> «Сегодня» – газета, выходившая в Риге на русском языке в 1919 – 1940 годах, одна из крупнейших газет русского зарубежья. Гольденвейзер довольно активно публиковался на страницах «Сегодня», особенно в конце 1930-х годов. «Метаморфоза», происшедшая с газетой, объяснялась заключением советско-латвийского соглашения и появлением советских военных баз на территории Латвии. Соответственно, какая-либо критика СССР на страницах «Сегодня» стала невозможна.

<sup>511</sup> Гольденвейзер А.А. – Фрумкину Я.Г., 7 декабря 1939 года: Gold-5.

<sup>512</sup> Зайцев Л.М. – Гольденвейзеру А.А., 22 марта 1940 года: Gold-6.

<sup>513</sup> Гольденвейзер А.А. – Кантору М.Л., 15 августа 1940 года (в оригинале ошибочно 1930): Там же.

пытны рассуждения Гершуна о вышедшей в Париже в 1938 году книге воспоминаний знаменитого адвоката Оскара Грузенберга «Вчера».

Милуков – страха ради иудейска – напечатал о ней восторженную рецензию, – писал Гершун все тому же Гольденвейзеру, состоявшему с Грузенбергом в переписке. – Я прочел эту книгу. Лучше бы она не вышла. Очерки, посвященные воспоминаниям о делах, очень интересны, но они пропадают в автобиографии и в воспоминаниях о «великих людях», его друзьях – Короленко, Горьком, Кони. Язык – вымученный, любовь к «истинно-русским» оборотам речи и поговоркам (Кременецкий – Алданова<sup>514</sup>), – и повсюду Оскар, Оскар и Оскар, – некуда от него спрятаться.

Как вам нравится в первых строках – определение русского языка:

«я полюбил этот удивительный язык: в ласке шелковисто-нежный, завораживающий; в книге – простой, просвечивающий до невозможности скрыть малейшую фальшь; в испытаниях борьбы – подмороженный, страстно-сдержанный»<sup>515</sup>.

И в таком стиле почти вся книга. Только там, где он рассказывает о делах, защитах, муках за подзащитных, – там язык натуральнее.

Ни один настоящий русский человек не писал, и не будет писать таким русским языком.

Книга успеха не имеет. Трахтерев<sup>516</sup>, которого я на днях встретил, рассказывал мне, что написал для «Возрождения» резкую рецензию про «Вчера», а про одного русского мне рассказывали, что он сказал, что, прочитав книгу Грузенберга, стал антисемитом. А Грузенберг собирается выпустить второй том<sup>517</sup>.

Грузенберг своей самовлюбленностью и самоуверенностью раздражал многих. Но все же – это была история и слава русской адвокатуры. И Гершун не выдержал – написал о сильно не понравившейся ему книге положительную рецензию. Точнее, чтобы не кривить душой, написал статью по поводу книги:

Я написал статью «Грузенберг, как уголовный защитник (по поводу книги его воспоминаний “Вчера”)» и послал ее П.Н. Милукову. Написал, платя этим свой долг Грузенбергу, который настойчиво потребовал от меня статью о себе еще по поводу его 70-летия. Я не написал: убоился. А теперь решился<sup>518</sup>.

Но, конечно, на первом плане в переписке – политика, напрямую влиявшая на судьбы беженцев:

---

<sup>514</sup> Семен Исидорович Кременецкий – герой трилогии М.А. Алданова «Ключ», «Бегство», «Пещера». В предисловии к первому книжному изданию «Ключа» автор писал: «Добавлю в качестве курьеза, что мне называли п я т ь адвокатов, с которых будто бы писан (и тоже “портретно”) Кременецкий. Скажу кратко <...> в этих указаниях нет ни одного слова правды» (Алданов М. Ключ. Берлин: Изд. Книгоиздательства «Слово» и журнала «Современные записки», 1930. С. 6). В.В. Набоков говорил в одном из своих интервью 1930-х годов: «... в алдановском Семене Исидоровиче Кременецком во что бы то ни стало старались найти черты какого-нибудь известного петербургского адвоката, живущего сейчас в эмиграции. И, конечно, находили. Но Алданов слишком осторожный писатель, чтобы списывать свой портрет с живого лица. Его Кременецкий родился и жил в воображении одного только Алданова. Честь и слава писателю, герои которого кажутся людьми, живущими среди нас, нашей повседневной жизнью»: [http://www.100tomov.ru/russ\\_proza/Nabokov\\_Vladimir/Vstrecha\\_s\\_V\\_Sirinyam.gz/2/](http://www.100tomov.ru/russ_proza/Nabokov_Vladimir/Vstrecha_s_V_Sirinyam.gz/2/)

<sup>515</sup> Грузенберг О.О. Вчера: Воспоминания. Париж, 1938. С. 5.

<sup>516</sup> Трахтерев Осип Сергеевич (1876/77 – 1944) – присяжный поверенный Петербургской судебной палаты; в эмиграции жил в Берлине (1922 – 1923), затем в Париже, председатель парижского Союза русских адвокатов за границей, занимавшего более правые позиции по сравнению с Объединением русских адвокатов, возглавлявшимся Н.В. Тесленко; погиб в Освенциме.

<sup>517</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 15 мая 1938 года: Gold-4.

<sup>518</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 3 июля 1938 года: Там же.

В каждом письме хочется писать о политике, так как эти вопросы неизменно стоят на первом плане – но что можно сказать в рамках письма, кроме поверхностных общих фраз? Помнится, я в моих прошлых письмах к Вам пытался выдерживать объективную точку зрения на происходящее в Германии и, как Вы правильно указывали, впадал в чрезмерный оптимизм. Все сложилось хуже, чем можно было себе представить в 1937 году, когда я покинул Берлин. Ни для какого оптимизма теперь не осталось места. Одно лишь я продолжаю отстаивать: не следует заражаться от Гитлера, и считать нужным платить ему его же монетой. Некоторые статьи в «Посл[едних] Нов[остях]» в этом отношении продолжают меня корчить (напр., когда А. Кулишер выступает паладином славянства в его вековой борьбе с германизмом или защитником права белой расы отравлять китайцев опиумом)<sup>519</sup>.

Однако Гершун совершенно не разделял скепсиса Гольденвейзера в отношении информации «Последних новостей» о происходящем в Берлине. Из рассказов приезжающих «оттуда» и из того, что сообщал Е.А. Фальковский, Гершун заключил, что «действительность куда более мерзка, чем Вы думаете, и чем изображают “П[оследние] Н[овости]”»<sup>520</sup>.

Как ни удивительно, но все эти годы, вплоть до лета 1939-го, Союз русской присяжной адвокатуры продолжал функционировать в Берлине. По-видимому, никакой общественной деятельности он уже не вел (да и вряд ли мог вести в условиях нацистской диктатуры, стремительного сокращения численности «личного состава» и средств).

«В нашем “бывшем родном” Берлине уже совсем никого из знакомых и друзей не осталось, да и союз окончательно ликвидирован. Бедный Беме<sup>521</sup> умер, Зайцев уехал, один Владимир Абрамович<sup>522</sup> еще держится в своем посольском бесте...» – информировал Гольденвейзер Гершуна 10 июля 1939 года<sup>523</sup>.

О том, как и когда был ликвидирован Союз русской присяжной адвокатуры, мы узнаем из письма Е.А. Фальковского:

Берлинская русская адвокатура официально скончалась в начале лета: собрали они «общее собрание» из 9 (sic!) членов, закрыли Союз, раздали фонд Гершуна – главным образом Рудинскому<sup>524</sup> – а вскоре и из сих девяти иные появились здесь: Зайцев, Переплетник<sup>525</sup>, В.А. Гольденберг. – Здешняя адвокатская жизнь не богаче. Тесленко как всегда уехал бессрочно на юг, и в этом году эта бессрочность тянется, конечно, дольше обычного. Собраний нет, о традиционном бале (плохо удавшемся уже в прошлом сезоне) конечно и не помышляют. Б[орис] Львов[ич] [Гершун] мил и корректен, но вижу я его нечасто: он или «по вечерам не выходит», или «воскресенье отдыхает» – вообще, перемена его возраста за эти 6 лет сказывается на его *habitus*<sup>526</sup> заметно. Элькин, как Вы знаете, внезапно, но очень вовремя отбыл в тихий Дублин... тоже бессрочно? Зайцев – в Брюссель, Фрумкин – на высоких постах в ОРТ-ОЗЕ, а потому, в данный момент, находится в Виши, центре внутренней

<sup>519</sup> Гольденвейзер А.А. – Гершуну Б.Л., 10 июля 1939 года: Gold-5.

<sup>520</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 5 сентября 1938 года: Gold-4.

<sup>521</sup> Беме Густав Густавович, член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии.

<sup>522</sup> Имеется в виду Владимир Абрамович Гольденберг, член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии.

<sup>523</sup> Гольденвейзер А.А. – Гершуну Б.Л., 10 июля 1939 года: Gold-5.

<sup>524</sup> Рудинский Борис Андреевич, член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии, страдал болезнью сердца, что не позволяло ему работать.

<sup>525</sup> Переплетник Григорий Моисеевич, член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии.

<sup>526</sup> *Habitus* (лат.) – внешность, наружность.

еврейско-русской эмиграции последних месяцев. Впрочем, там же и Милоков, бодрые и загадочные статьи которого Вы, наверное, читаете с интересом, но без удовольствия<sup>527</sup>.

Завершим мы рассказ о трудах, днях и скитаниях российских адвокатов выдержкой из письма Б.Л. Гершуна от 6 июня 1940 года, т.е. в разгар наступления германских войск на Париж:

События, нас постигающие мы переносим спокойно. В находящийся от нас в двух шагах лицей Мольера попала бомба; к счастью, в этом учебном заведении с начала войны прекращены занятия и жертв не было. Отклонение падения сверху на один миллиметр могло лишить меня удовольствия писать Вам. Мы не оставляем Париж, веря в то, что к этому нет оснований, а бомбы могут всюду упасть. Но если Париж будет в опасности, на что мы не рассчитываем, веря в то, что нас отстоят, мы под началом Гитлера не останемся и станем вновь беженцами. А пока жизнь идет своим чередом, каждый делает свой долг, чтобы поддержать течение жизни, и каждый должен так поступать, а не дезертировать «в страхе иудейском».

Большинство русских адвокатов пока не уезжает. Тесленко на днях уехал на юг и свалил на меня председательствование в Объединении. Приходится помогать находящимся в нужде коллегам из имеющихся пока сумм, так как пополнение их теперь немыслимо. Действует и будет действовать Очаг для евреев-беженцев, и мы кормим еще теперь по 250 человек в день. Средства у нас пока имеются. Эвакуировать наших старцев, живущих в Очаге, некуда и надо и о них заботиться. Т.И. Левина, которой теперь уже 76 лет, будет, вероятно, увезена сыном. Дело налажено и пойдет своим обычным ходом: голодные продолжают желать обедать каждый день и от этой привычки их не отучить.

Л.М. Зайцеву удалось вместе с его двоюродным братом, у которого он жил, выехать в день вступления немецких войск из Брюсселя. Он сначала попал в Тур, а на днях приехал в Париж, но должен отсюда уехать туда, куда ему, как бельгийскому беженцу, укажут. Все вещи оставил в Бельгии. Кадиш, Забежинский, Конгиссер<sup>528</sup> еще здесь<sup>529</sup>.

Надежды Гершуна не оправдались. Через восемь дней Париж был объявлен открытым городом. Для русских евреев, независимо от их профессиональной и даже конфессиональной принадлежности, начались испытания, по сравнению с которыми бледнели все предшествующие.

Говоря об истории русской «адвокатуры в изгнании» между двумя мировыми войнами, или, иначе, между революцией и войной, можно заключить: юристы проявили высокую способность к самоорганизации, профессиональной и человеческой солидарности. И, в традициях лучших представителей российской дореволюционной присяжной адвокатуры, способность и «вкус» к общественному служению, к защите интересов соотечественников, оказавшихся в положении изгнанников в чужом и не всегда доброжелательном мире.

---

<sup>527</sup> Фальковский Е.А. – Гольденвейзеру А.А., 26 ноября 1939 года: Gold-5.

<sup>528</sup> Кадиш Михаил Павлович, Забежинский Григорий Борисович, Конгиссер Яков Исаакович – члены Союза русской присяжной адвокатуры в Германии.

<sup>529</sup> Б.Л. Гершун – А.А. Гольденвейзеру, 6 июня 1940 года: Gold-6.

## Глава 5

# СОЦИАЛИСТЫ, СИОНИСТЫ, МОДЕРНИСТЫ... (РУССКО-ЕВРЕЙСКИЙ БЕРЛИН: КУЛЬТУРА И ПОЛИТИКА)

### «Русский Берлин» в период расцвета

Вначале 1920-х годов Берлин становится культурной столицей русской эмиграции: в городе действовали творческие объединения русских эмигрантов, театры, книжные магазины, туда приезжали русские писатели и художники, там выходило в свет огромное количество русских газет, журналов и книг. «Русскость» Берлина отмечают многие мемуаристы. С. Сегаль, один из авторов берлинского юмористического журнала «Веретеньш», иронизировал по поводу русского ландшафта западной части города:

Мы – старожилы – привыкли. А вот заезжему человеку чуть ли не странным кажется это обилие русских магазинов, кафе, ресторанов, кабаре и т.д. И в самом деле: пройдешься в области «Вестена» – и зарядит перед глазами от великого множества вывесок, витрин, плакатов, реклам: «Здесь говорят по-русски», книжный магазин «Родина», ресторан «Медведь», кафе «Москва», концерт такого-то... А в газетных киосках тоже бубнят о себе заголовки газет и журналов: «Дни», «Накануне», «Руль», «Сполохи», «Жар-птица»... Вот уж подлинно-мирное завоевание! А немцы – ничего, привыкли. И даже Шарлоттенбург шутливо переименовали в Шарлоттенград. Еще острят: будто через год эдак можно будет в промежутке от Шарлоттенбурга до Зоологического сада основать «Русскую эмигрантскую республику», а Курфюрстендамм переименовать в «Проспект Курфюрста». Что же, все возможно...<sup>530</sup>

Н.Д. Набоков, племянник В.Д. Набокова и двоюродный брат В.В. Набокова, «отдавал» русским центральную часть Берлина:

Были русские школы и церкви, русские библиотеки и кабаре... русские художественные галереи, продовольственные магазины... Центральная часть западного Берлина полностью покорила русскому нашествию. Каждый второй встречный говорил либо по-русски, либо по-немецки, но с грубым русским акцентом<sup>531</sup>.

«Культурный ландшафт» русского Берлина в изображении И.Г. Эренбурга выглядел следующим образом:

Не знаю, сколько русских было в те годы в Берлине; наверное, очень много – на каждом шагу можно было услышать русскую речь. Открылись десятки русских ресторанов – с балалайками, с зурной, с цыганами, с блинами, с шашлыками и, разумеется, с обязательным надрывом. Имелся театр миниатюр. Выходило три ежедневные газеты, пять еженедельных. За один год

---

<sup>530</sup> Цит. по: Русский Берлин / Ред. – сост. В.В. Сорокина. М.: Издательство Московского университета, 2003. С. 44.

<sup>531</sup> Nabokov N. BAGAZH: Memoirs of a Russian Cosmopolitan. N.Y., 1975. P. 119.

возникло семнадцать русских издательств; выпускали Фонвизина и Пильняка, поваренные книги, труды отцов церкви, технические справочники, мемуары, пасквили<sup>532</sup>.

Старожил русского Берлина И.В. Гессен вспоминал:

Беженцы составляли горсточку в четырехмиллионном Берлине и, казалось бы, должны в нем бы раствориться, а сумели они так намозолить немцам глаза, что однажды в «Ульке» – иллюстрированном приложении к «Берлинер Тагеблатт» – появилась карикатура под заголовком «Картина будущего», изображавшая «Курфюрстендаммский проспект» и «Тауэнцивскую улицу», пестрящие русскими вывесками и названиями и редкими надписями в окнах магазинов: здесь говорят по-немецки!<sup>533</sup>

Германию и прежде всего ее столицу рассматривала как важную зону влияния и советская власть: для нее это была территория, представляющая из себя «ворота» в западный мир и при этом открытая идеологическому и культурному влиянию<sup>534</sup>. Большевики экспортировали советскую культуру в Германию. Они поддерживали просоветские интеллектуальные течения в эмиграции, в первую очередь «Смену вех», просоветские публичные лекции, гастролы в Берлине советских театров, показ советских кинофильмов, выставки работ советских художников, издание книг и периодики<sup>535</sup>. Культурным центром становится советское дипломатическое представительство в Берлине. В Германию направляются советские дипломаты – Л.Б. Красин, А.А. Иоффе, – говорившие по-немецки, знакомые с Германией и немецкой культурой и служившие посредниками в диалоге между советской властью и немецким обществом<sup>536</sup>.

В Берлине проходят гастролы русских театров: МХАТа (в 1920/1921, 1922 годах – под управлением К.С. Станиславского, в 1930 году – под управлением В.И. Качалова), Московского государственного камерного театра под руководством А.Я. Таирова, Русского драматического и Русского романтического театров; организуются показы советских фильмов и выставки нового советского изобразительного искусства. Гастролы неизменно вызывали ажиотаж. И.В. Гессен вспоминал:

И кого только мы не перевидали – и труппу Александринского театра, и троекратные гастролы Художественного и его «студии» с Михаилом Чеховым во главе. На чужбине их спектакли производили не столько непосредственное впечатление, сколько вызывали – условным рефлексом – бурю реминисценций о тех мыслях и чувствах, которые пробуждали их представления в Петербурге и Москве, и теперь мучительно воскрешали безвозвратное прошлое, погружали в потонувший Китеж. А с каким жгучим нетерпением я отправился смотреть «новые достижения» Мейерхольда, Камерного театра, Габимы, оперетты Немировича-Данченко<sup>537</sup>.

<sup>532</sup> Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. М.: Советский писатель, 1990. Т. 1. С. 389.

<sup>533</sup> Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Paris: YMCA-press, 1979. С. 139.

<sup>534</sup> Die Russen in Berlin. 1910 – 1930. Berlin, 1995. S. 52.

<sup>535</sup> Williams R.C. Culture in Exile. Russian Émigrés in Germany, 1881 – 1941. Ithaca; London: Cornell University Press, 1972. P. 262 – 281; Schlögel K. Berlin: «Stiefmutter unter der russischen Städten» // Der große Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. von K. Schlögel. München: Beck. 1994. S. 235 – 259.

<sup>536</sup> По словам К. Шлөгеля, «то, что молодая советская дипломатия теряла из-за отсутствия рутинных навыков, солидности и надежности, она наверстывала за счет других достоинств. Именно в первые годы Советское правительство направило в Берлин выдающихся людей, которые очень быстро развеяли порою весьма странные представления о большевиках и завоевали уважение немецких политиков и интеллектуалов» (Шлөгель К. Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). М., 2004. С. 205).

<sup>537</sup> Гессен И.В. Годы изгнания. С. 86 – 87.

Новые театральные эксперименты, впрочем, вызвали у Гессена отвращение.

Некоторые из гастролеров в конечном счете предпочли жизнь в эмиграции возвращению в СССР. Среди них была труппа театра Габима (1926), в большинстве своем отправившаяся в конечном счете в Палестину, великий актер и теоретик актерского мастерства Михаил Чехов (1928).

Еще 30 ноября 1918 года Д.П. Штеренберг, заведовавший петроградским Отделом изобразительных искусств при Наркомпросе, направил «Воззвание русских прогрессивных деятелей изобразительного искусства к своим немецким коллегам», в котором предлагал сотрудничество и обмен опытом<sup>538</sup>. 25 марта 1919 года немецкий «Рабочий совет по искусству» ответил «Воззванием к революционным художникам России», в котором выразил надежду, что художественные выставки станут шагом к национальному взаимопониманию<sup>539</sup>. Идея начала реализовываться два года спустя, после окончания Гражданской войны в России. В начале 1921 году прошла первая русская выставка в послевоенном Берлине – выставка работ И.А. Пуни (30 января – 25 февраля 1921 года, галерея «Der Sturm» на Потсдамерштрассе), в рамках которой был прочитан доклад К. Уманского, советского корреспондента в Берлине, автора книги «Новое искусство в России 1914 – 1919» (1920, Потсдам; Мюнхен), «Новое искусство в Советской России». В мае 1922 года в той же галерее была организована выставка Л.М. Козинцевой-Эренбург, жены И.Г. Эренбурга.

Знаковым событием стала выставка 1922 года, закрепившая за собой название Первой русской художественной выставки, которая проходила с 22 октября по 31 декабря в Галерее Ван Димен на Унтер-ден-Линден. Выставка была предприятием советской внешней культурной политики. В ее открытии участвовали официальные лица: с советской стороны – Штеренберг, с немецкой – чиновник Эдвин Редслоб. В организации принял участие А.В. Луначарский. Немецкие инициаторы проведения выставки ясно понимали ее политическую направленность. Вилли Мюнценберг, немецкий коммунист и деятель Комитета помощи голодающему советскому населению (сбор средств для голодающих в России был изначально запланированной целью выставки, однако эта цель так и не была достигнута, поскольку вырученные в конце 1922 года марки быстро обесценились), писал В.И. Ленину в конце 1921 года:

Я хотел бы заметить Вам, что эмигрантскими кругами развита очень энергичная деятельность: созданы варьете и кабаре, русский театр на улице Кёнигтретцер, проводятся вечера русского искусства и русской песни, и что русские выставки в тех рамках, которые я наметил, – если они будут хорошо организованы, – смогут создать противовес<sup>540</sup>.

Организаторами выставки были Д. Штеренберг, Н. Габо, Н. Альтман (ему принадлежит ее главный рекламный плакат), Эль Лисицкий (автор обложки каталога; предисловие сочинено Штеренбергом, Редслобом и писателем А. Холичером). Всего в ней участвовали 157 художников (как советских, так и эмигрантов, среди них В. Кандинский, Д. Бурлюк, А. Экстер, А. Явленский, М. Шагал, Эль Лисицкий, Д. Штеренберг, Н. Габо, А. Певзнер), выставивших более 700 работ. Выставка имела большой успех (ее посетили около 15 тысяч человек, многие произведения были проданы), политическая пропаганда была немецким зрителем замечена и прочитана<sup>541</sup>.

Советское представительство, с одной стороны, и радикально антисоветски настроенные эмигрантские круги, с другой, – вот два полюса, между которыми протекала культурная жизнь русских эмигрантов в Берлине. Однако граница между двумя станами в начале 1920-х годов

<sup>538</sup> Mierau F. Russen in Berlin. Literatur. Malerei. Theater. Film. 1918 – 1933. 2. Aufl. Leipzig, 1990. S. 185 – 187.

<sup>539</sup> Erste russische Kunstausstellung // Die Russen in Berlin. 1910 – 1930. Berlin, 1995. S. 54.

<sup>540</sup> Ibid. S. 56.

<sup>541</sup> Ibid. S. 60.

еще не была непроницаемой. Более того, в культурных мероприятиях, в периодических изданиях обоих этих «полюсов» нередко принимали участие одни и те же люди. Это относительно мирное сосуществование эмиграции и большевистских представителей и «сочувствующих» им, интенсивный диалог между ними, а также между эмиграцией и метрополией справедливо отмечается в нескольких работах, посвященных истории культуры русской эмиграции, в качестве главной особенности жизни в Берлине<sup>542</sup>.

Спектр политических пристрастий эмигрантов был широк: монархисты, кадеты, эсеры, меньшевики, сменовеховцы... Широк был и спектр прессы: в начале 1920-х годов в Берлине выходили монархический еженедельник «Грядущая Россия» (редактор-издатель Е.А. Ефимовский), газета демократического толка без определенной партийной принадлежности «Голос России» (под редакцией С.Я. Шклявера, впоследствии – В.П. Крымова и С.Л. Полякова-Литовцева), в дальнейшем газета была выкуплена эсерами и получила название «Дни» (редактор – А.Ф. Керенский), ортодоксально-меньшевистский «Социалистический вестник», о котором подробнее пойдет речь ниже, журнал правых меньшевиков «Заря» (под редакцией С.О. Португейса), сменовеховская газета «Накануне», просоветский журнал «Новый мир». Близкий раннему сменовеховству кружок В.Б. Станкевича, исповедовавший идеологию «культурного примиренчества» как между метрополией и эмиграцией, так и между сторонами в Гражданской войне и обращавшийся к большевикам с требованиями соблюдать гражданские права и свободы, выпускал журналы «Мир и труд» и «Жизнь»<sup>543</sup>.

Наиболее популярной и долговечной оказалась кадетская газета «Руль», основанная И.В. Гессеном, В.Д. Набоковым и А.И. Каминкой в 1920 году с целью консолидировать представителей кадетской партии в эмиграции и ставшая вскоре основной газетой русского Берлина. «Руль» выходил изначально в немецком издательстве Улльштейна и в лучшие дни имел 20 тысяч подписчиков по всему миру, что обеспечивало редакции приток валюты. Позже, в 1923 году, когда значительное число русских эмигрантов покинуло Берлин, а приток валюты сократился, Улльштейн вышел из дела, и финансовое положение редакции стало зависеть целиком от подписчиков и спонсоров. В 1931 году газета была закрыта в состоянии банкротства, ей наследовала последняя нацистская русская газета «Наш век». Другим предприятием, основанным И.В. Гессеном, был «Архив русской революции», на страницах которого публиковались документы и воспоминания о событиях революции и Гражданской войны. Всего в 1921 – 1937 годах вышло в свет 22 тома этого бесценного для историка «русской смуты» издания.

Небывалый размах в Веймарской Германии получило русское книгопечатание<sup>544</sup>. В начале 1920-х годов (до стабилизации марки) издание (бумага и типографские работы) стоили дешево, рынок сбыта был велик: потенциальными читателями являлись как русские эмигранты, так и немцы, интересовавшиеся русской культурой. «В Берлине я не экзотика, не казак, который случайно знает грамоту и даже пишет романы, но современник. Это делали книги,

<sup>542</sup> Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921 – 1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-press, 1983. С. 2; Струве Г.П. Русская литература в изгнании. 3-е изд. Париж; М.: YMCA-press; Русский путь, 1996. С. 34 – 35; Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919 – 1939. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 99; Костиков В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М.: Международные отношения, 1994. С. 98 – 100; Русский Берлин. С. 5 – 10. Толстой А.В. Художники русской эмиграции. М.: Искусство-XXI век, 2005. С. 81, 128. Сосуществование было мирным, разумеется, только относительно. Так, Р.Б. Гуль приводит в своих воспоминаниях характерный эпизод: руководитель Союза русских писателей и журналистов В.Е. Татаринцов предлагал исключить из Союза всех тех, кто сотрудничал с просоветской газетой «Накануне» (Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология эмиграции. Т. 1. Россия в Германии. Нью-Йорк: Мост, 1984. С. 197).

<sup>543</sup> Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. С. 14 – 17; Гуль Р.Б. Я унес Россию. С. 134 – 136.

<sup>544</sup> Подробнее см.: Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918 – 1940 / Ред. А.Н. Николюкин. М.: ИНИОН, 2000. Т. 2. Ч. 1. С. 37 – 60; Русский Берлин. С. 120 – 159; Skandura C. Die Ursachen für die Blüte und für den Niedergang des russischen Verlagswesens in den 1920er Jahren // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994. Цфасман А.Б. «Русский Берлин» начала 1920-х годов: издательский бум // Вестник Челябинского университета. 2008. № 34. С. 102 – 107.

солидные книги в переплетах – они уничтожили границы», – писал И. Эренбург в 1927 году<sup>545</sup>. За всю историю межвоенного русского Берлина там действовали более 80 русских издательств. По количеству вышедших в свет книг Берлин опередил не только другие столицы эмиграции, но и метрополию: в 1918 – 1924 годах в Берлине было выпущено больше наименований русских книг, чем в Москве или Петрограде: от 2100 до 2200<sup>546</sup>.

Более того, русское книгоиздание превысило еще один рубеж, о чем сообщается в мемуарах Р. Гуля: «Однажды в Берлине близкий знакомый А.С. Кагана [главы издательств “Петрополис”, “Гранит”, “Обелиск” и “Парабола”] – Я.Г. Фрумкин... сказал, что один год в Германии русских книг вышло больше, чем немецких. Фрумкин работал в грандиозном немецком издательстве Улльштейн и мог быть в курсе. Но Каган не поверил ему, и они заключили пари. Пари выиграл Фрумкин, показав соответственный номер “*Börsenblatt der Deutschen Buchhandels*”. Думаю, об этом эмигрантском “рекорде” я сообщаю впервые»<sup>547</sup>. Было создано и отдельное агентство, занимавшееся исключительно продажей русских книг, – «Логос»<sup>548</sup>. Большинство издательств занимались выпуском художественной литературы. Кроме писателей-эмигрантов в них (до 1929 года, когда эта практика была запрещена) печатались и советские писатели: для них публикация за границей, помимо гонорара, означала и возможность зафиксировать свои авторские права.

Разумеется, в Берлине выходили литературные альманахи и журналы. В 1920 году вышел альманах «Россия и Инония», в 1921 – «Из русской лирики», в 1922-м – «Веретено», «Грани», «Антология сатиры и юмора», «Собачья доля: петербургский сборник рассказов», в 1923 году – «Из новых поэтов», «Медный всадник», «Струги», «Мост на ветру» и др.<sup>549</sup> Среди литературно-художественных журналов назовем «Сполохи», «Веретеныш»; литературные разделы находились в газетах различных направлений («Руль», «Дни», «Голос России», «Накануне» и др.). Высочайшим художественным и полиграфическим уровнем отличался журнал «Жар-птица» (в некотором роде эмигрантский аналог «Мира искусства» и «Золотого руна»). Его редактором-издателем был А.Э. Коган, художественным редактором историк искусства и художник Г.К. Лукомский, литературным отделом заведовал Саша Черный. Обложки журнала оформляли С. Чехонин, И. Билибин, Б. Кустодиев, Б. Григорьев, М. Ларионов, Н. Гончарова, Л. Бакст.

<sup>545</sup> Эренбург И.Г. Собр. соч.: В 9 т. М.: Худ. лит., 1966. Т. 7. С. 314.

<sup>546</sup> Schlögel K. Berlin: «Stiefmutter unter der russischen Städten». P. 244; Шлөгель К. Берлин, Восточный вокзал. С. 184. Williams R.C. Culture in Exile. P. 133.

<sup>547</sup> Гуль Р.Б. Я унес Россию. С. 121. Гуль приводит перечень наиболее заметных русских издательств в Берлине: «...издательство И.П. Ладыжникова, издательство З.И. Гржебина, “Петрополис”, “Слово” <...> “Мысль”, “Знание”, “Грани”, “Кооперативное издательство” (книги по русской кооперации), “Русское художественное издательство” (журнал “Жар-птица”), “Русское универсальное издательство”, “Литература”, “Теликон” (сборники стихов Цветаевой, Пастернака и других), “Манфред”, “Эпоха” (первое собрание сочинений А. Блока, толстый журнал “Беседа” и другие), “Возрождение”, “Русское творчество”, издательство А.Г. Сыркина, “Огоньки”, “Восток”, издательство Е. Гутнова, “Аргонавты”, издательство А.Ф. Девриена (книги по естествознанию и сельскому хозяйству), издательство Отто Кирхнера (Северянин, Бухов, Ершов и другие), “Детинец”, “Нева”, издательство С.Д. Зальцмана, “Книгоиздательство писателей” (М. Волошин “Стихи о терроре” и другие), “Век культуры”, “Заря”, “Сотрудник”, “Вальтер и Ракинт” (художественные книги), “Русское творчество”, “Политехническое издательство” (техническая литература), “Пироговское издательство” (медицинские книги)...» (Гуль Р.Б. Я унес Россию. С. 132 – 134). См. подробнее: Быстрова О.В. Берлинские издательства // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918 – 1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 22 – 32.

<sup>548</sup> Сопредседателем общества был И.В. Гессен. В своих мемуарах он описывает возникновение «Логоса»: «Ввиду все увеличивавшегося количества издательств и в расчете на то, что каждому в отдельности накладно было бы содержать собственный торговый аппарат для сбыта продукции, “Слово” опять-таки совместно с Улльштейном и некоторыми старыми и новыми пайщиками, основало новое, на этот раз акционерное общество, в пару “Слову”, названное “Логосом”, которое занималось только продажей книг. Я был избран председателем наблюдательного совета, а коллега Росс – директором вместе с привлеченным другим моим Я.Г. Фрумкиным, еще до меня переселившимся из Норвегии в Берлин» (Гессен И.В. Годы изгнания. С. 108 – 109).

<sup>549</sup> Подробнее см.: Литературная энциклопедия русского зарубежья. Т. 2. С. 9 – 13.

Любопытным опытом совмещения эмигрантской и советской литературы был журнал «Беседа» (1923 – 1925), задуманный и выпускавшийся М. Горьким (в редактировании журнала, помимо Горького, принимали участие Б.Ф. Адлер, А. Белый, Ф.А. Браун и В.Ф. Ходасевич). Редакторы журнала декларировали его аполитичность. Предполагалось, что в «Беседе» и советские, и эмигрантские писатели смогут публиковать свои материалы, журнал будет печататься в Берлине и отправляться в СССР. Журнальные рубрики были разнообразны (в журнале печатались и художественная литература, и научно-популярные статьи, и рецензии, в том числе на научные издания). Идейного единства у авторов журнала не было: к примеру, Андрей Белый развивал шпенглеровскую идею заката Запада и западной культуры, а один из «серапионовых братьев» Лев Лунц, живший в Гамбурге, – идею ученичества у современной европейской литературы<sup>550</sup>. Просуществовав около полутора лет, журнал закрылся из-за финансовых проблем и невозможности его распространения в СССР: советская цензура по-своему оценила степень аполитичности «Беседы» и запретила ее ввоз в страну<sup>551</sup>.

Журналом, в котором печатались материалы прежде всего библиографического и критического характера, была «Русская книга» (издавалась с 1921 по 1923 год, с 1922 года носила название «Новая русская книга»). Редакция журнала, которую возглавлял бывший российский профессор права, член кружка Станкевича А.С. Яценко (приехавший в Берлин с советским паспортом), рассчитывала на примирение эмиграции и метрополии, на формирование единой культуры. Пока ожидаемого примирения не произошло, журнал считал нужным придерживаться принципа *au-dessus de la mêlée* – быть над схваткой, не принимать ни одной из сторон в противостоянии: «Русская книга» в равной мере освещала события как эмигрантской, так и советской литературной жизни, позиционируя их развитие как единый литературный процесс.

Эренбург остроумно назвал журнал клочком «ничьей земли», где встречались советские писатели с эмигрантскими<sup>552</sup>. Главная задача журнала заключалась в том, чтобы информировать эмигрантов о происходящем в литературе в Советской России, а советскую сторону – о новостях литературы в эмиграции. В «Русской книге» печатались рецензии на новые книги, библиографические списки, литературная хроника, статьи об отдельных писателях, статьи самих писателей о себе и своей работе. Среди постоянных авторов «Русской книги» – И.Г. Эренбург, Ю.И. Айхенвальд, В.Ф. Ходасевич, там печатались Б. Пильняк, А.М. Ремизов, А. Белый, Р. Гуль, Ю. Офросимов (Г. Росимов), А. Бахрах<sup>553</sup>.

Впрочем, география публикаций авторов (писателей, ученых, общественных деятелей, журналистов), живших в Берлине, достаточно обширна: они охотно публиковались в европейских и американских газетах, где гонорар платили в более твердой валюте, нежели немецкая марка<sup>554</sup>.

<sup>550</sup> Williams R.C. Culture in Exile. P. 280, *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. С. 38.

<sup>551</sup> Подробнее о «Беседе» см.: *Вайнберг И.* Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С.Г. Каплун, поэт В. Ходасевич и др. // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4; *Вайнберг И.И.* «Беседа» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918 – 1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 32 – 42; *Примочкина Н.Н.* Итальянские темы в публикациях журнала «Беседа» // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции. М.: Русский путь, 2006. С. 251 – 259; *Scherr B.P.* A Curtailed Colloquy: Gorky, Khodasevich and *Beseda* // Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea / A. Dolinin, L. Fleishman, L. Litvak, eds. Stanford Slavic Studies. 2008. Vol. 35 – 36. Part 2. P. 129 – 146.

<sup>552</sup> *Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. М.: Советский писатель, 1990. Т. 1. С. 392.

<sup>553</sup> См. подробнее: *Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин; см. также: *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. С. 39, *Williams R.C.* Culture in Exile. P. 277 – 278.

<sup>554</sup> Один из таких случаев вспоминал С.М. Дубнов: «...я стал часто встречаться с нашим экономистом Яковом Лещинским, который тоже поселился в Берлине, в качестве постоянного сотрудника нью-йоркского еврейского «Форвертса». Он ко мне явился с предложением от редактора этой газеты, Кагана, написать несколько статей для литературного отдела. Не имея охоты работать в ежедневной прессе, я, однако, на сей раз принял предложение и записал этот «грех» в дневнике (31 января 1923): «Впервые в жизни соблазнился гонораром: минимум 25 долларов за статейку, что при теперешнем курсе составило миллион германских марок. Это меня, может быть, спасет от квартирного террора: куплю часть виллы или буду платить миллионную контрибуцию квартирным хозяйкам, чтобы унять их ярость, и тогда моя большая научная работа пойдет спокойно,

Первым объединением русских писателей, критиков и художников в Берлине стал Союз русских журналистов и литераторов в Германии, созданный в сентябре 1921 года И.В. Гессеном (его бюро находилось в редакции газеты «Руль», так же как и бюро американского Фонда помощи русским литераторам и ученым, председателем которого был также Гессен)<sup>555</sup>. Через два месяца был основан берлинский Дом искусств (1921 – 1924) – эмигрантское воспроизведение Дома искусств в Петрограде, завоевавшее большую известность и популярность, нежели гессеновский Союз. Дом искусств не имел своего помещения, его заседания происходили в кафе (сначала – «Ландграф», затем – «Леон»)<sup>556</sup>. На заседаниях читались новые произведения, доклады, проводились дискуссии о литературе и искусстве: выступали В.В. Маяковский, А.Н. Толстой, Б.А. Пильняк, А. Белый, И.Г. Эренбург, Б.Л. Пастернак, М.И. Цветаева, С.А. Есенин, В.Ф. Ходасевич, В.Б. Шкловский, А.М. Ремизов, Н.И. Альтман, И.А. Пуни, К.Л. Богуславская, Д.П. Штеренберг, Эль Лисицкий, А.С. Яценко, Л. Шестов и другие<sup>557</sup>.

Приведенный перечень подтверждает, что Эренбург не без оснований сравнил Дом искусств с Ноевым ковчегом, «где мирно встречались чистые и нечистые». Он вспоминал эпизод, когда Е.Н. Чириков, пришедший на вечер имажинистов, по обыкновению буянивших, сел рядом с Маяковским и спокойно слушал. «Теперь мне самому все это кажется неправдоподобным, – писал Эренбург через много лет. – Года два или три спустя поэт Ходасевич (я уже не говорю о Чирикове) никогда не пришел бы в помещение, где находился Маяковский. Видимо, не все кости еще были брошены»<sup>558</sup>.

В 1921 – 1922 годах вышли два номера «Бюллетеня Дома искусств в Берлине»; в первом были опубликованы приветствия, которыми обменялись берлинский и петроградский Дома искусств. В ноябре 1922 года в Доме произошел раскол, поводом к которому послужила публикация в «Накануне» 29 октября памфлета И. Василевского (Не-Буквы) «Тартарен из Таган-рога», в котором содержались оскорбительные выпады против Эренбурга. Часть членов Дома искусств вышла из его состава и вместе с несколькими литераторами, только что приехавшими из России, основали Клуб писателей (1922 – 1924). В правление Клуба входили М.А. Осоргин, Б.К. Зайцев, Н.А. Бердяев, секретарем был А.В. Бахрах, в заседаниях принимали участие А. Белый, Б.Л. Пастернак, Ф.А. Степун, М.О. Гершензон, С.Л. Франк, Ю.И. Айхенвальд, М.А. Алданов, И.Г. Эренбург, В.Ф. Ходасевич, В.Б. Шкловский, В.В. Набоков-Сирин, А.Я. Таиров, М.М. Шкапская, С.С. Юшкевич, Е.Г. Лундберг, В.И. Лурье и другие<sup>559</sup>.

Существовали и другие литературные группы: «Веретено» (А.М. Дроздов, В.В. Набоков-Сирин, В.Е. Татаринов, Г.П. Струве, И.С. Лукаш, В.А. Амфитеатров, И.А. Бунин и др.), «Братство круглого стола» (В.В. Набоков-Сирин, В.Е. Татаринов, Г.П. Струве, И.С. Лукаш, В.А. Амфитеатров и др.), «4+1» (четыре поэта и один прозаик: Г.Д. Венус, А.С. Присманова, С.П. Либерман, В.Б. Сосинский и В.Л. Андреев), «Кружок поэтов» (М.Г. Горлин, Р.Н. Блох, С.Ю. Прегель, Ю. Джамунов, В. Франк, В.Л. Корвин-Пиотровский, В.В. Набоков-Сирин, Н.Н. Белоцветов, Е. Рабинович и др.). Местами литературных встреч часто были кафе: самым зна-

---

поскольку это возможно на вулкане...» (Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. М.; Иерусалим, 2004. С. 533).

<sup>555</sup> Шлэгель К. Берлин, Восточный вокзал. С. 146; ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 5.

<sup>556</sup> Культура литературных кафе, в которых проходили собрания творческих и общественных организаций, была чрезвычайно распространена как в русскоязычном, так и в идише- и ивритоязычном Берлине. О русскоязычных мероприятиях в кафе упоминает И.В. Гессен: «Бывало так, что на Ноллендорф-плац, обрамленной многочисленными кафе, в четырех-пяти из них происходили в один и тот же вечер разные беженские собрания и заседания» (Гессен И.В. Годы изгнания. С. 84).

<sup>557</sup> См. краткий обзор деятельности Дома в: Померанцева Е.С. Дом искусств // Литературная энциклопедия русского зарубежья. Т. 2. С. 123 – 128.

<sup>558</sup> Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Т. 1. С. 391.

<sup>559</sup> См.: Струве Г.П. Русская литература в изгнании. С. 33; Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин. С. 46 – 47; Русский Берлин. С. 74 – 97, Бахрах А.В. По памяти, по записям. Paris, 1980.

менитым из них, кроме упомянутых «Леона» на Ноллендорфплац и «Ландграфа» на Курфюрстендамм, было кафе «Прагер диле» на Прагерплац.

Объединялись в группы и люди театра: в 1920 году был основан Союз русских сценических деятелей. В Берлине постоянно действовали театры «Русский романтический балет» (под руководством Б.Г. Романова), Общество русского театра, театр «Синяя птица», в котором выступал с куплетами В.Я. Хенкин (руководитель Яков Южный), «Ванька-встанька» (руководитель Н.Я. Агнивцев), кабаре «Карусель» (руководитель Б.Е. Евелинов), «Маски», «Шалаш», кабаре «Жар-птица», «Уголок поэтов, артистов и художников» и «Белый медведь», кабаре «Голубой сарафан» и другие<sup>560</sup>.

Научная жизнь русского Берлина была представлена несколькими академическими объединениями (самым известным являлась Русская академическая группа, созданная в 1920 году А.И. Каминкой), кружками и лекториями, а также двумя высшими учебными заведениями – Русским научным институтом и Религиозно-философской академией. Академия была создана в конце 1922 года Н.А. Бердяевым. Она продолжала деятельность петербургской «Вольфила» (которая изначально задумывалась как академия). Кроме Бердяева в Академии преподавали Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, И.А. Ильин, Ф.А. Степун, Б.П. Вышеславцев и другие. В 1924 году деятельность Академии переместилась в Париж.

Более долговечным оказалось другое высшее учебное заведение – Русский научный институт (РНИ), который был открыт в феврале 1923 года и просуществовал как университет для русских студентов до 1933 года. После прихода нацистов к власти институт был «ариизирован», переименован, получил другой статус и другие функции, но был закрыт лишь в 1943 году<sup>561</sup>. Студенты могли подать заявление на одно из трех отделений: правовое, экономическое и отделение духовной культуры. Ректором института был В.И. Ясинский, отделением духовной культуры руководил Н.А. Бердяев, правовым отделением – И.А. Ильин, экономическим – С.Н. Прокопович. Среди преподавателей (в основном ученых, высланных из Советской России) были С.Л. Франк, Л.П. Карсавин, А.А. Кизеветтер, барон М.А. Таубе, Ю.И. Айхенвальд, П.Б. Струве, Б.Д. Бруцкус, А.М. Кулишер, а также немецкий историк (специалист по Восточной Европе) Отто Хётч и уполномоченный Лиги Наций по правам человека Мориц Шлезингер.

По замыслу его основателей, Институт должен был воссоздать традиции русского высшего образования и распространять среди эмигрантов знания о России. О студентах, поступивших в европейские университеты, организаторы института писали: они «получают прекрасную научную и общую подготовку, но они будут чужды русской науке, русской традиции, они не будут иметь специальных знаний о русской действительности, не будут знать и понимать подлинную Россию»<sup>562</sup>. Слушателям института «должны быть даны специальные сведения о России, ее духовной культуре и основных направлениях ее общественной мысли. Поставлены и освещены проблемы русского права и государства с учетом опыта последних лет и, наконец, изучены важнейшие отрасли народнохозяйственной жизни до- и революционной России и сделаны неизбежные, беспристрастные выводы о современном положении России, ее духовной и материальной культуре»<sup>563</sup>.

В фокусе учебных программ была Россия, ее прошлое и настоящее. В отчете о деятельности института в 1924/1925 годах говорилось: «Экономическое прошлое России представлялось необходимейшей и важнейшей частью курсов экономического отделения... первый семестр работы экономического отделения если не дал всего того, что хотелось бы дать слушателям,

<sup>560</sup> Подробнее см.: Русский Берлин. С. 98 – 119.

<sup>561</sup> Подробнее см.: *Mchitarjan I.* Das «russische Schulwesen» im europäischen Exil: zum bildungspolitischen Umgang mit den pädagogischen Initiativen der russischen Emigranten in Deutschland, der Tschechoslowakei und Polen (1918 – 1939). Julius Klinkhardt, 2006. S. 99 – 122.

<sup>562</sup> Цит. по: Русский Берлин. С. 285.

<sup>563</sup> Там же. С. 288.

то все же дал необходимейшее и во всяком случае возбудил жажду познания народного хозяйства России»<sup>564</sup>. Иными словами, Русский научный институт был обращен к прошлому, что роднит его с организациями эмигрантской взаимопомощи – не случайно многие из его преподавателей были также деятелями этих организаций. Поддерживался и принцип персональной преемственности: как и в Земгоре и Союзе русской присяжной адвокатуры, в члены которых принимались те, кто мог доказать свое членство в дореволюционном Земгоре или свою принадлежность к сословию присяжных поверенных, профессорами РНИ могли быть «академики, профессора и доценты существовавших до 1918 г. вузов в России». Первое требование, предъявлявшееся к студентам РНИ, – также преемственность по отношению к дореволюционной университетской системе: «...в число студентов РНИ могут быть зачислены... бывшие студенты всех российских вузов, принятые в число студентов не позднее 1918 года...»<sup>565</sup>

Расцвет русскоязычной культуры Берлина приходится на начало 1920-х годов. После массовой реэмиграции 1923 – 1924 годов культурная жизнь русской колонии обеднела, число выставок и концертов резко сократилось. В конце 1923 и в 1924 году из-за стабилизации марки, удорожания типографских услуг и отъезда потенциальных читателей терпят убытки и закрываются многие русские издательства. «Для них мало благоприятны были и все прочие условия – бедность основного и оборотного капитала, неустойчивость покупательских книжных фирм, трудности взыскания причитающихся платежей, изменчивость беженских духовных интересов в сторону постепенного понижения уровня, материальное обеднение эмиграции и т.п. И с той волшебной скоропалительностью, с какой они возникали, они, как потешные ракеты, стали лопаться и, подобно бумажным деньгам гражданской войны, сотни тысяч книг возвращались в котлы писчебумажных фабрик для переработки», – со знанием дела писал И.В. Гессен<sup>566</sup>.

Не следует, однако, думать, что культурная жизнь русской колонии в Берлине после 1923 года шла только на спад. Отдельные «всплески» наблюдались и позднее: в 1932 году открылся «Русский дом», концертно-театральные клубы «На чердаке», «Во дворе, во флигеле», но размах 1922 – 1923 годов остался в прошлом.

Приведенный выше краткий (и весьма выборочный) обзор литературной, художественной и интеллектуальной жизни русского Берлина, разумеется, ни в коей мере не является исчерпывающим. Надеемся, однако, что он дает определенное представление о той среде, в которой существовала и развивалась русско-еврейская культура в изгнании.

## Евреи в культуре русского Берлина

Говоря о русско-еврейской культуре в межвоенном Берлине, следует иметь в виду, что она как бы подразделялась на две части, два «сегмента»: один – это евреи в русской культуре (собственно, в этом случае этнические евреи были деятелями русской культуры и ничего специфически еврейского в их работах, как правило, не было), второй – это особая еврейская культура (русско-, идише- и ивритоязычная) в веймарском Берлине. Следует также иметь в виду, что непреодолимой стены между этими «сегментами» не было.

Евреи по происхождению составляли значительную часть «культурной колонии» русского Берлина (мы не разделяем уже «определившихся» эмигрантов и людей с советскими паспортами: некоторые из них отправились впоследствии на восток, другие – на запад). Среди литераторов назовем Б.Л. Пастернака, И.Г. Эренбурга, В.Б. Шкловского, М.А. Алданова, Сашу

<sup>564</sup> Там же. С. 292 – 293.

<sup>565</sup> Устав РНИ // Там же. С. 301 – 302.

<sup>566</sup> Гессен И.В. Годы изгнания. С. 112. Наметился кризис русского книгопечатания в Берлине еще в 1922 году. Обусловливался он двумя причинами: падением спроса на русские книги, на которое издательства не смогли оперативно отреагировать, снизив тиражи, и сокращением, а впоследствии и запретом ввоза книг в Россию (Литературная энциклопедия русского зарубежья. Т. 2. Ч. 1. С. 29 – 31, 54 – 56).

Черного, М.О. Цетлина, Л.Н. Лунца, Н.М. Минского, Ю.И. Айхенвальда, среди художников – Л.О. Пастернака, а также многих участников Первой русской художественной выставки: Д.П. Штеренберга, Н. Габо, А. Певзнера, М.З. Шагала, Эль Лисицкого; среди ученых – А.И. Каминку, Б.Д. Бруцкуса. В ученый совет Русского научного института входили Ю.И. Айхенвальд, Б.Д. Бруцкус, С.И. Гессен, А.И. Каминка, А.М. Кулишер, Л.М. Пумпянский, А.А. Эйхенвальд. Среди слушателей (581 человек) института в 1924/1925 учебном году 276 были иудеями по вероисповеданию (православных было 240 человек, лютеран – 44, представителей армянской церкви – 9, католиков – 5)<sup>567</sup>.

Русские евреи, в силу хорошего владения многими из них немецким языком и старых связей, установившихся или в годы учебы в германских университетах, или «по линии» еврейских организаций, оказывались в Берлине посредниками в русско-немецком культурном диалоге. Среди них были И.В. Гессен, А. Штейн, А. Элиасберг (редактор и переводчик), И.С. Гурвич, писавший на русские темы в германские еврейские газеты, А.И. Каминка и Ю.И. Айхенвальд. Русская музыка на берлинских сценах была в значительной степени представлена исполнителями-евреями: скрипачами Яшей Хейфецом и Натаном Мильштейном, пианистом Владимиром Горовицем, виолончелистом Григорием Пятигорским<sup>568</sup>. Этот список можно продолжить. Хроника жизни русского Берлина показывает, что среди членов русских культурных обществ, среди выступавших на различных русских культурных мероприятиях было значительное количество евреев. Интересно и другое соотношение: евреи – эмигранты из Восточной Европы «составляли непропорционально большую часть независимых еврейских журналистов и деятелей искусства в Германии вплоть до прихода к власти нацистов. Согласно переписи 1925 года, «иностранцами» в Пруссии были более трети всех еврейских писателей и музыкантов и 20 – 25 % всех еврейских издателей и художников»<sup>569</sup>.

Многие русские евреи в начале XX века были глубоко укоренены в российской культуре и политике и в эмиграции не отделяли своего будущего от будущего России, а своих интересов – от интересов русской эмиграции. Анонсы некоторых мероприятий русского Берлина начала 1920-х годов отчетливо демонстрируют смешение «эллинов и иудеев»: в марте 1921 года прошло первое заседание берлинского «Русского клуба» под председательством И.В. Гессена, в бюро клуба были выбраны В.Д. Набоков, Н.И. Радин, М.Г. Эйтингон, В.В. Клопотовский, М.П. Кадиш, Г.Н. Брейтман, В.С. Оречкин, О.И. Рунич, Я.З. Чесно<sup>570</sup>, в конце 1922 года открылась серия вечеров «Постоянные русские воскресенья», ведущими которой были М. Левин и Ю. Померанцев<sup>571</sup>, в феврале 1923 года публицист и еврейский общественный деятель И.М. Бикерман выступал в «Русском национальном союзе» с докладом «О сплочении русской эмиграции»<sup>572</sup>.

Евреи составляли заметную долю членов Союза русских журналистов и литераторов, Союза русских издателей и книгопродавцев, Союза русских музыкальных деятелей, Общества друзей русского искусства, Русского научного института, Общества ревнителей русской книги. Многие издательства, выпускавшие русские книги, принадлежали евреям. Самые крупные и известные из них – «Слово», возглавляемое И.В. Гессеном и А.И. Каминкой, издательство З.И. Гржебина (некоторое время дружившего, а затем рассорившегося с М. Горьким). Гржебин добился, чтобы в берлинском филиале его издательства размещались советские заказы на

<sup>567</sup> Русский Берлин. С. 295.

<sup>568</sup> Williams R.C. Culture in Exile. P. 181, 320.

<sup>569</sup> Barkai A., Mendes-Flohr P. German-Jewish History in Modern Times. Vol. 4. Renewal and Destruction. 1918 – 1945. New York: Columbia, 1998. P. 64 – 65.

<sup>570</sup> Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918 – 1941 / Hrsg. K. Schlögel, K. Kucher, B. Suchy u. G. Thum. Berlin: Akademie-Verlag, 1999. S. 49

<sup>571</sup> Ibid. S. 132.

<sup>572</sup> Ibid. S. 164.

издание книг, предназначенных для ввоза в Россию. Это было дешевле, чем издание книг в Советской России. Однако ведение бизнеса с советской властью оказалось делом крайне ненадежным и привело к разорению издателя<sup>573</sup>. К числу наиболее известных и долговечных издательств относился «Петрополис», основанный в 1920 году в Петрограде Л.П. Карсавиным, Я.Н. Блохом, Д.К. Петровым, А.С. Каганом, Г.Л. Лозинским и А.М. Розенером. В 1922 году «Петрополис» открыл отделение в Берлине (заведующий А.С. Каган), в 1924 году ставшее самостоятельным. «Петрополис» выпускал как классическую русскую литературу, так и книги писателей-эмигрантов и авторов, живших на советской территории (в частности, именно в «Петрополисе» впервые вышел сборник стихов Мандельштама «Tristia»<sup>574</sup>).

Кроме перечисленных в Берлине действовали издательства «Геликон» А.Г. Вишняка, «Алконост» С.М. Алянского, «Гранит», «Обелиск», «Парабола» А.С. Кагана, «Русская книга» А.З. Кагана, Е.З. Кагана и М.А. Цитрона, «Творчество» С.А. Абрамова, «Возрождение», руководителем берлинского филиала которого был З.М. Зильберберг, «Мысль» Г.А. Гольдберга и С.Л. Кучерова, «Огоньки» Д.Н. Левина, А.Г. Левенсона, И.В. Постмана и К.С. Лейтеса, «Скифы» Е.Г. Лундберга, А. Шредера, И. Штейнберга, «Русское искусство» А.Э. Когана, издательство «Эпоха», берлинский филиал которого возглавлял С.Г. Каплун-Сумский («Эпоха» выпускала, в частности, журнал «Беседа»), «Грани» А. Цацкиса, издательство С.А. Ефрона и другие<sup>575</sup>.

Книгопечатание в русском Берлине стало восприниматься как еврейское дело, подтверждением чему служит исторический анекдот, отраженный в мемуарной статье И. Левитана, сотрудника издательства И.П. Ладыжникова: «В памяти... жив тот день в начале двадцатых годов, когда берлинское издательство И.П. Ладыжникова получило от одного из своих покупателей письмо примерно следующего содержания: “Многоуважаемый господин Ладыжников, прилагаю чек на... марок и прошу выслать только что выпущенные в свет тома Гоголя, Тургенева и Достоевского. Пользуюсь случаем выразить мою бесконечную радость по поводу того, что существует Ваше русское дело, которое свободно от еврейского засилья и трудится на ниве русской культуры, издания русских классиков и достойных сочинений русских писателей” и т. д... Я ответил автору этого письма, что Иван Павлович Ладыжников, бывший одним из основателей фирмы в начале века, еще до войны вышел из издательства, и что оно с тех пор принадлежало Борису Николаевичу Рубинштейну (погибшему впоследствии в газовых камерах нацистов) и, увы, руководящую роль играют... евреи»<sup>576</sup>.

Многие периодические издания редактировались евреями: «Жар-птица», «лучшее русское зарубежное художественное издание»<sup>577</sup>, – А.Э. Коганом; «Вещь», конструктивистский журнал по искусству<sup>578</sup>, – И.Г. Эренбург и Эль Лисицким; «Грани» – Сашей Черным; «Социалистический вестник» – Ю.О. Мартовым совместно с Ф.И. Даном; «Музыка» – А.Р. Гурвичем. Двое из редакторов «Руля» (И.В. Гессен и А.И. Каминка) были евреями, и поэтому «Рюль» получил репутацию (не слишком заслуженное) еврейской газеты<sup>579</sup>.

<sup>573</sup> Williams R.C. Culture in Exile. P. 276.

<sup>574</sup> Литературная энциклопедия русского зарубежья. Т. 2. Ч. 1. С. 53.

<sup>575</sup> Юниверг Л. Евреи-издатели и книготорговцы русского Зарубежья // Евреи в культуре русского зарубежья / Ред. М. Пархомовский и Л. Юниверг. Иерусалим, 1992. Т. 1. С. 129 – 141; Толстой А.В. Русская художественная эмиграция в Европе: XX век: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствovedения. М., 2002.

<sup>576</sup> Левитан И.Д. Русские издательства в 1920-х гг. в Берлине // Книга о русском еврействе. 1917 – 1967. Нью-Йорк, 1968. С. 458.

<sup>577</sup> Толстой А.В. Русская художественная эмиграция в Европе. С. 90.

<sup>578</sup> Подробнее о «Вещи» см.: Молок Ю. Вещь как вещь или полемика на языке графики // Пинакотека. 1999. № 10-11 (3-4). С. 146 – 153; Он же. Берлинский журнал «Вещь» и его русские критики // Русский авангард 1910 – 1920-х годов в европейском контексте. М., 2000. С. 299 – 307; Духан И. Эль Лисицкий и русско-еврейско-немецкий авангард // Русско-еврейская культура / Ред. О.В. Будницкий. М., 2006. С. 461 – 464.

<sup>579</sup> Шлёгел К. Берлин, Восточный вокзал. С. 160.

### «Социалистический вестник»

Две политические группы среди русских эмигрантов – меньшевики и левые эсеры – состояли в основном из этнических евреев. Р.Б. Гуль описывает появление в Берлине в 1921 году меньшевиков: «Одни были высланы, другие – выпущены Лениным подобру-поздорову. До высылки кое-кто из них посидел в Бутырках. Приехали: Ю. Мартов (Цедербаум), Р. Абрамович (Рейн), Ф. Дан (Гурвич), Д. Далин (Левин), Б. Двинов (Гуревич), Г. Аронсон, М. Кефали (Камермахер – милейший человек), Б. Сапир, С. Шварц (Моносзон), А. Дюбуа, Б. Николаевский и другие. Меньшевики создали заграничную делегацию партии с.д. (меньшевиков). Очень скоро стали издавать в Берлине журнал “Социалистический вестник”, просуществовавший за рубежом больше пятидесяти лет (в Берлине, Париже, Нью-Йорке), пока не умер последний меньшевик. Основать меньшевикам журнал в Германии было легко: они интернационалисты – и помогла братская германская социал-демократическая партия, которая (кстати сказать) тогда правила страной»<sup>580</sup>.

Вопреки мнению Гуля и многих других эмигрантов, «немецкие товарищи» не взяли журнал на содержание. Однако помогли одному из лидеров меньшевиков и руководителей «Социалистического вестника» Р.А. Абрамовичу взять в долг бумагу на издание журнала. «Социалистический вестник» имел, вероятно, наиболее тесные связи с родиной по сравнению с другими эмигрантскими изданиями, и многие материалы, печатавшиеся на его страницах, были получены из России.

«Социалистический вестник» был самым партийным и одним из самых левых берлинских периодических изданий. Центральный орган Российской социал-демократической рабочей партии, основанный некогда близким соратником и как будто другом В.И. Ленина Ю.О. Мартовым, он пережил все берлинские издания и три эмиграции, издававшихся последовательно в Берлине, Париже и Нью-Йорке с 1921 по 1965 год. Всего вышло 784 номера журнала<sup>581</sup>. Редакция журнала, так же как авторский состав, принадлежали в основном к Моисееву племени. Однако это не означало, что журнал был «еврейским». Он был социалистическим, точнее, социал-демократическим.

Публикации на еврейскую тему довольно часто появлялись на его страницах. Да и вряд ли могло быть иначе – меньшевики были тесно связаны с Бундом, временами они входили в единую партию. Лидер меньшевиков, основатель и редактор «Социалистического вестника» Юлий Осипович Цедербаум (Мартов) был одним из зачинателей еврейского рабочего движения. Он был внуком видного еврейского издателя Александра Цедербаума. Революционную карьеру избрали и другие внуки издателя – видными социал-демократами стали братья Мартова, вошедшие в историю российского революционного движения под псевдонимами Сергей Ежов и Владимир Левицкий, а также внучка Лидия Цедербаум-Канцель, по второму мужу – Дан. Ее муж, Ф.И. Дан (Гурвич), также был одним из лидеров меньшевиков. После смерти Мартова в 1923 году он стал редактором «Социалистического вестника».

Мартов стоял в свое время у истоков еврейского рабочего движения, зародившегося в России в середине 1890-х годов. В одной из некрологических статей, напечатанных в специальном номере «Социалистического вестника», посвященном памяти Мартова, рассматривался вопрос о его взаимоотношениях с «еврейским пролетариатом». Автор И. Юдин указы-

<sup>580</sup> Гуль Р. Я унес Россию. С. 91. См. также: Шлёгелъ К. Берлин, Восточный вокзал. С. 156.

<sup>581</sup> Роспись содержания журнала см. в кн.: Указатели журнала «Социалистический вестник». 1921 – 1963 / Ред. А. Lande; предисл. А. Liebich. Париж: Inst. d'études slaves, 1992. Подробнее о «Социалистическом вестнике», в т.ч. о еврейской проблематике на его страницах, см.: Хейфец М.Р. «Социалистический вестник» и «социалистическая страна» // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1992. Вып. 1. С. 203 – 218; Елфимов Е. А. Меншевицкий журнал «Социалистический вестник» в первые годы эмигрантского существования // Культура российского зарубежья. М., 1995. С. 189 – 196.

вал на «трогательную любовь» еврейских рабочих «к своему политическому вождю, к своему Бебелю». Мартов, по его словам, «прямой питомец» еврейских рабочих, «в среде их массового движения он прошел первую практическую и теоретическую школу революционной классово-вой борьбы пролетариата... Но и еврейский пролетариат не в меньшей степени обязан ему в деле своего развития и роста». И хотя в дальнейшем Мартов отошел от непосредственного участия в борьбе еврейского пролетариата и «его влияние и руководство шло через Российскую социал-демократию», однако же с его смертью «еврейский пролетариат не только лишился своего идейного и политического вождя, но и потерял в нем своего любимейшего и ценнейшего сверстника, с которым рос и провел свои юношеские годы»<sup>582</sup>.

Впоследствии Мартов стал одним из редакторов «Искры», и его перу принадлежит наибольшее число текстов, опубликованных на страницах газеты. Ну а затем, когда его бывший друг стал главой правящей партии, назвавшей себя коммунистической, дабы отличаться от прежних соратников, Мартов был вынужден эмигрировать из страны. Угроза тюрьмы царской сменилась угрозой тюрьмы большевистской.

Разоблачению преследований большевиками противников их политики посвящено немало места на страницах журнала. Сведения об арестах, высылках, условиях содержания политических заключенных в тюрьмах и лагерях постоянно печатались в «Социалистическом вестнике». В 1921 – 1930 годах в журнале была опубликована информация о ста семнадцати местах заключения и ссылок в СССР<sup>583</sup>. В правых кругах эмиграции было распространено мнение о том, что все социалисты одним миром мазаны, что разница между ними лишь в оттенках. Напомню остроумное и злое высказывание П.Б. Струве: «меньшевики – это те же большевики, только в полбутылках». На самом деле разница, конечно, была – и весьма существенная. Как показало дальнейшее развитие событий, меньшевики оказались в числе самых упорных противников советской (точнее – большевистской) власти. Оставим, однако, весьма занимательный вопрос об эволюции отношения различных эмигрантских групп к советской власти для будущих исследований и вернемся в Берлин начала 1920-х годов.

В 1922 году в Берлине была опубликована (якобы на средства автора) брошюра Г. Семенова (Васильева) «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917 – 1918 гг.». В брошюре рассказывалось о террористических актах эсеров над большевистскими деятелями, в подготовке которых участвовал ее автор. Это был откровенный донос, точнее, текст, подготовленный для обоснования готовящегося в Москве постановочного процесса социалистов-революционеров. Впоследствии провокационный характер брошюры Г.И. Семенова полностью подтвердился: он добровольно явился на суд над эсерами, причем его защитником выступил не кто иной, как Н.И. Бухарин! Семенов по сути играл роль не обвиняемого, а свидетеля обвинения и, конечно, был освобожден от наказания. На самом деле, как мы теперь знаем, бывший эсер Семенов был членом партии большевиков с 1919 года и сотрудником советских спецслужб<sup>584</sup>.

Мартов точно и сразу определил в происходящем большевистскую провокацию. «Цинизм, с каким через десять дней после опубликования брошюры предателя в Берлине было состряпано “дело” против социал-революционеров в Москве, со всей ясностью поставил перед социалистами и рабочими вопрос о методах расправы большевиков со своими политическими противниками вообще. То, что обычно творилось под спудом, впервые открыто выявилось во всем своем безобразии. Террор на основе гнусного предательства и грязной полицейской про-

<sup>582</sup> Юдин И. Мартов и еврейский пролетариат // Социалистический вестник. 1923. № 8/9. 24 апр. С. 11 – 12.

<sup>583</sup> Елфимов Е.А. Меншевицкий журнал «Социалистический вестник». С. 186.

<sup>584</sup> См. об этом подробнее: Журавлев С.В. Человек революционной эпохи: Судьба эсера-террориста // Хранить вечно. Приложение к «Независимой газете». 2000. 31 марта.

вокации – вот против чего поднял свой протестующий голос пролетариат», – писал он в передовой статье «Социалистического вестника»<sup>585</sup>.

Правда, голос пролетариата был не очень-то слышен в Советской России, а какие-либо протесты жестко подавлялись ВЧК (затем – ГПУ) или иными большевистскими «силовыми структурами». Страницы «Социалистического вестника» пестрели сообщениями об арестах. Заметим, что среди арестованных было немало евреев, что отражало до известной степени национальный состав социалистических партий – противников большевиков. Среди арестованных были один из лидеров Петроградского совета в 1917 году Меир Либер, братья Мартова – Ежов и Левицкий. Среди сообщений об арестах были и сведения о деле Г.Я. Аронсона, видного бундовца, который впоследствии будет выслан из Советской России, обоснуется в Берлине и станет многолетним сотрудником «Социалистического вестника», так же как и весьма активным общественным деятелем «русско-еврейского Берлина»<sup>586</sup>.

Подчеркнем еще раз, что «Социалистический вестник» находился на левом, скорее даже крайнем левом фланге русской эмиграции, и отношение меньшевиков к Белому движению мало чем отличалось от большевистского. Отсюда их резко критическое отношение к попытке генерала П.Н. Врангеля сохранить Русскую армию в изгнании. В неподписанной статье, озаглавленной «Пора положить конец», утверждалось, что «нет ни малейшего сомнения, что единственное желание, воодушевляющее десятки тысяч солдат, состоит в том, чтоб поскорей вернуться домой и поскорей покончить с позорной, жестокой и реакционной авантюрой балтийского барона»<sup>587</sup>.

Врангеля упрекали в том, что он «не захотел последовать примеру своего начальника Деникина», и едва ли не сожалели, что он «избежал участи Колчака». Последнему Главкому ставилось среди прочего в вину то, что своими действиями он оттягивал часть войск Красной армии с запада в период советско-польской войны и «в момент польского наступления он оказал Польше существенную поддержку и дал ей возможность заключить тяжелый для России мир»<sup>588</sup>.

Заметим, что подобные мысли приходили в голову не только социалистам: на сомнительность кампании Врангеля с точки зрения долговременных интересов России и прежде всего сохранения ее территориальной целостности в момент противостояния с Польшей указывали и другие современники, стоявшие гораздо правее меньшевиков. Правда, как правило, это делалось не публично, в разговорах или частной переписке.

Меньшевики считали армию Врангеля реакционной силой, оплотом монархизма и реставраторства, указывая, что

помимо солдатской массы есть несколько тысяч командиров в армии Врангеля, которые иначе смотрят на «текущий момент». Наряду с отборными элементами русской военщины – это борцы за монархию, милитаризм и собственные кастовые привилегии, господом богом предназначенные повелевать народным быдлом. Авторы всех военных поражений, от Цусимы до Риги, они убеждают весь мир, что одни лишь они способны создать «боеспособную русскую армию». Увенчавшие свои походы в Россию массовыми расправами, бессмысленными казнями, виселицами и погромами, они всю Европу уверяют в том, что они носители «культуры и свободы». Они, да еще десяток политических промышленных союзов и группок, и с полдюжины журналистов в эмиграции – ведь это и есть Россия, с ее тремя

<sup>585</sup> Мартов Ю. Первое предостережение // Социалистический вестник. 1922. № 7 (29). С. 2.

<sup>586</sup> «Дело» тов. Г. Аронсона // Социалистический вестник. 1921. № 6. 20 апр. С. 16.

<sup>587</sup> Пора положить конец // Там же. С. 9.

<sup>588</sup> Там же. С. 8 – 9.

столицами – Константинополем, Парижем и Берлином, с ее собственными великими людьми вроде Струве и Врангеля, с ее дипломатами, нотами, газетами и субсидиями. Все признаки государства налицо: территория, население и субсидии – кто посмеет оспаривать его суверенитет?<sup>589</sup>

На самом деле Врангель, при своем личном монархизме, стремился держать армию вне политики и даже подвергался нападкам со стороны крайне правых. Но этих оттенков меньшевики не различали (или делали вид, что не различали).

Процитированная выше статья появилась в связи с известием о том, что французское правительство сокращает, а затем и вовсе намерено прекратить поставки продовольствия остаткам врангелевской армии, требуя перевода военнослужащих на беженское положение, с тем чтобы они сами зарабатывали себе на пропитание.

В том же номере журнала была напечатана заметка, в которой говорилось, что солдатской массе «ничего не остается в этих условиях, как уходить из врангелевского плена». Подразумевалось возвращение в Россию, теперь окончательно ставшую советской. Понимая, чем это может грозить солдатам врангелевской армии, анонимный автор писал, что следует потребовать от большевиков амнистии, добиться реальных гарантий от московского правительства и «связать руки чрезвычайкам»<sup>590</sup>. Наивность авторов журнала, на страницах которого было опубликовано столько материалов, свидетельствующих о том, что никакие гарантии большевиков в отношении их противников не являются надежными, была поистине удивительной.

Теперь – о еврейской проблематике на страницах «Социалистического вестника». В 1921 году самой горячей темой были продолжавшиеся на Украине и в Белоруссии еврейские погромы. Журнал печатал информацию о происходившем и помещал материалы еврейских организаций, которые не могли увидеть свет в Советской России.

В июле 1921 года «Социалистический вестник» напечатал донесение Гомельского отделения ОЗЕ своему Центральному комитету о погромах за «последние 2 – 3 недели». На Гомельщине «бушуют обнаглевшие банды Галака», – говорилось в донесении. Причем когда из Гомеля высылают отряд для борьбы с бандитами, те уходят на Черниговщину, а гомельчане отчитываются в том, что банды прогнаны. То же, только наоборот, происходит, если отряды для борьбы с бандами высылаются из Чернигова. Население многочисленных местечек, сел и деревень и даже уездных городов (Городня, Мозырь и др.) находятся в смертельном страхе:

Кругом местечек режут и сжигают живьем попадающихся бандам евреев, так что выйти из местечек нет возможности... Все заняты одной мыслью: покинуть родное местечко, бежать, куда глаза глядят... Последние месяцы еврейское население районов, охваченных бандитизмом, настойчиво поднимало вопрос перед местными властями о вооружении населения, о самообороне. Отовсюду несется мольба об этом в губернский центр. Пишут, присылают ходоков, но тщетно. Никаких результатов эти ходатайства не дают. Ответ один: «Успокойтесь, меры приняты, банды будут ликвидированы». Особенно тяжелое впечатление производит случай разоружения бандами отрядов, высылаемых для борьбы с ними. М н о г и е с к л о н н ы д у м а т ь , ч т о р а з о р у ж е н и е п р о и с х о д и т б е з с о п р о т и в л е н и я [разрядка в тексте]. Так, на днях был разоружен отряд, высланный из Чернигова, в 120 человек при двух пулеметах в деревне Атсовке близ Добранки<sup>591</sup>.

---

<sup>589</sup> Там же. С. 9.

<sup>590</sup> Социалистический вестник. 1921. № 6. 20 апр. С. 15.

<sup>591</sup> Еврейские погромы // Социалистический вестник. 1921. № 11. 8 июля. С. 11.

Далее в донесении следовал перечень населенных пунктов с указанием численности убитых там евреев. Приведем некоторые из них:

1. 11 мая в м[естечке] Воганичах в 16 верстах от Подобрянки убито 7 человек, все обезображены и обезглавлены. Похоронены в Городне.

2. В деревне Вербовке 12 мая бандиты поймали проходившего еврея по фамилии Гапарри, облили его смолой и живьем сожгли.

...

7. В Сновске 13 мая убита семья из 6 человек.

...

11. 26 мая в Репках убито 5 человек.

12. 31 мая в м[естечке] Чуревичах в 20 верстах от Новозыбокова убито 14 семейств<sup>592</sup>.

Вслед за сообщением о погромах в Белоруссии шла информация о погромах на Украине:

На границе с Румынией происходят еврейские погромы, совершаемые бандитами... Ненависть крестьян к городу часто выливается в зверское избиение евреев. Украина наводнена бандами; многих присылает Петлюра, вооруженных, с штабами. До сих пор удавалось предотвратить погромы только потому, что евреи в местечках организовали правильно поставленную самооборону, с караулами и пр. Вначале власть чинила препятствия. Но в конце концов вынуждена была легализовать местные дружины самообороны, включив их в территориальные кадры и подчинив общему командованию. Однако местные власти (комиссары и уездные исполкомы) ставят препятствия. Недавно киевский комиссар постановил разоружить еврейскую самооборону; это послужило бы прямым сигналом к резне в десятках местечек. С трудом удалось эту меру предотвратить<sup>593</sup>.

Нетрудно заметить, что редакция «Социалистического вестника», опираясь на поступившие в ее распоряжение материалы, по существу обвиняет советские власти в равнодушии к бедствию, обрушившемуся на евреев городков и местечек Белоруссии и Украины, а то и в прямом попустительстве бандитам.

Через номер в журнале вновь появляется материал под шапкой «еврейские погромы». На сей раз это меморандум ЦК социал-демократического Бунда и ЦК Объединенной еврейской социалистической партии, представленный во ВЦИК и в Реввоенсовет республики. Меморандум был датирован 25 марта 1921 года.

В меморандуме говорилось о еврейских погромах в том же многострадальном Гомельском районе, начиная с погромов, учиненных отрядами Булак-Балаховича осенью 1920 года, а также о бесчинствах других банд, с перечислением погромленных местечек и числа жертв. Теперь там «орудует Иван Галака». «Галака играет на религиозных чувствах крестьян. В своих обращениях и прокламациях он обещает “рассчитаться с жидами” за осквернение ими православной церкви. Его прокламации обычно заканчиваются следующим образом: “Да здравствует советская власть! Бей жидов! Спасай Россию!”»<sup>594</sup>.

Банды сами по себе не представляли бы большой опасности, считали авторы меморандума, если бы на их стороне не были местные крестьяне. Все свое раздражение против разверстки, против карательных экспедиций и против разрухи они вымещали исключительно на еврейском населении, которое обвиняли во «всех неурядицах своей жизни».

<sup>592</sup> Там же.

<sup>593</sup> Погромы на Украине // Социалистический вестник. 1921. № 11. 8 июля. С. 12.

<sup>594</sup> Еврейские погромы // Социалистический вестник. 1921. № 13. 5 авг. С. 13.

В меморандуме критиковалась бездеятельность и неумелость местных властей. Ключевой вопрос – самооборона. Там, где выдали винтовки (Сновск, 200 штук), погрома не было. В то же время без специального разрешения нельзя уезжать с места жительства. Когда разрешение получено – бывает поздно. В одном Гомеле скопилось свыше 6 тысяч пострадавших и беженцев. «Пострадавшие единодушно заявляют, – утверждалось в меморандуме, – не нужно нам хлеба и белья, дайте нам оружие, чтобы мы могли вернуться домой, или предоставьте нам возможность выехать»<sup>595</sup>.

Предложения, выдвинутые в меморандуме, сводились к следующему:

1. В тех районах, где есть опасность бандитизма и погромов, должно быть разрешено трудовым слоям населения городов и местечек организовывать группы самообороны под контролем профессиональных союзов и под руководством местных военкомов.
2. Еврейскому населению тех мест, коим угрожает прямая опасность, должно быть разрешено выехать без всяких командировок.
3. Пострадавшим и беженцам, которые скопились в Гомеле, Речице и других пунктах, должно быть разрешено свободно выехать оттуда по их усмотрению.

В качестве постскрипума к меморандуму редакция с возмущением сообщала, что до 23 июня, т.е. в течение трех месяцев, Президиум ВЦИК «не удосужился рассмотреть этот вопиющий к небу документ»<sup>596</sup>.

Редакция не подозревала, что к моменту публикации меморандума наводивший ужас на евреев и советских работников Черниговщины и Гомельщины атаман Галака (он же Иван Алексеевич Васильчиков) был уже месяц как мертв. Его зарубил во сне внедренный в банду чекист Федор Гончаров, за что и был награжден впоследствии премией в 100 тысяч рублей и золотыми часами. Советская власть не слишком заботилась о безопасности местечковых евреев и не жаждала снабжать их оружием. Но вот со своими врагами бороться умела. Тот же чекист Гончаров, по некоторым данным, был профессиональным «ликвидатором» – Галака был уже четвертым главарем банды, погибшим от его рук.

Среди других еврейских тем на страницах «Социалистического вестника» отметим вопрос о судьбе Бунда в Советской России. Собственно, вопроса не было: была ликвидация первой социал-демократической (да и вообще первой) партии в России. Причем в этой ликвидации принимали активное участие бывшие бундовцы, уверовавшие в идеалы большевизма и стремившиеся, как всегда бывает с ренегатами, быть святее папы римского. Сначала Бунд раскололся на коммунистический и социал-демократический, затем коммунистический Бунд самораспустился, а социал-демократический постигла участь меньшевиков.

В журнале была опубликована информация о митинге, устроенном коммунистами по поводу слияния коммунистического Бунда с РКП(б). С основным докладом выступил А. Вайнштейн. С ним полемизировал представитель социал-демократического Бунда А. Литвак. Были заслушаны также доклады М. Рафеса «Из истории еврейского рабочего движения» и С. Томсинского «Перспективы и задачи еврейской культуры». «В докладах выявляется вполне определенная тенденция к вытравлению всех национальных особенностей и к активному ассимиляторству. Рафес возвестил, что борьба с национализмом еще не кончилась, ибо коммунистические бундовцы вошли в Р.К.П. с намерением отстаивать “бундизм”»<sup>597</sup>.

<sup>595</sup> Там же. С. 14.

<sup>596</sup> Там же. С. 15.

<sup>597</sup> Вокруг Бунда // Социалистический вестник. 1921. № 9. 5 июня. С.12. См. также: Коссовский Вл. Ликвидация Коммунистического Бунда // Социалистический вестник. 1921. № 3. 1 марта. С. 3 – 4; Из жизни Бунда // Там же. С. 8; К 25-летию Бунда // Социалистический вестник. 1922. № 21. 2 нояб. С. 3 – 5.

Журнал указывал на ликвидацию всех форм еврейской общественной жизни, еврейских организаций в Советской России (точнее, на Украине)<sup>598</sup>, публиковал материалы о положении еврейских рабочих в условиях новой экономической политики<sup>599</sup> и некоторые другие, затрагивающие жизнь евреев в условиях большевистской диктатуры. Разумеется, все материалы носили резко критический характер.

Возможно потому, что авторы журнала лучше, чем другие эмигранты, знали, чем уязвить своих бывших соратников по единой партии, публикации «Социалистического вестника» вызывали особое озлобление в Москве и тяжело сказывались на меньшевиках в России. Начальник секретного отдела ГПУ Т.П. Самсонов в «совершенно секретной» записке (ну, а какую же еще записку мог представить начальник секретного отдела?) на имя Ф.Э. Дзержинского и И.С. Уншлихта от 9 августа 1922 года писал:

№ 15 «Социалистического Вестника» от 2/8-[19]22 г., как никогда раньше, наполнен массой клеветнических измышлений и инсинуаций. В журнале ведется бешеная к. – р. агитация против Соввласти, более упорная, даже чем это делают правые эсеры. Исходя из этого, я и полагал, что против меньшевиков нужно значительно усилить репрессии не только в центре, но и в провинции Республики. С этой целью я полагаю, что нам нужно произвести массовую операцию по меньшевикам по всей территории Республики, в особенности в рабочих районах<sup>600</sup>.

Пятнадцатый номер «Социалистического вестника» был на самом деле не лучше и не хуже других выпусков журнала. Это был лишь повод для очередной атаки на еще не смирившихся с большевистской диктатурой социал-демократов. Впрочем, и смирившимся не была гарантирована безопасность, свобода и жизнь. Репрессии против меньшевиков, начавшиеся в 1920-е годы, не прекратились до тех пор, пока все они не были изведены. А их товарищам, вовремя уехавшим за границу, оставалось лишь читать в газетах об очередном приговоре и отзываться на него очередной статьей, никак не способной изменить участь обреченных.

\* \* \*

В начале 1920-х годов в Берлине обосновалась группа левых эсеров, среди которых были А.А. Шрейдер (в 1918 году первый председатель Петроградского революционного трибунала печати, задачей которого было бороться с контрреволюционными изданиями) и бывший нарком юстиции в советском правительстве И.З. Штейнберг. Им принадлежало издательство «Скифы», они выпустили знаменитый альманах «Россия и Инония» (1920), в который вошли произведения Р.В. Иванова-Разумника, А. Белого и С.А. Есенина. Под редакцией Шрейдера выходил журнал «Знамя: временник литературы и поэзии». Гуль замечает: «... странно, что эта группа “скифов” состояла почти вся из евреев, которые по своему национальному характеру, я думаю, ни к какому “скифству” не расположены. Более того, бывший наркомюст И. Штейнберг был ортодоксальный, религиозный еврей, соблюдавший все обряды иудаизма. Как он это увязывал со “скифством” – его тайна. Шрейдер же, которого я хорошо знал, наоборот, был еврей, вдребезги испорченный Россией. Россия ведь – великая портильщица характеров»<sup>601</sup>.

<sup>598</sup> Еврейский общественный комитет // Социалистический вестник. 1921. № 3. 1 марта. С. 8

<sup>599</sup> Аронсон Г. Еврейский пролетариат в обстановке нэпо-коммунизма // Социалистический вестник. 1923. № 3. 31 янв. С. 6 – 8; Из жизни еврейских рабочих // Социалистический вестник. 1923. № 15. 1 сент.

<sup>600</sup> Христофоров В.С. Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. в документах ГПУ // Русский Берлин 1920 – 1945. М.: Русский путь, 2006. С. 60.

<sup>601</sup> Гуль Р. Я унес Россию. С. 128.

## Российские сионисты в Берлине. «рассвет»

Говоря о специфически русско-еврейской политике и культуре, следует отметить, что, во-первых, она была тесно переплетена с жизнью русской эмигрантской колонии, во-вторых, пересекалась с немецкой жизнью, прежде всего с жизнью немецкого еврейства. Политическая жизнь русских евреев в эмиграции во многом продолжала линии еврейской политики на родине: так, по-прежнему шла полемика между сионистами и автономистами (сторонниками созданной в 1906 году партии С.М. Дубнова «Фолкспартей» – Еврейской народной партии).

Сторонники сионизма – выходцы из бывшей Российской империи создали в Германии Организацию русских сионистов, Федерацию русско-украинских сионистов, Еврейско-сионистский клуб им. Герцля, объединения «Бет-ваад» («Собрание»), «Тарбут» («Культура»), издавали журнал «Рассвет», под редакцией Ш. Гепштейна, а затем В.Е. Жаботинского.

В 1922 году было возобновлено издание главной газеты российских сионистов – еженедельника «Рассвет», основанного в 1905 году в Петербурге А.Д. Идельсоном, закрывавшегося то царской властью (июнь 1915 года), то советской (сентябрь 1918 года), выходившего под другими названиями и окончательно прекратившего свое существование в России в июле 1919 года<sup>602</sup>. Бывший «Рассвет», именовавшийся с сентября 1918 года «Хроникой еврейской жизни», был закрыт Петроградской ЧК по доносу Евсекции. Издание газеты (де-факто это был журнал объемом в 24 страницы, который по традиции именовался газетой) было возобновлено в Берлине в апреле 1922 года в качестве органа Федерации русско-украинских сионистов. Сначала ее главным редактором был Ш. Гепштейн, в редакцию входили также И.Б. Шехтман, В. Якобсон, Х. Гринберг, М. Гиндес, М. Алейников.

В начале 1923 года в экзекутиве (исполнительном комитете) Всемирной сионистской организации (ВСО) намечался раскол. В.Е. Жаботинский, основатель ревизионистского течения в сионизме, сторонник реорганизации экзекутивы ВСО, обвинил главу ВСО Х. Вейцмана в чрезмерной мягкости и уступчивости, в нежелании твердо отстаивать интересы евреев в Палестине перед британцами и в переговорах с арабами. Он потребовал от руководства ВСО проведения гораздо более жесткой и бескомпромиссной политики. Жаботинский поддержки не нашел и демонстративно вышел из состава экзекутивы<sup>603</sup>. В редакции «Рассвета» в связи с выступлением Жаботинского и в особенности в связи с его вхождением в редколлегия журнала летом 1923 года также произошел раскол. 1 июля 1923 года было объявлено, что состав редколлегии покинули Якобсон, Гиндес и Алейников (идейные противники ревизионизма), позднее Гринберг; в новый состав вошли Жаботинский, Ю.Д. Бруцкус, И. Клинов, И. Тривус и М. Шварцман. Фактически «Рассвет» стал трибуной Жаботинского и органом сионистов-ревизионистов<sup>604</sup>. На его страницах велась полемика с «ортодоксами» ВСО и агитация за создание еврейской самообороны в Палестине<sup>605</sup>. В «Рассвете» были опубликованы программные по сути статьи Жаботинского «Сион и коммунизм», «О железной стене», «Этика железной стены» и некоторые другие.

В центре внимания газеты – новости сионистского движения, хроника еврейской, русской и русско-еврейской жизни Берлина; публиковались также отклики на события европейской политики. Каждый выпуск включал рубрику «Палестинская неделя» с подробными отчетами о событиях на «исторической родине»: описывалось строительство в городах Палестины, приводились данные о сельском хозяйстве, ремесле, торговле и промышленности, отчеты о

<sup>602</sup> После запрещения «Рассвета» большевиками он был возобновлен под названием «Хроника еврейской жизни».

<sup>603</sup> *Schechtman J.B., Benari Y. History of the Revisionist Movement. Tel-Aviv, 1970. Vol. 1. P. 12 – 15.*

<sup>604</sup> *Ibid.* P. 16 – 18.

<sup>605</sup> *Рассвет.* 1924. № 10 (98). 9 марта. С. 1 – 6.

деятельности сионистских организаций и организаций еврейских беженцев. Последних авторы «Рассвета» считали своими союзниками, так как они поддерживали еврейскую культурную деятельность, служа барьером на пути евреев к полной ассимиляции<sup>606</sup>. Печатались также полезные с практической точки зрения сведения об эмиграции (квота на иммиграцию в США, возможности переселиться в Канаду и Южную Америку, цены на билеты и т.д.).

Чтобы сагитировать читателей ехать в Палестину и позволить им представить в подробностях свой грядущий путь на «историческую родину», газета публиковала детальные репортажи из Палестины, из Константинополя, с пароходов, которые перевозят эмигрантов. Отводились страницы для полемики, изложения публичных лекций. В рубрике «Еврейская жизнь» публиковались новости, преимущественно иллюстрирующие положение евреев в разных странах, в первую очередь – в СССР, Польше, Прибалтике и Румынии. Печатались информация о культурных событиях русско-еврейского Берлина, о новых еврейских книгах. Наконец, газета публиковала прозаические и поэтические произведения, проявляя при этом полную всеядность: стихи Бялика в русском переводе соседствовали с патетичным незатейливым творчеством читателей.

«Рассвет» стремился объединить русскоязычное еврейство и призывал его к созидательной деятельности. В статье «Мы, русские евреи» описание современной ситуации (русские евреи превратились в беженцев, достойных сострадания и милостыни, еврейство России разорено, истощено и само не может поддержать никаких начинаний) завершается призывом: «А вот мы, русские евреи, на это не согласны. Мы заявляем протест и готовы поддержать его. Мы хотим вернуться на наше, принадлежащее нам место. И, кажется, мы можем это сделать. По крайней мере, начинаем мочь»<sup>607</sup>. Речь шла, разумеется, о сионистской деятельности. Итак, сама тяжесть обстоятельств призвана была содействовать консолидации евреев вокруг сионистского движения.

«Рассвет» регулярно печатал информацию о положении евреев в СССР, уделяя особое внимание подавлению русско-еврейской «несоветской» культуры (закрытию хедеров, судам над религиозными деятелями, арестам раввинов и руководителей общин). Авторы «Рассвета» считали невозможным идти на компромисс с какими бы то ни было советскими еврейскими институтами, даже с теми, которые, казалось бы, ничем себя не скомпрометировали.

В феврале 1923 года публикуется информация об одном из «литературных» процессов, носившем «просветительский» характер (такие процессы широко использовались в советской пропаганде в 1920-е годы):

После ряда примерных процессов над хедерами и еврейской религией еврейские коммунисты в Киеве инсценировали суд над героями литературных произведений Шолом-Алейхема. Главными подсудимыми была Хава (Ева), дочь Тевье-молочника, и ее родители.

Приговор был вынесен в форме следующей резолюции:

«Хава была продуктом эпохи, когда коллективный инстинкт был еще силен в еврейском населении. Ее нельзя осуждать поэтому за то, что она покинула свою семью, находившуюся на примитивной ступени развития.

<sup>606</sup> Рассвет. 1922. № 11. 25 июня. С. 2.

<sup>607</sup> Рассвет. 1923. № 9 (46). 4 марта. С. 1 – 4. Сходные идеи выражены в листовке, подшитой к номеру от 25 декабря 1924 года: «Редакция знает, что не все читатели являются единомышленниками “Рассвета”. Но да позволено будет напомнить, что при нынешних условиях вопрос о праве нашего органа на существование выходит далеко за пределы той плоскости, где ведутся программные споры. Зарубежное русское еврейство, несмотря на все его страдания, не должно и не может стать кладбищем. На плечах его лежит ответственное наследие большой и ценной национальной традиции. В нашей среде еще сохранились честные и бодрые голоса. Нехорошо ни для нас, ни для всего развития русско-еврейской общественности, – ни для настоящего, ни для завтрашнего дня, – допустить, чтобы голоса эти замолчали. Поэтому “Рассвет” с полной уверенностью рассчитывает на дружеский прием во всех еще уцелевших лагерях того некогда великого целого, которое воспиталось и закалилось в тяжелой, но плодотворной школе русско-еврейской истории».

Точно также отец Хавы Тевье не может быть осужден в виду того, что те круги населения, к которым он принадлежал, были отравлены религиозной традицией нескольких тысяч лет»<sup>608</sup>.

Любопытно, что эта советская форма была использована эмигрантами. 1 марта 1924 года в Берлине состоялся общественный суд над Евсекцией. Целью суда было «вскрыть в форме инсценированного процесса перед широкими еврейскими кругами тот процесс разрушения, который внесла Евсекция на еврейскую улицу»<sup>609</sup>. Председателем суда был сионист И.А. Тривус. Свидетели – «еврейский учитель Н.Я. Добрим», «сионист д-р М.С. Лурье» и «Д.И. Либерман (погромленный)» предъявляли еврекам ставшие к тому моменту стандартными обвинения. Первое из них совпадало с обвинением, брошенным «Социалистическим вестником» советской власти: Евсекция мешает организации еврейской самообороны от погромов, вербуя евреев в Красную Армию. Евсекцию обвиняли также в разгроме образования на иврите и еврейских общественных организаций, в судебном преследовании сионистов<sup>610</sup>. В защиту Евсекции И.Б. Шехтман, назначенный ее адвокатом, смог сказать лишь, что «добрых 2/3 инкриминируемых Евсекцией деяний не могут быть вменены ей в специфическую ответственность. Они являются лишь применением на еврейской улице общей политики сов[етской] власти»<sup>611</sup>.

В начале 1920-х годов Берлин воспринимался как сионистская столица – он и был ею. Через Берлин пролегал путь многих сионистов в Палестину<sup>612</sup>. По поводу перевода организации «Ге-холуц» («Ге-халуц») из Вены в Берлин «Рассвет» писал: «в настоящее время в Берлине сосредоточивается огромное большинство сионистских учреждений, и переводением “Гехолуца” в Берлин будет облегчена совместная с ними работа, в то время как Вена теряет свое значение сионистского центра»<sup>613</sup>. Однако вскоре и Берлин потерял этот статус; в мае 1924 года завершается берлинский период «Рассвета»; в декабре того же года издание возобновляется в Париже, новой столице русско-еврейской эмиграции.

В 1921 году в Берлине был создан Союз еврейских общин Пруссии (Landesverband der jüdischen Gemeinden in Preussen); по словам С.М. Дубнова, это был «первый опыт централизации автономных общин в ассимилированном немецком еврействе». В 1925 году на выборах в Союз были выдвинуты кандидатуры «от восточных евреев»: Я. – В. Лацкий-Бартольди, М.Н. Крейнин, М. Соловейчик<sup>614</sup>. Русские евреи, жившие в Германии, принимали участие во всеевропейских конференциях помощи еврейским беженцам и жертвам погромов, в том числе во Всемирной еврейской конференции помощи (Jüdische Welthilfskonferenz) 1924 года<sup>615</sup>, в конференции 1927 года в Цюрихе, созванной с целью «преобразования парижского Комитета еврейских делегаций в смысле усиления его деятельности по защите гарантированных международными трактатами прав еврейских национальных меньшинств»<sup>616</sup>, и в созданном по ее итогам Совете по защите прав еврейских меньшинств (Council for protection of the rights of Jewish minorities). В 1928 году в Берлине состоялось заседание исполнительного комитета (экзекутивы) Совета<sup>617</sup>. На цюрихской конференции кроме политических вопросов обсуж-

<sup>608</sup> Рассвет. 1923. № 6 (43). 11 февр. С. 19.

<sup>609</sup> Рассвет. 1924. № 10 (98). 9 марта. С. 11.

<sup>610</sup> Там же. С. 11 – 12.

<sup>611</sup> Рассвет. 1924. № 11 (99). 16 марта. С. 14 – 16.

<sup>612</sup> Один из примеров приведен в: Рассвет. 1923. № 10 (47). 11 февр. С. 19.

<sup>613</sup> Рассвет. 1923. № 5 (42). 4 февр. С. 24.

<sup>614</sup> Дубнов С.М. Книга жизни. С. 551.

<sup>615</sup> См.: ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 22.

<sup>616</sup> Дубнов С.М. Книга жизни. С. 559 – 560; о конференции см.: с. 559 – 562.

<sup>617</sup> Там же. С. 571.

дался вопрос о языках, на которых должно вестись преподавание в еврейских школах, и разгорелась дискуссия между идишистами и гебраистами<sup>618</sup>.

### Берлинские споры: евреи и русская революция

В 1921 году в Берлине по инициативе И.М. Черикова был основан Архив истории восточноевропейского еврейства (Ostjüdisches historisches Archiv). Основу Архива составили материалы, собранные Редакционной коллегией по собиранию и публикации материалов о погромах на Украине, действовавшей с мая 1919 года при Центральном комитете помощи пострадавшим от погромов в Киеве. Теперь работа «погромной комиссии» была возобновлена в Берлине. Тема погромов, в ходе которых были убиты десятки тысяч евреев, была одной из самых обсуждаемых на страницах еврейской печати. Немалое внимание ей уделялось в социалистической и демократической периодике. Историки и публицисты, работавшие в «погромной комиссии», выпустили ряд исследований, основанных на собранных ими документах: в 1922 году была напечатана написанная еще в марте 1920 года в Киеве книга Н.И. Штифа «Погромы на Украине (период Добровольческой армии)» (в следующем году вышла на идише). В 1923 году вышел первый том «Истории погромного движения на Украине 1917 – 1921 гг.» – исследование И.М. Черикова «Антисемитизм и погромы на Украине в 1917 – 1918 гг.». Вступительную статью к книге Черикова написал С.М. Дубнов<sup>619</sup>.

В своей книге Штиф, в частности, ставил задачу «показать внутреннюю, органическую связь погромов как части военного быта с военной и социально-политической программой Добровольческой Армии». Он считал, что программа белых «заключала в себе все признаки реставрации, возврата к России дореволюционного периода». Погромы – «это реакция реставраторов на еврейское равноправие, достигнутое в ненавистной революции, первый шаг к закреплению евреев»<sup>620</sup>. Мнение Штифа о связи погромов с программой Добровольческой армии было ошибочным; точнее, о связи погромов с официальной позицией лидеров Белого движения. Так, декларация Добровольческой армии была написана лидером русских либералов П.Н. Милуковым, всегда отстаивавшим равноправие евреев. Другое дело, что на практике войска А.И. Деникина запятнали себя кровавыми погромами и массовыми грабежами, на которые командование фактически закрывало глаза<sup>621</sup>. Неудивительно, что для евреев белые стали синонимом погромщиков.

Учитывая изложенные выше обстоятельства, можно понять, каким потрясением для еврейской общественности Берлина стало выступление группы еврейских общественных деятелей и публицистов, призвавших к борьбе с большевизмом и в то же время к признанию ответственности евреев за участие в революции. Члены группы, взявшие себе название Отечественное объединение русских евреев за границей, обвиняли также своих единомышленников в том, что они не поддержали (или поддержали недостаточно активно) усилия войск белых в их борьбе с большевиками<sup>622</sup>. В Отечественное объединение вошли И.М. Бикерман, Д.С. Пасманик, В.С. Мандель, Г.А. Ландау и менее известные И.О. Левин и Д.О. Линский (Долинский)<sup>623</sup>.

<sup>618</sup> Там же. С. 561.

<sup>619</sup> См. подробнее: Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М.: РОССПЭН, 2005. С. 276 – 280; Roskies D. Against the Apocalypse: Responses to Catastrophe in Modern Jewish Culture. Cambridge, Mass.; L., 1984. P. 138 – 140.

<sup>620</sup> Штиф Н.И. Погромы на Украине (период Добровольческой армии). Берлин, 1922. С. VII-VIII.

<sup>621</sup> См. подробнее: Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми. С. 158 – 344.

<sup>622</sup> Литература, посвященная развернувшейся дискуссии, а также выпущенному вскоре членами Отечественного объединения сборнику «Россия и евреи» (Берлин, 1924), довольно скудна: это краткий и не всегда точный обзор в книге К. Шлегеля (Шлэгель К. Берлин, Восточный вокзал. С. 390 – 395) и статья М. Вольфа, в которой рассматривается критика членами Отечественного объединения «еврейского большевизма» (Wolf M. Russische Juden gegen «jüdischen Bolschewismus» – Der Vaterländische Verband in Russischen Berlin // Transit und Transformation. Osteuropäisch-jüdische Migranten in Berlin 1918 – 1939 /

В начале 1923 года Бикерман, Мандель и Ландау выступили в Берлине с серией докладов о русской революции и о роли в ней евреев.

Начал «кампанию» Бикерман. В докладе «Россия и русские евреи», прочитанном 17 января 1923 года, он выступил в защиту своих единоверцев, которых обвиняют в разрушении «процветающей царской России». По его мнению, «гибель России началась тогда, когда стали готовить февральскую революцию, а в ее подготовке евреи не участвовали». Но неправы, по словам Бикермана, и евреи, «отказывающиеся от ответственности и обвиняющие во всем анти-семитов. Евреям чужда воинственность, они никогда не владели оружием и не были хорошими вояками, однако в революции они приняли деятельное участие. Фигурами Зиновьева, Каме-нева и Троцкого еврейская масса даже гордится. Говорить, что еврейство не несет ответственности за Троцкого, неправильно: ведь еврейство гордится Спинозой и Эйнштейном». Главным врагом и евреев, и России Бикерман считал большевиков. Однако объектом его атаки стали также евреи, «мешающие делу русского возрождения». К ним он относил сионистов, отвлекающих евреев от участия в строительстве России и призывающих их к сотрудничеству с большевиками; автономистов, желающих распада большого государства на много мелких, в которых проще достичь еврейской автономии, а также всю еврейскую общественность, которая боится, что за свержением большевиков последуют погромы Белой армии. Бикерман вступил в прямую полемику со Штифом; он объяснял погромы обстоятельствами Гражданской войны: еврейские погромы были частью всероссийского погрома<sup>624</sup>. «Евреям нужна сильная российская государственность», — заключал Бикерман<sup>625</sup>.

3 марта с докладом, носящим почти аналогичное название — «Россия и русское еврейство», — выступил известный публицист и философ Г.А. Ландау, «правая рука» И.В. Гессена в «Руле». Заметим, что в том же 1923 году Ландау выпустит трактат «Сумерки Европы»; книга Ландау вовсе не была реакцией на мировой интеллектуальный бестселлер того времени «Закат Европы» О. Шпенглера. Взгляды, во многом предвосхитившие идеи Шпенглера, Ландау сформулировал еще в 1914 году в статье, опубликованной вскоре после начала Первой мировой войны и носившей такое же название, как и трактат<sup>626</sup>. Правда, в отличие от сочинения Шпенглера, книга Ландау, так и не переведенная на иностранные языки, осталась малоизвестной.

Ландау, как и Бикерман, одновременно и защищал, и обвинял евреев. С одной стороны, по Ландау, евреи не были виноваты «в учинении революции». «Тем поразительнее то участие, которое приняло большое количество выходцев из еврейской массы в революции до-большевистской и большевистской... парадоксальная картина: не приняв участия в подготовке революции, евреи приняли участие в проведении и использовании ее, и притом вопреки еврейским насущным органическим интересам». По словам Ландау, «предъявляемое ныне [евреям] обвинение превосходит всякую меру. Но теперь, среди развалин и страданий, гибели государства и может быть даже культуры — необходимо дать себе отчет и найти правду». Правда же заключалась в том, что «еврейская полуинтеллигенция оказалась восприимчивой к идеям смуты и совершила, таким образом, двойное предательство: в отношении России и в отношении своего народа». Три направления, распространившиеся среди еврейства — социализм, национальный сепаратизм и революционизм, — губительны для него. «Между интере-

Hrsg. V. Dohrn, G. Pickhan. Göttingen: Wallstein Verlag, 2010. S. 173 – 191).

<sup>623</sup> В сентябре 1923 г. в газете «Руль» была опубликована заметка, в которой Отечественное объединение впервые упоминается как отдельная организация. Список членов Объединения, приведенный в заметке, таков: И. Бикерман, О. Бучанский, В. Каган, Г. Ландау, И. Левин, В. Мандель (все перечисленные — Берлин), Д. Мандель, Д. Пасманик (Париж), И. Дубосарский (Константинополь), Д.О. Линский (Болгария) и А. Копельман (Филадельфия, США) (Руль. 1923. № 856. 22 сент. С. 4. Цит. по: Wolf M. Russische Juden gegen «jüdischen Bolschewismus». S. 183).

<sup>624</sup> Белое движение Бикерман идеализировал. Еще в 1922 году он выступил с докладом «Подвиг белой армии» (Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918 – 1941. S. 139).

<sup>625</sup> Руль. 1923. 19 янв. С. 5; Рассвет. 1923. № 5 (42). 4 февр. С. 17.

<sup>626</sup> Ландау Г. Сумерки Европы // Северные записки. 1914. № 10 – 12.

сами еврейства и России нет противоречия. Еврейство заинтересовано в возрождении Великой России. ...в массе оно этого хочет и к этому стремится... Возрождение России возможно только при торжестве совести и трезвости, при освобождении от самообольщения, при сознании общности интересов», – заключал Ландау<sup>627</sup>.

В.С. Мандель, завершавший 21 марта 1923 года цикл докладов «кающихся», говорил:

Широко распространенное утверждение: «жиды погубили Россию» резко расходится с истиной. Если бы даже можно было отождествить евреев с большевиками, то и тогда нельзя было бы гибель России приписать евреям, так как сами большевики явились только следствием развала. Погубила Россию февральская революция, а ее готовили верхи русского общества, государственные и общественные учреждения, в которых евреев не было. Непосредственно же осуществили ее матросы, петербургский пролетариат, петербургский гарнизон, в котором также евреев не было. Тем большее участие приняли евреи в углублении революции, в большевистском разрушении и истязании России. Еврейство не может слагать с себя ответственности за столь бросающееся в глаза участие евреев в большевистском варварстве. Если существует еврейский национальный коллектив, если этот коллектив гордится своими героями-созидателями, то он должен принять на себя вину и за евреев-разрушителей<sup>628</sup>.

«Нас называют иронически “кающимися евреями”, – развивал свою мысль Мандель. – Мы не видим в раскаянии ничего постыдного, наоборот – если оно искренне, то служит залогом исправления. А мы желаем того, чтобы еврейское общество критически отнеслось к тому пути, по которому оно шло до сего времени, перестало пользоваться избитыми словами и признало те ошибки, которые оно совершило»<sup>629</sup>.

Доклады вызвали бурные дебаты, иногда затягивавшиеся за полночь, и отклики в печати.

28 марта с докладом «Еврейство и современная Россия» выступил сионист М.Ф. Гиндес. Доклад был устроен Организацией русско-украинских сионистов, он был задуман как отповедь ораторам из Отечественного объединения<sup>630</sup>. По мнению Гиндеса, значительное участие евреев в революции объяснялось условиями еврейской жизни, политикой властей, и «еврейство за это ответственности не несет. ...Испытывая гонения, еврейство вынуждено было выделять из своей среды разрушительные элементы». Выбор евреев в пользу большевиков, полагал Гиндес, был неизбежен: альтернатива – Белая армия, которая «связала технику войны с еврейскими погромами. С последними еврейство идти не должно. А других сил на политической арене сейчас нет». «Новую школу» Гиндес считал «первой ласточкой грядущей капитуляции, наметившейся в еврейском народе», попыткой «подорвать основы еврейского равноправия». «Возбуждение... вопроса о покаянии в моменты, когда на шее затягивается петля реакции... недопустимо. Лозунгу покаяния должен быть противопоставлен лозунг твердой памяти. Это есть основное оружие борьбы еврейского народа с его врагами»<sup>631</sup>.

Правда, оставалось неясным, каким именно образом «твердая память» поможет еврейскому народу справиться с его неназванными врагами.

<sup>627</sup> Руль. 1923. 7 марта. С. 5; Дни. 1923. 6 марта. С. 5.

<sup>628</sup> Мандель В.С. Консервативные и разрушительные элементы в еврействе: ГАРФ. Ф. Р-5769. Оп. 2. Д. 5. Л. 70. См. отчет о докладе Манделя и последующей дискуссии в: Руль. 1923. 25 марта. С. 5.

<sup>629</sup> Мандель В.С. Консервативные и разрушительные элементы в еврействе: ГАРФ. Ф. Р-5769. Оп. 2. Д. 5. Л. 72.

<sup>630</sup> Название доклада было сопровождено подзаголовком «ответ кающимся» (ГАРФ. Ф. Р-5769. Оп. 1. Д. 68. Л. 73). Примечательно, что сионисты воспринимались «кающимися» как главные оппоненты. По мнению М. Вольфа, эта полемика продиктована не в последнюю очередь борьбой сионистов и Отечественного объединения за право быть властителями дум еврейской общности Берлина (Wolf M. Russische Juden gegen. P. 179 – 180, 182).

<sup>631</sup> Руль. 1923. 1 апр. С. 9.

В дебатах приняли участие различные деятели еврейской и русской общественности Берлина, причем прения происходили не только вслед за докладами, но и в специально отведенные для этого вечера; некоторые участники выступали не по одному разу. Итоги дискуссии были подведены на собрании 19 апреля 1923 года. Удивительным было участие в дебатах в буквальном смысле слова на одной площадке сионистов, монархистов и сторонников (правда, немногочисленных) большевиков. Такое было возможно, очевидно, только в тогдашнем Берлине.

Приведем наиболее характерные высказывания участников дискуссий, в числе которых, разумеется, были и сами докладчики<sup>632</sup>. Основными обсуждавшимися вопросами была проблема «ответственности» и, в связи с этим, вопрос о погромах; об отношении к сионизму и большевизму; о путях восстановления России, ее устройстве и месте евреев в этой предполагаемой новой России.

Известный экономист Б.Д. Бруцкус, высланный в 1922 году из Советской России, один из пассажиров знаменитого «философского парохода», говорил, что русская революция «была заложена в глубинах русского народа. Прорвалась наружу русская народная большевистская стихия. Русский народ сам творит свою историю». В вопросе об ответственности нельзя отделять евреев от русских. Близость многих евреев к большевизму обусловлена их дореволюционным положением. Бруцкус и спорил, и соглашался с «кающимися»: «Трудно указать сейчас спасительный рецепт, но организацию еврейской общественности для борьбы за русскую государственность можно только приветствовать».

Сионистский деятель и историк погромов И.Б. Шехтман заявил: «Сионизм – единственное разрешение проблемы нации, живущей в чужой земле. Других союзников еврейство не имеет. Белое движение – только попытка реставрации царского времени, неизбежно связанного с погромами». Шехтман говорил, что евреи настолько натерпелись от царской власти и белогвардейцев, что все поневоле стали революционерами: «Февральскую революцию, которая отменила черту оседлости, процентную норму и прочие ограничения, можно только приветствовать».

Еще один сионист, И.А. Тривус, говорил, что «"кающиеся" наносят вред и евреям, и России: их деятельность не рассеивает мрака вокруг еврейского вопроса, а, наоборот, сгущает его. Они поддерживают в массах мнение, что евреи виновны в разрушении России. Евреи всегда были консервативны, так что их революционность – миф. Не евреи должны каяться, а те, кто вел антисемитскую политику».

Относительно консерватизма евреев Тривус и Мандель не расходились. Однако же Мандель считал, что, хотя революция имела русский характер, но еврейство в ней активно участвовало и потому должно нести за это ответственность. «Сионизм ничего весомого евреям не дает, – говорил Мандель, – сионизм способствовал оторванности части еврейства от России, между тем как русское еврейство срослось с Россией и русской культурой». Целью евреев, полагал Мандель, должно стать возрождение великой России, которое повлечет за собой и расцвет еврейства.

Манделю вторил Ландау: «Неправда, что у евреев нет союзников. Надо активнее участвовать в русской политической жизни». Невмешательство в российскую политику, к которому призывают сионисты, – «бездорожье». Ландау, в частности, обвинил евреев в недостаточном участии в защите патриарха Тихона: «Протесты эти тем более необходимы, что и евреи в случаях гонения на веру всегда обращались к мировому общественному мнению».

Бикерман атаковал не только евреев-коммунистов, но и сионистов: они «увлеклись идеей создания своего государства и тянут за собой еврейские массы, отвлекая их внимание от вопроса об устройстве их судьбы совместно с Россией». Выступая в дебатах, он повторил свою

<sup>632</sup> Дебаты излагаются нами по отчетам, опубликованным в следующих изданиях: Руль, 19 января, 10 февраля, 7, 11 и 25 марта, 1, 14 и 22 апреля 1923; Дни, 6 и 11 марта, 4, 14 и 21 апреля 1923; Рассвет, 4 и 18 февраля, 4 и 11 марта, 1 апреля 1923.

мысль, что «погромы – явление печальное, но неизбежное и естественное». В другом своем выступлении Бикерман говорил об идеализме белых, о том, что называть их соответствующие деяния «погромами» было бы «злоупотреблением словами».

Именно эти высказывания Бикермана и в менее резкой форме Ландау вызвали наиболее бурную реакцию оппонентов.

А.Я. Гутман, редактор-издатель журнала «Русский экономист», говорил, что нельзя оправдывать погромы Гражданской войной: «Белая армия громила, а командование даже не пыталось противостоять погромам». Однако главной задачей «на современном этапе» он считал не критику Белого движения, а свержение большевиков: «Русские евреи должны быть русскими патриотами и противниками большевизма».

«Еврей-корниловец» Г. Шифрин (видимо, принадлежавший к тем немногочисленным евреям, которые вступили в Добровольческую армию еще на том этапе, когда она в самом деле была добровольческой и когда еще не было принято негласное решение не принимать в ее ряды евреев) «нарисовал картину преследования евреев белыми».

Наиболее резко выступил Н.Ю. Гергель, член «погромной комиссии»; забегаая вперед, скажем, что результатом его многолетних трудов станет статья, в которой будет проанализирована статистика погромов<sup>633</sup>. Его подсчеты численности и половозрастной структуры жертв, так же как числа убитых евреев различными вооруженными формированиями, до сих пор остаются наиболее авторитетными. Выступая в прениях по докладу Ландау, Гергель заявил, что спорить имеет смысл не об ответственности евреев, а о позиции Ландау: «... пусть он пояснит, как он относится к белому движению и к деникинским погромам. Большевизм – отрицательное явление, но возвращаться ко временам Бейлиса не хочется тем более». Видимо, в газетном отчете речь Гергеля смягчена. Репортер ограничился сообщением, что Гергель говорил резко, и часть публики в знак протеста покинула зал.

Биограф императора Николая II С.С. Ольденбург выступил в защиту Белой армии, сказав, что «она – ядро будущей России». Поддержал «кающихся» еще один монархист – депутат III и IV Государственных Дум, в эмиграции – член Высшего монархического совета А.М. Масленников: «Большевизм есть продукт болезненных свойств русской души, но в устойчивости его организации повинны главным образом евреи – Троцкий, Радек, Литвинов и пр., без участия которых русская революция ограничилась бы жестоким, но непродолжительным бунтом». «Всем необходимо работать над восстановлением великой России», – закончил свое выступление Масленников, видимо, не исключая из числа этих «всех», в отличие от многих правых, и евреев.

О роли евреев в возрождении России говорил московский промышленник Кузнецов, призывавший забыть «все старые счеты»: «Еврей-купец, еврей-промышленник нужны возрожденной России. Только общими объединенными усилиями можно такую Россию создать».

Некоторые «кающиеся» разделяли монархические взгляды, видели в монархии (разумеется, «просвещенной») залог стабильности и порядка. Так, Мандель произнес настоящий «гимн будущей “нечерносотенной монархии”». А некая Минская выразила уверенность в том, что еврейство за последние годы поправело, 9 из 10 евреев «тоскуют по царе»<sup>634</sup>.

<sup>633</sup> *Gergel N. Di pogromen in Ukraine in di yorn 1918 – 1921 // Šriftn far ekonomik un statistik. 1928. No. 1. P. 106 – 113 (идиш).*

<sup>634</sup> Заметим, что как бы заочно в берлинских спорах участвовал живший в Париже Д.С. Пасманик, еще один еврей-монархист. В начале января 1923 года Пасманик выпустил в Париже книгу «Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм)». Пасманик доказывал, что ничего общего между иудаизмом и большевизмом нет и быть не может и что обвинения евреев в том, что они сыграли решающую роль в русской революции, – нонсенс, хотя бы по чисто арифметическим основаниям. В то же время он писал: «Мы не можем ограничиться заявлением, что еврейский народ не отвечает за те или иные действия отдельных его членов. Мы отвечаем за Троцкого, пока мы от него не отгородились, как весь русский народ отвечает за Ленина и Чичерина и всех предателей-генералов, пока он от них не отгородился <...> Мы, евреи, не имеем права укрыться в своей улитке» (*Пасманик Д. Русская революция и еврейство. С. 11 – 12*). В 1923 году Пасманик выпустил два сборника под названием «Дневник контрреволюционера», единственным автором которых был он сам. Среди прочего он высказался и о

Прямо противоположных взглядов придерживался некий Каплан, заявивший, что советская власть – единственная сила, которая может навести порядок и поднять престиж России, и «вскоре гегемония Парижа перейдет к Москве». Эпфельбаум, назвавший себя беспартийным, но сторонником Коминтерна, говорил, что и сионисты, и «кающиеся» едины в том, что «расшаркиваются перед белогвардейцами, указывая, что они не с большевиками... Монархисты Бикерман и Ландау должны решить, за кого они: за Николая или Кирилла». Будущая монархическая газета в Берлине, иронизировал Эпфельбаум, будет издаваться на деньги евреев.

По словам журналиста И.М. Троцкого (не имевшего никакого отношения к Л.Д. Троцкому-Бронштейну), группа «кающихся» противопоставила себя еврейской общественности. «Будет ли власть в будущей России у Милюкова или Керенского, – говорил он, – неизвестно, но у Маркова или Масленникова она безусловно не будет и тем более постыдно быть у них на узде. Лишь 1917 год вывел евреев из их бесправного положения. Отрицание этого обрекает “кающихся” на полное одиночество».

Троцкий был безусловно прав: группа «кающихся» или «ответственных» евреев, как их стали иронически называть в эмигрантской среде<sup>635</sup>, вызвала отторжение, по большей части негодование еврейской общественности. Это нашло отражение на страницах еврейской печати разного толка. Ш. Гепштейн, редактор сионистского «Рассвета», откликаясь на доклад Бикермана, сравнил его с адвокатом, которого надо «послушать – и поручить дело другому адвокату». «Еврейского “дела поручить” ему никак нельзя. Нельзя по той самой причине, которую обыватели формулируют очень просто – по-обывательски: “мой адвокат должен быть прежде всего и после всего *моим* адвокатом”. Мы, сионисты, определили это в особой формуле, которая, по моему глубокому убеждению и завоевала нам то доверие еврейских масс, которым мы пользуемся во всех странах. Это – наша формула о *примате* еврейских национальных интересов, национальной чести и национального достоинства во всех иллюзиях и сложных ситуациях...»<sup>636</sup>

Особое негодование Гепштейна, как и практически всех критиков Бикермана, вызвало объяснение причин погромов, граничившее с их оправданием. Гепштейн напомнил скандально знаменитое высказывание бундовского идеолога В. Медема о еврейских погромах эпохи первой русской революции: что «еврейская кровь, пролитая на погромах, – смазочное масло на колеса русской революции». «Бикерман утешается той же философией, – писал Гепштейн, – но с переменной знака на обратный: “еврейская кровь, пролитая на погромах, – смазочное масло на колеса русской контрреволюции или государственности”»<sup>637</sup>.

своем отношении к монархии: «Мудрено быть монархистом, когда тебе заявляют, что монархия будет основана на небывалом еще по размерам еврейском погроме. Целый народ не может желать самозаклания. Это просто и ясно. Выкрики некультурных монархистов отпугивают и запугивают русское еврейство. Если я предпочитаю монархию, то это объясняется тем, что я верю в ее культурное и творческое содержание, ибо только в этом случае она сможет возродиться и воскресить великую Россию. ... Когда русское еврейство будет освобождено от погромного кошмара, оно окажется куда более монархичным, чем это полагают... многие еврейские интеллигенты» (Дневник контрреволюционера. 1923. № 1. С. 24 – 25). Пасманик советовал даже и антисоветской общественности в СССР, и русской эмиграции взять пример с Италии и сплотиться вокруг одного человека перед лицом опасности, как сплотились итальянцы вокруг Муссолини (так!). «Меня, как эволюциониста, фашизм не приводит в восторг, но я его понимаю как историческую необходимость», – писал Пасманик (Там же. С. 30). Конечно, следует иметь в виду, что фашизм в начале 1923 года еще не стал столь одиозным понятием, как несколько лет спустя, но все же, чтобы приводить фашистскую Италию в качестве образца для решения «русского вопроса», надо было не иметь не только политического чутья, но и вкуса.

<sup>635</sup> Гиль Р. Я унес Россию. С. 150.

<sup>636</sup> Рассвет. 1923. № 7 (44). 18 февр. С. 5.

<sup>637</sup> Там же. С. 6. Почти теми же словами выразил позднее свое отношение к тексту Бикермана, напечатанному в сборнике «Россия и евреи» (см. о нем ниже), И.Б. Шехтман: «Один из лидеров Бунда, покойный Медем, сказал когда-то, в период первой русской революции 1905 года и сопровождавших ее погромов: “Еврейская кровь – смазочное масло на колесах русской революции”. Теперь приходит Бикерман, еврейский апостол русской контрреволюции, и тоже требует от еврейского народа, чтобы он записал пролитую “белыми” кровь на conto не погромов, а гражданской войны, и упокоился на этом, и подал бы руку пролившим эту кровь, и был бы счастлив тем, что она послужила смазочным маслом на колесах русской реакции...» (Шехтман И. Grimасы голуса // Народная мысль (Рига). 1923. 23 дек. С. 3 – 4).

Отклик на берлинские споры появился и на страницах парижской «Еврейской трибуны», органа ярко антисемитского. Впрочем, в отношении кающихся взгляды сионистов и их критиков не сильно различались. А.М. Кулишер иронизировал в статье, озаглавленной им «Об ответственности и безответственности»:

«Мы несомненно прогрессируем. Вопрос об “ответственности евреев за русскую революцию” до сих пор ставился только антисемитами. Теперь он поставлен некоторыми евреями. Под лозунгом этой “ответственности” в русско-еврейской эмиграции в Берлине идет целый покаянно-обвинительный поход»<sup>638</sup>.

Кулишер напомнил слова Эдмунда Бёрка: «Я не знаю способа написать обвинительный акт против целого народа» – и заключил: «Разговоры об “ответственности” в применении к неопределенным и неорганизованным группам, не имеющим никакой единой “воли” и не могущим ни совершать преступлений, ни каяться в них, – эти разговоры не могут иметь никакого смысла и никакой цели, кроме возбуждения дурных страстей. Антисемиты, говоря о “еврейской ответственности”, знают, для чего они это делают. Гг. Ландау и Бикерман этого не знают, и их выступления являются совершенно безответственными»<sup>639</sup>.

Выдохшаяся было полемика возобновилась на страницах периодики после выхода в свет в Берлине в начале 1924 года сборника «Россия и евреи», в который наряду со статьями Бикермана, Ландау и Манделя, – вошли тексты Д.С. Пасманика, И.О. Левина, Д.О. Линского (Долинского)<sup>640</sup>.

Авторы сборника развивали идеи, ранее сформулированные в докладах<sup>641</sup> или, как в случае Пасманика, других публикациях. Идеи, высказанные на страницах сборника, можно свести к трем основным положениям: во-первых, большевизм является для евреев абсолютным злом, и с ним надо бороться; во-вторых, евреи по природе своей консервативны, заинтересованы в стабильности, что доказывается опытом истории; приписывание им стремления к разрушению, революционности в лучшем случае является заблуждением, в худшем – клеветой; в-третьих, в силу исторически сложившихся обстоятельств, прежде всего антисемитской политики царского правительства, немалое число евреев приняло участие в русской революции; еврейство должно принять на себя за это ответственность, отмежеваться от евреев-большевиков и принять активное участие в борьбе за возрождение Российского государства.

Во введении к сборнику, озаглавленном «К евреям всех стран!», говорилось:

И все русское еврейство заплатило смуте неисчислимыми жизнями и всем своим достоянием; и в еврейской среде все наиболее культурное и достойное оттиснуто книзу, ввергнуто в нищету и беспомощность и, подавленное скорбью, молча умирает; и наши святыни поруганы, и на ниве еврейской культуры все выворочено и растоптано; как и русские люди, сотни тысяч русских евреев рассеялись по миру: для нас это второе рассеяние, рассеяние в рассеянии... Отечественное объединение русских евреев исходит из твердого убеждения, что и для евреев, как и для всех населяющих Россию племен, большевики есть *наибольшее* из возможных зол, что бороться всеми силами против владычества над Россией всесветного сброда – святой долг наш перед человечеством, перед культурой, перед Родиной и еврейским народом... Распространить это убеждение наше среди еврейства всего мира и, раньше

<sup>638</sup> Кулишер А. Об ответственности и безответственности // Еврейская трибуна. 1923. № 7 (160). 6 апр. С. 3 – 4.

<sup>639</sup> Там же. С. 4.

<sup>640</sup> Россия и евреи. Берлин: Основа, 1924.

<sup>641</sup> «Статьи сборника, в общем, повторяют положения, высказанные некоторыми из его участников на достопамятных собраниях в Берлине. Кое-что подчищено, кое-что не досказано, приведено в более удобоприемлемый вид. Но сущность осталась прежняя», – справедливо замечал С. Познер (Познер С. В чем же дело? // Еврейская трибуна. 1924. № 7 (183). 7 апр. С. 1).

всего, русского еврейства, мобилизовать еврейское общественное мнение всех стран для борьбы против большевиков и за восстановление России – такова наша задача<sup>642</sup>.

Авторы сборника выступали не только против большевизма, но и социализма как такового. Г.А. Ландау писал: «Социализм подорвал и привел к деградации все русское хозяйство, но еврейскую экономику он одним махом уничтожил, уничтожив торговлю, частное предпринимательство, городскую жизнь»<sup>643</sup>. Авторы сборника проклинали не только большевистскую, Октябрьскую революцию, но и Февральскую, эту «священную корову» русской либерально-демократической общественности, и даже в большей степени:

«Но истину, что Россию убила революция февральская, а не октябрьская, важно запомнить также еврею, каждому еврею, не воображающему, что нам море по колени, что среди крушения царств и гибели народов мы можем оставаться спокойны, раз владеем магической формулой, из вечной нашей обвиняемости выводящей вечную нашу невиновность», – писал Бикерман<sup>644</sup>.

«Констатирование ответственности евреев за участие евреев в большевистском движении обычно вызывает в еврейских кругах раздражение и непонимание... Отрицание ответственности с еврейской стороны в значительной мере основано на недоразумении. Само собою разумеется, что речь идет об ответственности не уголовной, а моральной. И если стоять на точке зрения, что большевистская революция в России явилась только разрушением, но ничего положительного не дала, то еврею, поскольку они образуют определенный национальный коллектив, не могут очевидно ограничиваться простым отводом и не сознавать ответственности за роль евреев в революционном движении», – утверждал И.О. Левин<sup>645</sup>.

Но кто были эти евреи-большевики? Мандель указывал, что «не только у русского, но и у русско-еврейского народа имеются недоросли, претенциозные недоучки с карьеристскими наклонностями, фанатики, дегенераты и даже садисты», встреченные большевиками «с распростертыми объятиями»<sup>646</sup>. Левин для объяснения активного участия евреев в радикальных движениях – не только в России, но и в Европе – предлагал более сложные аргументы. По его мнению, еврейство повисло в воздухе «между старой еврейской культурой, от которой оно отошло, и европейско-христианской в ее национальных формах, к которой оно не пристало... Массы еврейских большевиков, с одной стороны, и еврейских нэпманов, с другой, являются достаточно грозным указанием на глубину культурного разложения еврейства». Задача, которая стоит перед евреями, полагал Левин: «обрести культурную почву под ногами»<sup>647</sup>.

Сборник подвергся еще более резкой критике, нежели доклады. «Заседающий в германской столице синклит задался высокой целью спасти Россию и не видит для сего лучшего средства, как идти походом на своих же сородичей – русских евреев», – писал С. Познер в «Еврейской трибуне»<sup>648</sup>. Особенно возмущали еврейскую общественность попытки «обелить белых»: Белое движение было настолько испачкано грязью и кровью, кровью не только еврейской, но еврейской в особенности, что сделать это было весьма затруднительно, если вообще возможно. Один из идеологов белого движения Василий Шульгин констатировал, что Белое дело, «начатое “почти святыми”... попало в руки “почти бандитов”»<sup>649</sup>. Недалеко от Шульгина

<sup>642</sup> Россия и евреи. Берлин: Основа, 1924 (цит. по факсимильному изд. YMCA-press [Paris, 1978]). С. 5, 7.

<sup>643</sup> Ландау Г.А. Революционные идеи в еврейской общественности // Россия и евреи. С. 111.

<sup>644</sup> Бикерман И.М. Россия и русское еврейство // Там же. С. 21.

<sup>645</sup> Левин И.О. Евреи и революция // Там же. С. 123.

<sup>646</sup> Мандель В.С. Консервативные и разрушительные элементы в еврействе // Там же. С. 200 – 201.

<sup>647</sup> Левин И.О. Евреи и революция. С. 138.

<sup>648</sup> Познер С. В чем же дело? // Еврейская трибуна. 1924. 7 апр. № 7 (183). С. 1.

<sup>649</sup> Шульгин В.В. Дни; 1920. М., 1989. С. 292.

в оценке своих бывших подчиненных ушел и лидер Белого движения на юге России генерал А.И. Деникин: «За гранью, где кончается “военная добыча” и “реквизиция”, – с горечью писал он в «Очерках русской смуты», – открывается мрачная бездна морального падения: *насилия и грабежа*. ...И жалки оправдания, что там, у красных, было несравненно хуже. Но ведь мы, белые, выступали на борьбу именно против насилия и насильников!...»<sup>650</sup>

Собственно, в статье одного из авторов сборника Д.О. Линского приводились более чем красноречивые свидетельства политики белых в отношении евреев, не оставлявшие сомнений в том, что сотрудничество с ними для евреев было невозможно, а пребывание на территории, контролируемой «добровольцами», просто смертельно опасно. На это не преминул указать С. Познер: «Почему же гг. Бикерман и Ландау не прочли статьи своего сотрудника, прежде чем писать свои грозные филиппики?» Познер вполне справедливо указывал на то, что «выступающие с нравоучениями гг. патриоты... урагана, пронесшегося по югу России, не пережили и не хотят знать о том, что он был и что наделал»<sup>651</sup>. Это был прозрачный намек на то, что Бикерман и Ландау провели годы Гражданской войны на территории, контролируемой большевиками, или в эмиграции и своими глазами не видели ни еврейских погромов, ни их последствий, а их рассуждения о Белом движении носили умозрительный характер.

Познер справедливо указывал на то, что «болезнью» русского еврейства Бикерман считал его приверженность к Февральской революции. Свою рецензию, точнее отповедь, Познер заключал следующим пассажем: «Если бы берлинская группка верных старому режиму евреев не была ослеплена страстью во что бы то ни стало повернуть колесницу истории вспять, она не писала бы непристойных вещей о “повальном легкомыслии, безграничной распущенности слова, торжествующем верхоглядстве”, не брала бы на себя смешной роли врача-лечителя народных ран и не подавала бы праздных советов бороться с большевиками, что русскими евреями делается по мере сил и возможностей и без их напоминаний»<sup>652</sup>.

Иную реакцию вызвал сборник у Н.А. Бердяева:

Когда я читал сборник «Россия и евреи», я остро чувствовал глубокий трагизм само-сознания русских евреев, которые любят Россию, не любят русской революции и хотят быть русскими патриотами. Я во многом не согласен с мыслями этого сборника, но уважаю усилие объединенной в нем группы утвердить свое достоинство русских евреев вне использования революции в интересах еврейства. Это наводит на мысль о глубоком, быть может, безнадежном трагизме еврейского вопроса<sup>653</sup>.

Бердяев подошел к проблемам, обсуждавшимся в сборнике, не с политической, а с религиозно-философской точки зрения и попытался подойти к еврейскому вопросу как «внутреннему вопросу христианского сознания».

Однако взгляд Бердяева был все-таки взглядом «извне», со стороны. Философское или даже просто сколько-нибудь отстраненное от политического контекста отношение к идеям, высказанным в сборнике, было для русских евреев невозможно. Выступление Бикермана со товарищи не забывалось, и уже в начале 1930-х годов И.М. Чериковер как будто со свежим раздражением писал:

Раз человек необузданно мечтает о реставрации старых царских времен, то он логически должен принять и все «аксессуары» такой реставрации, т.е. погромы. Но г. Бикерману, как еврею, это последнее неудобно, и он

<sup>650</sup> Цит. по: Деникин. Юденич. Врангель. М., 1991. С. 62 – 63.

<sup>651</sup> Познер С. В чем же дело? С. 2.

<sup>652</sup> Там же.

<sup>653</sup> Бердяев Н.А. Еврейский вопрос, как вопрос христианский // Руль. 1924. 18 – 19 марта.

«решительно отрицает», что «истребляли евреев особо». Ни ген. Деникин, ни даже В. Шульгин, ни многочисленные русские наблюдатели поведения белых на Украине этого не отрицают. А еврей Бикерман, сидевший в глубоком тылу, никогда в глаза не видевший ни Добровольческой армии, ни погромного фронта, решается это отрицать<sup>654</sup>.

Наиболее четко отношение еврейской общественности Берлина к «кающимся» сформулировал С.М. Дубнов:

Печальным эпизодом в берлинской эмигрантской жизни было появление еврейских реакционеров под главенством бывшего демократа-радикала И. Бикермана. Вместе с некоторыми кающимися демократами он основал «Отечественный союз русских евреев» и издал сборник статей, где доказывал, что вожди русского еврейства не исполнили своего патриотического долга, не соединившись с белыми против большевиков, то есть с теми белогвардейцами, которые во время гражданской войны оказались ярыми черносотенцами и погромщиками<sup>655</sup>.

Однако «кающиеся» не стали для белых своими. Известный философ И.А. Ильин, «просидевший, – по словам одного из современников, – все белое движение в Москве за чтением лекций в красном университете»<sup>656</sup>, будучи высланным в 1922 году за границу, вступил в довольно регулярную переписку с генералом П.Н. Врангелем, которому был предан всей душой. От полноты чувств философ даже подписывался «Белый». В октябре 1923 года Ильин направил генералу записку о политическом положении.

Ильин предполагал, что возможному антибольшевистскому перевороту могли бы быть полезны евреи, «если б сумели обеспечить себе гарантию от грядущей расправы». «Нащупывая почву для этого, они выдвинули... “Покаянную группу патриотов” (Пасманик, Бикерман, Ландау, Мандель), ловко провоцировавшую правых на публичные выступления; эта группа, “защищающая” белую Армию, пользуется известным, хотя совершенно необоснованным доверием у некоторых почтенных общественных деятелей (П.Б. Струве) и в лице Бикермана вела даже переговоры с Высшим Монархическим Советом (для контрразведки)»<sup>657</sup>.

Группа «кающихся» была немногочисленна и невлиятельна. Почему же ее выступление вызвало такую бурную реакцию и столько откликов, что из них можно было бы составить книгу, не уступающую по объему сборнику «Россия и евреи»? На наш взгляд, дело было в том, что «кающиеся» среди прочего затронули весьма болезненный вопрос (собственно, неболезненных вопросов они не затрагивали) участия евреев в революции; вопрос, на который еврейские общественные деятели, выброшенные революцией из страны, не находили удовлетворительного ответа. Большинство искало ответ на пути, указанном Дубновым еще в 1917 году, когда, выступая на еврейском митинге в Петрограде 8 июня, он заявил: «...и из нашей среды вышло несколько демагогов, присоединившихся к героям улицы и пророкам захвата. Они выступают под русскими псевдонимами, стыдясь своего еврейского происхождения (Троцкий, Зиновьев

<sup>654</sup> Чериковер И.М. Белое движение и евреи // Шехтман И.Б. Погромы Добровольческой армии на Украине: (К истории антисемитизма на Украине, 1919 – 1920 гг.). Берлин, 1932. С. 28 – 29.

<sup>655</sup> Дубнов С.М. Книга жизни. С. 533. Примечательно, что в вышедшем в 1925 году немецком варианте сборника «кающихся» формулировки смягчены таким образом, чтобы евреи предстали жертвами антисемитизма и антисемитской политики, а не людьми, причастными к власти в советском государстве. В издании, адресованном немецкой публике, авторы не решились со всей резкостью и прямоотой противопоставить себя остальному еврейству (*Wolf M. Russische Juden gegen «jüdischen Bolschewismus»*. S. 185).

<sup>656</sup> Письмо Н.Н. Чебышева, начальника канцелярии П.Н. Врангеля, В.А. Маклакову, цит. по: И.А. Ильин и П.Н. Врангель: 1923 – 1928 / Публ. В.Г. Бортневского // Русское прошлое. СПб., 1996. Кн. 6. С. 206.

<sup>657</sup> Ильин И.А. Записка о политическом положении // И.А. Ильин и П.Н. Врангель. С. 227.

и др.), но скорее псевдонимами являются их еврейские имена: в нашем народе они корней не имеют...»<sup>658</sup>.

Однако же объявить евреев – «героев улицы» всего лишь отщепенцами или «недорослями» было затруднительно; их оказалось чересчур много. Ближе к истине был меньшевик Ст. Иванович (Португейс), который, 15 лет спустя после берлинских дискуссий, рассуждая о гонениях на еврейскую буржуазию и о том, что процент «лишенцев» по социальному положению был у евреев выше, чем у любого другого народа России, писал: «...казни египетские, посыпавшиеся на евреев “не как на евреев”, а как на буржуев, осуществлялись в значительной мере при помощи еврейской же агентуры из числа еврейских большевиков и ренегатов-евреев из других партий. В огромном большинстве случаев этих “буржуев” гнали, терзали и мучили дети той же еврейской улицы, соблазненные в большевизм». «Этот гонитель и мучитель был не “довер-ахер”<sup>659</sup>, а тот самый “наш Янкель”, сын реб-Мойше из Касриловки<sup>660</sup>, невредный паренек, который в прошлом году провалился на экзамене в аптекарские ученики, но зато в этом году выдержал экзамен по политграмоте»<sup>661</sup>.

Конечно, среди большевиков еврейского происхождения были не только неудачливые аптекарские ученики, «претенциозные недоучки», «дегенераты» и «недоросли». Евреи, так же как и подавляющее большинство обитателей бывшей Российской империи, «претерпевали» революцию, обернувшуюся Гражданской войной. Однако правдой было и другое: революция предоставила евреям невиданные ранее возможности, в том числе возможность стать властью. Революция дала возможность не только «претерпевать», но и *творить* ее. Тысячи «пареньков из Касриловки» эту возможность не упустили. «Кожаные куртки» оказались им вполне по плечу. Они стали верными солдатами революции.

Опыт Гражданской войны продемонстрировал большинству еврейского населения страны, что в безопасности оно может себя чувствовать только при Советской власти. Более того, при Советской власти для евреев открылись невиданные до тех пор возможности в области образования, политической и профессиональной карьеры. Однако за это надо было платить – платить утратой религии, языка, культуры, одним словом, утратой национальной идентичности, т.е. тем, что евреи сохраняли на протяжении тысячелетий, включая и два с половиной столетия пребывания в Российской империи.

Участники этнографических экспедиций в бывшую Черту оседлости в середине 1920-х годов констатировали «в каждом местечке особый вариант вероотступлений, – один необычнее другого». В Рогачеве «деды – талмудисты, сыновья – коммунисты, а дети у них трэфные – неосвященные еврейским обрезанием», в Гомеле под окном синагоги ребятишки распевали по-еврейски и по-русски: «Долой, долой монахов, раввинов и попов». Необрезанный Берка, посаженный дедом в синагоге на стол рядом с Торой, на его вопрос: «Чем будешь, Берка?» – важно заявил: «Во-первых, я не Берка, а совсем Лентрозин [сокращение от Ленин, Троцкий, Зиновьев. – О.Б.], а буду – я буду чекистом»<sup>662</sup>.

Местечковые мальчики двинулись в города, чтобы стать чекистами, инженерами, поэтами, шахматистами и музыкантами. Местечковый провинциальный мир с его веровани-

<sup>658</sup> Дубнов С.М. Книга жизни. С. 533 – 534. В таком же духе высказывался незадолго до большевистского переворота, выступая в Совете Республики, М.Л. Гольдштейн, подчеркивавший «государственность» еврейского народа. Говоря о большевиках и интернационалистах, он сказал, что им «для своей деятельности пришлось трижды отречься от еврейства: от своей национальности, от своей религии и от своего имени» (Познер С. Еврейский вопрос в Совете Республики // Еврейская неделя. 1917. № 42. 22 окт. С. 5).

<sup>659</sup> Довер-ахер (*идиши*) – сатана, нечистая сила.

<sup>660</sup> Касриловка – название еврейского местечка в рассказах Шолом-Алейхема.

<sup>661</sup> Иванович Ст. Евреи и советская диктатура // Еврейский мир: Ежегодник на 1939 год. Париж, 1939 (цит. по переизд.: М.; Иерусалим: Гешарим, 2002. С. 62).

<sup>662</sup> Тан В.Г. Еврейское местечко в революции. // Еврейское местечко в революции / Ред. В.Г. Богораз-Тан. М; Л., 1926. С. 25.

ями и отжившими обычаями стал им чужд и неинтересен. Русская революция стала и революцией «на еврейской улице».

Российское еврейство было расколото, как и вся страна, и говорить о его единых интересах не приходилось. Между тем еврейские общественные деятели – и это объединяло и «кающихся», и их противников – отказывались это признавать. Даже Кулишер, в своей критике взглядов Бикермана и Ландау писавший о евреях как о неопределенных и неорганизованных группах, не имеющих никакой единой «воли», в полном противоречии с этим тезисом называл выступления «кающихся» несовместимыми с достоинством еврейского народа и идущими на руку его врагам<sup>663</sup>.

Очевидно, что представления о достоинстве еврейского народа у Кулишера и других авторов либерально-демократической «Еврейской трибуны», членов Отечественного объединения русских евреев, публицистов сионистского «Рассвета» или «невредных пареньков» из Касриловки, ставших большевистскими функционерами, были весьма разными. Так же как представления о его врагах.

\* \* \*

Вернемся, однако, к деятельности «погромной комиссии». Она получила широкий общественный резонанс в 1926 – 1927 годах, когда в Париже происходил процесс над Шаломом Шварцбардом<sup>664</sup>, бессарабским евреем, все члены семьи которого (15 человек) были истреблены во время погромов на Украине. 25 мая 1926 года в Париже Шварцбард застрелил лидера украинских националистов Симона Петлюру, которого считал виновником погромов. Комитет парижских защитников Шварцбарда под руководством Л.Е. Моцкина обратился за помощью к берлинским публицистам и историкам (И.М. Чериковеру, Я.Д. Лещинскому, Н.Ю. Гергелю, С.М. Дубнову, И.Я. Клинову)<sup>665</sup> для подготовки материалов для защиты подсудимого, прежде всего сведений о погромах, осуществленных петлюровскими войсками. 27 октября 1927 года Шварцбард был оправдан<sup>666</sup>.

В 1932 году вышла в свет книга И.Б. Шехтмана «Погромы Добровольческой армии на Украине: (К истории антисемитизма на Украине, 1919 – 1920 гг.)»<sup>667</sup>, увенчавшая берлинский период деятельности Архива истории восточноевропейского еврейства и остававшаяся вплоть до начала XXI века наиболее полным и документированным исследованием погромов, осуществленных войсками белых.

## Языки еврейской культуры: идиш, иврит, русский

И общественная, и научная жизнь русско-еврейского Берлина была многоязычной. Одни и те же авторы писали по-русски и на идише, некоторые – на иврите и по-немецки. Л.М. Брамсон, Р.А. Абрамович (Рейн), С.М. Дубнов входили в состав авторского коллектива «Всеобщей энциклопедии» (*Algemeine encyclopedie*) на идише<sup>668</sup>. Издательство «Грани» органи-

<sup>663</sup> Кулишер А. Об ответственности и безответственности. С. 4.

<sup>664</sup> Используем принятое в литературе написание имени и фамилии, хотя при корректной транслитерации с идиша имя убийцы С. Петлюры должно писаться Шулим Шварцбурд.

<sup>665</sup> Дубнов С.М. Книга жизни. С. 557 – 558, 562.

<sup>666</sup> О процессе Шварцбарда см.: Процесс Шварцбарда в Парижском суде / Сост. И. Будовниц; предисл. М. Рапопорта. Л., 1928; Красный П. Трагедия украинского еврейства (к процессу Шварцбарда). Киев, 1928.

<sup>667</sup> Шехтман И.Б. Погромы Добровольческой армии на Украине: (К истории антисемитизма на Украине, 1919 – 1920 гг.) / Вступительная статья И. М. Чериковера. Берлин, 1932.

<sup>668</sup> Об энциклопедии см.: Trachtenberg B. Jewish Universalism, the Yiddish Encyclopedia and the Nazi Rise to Power // Yiddish in Weimar Berlin. At the Crossroads of Diaspora Politics and Culture / G. Estraiikh, M. Krutikov, eds. London: Legenda, 2010. P.

зовало еврейский отдел (под руководством И.М. Чериковера) – «Литераришер фарлаг», который печатал книги на идише. Литературные и научные произведения, созданные на идише и иврите, часто переводились на русский. Русское универсальное издательство выпустило в 1921 году в серии «Всемирный пантеон», в которой публиковались произведения всемирной литературы, «Еврейский сборник». В сборнике был напечатан отрывок из «Сказания о погроме» Х. – Н. Бялика, а также переводы рассказов Шолом-Алейхема, Л. Переца, Ш. Аша, А. Рейзена и Ф. Галперина. Издательство С.Д. Зальцмана выпустило в 1922 году альманах «Сафрут», состоящий преимущественно из переводов с иврита и идиша (в переводах были опубликованы стихи Бялика, Черниковского, Л. Яффе, рассказы Г. Шофмана, Х. Тадира) и нескольких оригинальных произведений на еврейскую тему (в том числе стихов Бунина и Брюсова)<sup>669</sup>. Труды Дубнова печатались в издательстве «Jüdischer Verlag» по-немецки, в «Литераришер фарлаг» на идише, в издательствах «Аянут», «Двир» и «Гешер» на иврите.

Особняком в этом отношении стоит Илья Эренбург, писатель, поэт, соредaktor искусствоведческого конструктивистского журнала «Вещь»: человек, вовлеченный как в русскую, так и в еврейскую берлинскую культурную жизнь (несмотря на то, что он крестился в католицизм), но при этом не знающий ни иврита, ни идиша. В. Шкловский оставил запоминающийся портрет Эренбурга берлинского периода:

У него три профессии: 1) курить трубку, 2) быть скептиком, сидеть в кафе и издавать «Вещь», 3) писать «Хулио Хуренито».

Последнее по времени «Хулио Хуренито» называется «Трест Д.Е.». От Эренбурга исходят лучи, лучи эти носят разные фамилии, примета у них та, что они курят трубки.

Лучи эти наполняют кафе.

В углу кафе сидит сам учитель и показывает искусство курить трубку, писать романы и принимать мир и мороженое со скептицизмом.

Природа щедро одарила Эренбурга – у него есть советский паспорт.

Живет он с этим паспортом за границей. И тысячи виз.

Я не знаю, какой писатель Илья Эренбург.

Старые вещи нехороши.

...

Прежде я сердился на Эренбурга за то, что он, обратившись из еврейского католика или славянофила в европейского конструктивиста, не забыл прошлого.

Из Савла он не стал Павлом. Он Павел Савлович и издает «Звериное тепло»<sup>670</sup>.

В Берлине Эренбург обращается к еврейским мотивам<sup>671</sup>. Он пишет «Шесть повестей о легких концах» (Берлин: Геликон, 1922). В 4-й главе этой книги, «Шифс-карте», предваренной

195 – 214.

<sup>669</sup> В том же году издательством С.Д. Зальцмана была переиздана «Еврейская антология» – сборник русских переводов поэзии на иврите, впервые вышедший в издательстве «Сафрут» в Москве, с предисловием М.О. Гершензона.

<sup>670</sup> Знаменитый «берлинский» роман В.Б. Шкловского «Zoo, или Письма не о любви» цит. по: <http://www.marie-olshansky.ru/ct/zoo.shtml>.

<sup>671</sup> О «еврейском духе» в прозе Эренбурга см.: *Кантор В. Метафизика еврейского «нет» в романе Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито»* // Русско-еврейская культура / Ред. О.В. Будницкий. М., 2006. С. 245 – 371; *Bérard E. Il'ja Erenburgs Berliner Zeit (1921 – 1923) // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994. S. 326 – 227*. Среди художников к подобным исключениям можно отнести Л.О. Пастернака: художник, принадлежащий к русской культурной среде, хорошо знакомый с Германией, иллюстрирующий русские книги, по приезду в Берлин обращается к еврейской теме: он создает портреты немецко-еврейского художника Г. Штрука, которого как он, так и М. Шагал считали своим учителем, Л. Шестова, Г. Когена, М. Гнесина, издает «Альбом портретов еврейских деятелей» и альбом «Рембрандт и еврейство в его творчестве». В 1924 году по предложению А.Э. Когана, редактора «Жар-птицы», совершает поездку в Палестину и по ее

иллюстрацией Эль Лисицкого, описывается Бердичев в годы Первой мировой и Гражданской войн: погромы, евсекция, превращение синагоги в клуб им. Троцкого, запрет соблюдать Субботу. Главный герой – часовщик Гирш, надеявшийся получить от эмигрировавшего в Америку сына «шифскарту» и уехать к нему, – погибает во время погрома. Иллюстрация Эль Лисицкого представляет собой коллаж: отпечаток ладони, в центре которого – две еврейские буквы, пей и нун, – аббревиатура, с которой начинаются традиционные надписи на еврейских надгробиях<sup>672</sup>.

Описание жизни евреев в Германии появляется в более позднем произведении Эренбурга – сатирическом романе «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца», который написан уже после отъезда Эренбурга из Берлина (но опубликован в 1928 году в берлинском издательстве «Петрополис»). Лазик Ройтшванец, гомельский портной, волею судеб и, разумеется, автора становится героем плутовского романа. Обстоятельства гонят его с места на место, заставляют менять социальные роли и профессии. Он попадает в Германию: сначала в Кенигсберг, где директор аптеки Дрекенкопф придумывает рекламный трюк и заставляет Лазика стоять в витрине и изображать тщедушного еврейского ребенка (рядом с ним в витрине стоит его антипод – огромный здоровый немец), затем в Берлин, где он пытается сняться в художественном фильме в роли русского революционера. Потом Лазик работает распространителем листовок, кошащей сиделкой и обезьяной в цирке, затем попадает последовательно в Магдебург, Штутгарт, Майнц и Франкфурт, где выдает себя за хасидского цадика. В Англии Лазика арестовывают, заподозрив в нем большевистского агента; в конечном счете Лазик, мечтающий о том, чтобы вернуться в Гомель, где живет его любовь – незабвенная Фенечка Гершанович, оказывается в Иерусалиме, где и умирает. Роман – сатира на «всех и вся», в том числе сионистов.

Приехав в Тель-Авив, Лазик сразу увидел десяток евреев, которые стояли возле вокзала, размахивая руками. Подойдя к ним поближе, Лазик услышал древнееврейские слова. Он не на шутку удивился.

– Почему вы устраиваете «миним»<sup>673</sup> на улице, или здесь нет синагоги для ваших отсталых молитв?

– Дурень, кто тебе говорит, что мы молимся? Мы вообще обсуждаем курс египетского фунта, и здесь все говорят на певучем языке Библии, потому что это наша страна, и забудьте скорее ваш идиотский жаргон!

Лазик только почесался. Он-то знал эти певучие языки! Они хотят устроить биржу по-библейски? Хорошо. У кого не бывает фантазий. Главное, где бы здесь перекусить?..<sup>674</sup>

Роман Эренбурга так и остался эмигрантским. На родине он был издан 22 года спустя после смерти автора, в 1989 году.

Однако вернемся к культуре, которая создавалась русскими евреями на еврейских языках – именно обращение к ивриту и идишу делало ее в глазах немецких евреев «настоящей»<sup>675</sup>. В журнале М. Бубера «Der Jude» – издании немецких сионистов – высказывалась идея, что сионистская литература на немецком языке подлинно сионистской не является, и эпитет «истинно еврейский» употреблялся лишь по отношению к авторам, писавшим на еврейскую тему и на

---

итогам создает множество зарисовок. См.: *Лапиш В.* Леонид Пастернак в Берлине // Пинакотека. 1999. № 10 – 11 (3 – 4). С. 128 – 135. Кроме того, в 1922 году Л.О. Пастернак входит в состав комиссии при Берлинском бюро экзекутивы еврейской конференции помощи. Совместно с Д. Бергельсоном и Б. Кацем он занимался составлением списка нуждающихся литераторов (Рассвет. 1922. № 3. С. 17).

<sup>672</sup> О соотношении текста Эренбурга и иллюстрации Эль Лисицкого см.: *Духан И.* Эль Лисицкий и русско-еврейско-немецкий авангард // Русско-еврейская культура. С. 465 – 468.

<sup>673</sup> Имеется в виду миньен (совр. *иврит* – миньян), в иудаизме – кворум из 10 мужчин старше 13 лет, необходимый для произнесения некоторых молитв.

<sup>674</sup> Цит. по: [http://www.imwerden.info/belousenko/books/Erenburg/erenburg\\_lazik.htm](http://www.imwerden.info/belousenko/books/Erenburg/erenburg_lazik.htm).

<sup>675</sup> *Brenner M.* The Renaissance of Jewish Culture in Weimar Germany.

еврейских языках. Символами этой литературы стали Х.Н. Бялик и будущий Нобелевский лауреат Ш.И. Агнон, писавшие прежде всего на иврите. Предпочтение отдавалось именно ивриту, поскольку он представлялся авторам журнала способом преодолеть изгнание, вернуться в Сион – в языковом плане<sup>676</sup>.

В 1920-е годы Берлин становится центром гебраистского движения. Для еврейских авторов, живших в Пруссии и говоривших по-немецки, литературные опыты на иврите не были редкостью, и в этом отношении межвоенное немецкое еврейство наследовало почтенной традиции. Представители первого поколения еврейского Просвещения (М. Мендельсон, Н.Г. Вессели) писали на иврите, в Кенигсберге с 1784 года выходил первый журнал на иврите «Гамеассеф». Иврит был выбран просветителями, поскольку он удовлетворял идеалу «чистого языка» (идиш, смешанный язык, включающий германскую, семитскую, романскую и славянскую лексику, «чистым» быть признан не мог) и поскольку он мог служить предметом национальной гордости: ведь именно на иврите была написана Библия – священный текст, объединяющий еврейскую и европейскую культуру.

Первоначально планировалось, что иврит послужит проводником просветительских идей для еврейского народа, а потом, когда степень модернизации евреев станет достаточной, они смогут полностью перейти на немецкий<sup>677</sup>. В 1909 году в Берлине была проведена конференция гебраистов – в качестве ответа на конференцию идишистов, прошедшую полутора годами раньше в Черновцах. В 1910-е годы в Берлине поселились М.И. Бердичевский, Ш.И. Агнон и Э. Бен-Иегуда, автор «Исторического словаря» иврита, с деятельностью которого традиционно связывают возрождение иврита в качестве разговорного языка. В 1913 году в Берлине был основан сионистский фонд «Кедем», который поддерживал разные начинания гебраистов – от издания школьных учебников до основания в Иерусалиме Академии языка иврит<sup>678</sup>. Существовали несколько языковых салонов, где говорили на иврите, самым известным из которых был салон Вилла Штрук на западе Берлина, на базе которого в 1917 году был основан Клуб иврита (das Hebräische Club), или Бейт-га-ваад га-иври<sup>679</sup>. Основной целью деятельности, которую декларировал Бейт-га-ваад га-иври, была гебраизация еврейского образования: создание детских садов и школ с преподаванием на иврите и курсов иврита для взрослых. Первые курсы для взрослых, где иврит изучался как разговорный язык, были открыты в Берлине в 1919 году; в 1925 году они стали школой по подготовке учителей при берлинской еврейской общине, в школе насчитывалось 290 учеников<sup>680</sup>. В 1922 году на встрече в Бейт-га-ваад га-иври Х.Н. Бялик одобрительно отозвался о немецко-еврейской публике: «Впервые после того, как я покинул Россию, я почувствовал себя среди моего народа, в теплой и живой атмосфере иврита. Всюду, куда бы я ни приезжал прежде, я чувствовал себя чужим, как будто бы между мною и окружающими стояла стена, поскольку там не говорили на иврите. Только в Берлине эта стена пала»<sup>681</sup>.

Итак, немецким гебраистам было чем гордиться. Однако сами они возрождение иврита воспринимали как феномен, связанный с остьюден и с идишем. «Ивриту в Германии [со вре-

<sup>676</sup> Cresti S. Aporien der jüdischen Identität. Literatur und Judentum in der Zeitschrift *Der Jude* von Martin Buber // *Jüdisches Leben in der Weimarer Republik* / Hrsg. W. Benz, A. Paucker u. P. Pulzer. Tübingen, 1998. S. 265.

<sup>677</sup> См.: Shavit Y. A Duty Too Heavy to Bear: Hebrew in the Berlin Haskalah, 1783 – 1819: Between Classic, Modern, and Romantic // *Hebrew in Ashkenaz. A Language in Exile* / L. Glinert, ed. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 111 – 128.

<sup>678</sup> Schaefer B. Hebräisch im zionistischen Berlin // *Jüdische Sprachen in deutscher Umwelt. Hebräisch und Jiddisch von der Aufklärung bis ins 20. Jahrhundert* / Hrsg. M. Brenner. Goettingen, 2002. S. 72.

<sup>679</sup> Ibid. S. 73; Pinsker Sh. M. Literary Passports: The Making of Modernist Hebrew Fiction in Europe. Stanford: Stanford University Press, 2011. P. 108.

<sup>680</sup> Perets R. Die Vermittlung der hebräischen Sprache in Deutschland vor 1933 // *Jüdische Sprachen in deutscher Umwelt* / Hrsg. M. Brenner. S. 81.

<sup>681</sup> Brenner M. The Renaissance of Jewish Culture in Weimar Germany. P. 185.

мен Мендельсона] было уже почти нечего терять. Насаждавшаяся религиозная реформа была возможна лишь потому, что немецкие евреи абсолютно, катастрофически не знали идиша. И все же с тех пор положение иврита в Германии сумело ухудшиться. Исчез всем известный язык, который пользовался бы древнееврейской письменностью, – идиш. Раньше текст заповедей бубнили без понимания – теперь немецкие евреи не могут его и прочесть. Молодежи иврит безразличен. Изучать иврит в детстве – знак отсталости... А на востоке, напротив, позиции иврита крепнут. Сколько он потерял в качестве языка заповедей – столько он приобрел в качестве живого разговорного языка»<sup>682</sup>. Так писал в 1911 году Генрих Лёве, сионист, общественный деятель, гебраист, энтузиаст возрождения иврита: родным языком для его дочери Ѓадассы, как и для сына Элиэзера Бен-Иеѓуды Итамара, был иврит<sup>683</sup>.

В веймарский период Берлин становится одним из центров литературного творчества на иврите, и действительно, роль писателей из Восточной Европы в этом велика. В 1918 году в Берлин возвращается Ш.И. Гурвиц, который еще до войны был заметным деятелем гебраистского движения в Берлине, издавал два журнала на иврите: в 1907 году основан журнал «Ѓе-атид» («Будущее»), в 1912 – «Нетивес» («Нетивот», «Пути»). После войны Гурвиц вновь возглавил собственный кружок гебраистов. В начале 1920-х приезжают Бялик, Ш. Черниховский (ставший почетным председателем Бейт-ѓа-ваад Ѓа-иври), З. Шнеур, У. Ц. Гринберг, Н. Соколов, Ш. Равидович – идеолог создания культуры на иврите в диаспоре (в 1929 году он возглавил Бейт-ѓа-ваад Ѓа-иври). Большую долю от числа посетителей ивритоязычных кружков составляли восточноевропейские евреи. Г. Шолем отмечает, что в салоне Вилла Штрук «говорили на немецком со славянским акцентом... на идише и на иврите вперемешку»<sup>684</sup>.

В начале 1920-х годов Берлин становится центром книгоиздания на иврите<sup>685</sup>. Причины этому были все те же: инфляция, дешевизна типографских работ, отсутствие цензуры. «Штыбель» – предприятие Аврома Йойсефа Штыбеля – печатало литературу на иврите, переводы западной и идишской литературы на иврит, книги по искусству, издавало журнал «Ѓа-текуфа». Издательство «Шокен» (основанное Залманом Шокеном, одним из создателей журнала «Der Jude», основателем Института изучения еврейской поэзии, другом, спонсором и издателем Ш.Й. Агнона) выпускало средневековые и новые тексты на иврите, а также произведения немецкоязычных еврейских авторов и книги, имеющие отношение к еврейскому вопросу. «Эшколь» – сионистское по своей идеологии издательство, основанное Нохумом Гольдманом и Янкевом Клацкиным, – выпускало, в частности, Еврейскую энциклопедию (Encyclopedia Judaica) на немецком языке и на иврите. Действовали также издательства «Оманут» («Искусство»), «Ѓа-сэфер» («Книга»), «Явне» и другие.

В Берлине сложилась культура литературных кафе, в которых собирались гебраисты, идишисты и немецкоязычные еврейские писатели, царила абсолютная эклектика: встречались представители разных идеологических течений, разных поколений, авангардисты и традиционалисты, берлинцы и чужаки<sup>686</sup>. Это прежде всего «Café Monopol», «Café des Westens» и «Romanisches Café». В этих кафе происходило чтение произведений, велись литературные дискуссии на нескольких языках, редактировались журналы на иврите (в том числе упомянутый «Ѓе-атид»). В воспоминаниях Итамара Бен-Ави, сына Элиэзера Бен-Иеѓуды, есть любопытное

<sup>682</sup> Schaefer B. Hebräisch im zionistischen Berlin. S. 68.

<sup>683</sup> Ibid. S. 69 – 70.

<sup>684</sup> Цит. по: Schaefer B. Hebräisch im zionistischen Berlin. S. 73.

<sup>685</sup> Pinsker Sh M. Literary Passports. P. 110.

<sup>686</sup> Подробнее см.: Ibid. P. 121 – 122, 134 – 135; Bechtel D. Jiddische Literatur und Kultur in Berlin im Kaiserreich und in der Weimarer Republik // Jüdische Sprachen in deutscher Umwelt. Hebräisch und Jiddisch von der Aufklärung bis ins 20. Jahrhundert / Hrsg. Michael Brenner. Göttingen, 2002. S. 89 – 90.

упоминание: в «*Romanisches Café*» у гебраистов был свой столик, и официант, который его обслуживал, выучил набор необходимых слов и фраз на иврите<sup>687</sup>.

Среди центральных фигур гебраистского Берлина первой половины 1920-х годов был один из первых поэтов-символистов, писавших на иврите, – Х.Н. Бялик. В 1921 – 1924 годах он жил в Берлине. Вскоре после приезда совместно с И. Равницким и Ш. Левиным он основал издательство «Двир», которое публиковало художественные произведения на иврите и первый ивритоязычный естественно-научный журнал (в 1922 году «Двир» объединился с одесским издательством «Мория»). В 1922 году Бялик становится главным редактором издательства «Клаль», созданного в 1921 году Я.В. Лацким-Бартольди и Ш. Равидовичем.

Однако Бялик повторил судьбу многих литературных классиков. Молодое поколение авторов-гебраистов сочло его устаревшим. Его издательство «Мория» занималось старыми литературными проектами, начатыми еще в Одессе, сам Бялик оставался верен своей старой поэтике и своим прежним литературным вкусам – в то время как молодые гебраисты-модернисты развивали новые литературные формы. Равидович упрекал Бялика в нежелании входить в живую творческую интеллектуальную среду гебраистского Берлина<sup>688</sup>. Вскоре, в марте 1924 года, разочарованный Бялик покидает Берлин (разумеется, причина была и в том, что в 1924 году книгоиздание в Берлине перестало окупаться, и Бялик решил перенести свои предприятия в Палестину).

В целом центром ивритоязычной культуры Берлин оставался недолго: после стабилизации марки гебраистская издательская деятельность становится невыгодной, и многие писатели уезжают в Палестину. Однако вплоть до нацистских времен оставалось популярным изучение иврита: после 1933 года число учеников языковых школ только возросло, поскольку отъезд состоятельных немецких евреев в Палестину стал массовым<sup>689</sup>.

В 1926 – 1931 годах в Германии несколько раз гастролировала «Габима» – ивритоязычная театральная труппа, основанная в Москве в 1917 году<sup>690</sup>. Постановки «Габимы» пользовались успехом благодаря не только их языку и этнографическим особенностям, но и высокому уровню театрального искусства. В обсуждении концепции «Габимы» участвовал К.С. Станиславский, а первым режиссером театра был его ученик Е.Б. Вахтангов. «Габима» встретила в Берлине радушный прием, сохранились восторженные отзывы А. Эйнштейна, ведущего немецкого театрального критика Альфреда Керра и режиссера «Дойчес театер» Макса Рейнхарда<sup>691</sup>.

Интересны две рецензии на постановку пьесы «Сон Иакова» австрийского драматурга Рихарда Бер-Хофмана, еврея по происхождению. Пьеса была написана по-немецки и переведена для «Габимы» на иврит. Оба рецензента – А. Керр и сам Бер-Хофман – иврита не знали. Керр писал: актеры «использовали то самое древнее звучание, звучание Библии, которое, к сожалению, стало мне чужим», однако отметил, что чувствовал «кровное родство» с носителями этой культуры. Бер-Хофман также написал хвалебный отзыв и заключил его словами о языке, на котором пьеса исполнялась: «...пьеса звучала странно, это был язык, которого я не понимаю, однако в каком-то отношении он показался мне знакомым, даже частью меня»<sup>692</sup>.

Обоим рецензентам культура, которую представляет московский театр, кажется более древней и «настоящей», чем их собственная, они чувствуют свою оторванность от нее. С одной стороны, они не знают ее языка и воспринимают его как язык чужой, с другой – он им кажется мистически знакомым. Вероятно, это романтическое ощущение можно объяснить идеологи-

<sup>687</sup> *Pinsker Sh. M. Literary Passports. P. 123.*

<sup>688</sup> *Ibid. P. 115 – 117.*

<sup>689</sup> *Perets R. Die Vermittlung der hebräischen Sprache. S. 84.*

<sup>690</sup> См. подробнее об этом театре: *Иванов В.В. Русские сезоны театра «Габима». М., 1999.*

<sup>691</sup> *Brenner M. The Renaissance of Jewish Culture in Weimar Germany. P. 190.*

<sup>692</sup> *Ibid. P. 191.*

ческим контекстом: на рубеже веков в Германии была популярна идея об иврите как языке, подспудно знакомом всем евреям (в частности, это было одним из оснований для создания методики преподавания иврита по «прямому методу» – «иврит на иврите»).

Подобное отношение встретили и еврейские труппы, приехавшие в Берлин со спектаклями на идише: спектакль «Вилнер труппе» – идишского театра из Литвы – писатель Альфред Дёблин назвал «настоящим еврейским театром», а Йозеф Рот так отозвался о спектакле ГОСЕТа (Государственного еврейского театра в Москве)<sup>693</sup>: «Мне казалось, будто евреи, представленные на сцене, – более восточные, нежели те, которые обыкновенно встречаются... это евреи более высокой ступени, более еврейские евреи»<sup>694</sup>.

Этот интерес к глубоко национальному, архаическому, возможно, более примитивному характерен и для восточноевропейского искусства в Германии 1920-х годов, прежде всего для идишского авангарда.

Как отмечают многие авторы, Берлин не стал полноценным центром идишской культуры<sup>695</sup>. Вероятно, это обусловлено прежде всего кратковременностью ее развития в Берлине.

Начало 1920-х годов было многообещающим. В Берлине оказалось значительное количество идишистов: там некоторое время жили писатели М. Кульбак, Л. Квитко, Д. Бергельсон, Д. Гофштейн, Дер Нистер, критики И. Эльяшев (известный под псевдонимом Бал-Махшовес, редактор идишского отдела издательства «Клаль») и Н.И. Штиф (известный под псевдонимом Бал-Димьен, критик, филолог, переводчик и общественный деятель; впоследствии он уехал в СССР и стал одним из теоретиков советского литературного идиша).

Самым известным еврейским академическим учреждением, занимающимся изучением языка идиш, идишской литературы, еврейской истории и культуры, в 1920 – 1930-е годы был Еврейский исследовательский институт (буквально: Еврейский научный институт, ранее – Еврейская научная организация) (*Yidisher visnshaftlecher institut*, ИВО). Он был основан в 1925 году по инициативе Штифа. В число его «отцов-основателей» входили также М. Вайнрайх и И.М. Чериковер. Основным местом пребывания ИВО стал Вильно, хотя учрежден он был в Берлине, здесь же произошло его официальное открытие. Институт состоял из трех отделений: филологического во главе с М. Вайнрайхом в Вильно и двух отделений, находившихся в Берлине, – исторического во главе с Чериковером и отделения экономики и статистики, которым заведовал Я.Д. Лещинский<sup>696</sup>.

Как и в случае с русско- и ивритоязычной литературной продукцией, объемы ее издания в Берлине в начале 1920-х годов были огромны: по выпуску книг на идише Берлин уступал только Варшаве<sup>697</sup>. Идишская газета «Ундзер Бавегунг» писала: «Издательства у нас растут как грибы после дождя. Кажется, что скоро будет больше литераторов, чем читателей. Как во время войны торговали кожей или маргарином – сейчас торгуют издательствами. Если дело не идет, то находится кто-нибудь, кто купит издательство вместе со всеми книгами, а иногда и вместе с авторами»<sup>698</sup>.

В Берлине действовали идишистские издательства «Йидиш», «Восток», «Литераришер фарлаг», «Йидишер фолксфарлаг», «Йидишер културфарлаг», «Швелн», «Функен», «Клаль».

<sup>693</sup> О ГОСЕТе см.: *Иванов В.В.* ГОСЕТ: политика и искусство, 1919 – 1928. М., 2007.

<sup>694</sup> *Brenner M.* The Renaissance of Jewish Culture in Weimar Germany. P. 191 – 192.

<sup>695</sup> См., например: *Fink J.* «Like fires in overgrown forests»: Moyshe Kulbak's Contemporary Berlin Poetics // *Yiddish in Weimar Berlin*. P. 73.

<sup>696</sup> *Brenner M.* The Renaissance of Jewish Culture in Weimar Germany. New Haven; London, 1996. P. 195. Наиболее полная история ИВО исследована в докторской диссертации Сесиль Кузниц (*Kuznitz C.E.* The Origins of Yiddish Scholarship and the YIVO Institute for Jewish Research. Unpublished doctoral dissertation, Stanford University, 2000). Краткий обзор истории ИВО, так же как библиографию, см.: <http://www.yivo.org/about/index.php>.

<sup>697</sup> *Pinsker Sh. M.* Literary Passports. P. 110.

<sup>698</sup> Цит. по: *Neiss M.* Jiddische Zeitungen und Zeitschriften im Berlin der Weimarer Republik // *Jüdisches Leben in der Weimarer Republik* / Hrsg. W. Benz, A. Paucker u. P. Pulzer. Tübingen, 1998. S. 241.

Издавалось 19 журналов на идише. В 1923 году в Берлине вышли два номера альманаха «Альбатрос» (под редакцией У.Ц. Гринберга, прожившего там около полутора лет). Одним из самых интересных журналов, выходивших все время в Берлине, был «Дер онґейб» («Начало»), выходивший в издательстве «Восток» под редакцией поэта Довида Эйнгорна, Макса Вайнрайха и критика, эссеиста Шмарьи Горелика. Редакция исповедовала идею необходимости знакомить между собой Восток и Запад, культуру иммигрантов и немецких евреев, еврейскую и европейскую культуру. Это выражалось в некоторой эклектичности: в сборнике соседствовали произведения на разных языках, научные труды, эссеистика<sup>699</sup>. Газета «Рассвет» неодобрительно отозвалась об этом: «Стихи талантливого молодого поэта М. Кульбака рядом с религиозно-философскими изысканиями среднего достоинства Р. Зелигмана, переводы из Оскара Уайльда и “Псалмы” Д. Эйнгорна, Эльза Ласкер-Шиллер (Ласкер-Шюллер) и Ш. Горелик – какая смесь “племен, наречий, состояний”. Нет в сборнике никакой центральной руководящей идеи, и уже нечего говорить о том, что у него отсутствует всякое литературное лицо»<sup>700</sup>. Однако автор рецензии снисходительно похвалил М. Вайнрайха за его работу о «Мегилас-Винц» – исторической поэме XVII века на идише: «М. Вайнрайх проявил себя за последнее время рядом ценных работ по истории и теории “идиш”, и у него, по всем видимостям, есть все данные к тому, чтобы занять видное положение в этой области»<sup>701</sup>. Через несколько лет Вайнрайх станет одним из главных исследователей в ИВО, а через пару десятилетий – ведущим специалистом в области идиша в мире.

Самой значительной организацией, объединявшей идишское искусство в Берлине, была Культур-Лига. Основана она была еще в Киеве в 1918 году<sup>702</sup>. В ее состав входили писатели (среди них – Лейб Квитко, Довид Гофштейн и Довид Бергельсон, Дер Нистер), художники и педагоги<sup>703</sup>, прокламируемой ею целью было создание светской еврейской национальной культуры. Одним из стимулов к возникновению Культур-Лиги было основание в 1917 году московского общества «Тарбут» – сионистской организации, объединявшей гебраистов и поддерживающей «Габиму»<sup>704</sup>. Культур-Лига была создана в противовес «Тарбуту»: ее идеологи были убежденными идишистами и автономистами.

Искусство Культур-Лиги было отчетливо национальным<sup>705</sup> (в этом контексте часто цитируется фраза М. Шагала: «Если бы я не был евреем, как я это понимаю, я не был бы художником или был бы совсем другим художником»<sup>706</sup>). Еврейский авангард в понимании Культур-Лиги – это синтез старого и нового, традиции и авторского начала, национальной и универсальной культур. Автор черпает вдохновение из традиционной культуры, однако и традиция обогащается благодаря его вкладу. Так же соотносятся еврейская и мировая культура: молодой еврейский авангард проходит путь ученичества у всемирной литературы и искусства, но в то же время сам является ее частью и способствует ее развитию, оставаясь при этом национальным. В поисках национального начала еврейские писатели и художники, так же как и представители западноевропейского авангарда, обращались к архаике, фольклору, народному искусству, примитиву. Для еврейского контекста роль «архаики» могла выполнять как ашкеназская культур-

<sup>699</sup> Bechtel D. Jiddische Literatur und Kultur. S. 89.

<sup>700</sup> Рассвет. 1923. № 3 (40). 21 янв. С. 23.

<sup>701</sup> Там же.

<sup>702</sup> См.: Wolitz S. The Kiev-Gruppe (1918 – 1920) Debate: The Function of Literature // Studies in American Jewish literature. 1978. No. 4. P. 97 – 106.

<sup>703</sup> В одном из манифестов организации сказано об этом: «На трех столпах стоит Культур-Лига: на еврейском народном образовании, на еврейской литературе и на еврейском искусстве». См.: Казовский Г. Художники Культур-Лиги. М.; Иерусалим, 2003. С. 57.

<sup>704</sup> Там же. С. 109 – 110.

<sup>705</sup> См.: Kazovsky H. Jewish Artists in Russia at the Turn of the Century: Issues of National Self-Identification in Art // Jewish Art. 1995/96. No. 21/22.

<sup>706</sup> Шагал М. Блэтлах // Штром. 1922. № 1. С. 46 (идиш).

ная среда (устное народное творчество, изобразительное искусство: изучались росписи синагог и декор традиционных надгробий), так и древневосточная; особенно эти два направления заметны в живописи: художники Культур-Лиги искали образцы для подражания и интерпретации как в древневосточном искусстве, так и в искусстве восточноевропейского еврейства<sup>707</sup>. Используются визуальные образы местечка, появляются циклы произведений, посвященные ему: в 1923 году выходят цикл рисунков И.Б. Рыбака «Штетл, мой разрушенный дом, воспоминание» (кубистическая панорама жизни типичного еврейского местечка) и автобиография Шагала «Моя жизнь» с авторскими иллюстрациями, изображающими еврейскую жизнь Витебска. В обоих случаях местечко представлено как идиллический мир без насилия<sup>708</sup>.

Абстрактность живописи не отменяет ее национального характера. Статье Б. Аронсона и И.Б. Рыбака «Пути еврейской живописи», написанной в 1919 году, предпослан парадоксальный эпиграф: «Да здравствует абстрактная форма, воплощающая специфический материал, ибо она – национальна!»<sup>709</sup>

Как главная национальная ценность евреев – народа книги – понимается книга, и создание оригинальной еврейской иллюстрированной книги было провозглашено одной из существенных задач национальной художественной культуры, в решении которой первостепенная роль, разумеется, отводилась еврейским художникам. Эта задача остается приоритетной и для Культур-Лиги, в деятельности которой книгоиздательство занимало важное место. По убеждениям ее идеологов, «современная» еврейская книга должна была стать одним из символов «новой еврейской культуры» и каналом трансляции этой культуры «массам»<sup>710</sup>. Оказавшись в Берлине, большинство еврейских художников находят себя именно в книжной графике. Наиболее известны иллюстрации Эль Лисицкого и И. Чайкова.

Многие русско-еврейские художники попали в Германию во время Первой русской выставки и решили остаться в Берлине: М. Шагал, Н. Альтман, Н. Габо, А. Певзнер, Эль Лисицкий, И.Б. Рыбак, И. Чайков<sup>711</sup>.

С 1921 по 1923 год в Берлине действовал филиал Культур-Лиги, председателем которого был экономист Я.Д. Лещинский. Программа мероприятий филиала включала вечера декламации, концерты и популярные доклады об истории евреев и еврейской культуры («На пороге старой и новой еврейской литературы», «Еврейская поэзия», «О еврейском театре», «Культурная жизнь польского еврейства», «Американское еврейство», «Еврейское рабочее движение в Польше», «Свобода духа и история еврейской культуры»). В 1923 году организована выставка М. Шагала в Галерее «Лутц», в «Ложенгаузе» – выставка Н. Альтмана, Д. Штеренберга, И.Б. Рыбака, И. Чайкова, А. Минчина.

В 1924 году издательство «Гешер» предприняло попытку объединить еврейских художников и провести общую выставку. В газете «Рассвет» было опубликовано воззвание «Ко всем еврейским художникам»:

За последние несколько десятилетий мы стоим перед неоспоримым фактом существования евр[ейского] искусства и рождения кадров сознательных еврейских художников. В разных странах рассеяния, в разных культурах выросли эти дарования, громко заявили о своем еврейском “Я”. Отдельными островками вкрапленные в чужие культуры, они звучат всюду своим особенным, им лишь присущим звуком. Нелегко путь этих одиноких, и

<sup>707</sup> Казовский Г. Художники Культур-Лиги. С. 37, 68 – 71, 87.

<sup>708</sup> Caplan M. Belarus in Berlin, Berlin in Belarus. Moyshe Kulbak's *Raysn and Meshiekh ben-Efrayim* between Nostalgia and Apocalypse // *Yiddish in Weimar Berlin*. P. 106.

<sup>709</sup> Казовский Г. Художники Культур-Лиги. С. 89.

<sup>710</sup> Там же. С. 77.

<sup>711</sup> Dmitrieva M. Spuren des Transits. Jüdische Künstler aus Osteuropa in Berlin // *Osteuropa*. 2008. Bd. 58. Heft 8 – 10. S. 239.

опасность быть стертыми, захваченными, поглощенными общей окружающей культурой очень велика<sup>712</sup>.

Автор воззвания (а им был И.Б. Рыбак) сетовал, что у еврейских художников «нет возможности перекликнуться друг с другом при помощи объединяющего органа, не говоря уже о периодических выставках», что «уже издавна является болью всех сознательных еврейских художников». План издательства был весьма амбициозен – организовать ряд передвижных выставок в Берлине, Вене, Праге, Амстердаме, Париже, Лондоне, Нью-Йорке под общим названием «Еврейская картина и книга». Выставки, согласно проекту, стали бы «нейтральной платформой» для встреч еврейских художников, которые затем сформировали бы «нейтральный постоянный орган». В качестве директора выставки издательством был приглашен Рыбак<sup>713</sup>.

Однако эта сколь впечатляющая, столь и утопическая инициатива в жизнь воплощена не была.

Но подлинным центром художественной жизни идишского Берлина стал журнал «Милгройм» («Гранат», вариант на иврите – «Римон», под редакцией Марка Вишницера и Рохл (Рахель) Вишницер-Бернштейн, искусствоведа, лектора Еврейского университета и Школы *Wissenschaft des Judentums*). Миссию своего журнала редакторы понимали следующим образом: «Милгройм» – проводник еврейского искусства, который поможет объединить еврейский народ, а еврейское искусство связать с искусством всемирным. Связь понималась как двусторонняя, и поэтому в журнале печатались как статьи еврейских художников о еврейском искусстве, предназначенные для европейцев, так и статьи по истории всемирного искусства, адресованные еврейским читателям<sup>714</sup>. Таким образом, редакторы «Милгройма» повторяли политику редакторов литературно-филологического журнала «Дер онгейб». Кроме того, эта идеология была созвучна идеям Культур-Лиги о соотношении еврейского и универсального искусства.

В литературе нишу «архаики», которая воспринимается как воплощение традиционного, национального и аутентичного, занял идишский фольклор. Наряду с другими приемами авангардная поэзия использует имитацию народного стиха, цитаты из народных песен, обращается к фольклорным образам<sup>715</sup>.

По словам Д. Бештель, идишская литература Берлина писалась «о Востоке и для Востока»: произведения, в которых воссоздается восточноевропейская действительность, были обращены к читателю, знакомому с ней.

Изображается прежде всего уходящий мир идеализируемого еврейского местечка. Дер Нистер пишет сборник аллегорических рассказов, насыщенных хасидскими мотивами, Д. Бергельсон издает свое собрание сочинений, основная тема которых – кризис местечка<sup>716</sup>. Мойше Кульбак пишет в Берлине мессианский роман «Мешиах Бен Эфраим» и стихотворную книгу «Найе лидер» («Новые стихи», 1922), включавшую поэмы «Райсн» («Белоруссия») и «Ламед-вов» («36 праведников»), в которых он мифологизировал местечковую действительность. Как отмечает М. Каплан, «временное пребывание в Берлине для Кульбака и многих его современников становится поводом пересмотреть свое отношение к *родине*... Почти всех “Берлинских идишистов”, таким образом, объединяет то, что опыт их жизни в Берлине – в мегаполисе, среди немцев, встреча с модернистским искусством – экспрессионизмом, *Neue Sachlichkeit*, марксистской эстетикой... искажает и перестраивает восприятие того, что было прежде “есте-

<sup>712</sup> Рассвет. 1924. № 10 (98). 9 марта. С. 13 – 14.

<sup>713</sup> Там же.

<sup>714</sup> Dmitrieva M. Spuren des Transits. S. 239; Духан И. Эль Лисицкий и русско-еврейско-немецкий авангард. С. 455.

<sup>715</sup> Среди поэтов-авангардистов, живших в Берлине и писавших на идише, в творчестве которых фольклорные мотивы занимают значительное место, можно назвать прежде всего М. Кульбака и Л. Квитко. Об этом приеме в их берлинских произведениях см.: Finkin J. «Like fires in overgrown forests». P. 74 – 75; Koller S. «The air outside is bloody»: Leyb Kvitko and his Pogrom Cycle 1919 // Yiddish in Weimar Berlin. P. 109, 114, 116.

<sup>716</sup> Bechtel D. Jiddische Literatur und Kultur. S. 89.

ственной средой обитания” для идишской культуры, – восточноевропейское местечко»<sup>717</sup>. При этом восточноевропейское прошлое амбивалентно<sup>718</sup>: с одной стороны, это исчезающая идиллическая действительность, с другой – арена погромов времен Первой мировой и Гражданской войн, как, например, в цикле Л. Квитко «1919»<sup>719</sup>.

Герои произведений идишских писателей Берлина – одинокие странники, которые чувствуют себя чужаками в пространстве мегаполиса и постоянно обращаются к своему прошлому. М. Крутиков пишет: «Хотя физически многие из эмигрантов пробыли в Берлине уже несколько лет, их все еще преследовали ужасы войн, погромов и революций, ужасы, которые им пришлось вытерпеть в Восточной Европе. Это состояние мастерски передано в рассказах Д. Бергельсона, герои которого настолько “вросли” в свое прошлое, что почти не замечают реальности – Берлина – вокруг себя... В рассказах Бергельсона большой город Берлин редуцирован до маленьких комнат, узких коридоров, закрытых дворов, коротких переулков и парков»<sup>720</sup>.

Веймарская Германия – мир больших городов, послевоенной разрухи, соседства нищеты с фантастическим богатством, сосуществования коммунистов, капиталистов, националистов; мир, оторванный от традиций, нестабильный, безумный, – вызывает смешанные чувства: с одной стороны, этот мир влечет к себе, с другой – ужасает и отталкивает<sup>721</sup>. Несколько таких описаний Берлина оставили авторы, уже покинувшие Германию: это поэма М. Кульбака «Диснер Чайлд Гарольд» (1927) и три прозаических произведения: «Гренадир-штрассе» Фишла Шнеерсона, «Бам опгрунт» («Над бездной») Ш. Аша (1933) и один неоконченный роман Меира Винера<sup>722</sup>. Всегда герои произведений писателей-идишистов оказываются вне этого мира, остаются чужаками, даже если они хотят сродниться с Германией и ее культурой. Таков, например, герой Кульбака – молодой поэт-идишист, которого заставляет приехать в Берлин желание лучше узнать немецкую культуру. Декадентская культурная жизнь – фантастическая мозаика (экспрессионизм, дадаизм, жизнь ночных кафе) – его совершенно поражает. Ей противопоставлена дневная жизнь, далекая от искусства: тяжелая черновая работа, демонстрация в Веддинге – рабочем районе Берлина – и ее жестокое подавление, нищий эмигрантский быт. В конце концов герой, так и оставшись в Берлине посторонним и не найдя того, ради чего он приехал, возвращается на родину.

Похожие мотивы присущи и ивритоязычной берлинской литературе. Экспрессионистская поэзия полна описаний Берлина – современного мегаполиса, кипящего жизнью, – глазами героя – восточноевропейского еврея, которого этот город пугает, отталкивает и одновременно влечет к себе и который остается этому городу чужим. Город жесток, пуст, опасен, развратен – и все равно интересен и привлекателен. По сути, это часто встречающееся в символистской поэзии описание большого города, проникнутое антиурбанистическим пафосом. В поэме Довида Шимоновича «Сон в зимнюю ночь» («Холем лейл хойреф», *совр.* «Халом лейл хореф») герой – бедный еврейский студент – подавлен городской суетой, толпами людей на улицах, – и город представляется ему индустриальным чудовищем, огромным грязным каменным мешком, в котором невозможна какая бы то ни было жизнь. В то же время город – вместилище пороков, разврата и соблазнов<sup>723</sup>.

<sup>717</sup> Ibid. S. 101.

<sup>718</sup> Caplan M. Belarus in Berlin. Berlin in Belarus. P. 106 – 109.

<sup>719</sup> Koller S. «The air outside is bloody». P. 117.

<sup>720</sup> Krutikov M. Unkind Mirrors: Berlin in Three Yiddish Novels of the 1930s // Yiddish in Weimar Berlin At the Crossroads of Diaspora Politics and Culture / G. Estraiikh and M. Krutikov, eds. London: Legenda, 2010. P. 240.

<sup>721</sup> О подобных апокалипсических описаниях Берлина и Гамбурга у О. Варшавского и Л. Квитко см.: Bechtel D. Jiddische Literatur und Kultur. S. 92 – 93.

<sup>722</sup> См.: Krutikov M. Unkind Mirrors. P. 239 – 261.

<sup>723</sup> Pinsker Sh.M. Literary Passports. P. 128. О влиянии русской поэтической традиции на Д. Шимоновича см.: Ibid. P. 127.

И еще одна черта объединяет идише-и ивритоязычную литературу, в данном случае прозу: оказавшись в Берлине, писатели обращаются к восточноевропейской действительности. В первом произведении Ш.Й. Агнона, опубликованном в Берлине – рассказе «И распрямится согбенный» («Ве-гойо ге-окойв ле-мишойр», *совр.* «Ве-гайа ге-аков ле-мишор»), – автор помещает события в свой родной город Бучач. Рассказ представляет собой интересный синтез двух противоборствующих тенденций в идишской культуре: повествование насыщено хасидскими мотивами, однако фабула рассказа заимствована у просветительского идишеязычного писателя Айзика Меира Дика (из рассказа «Дер йойред», 1855). Восточноевропейской действительности посвящены и межвоенные берлинские произведения Агнона – «Повесть писца» («Агудес га-сойфер», *совр.* «Агадат га-софер», 1918), «Отверженный» («Га-нидех», *совр.* «Га-нидах», 1923), новеллы, на основе которых в 1931 году будет написан роман «Свадебный балдахин» («Гахнусес-кале», *совр.* «Гахнашат-кала»)<sup>724</sup>.

Расцвет русско-еврейской культуры в Берлине, в том числе и культуры на еврейских языках, оказался кратковременным. Резкое вздорожание жизни после кризиса 1923 года привело к ликвидации многих издательских и художественных проектов, по большей части эмигранты – деятели культуры мигрируют дальше – кто на запад, кто на восток.

Многие идишисты – Бергельсон, Кульбак, Квитко, Дер Нистер, Штиф – переезжают в Советский Союз. Во-первых, СССР представлялся тогда страной, в которой перспективы развития культуры на идише были больше, чем где бы то ни было еще в Европе. Во-вторых, возвращение на родину происходит под влиянием критики со стороны деятелей идишской культуры, оставшихся в Восточной Европе. Перец Маркиш и Мейлах Равич, находившиеся в Варшаве, обвиняли берлинских идишистов в стремлении к легкой доле и к большим деньгам, в предательстве тех, кто остался создавать еврейскую культуру на родине: «Дезертир тот, кто сидит в “Романишес кафе” и смотрит издали, как мы здесь тащим телегу нашей культуры» (М. Равич), «Еврейская культура умирает среди бела дня на руках опустевших улиц и разрушенных городов, и последняя стена Храма уже охвачена огнем – что же делают первосвященники? Они едут в Берлин промышлять (“бизнес”) новый еврейский народ, новую еврейскую культуру, утапывать новую территорию для еврейского духа» (П. Маркиш)<sup>725</sup>. Другие уезжают на запад, прежде всего – в соседнюю Францию: Рохл Вишницер, Шагал, Г. Свет...

Место гебраистского центра в середине 1920-х годов Берлин уступает Палестине: туда перебираются Агрон, Бялик, Равницкий, Черниковский, З. Шнеур, двуязычные поэты У.Ц. Гринберг и Д. Гофштейн, З. Рубашов.

Представители русскоязычной культуры отправляются в Советский Союз или в страны Балтии (в зависимости от идеологической эволюции) – или дальше на запад, в ту же Францию.

Настолько «концентрированной», как в берлинскую эпоху, русско-еврейская культурная жизнь в эмиграции уже не будет.

<sup>724</sup> Ibid. P. 137 – 138.

<sup>725</sup> Цит. по: *Bechtel D. Jiddische Literatur und Kultur. S. 90 – 91.*

## Глава 6

# ВТОРАЯ ЖИЗНЬ АЛЕКСЕЯ ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕРА

Одной из ключевых и, на наш взгляд, недооцененных фигур русско-еврейской эмиграции в Берлине, человеком русской культуры и двойного, русско-еврейского сознания был Алексей Александрович Гольденвейзер (1890 – 1979). Его биография не написана, литературное и эпистолярное наследие не опубликовано<sup>726</sup>, в литературе об эмиграции он упоминается, но как-то всегда между делом, чаще всего в связи с В.В. и В.Е. Набоковыми<sup>727</sup>, которым он оказывал юридические услуги и с которыми состоял в переписке с 1930-х годов.

Во-первых, это объясняется тем, что большая и наиболее интересная часть его колоссального архива находится в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке. Архив Гольденвейзера был не слишком доступен для российских исследователей и, видимо, не слишком интересен для исследователей иностранных, за исключением набоковедов. Во-вторых, Гольденвейзер, в отличие от многих деятелей эмиграции, мало чем успел проявить себя на родине. Точнее, проявить-то проявил, но не был среди главных героев эпохи. В-третьих, Гольденвейзер был больше «общественником», чем политиком, а такие люди почему-то не в чести у историков. К тому же он был человеком частным, нигде никогда не служил, не рвался как будто на первые роли. Он много печатался, но, как правило, на преходящие темы, да к тому же не всегда в самых популярных изданиях. Гольденвейзер прежде всего был *деятелем*, одним из тех людей, которые сумели в эмиграции «пробиться», сохранить профессию, обеспечить достойный уровень жизни семье, доказать свою состоятельность. И при этом не забывать о других, о тех, кто нуждается в помощи. И работать в различных благотворительных и профессиональных эмигрантских организациях – без лишнего шума, но по возможности эффективно.

И, наконец, последнее, но для историка, может быть, наиболее важное: Гольденвейзер, не ставя себе такой цели, невольно сыграл роль хроникера русско-еврейской эмиграции. Его огромная переписка, по меньшей мере десятки статей отражают труды и дни, надежды и разочарования странников XX века – российских беженцев – на протяжении почти 60 лет. Возможно, Бог не дал Гольденвейзеру большого таланта, но, несомненно, дал ум и наблюдательность. Его размышления о реалиях немецкой и американской жизни всегда интересны. Не менее интересен анализ того, что происходило на родине. Это был предмет, занимавший эмигрантов до последних дней, даже тогда, когда они уже понимали, что обратно им никогда не вернуться.

А теперь – по порядку.

Алексей Гольденвейзер прожил долгую, почти 90-летнюю жизнь. Ему пришлось пережить три революции, две мировые войны, две эмиграции. Жизнь выходца из известной киевской еврейской семьи распалась как бы на три части – российскую (1890 – 1921), германскую (1921 – 1937) и американскую (1937 – 1979). Алексей Гольденвейзер известен гораздо меньше,

---

<sup>726</sup> Исключениями являются как будто только статьи О.В. Будницкого «Материалы по истории российского еврейства в эмигрантских архивах» (История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы / Ред. О.В. Будницкий, К.Ю. Бурмистров, А.Б. Каменский, В.В. Мочалова. М.: Дом еврейской книги, 2004. С. 206 – 223), в которой среди прочего рассматриваются материалы из архива А.А. Гольденвейзера, и «Из истории “русско-еврейского Берлина”: А.А. Гольденвейзер» (Архив еврейской истории. М.: РОССПЭН, 2005. Т. 2. С. 213 – 242), а также публикация Г.Б. Глушанок «А.А. Гольденвейзер и Набоковы (по материалам архива А.А. Гольденвейзера). Публикация, вступительная статья и комментарии Галины Глушанок» (Евреи из России в Америке. Кн. 2 / Ред. – сост. Э. Залыберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007. С. 115 – 142).

<sup>727</sup> См., например: Бойд Б. Владимир Набоков: Американские годы. Биография. М.; СПб.: Изд-во «Независимая газета»; Симпозиум, 2004. С. 803, 805. Характерно, что переводчик, явно не понимая, о ком идет речь, пишет фамилию Гольденвейзера на американский лад – Голденвейзер.

чем его отец и старшие братья – родные и двоюродный. Между тем для историка русско-еврейской интеллигенции вообще и русско-еврейской эмиграции в особенности именно жизнь и деятельность Алексея Гольденвейзера, адвоката, журналиста и «общественника», представляет наибольший интерес. Настоящая глава посвящена «берлинской остановке» на пути Гольденвейзера-младшего из Киева в Нью-Йорк.

А.А. Гольденвейзер родился в семье известного киевского адвоката, выпускника Петербургского университета Александра Соломоновича Гольденвейзера (1855 – 1915). А.С. Гольденвейзер считался одним из лучших цивилистов России, многие годы возглавлял киевскую адвокатуру, опубликовал ряд научных работ, участвовал в международных юридических конгрессах. Александр Соломонович отдал немало сил борьбе за равноправие евреев, в частности, выступал в печати против процентной нормы для адвокатов-евреев. Он пользовался огромной популярностью среди евреев Киева, ибо неоднократно брался защищать соплеменников по гражданским искам<sup>728</sup>. Преуспевающим юристом был и дядя Алексея Гольденвейзера, юрис-консульт банка Полякова Моисей Соломонович Гольденвейзер (1860-е – после 1920). Моисею Соломоновичу принадлежал также доходный дом в Гранатном переулке в Москве, где одно время снимали квартиру из шести комнат родители будущего академика-диссидента А.Д. Сахарова. М.С. Гольденвейзер, как и его старший брат, был известным библиофилом, увлекался историей, этнографией, историей литературы<sup>729</sup>.

Старшие братья Алексея Александр Александрович (1880 – 1940) и Эммануил Александрович (1883 – 1953) совсем молодыми, в 1900 и 1902 году соответственно, эмигрировали в США. Оба сделали там блестящую карьеру. Александр Александрович Гольденвейзер окончил Колумбийский университет (1902), защитил там же докторскую диссертацию (1910). Он стал выдающимся антропологом, изучал эскимосов, индейцев-ирокезов, некоторые другие племена, преподавал в ряде университетов, выпустил классические труды «Ранняя цивилизация» (Early Civilization, 1922) и «История, психология и культура» (History, Psychology, and Culture, 1933)<sup>730</sup>.

Эммануил Александрович Гольденвейзер учился в Колумбийском и Корнеллском университетах, также получил докторскую степень (1907), с 1907 года служил в различных правительственных учреждениях. В 1919 году поступил на службу в Федеральную резервную систему, где с 1927 года возглавлял исследовательский отдел. Опубликовал ряд научных работ, был одним из разработчиков положений о Международном валютном фонде и Всемирном банке<sup>731</sup>.

Наконец, двоюродным братом Алексея был знаменитый пианист и композитор Александр Борисович Гольденвейзер (1875 – 1961).

Алексей Гольденвейзер учился в киевской Первой гимназии вместе с будущим профессором богословия В.Н. Ильиным, сыном философа и публициста кн. Е.Н. Трубецкого Сергеем и будущим министром иностранных дел петлюровского правительства А.Я. Шульгиным. Любопытно, что в гимназическом кружке элитной киевской гимназии в 1905 – 1906 годах только молодой князь Трубецкой, по его позднейшим воспоминаниям, и Гольденвейзер были противниками социализма<sup>732</sup>. Возможно, впрочем, что Сергей Трубецкой не все знал о политических симпатиях своего соученика. Или же Алексей Гольденвейзер в студенческие годы изменил свое отношение к социализму. Сам он туманно писал уже в годы эмиграции в статье

<sup>728</sup> См.: *Винавер М.М.* Памяти Александра Соломоновича Гольденвейзера. Пг., 1915; Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1982. Т. 2. Стлб. 161; Российская еврейская энциклопедия. М., 1994. Т. 2. С. 345.

<sup>729</sup> *Бердичевский Я.* Еврейские книжники Украины: Из истории людей и экслибрисов // Егупец. 2004. № 13.

<sup>730</sup> См.: *Who was who in America. Vol. I (1897 – 1942).* Chicago, 1943. P. 465.

<sup>731</sup> См.: *Who was who in America. Vol. III (1951 – 1960).* Chicago, 1963. P. 331; Российская еврейская энциклопедия. М., 1994. Т. 2. С. 345.

<sup>732</sup> *Трубецкой С.Е.* Минувшее. М., 1991. С. 50 – 54.

о Л.Н. Толстом: «Весть о смерти Толстого застала меня в необычной обстановке: в камере для арестованных при полицейском участке. Я был тогда студентом – а кто из русских студентов не был хоть раз арестован?»<sup>733</sup>

Однако дело было гораздо серьезнее, чем хотел задним числом представить Гольденвейзер. Арестован он был 3 ноября 1910 года вместе с несколькими другими студентами университета Св. Владимира в Киеве за «разброску в здании университета прокламаций в память казненного Балмашева»<sup>734</sup>. По сведениям киевского Охранного отделения, Гольденвейзер-младший принадлежал к «студенческой фракции партии социалистов-революционеров»<sup>735</sup>. Он постоянно фигурировал в агентурных сводках и был арестован по крайней мере еще раз – в мае 1911 года, на квартире студента, числившегося по данным полиции организатором и деятельным членом партии социалистов-революционеров<sup>736</sup>. Однако увлечение радикальными идеями как будто довольно скоро прошло, и Алексей Гольденвейзер по мере взросления и обретения профессионального статуса по своим политическим воззрениям становится левым либералом; его считает «за своего» один из лидеров кадетов М.М. Винавер. Однако формально в партию народной свободы (кадетов) Гольденвейзер не вступил.

Алексей был единственным из сыновей Александра Соломоновича Гольденвейзера, кто пошел по стопам отца. Юриспруденцию он изучал в Киевском, Гейдельбергском и Берлинском университетах. Как и многие другие дети еврейской элиты, обучавшиеся в русских гимназиях и русских университетах, он стал человеком русской культуры. Это не привело к разрыву с еврейством. Впоследствии, став, как и его отец, адвокатом, Гольденвейзер-младший принимал активное участие в «еврейской политике» в Киеве. Он, конечно, понимал язык еврейской «улицы», но, по его собственному признанию, идиш был для него «малознакомым» языком<sup>737</sup>.

В 1917 году Гольденвейзер был секретарем Совета объединенных еврейских организаций города Киева, одним из организаторов в Киеве еврейского демократического союза «Единение»; делегатом Всероссийской еврейской конференции в Петрограде в июле 1917 года; в апреле 1918 года недолгое время был членом Малой Рады. Драматические обстоятельства жизни в Киеве в 1917 – 1921 годах запечатлены Гольденвейзером в вышедших по свежим следам мемуарах «Из Киевских воспоминаний» (Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 6). 28 июля 1921 года Гольденвейзер с женой выехали из Киева<sup>738</sup>. Они нелегально перешли советско-польскую границу<sup>739</sup> и после двухмесячного пребывания в Польше в октябре 1921 года добрались до Берлина<sup>740</sup>.

<sup>733</sup> Гольденвейзер А.А. Счастье или позор? Из заметок о Льве Толстом к 95-летию со дня его рождения // Сегодня. 1923. 9 сент. С. 3.

<sup>734</sup> Член Боевой организации социалистов-революционеров С.В. Балмашев 2 апреля 1902 года застрелил министра внутренних дел Д.С. Сипягина, был схвачен на месте преступления, приговорен к смертной казни и повешен.

<sup>735</sup> ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции. Особый отдел). 1910. Д. 59. Ч. 32. Литер А. Л. 49.

<sup>736</sup> ГАРФ. Ф. 102 (Департамент полиции. Особый отдел). 1911. Д. 9. Ч. 32. Литер В. Л. 49; См. также: Там же. Д. 124а; Д. 59. Ч. 32. Литер Б; Ф. 102. 7-е делопроизводство. 1911. Д. 1902; 1912. Д. 1233.

<sup>737</sup> Гольденвейзер А.А. Из Киевских воспоминаний // Архив русской революции. Берлин, 1922. (Репринт: М., 1991. Т. 5 – 6). Т. VI. С. 184.

<sup>738</sup> «Надеюсь, что не навсегда», – писал Гольденвейзер 10 месяцев спустя после отъезда (А.А. Гольденвейзер. Из Киевских воспоминаний. С. 303). Надежда оказалась напрасной. Дальнейший путь Гольденвейзеров лежал не обратно, на восток, а дальше – на запад.

<sup>739</sup> Забавно, что Е. Соломинская, автор довольно информативной статьи о Союзе русских евреев в Германии, пишет, будто бы Гольденвейзер «бежал из Киева, повторив “путь” Керенского, т.е. переодевшись в женское платье и загримировавшись» (Соломинская Е. Союз русских евреев в Германии (1920 – 1935 гг.): урок истории // Русское еврейство в зарубежье. Иерусалим, 2003. Т. 5 (10). С. 211). Источник легенды о Керенском понятен – большевистская пропаганда, но вот откуда «сведения» о Гольденвейзере – Бог весть.

<sup>740</sup> Гольденвейзер А.А. Бегство // Архив русской революции. Берлин, 1923 (Репринт: М., 1991. Т. 11 – 12). Т. XII. С. 167 – 186.

С жадностью читая недоступные в Советской России газеты во время томительного ожидания в Ровно документов на право въезда в Германию, Гольденвейзер задавался вопросом: «Та же ли это Европа, которую мы оставили в 1914 году?» И сам себе отвечал: «Да, как будто та же. Нужды нет, что с тех пор повалились престолы, что перекроены империи, что новые тревоги занимают умы и сердца. Нужды нет, что земля оскудела, что люди измучены и устали. То “что-то”, что мы ценили и чему учились у Европы, то – осталось. Как встарь, мы чувствуем себя здесь в верхнем этаже культуры. Европа осталась Европой в то время, как Россия перестала быть Россией»<sup>741</sup>.

Поколению Гольденвейзера, поколению студентов довоенных европейских университетов, предстояло убедиться, что прежней Европа не будет никогда.

Но пока что, как бы то ни было, бегство в Германию означало возвращение к знакомой цивилизации.

Надо было зарабатывать на жизнь. Получить работу по специальности было нелегко, особенно учитывая переизбыток людей «интеллигентных профессий», в том числе юристов, среди эмигрантов. Гольденвейзер еще не успел заработать себе имя в профессиональной области, ведь когда случилась революция и время «нормальной» юстиции кончилось, ему было только 27 лет. Однако у молодого адвоката были и несомненные преимущества перед многими коллегами: знание немецкого языка и образование, частично полученное в германских университетах. Другой сложностью, разумеется, была узость «клиентской базы». Приходилось, во всяком случае поначалу, рассчитывать на клиентуру из эмигрантов, а высокой кредитоспособностью эмигранты в массе не отличались. Тем не менее со временем появилась и практика. В фонде Гольденвейзера в Государственном архиве Российской Федерации 157 дел из 180 – «судебные дела разных лиц». За редким исключением дела (гражданские) относятся ко второй половине 1920-х – началу 1930-х годов. Это имущественные споры частных лиц, иски частных лиц к различным коммерческим организациям, тяжбы юридических лиц между собой. И, конечно, дела о подданстве, выдаче паспортов и т.д. Любопытно, что Гольденвейзер вел дела вплоть до 1937 года включительно. Передал он свои бумаги в Русский заграничный исторический архив (РЗИА) в Праге в декабре 1937 года, накануне отъезда за океан<sup>742</sup>.

С первых лет пребывания в эмиграции Гольденвейзер много писал. Отчасти это объяснялось потребностью осмыслить недавнее прошлое и настоящее, отчасти, что очевидно из его переписки с редакциями, в особенности в начале 1920-х годов, материальными соображениями. Статьи Гольденвейзера появлялись на страницах наиболее крупной берлинской русскоязычной газеты «Руль». Он публиковался в парижских «Последних новостях» и «Звене», печатался в недолговечном нью-йоркском «Утре» (газета выходила в 1922 году под редакцией А. Гана), но особенно часто – в рижской печати, преимущественно в газете «Народная мысль». Редактором-издателем ежедневной газеты, именовавшей себя «органом демократического еврейства в Латвии», был М.Б. Розовский, но, кажется, более активную роль в издании играл Б.И. Харитон. Газета выходила в 1922 – 1925 годах.

Здесь будет уместно сказать несколько слов о Борисе Осиповиче Харитоне, недолгое время принадлежавшем к многочисленному племени русских берлинцев и сыгравшем видную роль в журналистике русского зарубежья. Харитон родился в 1876 году. Окончил юридический факультет Киевского университета, но избрал не юридическую, а журналистскую карьеру. В 1902 году издавал в Керчи газету «Южный курьер», затем редактировал в Екатеринославе газету «Вестник юга». В 1910-е годы служил ночным редактором и выпускающим центрального печатного органа партии кадетов – петербургской газеты «Речь». С 1919 года был членом

<sup>741</sup> Там же. С. 186.

<sup>742</sup> ГАРФ. Ф. Р-5981. Оп. 1. Д. 1 – 157. См. список материалов, переданных Гольденвейзером в РЗИА: Там же. Д. 179. Л. 52 – 58.

правления Общества взаимопомощи литераторов и ученых, секретарем Союза журналистов в Петрограде. Заведовал Домом литераторов (своеобразным писательским общежитием) и принимал участие в издании «Летописи Дома литераторов».

Ничего удивительного, что при такой общественной активности и кадетском прошлом Харитон привлек внимание ГПУ и в 1922 году вместе с группой ученых-гуманитариев и литераторов был выслан в Германию. В Берлине редактировал журнал «Сполохи». Затем переехал в Ригу, где редактировал уже известную нам еврейскую русскоязычную газету «Народная мысль». Потом перешел на службу в одну из крупнейших русскоязычных газет не только Прибалтики, но всего русского зарубежья – «Сегодня». Был постоянным редактором газеты «Сегодня вечером» (вечерний выпуск газеты «Сегодня»). Участвовал в работе рижского издательства «Жизнь и культура» (при редакции газеты «Сегодня»), редактировал собрания сочинений М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, А.С. Пушкина.

Харитон был женат на актрисе Московского художественного театра Мирре Биренс (Буровской), блиставшей на сцене театра в «Синей птице» М. Метерлинка, но брак довольно быстро распался. Мирра уехала в Берлин, видимо, еще около 1910 года и вышла там замуж, а впоследствии, после прихода к власти нацистов, – в Палестину<sup>743</sup>. Их общий сын остался с отцом, который воспитывал его один. И воспитал. Юлий Борисович Харитон впоследствии стал физиком-ядерщиком, «отцом» советской атомной бомбы, академиком, трижды Героем Социалистического Труда. В общем, крепил мощь страны Советов, погубившей его отца.

Но все это впереди, а пока что Юлий Харитон – никому не известный сотрудник Физико-технического института в Петрограде (еще не ставшем Ленинградом), а его отец – известный журналист, редактирующий малоизвестную газету. Так что вернемся в Ригу, до вступления Красной Армии в которую и до ареста Б. Харитона еще далеко.

На страницах «Народной мысли» были опубликованы многочисленные статьи Гольденвейзера по международным вопросам, по проблемам внутренней политики Германии, Англии, Франции и, конечно, внутренней и внешней политики Советского Союза. Назовем некоторые из них. Выборам в Палату общин были посвящены статьи «Выборы в Англии» (28 ноября 1923 года) и «Глас народа» (14 декабря 1923 года); выборам в Германии – «День германских выборов» (7 декабря 1924 года), «Результаты (Письмо из Берлина)» (12 декабря 1924 года); «Эберт и его враги (Письмо из Берлина)» (18 декабря 1924 года), реформе денежного обращения в Германии – «От бумажных биллионов к золотому пфеннигу (Конец бумажной марки)» (11 декабря 1923 года); статья «Уголь, железо и золото» (24 января 1925 года) – советской экономике. В статье «Политика и быт» (15 ноября 1923 года) Гольденвейзер рассуждал об устойчивости немецких нравов и быта, несмотря на все политические и экономические потрясения.

Некоторые статьи Гольденвейзера были неподписанными, что следует из его переписки с Б.О. Харитоном – тот снимал иногда подпись А.А., даже не спросив автора. По-видимому, это бывало в тех случаях, когда текст шел в качестве передовицы или же когда редактор считал, что в номере перебор материалов одного автора. «Надеюсь, Вы не в претензии, что я иногда снимал подпись. Уж простите», – писал Гольденвейзеру Харитон. Гольденвейзер был, несомненно, ценным автором: редактор просил его «в случае очень актуальной, “передовитой” темы» посылать материал «воздушной почтой»<sup>744</sup>.

В отличие от большинства эмигрантов, оказавшихся за рубежом в своеобразном «языковом гетто» и вращавшихся в основном среди «своих», Гольденвейзер живо интересовался не только происходящим в стране пребывания, но и международными, прежде всего европейскими, событиями. Несомненно, этому способствовало знание языков.

<sup>743</sup> См. подробнее: Михайлова М. Загадочная судьба актрисы Мирры Яковлевны Биренс // Параллели: Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 4/5 (2004). С. 177 – 202.

<sup>744</sup> ГАРФ. Ф. Р-5981. Оп. 1. Д. 175. Л. 78. Харитон Б.О. – Гольденвейзеру А.А., 27/VII (6/г).

Кроме политических и экономических статей Гольденвейзер печатал рецензии на книжные новинки в разделе «Книжный день», подписываясь А.А. Г-рь. Иногда дело не ограничивалось краткой информацией, и Гольденвейзер пересказывал для рижских читателей наиболее интересные на его взгляд статьи на исторические темы, мемуары и т.п. Например, «Военно-полевое убийство (Дело Мясоедова)» (8 июля 1924 года, изложение публикации в «Архиве русской революции»).

Несмотря на опыт русской революции, заставивший очень многих «поправять», Гольденвейзер остался верен демократическим убеждениям. Прodelав, образно говоря, эволюцию от Олара к Тэну и высоко оценив, после пережитого в период русской революции, исторический метод последнего, Гольденвейзер не стал приверженцем его политических взглядов.

В одной из статей серии «Политические письма» Гольденвейзер писал о перевороте Примо де Риверы в Испании:

Враги демократии – справа и слева – ссылаясь на Муссолини и Ди-Ривера, провозглашают банкротство парламентаризма. Неосновательный вывод и преждевременное торжество: по опыту месяцев нельзя решать вековые проблемы политического бытия.

Да и смысл самого опыта пока еще весьма сомнителен. Вопрос ведь не в том, в силах ли националистическое, милитаристское или иное движение временно одержать верх и заменить парламентский строй диктатурой. В *этой* возможности никто не сомневался и до итало-испанского опыта. Принципиальное значение имеет *другой* вопрос, а именно вопрос о том, надолго ли может в наш век удержаться диктатура и осчастливит ли она в конечном результате добровольно подчинившиеся ей народы...<sup>745</sup>

Демократию Гольденвейзер понимал в классическом, «токвилевском» смысле. В публичной лекции о сущности демократии в Берлине 27 января 1925 года он прямо ссылаясь на определение демократии в книге А. де Токвиля «Демократия в Америке». Гольденвейзер указывал, что понятие равенства часто смешивают с понятием одинаковости. В этом постоянном смешении, по его мнению, и крылось зло.

«Полнота и всеобщность политических прав, – говорил Гольденвейзер, – это не равенство выигрыша, это равенство шанса. Они являются функцией человеческой свободы. И поэтому в данном случае уместен парадокс о том, что именно демократия есть строй неравенства, где могут различно проявляться индивидуальности». Он полемизировал с автором незадолго до этого вышедшего «Нового средневековья» Н.А. Бердяевым и другими «недоброжелателями демократии»<sup>746</sup>.

Одно из «Политических писем» Гольденвейзер посвятил немецким евреям и проблеме антисемитизма, все более заметного в Германии.

Изречение “каждая страна имеет тех евреев, которых она заслуживает” – едва ли применимо к нынешней Германии, – писал он. – Германия не заслуживает таких евреев, каких она имеет. Немецкие евреи – самые лучшие граждане новой Германии. Они преданы отечеству до полного национального самоотречения. Они составляют могучий фактор его хозяйственного и культурного развития. Они неудержимо сливаются с коренным населением путем крещения и смешанных браков. И, тем не менее, антисемитизм процветает в современной Германии, заражая все более широкие круги

<sup>745</sup> Гольденвейзер А.А. Политические письма // Народная мысль. 1923. 21 окт. С. 2, 5.

<sup>746</sup> Е. К-н. Что такое демократия? // Руль. 1925. № 1268. 4 февр. С. 4.

и принимая все более уродливые формы... Немецкие евреи – искренние патриоты, для них родной язык – немецкий, родная культура – германская<sup>747</sup>.

Примером такого еврея – германского патриота Гольденвейзер считал Вальтера Ратенау, убитого германским националистом<sup>748</sup>.

Статьи Гольденвейзера написаны легко, временами афористично. Это не мешало глубине и тонкости анализа. Рассуждая о большевистской пропаганде и «дипломатической экспансии» на Востоке, Гольденвейзер точно заметил: «Как ни гениальны Иоффе и Карахан, но тертые азиатские дипломаты их перехитрят. И, используя большевистскую помощь для своих национальных целей, восточные народы по примеру западных начнут думать о самообороне против коммунизма»<sup>749</sup>.

Рисуя портрет американского профсоюзного лидера Сэмюэля Гомперса, Гольденвейзер остроумно характеризовал американский рабочий класс как пролетариат «без “классового самосознания”, но зато с самосознанием свободной человеческой личности»<sup>750</sup>.

Кроме возможности «самовыражения» (ибо вряд ли можно говорить о широком распространении и серьезном влиянии «Народной мысли»<sup>751</sup>) публикации служили неплохим материальным подспорьем – гонорары выплачивались в американских долларах, что, особенно в период слабой марки, могло составить существенную часть бюджета русского эмигранта. Однако в начале 1925 года финансовое положение «Народной мысли» ухудшилось, и «ввиду невозможности уплаты гонорара» газета была вынуждена отказаться от зарубежных сотрудников<sup>752</sup>, а вскоре и вовсе прекратила свое существование.

Гольденвейзер опубликовал также несколько исторических и историко-культурных материалов в крупнейшей русскоязычной прибалтийской газете – рижской «Сегодня»<sup>753</sup>.

Как и многие другие «пишущие» эмигранты, Гольденвейзер пытался осмыслить феномен русской революции и определить ее место в мировой истории. Ход его мысли не был особенно оригинальным: как и некоторые другие историки и литераторы 1920-х годов, точкой отсчета – и материалом для сравнения – он избрал эпоху Великой французской революции. В 1922 году Гольденвейзер выпустил небольшую, карманного формата, книжку «Якобинцы и большевики (Психологические параллели)». Авторская датировка создания этого текста – июль 1921 года, т.е. получалось, что он написал книжку еще в Киеве, что представляется нам маловероятным. Везти этот откровенно антисоветский текст с собой, направляясь к границе для ее нелегального перехода, было более чем неразумно. Полагаем, что скорее всего книжка была написана во время вынужденного пребывания в Польше, когда времени для размышлений на отвлеченные темы у Гольденвейзера было достаточно.

В основе книжки – переосмысление событий русской революции с использованием методологии Ипполита Тэна, примененной им для изучения французской революции XVIII века.

<sup>747</sup> Политические письма. VII. Немецкое еврейство и немецкий антисемитизм // Народная мысль. 1923. 23 нояб. С. 3.

<sup>748</sup> А.А. Гольденвейзер. Вальтер Ратенау (К годовщине его смерти) // Народная мысль. 1924. 22 июня. С. 3 – 4.

<sup>749</sup> Гольденвейзер А.А. Самооборона против коммунизма // Народная мысль. 1924 25 дек. С. 1.

<sup>750</sup> Гольденвейзер А.А. Вождь американского пролетариата // Народная мысль. 1925. 10 янв. С. 1.

<sup>751</sup> Тираж «Народной мысли», по официальным данным, в августе 1922 года составлял 3000 экз., в ноябре 1923 года – 1500 экз. (Равдин Б. Материалы к указателю еврейской печати Латвии. 1919 – 1940 // Балтийский архив. Рига, 2000. Т. VI. С. 360).

<sup>752</sup> Последний гонорар за публикации в «Народной мысли» в январе – феврале 1925 года. Гольденвейзер получил в размере 68,96 доллара. По словам Харитона, «издательская группа, не преследуя никаких других целей, кроме общественных, израсходовала на газету за 16 месяцев ее существования 25 000 долларов» (Харитон Б.О. – Гольденвейзеру А.А., 2 февраля 1925 г.: ГАРФ. Ф. 5981. Оп. 1. Д. 175. Л. 72 – 73 об.). Очевидно, спонсоры «Народной мысли» решили сначала сократить убытки, а потом и вовсе их не нести, «сократив» газету.

<sup>753</sup> Гольденвейзер А.А. Реликвии русского царизма (Письма и дневники Романовых) // Сегодня. 1922. № 69; *Он же*. Образы прошлого (А.Ф. Кони и С.А. Андреевский) // Там же. 1923. № 35; *Он же*. Автобиография Форда // Там же. 1923. № 168; *Он же*. Счастье или позор? Из заметок о Льве Толстом к 95-летию со дня его рождения // Там же. 1923. 9 сент.

Напомним, что Тэн расценивался российскими демократами как реакционер, и сам Гольденвейзер, когда читал его «Происхождение современной Франции» после революции 1905 года, был всецело на стороне критиков Тэна, в том числе Альфонса Олара. Перечитывая Тэна после революции 1917 года и последующей Гражданской войны, Гольденвейзер «был поражен обилием аналогий и параллелей, которые можно провести между изображаемой им картиной и всем тем, что пришлось увидеть своими глазами за последние годы в России»<sup>754</sup>.

Гольденвейзер, опираясь на книгу Тэна и собственные наблюдения периода российской катастрофы, проводит только психологические параллели, не ставя себе задачей сравнивать две революции во всей их совокупности. «Воспитанный на Жан-Жаке Руссо французский якобинец оказывается родным братом, почти двойником воспитанного на Карле Марксе русского большевика», – остроумно, хотя и несколько прямолинейно писал Гольденвейзер. Ссылаясь на одно из писем Жозефа де Местра 1821 года о том, что во главе грядущей революции, для которой в России «всегда имеется достаточно элементов, будет стоять какой-нибудь новый *Пугачев из университета*», Гольденвейзер заключал: «"Пугачев из университета" – можно ли лучше определить то грозное и вместе с тем нелепое, почти комическое, при всем своем трагизме, явление русской жизни, которое носит имя Ленин?»<sup>755</sup>

В книжке приведены различные «анalogии и параллели» между двумя революциями, которые, по мнению Гольденвейзера, «лучше всяких архивных изысканий оправдывают метод и выводы Тэна», с другой же стороны – «дают, быть может, некоторые блики к уразумению истинного смысла того, что происходило и происходит вокруг нас»<sup>756</sup>. Наиболее важны, на наш взгляд, вполне профессиональные рассуждения Гольденвейзера о методологии изучения событий революции:

Достаточно представить себе историю русской революции, написанную по источникам типа писаний Бухарина и Стеклова, или же по протоколам ВЦИК и Всероссийского Съезда Советов, – чтобы оценить всю громадность заслуги Тэна, порвавшего с аналогичными методами в изучении французской революции. Эти методы, – по словам Тэна, – укоренились среди историков в 20-ых и 30-ых годах XIX века, «со смертью очевидцев и современников».

Наш долг – долг современников – позаботиться о том, чтобы ни теперь, ни после нас – ни на Западе, ни в России – в изучение истории русской революции не было внесено ни капли доктринерской фальши<sup>757</sup>.

Гольденвейзер был одним из тех современников, кто позаботился о том, чтобы снабдить будущих историков революции сведениями, не нашедшими отражения ни в протоколах, ни в трудах официальных историков и вождей революции. По свежей памяти он записал воспоминания о жизни в Киеве в 1917 – 1920 годах, опубликованные в издававшемся И.В. Гессеном «Архиве русской революции» (текст датирован апрелем 1922 года). Его воспоминания, на наш взгляд, отличает объективность (в той степени, в какой она возможна для таких по определению субъективных источников; возможно, подходящим определением была бы сдержанность) и информативность. Несомненно, это один из важнейших источников по истории Гражданской войны на Украине (точнее, в Киеве) и, несомненно, наиболее интересный из написанных Гольденвейзером текстов<sup>758</sup>.

<sup>754</sup> Гольденвейзер А.А. Якобинцы и большевики (Психологические параллели). Берлин: Мысль, 1922. С. 5 – 6.

<sup>755</sup> Там же. С. 8, 55.

<sup>756</sup> Там же. С. 6 – 7.

<sup>757</sup> Там же. С. 20 – 21.

<sup>758</sup> Гольденвейзер А.А. Из Киевских воспоминаний. С. 161 – 303.

\* \* \*

Гольденвейзер принимал активное участие в деятельности двух берлинских организаций – Союза русской присяжной адвокатуры в Германии и Союза русских евреев в Германии.

Подробнее о работе этих организаций говорилось в соответствующих главах, им посвященных, в том числе мы затрагивали и деятельность Гольденвейзера в рамках обоих Союзов. Здесь мы коснемся несколько подробнее общественно-юридического аспекта деятельности нашего героя в Берлине.

Гольденвейзер вошел в рефератную комиссию Союза русской присяжной адвокатуры, а впоследствии стал ее секретарем; он входил также в комиссию, заведовавшую юридической консультацией Союза. Он впервые был избран в правление в 1925 году и далее ежегодно переизбирался на новый срок<sup>759</sup>. Гольденвейзер был также членом русского постоянного третейского суда в Берлине и берлинского отделения Комитета съездов русских юристов за границей. Напомним, что председателем правления отделения был Б.Л. Гершун, в 1928 году Гольденвейзер был избран его заместителем<sup>760</sup>.

Среди многообразной деятельности Гольденвейзера по юридической защите интересов русских беженцев отметим его доклад 2 мая 1923 года в берлинском отделении Комитета съездов русских юристов за границей о налоге на жилье для иностранцев. Введенный в марте 1923 года берлинским магистратом налог на жилые помещения предусматривал пятикратную ставку для иностранцев. Гольденвейзер доказывал, что русские беженцы являются политическими эмигрантами, не имеющими возможности вернуться на родину, зарабатывают на жизнь здесь же, в Берлине, т.е. в марках, и «не являются счастливыми обладателями высокой валюты», и их экономическое положение не лучше, а хуже, чем у коренных жителей. На основании доклада Гольденвейзера Комитет подготовил обращение в магистрат, который признал доводы русских юристов справедливыми и счел возможным уравнивать ставки налога для беженцев и коренных жителей<sup>761</sup>.

Гольденвейзер в качестве эксперта принимал участие в работе Нансеновского офиса по делам беженцев при Лиге Наций, в том числе в международной конференции о правовом статусе беженцев, состоявшейся в июне 1928 года. Решения конференции, направленные в целом на то, чтобы уравнивать беженцев в правах с постоянными жителями стран – «реципиентов» эмигрантов, носили рекомендательный характер. Выступая с докладом об итогах конференции на заседании Комитета съездов русских юристов за границей, Гольденвейзер говорил, что «центр тяжести работы по правовому раскрепощению беженства переносится из Женевы на места. Долг русских юристов – побуждать, напоминать, снабжать материалом. Но и долг правительств – исполнить моральное обязательство, принятое на себя в Женеве»<sup>762</sup>.

Среди 80 публичных докладов (лекций), организованных рефератной комиссией Союза русской присяжной адвокатуры к 1930 году, семь лекций были прочитаны Гольденвейзером. Среди них «Конституция германской республики», «Советский федерализм (Комментарий к конституции СССР)», «Личные права или социальные обязанности?», «Британская рес-

---

<sup>759</sup> Русская адвокатура в Германии. Отчет о деятельности Союза за 10 лет (1920 – 1930). Берлин: Союз русской присяжной адвокатуры в Германии, 1930. С. 14 – 15, 27; ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 13. Л. 29 – 30.

<sup>760</sup> В комитете русских юристов // Руль. 1928 № 2424. 14 нояб. С. 5.

<sup>761</sup> Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на родину, урегулирования правового положения. 1920 – 1930-е годы / Сост. З.С. Бочарова. М., 2004. С. 285 – 286.

<sup>762</sup> В комитете русских юристов // Руль. 1928. № 2424. 14 нояб. С. 5. Гольденвейзер выступал с докладами о правовом положении беженцев не только перед коллегами-профессионалами, но и перед более широкой аудиторией. Так, по приглашению данцигского Союза евреев – бывших русских граждан он прочел 17 ноября 1928 года лекцию на тему «Беженцы и бесподанные в послевоенной Европе» (Там же).

публика народов (политический строй английской колониальной империи)», «Соединенные Штаты Европы». Особняком среди этих докладов по проблемам конституционного права или государственной теории стояли «Воспоминания о М.М. Винавере», прочитанные на вечере памяти знаменитого юриста и общественного деятеля 29 ноября 1926 года, и лекция «Толстой и право» (27 февраля 1928 года), приуроченная к 100-летию со дня рождения писателя, широко отмечавшемуся в эмигрантских кругах.

Надо сказать, что жизнь семейства Гольденвейзер проходила «под знаком Толстого». Известна близость к Толстому двоюродного брата Алексея Гольденвейзера – Александра Борисовича Гольденвейзера, пианиста и композитора, частого гостя Ясной Поляны, оставившего о властителе дум русской интеллигенции книгу воспоминаний<sup>763</sup>. Побывал в Ясной Поляне и отец Алексея Александровича – Александр Соломонович, опубликовавший под впечатлением романа «Воскресение» статью «Преступление – как наказание, а наказание – как преступление», перепечатанную к 80-летию Толстого в сборнике работ А.С. Гольденвейзера<sup>764</sup>.

Толстому статья Гольденвейзера-старшего понравилась. Одобрил он и ее перевод на английский язык, выполненный Э.А. Гольденвейзером<sup>765</sup>. Толстой писал Э.А. Гольденвейзеру 14 февраля 1909 года: «Сейчас вновь просмотрел прекрасную критическую статью Вашего отца и, несмотря на то, что слишком большое значение, приписываемое им моему писанию, делает для меня неудобным похвалу статье, не могу не сказать, что этюд Вашего отца с большой силой и яркостью освещает дорогие мне мысли о неразумности и безнравственности того странного учреждения, которое называется судом»<sup>766</sup>. Любопытно, что о Толстом довольно часто писали адвокаты, представители той самой профессии, которую писатель презирал.

Так что выступление А.А. Гольденвейзера с докладом о Толстом было обусловлено до некоторой степени семейной традицией. Свой доклад Гольденвейзер начал с неизбежного вопроса: «вправе ли юристы участвовать в чествовании Толстого? Ведь их-то Толстой менее всего чествовал». Однако, по мнению Гольденвейзера, каждый юрист, «будь то теоретик или практик, если он не удовлетворяется цеховым отношением к своей специальности, должен передумать мысли Толстого о праве и изжить те сомнения, которые волновали Толстого». Воззрения Толстого на право докладчик излагал в основном по роману «Воскресение», причем в защиту права, точнее юридических процедур, практически ничего не сказал. Анализ толстовских взглядов Гольденвейзером-младшим не был особенно оригинальным. Докладчик следовал идеям, сформулированным в работе его отца и в статье В.А. Маклакова «Толстой и суд» (М., 1914). «При всей видимой суровости и нравственном ригоризме, философия Толстого, – заключил свое выступление Гольденвейзер, – есть философия радостного утверждения жизни»<sup>767</sup>.

Однако докладами «по линии» рефератной комиссии лекторская деятельность Гольденвейзера не ограничивалась. Он читал по-немецки лекции о современной России в Народном университете им. Гумбольдта, по-русски – в объединениях русских евреев как в Берлине, так и в других городах, в кружках русской молодежи. Лекции нередко проходили, как это было

<sup>763</sup> Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 1959 (1-е изд. Ч. 1 – 2. М., 1922 – 1923).

<sup>764</sup> Вестник права. 1901. № 7; статья была перепечатана в сб.: Гольденвейзер А.С. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление: Этюды, лекции и речи на уголовные темы. Киев, 1908. Она вышла также отдельным изданием (Киев, 1911).

<sup>765</sup> Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. С. 280 – 282; У Толстого: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. М., 1979. Кн. 4. С. 28 – 29, 437.

<sup>766</sup> Гольденвейзер А.А. В защиту права. Статьи и речи. Нью-Йорк, 1952. С. 19.

<sup>767</sup> Отчет о докладе Гольденвейзера, привлечшем много публики, см.: Руль. 1928. № 2213. 7 марта. С. 5; текст доклада находится в: ГАРФ. Ф. Р-5981. Оп. 1. Д. 180. Л. 246 – 279. Гольденвейзер выступил с этим докладом по-немецки также в обществе германских адвокатов. Сокращенный немецкий вариант доклада опубликован под названием «Tolstoys Kampf gegen das Recht» в журнале «Archiv für Rechts und Wirtschaftsphilosophie» (1928. В. XXII. S. 98 – 116). Впоследствии в дополненном виде на языке оригинала доклад был напечатан в кн.: Гольденвейзер А.А. В защиту права. С. 13 – 64.

принято в Германии, в отдельных залах кафе и ресторанов, иногда в клубах или актовых залах гимназий.

Так, в кружках и союзах русской молодежи Гольденвейзер прочел цикл «методических» лекций: «Как изучать историю?», «Как изучать историю литературы?», «Как изучать общественные науки?», «Как изучать науку права?»<sup>768</sup>. В честь годовщины судебных уставов 20 ноября 1864 года он прочел популярную лекцию о судебной реформе учителям и ученикам старших классов русской гимназии<sup>769</sup>. В этой гимназии Гольденвейзер преподавал законоведение. Любопытна лекция «Духовная жизнь современной России», прочитанная им для слушателей Народного университета им. Гумбольдта 24 апреля 1923 года. Обрисовав духовный облик русской интеллигенции, Гольденвейзер остановился на «небывалом угнетении духа и невыносимом материальном давлении, испытанных интеллигенцией в годы революции». В подтверждение своих слов он прочел выдержки из писем академических работников, полученных им из разных городов СССР. Докладчик с тревогой говорил о «внутреннем сдвиге, происшедшем в психике русской интеллигенции», о появлении «духовного мещанства». Духовное мещанство Гольденвейзер усматривал в развитии «вкуса к собственности» и «привязанности к жизненным благам».

Если газетный отчет верно передает суть лекции, то нетрудно заметить противоречие, в которое впал докладчик: лишение интеллигентов минимальной собственности и элементарных жизненных благ как раз и ставило их в полную зависимость от «рабоче-крестьянской» власти, получившей возможность оказывать на «работников умственного труда» «невыносимое давление». Возможно, впрочем, что критические замечания о «духовном мещанстве» были вызваны «grimасами» первых лет нэпа. В заключение Гольденвейзер выражал надежду, что «пережитые испытания закалили наиболее слабый элемент в русской национальной психике – элемент волевой, а постигшая страну разруха научила ценить дисциплинирующие факторы общественной жизни – государство и право»<sup>770</sup>.

Возможно, работа в Союзе русских евреев побудила Гольденвейзера написать очерки об истории еврейской благотворительности. Один очерк, озаглавленный «Еврейская благотворительность в Киеве», датирован ноябрем 1923 года, другой – «Еврейская благотворительность в России» – февралем 1924 года. По-видимому, эти тексты не были опубликованы<sup>771</sup>.

\* \* \*

Революция и вынужденная эмиграция не привели к существенному поправлению Гольденвейзера, как это случилось со многими эмигрантами, приверженными ранее либерально-демократическим ценностям. Он остался левым либералом и, если рассматривать его взгляды сквозь призму «кадетизма», был ближе к П.Н. Милюкову, все более сдвигавшемуся влево, нежели к группировавшимся вокруг берлинского «Руля» правым кадетам. В группу правых кадетов входили И.В. Гессен, А.И. Каминка, В.Д. Набоков (последний был убит монархистом, покушавшимся на Милюкова во время его лекции в Берлине). Левые кадеты, по-видимому, рассматривали Гольденвейзера как своего. Во всяком случае, когда в декабре 1923 года в Праге проходило совещание Демократической группы партии народной свободы и группы «Крестьянская Россия», приведшее к созданию довольно эфемерного Республиканско-демократического союза, Гольденвейзер намечался одним из авторов (наряду с Н.С. Тимашевым и

<sup>768</sup> См. Руль. 1926. 3, 11, 25 февр. и 4 марта.

<sup>769</sup> Руль. 1929. 11 дек. С. 6.

<sup>770</sup> Духовная жизнь современной России (лекция А.А. Гольденвейзера) // Руль. 1923. 29 апр. С. 9.

<sup>771</sup> Рукописи обоих очерков находятся в: ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 180. Л. 131 – 191.

А.В. Маклецовым) пропагандистской брошюры «Закон и суд»<sup>772</sup>. Брошюра, по-видимому, так и не была написана.

В начале 1927 года Гольденвейзер принял самое активное участие, наряду с Б.И. Элькиным, в создании Русского Республиканско-демократического объединения в Германии. В Берлине среди местных республиканцев велись споры о том, именовать ли проектируемое объединение Республиканско-демократическим, что подчеркивало его связь с милюковским РДО, образовавшимся в Париже в 1924 году, или же Республиканским объединением, на чем настаивали более «правые среди левых». Решающую роль сыграло внезапное появление на «учредительном собрании» объединения берлинских республиканцев самого Милюкова, приехавшего из Праги, где он читал лекции. Объединение получило наименование Республиканско-демократического<sup>773</sup>, а его председателем вскоре был избран Гольденвейзер.

Объединение было немногочисленным, в него входило первоначально восемнадцать членов, максимальная численность, по-видимому, не превышала трех-четырёх десятков человек. Среди членов РДО в Германии были Е.М. Кулишер, Н.М. Волковыский, Е.А. Фальковский и некоторые другие довольно заметные фигуры российской эмиграции в Берлине. Деятельность берлинского РДО свелась к обсуждению проблем будущего устройства России и проведению политических семинаров, в которых могли участвовать и «посторонние лица с согласия руководителя». Руководителем также стал Гольденвейзер. Объявления о семинарах публиковались в газетах, так что ничего конспиративного в деятельности организации не было<sup>774</sup>.

1 апреля 1927 года Гольденвейзер выступил на общем собрании РДО с докладом «Государственный строй будущей России». Приведем основные положения доклада<sup>775</sup>. Говоря, что государственный строй дореволюционной России был централизованным и бюрократическим, Гольденвейзер указывал в то же время, что «Конституция СССР, несмотря на видимость федеративности, на деле еще усилила как административную централизацию, так и бюрократический деспотизм». Он полагал, что в соответствии с политическими склонностями и способностями русского народа государственный строй будущей России «должен покоиться на началах широкой децентрализации и самоуправления». Только такое устройство государства «обеспечит в будущем здоровую государственность и так называемую сильную власть».

Отсюда вытекала чрезвычайная важность «правильного районирования», прежде всего создания «возможно мелкой территориально-административной ячейки, которая ляжет в основу местного самоуправления» и «разложения России на ряд крупных автономных областей – составных частей Российской Федеративной Республики». Любопытно, что в отношении территориально-административного устройства России Гольденвейзер был готов учесть «опыты, произведенные советской властью».

За центром, согласно схеме Гольденвейзера, должна была остаться оборона, внешняя политика и экономические проекты всероссийского значения. В остальном областные единицы пользовались бы полной автономией. Законодательная власть на местах должна была принадлежать однопалатным представительным собраниям, а исполнительная – избираться частью населением, частью законодательным собранием. Всероссийское федеральное правительство должно состоять из двухпалатного парламента, причем верхняя палата избирается местными собраниями сроком на шесть лет и ее состав подлежит обновлению на треть каждые два года, нижняя избирается на четыре года населением с 21-летнего возраста на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования. Женщины наделяются в проекте равными правами с мужчинами. Обе палаты избирают президента сроком на семь лет. В состав исполнительной власти

<sup>772</sup> Соколов М. Создание Республиканско-демократического союза // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2004. Т. VI. С. 250.

<sup>773</sup> Протоколы заграничных групп Конституционно-демократической партии. 1923 – 1933 гг. М., 1999. Т. 6. Кн. 2. С. 434.

<sup>774</sup> ГАРФ. Ф. Р-6030. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 – 2; Д. 4. Л. 1, 5. Руль. 1927 29 марта. С. 5.

<sup>775</sup> ГАРФ. Ф. Р-6030. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 – 6.

входит также кабинет министров, ответственный перед парламентом. Сенат должен исполнять функции верховного кассационного суда и верховного органа административной юстиции.

Деликатным был вопрос об отношении к государствам, образовавшимся после распада Российской империи. Гольденвейзер ограничился осторожной формулой «взаимоотношения с государствами, ныне от нее отделившимися, определяются особыми соглашениями». Эта формула принципиально отличалась от программы РДО, в которой говорилось о восстановлении государственного единства России на основе федерации, т.е. фактически о ликвидации независимости государств, возникших после революции<sup>776</sup>.

Существующая программа РДО, видимо, не вполне удовлетворяла новообразованную организацию в Германии. В апреле и июне состоялись собрания членов РДО в Германии, на которых обсуждались программные вопросы. 16 июня был заслушан доклад Гольденвейзера о пересмотре программы РДО. В результате был утвержден проект программы РДО в Германии, включавший следующие положения о будущем политическом и экономическом строе России:

1. Демократическая Федеративная республика с осуществлением начал народовластия в законодательстве и управлении.

2. Гарантии политических прав и гражданских свобод, равенство всех граждан перед законом, независимость суда и защита прав национальных меньшинств.

3. Всеобщее активное и пассивное избирательное право в органы народного представительства и местного самоуправления.

4. Внешняя политика, ограждающая национально-государственные интересы России и направленная на поддержание международного мира.

5. Ликвидация советской системы хозяйства в области промышленности и торговли и восстановление производительных сил на основе свободы частнохозяйственной деятельности.

6. Закрепление за крестьянством всех земель, находящихся в его обладании. Право крестьянства на свободный выбор системы землепользования (хутор, отруб, община и др.) и на свободный выход из общины с признанием за вышедшими из общины права частной собственности на землю<sup>777</sup>.

Увы, и парижские, и берлинские проекты обустройства России оказались не более чем теоретическими упражнениями. Они остались памятниками политической мысли либерально-демократического крыла российской эмиграции. Активность берлинских «эрдеков», столь заметная в первой половине 1927 года, постепенно сошла на нет. В 1932 году жизнь в РДО в Германии как будто еще теплилась, во всяком случае велась переписка с Парижем по поводу изменений в программе<sup>778</sup>. Но политически это была, безусловно, уже загробная жизнь.

\* \* \*

Мировой экономический кризис и сокращение численности русской колонии в Германии привели к «кончине» главной русскоязычной газеты в Германии и одной из наиболее солидных и долговечных в русском зарубежье вообще — «Руля». Отсутствие собственного печатного органа, несомненно, вело к политическому и культурному упадку русскоязычной диаспоры

<sup>776</sup> Там же. Л. 5; ГАРФ. Ф. Р-6030. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

<sup>777</sup> ГАРФ. Ф. Р-6030. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 – 7, 3.

<sup>778</sup> Там же. Д. 5. Л. 6.

в Германии. Это понимали деятели самой разной политической ориентации. Гольденвейзер принял участие в попытке сохранения русской печати в Берлине.

В начале ноября 1931 года в Берлине потенциальным читателям и покупателям нового периодического издания была разослана открытка следующего содержания:

Читайте! Читайте!

выходящую в субботу 7-го ноября в Берлине новую еженедельную газету «Наш век».

В газете принимают участие: Е. Аленина, Алекс. Буров, Бор. Бродский, В. Гессен, И. Гессен, А. Гольденвейзер, Вл. Деспотули, В. Ирецкий, проф. А. Каминка, Серг. Кречетов, С. Кучеров, Григ. Ландау, Н. Лидарцева, Иос. Матусевич, В. Миллер, Жан Нуар, Ю. Офросимов, Вл. Пиотровский, А. Савельев, Вл. Сирин, Р. Энгель, Энди и др.

Полный список сотрудников будет объявлен особо.

Недельный обзор иностранной и советской жизни. – Поэзия и беллетристика. – Новое в литературе. – Библиография. – Театр и кино. – Интервью недели. – Берлинские новости. – Юридическая консультация. – Спорт. – Обзор мод. – Юмор, крестословицы, загадки. – Переписка читателей. – Почтовый ящик. – Многочисленные иллюстрации.

Цена номера 20 пфен<нигов><sup>779</sup>.

Как видно по программе издания и по составу сотрудников, издание было задумано таким образом, чтобы потraфить взглядам и интересам достаточно широкой (насколько это определение было применимо к тогдашним берлинским русским) публики. Впоследствии – и довольно скоро – пути некоторых сотрудников разойдутся достаточно далеко. Некоторые будут вынуждены бежать из Германии, а иные и вовсе покинуть Европу, спасаясь от нацистов. А известный журналист Вл. Деспотули возглавит нацистскую газету на русском языке «Новое слово» и заработает прозвище Гестапули. Довольно странно среди деятелей еврейских организаций в списке сотрудников выглядело имя С.А. Соколова-Кречетова, основателя «Братства русской правды» (БРП), издателя и основного автора одноименной газеты, на страницах которой антисемитизм использовался едва ли не как основное орудие антисоветской пропаганды. Впрочем, о том, что издатель блоковских «Стихов о Прекрасной даме» и таинственный Брат № 1 БРП – одно и то же лицо, знали очень немногие<sup>780</sup>.

Гольденвейзер писал Н.Л. Натану в середине ноября 1931 года:

С прошлой недели в Берлине стала выходить новая еженедельная газета «Наш Век». Газета носит более литературный и информационный, нежели политический характер. Во главе редакции стоит группа более молодых сотрудников «Руля». Как Вы увидите из прилагаемого списка, в состав сотрудников входят почти все прежние сотрудники «Руля». Существование этой газеты – факт весьма положительный. Благодаря ей берлинская публика не отвыкает от своей газеты, не переходит на иногородние<sup>781</sup>.

Натан, предприниматель, свояк известного философа и публициста Ф.А. Степуна, был одним из тех, у кого Гольденвейзер пытался получить деньги на поддержку «Нашего века». Степун в ответ на запрос Гольденвейзера так характеризовал потенциального мецената:

<sup>779</sup> ГАРФ. Ф. Р-5981. Оп. 1. Д. 178. Л. 52.

<sup>780</sup> См. подробнее: Будницкий О.В. Братство Русской Правды – последний литературный проект С.А. Соколова-Кречетова // Новое литературное обозрение. 2003. № 6 (64). С. 114-143.

<sup>781</sup> Гольденвейзер А.А. – Натану Н.Л., 13 ноября 1931 года: ГАРФ. Ф. Р-5981. Оп. 1. Д. 178. Л. 82.

Николая Львовича Натана я знаю с детских лет и даже состою с ним в родственных отношениях, так как мой брат женат на его дочери. Он человек с большим трудом и собственными силами вышедший в люди. Безусловно очень энергичный и талантливый коммерсант, не лишенный, однако, некоторого прожектерства и некоторой склонности к выдумке. К его планам надо, по моему, относиться критически. Его честность выше всяких подозрений. Несколько лет тому назад у него были, по эмигрантским масштабам, довольно серьезные средства<sup>782</sup>.

Финансовое положение газеты с самого начала оказалось нестабильным. Вначале Гольденвейзер планировал получить на издание газеты сумму, на которую едва ли можно было рассчитывать в эмигрантской колонии: «Так как поступления от новой газеты начинаются только через месяц-два-три, то на возобновление еженедельного издания нужно иметь оборотный капитал примерно в 10 000 марок, а для издания два раза в неделю – 16 – 18 тысяч», – писал он Н.Л. Натану<sup>783</sup>. Впоследствии «закладываемая» сумма снизилась примерно до пяти тысяч марок в год. Три тысячи марок должны были быть внесены «одним пайщиком», еще две тысячи марок – Ю.С. Вестерманом, который взял на себя ведение коммерческой стороны дела. Однако не названный Гольденвейзером основной пайщик внес 1200 марок и «забастовал», ссылаясь на финансовые затруднения, Вестерман уже внес 1000 марок, но отказался финансировать газету сверх установленной пропорции. Гольденвейзер просил Натана или его друзей стать пайщиками, вкладчиками или кредиторами в размере 1000 – 1200 марок. Сумма 5000 марок оказалась завышенной, хватало и гораздо меньшей. Гольденвейзер заверял Натана, что газета «имеет достаточное распространение и порядочное количество объявлений» и, таким образом, при определенной материальной поддержке вполне может держаться на плаву<sup>784</sup>.

Натан, постоянно живший в Эвиане (Франция), пытался организовать группу предпринимателей для поддержки медленно умиравшего «Руля». Теперь Гольденвейзер рассчитывал, что подобная группа может оказать поддержку новой газете, являвшейся в некоторой степени (хотя бы по составу сотрудников) преемником «Руля». «Если бы Вам удалось создать группу капиталистов, – писал он Натану, – то несомненно можно будет вступить в соглашение с руководителями “Нашего Века” и либо преобразовать его в большую ежедневную политическую газету, либо заменить другой». Информирова Натана о финансовой кухне ушедшего в вечность издания, Гольденвейзер сообщал, что «вознаграждение последнее время было совершенно ничтожным; да и то не выплачивалось. Но и в лучшие времена “Руль” платил всего 8 пф[еннигов] за строчку (только Ю.И. Айхенвальд получал 10 пф[еннигов]). Конечно, при возобновлении издания на новой солидной основе необходимо установить достаточные ставки построчного гонорара, равно как и жалование редакторам»<sup>785</sup>.

В конечном счете усилия, потраченные на переписку с Натаном, пропали даром. Создать группу для оказания поддержки новому изданию Натану не удалось, и хотя лично он дал небольшие деньги, это ни в коей мере не решало финансовых проблем издания<sup>786</sup>. Мало помогло делу и решение с целью экономии мелкие заметки сотрудникам не оплачивать<sup>787</sup>.

Разочаровавшись в возможности получить одновременно крупную сумму от какого-нибудь «капиталиста» или группы «капиталистов», лидеры русской эмигрантской общины Берлина решили обратиться к общественности. 10 мая 1932 года состоялось собрание иници-

<sup>782</sup> Степун Ф.А. – Гольденвейзеру А.А., 14 декабря 1931 года: Там же. Л. 57.

<sup>783</sup> Гольденвейзер А.А. – Натану Н.Л., 29 октября 1931 года: Там же. Л. 93.

<sup>784</sup> Гольденвейзер А.А. – Натану Н.Л., 26 декабря 1931 года: Там же. Л. 63 – 64.

<sup>785</sup> Гольденвейзер А.А. – Натану Н.Л., 13 ноября 1931 года: Там же. Л. 82 – 83.

<sup>786</sup> Натан Н.Л. – Гольденвейзеру А.А., 1 января 1932 года: Там же. Л. 68 – 69.

<sup>787</sup> Там же. Л. 76.

ативной группы Общества друзей русской печати, на котором было избрано правление Общества в составе К.М. Аптера, А.В. Бельгарда, Б.Л. Гершуна, А.А. Гольденвейзера, А.Э. Когана, С.А. Кречетова, С.Л. Кучерова, А.А. фон Лампе и о. Иоанна Шаховского. Председателем был избран Гершун<sup>788</sup>.

Состав правления Общества был опять-таки довольно необычным. Деятели сравнительно левой или умеренно левой ориентации оказались в одной компании с такими правыми деятелями, как сенатор Бельгард или председатель II отдела Русского общевойинского союза генерал фон Лампе. Состав Общества в какой-то степени отражал этническую композицию тогдашней профессиональной и политической элиты русского Берлина: пятеро евреев, двое немцев (Бельгард и фон Лампе) и двое русских (Кречетов и о. Шаховской). Это был нечастый случай, когда ради общего дела – сохранения русской печати, точнее русской газеты, – объединились люди столь различных политических взглядов.

Пестрый состав правления общества пришелся, однако, далеко не всем по вкусу. Коллега и многолетний корреспондент Гольденвейзера Б.И. Элькин писал ему вскоре после создания Общества, одним из первых дел которого стала подготовка воззвания о помощи русской печати:

Пожалуйста, не ставьте моей подписи под воззванием о помощи «Новому Веку» [так! – *О.Б.*]... в организации газеты я не могу делать общего дела с рядом лиц, приглашенных «Новым Веком» (или инициативной группой) и засим даже избранных в состав исполнительного органа создаваемой организации.

Инициаторы этого дела поступают, действуя таким образом, с их точки зрения правильно. Но мне это дело – не по дороге<sup>789</sup>.

Общество друзей русской печати выпустило воззвание с призывом поддержать «Наш век» и вступать в Общество. Членский взнос составлял 10 марок в год. Нетрудно подсчитать, что если бы в Общество вступили 300 человек, то сумма членских взносов как раз составила бы искомые 3000 марок, необходимые для издания «Нашего века». Воззвание подписали:

Я.Л. Тейтель, председатель Союза русских евреев в Германии,  
И.В. Гессен, председатель Союза русских журналистов и литераторов,  
проф. В.И. Ясинский, председатель Союза русских инженеров,  
Ф.Ф. Шлиппе, председатель Обществ российского Красного Креста,  
о. Иоанн Шаховской, настоятель прихода церкви Св. Владимира,  
сенатор А.В. Бельгард, председатель Общества помощи русским гражданам 1916 г.,  
Я.В. Молдавский, председатель Союза русских врачей,  
ген. А.А. Лампе, начальник II отдела Русского общевойинского союза,  
Н.Н. Рамминг, председатель Общества русских судебных деятелей,  
В.С. Слепян, Русское студенческое христианское движение,  
Б.Л. Гершун, председатель Союза русской присяжной адвокатуры,  
проф. А.И. Каминка, председатель Русского академического союза,  
С.Д. Боткин, начальник организации для защиты русских беженцев,  
Тихон, епископ Берлинский,  
о. Прозоров, настоятель православной русской патриаршей церкви<sup>790</sup>.  
Взносы собирали председатель Общества Гершун и казначей Аптер.

<sup>788</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 11 мая 1932 года: Там же. Л. 23.

<sup>789</sup> Элькин Б.И. – Гольденвейзеру А.А., 12 мая 1932 года: Там же. Л. 25.

<sup>790</sup> Там же. Л. 6.

Однако такое воззвание, обращенное ко всем и ни к кому конкретно, вряд ли могло привести к желаемому результату. Его требовалось подкрепить личными обращениями, причем к людям, которые могли дать гораздо больше, чем 10 марок.

Гольденвейзер в конце мая – начале июня 1932 года разослал письма идентичного содержания состоятельным берлинцам: Максу Альбертовичу Соловейчику, Льву Мироновичу Фейгенбергу, Генриху Марковичу Фишеру, а также Лазарю Моисеевичу Голодцу (Гамбург) и Герману Абрамовичу Бромбергу (Лейпциг). В списке на рассылку значились также И.В. Харин, Я.М. Демент, А.Е. Камушер, Б.Э. Роде, И.М. Троцкий, Д.Л. Брикер, С.Л. Вульфсон<sup>791</sup>. Нетрудно заметить, что почти все адресаты – евреи, несомненно, причисляющие себя, как и Гольденвейзер, к членам русской эмигрантской колонии.

В письме говорилось:

Прилагаемый циркуляр «Общества друзей русской печати» объяснит Вам цель моего письма. Учредители общества исходят из мысли, что русские беженцы в Германии, чтобы окончательно не зачахнуть, должны иметь хоть какую-нибудь газету. Эта газета должна обслуживать не только берлинскую русскую колонию, но и лейпцигскую, гамбургскую и др. Поддержать «Наш Век» и, при первой возможности, улучшить его качественно и количественно – несравненно легче, чем создавать новую газету, после того, как «Наш Век» закроется.

...Мы рассчитываем, что в Германии найдется достаточно русских, которые дадут на это дело единовременный взнос в 200, 100 или 50 марок, или хоть запишутся в члены Общества, уплатив взнос в 10 марок<sup>792</sup>.

Среди бумаг Гольденвейзера сохранился ответ лишь одного из потенциальных доноров, Д.Л. Брикера. Брикер соглашался, что газета нужна, но сомневался, что найдется 20 человек, которые «могли бы покрыть тот фонд, который необходим» [т.е. 3000 марок. – *О.Б.*]. «В русской колонии такая невероятная и неслыханная нужда, – писал он далее, – что буквально не проходит дня, чтобы ко мне не обращались, даже мои близкие друзья, за более или менее крупной помощью». Поэтому Брикер перевел 30 марок, а не столько, сколько ему, по его словам, хотелось<sup>793</sup>.

Несмотря на финансовые трудности, «Наш век» выходил до апреля 1933 года. Прекращение издания газеты, как, впрочем, и прекращение существования русско-еврейской колонии в Берлине, было связано не с обычными эмигрантскими проблемами, а с радикальными политическими переменами в Германии. В марте 1932 года, накануне выборов президента Германии, Гольденвейзер писал:

Русские беженцы в большинстве приехали в Германию между 1920 и 1922 годами. На их глазах прошла почти вся история новой Германской республики – от Каппа<sup>794</sup> до Гитлера. Они могли многое оценить в приютившей

<sup>791</sup> Там же. Л. 3 – 4, 16, 18 – 21.

<sup>792</sup> Там же. Л. 3.

<sup>793</sup> Брикер Д.Л. – Гольденвейзеру А.А., 28 мая 1932 года: Там же. Л. 1.

<sup>794</sup> Капп Вольфганг (1858 – 1922) – прусский юнкер, журналист, лидер Немецкой отечественной партии. Гольденвейзер имеет в виду так называемый путч Каппа, который более точно именуется также путчем Лютвица – Каппа. 10 марта 1920 года, подтянув к Берлину отказавшиеся разоружаться соединения добровольческого корпуса (фрайкора), генерал Вальтер Лютвиц предъявил социал-демократическому правительству Фридриха Эберта ультиматум, потребовав роспуска национального собрания, перевыборов президента, отказа от сокращения личного состава рейхсвера, предусмотренного Версальским мирным договором 1919 года. Правительство не приняло решительных мер против мятежников. 13 марта путчисты заняли Берлин и образовали свое правительство во главе с номинальным правителем Каппом. Однако путчисты не получили поддержки от регулярной армии, консерваторы отклонили приглашение Каппа войти в правительство, рабочие объявили всеобщую забастовку, и уже 17 марта лидеры путчистов бежали за границу.

их стране, но во многом и разочаровались. Они многому научились у немцев, но успели убедиться и в том, что не по всем предметам можно идти к ним на выучку. Наряду с величайшими достижениями культуры духовной, хозяйственной, организационной, отчасти социальной – пришлось констатировать крупные недостатки культуры политической. Русские беженцы нашли в Германии такую же раздробленность и борьбу партий, какую они помнили из России. И на протяжении десяти лет им пришлось увидеть лишь считанное число государственных людей крупного масштаба, с талантом, волей и авторитетом<sup>795</sup>.

К таким деятелям Гольденвейзер относил Ф. Эберта, Г. Штреземана, о тогдашнем рейхсканцлере Г. Брюнинге он замечал, что тому «недостает увлекающего массы боевого темперамента». С уважением и определенной симпатией Гольденвейзер отзывался о президенте П. фон Гинденбурге, явно надеясь на его переизбрание<sup>796</sup>. Еще бы – ведь главным конкурентом престарелого фельдмаршала был не кто иной, как Адольф Гитлер.

Почти одновременно Гольденвейзер опубликовал в рижском «Законе и суде» статью «“Чрезвычайные указы” Германского Президента»<sup>797</sup>, в которой разъяснял читателям вопрос о применении ст. 48 Веймарской конституции 1919 года, позволявшей принимать в случае необходимости чрезвычайные меры, в том числе роспуск Рейхстага, референдум и т.п. Ф. Эберт прибегал к этой статье 136 раз, затем до 1930 года она применялась редко, но с 1930 года, в президентство Гинденбурга, вновь использовалась довольно широко.

Имея перед собой... недееспособный Рейхстаг, – писал Гольденвейзер, – президент не только вправе, но и обязан воспользоваться всеми предоставленными конституцией возможностями, чтобы охранить страну от потрясений и обеспечить нормальный ход государственных дел. Поэтому ст. 48 абзац 2 должна быть истолкована в том смысле, что она предоставляет президенту право временно устранить недееспособный парламент и самолично позаботиться об удовлетворении насущных нужд государства. Если у президента в его борьбе с Рейхстагом при помощи ст. 48 нет воли к государственному перевороту, – если он одушевлен единственно желанием привести жизнь в норму, соответствующую конституции, – если он временно устраняет парламент с единственной целью облегчить скорейшее восстановление нормального парламентаризма, – то самое широкое толкование прав президента по ст. 48 будет вполне соответствовать духу Веймарской конституции и намерениям ее творцов<sup>798</sup>.

Гольденвейзер уж больно настойчиво употреблял слово «если», как будто сомневался в действительных намерениях германского президента, называя, впрочем, Гинденбурга почтенным политиком, в благих намерениях которого никто не сомневается. Возможно, намерения у Гинденбурга и были благими, но именно он, опираясь на Веймарскую конституцию, в январе 1933 года назначил Гитлера на пост рейхсканцлера. А вскоре о каких-либо конституционных нормах пришлось надолго забыть.

Веймарская Германия кончилась. Близилась к концу и история русско-еврейского Берлина.

---

<sup>795</sup> ГАРФ. Ф. Р-5981. Оп. 1. Д. 178. Л. 29. Цитируемая статья Гольденвейзера «В Германии» предназначалась для «Нашего века», однако обнаружить ее публикацию в газете нам не удалось. Возможно, она была напечатана в одном из нескольких отсутствующих в германских и российских библиотеках номеров газеты.

<sup>796</sup> Там же. Л. 29 – 31.

<sup>797</sup> Закон и суд. 1932. № 4 (24). С. 769 – 774.

<sup>798</sup> Гольденвейзер А.А. «Чрезвычайные указы». С. 774.

## Глава 7

# РУССКИЕ ЕВРЕИ В НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ (1933 – 1941)

В биографических справках о русских эмигрантах в Германии, в особенности эмигрантах еврейского происхождения, часто встречается формула – «после 1933». Что-нибудь вроде – «с 1933 года» или «после 1933 года» – во Франции, Англии, Латвии... И далее по списку, в зависимости от нового места пребывания эмигранта (слово «жительства» в данном случае вряд ли будет уместным). Исследователям кажется само собой разумеющимся, что после прихода в Германии к власти нацистов у эмигрантов, за исключением разве что русских немцев или крайне правых, не было другого выхода, нежели немедленно покинуть страну. Р. Уильямс пишет, к примеру: «С приходом к власти Адольфа Гитлера в 1933 году история русской эмиграции в Германии возвращается к ее истокам кануна Первой мировой войны. Подавляющее большинство русских покинули страну, осталось лишь несколько тысяч»<sup>799</sup>.

На самом деле представление о немедленном массовом отъезде русских эмигрантов из страны сильно преувеличено. Да он и не мог быть таковым по юридическим (право въезда в другие страны) и материальным причинам. В 1937 году в Германии все еще находилось около 45 тысяч русских эмигрантов, и она уступала в этом отношении среди европейских стран только Франции (110 тысяч) и Польше (80 тысяч). В то же время численность русских эмигрантов в Германии с 1930 по 1937 год сократилась в два раза: с 90 до 45 тысяч. Это можно было бы счесть только следствием реэмиграции, однако заметное сокращение численности русских эмигрантов наблюдалось и в других странах, иногда в 2 – 3 раза (Греция, Румыния, Италия, Скандинавские страны). Так, во Франции численность русских эмигрантов сократилась со 175 до 110 тысяч, и это при том, что именно во Францию прежде всего устремились уезжавшие из Германии<sup>800</sup>.

В целом численность русских эмигрантов в странах Европы и Дальнего Востока с 1930 по 1937 год сократилась с 630 до 450 тысяч человек. Приведенные данные могут быть неполны, ибо не все эмигранты были зарегистрированы. В то же время многие, натурализовавшись и де-юре перестав быть эмигрантами, сохраняли национальную идентичность и считали принятие иностранного гражданства формальным актом. Но в первую очередь сокращение численности русских эмигрантов объясняется высокой смертностью и неблагоприятной демографической ситуацией – большинство эмигрантов были одинокими мужчинами, что обусловило низкую рождаемость<sup>801</sup>.

По-видимому, численность русской эмиграции в Германии существенно сократилась в начале 1930-х, еще до прихода нацистов к власти; главной причиной послужил экономический кризис, особенно жестоко поразивший эту страну. По некоторым оценкам, в начале 1933 года в стране насчитывалось около 50 тысяч беженцев из России<sup>802</sup>.

Следует помнить, что точная численность эмигрантов неизвестна, и приводимые в литературе цифры носят, за редким исключением, оценочный характер. Несомненно одно – в нацистской Германии в 1930-е годы оставалось по разным причинам немало русских евреев, отъезд которых затянулся или вовсе не состоялся. Исходя из сравнительно высокой доли евреев среди российских эмигрантов в Германии, можно предположить, без особого риска ошибиться,

---

<sup>799</sup> Williams R. *Culture in Exile. Russian Émigrés in Germany. 1881 – 1941.* Ithaca; L., 1972. P. 331.

<sup>800</sup> Simpson J.H. *The Refugee Problem: Report of a Survey.* L., N.Y., Toronto, 1939. P. 64.

<sup>801</sup> Будницкий О.В. Эмиграция // Россия. М.: Большая российская энциклопедия, 2004. С. 408.

<sup>802</sup> Наш век. 1933. № 70. С. 2; Williams R. *Culture in Exile.* P. 284 – 285.

что в стране оставалось несколько тысяч русских евреев. Русско-еврейская жизнь теплилась в Германии вплоть до начала 1940-х годов. Об этом периоде жизни русско-еврейской общины в Германии мы знаем менее всего.

В настоящей главе мы попытаемся до некоторой степени ликвидировать эту лакуну. Мы рассмотрим, во-первых, реакцию на приход нацистов к власти и попытки приспособиться к новому режиму различных слоев русской эмиграции, расколотой теперь не только по политическому, но и по «расовому» принципу; во-вторых, причины, по которым некоторые русские евреи задержались или остались в Германии; в-третьих, деятельность лидеров русско-еврейской эмигрантской общины по оказанию помощи единоверцам, по разным причинам не сумевшим выбраться из ставшей проклятой страны.

## **Русская эмиграция в первые годы нацистского режима**

Почему многие русские евреи не уехали из Германии сразу после прихода к власти нацистов? Во-первых, как мы уже упоминали выше, далеко не все имели материальные и юридические возможности уехать, во-вторых, далеко не все этого хотели, надеясь переждать тяжелые времена. В самом деле: не в первый раз в истории евреи подвергались преследованиям, однако в конечном счете все как-то налаживалось. Многие прижились в Германии, чувствовали себя вполне комфортно, и перспектива уехать в другую страну, где предстояло учить новый язык, искать работу (а годы играли вовсе не в их пользу), не слишком прельщала эмигрантов.

Среди тех, кто надеялся на перемены к лучшему и пытался задержаться в Германии как можно дольше, были И.А. Британ, И.В. Гессен, А.А. Гольденвейзер, Г.А. Ландау, С.Л. Франк и некоторые другие, менее видные фигуры «русско-еврейского» Берлина.

Гольденвейзер, перебравшийся из Германии в США в декабре 1937 года, писал И.В. Гессену весной 1938-го:

Известия из Германии действуют удручающе. Мы действительно досидели до последней возможности, и я рад, что нас уже там нет. Но остались там и близкие люди, и десятки людей, судьбой которых мы годами привыкли интересоваться. За них тревожно и грустно<sup>803</sup>.

Что же происходило с десятками знакомых Гольденвейзера и с сотнями не знакомых ему лично «русских евреев» в нацистской Германии в 1930-е и начале 1940-х годов? Источники, находящиеся в нашем распоряжении, крайне скудны. Те «русские евреи», кто не успел выехать из Германии, в большинстве своем погибли, и их архивы не сохранились. Редким свидетельством являются довольно поздние воспоминания поэтессы Веры Лурье, пережившей Вторую мировую войну в Берлине. Написанные по-немецки, они долго не могли найти издателя и лишь недавно увидели свет в переводе на русский язык<sup>804</sup>. Многие из тех, кто уехал из Германии во Францию или в другие европейские страны, позднее оккупированные нацистами, также были уничтожены нацистами. Тем не менее кое-какие отрывочные сведения у нас есть, и опять-таки благодаря А.А. Гольденвейзеру. Переехав в США, он вовсе не утратил интереса к судьбе своих соотечественников в Германии, что называется, «держал руку на пульсе», вел обширную переписку с людьми, или находившимися в Германии, или перебравшимися в другие страны, но сохранявшими связи со страной первой эмиграции. Некоторые из его корреспондентов продолжали работать на благо единоверцев, оставшихся в «пасти дьявола».

---

<sup>803</sup> Гольденвейзер А.А. – Гессену И.В., 29 апреля 1938 года: Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Alexis Goldenweiser Papers, Arranged American Correspondence, Box 4 (далее Gold-4, 5 и т.д., причем цифра обозначает номер соответствующей коробки в фонде Гольденвейзера; папки внутри коробок не имеют нумерации, переписка разложена по годам/адресатам).

<sup>804</sup> Лурье В. Воспоминания // Студия. 2005 – 2008. № 9 – 12.

Таким образом, в нашем распоряжении имеется комплекс писем, отражающих, причем довольно систематически, жизнь русско-еврейских эмигрантов в Берлине в 1938 – 1940 годах. Сведения о предшествующем пятилетии более отрывочны.

Нацисты поначалу были заняты более неотложными делами, чем решение вопроса о статусе русской эмиграции, включая ее еврейскую составляющую. Однако же высокую активность и инициативность проявили крайне правые круги эмиграции, спеша «вскочить на подножку» набравшей ход нацистской машины. Да и сравнительно умеренные правые начали «делить власть». Добавим: не спросив хозяина.

Так, профессиональный дипломат, глава некогда наиболее влиятельной из русских организаций в Германии – Русской делегации (преемницы русской дипломатической миссии) – С.Д. Боткин, видимо, собирался «прибрать к рукам» наследство представительства Нансеновского офиса в Берлине. Русская делегация, с 1922 года именовавшаяся Организацией защиты интересов русских беженцев (*Vertrauensstelle für russische Flüchtlinge*), со временем уступила «пальму первенства» нансеновскому представительству (Нансенамту). Боткин предвидел смещение с поста главы Нансенамта присяжного поверенного Е.А. Фальковского и полагал, что наиболее реальным претендентом на освобождающуюся должность будет он сам. Любопытны мотивы, по которым он считал смещение Фальковского более чем вероятным. 9 января 1934 года Боткин писал В.А. Маклакову, председателю Совещания российских послов<sup>805</sup> в Париже: «Фальковский не еврей, но может быть еврейского происхождения. Во всяком случае, политически он, насколько мне известно, был народным социалистом, а теперь принадлежит к левому крылу РДО<sup>806</sup>, которое он в Берлине и возглавлял. Само собою, подозрения на еврейство и левая ориентация мало-мало подходят к теперешнему настроению в Германии, о чем мне уже и намекали недавно в Имперском министерстве внутренних дел...»<sup>807</sup> Боткин, будучи уверен в «смене власти», информировал Маклакова, что мог бы принять к себе на службу Фальковского лишь после согласования с немецкими властями.

Как мы увидим ниже, Боткина ожидало сильное разочарование.

Полгода спустя Боткин получил сведения об отношении новых властей к русской эмиграции из первоисточника – от министра иностранных дел Константина фон Нейрата. Боткин был принят фон Нейратом вскоре после событий 30 июня 1934 года – беспощадной расправы Гитлера с бывшими соратниками – Эрнстом Ремом и верными ему штурмовиками. К удивлению Боткина, министр уделил ему довольно много времени. Кроме обсуждения международных вопросов речь зашла и о русских беженцах в Германии. Боткин счел полезным указать министру на «крайнюю несерьезность целого ряда русских партий, ежедневно возникающих в Германии под различными наименованиями, стремящихся как-то подделаться под немецких национал-социалистов». Фон Нейрат был не слишком осведомлен в местной русской политике, однако ему было известно, что русские «партии» враждуют между собой. Свидетельством этого были многочисленные доносы, поступающие властям от новообразованных организаций. Доносили они в основном на старые эмигрантские структуры, явно стремясь расчислить себе

---

<sup>805</sup> Совещание (Совет) российских послов было создано российскими послами в 1921 году для координации деятельности в условиях отсутствия признаваемого ими правительства в России. По мере признания СССР правительствами тех стран, в которых некогда были аккредитованы послы императорского или Временного правительства, не признавшие советскую власть, и утраты ими дипломатического статуса они, как правило, возглавляли представительства Нансеновского офиса или другие учреждения по делам русских беженцев в странах пребывания. Тем не менее Совет российских послов не был распущен и бывшие дипломаты регулярно информировали председателя Совета послов о положении в тех странах, в которых они некогда возглавляли дипломатические миссии. Местопребыванием председателя Совета послов был Париж. Первым его председателем был посол в Риме М.Н. Гирс (постоянно находившийся в Париже). После смерти Гирса в 1932 году председателем стал бывший посол в Париже В.А. Маклаков.

<sup>806</sup> Республиканско-демократическое объединение.

<sup>807</sup> Цит. по: Бочарова З.С. Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920 – 1930-е гг. // Русский Берлин 1920-1945. М.: Русский путь, 2006. С. 396.

«место под солнцем». Доносы доходили даже до фон Нейрата. Одним из объектов нападок был и сам собеседник министра, о чем тот сообщил Боткину<sup>808</sup>.

«Вся вздорность этих доносов, а также несерьезность подобных политических образований нам известны», – заверил фон Нейрат Боткина. Он посоветовал старому дипломату не обращать на доносы внимания и добавил: «...в данное время лучше и практичнее сидеть тихо и не “рыпаться”»<sup>809</sup>.

Приход нацистов к власти послужил стимулом к созданию русских крайне правых организаций нацистского толка. Наиболее многочисленной и шумной из них стало Российское освободительное национальное движение (РОНД), созданное группой малоизвестных эмигрантов 9 апреля 1933 года. Среди учредителей РОНД были Н.П. Дмитриев, некий Щербина, прибалтийский немец Ф. Лихингер и др. Вождем был избран некий Андрей П. Светозаров (настоящее имя – Генрих Пильхау), прибалтийский немец, участник Белого движения, успевший, впрочем, принять германское гражданство. Вначале РОНД насчитывало около 200 человек, но зато, как и положено настоящим нацистам, имело свою форму. Форма состояла из черных брюк, белой рубашки и нарукавной повязки красного цвета с белой свастикой в синем квадрате на ней. Нетрудно заметить, что рондовцами были использованы цвета российского национального флага. РОНД установило неплохие связи с СА (штурмовиками), которые даже в знак особого расположения передали РОНД одно из знамен русской армии, захваченное германскими войсками в период Первой мировой войны. Под этим знаменем рондовцы промаршировали 1 мая 1933 года в составе одного из отрядов настоящих штурмовиков по улицам Берлина<sup>810</sup>. 1 мая в нацистской Германии отмечался День труда. Ведь партия, пришедшая к власти, именовалась среди прочего рабочей!

В нашу задачу не входит изучение истории русского нацизма. Заметим лишь, что история РОНД и тех групп и организаций, которые откололись от него или в которые было преобразовано РОНД, изобиловала расколами и скандалами. Так, Светозарова-Пильхау уже в сентябре 1933 году сменил Павел Бермондт-Авалов. Деятельность РОНД вызвала беспокойство советского правительства, сделавшего соответствующие представления германским дипломатам; к тому же руководство германскими вооруженными силами было обеспокоено возможными осложнениями советско-германского сотрудничества, которое по инерции все еще продолжалось. В результате по настоянию германского МИДа и военных, не желавших осложнений в отношениях с СССР из-за такого пустяка, как РОНД, деятельность организации была взята под контроль гестапо. Рондовцам сначала запретили носить форму, а потом и вовсе наложили запрет на деятельность организации в Пруссии<sup>811</sup>.

В Берлине РОНД сменила недолговечная Партия российских освободителей / Российское национал-социалистическое движение во главе с Бермондтом-Аваловым (начальник штаба – немец с Дальнего Востока Фриц Мёлленхоф). Затем соратники поругались и организация раскололась. Видимо для того, чтобы остудить страсти, оба вождя кратковременно арестовывались гестапо.

Сообщая руководителю Совета российских послов в Париже В.А. Маклакову о деятельности русских нацистов и последовавшем расколе, Боткин заключал: «Все это весьма опереточно и германским правительством не принимается всерьез»<sup>812</sup>.

<sup>808</sup> Боткин С.Д. – Маклакову В.А., Берлин, конец июня 1934 года: Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934 – 1940: В 2 кн. М.: Гей, 1998. Кн. 1. С. 177.

<sup>809</sup> Чему свидетели мы были... Кн. 1. С. 177.

<sup>810</sup> Жданов Д.Н. Русские национал-социалисты в Германии (1933 – 1939 гг.) // Россия и современный мир. 1998. Вып. 3 (20) (цит. по: <http://www.inion.ru/product/russia/zdanov.htm>)

<sup>811</sup> Там же.

<sup>812</sup> Чему свидетели мы были... С. 177.

При всей «опереточности» движения оно было достаточно заметно в среде русской эмиграции. По собственным оценкам лидеров РОНД, летом 1933 года численность организации достигла двух тысяч человек; а по более реалистичным, видимо, оценкам прусской прокуратуры, – 1100. Если учесть, что общая численность русской эмиграции в 1933 году составляла около 50 тысяч человек (из них около 10 тысяч – в Берлине), это довольно весомая цифра. В начале 1935 года отделы РОНД, действовавшие за пределами Пруссии (там деятельность РОНД не была запрещена), были преобразованы в Российское национальное и социальное движение (РНСД), во главе которого встал руководитель дрезденского отдела РОНД Н.Д. Скалон<sup>813</sup>.

Антисемитизм был одним из краеугольных камней идеологии РОНД. Симптоматично, что в то время как после прихода нацистов к власти заметная часть русских эмигрантов потянулась к «выходу» из Германии, барон А.В. Меллер-Закомельский, один из самых плодовитых крайне правых публицистов антисемитского толка, напротив, перебрался из Парижа в Берлин, чтобы примкнуть к РОНД. Еще за 10 лет до прихода нацистов к власти Меллер-Закомельский опубликовал в Париже книжку «Страшный вопрос. О России и еврействе», в которой высказывал не слишком оригинальную идею о решающей роли евреев в русской революции и требовал полного устранения евреев от политической и экономической жизни России. В Берлине Меллер-Закомельский стал издателем газеты «Пробуждение России: Голос РОНДа», со страниц которого среди прочего сочилась юдофобия. Позднее Меллер-Закомельский возглавил отдел пропаганды РНСД<sup>814</sup>.

Генерал А.А. фон Лампе, руководитель берлинского отдела Русского общевойскового союза, совершенно справедливо констатировал: «...несомненно, что современная Германия привлекает к себе сочувственные взгляды и устремления русских эмигрантов, ранее всего учитывающих антикоммунистические и антибольшевистские устремления современной Германии и ее вождей»<sup>815</sup>.

После заключения советско-германского пакта 23 августа 1939 года РНСД наряду с другими эмигрантскими организациями ярко выраженного антисоветского толка было закрыто. Нацисты не нуждались в русских подголосках, которые, с их точки зрения, были не слишком надежны и лишь «путались под ногами». Да и о каком сотрудничестве могла идти речь, если гитлеровцы собирались расчленить и поработить Россию, чего, при всем их воинствующем антикоммунизме и антисемитизме, «русские наци» вовсе не хотели.

РОНД и РНСД были наиболее заметными, но отнюдь не единственными организациями русских наци в Германии. Их существование хотя и не угрожало непосредственно безопасности русских евреев, все еще остававшихся в Германии, но существенно отравляло их жизнь, добавляя дополнительные миазмы в и без того зловонную атмосферу Третьего рейха.

Некий Н. Никольский, защищая РОНД от критики, появившейся на страницах «Часового», достаточно правого эмигрантского издания (в частности, РОНД осуждался за использование «чужой эмблемы» – свастики), писал в открытом письме редактору в июне 1933 года:

...направляя все свои помыслы и силы на борьбу с коммунизмом в России, русские национал-социалисты избрали для этого тот путь, который на деле оказался уже победным, и который дает им надежду столь же успешно бороться с властью третьего интернационала и ее победить. Этот путь и есть национал-социализм, приближенный к русскому духу и русскому быту.

<sup>813</sup> Жданов Д.Н. Русские национал-социалисты.

<sup>814</sup> Там же.

<sup>815</sup> Справка от 1 августа 1938 года, подготовленная генералом А.А. фон Лампе для рассылки высшим чинам Русского общевойскового союза, цит. по: Чистяков К.А. Российская политическая эмиграция в Берлине во второй половине 1930-х гг. // Русский Берлин 1920 – 1945. М.: Русский путь, 2006. С. 412.

Вполне естественно, что разительный пример победы гитлеровского национал-социализма отразился прежде всего на русской эмиграции в Германии, побудив часть ее к созданию РОНД... И если предположить на минуту, что точно такой же национал-социализм, как и германский, зародился бы в другой стране (Франции для примера) и помог бы ей освободиться от правительства «жидов и масонов» (выражение бар. Фабр-Люс – вождя французских националистов) и вытравить у себя всю коммунистическую заразу, то так же естественно и понятно было бы то, что русская эмиграция этой страны восприняла бы эту идею, как средство борьбы с большевизмом в России<sup>816</sup>.

Русской эмиграции во Франции – точнее, определенной ее части – еще предстояло уверовать в правоту национал-социализма или, как писала Нина Берберова, вошедшая впоследствии в число этих уверовавших, «не экономического марксизма»<sup>817</sup>. Но до оккупации нацистами Парижа, этой новой столицы русской эмиграции, оставалось еще семь лет. Пока же новообращенному национал-социалисту приходилось разъяснять непонятливым соотечественникам: «Надо помнить, что борьба с 3-м интернационалом и иудо-масонством – этой темной международной силой, – возможна лишь в мировом масштабе и что против пяти и шестиконечной звезды должен быть поднят единый меч и единый символ».

Этим единым символом автору письма представлялась свастика, которую он именовал Крестом Истины. «Германия доказала, что есть средство борьбы с коммунизмом и воскресила нашу веру в возможность нашей скорой победы. И все это сделал Гитлер под эмблемой своего креста». Поэтому нацистский Крест Истины «не заслужил небрежного названия “чужой эмблемы”»<sup>818</sup>.

Заметим, что правый, но гораздо более умеренный, чем оголтелые рондовцы, Сергей Боткин весьма позитивно оценивал Гитлера. «Личность самого вождя все более обрисовывается, как человека с государственным умом, – писал он Маклакову в июне 1934 года. – Однако ему еще пока мешают его старые партийные связи и личные отношения, от которых он не может, благодаря своему характеру, окончательно оторваться. Этим и объясняют постоянные противоречия, которые можно наблюдать между правительственными предначертаниями и ежедневной действительностью, а также и то, что он терпел много безобразий, творимых даже близкими ему людьми, как Рем»<sup>819</sup>.

Бессудная кровавая расправа над бывшими соратниками (как бы к ним ни относиться), вызвавшая отвращение у многих современников и в особенности у зарубежных дипломатов, у дипломата российского – хотя и никем не признанного – вызвала скорее одобрение. События 30 июня 1934 года, когда Гитлер проявил, по оценке Боткина, «личную храбрость и решительность», по словам российского дипломата, «еще более возвысили его авторитет и популярность среди германских масс. Это видно, между прочим, и по тому неподдельному энтузиазму, с которым его встречают везде, где он появляется. Конечно, среди некоторой части населения беспощадная – без суда – расправа с мятежниками родит также и отрицательное отношение, но в этом случае скорее винят “режим”, чем его самого»<sup>820</sup>.

Вскоре благоволение германских чиновников к Боткину сменилось недовольством. Его неофициальные полномочия были прекращены, а самого Боткина де-факто выслали из страны. Закончил свои дни выходец из славной российской семьи в Париже. Ему пришлось пережить

<sup>816</sup> Никольский Н. Письмо в редакцию // Часовой. 1933. № 107. С. 16.

<sup>817</sup> Будницкий О.В. «Дело» Нины Берберовой // Новое литературное обозрение. 1999. № 5 (39). С. 149.

<sup>818</sup> Никольский Н. Письмо в редакцию. С. 17.

<sup>819</sup> Чему свидетели мы были... С. 178.

<sup>820</sup> Там же.

оккупацию Парижа нацистами и увидеть его освобождение союзниками. Вероятно, его мнение о «государственном уме» Гитлера изменилось за последующие годы.

Вопреки всем предсказаниям, гитлеровцы начали унификацию учреждений, ведавших русской эмиграцией, не с Нансеновского офиса, а с упразднения Организации защиты интересов русских беженцев в Берлине (возглавлявшейся Боткиным в 1920 – 1934 годах и В.Л. Остен-Сакеном в 1934 – 1936 годах) и аналогичной структуры в Мюнхене (руководитель – Н.Б. Щербатов). Вероятно, сохраняя до поры Нансеновский офис, нацисты делали некий реверанс в отношении международных организаций. В это время они еще старались не раздражать международную общественность без необходимости, добиваясь решения своих внешнеполитических задач путем переговоров. Трудно представить, но тогда в Германии Гитлера называли «мирным канцлером»<sup>821</sup>.

Взамен берлинской и мюнхенской структур 1 мая 1936 года было создано Управление делами русской эмиграции в Германии во главе с генералом В.В. Бискупским, некогда командовавшим войсками гетмана Скоропадского и уже тогда тесно взаимодействовавшим с германскими военными. Впрочем, более всего Бискупский был известен в качестве мужа знаменитой певицы А.Д. Вяльцевой. Бискупский в 1920-е годы был членом русско-немецкого общества «Ауфбау», в которое входили также некоторые видные нацисты, и лично знал Гитлера. Более того, по некоторым данным, Гитлер скрывался у него на квартире после неудачного для наци мюнхенского «пивного путча» в 1923 году. Управление финансировалось нацистскими властями. В штате Управления состояли помощник Бискупского С.С. Таборицкий, начальник канцелярии Остен-Сакен (позже – С.С. Вревский), секретарь П.Н. Шабельский-Борк. Таборицкий и Шабельский-Борк были теми самыми монархистами, которые в 1922 году в Берлине совершили покушение на П.Н. Милюкова и убили закрывшего его собой В.Д. Набокова. Осужденные на 14 и 12 лет тюрьмы соответственно, они вышли на свободу уже через 5 лет и, разумеется, стали «персонами грата» в гитлеровской Германии<sup>822</sup>. В.В. Набоков принял решение уехать из Германии, когда узнал, что среди уполномоченных нацистами руководить русской эмиграцией – убийцы его отца.

Нансеновский офис был закрыт нацистами через два года. Б.Л. Гершун сообщал Гольденвейзеру из Парижа:

Судьба Нансенамта в Берлине решена: он закрывается осенью, Евг[ений] А[дамович] [Фальковский] уволен и получает при закрытии Нансенамта 2-месячное жалованье; он хлопочет о визе во Францию. Нелегко ему будет здесь устроиться. Закрытие состоялось по категорическому требованию германского правительства, не пожелавшего далее терпеть такое учреждение<sup>823</sup>.

В июле 1938 года Фальковский уже приехал в Париж. Перспективы найти работу были более чем туманны, однако, как сообщал тот же Гершун, «он не мог оставаться в Германии, несмотря на свое арийство. Я думаю, да и он полагает, что он легко бы мог оказаться в концентрационном лагере»<sup>824</sup>.

«Унификация» не привела к примирению различных враждующих между собой группировок русских наци. Справка, подготовленная генералом фон Лампе для руководства Русского

<sup>821</sup> Моммзен Х. Гитлер, немцы и 2-я мировая война (Доклад 17 октября 2007 г. в Германском историческом институте в Москве). Moskau: Deutsches Historisches Institut, 2008. С. 9.

<sup>822</sup> Чистяков К.А. Российская политическая эмиграция. С. 407. О русских правых в Германии, их отношениях с нацистами и обществе «Ауфбау» см.: Kellogg M. The Russian Roots of Nazism: White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917 – 1945. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. М. Келлог даже считает, что русские правые оказали существенное влияние на формирование нацистской идеологии. Критику его взглядов по этому вопросу см. в нашей рецензии на его книгу: Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 8. No. 1 (Winter 2007). P. 190 – 200.

<sup>823</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 3 июля 1938 года: Gold-4.

<sup>824</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 5 сентября 1938 года: Там же.

общевоинского союза, в которой освещались дразги среди поклонников «современных вождей Германии», – еще одно свидетельство раскола в среде правой части русской эмиграции. Фон Лампе сетовал на то, что эмигрантам, стоящим «вдалеке от жизни русского Берлина», нелегко разобраться в происходящем. Так, «Милюков в своей газете умудрился даже связать имена Солоневича, Туркула и фон Лампе в приписываемой им кампании против евреев...»<sup>825</sup>

Генерал А.В. Туркул и известный публицист И.Л. Солоневич, с которыми в самом деле не ладил фон Лампе, вошли в состав созданного весной 1938 года в Берлине Национального фронта, наряду с автором известных антисемитских брошюр бароном А.В. Меллер-Закомельским, представителем дальневосточных фашистов Б.П. Тедли и редактором русской берлинской газеты «Новое слово» В.М. Деспотули. Тедли был одним из организаторов защиты на Бернском процессе по делу о швейцарских фашистах, распространявших «Протоколы сионских мудрецов»; был арестован и выслан из Швейцарии по обвинению в шпионаже в пользу Германии.

«Новое слово», выходявшее с 1934 года, было теперь единственной русской газетой, издававшейся в Германии. «Новое слово» финансировалось нацистами, его тираж составлял в 1938 году 7 тысяч экземпляров, в 1939-м – 8400, что было немало по эмигрантским меркам. Газета была откровенно прогитлеровской и антисемитской. Что неудивительно – кто платит, тот заказывает музыку. Впрочем, вкусы «музыкантов» вполне совпадали со вкусами заказчиков.

«*Вымер русско-еврейский Берлин*. Тоска в нем. Затянуло паутиной. Но и в нее никто не попадает, и пауки сидят тощими, голодными», – злорадно писал Деспотули литератору Александру Бурову, еврей по происхождению<sup>826</sup>.

Деспотули как будто чувствовал необходимость оправдаться если не перед Буровым, который, будучи человеком состоятельным, иногда его «подкармливал», то перед самим собой:

Дорогой Александр Павлович, я знаю, что Вы как человек умный и чуткий, отлично учитываете обстановку, в какой приходится делать газету, и не ставите мне много в вину.

Вы отлично ведь понимаете, что другой газеты в Германии быть не может. И не слава ли Богу, что мы избавились от расхлябанности и кружковщины интеллигентских диктаторов печати?

Я могу Вас заверить в том, что я действительно являюсь *полноправным и совершенно самостоятельным редактором*, решительно ни от кого не получающим указания, как нужно составлять очередной номер. Такой свободы не знал ни в одной из «свободных» газет гессеновского или гукасовского толка<sup>827</sup>.

...

<sup>825</sup> Чистяков К.А. Российская политическая эмиграция. С. 412 – 413. Возможно, фон Лампе имел в виду фрагмент из анонимного «Дневника берлинского еврея» (Последние новости. 1938. 30 июня), в котором, в частности, говорилось: «Травля иностранцев продолжается. Отличаются и русские: Лампе, Туркул, Солоневич и др. Они ругательски ругают Францию, которая-де виновата в истории с Чехословакией» (цит. по: Чистяков К.А. Российская политическая эмиграция. С. 420, прим. 44). Если предположение К.А. Чистякова верно, то налицо явная «оговорка по Фрейду»: в «Дневнике» речь идет о травле *иностранцев*, в то время как фон Лампе возмущается, что его объединили в одну компанию с Туркулом и Солоневичем на почве травли ими *евреев*.

<sup>826</sup> Деспотули В. – Бурову А., 8 декабря 1934 года, см.: «Другой газеты сегодня в Германии быть не может...». Письма Владимира Деспотули к Александру Бурову (1934-1938) / Публ. С.В. Шумихина // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб.: Athenaeum; Феникс, 2007. Т. VIII. С. 330. Курсивом выделены подчеркивания Бурова, видимо, несколько удивленного метаморфозой, происшедшей с его корреспондентом и как будто приятелем.

<sup>827</sup> Деспотули имеет в виду берлинский «Руль», редактировавшийся И.В. Гессеном, и парижское «Возрождение», финансировавшееся А.О. Гукасовым. Любопытно, что если «Руль» был праволиберальной газетой, то «Возрождение» просто правой, постоянным оппонентом милюковских «Последних новостей».

Шеи я не опускаю. Не опускал ее и при значительно худших условиях. Теперь же я получаю (не падайте в обморок и не просите взаймы) триста марок в месяц... Конечно, по эмигрантским исчислениям, все, что больше ста – тысяча. По их расчетам, я продался за десятки тысяч. *Гнусавые Ирецкие и отдающие трупным ядом Гессены меня плохо узнают на улицах.* <?!> Но где были все они, когда мне было худо. Кто из них поддержал меня?<sup>828</sup>

Нетрудно заметить противоречия в этом горячем потоке слов: уверения в редакторской свободе и одновременно просьба не ставить в вину «многого», в том числе, очевидно, антисемитизма, ибо «другой» газеты издавать в Германии нельзя. Это не слишком сочеталось с тезисом о невиданной свободе и возможности не считаться с издателем: история с А.О. Гукасовым, хозяином «Возрождения», выставившим на улицу не угодившего ему своей редакционной политикой П.Б. Струве, все еще была в памяти у людей литературного мира русского зарубежья.

Разница на самом деле была невелика: просто хозяева были не из среды русской эмиграции. Имена настоящих хозяев газеты, вероятно, непосредственно в редакционную политику и не вмешивавшихся, передоверив это дело сошкам помельче, Деспотули называет в этом же письме: *«Благодаря газете, встречаюсь с очень интересными людьми, меня приглашают на всевозможные официальные приемы. Очень характерна та скромность, с какой проходят банкеты иностранной печати у, скажем, Розенберга или Геринга»*<sup>829</sup>.

Завершал свое письмо Деспотули радушным приглашением в Берлин: «Жду, не дождусь, когда смогу Вас угостить у Рубинштейна нашим славным берлинским обедом. Приедете – увидите, как хорошо у нас...»<sup>830</sup>

Скоро имена «Рубинштейнов» исчезли с вывесок берлинских ресторанов. Затем исчезли и сами «рубинштейны», и хорошо еще, если они успели уехать из Германии подобру-поздорову. А «независимый» редактор всего лишь за 300 марок в месяц печатал, совершенно свободно, материалы, оправдывающие борьбу с соплеменниками своего корреспондента и как будто приятеля.

Забегая вперед, сообщим, что «Новое слово» выходило в свет до 1944 года включительно (всего вышло 680 номеров), а его редактор со временем заработал прозвище Гестапули. Ему еще предстояло встретиться с Россией. В 1945 году Деспотули был арестован в Берлине советскими спецслужбами и провел 10 лет в лагерях на северном Урале и в Заполярье. В 1955 году его вместе с немецкими военнопленными выпустили и позволили уехать в Западную Германию, где он и закончил мирно свои дни<sup>831</sup>.

Антисемитизм проявлялся в эмигрантской среде не только на политическом уровне. Еще одна черта времени, которую с горечью отмечал Михаил Мульман, по-видимому, дальний родственник или старый знакомый семьи Гольденвейзеров<sup>832</sup>, – резкое изменение отношения к евреям части русской колонии в Германии. Мульман жил в Дрездене, но вряд ли отмеченные им явления были характерны только для дрезденской эмигрантской колонии. Собственно, антисемитизм и ранее был неотъемлемой частью мировоззрения правых, теперь он стал «хоро-

<sup>828</sup> «Другой газеты сегодня в Германии быть не может...». С. 329.

<sup>829</sup> Там же. С. 330.

<sup>830</sup> Там же.

<sup>831</sup> Подробнее о «Новом слове» и его редакторе см.: Williams R. The «New Word» and General Biskupsky // Williams R. Culture in Exile: Russian Émigrés in Germany, 1881 – 1941. Ithaca and London: Cornell University Press, 1972. P. 344 – 350; Hufen Ch. Die Zeitung «Novoe Slovo»: Eine russische Zeitung im Nazionalsozialismus // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Leben im europäischen Bürgerkrieg. Berlin: Akademie Verlag, 1995. S. 459 – 467; Коростелев О.А. «Новое слово» // Социальные и гуманитарные науки. 1999. № 2. С. 188 – 194 (РЖ. Сер. 7. Литературоведение); то же с сокращениями: Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918 – 1940. Т. 2: Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 258 – 260; «Другой газеты сегодня в Германии быть не может...». С. 301 – 338.

<sup>832</sup> Мульман обращался к уже не столь юному Гольденвейзеру: «дорогой, горячо любимый Аля».

шим тоном» и среди тех, кто ранее в этом замечен не был или во всяком случае считал неприличным открыто его демонстрировать.

Мульман зашел как-то по делу к известному философу и публицисту Федору Августовичу Степуну. После прихода к власти нацистов Степун был лишен профессуры в местном университете; ему было запрещено преподавание и в каком-либо другом месте. Так что несладко приходилось не только русским евреям. На столе у Степуна лежал свежий номер «Современных записок». «Он взял в руки журнал и прочел имена авторов в этой книжке. Их было 28. Из этого количества оказалось 22 неарийских. Кажется, такое обстоятельство должно бы было послужить к чести нашей расы, принимая во внимание достоинство этого журнала. А на самом деле? Сколько, наверное, нашлось бы почитателей этого журнала, которые, раскрыв псевдонимы, перестали бы его читать. Такой пример известен мне здесь. Одна почтенного возраста русская дама всегда зачитывалась Алдановым. Недавно ей кто-то сказал, кто такой Алданов. И она перестала его читать. Потеряла аппетит, как она выразилась. Боже, Боже, как это грустно»<sup>833</sup>.

Еще одним ударом для Мульмана стал запрет со стороны «местных русских черносотенцев» посещать русскую церковную библиотеку. Это было особенно горько, так как в библиотеке было немало пожертвованных Мульманом книг. «Даже духовенство возмущено этим требованием рондистов, – писал Мульман, – ибо оно знает, чем колония мне обязана. Вот так и прозябаем в этой смрадной атмосфере»<sup>834</sup>.

При гитлеровском режиме, по свидетельству И.В. Гессена, на поверхность поднялся «беженский шлак в количестве, какого никто и не подозревал». Так, когда Гессен, как председатель Союза русских писателей и журналистов в Германии, должен был выступить на вечере в честь присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии, приятель Гессена Н.Е. Парамонов предупредил его, что в «шоферских кругах» собираются не допустить выступления «жида и полужида». Под последним подразумевался не кто иной, как В.В. Набоков, женатый на еврейке. Парамонов, владелец гаражей и автозаправочных станций, знал, о чем говорил. Шоферами в эмиграции нередко работали бывшие офицеры. Тем не менее ни Гессен, ни Набоков не уклонились от выступления и оказались правы – скандал устроить представители «шоферских кругов» не решились<sup>835</sup>.

### Уехать нельзя остаться

Настроения русских евреев, находившихся в Германии, были довольно противоречивыми. Большинство, похоже, хотело уехать. Некоторые, напротив, стремились остаться, в надежде переждать лихие времена.

В течение нескольких месяцев после прихода к власти нацистов часть русских евреев уехала из Германии. Уезжали в первую очередь те, кто был несовместим с нацистами по политическим мотивам, а также видные общественные деятели и лидеры еврейских организаций. Некоторые уезжали не по своей воле. Так, в марте 1933 года был арестован, а затем выслан из страны видный экономист, статистик и общественный деятель Я.Д. Лещинский. Начав преследования с политических противников, нацисты быстро добрались до евреев. 1 апреля был объявлен бойкот еврейских магазинов и бюро свободных профессий по всей стране.

«Вчера позорный день Германии, – записал 2 апреля историк С.М. Дубнов. – Берлин и вся страна исполнили приказ бойкота евреев. Желторубашечники с гакенкрейцем<sup>836</sup> стояли у

<sup>833</sup> Мульман М. – Гольденвейзеру А.А., Дрезден, 30 октября 1938 года: Gold-4.

<sup>834</sup> Мульман М. – Гольденвейзеру А.А., Дрезден, 15 января 1939 года: Gold-5.

<sup>835</sup> Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 70.

<sup>836</sup> Гакенкрейц (Hakenkreuz) (нем.) – свастика.

всех еврейских магазинов с плакатами: “Немцы, обороняйтесь! Не покупайте у евреев!” – и не давали никому входить в магазин. Не пускали к еврейским адвокатам и врачам, гнали евреев из учреждений, из государственной библиотеки. В провинции были кровавые столкновения. На всех еврейских магазинах и бюро были наклеены плакаты бойкота, местами желтого цвета»<sup>837</sup>.

События 1 апреля 1933 года, послужившие началом систематических преследований евреев, побудили уехать из страны председателя Союза русских евреев в Германии Я.Л. Тейтеля. Уехали председатель Союза русской присяжной адвокатуры в Германии Б.Л. Гершун, адвокат Б.И. Элькин, историк И.М. Чериковер, бывший нарком юстиции в советском правительстве левый эсер И.З. Штейнберг (через год – его брат, философ А.З. Штейнберг) и многие другие. Уехали меньшевики, сравнительно комфортно чувствовавшие себя в Веймарской Германии. «Когда и куда едете? – обычный вопрос друг другу», – записывает Дубнов 17 апреля 1933 года. «Кругом бегут», – фиксирует он 29 мая. «...Атмосфера бегства. Приходят люди уезжающие, прощающиеся навсегда или скорбящие о невозможности уехать», – записывает летописец русского еврейства 31 июля 1933 года. Уезжали в Париж, Лондон, в Палестину. 23 августа уехал из Берлина в Ригу и сам Дубнов<sup>838</sup>.

Однако, как справедливо пишет Н. Фрай, «между апрельским бойкотом 1933 г. и систематическими массовыми убийствами на восточных фабриках смерти пролегал долгий и достаточно извилистый путь»<sup>839</sup>. Некоторым русским эмигрантам казалось, что после первых месяцев нацистского террора наступит период нормализации, тем более что преследование евреев поначалу не носило тотального характера. Более того, иногда складывалось впечатление (недалекое от действительности), что террор носил хаотический характер. Так, кары неожиданно обрушивались на головы сторонников «нового порядка».

К примеру, был допрошен в гестапо профессор И.А. Ильин, несмотря на то что он сочинил пышный адрес Гитлеру, в котором возлагал на него «сокрушение не только коммунизма, но и Мамоны». Генерал Бискупский, «личный друг» Гитлера, и вовсе угодил на два месяца в тюрьму по обвинению в заговоре с целью покушения на жизнь фюрера. Гессен объяснял эти «превратности судьбы» русских сторонников нацистов «ярким полыханием доношительства, раздутым новым режимом: естественно, что доносчики в первую голову бросились искать среди званных, из которых будут вербоваться избранные. А так как найти пушок на рыльце в своей, хорошо друг другу знакомой среде, было нетрудно, то доносы не были совсем без оснований и производили чаемое действие»<sup>840</sup>.

Несмотря на откровенно антисемитскую политику нацистов, мнения русских евреев относительно отъезда из Германии были противоречивыми. «Я все еще цепляюсь за мысль, – записал Дубнов 8 апреля 1933 года, – а нельзя ли все-таки остаться, замкнуться в этом тихом углу Груневальда»<sup>841</sup>? Но как жить хотя бы в тихом углу леса среди воющих кругом волков?»<sup>842</sup>

«Следовало покинуть Германию, – писал И.В. Гессен о своих настроениях 1933 года. – Но... преодоление инерции бесцельного существования наталкивалось на такие душевные препоны, перспектива свивания гнезда в новой обстановке так пугала, правильной сказать – так отвращала, что простой выход из положения как-то незаметно, как бы крадучись, превращался в гамлетовскую дилемму – быть или не быть?»<sup>843</sup>

<sup>837</sup> Дубнов С.М. Книга жизни. Материалы для истории моего времени: Воспоминания и размышления. М.: Иерусалим, 2004. С. 595.

<sup>838</sup> Там же. С. 595, 597, 598.

<sup>839</sup> Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933 – 1945. М., 2009. С. 134.

<sup>840</sup> Гессен И.В. Годы изгнания. С. 242 – 243.

<sup>841</sup> Груневальд (Груневальд) – дачный район Берлина.

<sup>842</sup> Дубнов С.М. Книга жизни. С. 595.

<sup>843</sup> Гессен И.В. Годы изгнания. С. 247.

Дубнов уехал из Германии через семь месяцев после прихода нацистов к власти, Гессен – через три года. Гольденвейзер уехал в декабре 1937 года; сделать это раньше ему ничего не мешало: в США с начала XX века жили двое его старших братьев, весьма преуспевших в разных областях. При наличии таких гарантов (а отношения между братьями были самыми теплыми) получить право на иммиграцию в США проблемы не составляло.

Удерживали от поспешного отъезда из Германии некоторых русских евреев, имевших возможность сделать это, кроме привычки и удобств, надежды на изменение политической ситуации. Многим казалось, что «конечный пункт» дискриминации евреев уже достигнут. Эти иллюзии были свойственны и немецким евреям: многие из них вернулись в 1934 – 1935 годах из эмиграции, после того как схлынула волна «чисток» в связи с законом о профессиональном чиновничестве<sup>844</sup>. Если учесть, что закон о профессиональном чиновничестве не мог затронуть русских евреев, а их численность была не столь велика, чтобы привлечь специальное внимание нацистских властей, то надежды «пересидеть» тяжелые времена казались небеспочвенными.

Так, Союз русских евреев в Германии, крупнейшая благотворительная организация, созданная русскими евреями в эмиграции, продолжал функционировать еще в течение двух лет после прихода к власти нацистов. Гестапо обратило внимание на деятельность Союза лишь летом 1935 года, а запрещен он был в начале осени<sup>845</sup>.

Парадокс заключался в том, что, с одной стороны, усиливались преследования евреев нацистами, с другой – по инерции продолжали работать некоторые механизмы социальной защиты. Евреев лишали возможности заниматься теми или иными видами деятельности постепенно. Им казалось, что бедствие может пройти стороной, некоторые питали надежды на то, что наступит период «нормализации». Так, Гольденвейзер много лет заведовал домом Берты Марковны Паенсон в Берлине (Ольденбургалле, 7). После его отъезда из страны в декабре 1937 года управление перешло к его приятелю, адвокату Льву Моисеевичу Зайцеву. Затем, когда Зайцев, в свою очередь, в 1940 году эмигрировал из Германии, домом стала управлять некая Гертруда Гауштейн. 16 января 1941 года нацисты назначили адвоката Кюне, «арийца», опекуном над имуществом Б.М. Паенсон и управляющим ее домом<sup>846</sup>. Таким образом, «арийзация» собственности и большинства видов деятельности заняла сравнительно продолжительное время.

Иногда, если нацистам был нужен специалист, они закрывали глаза на его происхождение. Так, жена писателя В.В. Набокова Вера Евсеевна, урожденная Слоним, подрабатывала иногда переводами или французской стенографией. Когда одному из германских министерств потребовалась стенографистка для ведения записей во время международного съезда производителей шерсти, то на слова Веры Евсеевны, что она работу выполнить может, но ведь она еврейка, последовал ответ: «Что вы, какое это имеет значение?» Между тем в съезде участвовали четыре нацистских министра. «Съезды эти, – по ее воспоминаниям, – платили очень хорошо и за часы стенографирования и за часы расшифровывания того, что было записано». Это было как будто «на заре» нацистского режима. В 1935 году В.Е. Набокова вновь пошла служить, на сей раз на промышленное предприятие («инженерный концерн») по иностранной корреспонденции. Однако была вынуждена уйти, когда нацисты «вытеснили хозяев-евреев»<sup>847</sup>. Из Германии Владимир Набоков уехал в январе 1937 года, Вера – в мае того же года<sup>848</sup>.

<sup>844</sup> Фрай Н. Государство фюрера. С. 135. Подробнее об эволюции нацистской политики в отношении евреев см.: *Schleunes K. The Twisted Road to Auschwitz: Nazi Policy toward German Jews, 1933-39.* University of Illinois Press, 1970.

<sup>845</sup> PAAA. R 84333. Abteilung IV: Rußland. Juden. 1933 – 1936, L 364535 – 364537.

<sup>846</sup> Гольденвейзер А.А. – Либери Н., 25 января 1946 года: Gold-10. Уже после войны Гольденвейзер писал некоему Либери, видимо наследнику Паенсон, с тем, чтобы управление было передано в прежние руки (Гауштейн).

<sup>847</sup> Набокова В.Е. – Гольденвейзеру А.А., 22 мая 1958 года, см.: А.А. Гольденвейзер и Набоковы (по материалам архива А.А. Гольденвейзера) / Публикация, вступительная статья и комментарии Галины Глушанок // Евреи из России в Америке. Кн. 2. Ред. – сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007. С. 133. То же см.: Nabokov Online Journal. 2007. Vol. I.

В чем-то сходный опыт был у другой Веры – Лурье. В 1937 или 1938 году она получила от Управления просвещения разрешение на преподавание русского языка. Специальное разрешение требовалось потому, что она не имела аттестата об окончании школы. Однако же аптекар, который хотел брать у нее уроки, спросил Лурье, арийка ли она. Случай был «сложный» – Лурье была чистокровной еврейкой, однако, поскольку ее отец принадлежал к евангелической церкви, она воспитывалась в христианской традиции<sup>849</sup>. «Я посоветуюсь с партией», – сказал аптекар и на следующий урок не явился<sup>850</sup>.

На пять лет «задержался» в Берлине известный философ С.Л. Франк. Несмотря на свое православие, он уже в апреле 1933 года был отстранен от преподавания в Берлинском университете, лишившись единственного регулярного заработка. «Немногие источники, освещающие биографию Франка за 1933 – 1937 годы, – пишет В.В. Янцен, – ...полны безрадостных картин материальных бедствий и одиночества как в русской, так и в немецкой среде, перемежающихся с попытками хоть как-то улучшить материальное положение семьи за счет выездных докладов и публикаций в швейцарских, голландских и немецких газетах и журналах. Образ Берлина, как “пустыни”, в которой он живет “отшельником”, наиболее емко передает самоощущение Франка того времени»<sup>851</sup>.

Что же удерживало Франка в Берлине, на что он жил, в конце концов?

Янцен замечает, опираясь на переписку Франка того времени с его учеником, философом Д.И. Чижевским, что вынужденное «отшельничество» Франка в берлинской «пустыне» не следует понимать буквально. В «пустыне» находились отдельные «островки» общения – Русский академический союз, Русская православная церковь, Институт славистики. К «оазисам» той же пустыни Янцен относит немецкие религиозные общества, организовывавшие для Франка выездные доклады, и немецкие же религиозные журналы, печатавшие его статьи и публиковавшие рецензии на его новые работы. В 1934 году Франк участвовал в работе VIII Международного философского конгресса в Праге. Благодаря этим «островкам» и «оазисам» «жизнь в Германии до 1937 г. не казалась ему абсолютно беспросветной и бессмысленной».

<sup>848</sup> Набоков в какой-то мере «свел счеты» с Германией в «Даре», описав посетителей пляжа в Груневальде: «Серые, в наростах и вздутых жилах, старческие ноги, какая-нибудь плоская ступня и янтарная, туземная мозоль, розовое, как свинья, пузо, мокрые, бледные от воды, хрипло-голосые подростки, глобусы грудей и тяжелые гузна, рыхлые, в голубых подтеках, ляжки, гусиная кожа, прыщавые лопатки кривоногих дев, крепкие шеи и ягодицы мускулистых хулиганов, безнадежная, безбожная тупость довольных лиц, возня, гогот, плеск – все это сливалось в апофеоз того славного немецкого добродушия, которое с такой естественной легкостью может в любую минуту обернуться бешеным улюлюканием» (цит. по: <http://lib.ru/NAVOKOW/dar.txt>). Именно этот пассаж отметил рецензент берлинского «Нового слова», вступивший за современную Германию, «где спорт стал национальным культом». «Автор, – писал некто Андрей Гарф (вероятно, псевдоним), – сам того не подозревая, дал довольно верную картину Груневальдского пляжа, но не современной, спортивно закаленной Германии, а Германии периода инфляции, когда пляжи были сплошь заполнены представителями расы, никогда ни спортивностью, ни красотой форм не отличавшейся и перенесшей теперь на берега Сены и “глобусы грудей, и прыщавые лопатки кривоногих дев”». По мнению рецензента, Сирин-Набоков выполнял социальный заказ; подразумевался заказ еврейства. «Правда, в узком смысле этого слова Сирин – не Соломончик, – писал рецензент. – Он, так сказать, на периферии еврейства... Грязные пеленки с рисунками гениальных Соломончиков выросли в огромную и зловонную кучу тряпья ... готовую для хорошо растопленной прачечной. Там, в кипящих котлах, будут смыты дочиста все эти “упражнения” гг. Сириных, Шагалов, Кнутов, Бурлюков и сотен других. И потекут все эти гениальные произведения туда, куда стекает всякая грязь, открыв доступ свежему национальному творчеству» (Гарф А. Литературные пеленки // Новое слово. 1938. 20 марта. С. 6 – 7). Как мы знаем, с предсказаниями у русских нацистов получалось не слишком удачно.

<sup>849</sup> Нацистское «кровно-расовое» законодательство было не слишком логичным: при определении принадлежности к еврейству оно опиралось на записи о крещении в христианских церквях, причем начиная с третьего колена никто не проверял, были ли предки «исследуемого» выкрестами (Фрай Н. Государство фюрера. С. 135). Нам неизвестно, в каком поколении предки Веры Лурье по отцовской линии принадлежали к христианству. Очевидно, однако, что установить это было практически невозможно. Благодаря «прорехам» в Нюрнбергских законах Вера Лурье осталась на свободе, в то время как ее мать в 1944 году была арестована гестапо и отправлена в лагерь Терезиенштадт. Между тем Вера была такой же чистокровной еврейкой, как ее мать.

<sup>850</sup> Лурье В. Воспоминания // Студия. 2007. № 11 (<http://magazines.russ.ru/studio/2007/11/lu11.html>).

<sup>851</sup> Янцен В.В. Об иррациональном в истории. Биографические заметки к переписке С.Л. Франка и Д.И. Чижевского (1932 – 1937, 1947 гг.) // Русский Берлин 1920 – 1945. М.: Русский путь, 2006. С. 311.

«Вопрос о причинах, заставивших Франка остаться в нацистской Германии до конца 1937 г., и его “круге общения” в эти годы пока остается малоисследованным, а основные освещающие его источники – неизданными. Это заставляет некоторых исследователей просто выкидывать из его биографии целое пятилетие. Ведь все эти “островки” и “оазисы” общения настолько контрастируют с общеисторической обстановкой в Германии, что кажутся почти невероятными и – при невольно напрашивающемся сравнении с судьбами русских мыслителей в советской России – “иррациональными”», – заключает Янцен<sup>852</sup>.

На самом деле ничего невероятного не происходило. Нацисты устанавливали контроль над различными сферами общественной жизни и экономики постепенно, так же как постепенно усиливали нажим на евреев с целью их выдавливания из Германии. То, что нацисты в конечном счете перейдут к истреблению евреев, вряд ли кому-нибудь могло привидеться в начале или середине 1930-х годов даже в кошмарном сне.

Перейдем, однако, от знаменитостей к человеку обыкновенному, чье положение было, видимо, типичным для русских евреев, в особенности не слишком молодых. Сведения «из первых рук» мы можем найти в письмах Михаила Мульмана. Ему было за 70, он был юристом, точнее, безработным юристом. Мульман получал маленькое пособие по безработице (6,25 марки в неделю), помощь продуктами от местной еврейской общины и ежемесячную денежную помощь (поступавшую, впрочем, нерегулярно) из Берлина, т.е. от тейтелевской организации, о которой будет сказано ниже (непосредственно деньги поступали от некоего Винтера). К задержкам переводов из Берлина Мульман относился философски, предполагая, что они вызваны «отсутствием возможности послать». Мульман был «морально угнетен страшно» отсутствием работы, хотя бы и бесплатной. Единственным исключением были переводы для казачьего ансамбля, отправлявшегося на гастроли в США. Но эта работа заняла лишь несколько дней. Любопытно, что Гольденвейзер, видимо не имевший возможности перевести деньги (или самих денег), отправил Мульману почтовые марки, которые тот намеревался продать коллекционерам<sup>853</sup>.

«Ввиду лишения врачей и адвокатов практики количество претендентов на зимнюю помощь значительно увеличится, а средства общества по той же причине должны несомненно значительно сократиться. С другой стороны, ввиду выселения польских граждан на родину, сократится и надобность оказывать многим бедным из Польши зимнюю помощь. В ноябре месяце начнется регистрация всех иностранцев. Кому будет дано разрешение на дальнейшее пребывание в Германии, покажет ближайшее будущее», – рисовал далеко не радужные перспективы дрезденский корреспондент<sup>854</sup>.

Процитированный фрагмент весьма показателен. Люди, во всяком случае корреспондент Гольденвейзера, привыкли к ненормальным обстоятельствам и совершенно хладнокровно рассуждали о перспективах помощи со стороны еврейской общины в зависимости от числа лишившихся права заниматься профессиональной деятельностью и, с другой стороны, высылаемых из страны. Это стало бытом, как бы «нормой». В то же время Мульман как будто опасался перспективы вынужденного отъезда из Германии. Он был немолод, здесь приспособился к жизни, а что будет в другой стране, где его также явно не ждали и где в его возрасте и при «сомнительной» интеллигентской профессии вряд ли можно будет найти средства к существованию, было неизвестно.

Итак, некоторые русские евреи не спешили покидать Германию. Однако даже самым лояльным по отношению к Германии иммигрантам, причем без особой логики, могли неожиданно «указать на дверь». Точнее, очередность высылки евреев, которых нацисты намерева-

<sup>852</sup> Там же. С. 312.

<sup>853</sup> Мульман М. – Гольденвейзеру А.А., 30 октября 1938 года: Gold-4.

<sup>854</sup> Там же.

лись изгнать из страны, не всегда была понятной. «Германофил» Г.А. Ландау «вдруг получил приказ Гестапо выехать из Германии в 3 дня»<sup>855</sup>. И.А. Британу предписали было покинуть пределы Германии до 10 апреля 1938 года, но затем дали отсрочку. «Однако до сих пор визы сюда получить не удалось, несмотря на хлопоты с трех сторон», – сообщал Гольденвейзеру из Парижа И.В. Гессен, державший руку «на пульсе» берлинских событий. Зато Ландау удалось обосноваться в Риге, «получить рабочую карточку и использовать ее для сотрудничества в “Сегодня”»<sup>856</sup>.

Иные стремились остаться в Германии даже после «хрустальной ночи» – общегерманского еврейского погрома в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года.

«Хорошо, что вопрос о Вашем праве пребывания пока разрешен благоприятно, – писал Гольденвейзер в июле 1939 года некоему А.Ю. Эфросу, – но я все же думаю, что Вам следует считаться с возможностью такого положения, при котором придется уехать, и поэтому принимать подготовительные меры»<sup>857</sup>. В самом деле, летом 1939 года еврею, казалось, надо было мечтать о том, чтобы уехать из Германии. Однако устоявшийся быт, язык, надежды на перемены к лучшему, возраст и материальное положение – эти и другие обстоятельства приводили к тому, что люди закрывали глаза на надвигающуюся опасность, были готовы пока что «довольствоваться малым» в надежде на перемены к лучшему.

Эфрос, который зарабатывал на жизнь управлением недвижимостью, теперь, в силу принятых нацистами законов, был вынужден отказаться от этого занятия. Хотя, по-видимому, де-факто продолжал это делать, найдя на роль формального управляющего «порядочного немца» (похоже, из «русских немцев»)<sup>858</sup>. Косвенным подтверждением нашего предположения служит следующий фрагмент письма Гольденвейзера: «Мне было приятно узнать, что Вы передали управление домами Бруно Карловичу Миллеру, которого я столько лет знаю. Он симпатичный и обходительный человек, и я уверен, что Вам приятно иметь с ним дело»<sup>859</sup>. Понятно, что если бы Эфрос передал управление домами без всяких условий, ни о каких «делах» уже не могло идти речи.

«Абрам Юльевич все еще в Берлине и верно не выедет оттуда, если не заставят его власти уехать», – писал Гольденвейзеру 4 июля 1939 года из Варшавы приятель Эфроса З. Прейсман<sup>860</sup>. Письмо Прейсмана – почтовая карточка с фотографией, на которой засняты две женщины – сотрудницы Красного Креста. Они в касках, перевязывают голову раненого. К фотографии – текст, в котором говорится о том, что в организации Красного Креста прошли медицинскую подготовку тысячи женщин и что они в случае войны будут осуществлять гуманитарную миссию. До войны оставалось меньше двух месяцев...

Самого Прейсмана, который, будучи русским евреем, числился гражданином Польши, 28 октября 1938 года вместе с тысячами польских евреев выслали из Германии. Он провел пять месяцев в Белостоке, затем сумел вернуться в Берлин, где остался на апрель и май 1939 года и вновь был вынужден уехать в Польшу. Тем временем его лишили польского подданства. Просьба, с которой Прейсман обращался к Гольденвейзеру, традиционна для тех дней – помочь перебраться в Америку. Даже если Гольденвейзер и смог бы посодействовать Прейсману, это потребовало бы больше времени, чем оставалось до начала военных действий. О его дальнейшей судьбе нетрудно догадаться...

<sup>855</sup> Гессен И.В. – Гольденвейзеру А.А., 19 марта 1938 года: Там же.

<sup>856</sup> Гессен И.В. – Гольденвейзеру А.А., 18 мая [1938 года]: Там же.

<sup>857</sup> Гольденвейзер А.А. – Эфросу А.Ю., 10 июля 1939 года: Gold-5.

<sup>858</sup> Там же.

<sup>859</sup> Там же.

<sup>860</sup> Прейсман З. – Гольденвейзеру А.А., 4 июля 1939 года: Там же.

## Тейтелевский фонд

«Еврейская жизнь», если понимать под этим жизнь общественную, теплилась в Германии до начала 1940-х годов, хотя на интенсивность и «качество» этой жизни, несомненно, влиял постепенный отъезд из страны наиболее активных деятелей русско-еврейского Берлина. 1 апреля 1933 года, в день объявленного нацистским правительством однодневного бойкота еврейских магазинов, послужившего началом систематических преследований евреев, Я.Л. Тейтель решил уехать из Германии. Через несколько дней он уже обосновался в Париже, в скромном отеле «Мариньи» около площади Мадлен. Впоследствии Тейтель переехал в Ниццу. Тейтель уехал во Францию не только (и не столько) для того, чтобы обезопасить себя от нацистских преследований: серьезная работа для помощи оставшимся в Берлине русским евреям могла теперь вестись только из-за границы. Помыслы Тейтеля, или, говоря высоким слогом, его сердце, были по-прежнему вместе с русскими евреями, остававшимися в Германии. Он еще дважды приезжал в Берлин на несколько недель, в 1934 и 1935 годах, «проинспектировать» деятельность Союза русских евреев и, конечно, повидать друзей и сотрудников, все еще остававшихся в Германии<sup>861</sup>.

Работа Союза русских евреев в Германии, несмотря на запрещение его деятельности гестапо в сентябре 1935 года, не прекратилась. Никто из руководителей Союза не был арестован, средства на счетах организации не были конфискованы. Разумеется, название Союза официально не употреблялось и возможности по сбору средств в самой Германии были весьма ограничены, но деятельность де-факто продолжалась. Теперь она свелась в основном к материальной помощи, а то и к кормлению – в прямом значении этого слова – нуждающихся. Кроме того, члены Союза (будем по-прежнему называть так группу людей, посвятивших себя или по крайней мере значительную часть своего времени помощи единоверцам) оказывали юридическую помощь своим подопечным.

Главной движущей силой организации, действовавшей в Германии, был все тот же Тейтель. Сразу же после закрытия Союза осенью 1935 года он основал в Париже Комитет помощи русским евреям в Германии, впоследствии переименованный в Комитет имени Я.Л. Тейтеля, или, как его чаще называли, Тейтелевский фонд.

«Главным, почти единственным сборщиком средств для этого комитета был 85-летний Тейтель, – свидетельствовал Гольденвейзер. – В течение шести лет, со дня своего выезда из Германии и до дня своей смерти, Я.Л. посвящал всю свою неослабевающую энергию сборам средств на помощь и на эвакуацию русско-еврейских беженцев из Германии... Он собирал их в Париже, ездил в Лондон, хлопотал о субсидиях. До последнего дня он вел оживленнейшую переписку с Берлином, притом не только с руководителями организации, но и с множеством ее клиентов. Письма, которые я получал от него в Америке в 1938 году и в начале 1939 года, в большой части посвящены тревогам и заботам об этих людях, которые продолжали видеть в нем своего верного, – и едва ли не единственного, – заступника»<sup>862</sup>.

Ставшая нам доступной переписка Тейтеля и Гольденвейзера за эти годы, обширные фрагменты которой будут далее цитироваться нами, полностью подтверждает справедливость слов Гольденвейзера, написанных пять лет спустя после смерти его старшего друга.

Вряд ли можно сомневаться (судя по переписке), что делами тейтелевского фонда в Германии до своего отъезда ведал Гольденвейзер, ближайший соратник Тейтеля по Союзу русских евреев. К сожалению, среди бумаг Гольденвейзера, переданных им в Русский заграницный

<sup>861</sup> Гольденвейзер А. Я.Л. Тейтель (1859 – 1939) // Еврейский мир. Сборник 1944 года. Иерусалим; М.: Мосты культуры; Гешарим; Минск: МЕТ, 2001. С. 317.

<sup>862</sup> Гольденвейзер А. Я.Л. Тейтель. С. 317 – 318.

исторический архив в Праге, а затем оказавшихся в Москве, документов о деятельности тейтелевской организации в 1935 – 1937 годах нет. Это и понятно: деятельность носила полулегальный характер, и передавать документы, к ней относящиеся, в архив было преждевременно. Зато переписка по вопросу о помощи русским евреям в Германии в 1938 – 1941 годах практически полностью сохранилась и находится в фонде Гольденвейзера в Бахметевском архиве. Эта переписка, собственно, и является основным источником по интересующему нас вопросу.

В переписке содержатся сведения об источниках финансирования Тейтелевского фонда, о людях, занимавшихся распределением средств среди нуждающихся и другими видами помощи русским евреям. Главным добытчиком по-прежнему был Тейтель, поступали, как мы увидим ниже, пожертвования от отдельных лиц и непосредственно русским евреям в Германии, помимо фонда, но по его рекомендации. А на место Гольденвейзера в качестве главы тейтелевской организации в Берлине заступил Яков Григорьевич Фрумкин, адвокат и видный деятель еврейских общественных организаций и в России, и в эмиграции.

Фрумкин родился в 1879 году в Ковно (Каунасе), очевидно, в небогатой семье, вовлеченной в местную еврейскую общественную жизнь. Учился в Гейдельбергском, затем в Петербургском университете, который и окончил по юридическому факультету в 1903 году. Еще будучи студентом, Фрумкин предпринял исследование образовательных практик хедеров в родном Ковно. Также, будучи еще студентом, изучал жизнь Слободки, местечка неподалеку от Ковно. Публиковался в юридических изданиях, так же как в еврейской печати. Был членом партии народных социалистов, работал в Союзе для достижения полноправия еврейского народа в России, входил в состав Политического бюро при евреях – депутатах IV Государственной Думы. В общем, был довольно активным участником и еврейской, и общероссийской политической деятельности. Фрумкин принадлежал к левым кругам российской общественности, но на жизнь зарабатывал юридической практикой и работой во вполне капиталистических предприятиях. Так, с 1916 года Фрумкин служил управляющим писчебумажного предприятия «Товарищество на паях “Картонтоль”».

Фрумкин начал сотрудничать в ОРТе еще в период революции 1905 – 1907 годов. Работа в ОРТе продолжилась и в Германии, куда Фрумкин через Норвегию эмигрировал после Октябрьской революции. В 1921 году он был секретарем съезда ОРТа в Берлине, на котором тот был преобразован во всемирную организацию. В Берлине Фрумкин служил в известном издательстве «Улльштейн», издававшем в 1920-е годы литературу на русском языке, был представителем книготорговой фирмы «Логос» при издательстве «Слово». После прихода Гитлера к власти Фрумкин стал работать юрисконсультом Берлинской еврейской общины по делам евреев – подданных иностранных государств<sup>863</sup>. Понятно, что главными его «клиентами» были русские евреи.

Через два месяца после отъезда из Берлина Гольденвейзер получил «отчет» от своего преемника Я.Г. Фрумкина:

Состоявшийся 29-го января вечер в пользу столовой дал превзошедший все ожидания результат – 6500 марок нетто! Он и вообще сошел удачно. Многочисленная публика лишь в незначительной части была русская. Яков Львович прислал приветственные телеграммы, на которые по инициативе присутствовавшего на вечере Шталя была послана коллективная телеграмма, приведшая Якова Львовича, конечно, в восторг. От Якова Львовича получаю часто письма. Его неутомимость и активность прямо поразительны.

...За январь от Джойнта перевод в обычном размере<sup>864</sup> и поступил сверх того эквивалент 5000 фр. фр., оказавшийся, однако, не около 1000 марок, а

<sup>863</sup> News from American ORT Federation. An Appreciation of Dr. Jacob Frumkin on His 90<sup>th</sup> Anniversary: Gold-39.

<sup>864</sup> Судя по контексту, 3300 марок.

лишь около 750 марок. Джойнт, переводя деньги, предупредил, что ассигновки на 38 год еще не установлены и что они посылают прежнюю сумму, не предвещая этим, что в этом размере ассигновка будет сохранена на 38 год. Они просили этот перевод считать платежом в счет могущих быть ассигнованными на 38 год сумм. Я послал Якову Львовичу копию этого письма, само по себе, как мне кажется носящего скорее формальный характер. Я.Л. написал мне, что на всякий случай по возвращении Бернарда Кана из Америки снесется с ним по этому поводу и постарается закрепить ассигновку в прежнем размере<sup>865</sup>.

Поступали пожертвования и от соотечественников из Франции. Г.И. Кобылянский предоставил 1360 марок, жена И.С. Соскина (он прислал письмо от ее имени) – 1000 марок. Причем оба жертвователя переводили деньги напрямую нуждающимся беженцам. Дело было, видимо, не в недоверии к организации, распределявшей средства, или в желании получить благодарности от облагодетельствованных. Для получения переводов из-за границы требовалось специальное разрешение, а перевести сравнительно небольшие суммы частным лицам было гораздо проще. Поэтому Фрумкин «указал достойных кандидатов г. Кобылянскому на 1380 марок, а г-же Соскин на 1000 марок». «Отрадно и трогательно, – заключил Фрумкин, – что наши ныне проживающие в Париже единоверцы не забывают русских беженцев здесь и делают в их пользу столь щедрые пожертвования»<sup>866</sup>.

В марте 1938 года Тейтель сообщал Гольденвейзеру:

Дела в Берлине, т.е. дела фонда моего имени, идут по-прежнему. Вчера получил письмо от господина Фрумкина, что к нему масса обращаются не только за помощью деньгами, но за разными советами. Джойнт присылает ежемесячно вместе с Zentralausschus<sup>867</sup> – 3160 марок. Местных поступлений очень мало и в виду объединения [так! – видимо, следует читать: обеднения] русской еврейской колонии – пасхальные сборы – будут значительно ниже. Работают, – как пишет господин Фрумкин – господа Witenberg и Schulte, господин Лиссер все еще похварывает. Я все время в Ницце, настроение теперь здесь подавленное, тревожное, политическая атмосфера сгущена. ... Я подкрепил кассу взносами 5.200 фр[анцузских] фр[анков] из Швейцарии и 8.000 от И.К.А. Что касается перевода марок, то об этом ведут переписку господа Соскин и Лурье с господином Фрумкиным<sup>868</sup>.

8 тысяч франков, полученных от Еврейского колонизационного общества, были частью субсидии, увеличенной до 40 тысяч. «Я очень рад, что работа в Берлине так хорошо наладилась», – откликнулся Гольденвейзер на оптимистичное (конечно, оптимистичное в пределах обстоятельств) письмо Тейтеля<sup>869</sup>.

Осенью 1938 года финансовое положение Тейтелевского фонда было все еще прочным: «Очень приятно, что материальные дела Фонда и столовой в столь благополучном состоянии. Что это за пожертвование в 3000 мар. от неизвестного? Я рад, что Парижский комитет так разбогател, что может оплатить выдачи Каганов и эту сумму»<sup>870</sup>.

Нам неизвестно, о каких выдачах идет речь – то, что было понятно корреспондентам и не требовало разъяснений, увы, остается загадкой для историка, читающего эти тексты 70 лет

<sup>865</sup> Фрумкин Я.Г. – Гольденвейзеру А.А., Берлин, 11 февраля 1938 года: Gold-4.

<sup>866</sup> Там же.

<sup>867</sup> Zentralausschus (нем.) – центральный комитет. Возможно, имелся в виду Центральный совет немецких граждан иудейского исповедания.

<sup>868</sup> Тейтель Я.Л. – Гольденвейзеру А.А., 3 марта 1938 года: Gold-4.

<sup>869</sup> Гольденвейзер А.А. – Тейтелю Я.Л., 22 марта 1938 года: Там же.

<sup>870</sup> Гольденвейзер А.А. – Тейтелю Я.Л., 21 сентября 1938 года: Там же.

спустя. Мы приводим эту цитату лишь для подтверждения того, что Тейтелевский фонд был вполне финансово состоятелен. А имя его председателя служило гарантией того, что пожертвования попадут в конечном счете в нужные (точнее – нуждающиеся) руки.

Наиболее острой проблемой берлинской организации был дефицит людей: даже самые оптимистичные постепенно убеждались, что «пересидеть» гитлеровцев вряд ли удастся, и уезжали из Германии. Собрался уезжать и Я.Г. Фрумкин.

«Заменить его будет очень трудно, – сетовал Гольденвейзер в сентябре 1938 года. – Я очень рад, что моя инициатива по привлечению его к нашему делу оказалась столь правильной. Хотя кой-кто мне на него и жаловался, но все же, как говорит Смердяков: “с умным человеком всегда поговорить приятно”. Он сумел войти в дело и фактически им управлять, а также информировать Вас толково и исчерпывающе. – Всеобщего постепенного разъезда из Берлина нужно было ожидать, но, по-видимому, этой осенью уезжает сразу большая порция и придется приноровить характер будущей работы к полному безлюдью. Привлечение Розенберг я считаю правильным. Русская служащая ее заменить не может, хотя бы потому, что таковую не примут на службу в общину, между тем нам необходимо сохранить и углубить связь с общиной, как несменяемой инстанцией. – Гольденберг, а если он откажется – Зайцев, конечно, смогут давать юридические советы, но едва ли так скоро освоятся с делом во всей его полноте, как это было с Фрумкиным. Еще хуже будет, если из их привлечения почему-либо ничего не выйдет. Прямо не знаю, к кому тогда обратиться»<sup>871</sup>.

Неясно, кто и почему жаловался Гольденвейзеру на Фрумкина. Возможно, это был другой его постоянный корреспондент, Б.И. Элькин. Уже после окончания войны Элькин, рассуждая в одном из писем о Германии и об отношении к ней русских эмигрантов, вспомнил Фрумкина, которого назвал «зловещим».

«В общей политике он до революции был всегда “левым”, – писал Элькин, – агитировал в еврейской среде против кадетов, против планов мирного преобразования России; в 1917 году он был членом Советов рабочих депутатов и агитировал против Временного Правительства первого состава. После большевистской революции, переехав в Германию, он был неутомимым пропагандистом германофильства. Впрочем, уже и до революции, а с особенной настойчивостью после революции он в еврейской политике всегда пропагандировал одну мысль: на Германию должны евреи возложить все свои упования, Германии они должны отдать все свое доверие»<sup>872</sup>.

Возможно, «германофильством» объясняется то, что Фрумкин задержался в Берлине столь надолго, хотя при его связях вполне мог уехать вскоре после прихода нацистов к власти. Заметим, что по отношению к Германии Гольденвейзер в конце 1930-х годов был скорее ближе к Фрумкину, чем к Элькину. Он и сам «досидел» в Берлине до конца 1937 года. Гольденвейзер, несмотря на приходящие едва ли не каждый день сообщения о радикализации нацистского режима, все еще считал сообщения газет преувеличенными. В особенности это касалось газет эмигрантских, точнее, самой читаемой газеты русской эмиграции:

Я не совсем согласен с точкой зрения «Посл[едних] Новостей», – писал он Тейтелю вскоре после подписания мюнхенского соглашения, – хотя и посылаю статьи в эту газету. Нужно стараться освободиться от пристрастий и личных раздражений и обид – пытаться смотреть на события глазами летописца. И пуще всего нужно избегать соблазна стать «анти-Гитлером», т.е. начать относиться к Гитлеру и к немцам так, как Гитлер относится к евреям<sup>873</sup>.

---

<sup>871</sup> Там же.

<sup>872</sup> Элькин Б.И. – Гольденвейзеру А.А., 7 сентября 1946 года: Gold-36.

<sup>873</sup> Гольденвейзер А.А. – Тейтелю Я.Л., 29 октября 1938 года: Gold-4.

К расчленению Чехословакии Гольденвейзер отнесся философски и даже «с пониманием». Гораздо больше его волновало положение беженцев:

Меня не очень трогает вопрос о том, принадлежит ли Карлсбад чехам или немцам, – я думаю, что чехи не имели на него никакого морального права. Не трогает меня и то, что чехи из союзников сов. России превратились в союзников Германии. «История рассудит, кто прав и кто виноват», как сказал в своей прощальной речи Бенеш. – Но я в ужасе от мысли о страданиях новых беженцев и новых меньшинств, на спинах которых выносятся все эти исторические споры. Положение в самой Германии становится также нестерпимым. Сегодня пришли сообщения о безобразиях, творимых поляками и немцами с польскими евреями, жившими в Германии. Хотя сегодня же есть какие-то намеки на облегчения въезда беженцев в Англию и т.д., а также на шаги Лондонского беженского комитета, – но все это жалкие капли в море человеческих страданий. Стыд и позор<sup>874</sup>.

Удивительным образом Гольденвейзер не видел (точнее, не хотел видеть) связи между внешнеполитической экспансией Германии и усилением преследований евреев внутри страны. Политика «умиротворения» на самом деле не умиротворяла Гитлера, а показывала, что с западными демократиями можно не слишком считаться: если они «сдали» Чехословакию, то что уж говорить о немецких евреях или тем более евреях русских – группе, едва заметной на политической доске Европы. Через месяц после цитированного выше письма Гольденвейзера в Германии произошел организованный нацистами крупнейший еврейский погром, за которым закрепилось едва ли не издевательское название «хрустальной ночи».

В начале декабря Гольденвейзер писал Тейтелю:

Мы получили Ваше письмо от 20 ноября и очень рады, что Ваш день рождения – ставший за эти годы общим праздником для неисчислимого количества друзей и «приемных детей» Ваших – был в этом году отпразднован достойным образом. Жаль, что этот для нас всех радостный день совпал с самым ужасным моментом в истории гитлеровских преследований несчастного немецкого еврейства. Впервые г[оспо]да наци откровенно восприняли большевистские методы: контрибуции, массовые аресты заложников, террор. Конечно, большевизм был и есть несравненно более кровавым, да и ужаснее по неизмеримо большему числу объектов преследования (этого не следует забывать только потому, что в Германии преследуют евреев, а в Сов[етской] России как раз евреев как таковых пока не преследовали), – но от Германии, да еще в минуту громадных успехов и головокружительных перспектив, ничего подобного нельзя было ожидать. Очевидно, есть какой-то роковой закон, которому подчинены все революции, – они должны приводить к неудержимому радикализму и к насилиям. В данном случае особенно возмущает то, что все продельвается с немецкой систематичностью и основательностью (я получаю немецкое «Собрание Узаконений» и ужасаюсь, читая все средневековые распоряжения, изложенные по всем правилам современной законодательной техники). Ужасно и то, что ЛОЖЬ – ставшая основой всех диктатур и их пропаганды – доведена в Германии до самого неслыханного цинизма сверх-лжецом и сверх-наглецом Геббельсом<sup>875</sup>.

---

<sup>874</sup> Там же.

<sup>875</sup> Гольденвейзер А.А. – Тейтелю Я.Л., 6 декабря 1938 года: Там же.

Гольденвейзер – да и мало кто среди его современников – вряд ли мог себе представить, что «хрустальная ночь» – лишь преддверие самого ужасного в истории немецкого (и не только немецкого) еврейства. И в еще меньшей степени он мог себе представить, что большевики, точнее Красная армия, станут спасителями остатков европейского еврейства. Русской эмиграции, в особенности ее еврейской части, еще предстояло расколоться по вопросу об отношении к советской власти. Но до 1945 года было еще далеко.

Чаша терпения «германофила» Фрумкина переполнилась еще до «хрустальной ночи», и он собрался во Францию. Как можно понять из письма Гольденвейзера Тейтелю от 21 сентября 1938 года, к руководству представительства (разумеется, неофициального) фонда в Берлине было решено привлечь некую госпожу Розенберг, возможно, немецкую еврейку. Стратегически, в условиях продолжающихся отъездов компетентных лиц, необходимо было крепить связи с немецкой еврейской общиной, «величиной несменяемой», как наивно полагал Гольденвейзер. Немецкие евреи могли бы, по расчетам Гольденвейзера, взять на себя заботу о немногочисленных русских евреях, все еще остававшихся в Германии и не имевших возможности уехать по материальным или иным обстоятельствам.

В связи с притоком евреев-эмигрантов (точнее, реэмигрантов) из Германии в Париж возникла идея направить часть средств Тейтелевского фонда на помощь вновь прибывшим. Гольденвейзер резко возражал против этого:

Относительно перехода Парижского Комитета официально на помощь приезжим в Париже мое мнение остается неизменным: это прорва, в которую все Ваши крохи быстро утекут без заметного облегчения чьей-либо участи. Как один из инициаторов и учредителей Комитета, я вновь поднимаю свой голос в пользу сохранения им той функции, ради которой он был основан. Благодаря дешевым маркам, переводы в Берлин приносят громадную пользу, а какая там надобность в каждой марке, Вы знаете. Я полагаю, что предстоит полоса высылки евреев-бесподданных, и в связи с этим потребуются средства. Кроме того, евреев лишают последних возможностей работы, напр. занятия домоуправлением и продажей недвижимостей, вся колония превращается в безработных и нуждающихся. Деньги, собранные для помощи этой колонии, не должны тратиться ни на что иное<sup>876</sup>.

В начале декабря 1938 года Тейтель был настроен не слишком оптимистично относительно будущего его подопечных в Берлине. Не радовала его и терпимость международного сообщества по отношению к антисемитской политике нацистской Германии:

События идут таким быстрым темпом. Современные вандалы изобретают такие формы издевательства, глумления и истязания над нашим народом – приходим в отчаяние! Негодуем, возмущаемся, что все ограничивается протестами, митингами и за исключением Рузвельта<sup>877</sup> и Римского Папы<sup>878</sup> нет подходящего отклика на все эти зверства. Здесь – теперь большой наплыв беженцев из Германии, Австрии и много из Италии. Рассказы их сильно удручают меня. В таких случаях под влиянием таких впечатлений

---

<sup>876</sup> Гольденвейзер А.А. – Тейтелю Я.Л., 21 сентября 1938 года: Там же.

<sup>877</sup> После «хрустальной ночи» по распоряжению президента Ф. Рузвельта из Германии был отозван посол США и продлены на неопределенный срок гостевые визы находившимся в то время в США 12 – 15 тысяч гражданам Германии, главным образом евреям.

<sup>878</sup> Возможно, имеется в виду публичное выступление папы Пия XI 7 сентября 1938 года, в котором он осудил участие католиков в антисемитском движении, указав, что христиане – духовные потомки патриарха Авраама – являются «духовными семитами». Этот фрагмент выступления папы был опущен итальянскими газетами, но информация об осуждении папой антисемитизма как будто стала известна современникам.

мне хочется чаще получать от Вас письма, иметь сведения, что можно ожидать от Америки, и вообще Ваше мнение о дальнейшей судьбе этих сотен тысяч евреев, над которыми так бесчеловечно и варварски издеваются. Из Берлина получают кошмарные письма, особенно печально – что все уехали и уезжают более или менее состоятельные, а остается масса беззащитных и главное – некому работать.

Фрумкин тоже уезжает, Виттенберг-Зайцев, Присманы тоже собираются уехать. Остаются только господин Шутый со своей женой, они оказываются самыми полезными и ценными работниками.

Столовая функционирует (была некоторое время закрыта), а теперь единственное место, где не только русские, но и немецкие евреи помимо обеденного времени проводят там свои печальные досуги. К моему 88-летию я получил от Савелия Григорьевича Поляк 10000 fr., а Я.Л. Рубинштейн выхлопотал для нас 3000 швейцарских франков. Клее был арестован и сейчас находится в Амстердаме и в Берлин, по-видимому, не вернется, профессор Митвох в Лондоне. Многие представители общины были арестованы<sup>879</sup>.

Нам, к сожалению, не удалось установить, кем были упоминаемые в письме Тейтеля Виттенберг, Присманы, супруги Шутые. Тем не менее считаем важным привести имена этих людей, стремившихся по мере возможности облегчить участь наиболее беззащитной и преследуемой категории населения Германии в конце 1930-х годов. С.Г. Поляк, сделавший столь щедрый дар Тейтелю – конечно, не ему лично, а его фонду, – был в России крупным предпринимателем, совладельцем (вместе с братом Михаилом) нефтепромышленного и торгового общества «Мазут». Кроме того, потомственные почетные граждане С.Г. и М.Г. Поляки были владельцами торгового дома «Г.А. Поляк и сыновья», который был основан их отцом в Нижнем Новгороде. Накануне Первой мировой войны С.Г. Поляк занимал крупные посты в пяти компаниях, состоял членом совета Азовско-Донского банка. М.Г. Поляк являлся членом совета Петербургского Частного банка и членом правлений: Пароходного общества по Волге, Русского нефтепромышленного, Русско-Американского нефтяного, Петербургско-Донецкого углепромышленного. Судя по щедрому дару, Поляк сумел перевести часть своих капиталов за границу. Ему в каком-то смысле «повезло» – он умер в январе 1940 года, не дожив до разгрома Франции и последующих депортаций евреев в лагерь смерти. Адвокат Яков Львович Рубинштейн был представителем русской эмиграции при Нансеновском офисе в Женеве. Адвокат Альфред Клее был в свое время соратником основоположника сионизма Теодора Герцля. Он играл видную роль в общественной жизни евреев Германии и старался оказать возможную помощь беженцам. В 1929 году Клее стал председателем основанного Тейтелем Комитета по оказанию помощи русским евреям, в состав которого вошли «известнейшие представители» немецкого еврейства. Альфреду Клее было суждено погибнуть в 1943 году в немецком концлагере в Голландии<sup>880</sup>.

В начале 1939 года настроение Тейтеля было немногим лучше, чем в конце 1938-го:

Ожидать много хорошего от Нового года не приходится – особенно нам, евреям. Гитлеровский яд отравляет все человечество. Если бы Вы слышали от лиц, содержащихся в концентрационных лагерях в Германии – Вы бы пришли в ужас от той жестокости, от того садизма, который там практикуется, и все это – делается в «перчатках», под предлогом борьбы с коммунизмом, с

<sup>879</sup> Тейтель Я.Л. – Гольденвейзеру А.А., 9 декабря 1938 года: Gold-4.

<sup>880</sup> Гольденвейзер А. Я.Л. Тейтель. С. 316; Ravid B. Alfred Klee and Hans Goslar: From Amsterdam to Westerbork to Bergen Belsen // The Dutch Intersection: The Jews and the Netherlands in Modern History / J. Kaplan, ed. Leiden: Brill Publishers, 2008. P. 347 – 368.

большевиками. Я видел этих страдальцев, беседовал с ними, и Вы можете себе представить мое настроение.

Послание Рузвельта имеет громадное, и не только моральное значение – словами на таких изуверов, как Гитлер и Муссолини (последний мне еще противнее по своей лживости и лицемерию, хвастливости и желанию быть Наполеоном!) [не воздействуешь], но значение имеет кулак и этот кулак показал Рузвельт! Стараются показать его и господа Чемберлен и другие! Но – не поздно ли уже. Положение русских евреев в Берлине не поддается описанию. Несчастье в том, что, как сообщил мне Фрумкин, он на днях переехал в Париж, число нуждающихся растет, средства иссякают и некому работать в пользу этих обездоленных – все держится на двух китах: на И.В. Шутый и на его жене, но и они собираются уехать. В нашем Комитете пока имеются суммы, полученные от Нансеновского комитета, но как их реализовать – не знаю.

На днях должен решиться вопрос Джойнта. По слухам, возможно, что субсидия последняя фонду моего имени – прекратится, пособие же берлинской общины моему фонду уже прекратилось. Как видите, Новый Год начинается не особенно радостно для меня<sup>881</sup>.

Но Тейтель не был бы Тейтелем, если бы закончил письмо на этой минорной ноте. «Однако не будем отчаиваться и падать духом. Все преобразуется», – заключил неунывающий патриарх<sup>882</sup>.

Гольденвейзер пристально следил за тем, что происходит в Берлине. Американские газеты печатали подробную информацию о происходящем в нацистской Германии, к которой было приковано внимание всего мира. Он завязал переписку с И.В. Шутым, ставшим представителем тейтелевской организации в Берлине, черпал информацию из писем, приходящих из Германии не только ему, но и, по-видимому, другим бывшим «русским европейцам» в США. Наконец, относительно свежие новости, но главное, личные впечатления «привозили» те, кому удалось получить разрешение на иммиграцию в Америку. В конце декабря прибыли племянница жены Гольденвейзера с мужем, в январе – некий Л. Каплан, «постоянный клиент союза и столовой»<sup>883</sup>.

«Страшно важно сохранить нашу организацию, не дать ей распасться», – писал Гольденвейзер Тейтелю в январе 1939 года<sup>884</sup>. О том же он писал Фрумкину:

Положение нашего дела меня очень беспокоит. Я опасюсь, что оно уже трещит по швам из-за отсутствия компетентных работников, а долго ли останется на посту теперешний состав? Я считаю, что самой важной задачей Вашей и Якова Львовича [Тейтеля] должна быть теперь выработка плана какой-нибудь возможно безболезненной «перелицовки» всей организации, при которой хоть что-нибудь сохранилось бы и после дальнейших неминуемых отъездов прежних работников. Я писал об этом и Я.Л. [Тейтелю].

Плохо то, что широкие проекты помощи, о которых столько говорят и шумят, упускают из вида два момента: 1) необходимость в первую очередь помогать еврейским организациям в самой Германии, без напряженной работы которых три четверти еврейского населения осуждено на вымирание,

---

<sup>881</sup> Тейтель Я.Л. – Гольденвейзеру А.А., 9 января 1939 года: Gold-5.

<sup>882</sup> Там же.

<sup>883</sup> Гольденвейзер А.А. – Фрумкину Я.Г., 30 января 1939 года; Гольденвейзер А.А. – Тейтелю Я.Л. [январь 1939 года, датируется по содержанию]: Там же.

<sup>884</sup> Гольденвейзер А.А. – Тейтелю Я.Л. [январь 1939 года, датируется по содержанию]: Там же.

даже если эмиграция шла бы полным ходом, и 2) то обстоятельство, что пресловутый вопрос о вывозе капиталов из Германии интересует лишь самую ничтожную часть кандидатов в эмигранты, а громадное большинство не имеет даже на билет. Между тем, все усилия сосредоточиваются на переговорах об этих капиталах – быть может, для того чтобы завуалировать полную пассивность в главном и основном вопросе: о квотах и визах<sup>885</sup>.

Гольденвейзер не подозревал, что январское письмо Тейтеля станет последним, которое он от него получит. Яков Львович Тейтель неожиданно скончался 19 февраля 1939 года от отека легких в Ницце, в доме своего сына Александра, у которого жил последние годы. Слово «неожиданно» как будто не совсем уместно в данном случае: ведь речь идет о 88-летнем старике. Но именно такое ощущение возникло при получении известия о смерти Тейтеля у современников. И.В. Гессен говорил в речи на собрании памяти Тейтеля в Париже:

Это было ощущение оглушающей неожиданности. Казалось бы, именно в данном случае ему не должно бы быть места: человек прожил аридовы века, прожил целую историческую эпоху, от Николая Первого до Сталина, от крепостного права до коммунизма... Но и 20, и 30, и 40 лет назад он был такой же, как в последние годы... – всегда равный самому себе. Поэтому, чем дальше годы уходили, тем больше крепла привычка видеть его среди нас, – привычка, которую не могли искоренить несколько строк газетного извещения... Когда он приглашал нас на свой столетний юбилей, мы готовы были принимать это всерьез, потому что он говорил в уверенности, что к сожалению еще не вправе сказать: ныне отпускаешь! – мы понимали, что он нужен здесь, с каждым днем этих страшных времен все нужней, и потому он не должен уходить от нас...<sup>886</sup>

Это были очень точные слова. Пять лет спустя Гольденвейзер, возможно, лучше других понимавший значение не только деятельности, но и *личности* Тейтеля для его подопечных, да и для многих других людей, не получавших материальную помощь от тейтелевских учреждений, но будто заражавшихся от бывшего ученика хедера и действительного статского советника энергией и оптимизмом, по сути, повторил ту же мысль: «Узнав о смерти 88-летнего старика, не занимавшего никаких официальных постов и мирно доживавшего свой век в Ницце, великое множество людей почувствовало, как он был необходим, и как его будет недоставать»<sup>887</sup>. Фрумкин собирался приехать к патриарху в Ниццу «и рассказать ему о деятельности учреждений его имени в последний, столь тяжелый год». Фрумкин приехал – но уже после смерти Тейтеля. Так что он смог посетить лишь опустевший дом, «из которого исходило столько мощных импульсов человеколюбия»<sup>888</sup>.

После смерти Тейтеля основным источником информации Гольденвейзера и главной надеждой на то, что помощь русским евреям в Берлине не прекратится, стал Фрумкин. В письме, датированном мартом 1939 года, Гольденвейзер забросал его вопросами:

Имеете ли Вы сведения из Берлина? Я полагаю, что гг. Шутые либо уже уехали, либо уезжают в ближайшее время. Обеспечено ли дальнейшее функционирование столовой и Фонда? Как обстоит вопрос о субсидии «Джойнта»? Насколько мне известно, Бернард Кан в скором времени уезжает в Америку. Заведена ли связь с его преемником?

<sup>885</sup> Гольденвейзер А.А. – Фрумкину Я.Г., 30 января 1939 года: Там же.

<sup>886</sup> Гольденвейзер А. Я.Л. Тейтель. С. 320.

<sup>887</sup> Там же.

<sup>888</sup> Фрумкин Я.Г. – Гольденвейзеру А.А., 20 апреля 1939 года: Gold-5.

Я продолжаю получать из Германии и других стран просьбы по вопросу о переселении в Америку. В отношении русских беженцев этот вопрос пока сводится к добыванию аффиавита, притом консулы (по крайней мере, берлинский) относятся довольно снисходительно к вопросам о родстве поручителя с иммигрантом и даже о материальных средствах поручителя. Боюсь, что это благополучие скоро кончится. Номера выданных в последнее время виз уже перевалили за 2000, между тем общая цифра квоты составляет всего 2700.

Хуже обстоит дело с немецкими, польскими, чешскими, венгерскими и другими беженцами. Квоты этих стран заполнены на несколько лет вперед (венгерская квота, говорят, на 70 лет), надежды на увеличение квот нет, а возможности обхода иммиграционных законов все сокращаются<sup>889</sup>.

Фрумкин сообщал о хороших новостях (при всей относительности прилагательного «хороший» для тогдашнего положения евреев в Германии):

С Берлином я в постоянном контакте. Учреждения имени Якова Львовича проявляют поразительную живучесть. Уже, можно сказать, ровно никого там не осталось. Накануне Пасхи покинули Берлин и супруги Шутые. Остался один лишь Мирон Яковлевич Пинес. Вы знаете, в какой мере он в разных отношениях ценный работник. Вы знаете также, что для повседневной будничной работы он мало подготовлен. И все же Фонд продолжает действовать, даже увеличивает свои выдачи с месяца на месяц. Делами его, под присмотром М.Я. Пинеса и при участии его родственника, литератора Пинеса, которого Вы, вероятно, знаете, ведают та же г-жа Розенберг, г-жа Азарх, бывшая секретарша ОРТа, и привлеченный мною для оказания юридической помощи после моего отъезда бывший рехтсанвалт Онтштейн. Он весьма увлекся этой работой и участвует во всех делах фонда, не ограничиваясь юридической помощью. Функционирует и столовая, в заведывании которой в настоящее время принимает ближайшее участие Роза Семеновна Липстер, сестра жены Александра Эдуардовича Когана. Джойнт продолжает субсидировать фонд, и кой-какие средства поступают и отсюда<sup>890</sup>.

Итак, состав сотрудников тейтелевской организации вновь сменился практически полностью. Из относительно «старых» работников оставалась Розенберг, о которой, увы, мы не смогли найти каких-либо сведений. Розенберг сообщала Гольденвейзеру из Берлина, что благодаря заботам Фрумкина Тейтелевский фонд имеет достаточные доходы, «но что есть некоторые формальные трудности при раздаче денег». А.И. Лурье писал из Парижа о том, что Джойнт, вопреки опасениям, продолжает выдавать субсидию. «Все это утешительно, – заключал Гольденвейзер в письме к Фрумкину, – насколько вообще можно говорить об утешении при нынешней поистине безутешной и беспросветной обстановке. Я рад, что парижская организация живет, и что Вы имеете возможность продолжать Вашу полезную работу для осиротелых берлинцев»<sup>891</sup>.

Гольденвейзера по-прежнему «живо интересовало» все, что касалось Берлина. Он продолжал получать оттуда «массу писем – все на ту же тему о необходимости и невозможности уехать»<sup>892</sup>. Он был, конечно, не единственным, получавшим подобные запросы.

<sup>889</sup> Гольденвейзер А.А. – Фрумкину Я.Г., 22 марта 1939 года: Там же.

<sup>890</sup> Фрумкин Я.Г. – Гольденвейзеру А.А., 20 апреля 1939 года: Там же.

<sup>891</sup> Гольденвейзер А.А. – Фрумкину Я.Г., 21 июля 1939 года: Там же.

<sup>892</sup> Там же.

Борис Маркович Кадер, литератор, юрист по образованию, в отличие от большинства бывших берлинцев обосновавшийся не в Нью-Йорке, а в Чикаго, также был одолеваем просьбами помочь с заветным аффидевитом. В июле 1939 года он сообщал Гольденвейзеру:

Я получил письмо от Горина из Берлина... Он был солдатом русской армии, сражался на французском фронте; ему, как мне в свое время писали из Берлина, ампутировали ногу. Он просит меня, чтобы я разыскал его родственников в Америке. Я стараюсь, разумеется. Таких поручений я получаю оттуда много, и каждый из нас представляет собой маленькое отделение HIAS. Я рад и счастлив, что мне удалось кое-кому помочь, как разысканием, вернее раскопанием, родственников, так и получением от них аффидевитов<sup>893</sup>.

Следующее письмо Гольденвейзера Фрумкину было отправлено четыре с половиной месяца спустя. За это время сменилась эпоха. Началась война. Соединенные Штаты еще сохраняли нейтралитет, и, таким образом, связь русских евреев в Германии с их покровителями во Франции могла осуществляться через Нью-Йорк, постепенно становившийся столицей русско-еврейской эмиграции. Гольденвейзер получил известие от Розенберг, что «Тейтелевский фонд совершенно исчерпан, так как с августа больше не поступает субсидия Джойнта. Все выдачи прекращены и пенсионерам предложено обращаться в муниципальный благотворительный отдел». До Гольденвейзера дошли уже и «отклики от жертв этой катастрофы. Все молят о помощи». По совету Гольденвейзера Розенберг писала Евгению Абрамовичу Каплуну, еще одному бывшему берлинцу, принимавшему самое живое участие в делах Тейтелевского фонда, в Брюссель (Бельгия тоже была нейтральной и пока не затронутой войной), однако известий от него не было, да и в его местопребывании нельзя было быть твердо уверенным. Гольденвейзер также не знал наверняка, куда посылать письмо Фрумкину – в Париж или в Виши<sup>894</sup>.

«Хотя среди всеобщего катаклизма судьба этой группы людей не может рассчитывать на особое внимание, – отдавал себе отчет Гольденвейзер, – хочется все же попытаться что-нибудь для них сделать». Гольденвейзер говорил с представителем Джойнта Бернардом Каном, но получил от него «малоутешительный» ответ. Однако памятуя о том, что столь же малоутешительной была реакция Кана на просьбу о помощи русским евреям в Берлине весной, а субсидия тем не менее продолжалась, Гольденвейзер не терял надежды. Он советовал Фрумкину обратиться к кому-либо из сотрудников парижского бюро Джойнта (Троперу, Байну или Вишницеру). «У них ведь есть агентура в Амстердаме и при желании они могли бы продолжать переводить эту небольшую для них сумму»<sup>895</sup>.

Неизвестно, дошло ли это письмо до Фрумкина, так же как копия этого письма с просьбой посодействовать русским евреям в Берлине, которую Гольденвейзер просил его переслать М.Я. Пинесу. Пинес, по сведениям Гольденвейзера, находился в Лондоне. Ситуация была весьма характерной: русские евреи постоянно находились в движении. Конечно, те, у кого были кое-какие средства и возможность получить визу.

Зато Е.А. Каплун оказался там, где и предполагалось, – в Брюсселе и откликнулся на письмо Гольденвейзера. Правда, Каплун был в некотором недоумении и не вполне понимал, чем он может помочь бывшим берлинским подопечным, ибо шансов на сколько-нибудь серьезные денежные сборы в Брюсселе не было. Гольденвейзер вынужден был объяснить, что, направляя к нему Розенберг, рассчитывал, что Каплун поможет установить связь с парижским бюро Джойнта, а тот, в свою очередь, сумеет через третьи страны перевести субсидию берлинской

<sup>893</sup> Кадер Б.М. – Гольденвейзеру А.А., 5 июля 1939 года: Там же.

<sup>894</sup> Гольденвейзер А.А. – Фрумкину Я.Г., 7 декабря 1939 года: Там же.

<sup>895</sup> Там же.

организации. Тем более что речь шла не о чем-то новом, а о «непрекращении выдачи, непрерывно производившейся с 1924 года»<sup>896</sup>.

«Я постоянно получаю письма от наших клиентов, потерпевших от внезапного прекращения месячных выдач из Тейтелевского фонда, – сообщал Гольденвейзер Каплуну на исходе 1939 года. – Вы легко можете вообразить их вопли. Неужели теперь подходящий момент, чтобы направить этих людей в городской “вольфартсamt”? Да они, как иностранцы, ничего там и не получают»<sup>897</sup>.

Начавшаяся война отразилась на материальном положении не только тех, кто находился в воюющих странах. Она ударила и по благополучным – тем, кто успел перебраться за океан. «Затруднения почтовой связи с Европой катастрофически отражаются на адвокатской практике. Писать корреспонденции перестал: в переведенных на сокращенный размер “Последних новостей” нет места, с “Сегодня” произошла какая-то подневольная метаморфоза, а русские журналы, по-видимому, приостановились до лучших времен»<sup>898</sup>.

В марте 1940 года из Парижа неожиданно пришла радостная весть. Фрумкин сообщал, что Джойнтом Тейтелевскому фонду переведена субсидия за сентябрь – декабрь 1939 года и январь – февраль 1940 года. «Думаю, что теперь уже заминок не будет», – оптимистично писал Фрумкин. Тейтелевский фонд (Фрумкин называет его Тейтелевским обществом) был перерегистрирован. Его председателем стал известный скульптор Наум Львович Аронсон, в Фонде активно работали Ольга Мариановна Гурвич и Макс Павлович Фрумкин, кузен Я.Г. Фрумкина. Сам Я.Г. Фрумкин служил в объединенном комитете ОЗЕ и ОРТа в Париже; для работы в Фонде времени почти не оставалось, и, по его словам, его роль сводилась к «разговорам с Джойнтом» и участию в совещаниях. Еще одной хорошей новостью, уже личного плана, было то, что дочери и зятю Фрумкина удалось выбраться из Варшавы через Румынию и добраться до Парижа<sup>899</sup>.

В 1940 году евреям, даже побывавшим в лагере, еще можно было выбраться из Германии. Проблема заключалась в другом – в возможности въезда в другие страны. Вопрос иммиграционных квот был вопросом жизни и смерти для тысяч людей. Иногда цена жизни измерялась сотней-другой долларов. В апреле 1940 года Гольденвейзер писал Евгении Наумовне Сегаль, участвовавшей в деятельности еврейских благотворительных организаций в Париже:

Мария Абрамовна Друкер, сестра покойного киевского адвоката Д.А. Капника, которого я очень уважал, хлопочет о спасении своего мужа, прошедшего год в немецком концентрационном лагере и освобожденного под условием, что он выедет за границу не позже 1 июля с.г. В противном случае ему грозит новый арест и возвращение в Дахау.

Виктор Друкер не может получить визы в Соединенные Штаты, так как он подлежит румынской квоте, заполненной на многие годы вперед. Здесь говорят, что есть возможность выхлопотать ему визу в Эквадор, но для этого требуется сумма в \$400 для депонирования в банке. Г-жа Друкер собрала значительную часть этой суммы (\$250), но не может достать недостающих \$150, так как здешние организации не выдают денег для такой цели<sup>900</sup>.

Гольденвейзер просил Сегаль обратиться в НИСЕМ, европейское отделение американского HIAS (Общества помощи еврейским иммигрантам)<sup>901</sup>, рассчитывая, что такого рода

<sup>896</sup> Гольденвейзер А.А. – Каплуну Е.А., 22 декабря 1939 года: Там же.

<sup>897</sup> Там же.

<sup>898</sup> Гольденвейзер А.А. – Фрумкину Я.Г., 7 декабря 1939 года: Там же.

<sup>899</sup> Фрумкин Я.Г. – Гольденвейзеру А.А., 13 марта 1940 года: Gold-6.

<sup>900</sup> Гольденвейзер А.А. – Сегаль Е.Н., 10 апреля 1940 года: Gold-5.

<sup>901</sup> НИСЕМ – организация, задачей которой было содействие эмиграции восточноевропейских евреев. Организация была

помощь является задачей общества. Нам неизвестно, чем закончилась эта история; хочется надеяться, что благополучно. Обратим внимание на то, от каких случайностей зависела человеческая жизнь. Русский еврей Друкер, вероятно, родился в Бессарабии, в результате чего попадал в давно переполненную «румынскую квоту» и, соответственно, не мог эмигрировать в США даже при наличии аффидевитов. Далее вопрос о выезде за пределы Германии или о возвращении в Дахау уперся в возможность достать 150 долларов (и, очевидно, денег на билет до Эквадора). Жена Друкера была знакома с Гольденвейзером, который, в свою очередь, имел связи с деятелями еврейских благотворительных организаций. Вероятно, это помогло Друкеру избежать возвращения в Дахау и гибели. Сотни тысяч «друкеров» оказались менее удачливы. Разумеется, это пишется не в упрек задним числом Гольденвейзеру – он помогал тем, кому мог.

Одним из тех, кому он старался помочь, был дрезденец Михаил Мульман. В последнем письме Тейтелю Гольденвейзер писал, что судьба Мульмана его «крайне озабочивает». Ему переводили из Берлина по 20 марок в месяц, но Гольденвейзер не был уверен, что субсидия продолжает поступать: «Он сам о себе никогда не напоминает, а таких людей часто забывают»<sup>902</sup>.

Последняя открытка Мульмана Гольденвейзеру датирована 20 мая 1941 года. Он писал, что на здоровье не жалуется, но что работы нет. Изредка пишет прошения соотечественникам о возвращении на родину, но пока безуспешно. Русские евреи были готовы бежать из нацистской Германии куда угодно – даже в Советский Союз. Сам Мульман ездил в Берлин в советское консульство, просил о возобновлении заграничного паспорта. Видимо, он всерьез подумывал о возвращении в СССР, тем более что ни в чем предосудительном по отношению к советской власти замечен не был. Однако консул ответил отказом, заявив: «Живите, как до сих пор жили»<sup>903</sup>.

Жить, как жили, было уже не суждено. Через 33 дня Германия напала на Советский Союз.

---

создана в 1927 году тремя другими организациями, цели которых совпадали, – HIAS (Hebrew Immigrant Aid Society, Общество помощи еврейским иммигрантам, находившееся в Нью-Йорке), ICA (Jewish Colonial Association, Еврейское колонизационное общество (ЕКО), штаб-квартира которого находилась в Лондоне) и берлинским Emigdirect. Название HICEM – акроним HIAS, ICA и Emigdirect. Согласно договору между этими тремя структурами, их отделения за пределами США объединялись, а работу содействия еврейским эмигрантам в США брало на себя HIAS. Штаб-квартира HICEM находилась в Париже, представительства – в европейских странах, Южной и Центральной Америке и на Дальнем Востоке. Однако в 1934 году Emigdirect был вынужден выйти из соглашения, а с началом Второй мировой войны так же поступило ЕКО, поскольку согласно законам военного времени оно не имело права переводить деньги за границу. Таким образом, HICEM стал финансироваться только HIAS. Впоследствии, после оккупации Парижа нацистами в июне 1940 года, HICEM переместил свой офис в Лиссабон. С этого времени его деятельность частично финансировалась также Джойнтом. В период Холокоста в общей сложности около 90 тысяч евреев смогли бежать из Европы при помощи HICEM.

<sup>902</sup> Гольденвейзер А.А. – Тейтелю Я.Л., б/д [январь 1939 года, датируется по содержанию]: Gold-5.

<sup>903</sup> Мульман М. – Гольденвейзеру А.А., 20 мая 1941 года: Gold-7.

## Глава 8

# В ДВИЖЕНИИ: РУССКИЕ ЕВРЕИ-ЭМИГРАНТЫ В 1930-е – НАЧАЛЕ 1940-х ГОДОВ

Весной 1933 года численность русских эмигрантов в Берлине снизилась до 10 тысяч человек<sup>904</sup>. Нам неизвестно, сколько среди них было русских евреев, так же как неизвестна общая численность русских евреев, находившихся в тот момент в Германии. Если предположить, что пропорции 1925 года сохранялись, то речь, видимо, может идти о нескольких тысячах человек. Ясно одно: они должны были покинуть Германию «в первых рядах». Или, во всяком случае, стремиться уехать из страны, к власти в которой пришла партия, открыто исповедовавшая антисемитизм. В тот момент мало кто мог представить, сколь далеко готовы зайти нацисты в своей борьбе с «мировым еврейством», однако в направленности их политики сомневаться не приходилось. Что подтвердили последовавшие очень скоро меры, направленные на ограничение – поначалу! – участия евреев в экономической, политической и культурной жизни страны.

Для евреев – выходцев из России начинается новый период скитаний по миру, вторая, а то и третья эмиграция. В то же время, как мы показали в предыдущей главе, далеко не все сумели (или захотели) уехать из Германии сразу после прихода Гитлера к власти. «Еврейская жизнь» не прекращалась в Германии вплоть до конца 1930-х – начала 1940-х годов. История русско-еврейской эмиграции в 1930-е годы изучена, на наш взгляд, явно недостаточно. Между тем это был чрезвычайно важный период: «кочевье», завершившееся в начале 1940-х годов возникновением новой «столицы» русско-еврейской эмиграции – Нью-Йорка, сменившего в этом качестве Берлин и Париж; канун Катастрофы, в которой погибли тысячи евреев-эмигрантов, бежавших некогда от большевиков. Как сложились судьбы всех евреев-эмигрантов, мы, увы, вряд ли когда-нибудь установим. Однако сохранившиеся источники позволяют проследить судьбы и размышления некоторых русских евреев, принадлежавших к интеллектуальной и профессиональной элите русского зарубежья, в конце 1930-х – начале 1940-х годов, накануне и во время величайшего катаклизма в истории Европы XX века. Как они жили, о чем думали, как оценивали ситуацию в Европе, позволяет проследить в значительной степени все тот же уникальный источник – обширная переписка А.А. Гольденвейзера с его друзьями и коллегами за 1938 – 1941 годы.

По прибытии в США Гольденвейзер обосновался в Вашингтоне, затем перебрался в Нью-Йорк. Несмотря на интенсивную работу по самообразованию и усилиям интегрироваться в новую для него жизнь, он находил время для поддержания активной переписки с Европой. Точнее, со своими друзьями, коллегами и клиентами. Душой он был по-прежнему там, в Старом Свете. Среди его корреспондентов – М.А. Алданов, И.В. Гессен, О.О. Грузенберг, Я.Л. Тейтель, Б.Л. Гершун, М.Л. Кантор, Л.М. Зайцев, В.В. Набоков, Г.А. Ландау, Б.И. Элькин. Нетрудно заметить, что это преимущественно юристы, общественные деятели, литераторы. В общем, интеллектуальная и профессиональная элита русской и русско-еврейской эмиграции. Большинство его корреспондентов – бывшие берлинцы, вынужденные, как и он, покинуть Германию. Все они находились в движении – из Германии во Францию, в Бельгию, Латвию, оттуда в Ирландию, Великобританию, Португалию, потом в США. Некоторые двигались на запад, дру-

---

<sup>904</sup> Кратц Г. Битов, Бунин и Берлин // Русский Берлин/Russische das Berlin 1918 – 1941: Издание к выставке «Русский Берлин 1918 – 1941» в Государственном историческом музее 13 – 27 мая 2002 года. Б.м., б.г. С. 25.

гим предстояло отправиться на восток. Одни нашли убежище за океаном, другие закончили свою жизнь в нацистских лагерях смерти, некоторые – в ГУЛАГе.

Обширная переписка Гольденвейзера позволяет нам составить представление о жизни и размышлениях этих людей накануне Катастрофы. Катастрофы европейского еврейства и катастрофы европейской цивилизации. Письма позволяют судить о быте, размышлениях, представлениях, заблуждениях этих людей. А поскольку все они были наделены умом и талантом, эта переписка, на наш взгляд, заслуживает публикации в полном объеме.

Обосновавшись в США, Гольденвейзер продолжил сотрудничество в рижской газете «Сегодня»<sup>905</sup>. Уже в начале января 1938 года редактор газеты М.С. Мильруд информировал его о том, какие темы интересуют газету, и снабдил Гольденвейзера (по его просьбе) рекомендательным письмом к латвийскому посланнику в Вашингтоне Альфреду Бильману. Посланника Мильруд характеризовал как прекрасного журналиста, который всегда сможет подсказать, что интересует публику в Латвии. Самого редактора интересовало отношение американского общественного мнения к вопросу о вступлении США в будущую войну, а также все, что касалось балтийских государств. Гольденвейзер оперативно откликнулся на сигнал о продолжении сотрудничества. На письме содержится его карандашная пометка от 26 января: «Послал статью “Американская журналистка о трагедии беженства”»<sup>906</sup>.

Статья была опубликована. Журналисткой, статью которой комментировал Гольденвейзер, была Дороти Томпсон, жена нобелевского лауреата по литературе Синклера Льюиса. Но Дороти Томпсон была не только женой своего мужа: она была чрезвычайно популярной журналисткой, статьи которой перепечатывали сотни американских газет. Томпсон, известная своими антинацистскими взглядами и, что более существенно, антинацистскими публикациями, стала первой журналисткой, высланной из Германии в 1934 году<sup>907</sup>. Томпсон старалась привлечь внимание американцев к проблеме беженцев, «устыдить» своих сограждан, пробить кору равнодушия. «Мне кажется, – писала Томпсон, – что мы весьма озабочены тем, как бы беречь свое спокойствие, не давая воли своей чувствительности. Мы подавляем наше воображение, вместо того, чтобы им пользоваться. Мы очень боимся, что ежедневные известия о бедствиях, постигающих миллионы людей, могут повергнуть нас в дурное настроение. Между тем, вопрос об их спасении хотя и труден, но не неразрешим. Печально, что громадность задачи парализует волю к ее разрешению, вместо того, чтобы укреплять и усиливать эту волю»<sup>908</sup>.

Собственно, целью статьи Томпсон было не только привлечь внимание американцев к проблеме беженцев, пробудить их совесть, но и обратить внимание на недопустимость намеренной ликвидации Нансеновского комитета в то время, когда в мире насчитывалось около 4 миллионов беженцев и политических эмигрантов. Это – «целая нация бездомных, хотя в ее состав входят представители различных наций». Томпсон считала, что Соединенные Штаты должны делегировать в Нансеновский комитет своего представителя, и даже выдвигала конкретную кандидатуру, по-видимому, без его ведома – знаменитого летчика и всеобщего любимца Чарльза Линдберга. Тем более что тот перенес личное горе – похищение и убийство сына – и был вынужден временно покинуть родину. Добавим от себя, что ни Томпсон, ни сочувственно излагавший ее мысли Гольденвейзер, видимо, не подозревали о нацистских симпатиях мировой знаменитости.

<sup>905</sup> О газете «Сегодня» см.: *Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов: В 5 кн. Stanford, 1997.

<sup>906</sup> Мильруд М.С. – Гольденвейзеру А.А., 12 января 1938 года: Gold-4.

<sup>907</sup> Подробнее о Дороти Томпсон (Thompson Dorothy) (1893 – 1961) см.: *Sanders M.K.* Dorothy Thompson: a Legend in Her Time. Boston: Houghton Mifflin, 1973.

<sup>908</sup> *Гольденвейзер А.* Американская журналистка о трагедии беженства. Дора Томсон [так!] выдвигает кандидатуру Линдберга в члены Нансеновского комитета (Письмо из Вашингтона) – цит. по вырезке из газеты «Сегодня», хранящейся в: Gold-4.

Гольденвейзер считал, что идея «втянуть» Соединенные Штаты в дело помощи беженцам «чрезвычайно умна и, быть может, не лишена шансов на реальное осуществление». Тем паче что денежная помощь беженцам в послевоенную эпоху производилась в основном за счет Америки. «Так что интерес и сочувствие в Америке есть, – заключал Гольденвейзер. – Вопрос в том, как лучше использовать этот интерес и все те “неограниченные возможности”, которыми все еще обладает Америка»<sup>909</sup>.

Оптимизм, который чувствуется в этой статье Гольденвейзера, оказался преждевременным. Несмотря на то что Соединенные Штаты сделали больше, чем любая другая страна в деле помощи беженцам, это было очень далеко от их возможностей и лишь в ничтожной степени помогло разрешить проблемы беженцев, для которых – чего еще, правда, не могли представить самые закоренелые пессимисты в январе 1938 года – вопрос об убежище за океаном был вопросом жизни и смерти. В настроениях американцев все еще господствовал изоляционизм, и даже статьи Дороти Томпсон, признанной в следующем году одной из двух самых влиятельных женщин Америки (другой была первая леди страны Элеонора Рузвельт), не могли пробить кору равнодушия к европейским делам. Окончательно «разбудили» американцев не статьи, а взрывы бомб в Перл-Харборе. Но до этого было еще далеко.

Оптимизм Гольденвейзера быстро иссяк, и уже в апреле 1938 года он более чем скептически оценивал перспективы вмешательства американцев в европейские дела: «Здесь относятся к жертвам гитлеризма с симпатией и менее опасно, чем в европейских странах, – писал он И.В. Гессену. – Но Европа и все европейские дела для американцев – нечто хотя и не безразличное, но совершенно постороннее. Поэтому всякие “акции” в пользу беженцев возможны здесь, пока соблюдена эта дистанцированность. В тот момент, когда с какой-либо стороны будет затронут национальный эгоизм американского обывателя, все это полетит вверх тормашками и может разбушевать[ся] самая звериная ксенофобия»<sup>910</sup>.

Гольденвейзер – благо он еще не слишком «врос» в американскую жизнь и время ему это позволяло – и далее продолжал посылать статьи в «Сегодня». Правда, теперь гонорары, в отличие от берлинских лет, трудно было считать источником дохода. Благодаря Мильруда за аккуратную присылку номеров газеты с его статьями и «гонорарных чеков», Гольденвейзер замечал: «От литературных заработков по европейским ставкам здесь не разбогатеешь; например, билет на представление, которое я сегодня описываю, стоил мне 2,75 долл. (лучшее место стоит даже 4,40 долл.). Не считайте это, пожалуйста, за выражение какой-либо претензии. Я знаю, что каждая газета имеет свой бюджет, да и не смотрю на свои писания как на источник заработка»<sup>911</sup>.

Чем же были для него «писания»? Возможностью «влиять»? Вряд ли. Скорее многолетней привычкой и, я бы сказал, рефлексом «просветительства». Впрочем, и гонорары, более чем скромные по американским меркам, были для не имевшего регулярного заработка Гольденвейзера не лишними.

Кроме «Сегодня» Гольденвейзер печатался в наиболее распространенной и уважаемой газете русского зарубежья – парижских «Последних новостях». Нетрудно заметить, что его статьи посвящены преимущественно проблеме, в наибольшей степени волновавшей русских эмигрантов, – проблеме беженцев, каковыми они, собственно, и являлись, и возможности для эмигрантов получить убежище в США. В связи с этим проблемы внутренней американской политики вызвали у русских эмигрантов самый живой интерес. Ибо отношение к эмиграции было одним из краеугольных камней американской внутренней политики. Так, весной и летом 1938 года в «Последних новостях» были напечатаны следующие корреспонденции

<sup>909</sup> Там же.

<sup>910</sup> Гольденвейзер А.А. – Гессену И.В., 29 апреля 1938 года: Там же.

<sup>911</sup> Гольденвейзер А.А. – Мильруду М.С., 1 мая 1938 года: Там же.

Гольденвейзера: «Изоляция от войны» (24 мая), «Открыть ли двери беженцам?» (30 июня), «Америка готовится к выборам» (17 августа). Основные вопросы, которые волновали автора и многих европейцев, сводились к тому, будут ли США по-прежнему придерживаться политики изоляционизма и невмешательства в европейские дела и каким образом будут решаться вопросы о квотах на право иммиграции. Можно не боясь ошибиться утверждать, что в переписке русских эмигрантов в Европе и США наиболее употребительными словами во второй половине 1930-х годов были «квота», «виза» и «аффидевит».

Первые полгода пребывания в Америке Гольденвейзер работал над завершением исследования о положении беженцев в Европе, которое он делал для лондонского Королевского института по иностранным делам. Исследование Гольденвейзера охватывало 22 страны (20 европейских, а также Турцию и Египет). Работа была написана по-немецки. Объем ее составил около 400 машинописных страниц. Не видя особых перспектив для получения статуса адвоката и, соответственно, юридической практики в США, Гольденвейзер всерьез подумывал о том, чтобы заняться наукой. Однако перспективы и здесь были туманны, в особенности учитывая его пока еще ограниченное владение английским языком<sup>912</sup>.

После семи месяцев пребывания в США Гольденвейзер делился своим первоначальным американским опытом и надеждами на будущее (впрочем, не слишком радужными) с Георгием Гурвичем, известным социологом, сделавшим более чем успешную академическую карьеру во Франции. Судя по переписке, они были довольно близки в берлинский период жизни Гурвича. Будущее светило французской (да и мировой) социологии, прежде чем обосноваться во Франции, немало «гастролировал» по различным научным и учебным заведениям разных стран.

«Мы приехали на Рождество, – сообщал Гольденвейзер Гурвичу. – Провели неделю в Нью-Йорке, затем приехали в Вашингтон, где прожили до 8 июля. Я в промежутке два раза ездил в Нью-Йорк. Последние три недели живем на даче: воспользовались свободой “меблированных жильцов”, ликвидировали свою вашингтонскую квартиру и сбежали от невыносимой духоты, которая царит там летом. Здесь живем в “коттедже”, Евгения Львовна хозяйничает, получаем продукты от соседей-фермеров. Останемся здесь до конца августа, затем вернемся в Вашингтон, а на зиму, вероятно, переедем в Нью-Йорк»<sup>913</sup>.

К лету подготовку докладов для Королевского института он завершил (надежды издать книгу оказались несбыточными) и пытался получить научную работу при каком-нибудь фонде или институте, однако тоже безуспешно.

«Я не теряю надежду в конце концов получить возможность работать, но дело это затяжное, а средств выждать нет, – не слишком оптимистично писал он своему благополучному приятелю. – Поэтому настроение у нас неважное. Впрочем, так и полагается свежеприбывшим иммигрантам. Я весьма ощущаю дефекты своей подготовки: в результате разбросанной деятельности в течение 16-ти лет в Берлине, я чувствую себя в данную минуту разносторонним дилетантом. Чтобы стать настоящим работником, мне нужна возможность сосредоточиться и заниматься, не спеша. Можно ли рассчитывать на столь благоприятную обстановку? Сюда понаехало достаточно первостатейных специалистов по всем специальностям, да и сами американцы отнюдь не страдают от недостатка интеллигентных сил... По всем видимостям, мои шансы невелики и нужна большая удача, чтобы вышло что-либо путное. Но я все же надеюсь, что не пропаду»<sup>914</sup>.

Как бы туго ни приходилось на первых порах в Америке Гольденвейзеру, это были, конечно, мелочи по сравнению с проблемами, с которыми сталкивались его друзья и коллеги,

<sup>912</sup> Гольденвейзер А.А. – Кантору М.Л., 12 июня 1938 года; Гольденвейзер А.А. – Лазареву А.М., 28 июня 1938 года: Там же.

<sup>913</sup> Гольденвейзер А.А. – Гурвичу Г.Д., 29 июля 1938 года: Там же.

<sup>914</sup> Там же.

перебравшиеся из Германии в другие страны. Даже в сравнительно благополучную на первый взгляд Францию.

«Как Вам должны казаться теперь далекими наши европейские дела! Рад за Вас, что вы из этой трясины выбрались. По-моему, еще немало пройдет времени, пока здесь наладятся дела. Еще много волнений и потрясений придется пережить европейцам», – пророчески писал из Парижа в мае 1938 года Б.Л. Гершун<sup>915</sup>. Впрочем, чтобы предсказать европейцам потрясения, не надо было быть пророком.

Уехавшим во Францию «берлинцам» приходилось не слишком сладко: там началась «чистка» среди иностранцев, и, по свидетельству И.В. Гессена, «отношение к ним заметно ухудшилось». «А против евреев ведется усиленная агитация: на улицах, в вагонах метро расклеиваются “папийон” с враждебными призывами, и на домах можно встретить объявления, что евреям квартиры не сдаются»<sup>916</sup>. Более всего Гессен был озабочен получением рабочей карточки младшим сыном, что затягивалось и не давало тому возможности устроиться. Сам Гессен «через пень колоду» работал над вторым томом своих воспоминаний и интересовался, не знает ли Гольденвейзер богатых соотечественников в Америке, которые купили бы первый том его мемуаров за 4 – 5 долларов<sup>917</sup>. Видимо, дела бывшего редактора «Руля» обстояли не блестяще.

Гольденвейзер не видел перспектив широкого распространения книги Гессена в США: «Русской колонии в самом Вашингтоне почти не существует. Кроме Марголина и Войтинских, мы никого из русских не встречали. В Нью-Йорке и других больших городах (напр., в Чикаго и Детройте) есть порядочно русских... распространение Вашей книги я буду иметь в виду, но, как я уже упомянул, мы здесь совсем не встречаемся с русскими»<sup>918</sup>.

В марте 1938 года из Берлина в Париж перебрался С.Л. Франк с семьей<sup>919</sup>. Его православно-вероисповедание никак не помогло ему в нацистской Германии. Приехал нелегально в Париж И.А. Британ, так и не сумевший получить французскую визу<sup>920</sup>.

В начале 1939 года Гольденвейзер получил письмо от Григория Ландау, сообщавшего среди прочего подробности своего спешного отъезда из Берлина: «...получил распоряжение о выезде в три дня – под угрозой концентрационного лагеря и пр.». Ландау удалось добиться двухнедельной отсрочки, «а тем временем пришла спасительная виза из Риги, что было особой удачей». Ландау не мог предполагать, что эта удача обернется лагерем – правда, советским. И пока что радовался доброжелательному отношению «многих местных людей», хотя и сетовал, что «это второе бегство от наци – после исходного бегства от большевиков – было уже излишней роскошью», и жаловался: «Тяжело ощущение соседства с востока большевиков, а с запада – наци»<sup>921</sup>.

В письме – без чего не обходилось практически ни одно письмо к Гольденвейзеру из Европы – содержалась просьба: на сей раз не о возможности перебраться за океан, а о перспективах перевода и публикации в США рукописей Ландау. Одна, уже давно лежавшая в столе, называлась «Типология свобод», другая была посвящена «основным вопросам» большевизма.

Гольденвейзер оперативно отправил Ландау ответ – на трех машинописных страницах через один интервал! Он писал и об особенностях американской политики, и об особенностях газетно-журнальной индустрии, практически исключавшей для Ландау возможность сотрудничества в каком-либо американском издании, и о состоянии и запросах книжного рынка.

<sup>915</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., Париж, 15 мая 1938 года: Там же.

<sup>916</sup> Гессен И.В. – Гольденвейзеру А.А., 18 мая [1938 года]: Там же.

<sup>917</sup> Гессен И.В. – Гольденвейзеру А.А., 19 марта 1938 года: Там же.

<sup>918</sup> Гольденвейзер А.А. – Гессену И.В., 29 апреля 1938 года: Там же.

<sup>919</sup> Гессен И.В. – Гольденвейзеру А.А., 19 марта 1938 года: Там же.

<sup>920</sup> Гессен И.В. – Гольденвейзеру А.А., 31 декабря 1938 года: Там же.

<sup>921</sup> Ландау Г.А. – Гольденвейзеру А.А., 22 января 1939 года: Gold-5.

«Думаю, что для всякой заслуживающей внимания работы здесь можно найти возможность публикации», – как будто оптимистично писал Гольденвейзер. Однако тут же давал пояснение, фактически сводившее это утверждение на нет: «Я опасаюсь, однако, что Ваш слог и стиль был бы признан в Америке “highbrow”, т.е. слишком “образованным”. Здесь пишут по-простецки, как впрочем пишут и в Англии. Во всяком случае, Вам нужно было бы иметь переводчика, который умел бы приспособить Ваш, воспитанный на германской научной и философской литературе, язык ко вкусам и привычкам англосаксонских читателей»<sup>922</sup>.

Тем не менее Гольденвейзер брался прощупать почву через своего брата-профессора в Гуверовской военной библиотеке (так тогда назывался Гуверовский архив) на предмет возможного спонсирования издания. Именно Гуверовская военная библиотека финансировала американское издание воспоминаний И.В. Гессена, что и вдохновило Ландау на поиск издателя за океаном. Проблема, однако, была в том, что библиотека поддерживала издания и приобретала рукописи, содержавшие исторические материалы, а не историософские труды. Так что идея об издании в США работ Ландау умерла, едва родившись. Очевидно, рукописи его трудов сгинули впоследствии где-то в недрах советских спецслужб.

Радуюсь тому, что Ландау удалось выбраться из нацистской Германии, Гольденвейзер замечал: «с индивидуальной катастрофой всегда легче бороться, чем с коллективной, и положение всех, застрявших в Германии до настоящего момента, стало уже совершенно невыносимым»<sup>923</sup>.

Вопросы о возможности эмигрировать в США, так же как и просьбы помочь с получением виз и affidavits, стали поступать Гольденвейзеру в первые же недели его пребывания в Америке: «Очень интересовало бы меня узнать о Ваших разговорах с представителями ГИАС (так!), свидание с которыми, судя по Вашему письму, тем временем, очевидно, состоялось, – писал в начале февраля 1938 года из Берлина Я.Г. Фрумкин. – Ежедневно приходится сталкиваться с людьми, рвущимися в Соединенные Штаты, имеющими все шансы там устроиться и не могущими попасть туда из-за невозможности получить affidavit вообще или от лица достаточно богатого. Лица эти, несомненно, не пали бы в тягость государству, и, в сущности говоря, выдача affidavits за них не подвергает выдающего сколько-нибудь серьезному риску... Но, в особенности, когда речь идет о нансенистах или бесподданных, это все чрезвычайно трудно. Кроме Уругвая, для очень небольшой категории Австралии и для людей с некоторыми средствами – Аргентины, сейчас вообще никуда попасть нельзя, а попасть в одну из этих стран так приблизительно легко, как выиграть в лотерею...»<sup>924</sup>

Оба корреспондента еще не знали, что в «лотерею» разыгрывается жизнь.

Бывшие берлинцы пристально следили за происходящим в Германии. Гершун, упоминая об изменении германских законов, иронически замечал: «...там идет усердный пересмотр гражданских законов: искоренение либеральных иудо-масонских правовых идей»<sup>925</sup>.

Гольденвейзер, несомненно, был близок с Гершуном, вполне ему доверял и поэтому мог позволить себе высказать в частной переписке достаточно еретические мысли. Он как будто не слишком верил в ужасы, которые рассказывались в газетах о положении евреев в нацистской Германии. Точнее, он, уехавший из страны в декабре 1937 года, видимо, не мог себе представить, что экстремизм нацистского режима растет столь стремительно. «За европейскими делами слежу по газетам, которые держат в непрерывном напряжении и тревоге, – писал он Гершуну в августе 1938 года. – Весь мир в положении “неустойчивого равновесия” и каждую минуту может грохнуться. Со всех сторон страсти, нетерпимость и отсутствие положительной

<sup>922</sup> Гольденвейзер А.А. – Ландау Г.А., 9 февраля 1939 года: Там же.

<sup>923</sup> Там же.

<sup>924</sup> Фрумкин Я.Г. – Гольденвейзеру А.А., 11 февраля 1938 года: Gold-4.

<sup>925</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., Париж, 15 мая 1938 года: Там же.

программы. Я не согласен с вами, что газеты не преувеличивают в своих сообщениях из Германии. То, что там происходит, достаточно мерзко, но сообщения, печатаемые из дня в день хотя бы “Посл[едними] Нов[остями]”, состоят по крайней мере в 25 % из пошлых репортерских выдумок. Надлежащей информации даже о русской колонии в Берлине не дается, зато сообщается о том, как у евреев “попросту забирают” имущество и как из концентрационных лагерей (где заключенные неизменно работают в каменоломнях) родные получают наложенным платежом урны с пеплом, и т.п. Да и редакционные статьи по германским, испанским и японским вопросам дышат пристрастием. Читая эти статьи, мне всегда кажется, что я вижу перед собой А.М. Кулишера, с его жестикуляцией и пеной у рта. Он превратился в какого-то анти-Гитлера и мыслит о немцах приблизительно тем же методом, каким Гитлер мыслит о евреях. Немцы для него “расовые предатели”, они во времена австрийского владычества “испортили итальянскую расу” и т.д. Так и чувствуется, что дай таким господам возможность, они бы с наслаждением побросали бомбы над Берлином, а затем заключили бы новый Версальский мир, – который неизбежно через 20 лет привел бы к появлению нового Гитлера»<sup>926</sup>.

Реагируя на высказывания их общего приятеля и коллеги Б.И. Элькина, также сменившего Берлин на Париж и не скрывавшего своей германофобии, Гольденвейзер замечал:

Я боюсь прогневить Бориса Исааковича, но имею дерзость думать, что для человечества было бы лучше, если бы Соед[иненные] Штаты не вмешались в мировую войну, и если бы мир был заключен в 1917 году на началах ничьей в отношении Запада и с присоединением к Германии, в форме держав под ее протекторатом, Польши и рандштатов. Думаю, что Германия все равно демократизировала бы свой внутренний строй, а будучи «насыщенной» она бы перестала быть угрозой миру. Смешно, когда Англия и Франция со своими колониальными империями упрекают немцев в преступном стремлении к мировой гегемонии.

А нынешнее положение в центральной Европе закончится либо дипломатической победой Германии, либо всеобщей войной, которая неминуемо должна повести к всеобщему поражению, обнищанию и вырождению.

Если бы А.М. Кулишер знал, что я пишу такие еретические вещи, то он бы меня собственноручно четвертовал. Но, слава Богу, между нами океан, так что географическое положение защищает меня от его гнева<sup>927</sup>.

Нетрудно заметить, что это – «мюнхенская» психология. В то же время нельзя отказать Гольденвейзеру в проницательности в оценке ближайших перспектив Европы. Вот только сбылись оба его прогноза – и о дипломатической победе Германии, и о войне. Дипломатическая победа Германии, получившей по мюнхенскому соглашению Судетскую область, оказалась не альтернативой, а ступенькой к войне. Сомнения Гольденвейзера в точности газетных репортажей о нацистском терроре (при том что какие-то детали в самом деле могли «не иметь места» в действительности) были в целом напрасными: до «хрустальной ночи» оставалось три месяца, до начала мировой войны – чуть больше года. «Бомбы над Берлином», казавшиеся Гольденвейзеру проявлением оголтелости его сверстника Кулишера (погибшего через четыре года в нацистском концлагере), оказались на самом деле единственным лекарством против коричневой заразы.

Александр Михайлович Кулишер (1890 – 1942), по поводу которого иронизировал Гольденвейзер, правовед, социолог и историк, сотрудник «Последних новостей», кадет и сионист,

<sup>926</sup> Гольденвейзер А.А. – Гершуну Б.Л., 11 августа 1938 года: Там же.

<sup>927</sup> Там же.

по словам Дон-Аминадо «талантливый и неуравновешенный петербургский доцент», был известен также под прозвищем «сумасшедший мулла». «Сумасшедший мулла, – писал все тот же ядовитый Дон-Аминадо, – был человеком в высоком смысле образованным, написал немало объемистых томов по социологии, государствоведению и философии истории. Но, как говорили многочисленные завистники и недоброжелатели, был он не столько историк, сколько истерик... Конец его был страшен: во время немецкого владычества, за какую-то провинность, а может быть и просто нелепость, сумасшедшего муллу забили лагерной плетью, и забили насмерть»<sup>928</sup>.

Гольденвейзер не встретил никакого понимания и у рассудительного и скептического Гершуна. Более того, тот был настроен не менее радикально, нежели Элькин или Кулишер: «По поводу “Последних Новостей”. Из того, что рассказывают приезжающие “оттуда”... видно, что действительность куда более мерзка, чем Вы думаете, и чем изображают “П[оследние] Н[овости]”»<sup>929</sup>.

Газеты сообщали о принятии административных и законодательных актов, касающихся ограничения прав евреев. «Но я и другие имеют сведения о практическом применении этих мер и других, никакими актами не предписанных», – писал Гершун. Он приводил в качестве примера случай с одним евреем-предпринимателем, который предпочел немедленно уехать в Париж (благо и у него, и у жены были французские визы), когда нацисты начали у него выяснять, является ли его дело «арийским», что означало прелюдию к захвату бизнеса и, вполне вероятно, к преследованию его владельца. Поскольку предприниматель получил одновременно вызов в полицию, куда ему предложили явиться с женой и принести паспорта, то он, «понимая лицемерный язык этих негодяев, предпочел в тот же вечер сесть в поезд и приехать с женой в Париж, чтобы никогда при этом режиме не вернуться в Германию. И таких историй сколько угодно», – заключал Гершун. Однако далеко не все из них заканчивались сравнительно благополучно. Ибо потеря имущества или значительной его части, как показало близкое будущее (и как показывало настоящее), была малой бедой.

У знакомых Гершуна арестовали свояченицу, вдову, немолодую женщину-врача, и увезли в гестапо. «Через два дня рано утром сообщили по телефону, что она лишила себя жизни в камере, и просили забрать тело. Ужас в том, что, когда арестовали женщину, ни она, ни ее родные *не смели* [выделено Гершуном. – О.Б.] спросить, в чем дело, и до сих пор не знают, за что она погибла»<sup>930</sup>.

Общая знакомая Гершуна и Гольденвейзера, бывшая проездом в Берлине, стала свидетелем еврейского погрома. Евреев еще не убивали, но избивали на улицах, при полном попустительстве полиции.

Наша знакомая сама видела на Курфюрстендамм, как группы молодежи красками писали Jude, Itzik и т.п. на еврейских магазинах. От моего клиента я знаю, что затем самих евреев заставляли смывать эти надписи (после возмущения в европейской прессе).

А то, что происходит в Австрии? Неужели всего этого мало, чтобы стать анти-Гитлером? Газеты слишком мало и бледно пишут о том, что происходит. Я бы мог Вам исписать целую тетрадь. С каждым годом положение евреев становится в Германии все более и более ужасным. И куда бежать? Ведь теперь из Германии не выпускают! И никуда не впускают. Никто не спорит, что для Германии Гитлер во внешнеполитическом отношении сделал очень многое, и пусть немцы его за это обожают. Но если еврей или культурный

<sup>928</sup> Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути: <http://lib.rin.ru/doc/i/57534p73.html>.

<sup>929</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 5 сентября 1938 года: Gold-4.

<sup>930</sup> Там же.

европеец становится анти-Гитлером, то это совершенно нормально. О том, что Версальский мир был ошибкой, тоже мало кто спорит. Быть может, стоило расчленив Германию и вернуть ее в то состояние, в котором она была в 18-м столетии, балканизировать ее. Прошло бы еще столетие, пока она бы опять сконцентрировалась в один организм, а пока Европа пользовалась бы миром. Впрочем, загадывать трудно, что было бы, если бы... И теперешние успехи Гитлера – большие ошибки Франции и Англии<sup>931</sup>.

Позднее Гершун писал о Париже в дни чехословацкого (мюнхенского) кризиса:

Париж в эти дни опустел. В доме, где мы жили, остались только некоторые мужчины и прислуга. На улице видны были такси и частные автомобили, нагруженные людьми и вещами: все бежало из Парижа. Деловая жизнь остановилась. Картина незабываемая: предвкушение будущей войны. Мобилизация проходила здесь – в Париже – не особенно гладко. Люди оставались кое-где по три дня без крова и пищи. И вдруг... мир. Истерическая радость населения, считавшего войну неизбежной, в сущности начавшейся – благословения, посылаемые Чемберлену, который на несколько дней стал героем. Затем... похмелье. Сознание, что и Франция, и Англия и главным образом Чехословакия стали жертвами блефа и шантажа. И радость омрачилась сознанием стыда и обиды. Теперь Франция не поддастся блефу, вооружается вовсю, но к войне еще далеко не готова. Политика Чемберлена была, конечно, мудра, но есть моменты, когда ум ценнее мудрости. Во Франции молодежь была за войну... А победителем вышел Гитлер, воссоздатель Великой Германии, и это так, как бы англичане и французы ни кусали бы себе пальцы.

А то, что теперь рассказывают беженцы из Германии и Австрии, так ужасно, так невероятно, что не допускаешь мысли, что это возможно. Французские газеты все это замалчивают: роман или [слово нрзб.] флирт с Германией. Английские газеты и общественное мнение не стеснясь резко высказывают свое возмущение. Шахт натолкнулся в Лондоне на такое презрение, какого не ожидал. Чемберлен отказался его принять.

Вот Вам бледная картина тех переживаний, которые нам выпали и выпадают на долю. И каждый день приносит какую-нибудь новую гадость с той стороны Рейна<sup>932</sup>.

Знаменитый адвокат Оскар Грузенберг относительно европейских лидеров был настроен не менее критически, чем Гершун. Он писал Гольденвейзеру из Ниццы:

Как хорошо, что Вы порвали с Европой! Здесь все обнелепилось и охвачено параличом воли, которыми отлично пользуется незанумерованный в списках судимости убийца Гитлер. Когда «дядька Савельич» убеждает Гринева «поцеловать ручку у злодея» (Пугачева), он все же, добавляет: «поцелуй и плюнь!» А тут все целуют взапуски, и никто не сплевывает... Неприятельны стали руководители мировой политики. Ходить за примерами недалеко: гордый лорд едет в стан разбойников молить о мире всего мира, а такой умница, как Рузвельт, шлет пастырское послание: «чада мои! Облобызайте друг друга, а я за благонравие открою всем кредит золотом».

---

<sup>931</sup> Там же.

<sup>932</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 25 декабря 1938 года: Там же.

А Гитлер в ответ: «я конфеток не клюю, не люблю я чаю, – в поле мошек я ловлю, зернышки собираю».

А между тем, стоило бы Рузвельту заговорить грудным голосом «к чорту splendid isolation»<sup>933</sup>! Если разгорится мировой пожар, Америке, все равно, не избежать участия в побоище; я заявляю, что становлюсь на сторону демократий всей нашей мощью». Такой язык для Гитлера понятнее всякого другого, а оробевшим народам он вернул бы мужество<sup>934</sup>.

«Оробевшие народы» в лице Невилла Чемберлена и Жоржа Даладье, однако же, через три дня подписали в Мюнхене соглашение с Гитлером, которое, по их мнению, должно было умиротворить фюрера и предотвратить войну. Это был один из крупнейших просчетов в мировой истории.

Через одиннадцать месяцев началась война.

Гольденвейзера волновало, что происходит во Франции, что с его друзьями, родственниками, коллегами. Война войной, но почта работает, и связь пока не нарушена. «Как Вам живется посреди происшедших катастроф?» – спрашивает он друга и коллегу Михаила Львовича Кантора, обосновавшегося в Виши. И сетует: «Как невыразимо ужасно, что всем приходится опять перестраиваться и начинать жизнь сначала, да еще в таких неблагоприятных условиях. Нужно только надеяться, что здоровый и богато одаренный французский народ скоро найдет себя и наладит новую жизнь, в которой будет место и для сжившихся с ним гостей»<sup>935</sup>.

Вскоре часть «богато одаренного» народа с энтузиазмом примет участие в преследовании евреев, как «своих», так и эмигрантов, а слово «депортация» – эвфемизм уничтожения – станет обиходным. Но этого все еще не представляют не только успевшие перебраться за океан, но и живущие (пока живущие!) в «прекрасной Франции».

В этом же письме – драгоценные сведения о первых «шагах» на американской почве человека, чье творчество уже оправдывало существование русской эмиграции: «Здесь находится Сири́н с семьей. Они были у нас. Хотя он прекрасно знает английский, но пока еще не мог сговориться с издательствами, которые пытаются диктовать автору размер, тему и даже содержание его произведений. С Сириным этот номер не может пройти»<sup>936</sup>.

Более всего Гольденвейзера, как и многих других, беспокоила судьба евреев в оккупированной нацистами Польше: «Есть ли какая-либо возможность снестись с Варшавой и узнать о судьбе людей, там живущих (или живших)? – спрашивал он Фрумкина. – У нас в Варшаве и других польских городах есть много близких людей, и мы в большой тревоге за их судьбу»<sup>937</sup>. Однако из Польши, вскоре ставшей страной гетто, а затем и лагерей смерти, несмотря на отдельные исключения, выбраться было практически невозможно.

В январе 1939 года старый приятель, бывший глава Нансеновского офиса в Берлине Е.А. Фальковский писал из Парижа: «Да, – и в Париже все кишит старыми знакомыми из Берлина, а в Консульстве ежедневно кишит отъезжающими в Америку... доколе же, Господи? Опасаюсь, что сия тяга и из Германии и из Франции *est bien fondée*, но сам уж никуда не тронусь, и часто переживаю ночные ощущения чувство зайца, – сидит заяц под кустом, смерти ждет»<sup>938</sup>.

Однако не все «сидели под кустом». Несмотря на различные препятствия и ограничения, в США продолжали прибывать эмигранты. За две недели в конце ноября – начале декабря

<sup>933</sup> Splendid isolation (англ.) – блестящая изоляция. Речь идет о политике изоляционизма и невмешательства в европейские дела, которой придерживались в то время США.

<sup>934</sup> Грузенберг О.О. – Гольденвейзеру А.А., 27 сентября 1938 года: Gold-4.

<sup>935</sup> Гольденвейзер А.А. – Кантору М.Л., 15 августа 1940 года (в оригинале ошибочно 1930): Gold-6.

<sup>936</sup> Там же.

<sup>937</sup> Гольденвейзер А.А. – Фрумкину Я.Г., 7 декабря 1939 года: Gold-5.

<sup>938</sup> Фальковский Е.А. – Гольденвейзеру А.А., 25 января 1939 года: Там же.

1939 года приехали 3500 эмигрантов из Германии, «особенно много» приехало из Латвии. Очевидно, что рост эмиграции из прибалтийских государств был связан с другой угрозой: введением частей Красной армии на их территорию (хотя и по согласованию с правительствами соответствующих стран), что было ясным сигналом приближающейся советизации региона. Этим объяснялась и метаморфоза, происшедшая с газетой «Сегодня». Не всем прибывшим удавалось сойти на американский берег без проблем. Так, Гольденвейзеру пришлось ездить в Вашингтон и отстаивать в апелляционной инстанции при Министерстве труда интересы «одного виленского врача», застрявшего в эмигрантском «чистилище» – на острове Эллис-Айленд<sup>939</sup>.

Жизнь в Америке разительно отличалась от европейской и продолжала поражать даже повидавшего американские виды Гольденвейзера:

Америка на Рождество сходит с ума, – писал он в конце декабря 1939 года Е.А. Каплуну в Брюссель. – Все делают друг другу подарки. Для примера, приведу Вам две цифры. В здешнем крупнейшем универсальном магазине (Мэси, принадлежащем еврейской семье Страус) за один только день 18 декабря посчитано 272.000 покупателей и 974.000 долларов выручки. Улицы украшены елками и гирляндами. Ходят несметные толпы людей с грудями покупок. Электрические рекламы горят ярче обычного. На днях была премьера фильма, постановка которого обошлась в 4 миллиона долларов. Он идет в двух больших кинотеатрах, в которых средняя цена билета – доллар. Наплыв публики был таков, что на Бродвей на пространстве четырех кварталов пропускали только людей, предъявляющих билеты.

Как видите, дуновение чумы пока не коснулось Америки. Отравлены только наши бездомные эмигрантские души – зато отравлены безнадежно<sup>940</sup>.

Приезжали в США, разумеется, не только русские евреи. «Вы спрашиваете, есть ли у нас знакомые, – писал Гольденвейзер Я.Л. Тейтелю в начале 1939 года. – Боюсь, что становится слишком много. Каждую неделю появляется кто-нибудь новый. На днях объявилась, напр[имер], сестра моего товарища по гимназии Лопухина (сына прокурора Киевской Суд[ебной] Палаты). Она замужем за кн. Трубецким – сыном московского предводителя дворянства Петра Ник[олаевича] Трубецкого. Ни в Киеве, ни в Париже я с ней не встречался, а здесь она пожелала познакомиться с товарищем брата (он расстрелян большевиками), была у нас и пригласила к себе (вернее, к живущей здесь дочери, Татищевой, у которой она гостит). Очень милая дама. И Лопухины, и Трубецкие (сын Евг[ения] Ник[олаевича] Трубецкого также был моим товарищем) – подлинные представители лучшей русской аристократии, из среды которой вышли декабристы и их жены, воспетые Некрасовым»<sup>941</sup>.

«Дважды земляк» – по Киеву и по Берлину, одноклассник по гимназии старшего брата Алексея Гольденвейзера, Александра, Лев Моисеевич Зайцев успел перебраться из Берлина в Брюссель до начала войны. Две недели спустя после нападения Германии на Польшу он задумался о дальнейшем маршруте:

Наша страна нейтральна – сегодня. Визави нашего дома городской плац, где обычно резвятся дети и занимаются спортом молодые люди. Сегодня приехала землечерпалка и начала рыть траншеи – пожалуй, возникнет убежище от воздушных сюрпризов. Рекомендуют также запастись масками. Тут я решил – если на всем континенте – маски, то надо запастись визой

<sup>939</sup> Гольденвейзер А.А. – Фрумкину Я.Г., 7 декабря 1939 года: Там же.

<sup>940</sup> Гольденвейзер А.А. – Каплуну Е.А., 22 декабря 1939 года: Там же.

<sup>941</sup> Гольденвейзер А.А. – Тейтелю Я.Л., б/д [январь 1939 года, датируется по содержанию]: Там же.

на такой континент, где еще масок не надо (?)<sup>942</sup>. Перед моим отъездом из Берлина, один знакомый врач, родом из Каменца, Иосиф Ефимович Шмидт, готовившийся к отъезду в Нью-Йорк, говорил мне, что в августе или сентябре он меня тоже туда «выпишет». Если Вам не трудно, справьтесь, пожалуйста, приехал ли он и если да, то как обстоит с возможностью осуществления «угрозы» о визе. Для Вашего «успокоения» – я предполагаю этой возможностью воспользоваться лишь в крайнем случае, правда, по нынешним временам этот крайний случай может наступить довольно скоро<sup>943</sup>.

Л.М. Зайцев как будто никогда не терял чувства юмора и присутствия духа. Весной следующего, 1940 года он писал, все еще из Брюсселя: «Слышали ли Вы что-нибудь о Шмидте (не черноморском, а каменец-подольском), которого ждал в Америке г. Нидельбом? Мне было бы приятно слышать, что он в числе прочих “жаргонавтов со Шнормандии”<sup>944</sup> благополучно причалил к американским берегам». Зайцев интересовался различными людьми и институтами в Америке, завершая свое письмо следующим пассажем: «Засыпал уже Вас вопросами, а вот неизбежен еще один: при каких обстоятельствах может до меня дойти Ваш ответ? Будем все же надеяться, что в этом лучшем из миров все всегда к наилучшему»<sup>945</sup>.

В Брюсселе, несмотря на сравнительно скромные масштабы русско-еврейской колонии, действовал еврейский клуб и, несмотря на войну (правда, пока не затронувшую Бельгию непосредственно), продолжалась культурная жизнь. Так, в апреле 1940 года в еврейском клубе был прочитан доклад о поэзии Саула Черниховского, собравший человек пятнадцать слушателей<sup>946</sup>.

Зайцев сообщал о настроениях своих родственников в Латвии, собравшихся уезжать в США: «Наши все еще сидят на месте и вопят о всяческого рода интервенциях. Сейчас задержка с номерами русской квоты, ожидаемыми из Риги. Надеюсь, что в скорости удастся и с этим препятствием справиться и что они в недалеком будущем уплывут в Новый Свет, усердно пополняемый старыми евреями. ... Что нам принесет наступивший на днях “старорежимный” русский Новый год? Будет ли нам от него какой-нибудь толк? С тех пор, что мы с Вами не виделись, я потерял значительную долю моего, казалось, неизменно-легкомысленного оптимизма»<sup>947</sup>. Родственники «вопили» об интервенциях не зря. В июне 1940 года Латвия вошла в состав СССР. Неизвестно, успели ли они уехать.

Сам Зайцев успел избежать встречи с германскими войсками, растоптавшими нейтралитет Бельгии; он уехал во Францию, армия которой вскоре также была разгромлена, и обосновался в свободной зоне на юге. В декабре 1940 года он писал Гольденвейзеру из Ниццы в своем «фирменном» ироничном стиле: «Занимаясь исследованиями в области исторических событий нового времени, я пришел к заключению, что 10 декабря Вам исполняется пятьдесят лет. Памятуя, что много, много лет тому назад Вы не упустили okazji, при аналогичном случае, напомнить мне о таком же возрасте, беру “реванш” и на сей раз шлю к Вашему приближающемуся полувековому юбилею мои сердечные приветствия и душевные благопожелания»<sup>948</sup>.

Американскую визу Зайцев, благодаря хлопотам Гольденвейзера, получил ранней весной 1941 года<sup>949</sup>. А 3 октября того же года Гольденвейзер сообщал их общему знакомому Б.И.

<sup>942</sup> Знак вопроса принадлежит автору письма.

<sup>943</sup> Зайцев Л.М. – Гольденвейзеру А.А., 15 сентября 1939 года: Gold-5.

<sup>944</sup> Первый неологизм обыгрывает обиходное название идиша – «жаргон», второй – еврейское слово «шнорер» (*идиш*) – «попрошайка», «нищий».

<sup>945</sup> Зайцев Л.М. – Гольденвейзеру А.А., 15 апреля 1940 года: Gold-6.

<sup>946</sup> Там же.

<sup>947</sup> Зайцев Л.М. – Гольденвейзеру А.А., 16 января 1940 года: Там же.

<sup>948</sup> Зайцев Л.М. – Гольденвейзеру А.А., 13 декабря 1940 г.: Там же.

<sup>949</sup> Зайцев Л.М. – Гольденвейзеру А.А., 22 марта 1941 года: Gold-7.

Элькину: «На днях появился на нашем горизонте Л.М. Зайцев – как всегда, невозмутимый и скептически настроенный»<sup>950</sup>.

Хлопоты о визах, об устройстве жизни и быта сопровождались обсуждением происходящего, оценками перспектив развития современного мира. Если бы эмигранты перестали обсуждать политические вопросы – они перестали бы быть политическими эмигрантами. И хотя эмигрантская «политика» была чаще всего платонической – в том смысле, что ни на что их рассуждения, заявления или протесты, как правило, не влияли, – все же они не переставали следить за тем, что происходило в Европе, и пытались понять, что будет происходить в России.

Весьма интересна оценка эмигрантами международного положения и перспектив, ожидающих Европу, в особенности Германию и Советский Союз. Гольденвейзер был сторонником скорейшего заключения мира, в чем не было особой оригинальности, но в отличие от большинства русско-еврейских эмигрантов не считал необходимым уничтожение гитлеризма силовым путем. «Победить гитлеризм насилием, т.е. тем же гитлеризмом, невозможно, – писал он в начале декабря 1939 года А.Д. Марголину, бывшему петлюровскому дипломату, в ответ на его записку о перспективах. – Я говорю это не по толстовству, а по совершенно трезвым и реальным соображениям, отчасти основанным на опыте прошлой войны и прошлого мира»<sup>951</sup>.

Гольденвейзер считал опасным лозунг «война до победного конца», ссылаясь на опыт франко-прусской (1870 – 1871) и Первой мировой войн (1914 – 1918). Франкфуртский мир (1871), так же как и Версальский (1919), несли в себе зерна будущей войны. В общем, это была вариация на тему высказывания Жоржа Клемансо о том, что победители всегда свою победу проигрывают. Правда, это не помешало автору приведенного афоризма сделать максимум возможного для ослабления и унижения Германии в Версале. Идеальным решением Гольденвейзеру казалось завершение войны «вничью» при посредничестве нейтральных государств, в чем он сходил с Марголиным. Соглашался он с Марголиным и в том, что «продолжение нынешней войны поведет лишь к усилению коммунизма».

Совершенно точными оказались прогнозы Марголина и Гольденвейзера относительно ближайших событий. Они были согласны в том, что Гитлер и Муссолини столкнутся в разделе Балканских стран, а Сталин «не пошлет войска в глубину Балканского полуострова и удовлетворится участием в разделе Румынии». Любопытно, что Гольденвейзер считал «возвращение Бессарабии, Трансильвании и Добруджи прежним хозяевам... во всех отношениях желательным и оправданным. Эти области были присоединены к Румынии без тени основания – исключительно в награду за то, что она в 1916 году объявила Германии войну и была немедленно самым позорным образом разбита»<sup>952</sup>.

Не вдаваясь в подробности спора между Марголиным и Гольденвейзером, остановимся на некоторых наиболее интересных моментах. Во-первых, Гольденвейзер не верил в скорое крушение советского строя: «В России пока незаметно никаких признаков, которые давали бы основание ожидать этого. Ни опасного для режима напряжения, ни, тем менее, истощения ресурсов – материальных и нервных – там не видно. Сталин осторожен и беспринципен и, надо полагать, сумеет вовремя остановиться, если бы такие признаки начали обнаруживаться»<sup>953</sup>.

Во-вторых, Гольденвейзер не сочувствовал плану Марголина передать на рассмотрение будущей мирной конференции вопрос о национально-территориальном устройстве России. Согласно плану Марголина, конференция или специально уполномоченный ею орган («международный трибунал») должны были заслушать представителей народов России (т.е. Советского Союза) и принять соответствующие решения. «В переводе на язык трезвой действительности

<sup>950</sup> Гольденвейзер А.А. – Элькину Б.И., 3 октября 1941 года: Там же.

<sup>951</sup> Гольденвейзер А.А. – Марголину А.Д., 6 декабря 1939 года: Gold-5.

<sup>952</sup> Там же.

<sup>953</sup> Там же.

сти, – писал Гольденвейзер, принимавший участие в работе или наблюдавший работу международных организаций по беженскому вопросу и потому представлявший, какой характер может носить работа проектируемого «международного трибунала», – это значит, что более или менее самозванные делегаты от неопределенного количества этнических групп будут хватать за фалды влиятельных членов конференции, не имеющих ни малейшего представления о вопросе, и что решение будет принято под влиянием торговли, интриг и пристрастий. Национальный вопрос в России должен быть разрешен в порядке внутреннего сговора, а не состязательного процесса пред некомпетентным трибуналом, состоящим из иностранцев»<sup>954</sup>.

Рассуждая о необходимости заключения мира «вничью», Гольденвейзер не мог обойти основного вопроса: возможен ли прочный мир с Гитлером и Сталиным? «Гитлер – жуликоватый маньяк. Но если всякий умственно-нормальный жулик, заработав достаточный капитал, обычно приходит к убеждению, что ему выгодно перестать жульничать и приобрести репутацию солидного коммерсанта, – жулик маниакальный всегда останется жуликом. Сталин – не столько жулик, сколько разбойник, притом также не вполне психически уравновешенный (подозрительность и мстительность, носящая характер мании преследования). Это также неважный компаньон и ненадежный гарант будущего мира. А как избавиться от этих господ, раз их собственные народы отнюдь не желают их свергать и призывать им на смену добродетельных эмигрантов?.. Неужели необходимо убить достаточное количество русских и немцев, чтобы оставшиеся в живых убедились в том, что следует свергнуть свое правительство и отдать свою судьбу на милость победителей?..»<sup>955</sup>

После разгрома Франции Гольденвейзер стал, похоже, главным адресатом просьб от самых разных людей из Европы. Просьбы сводились к одному: помочь перебраться в Америку. Объем переписки, которую он вел, вырос в разы. Объем хлопот – в десятки раз. Новоприбывший и неустроенный иммигрант оказался в завидном положении по сравнению со своими коллегами и друзьями в Европе. И стал для многих если не единственной, то весьма серьезной надеждой на помощь в исходе из Европы, ставшей неуютным местом для жизни вообще, а для евреев – в особенности.

«For the time being»<sup>956</sup>, Гитлер – гегемон Европы. И нашему брату делать в Европе нечего. Надо убраться. Это – серьезно. И мы думаем об этом», – писал Б.И. Элькин 22 июня 1940 года, в день капитуляции Франции, из Эвешема (близ Оксфорда). И мрачно добавлял: «От друзей во Франции еще на прошлой неделе были письма. Больше не будет»<sup>957</sup>.

Б.М. Кадер, выражая благодарность Гольденвейзеру за помощь в издании его пьесы<sup>958</sup>, писал: «В одном из моих юмористических фельетонов я бился в заклад (так!) и предложил фантастическую сумму тому, кто покажет мне письмо еврея, к еврею адресованное, в котором не содержалась бы просьба, если не в самом письме, то хоть в *post scriptum*'е или в *p.p.s.* Я утверждал тогда, что таких писем нет, природа их еще не создала! Попадись же тогда настоящее мое письмо к Вам в чужие руки, я бы мою “фантастическую” сумму проиграл...»<sup>959</sup>

Этот забавный пассаж очень точно отражает основное содержание писем к Гольденвейзеру из Европы конца 1930-х – начала 1940-х годов. Вот только обстоятельства, вынуждавшие

<sup>954</sup> Там же.

<sup>955</sup> Там же.

<sup>956</sup> For the time being (*англ.*) – пока что.

<sup>957</sup> Элькин Б.И. – Гольденвейзеру А.А., 22 июня 1940 года: Gold-36.

<sup>958</sup> Кадер Борис Маркович (1882 – 1958) – литератор, юрист. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В начале 1920-х годов жил на Кавказе, в 1925 – 1937 годах – в Германии. Переехал в Чикаго, работал библиотекарем. Писал на идише, русском, немецком и английском языках. Автор множества статей о еврейском театре. В 1921 году, живя в Баку, опубликовал пьесу «Лайднде нешомес» («Страдающие души», поставлена под названием «Против течения»). В 1939 году в Чикаго была издана его пьеса «Ди вахунг» («Пробуждение»).

<sup>959</sup> Кадер Б.М. – Гольденвейзеру А.А., 30 марта 1939 года: Gold-5.

часто малознакомых людей обращаться к нему с трудновыполнимыми просьбами, были совсем не забавными.

Следует учитывать, что Гольденвейзер все еще был «ником» – не занимал никаких, даже общественных постов, а его опыт собственного обустройства в Соединенных Штатах был не слишком вдохновляющим. Тем не менее он выжимал максимум возможного из уже сложившихся связей, стучался во все двери, за которыми находились те, кто как-то мог помочь русско-еврейским эмигрантам в Европе. Следует иметь в виду, что в 1940 году было достаточно понятно, что евреям в странах, оккупированных нацистами, угрожает опасность. Однако большинство все-таки не признавало, что эта опасность – смертельная.

Русские беженцы имели некоторое преимущество по сравнению с другими, желающими эмигрировать в США. На руку эмигрантам сыграла закрытость Советского Союза и невозможность для советских граждан выехать из страны. США, страна иммигрантов, предоставляли право (разумеется, в пределах квоты) обосноваться в стране выходцам из других стран. При этом на каждую страну выделялось определенное число мест. Соблюдался принцип разнообразия и пропорционального «представительства». При этом происхождение того или иного потенциального иммигранта определялось *по месту рождения*. Таким образом, квота, которая теоретически должна была быть «советской», заполнялась русскими беженцами. Беженцами от советской власти, ставшими теперь дважды беженцами.

При этом беженцы обязаны были предоставить финансовые гарантии, как правило от двух граждан США (аффидевиты). Существовал и еще один способ получить право на въезд в Соединенные Штаты, кроме представления аффидевитов. Кто-то (или сам потенциальный иммигрант) мог внести на его имя определенную сумму в американский банк, с тем чтобы внесенная сумма могла равными долями выдаваться «новому американцу» в течение трех лет. Сумма должна была быть достаточной, чтобы обеспечить существование иммигранта. Например, можно было внести \$7500, с тем чтобы лицо, на чье имя была внесена сумма, могло получать по \$2500 ежегодно в течение трех лет. Твердо установленной суммы не было, в каждом конкретном случае вопрос о размере «залога» решал американский консул<sup>960</sup>.

Существовали еще некоторые, хотя распространявшиеся на ограниченный круг лиц пути получения американской визы. Во-первых, по специальной квоте для известных ученых; во-вторых, по инициативе американских рабочих организаций в чрезвычайном порядке были выданы визы группе левых политических деятелей, чья жизнь была под угрозой при нацистском режиме (по этой квоте получили визы не только «чистые» политики; таким образом получил визу, к примеру, писатель М.А. Алданов; впрочем, он ко всему продолжал числиться членом партии народных социалистов); в-третьих, при Государственном департаменте по инициативе группы американских общественных деятелей был создан комитет по спасению тех лиц, которым угрожала непосредственная опасность («Эмерженси Рескью Комити»). От лиц этой категории все же требовалось наряду с рекомендациями «морально-политического характера» предоставление аффидевита. Разница, однако, заключалась в том, что виза предоставлялась по телеграмме Госдепартамента и, соответственно, распоряжение Госдепа было обязательным для консулов. Виза предоставлялась без указания срока – имелось в виду, что сроком ее окончания явится окончание войны. Гольденвейзер «принял к производству» дело о предоставлении виз по этой категории целому ряду лиц, «прикосновенных» к еврейским общественным организациям. Список этих лиц с сопроводительным письмом был ему прислан из Виши, за подписями видных еврейских общественных деятелей Л.М. Брамсона, Ю.Д. Бруцкуса и М.А. Кроля. Надо заметить, что ранней осенью 1940 года выдача виз по запросу Американ-

<sup>960</sup> Гольденвейзер А.А. – Вольфсон Э.С., 24 июля 1940 года: Gold-6.

ского рабочего комитета была уже прекращена, так что «окно возможностей» для эмиграции в США несколько сузилось<sup>961</sup>.

Инициатором выдачи виз в экстраординарном порядке российским социалистам выступил Еврейский рабочий комитет, который нью-йоркские меньшевики и эсеры убедили в необходимости принять экстренные меры. Еврейский рабочий комитет, в свою очередь, обратился к председателю Американской федерации труда (крупнейшей профсоюзной организации) Уильяму Грину, а тот – к президенту Рузвельту. По распоряжению Рузвельта были выданы в чрезвычайном порядке визы по спискам, представленным Еврейским рабочим комитетом. В списки были включены и евреи, и неевреи вместе с семьями, причем не все члены семей были даже перечислены по именам. Выдача виз действительно проводилась в экстраординарном порядке: американский консул не требовал даже представления паспорта или свидетельства о рождении. Было достаточно предъявить любой документ, удостоверяющий, что данное лицо носит имя, значащееся в телеграмме Госдепартамента от 6 июля 1940 года<sup>962</sup>.

Среди тех, кто прибыл в Нью-Йорк на пароходе «Новая Эллада», вышедшем из Лиссабона 13 октября 1940 года, был эсер, секретарь Учредительного собрания и один из редакторов знаменитых «Современных записок» Марк Вениаминович Вишняк. По его воспоминаниям,

власти и друзья, многим из нас неизвестные даже по имени, встретили нас очень дружелюбно. Большинство приехавших не располагало никакими средствами и не имело в Нью-Йорке ни родных, ни близких друзей. Для них предупредительно сняли комнаты, которым постарались придать уют, приукрасив цветами и заготовив фрукты. Новоселов снабдили и некоторой суммой денег, пополняемых в определенные сроки. Средства были, конечно, очень ограничены, и жизнь далеко не «роскошная». Но сделано было, что было возможно и, во всяком случае, больше того, на что приезжие рассчитывали. Возникло даже соревнование между общественными учреждениями в желании оказать материальную помощь прибывшим.

Как правило, это брал на себя Еврейский Рабочий Комитет, который добыл внеочередные разрешения для въезда в США и был главным посредником по доставке в Америку нас, предшествующей нам и последующих партий, в которых преобладали евреи, но было немало и неевреев. В нашей партии оказалась дочь еврея и православной. Представительница Толстовского комитета предложила ей помощь своего Комитета, если она чувствует или осознает себя православной. Приехавшая предпочла помощь Еврейского комитета, мотивируя свое решение желанием не разлучаться с родителями<sup>963</sup>.

В августе 1940 года Гольденвейзер писал известному социологу Георгию Давидовичу Гурвичу, вступившему во французскую армию, оказавшемуся после капитуляции и демобилизации в Клермон-Ферране и стремившемуся перебраться в США: «Тяжело, что приходится начинать жизнь наново, но это судьба всей русской эмиграции. Не сомневаюсь в том, что Вы с Вашими дарованиями, репутацией и энергией скорее кого-либо другого станете опять на рельсы. Само собой разумеется, что я сделаю все возможное и невозможное, чтобы помочь Вам»<sup>964</sup>.

«Технология» хлопот выглядела следующим образом: общий знакомый, некто Эстрин, должен был написать русским эмигрантам В.С. Войтинскому и П.А. Сорокину, утвердившимся в американском научном мире (Питирим Сорокин основал кафедру социологии в Гарвард-

<sup>961</sup> Гольденвейзер А.А. – Зайцеву Л.М., 11 сентября 1940 года: Там же.

<sup>962</sup> Вишняк М. Годы эмиграции 1919 – 1969. Париж – Нью-Йорк: Воспоминания. СПб.: ФормаТ, 2005. С. 215 – 217.

<sup>963</sup> Там же. С. 233 – 234.

<sup>964</sup> Гольденвейзер А.А. – Гурвичу Г.Д., 21 августа 1940 года: Gold-6.

ском университете). Гольденвейзер написал письмо о научных заслугах Гурвича профессору Фрэнку Кингдону, президенту университета Ньюарка (штат Нью-Йорк) и председателю комитета Экстренной помощи европейским ученым (Emergency Committee for the Relief of European Intellectuals) и намеревался написать «одному немцу» – профессору Школы социальных наук в Нью-Йорке, с тем чтобы Гурвич был приглашен для чтения лекций. По мнению Гольденвейзера, существовали два пути обретения Гурвичем американской визы: получить приглашение на должность профессора в один из университетов, что дало бы ему право на «внеквотную» визу, или же получить приглашение прочесть несколько лекций или докладов, что позволяло претендовать на временную визу. «По умолчанию» предполагалось, что временная виза рано или поздно станет постоянной. «Откровенно говоря, – писал Гольденвейзер, – и того и другого очень трудно добиться. Здесь теперь столько европейских ученых и писателей с большими именами, что приглашение еще одного заслуженного человека науки не вызывает особого энтузиазма».

В письме Фрэнку Кингдону Гольденвейзер просил о содействии в приглашении Гурвича для чтения лекций, причем сообщал, что тот в соответствии с законом правительства Пет-эна от 18 июля 1940 года как натурализованный гражданин Франции был уволен с должности профессора Страсбургского университета, которую занимал пять или шесть лет. «Национальная революция» правительства Виши начинала приносить свои первые «плоды». Гурвич «не имеет никакой возможности найти работу во Франции и не имеет средств к существованию», – писал Гольденвейзер. В подкрепление своей просьбы Гольденвейзер приводил внушительный список американских ученых, которые могли бы дать рекомендации Гурвичу, включая профессоров Гарвардского (в том числе Питирима Сорокина) и Колумбийского университетов, Университета Пенсильвании и некоторых других, а также внушительный список монографий, вышедших в основном на французском, а также на немецком и русском языках. В годы эмиграции Гурвич преподавал право, социологию и философию в Берлине, Праге, Париже (в том числе в Сорбонне), Бордо и Страсбурге. Он к тому же редактировал французский журнал «Архив социологии права» и был генеральным секретарем Международного института социологии права<sup>965</sup>.

«Одному немцу», профессору Новой школы социальных наук А. Саломону, Гольденвейзер отправил письмо аналогичного содержания по-немецки на следующий же день, 22 августа. «Проблема Гурвича», социолога с мировым именем, была довольно скоро успешно решена. Он получил приглашение Новой школы социальных наук (New School for Social Research<sup>966</sup>). Финансировал создание позиций для новых профессоров в значительной степени Фонд Рокфеллера. В создании Школы принимал в свое время участие старший брат Алексея Гольденвейзера – профессор-антрополог Александр Гольденвейзер, скончавшийся 6 июля 1940 года. Как разъяснял Гурвичу Алексей Гольденвейзер, Новая школа чем-то походила на Университет Шанявского в Москве и была основана «как прибежище для прогрессивной профессуры, которой было неуютно в Колумбии [т.е. Колумбийском университете] под ферулой Батлера и толстосумов-жертвователей»<sup>967</sup>.

На Гольденвейзера легли хлопоты по организационной части – он ездил в Новую школу для оформления бумаг по приглашению Гурвича, консультировал его по «механике» получе-

<sup>965</sup> Alexis Goldenweiser – Frank Kingdon, August 19, 1940 года: Там же.

<sup>966</sup> Новая школа социальных наук была основана в 1919 году группой левых профессоров, недовольных политикой, проводившейся руководством Колумбийского университета. Среди основателей были знаменитые ученые – историк Чарлз Бирд, экономист Торстен Веблен, философ Джон Дьюи и некоторые другие. В 1933 году при Школе был основан Университет в изгнании, специально предназначенный для ученых, вынужденных покинуть фашистскую Италию и нацистскую Германию. Среди сотрудников Университета в изгнании (впоследствии носившего другие имена и игравшего роль докторантуры) были, к примеру, Эрих Фромм и Ханна Арендт. См. подробнее: *P.M. Rutkoff; W.B. Scott. New School: a History of the New School for Social Research. New York: Free Press, 1986.*

<sup>967</sup> Гольденвейзер А.А. – Гурвичу Г.Д., 23 сентября 1940 года: Gold-6.

ния визы, выслал программу Новой школы и т.п. Эти хлопоты, судя по всему, не были ему в тягость:

Мы бесконечно рады, что Вы будете жить в Нью-Йорке и что мы таким образом снова окажемся в одном городе. Рекомендуем Вам поселиться в нашем районе. Это приятный для жизни «картье», возле чудесной набережной Гудзона (Риверсайд-Драйв). Сообщение с Нью-Скуль удобное (минут двадцать езды по прямому подземному экспрессу). Кроме того, здесь же находится Колумбия, в богатейшей библиотеке которой Вам, наверное, придется работать.

Если Вы сообщите нам, каким пароходом, и какого числа Вы приезжаете, то мы Вас встретим. Можем нанять для Вас меблированную квартиру (две комнаты с «китченет») – по понедельно или помесечно<sup>968</sup>.

13 октября 1940 года Гурвич с женой на той же «Новой Эллад», что и Вишняк, прибыли в Нью-Йорк. В 1941 году Гурвич принимал участие в создании в Нью-Йорке при Новой школе, но под патронажем правительства свободной Франции *École libre des Hautes Études* и возглавил созданный при Свободной высшей школе Французский институт социологии. Основной темой исследований и дискуссий в институте были проблемы устройства послевоенной Франции. В 1944/1945 учебном году Гурвич читал курс социологии знания в Гарвардском университете<sup>969</sup>.

В письме к Гурвичу от 21 августа 1940 года Гольденвейзер коснулся и своих дел, которые шли не слишком успешно: «О себе мне писать нет большой охоты. И дела, и настроение, и здоровье – ниже всякой критики. Наша вторичная эмиграция сложилась чрезвычайно неудачно, и я не знаю, выберемся ли мы когда-либо на какую-либо дорогу. Однако жалеть об отъезде из Европы, очевидно, не приходится, и жаловаться на свою судьбу при данных обстоятельствах стыдно»<sup>970</sup>.

Среди других просьб Гольденвейзер получил запрос от И.М. Бикермана. Тот просил не о себе, о своем сыне – историке древнего мира Илье (Элиасе) Бикермане, который после прихода к власти нацистов был вынужден оставить Берлин, однако легко получил работу в Сорбонне. «Все было бы хорошо, – писал Бикерман-старший, – да теперь в Париже распоряжаются те, которые заставили его оставить Берлин. Приходится думать о новом месте жительства, а мир стал малым: некуда деться, как только в С. Штаты». Отец, говоря о том, что его сын «в ученом мире пользуется большой известностью»<sup>971</sup>, не преувеличивал достоинств последнего – Бикерман-младший был в самом деле историком выдающимся. Ему удалось перебраться в США, где он стал профессором ряда университетов, в том числе Колумбийского, и написал свои главные труды<sup>972</sup>.

Разгром Франции, потеря связи с родными (на юг Франции бежали две его родные сестры и шурин, брат жены, Илья Львович Гинзбург) и друзьями, конечно, отравляли жизнь Гольденвейзеру. Вдобавок он не слишком понимал, что на самом деле происходит в Европе, и не очень доверял сообщениям газет. «Тревожно и мучительно то, – писал он Самуилу Иосифо-

<sup>968</sup> Там же.

<sup>969</sup> См. подробнее: *Дойков Ю.В.* Георгий Гурвич – социолог-эмигрант первой волны: [http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/06/24/0000214098/18\\_Dojkov.pdf](http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/06/24/0000214098/18_Dojkov.pdf).

<sup>970</sup> Гольденвейзер А.А. – Гурвичу Г.Д., 21 августа 1940 года: Gold-6.

<sup>971</sup> Бикерман И.М. – Гольденвейзеру А.А., 14 августа 1940 года: Там же.

<sup>972</sup> Бикерман Илья Иосифович (Элиас-Йосеф) (1897 – 1981), учился в Петроградском (у академика М.И. Ростовцева) и Берлинском университетах, в 1916 – 1918 годах служил в русской армии (закончил школу прапорщиков). В 1922 – 1934 годах – в Берлине, в 1934–1940 годах – в Париже; в 1942 году, после смерти отца, переехал в США. Преподавал в Новой школе социальных наук в Нью-Йорке, Университете иудаизма в Лос-Анджелесе, в 1952 – 1967 годах. – профессор Колумбийского университета, с 1967 года – профессор Еврейской теологической семинарии в Нью-Йорке. Автор классических работ по истории эллинизма, библеистике и ранней еврейской истории. Умер в Израиле.

вичу Доброму в Лондон, – что невозможно узнать правду. При бесподобной технике информации, содержание ее осталось на том же уровне, каким оно было в прошлую войну, а может быть и того хуже. Ведь теперь пропаганде придают еще больше значения, чем когда-либо»<sup>973</sup>.

Русские евреи, которым посчастливилось добраться до Нового Света, устраивались здесь очень по-разному.

По приезде в Америку литератор Б.М. Кадер понял, что прокормиться там (во всяком случае, в Чикаго) литературным трудом невозможно: «Иное дело, если имеешь коммерческую жилку и некоторую поддержку к тому же. Мой университетский товарищ Альберт Григорьевич Рубинштейн, которого Вы знаете из Берлина, устроился здесь, слава Богу, более или менее. Он уже два года здесь. Он является представителем русских конфектных [так!] фабрик в Эстони и Нью-Йорке, имеет ауто, ездит по городу, принимает заказы, доставляет товар на своей машине, на которой сам ездит, и надеется развить это дело, что оно даст на жизнь (making living). Его семья (жена и двое детей) уже здесь 8 месяцев и дочку успел уже выдать замуж за русского еврея из Берлина. Рубинштейн просил меня кланяться Вам»<sup>974</sup>. В общем, Кадеру было в Чикаго, да и вообще в Америке, «тоскливо, одиноко и пусто...»<sup>975</sup>

Некий Александр Н. Фишман, очевидно, адвокат, но имевший вдобавок собственный бизнес (из контекста переписки неясно, какой именно), писал Гольденвейзеру в феврале 1938 года в ответ на уведомление о его новом местопребывании: «Мне самому приходится вот уж в который раз начинать “новую жизнь” как Вам известно, здесь, в Лос Анжелес [так!], где у меня имеется деловое предприятие. Живу я под Лос Анжелес, в 18 милях в местности называемой Пасифик Палисэдс – здешней Ривьере, у самого берега моря. Здесь изумительно красиво и чудный климат. Сейчас, в самое холодное время года, за исключением нескольких дождливых дней за весь сезон, на солнце жарко и на открытом воздухе цветут розы»<sup>976</sup>.

Служебный адрес Фишмана выглядел тоже вполне респектабельно – знаменитый бульвар Сансет (Sunset Boulevard) в Лос-Анджелесе. Гольденвейзер, видимо, оказал Фишману немало-важные услуги, ибо они с женой подняли вопрос о «маленьком бонусе» вновь прибывшему за «безупречное и ретивое ведение дел наследства». Фишман был чрезвычайно любезен, приглашал Гольденвейзера прокатиться летом в Калифорнию и предлагал ему всяческое содействие. До получения американского гражданства заниматься адвокатской практикой юристы-иммигранты не имели права. Поэтому приходилось идти на всякие ухищрения, впрочем, довольно несложные. «Технология» того, как можно было обойти это препятствие, видна из цитированного выше письма Фишмана: «Какую деятельность, – спрашивал он Гольденвейзера, – Вы имеете в виду развить здесь? Работаете ли Вы самостоятельно или Вам удалось присоединиться к какому-либо кабинету? Сообщите мне, т.к. возможны какие-нибудь дела. Я кооперирую здесь с одним кабинетом, в который входит один мой шанхайский приятель, американский судья и адвокат, честнейшей марки человек и если у Вас встретится надобность – смогу по мере сил и возможности оказать Вам всяческое содействие»<sup>977</sup>.

«Многие из беженцев пытаются заниматься недвижимостями, – информировал Гольденвейзер А.Ю. Эфроса в июле 1939 года. – Это дело здесь довольно спекулятивное, но так как цены в данное время низкие, то многие рассчитывают на хорошие заработки. Жить в качестве рантье здесь трудно, так как деньги приносят минимальный доход. Тем не менее, многие

<sup>973</sup> Гольденвейзер А.А. – Доброму С.И., 17 августа 1940 года: Gold-6.

<sup>974</sup> Кадер Б.М. – Гольденвейзеру А.А., 13 ноября 1938 года: Gold-4.

<sup>975</sup> Там же.

<sup>976</sup> Фишман А.Н. – Гольденвейзеру А.А., 15 февраля 1938 года: Там же.

<sup>977</sup> Там же.

состоятельные люди, боясь возможных осложнений в Европе, переводят сюда свои капиталы из Парижа, Лондона и даже из Швейцарии»<sup>978</sup>.

Среди эмигрантов встречались люди состоятельные и вполне успешные. Одним из таких был Александр Александрович Левенсон, изобретатель и предприниматель. Он запатентовал новые способы производства пергаментной бумаги для упаковки масла и других жиров и искусственных кишок для колбас. В Вене он построил фабрику для производства соответствующей упаковки, продал права на производство пергаментной бумаги и искусственных кишок в Германию, Италию, Польшу и Югославию. Левенсон с семьей (женой и сыном) после аншлюса Австрии уехал в Швейцарию, где основал фирму, за которой и закрепил права на свои изобретения. Таким образом, он был в безопасности и «при деньгах». Однако его волновало то, что его 15-летний сын не имеет гражданства, а в Швейцарии с ее строгими в отношении эмигрантов законами получить гражданство было крайне затруднительно. Это был главный мотив, побуждавший его перебраться за океан.

По-видимому, Левенсон был одним из тех клиентов, которые обеспечивали Гольденвейзеру заработок. Юристу пришлось заниматься его делами: от получения аффидевита до поиска приличного, но не слишком дорогого жилья в Нью-Йорке. Немаловажное значение имело то, что Левенсона Гольденвейзеру рекомендовал Я.Л. Тейтель. Планы у Левенсона были если не грандиозные, то уж во всяком случае серьезные: «По приезде в Америку хочу реализовать свои права [на изобретения. – О.Б.] там, – как в Соединенных Штатах, так и в Южной и Центральной Америке. Возможно, что до отъезда перейму для эксплуатации в Америке еще ряд изобретений»<sup>979</sup>.

Гольденвейзер оказался далеко не профаном в деловых вопросах, включая производство искусственных кишок. Его клиент Брайнос был владельцем аналогичной фабрики в Берлине, и по его поручению Гольденвейзер в 1936 году изучал вопрос о состоянии этого дела в Америке. «Здесь существуют громадные предприятия, изготавливающие этот продукт, и лансировать<sup>980</sup> новую марку очень нелегко, – предупреждал он Левенсона, заключая, впрочем: – Но конечно и рынок здесь громадный»<sup>981</sup>.

Гольденвейзер советовал Левенсону использовать в США принадлежащий ему патент на рекламу с часами на почтовых ящиках: «Здесь громадное количество ящиков (почти на каждом углу) и – странным образом – почти нет уличных часов. Поэтому, с точки зрения обывателя, распространение здесь этих реклам было бы очень полезным»<sup>982</sup>.

Конечно, для состоятельного человека получить право на иммиграцию в США было намного проще. Несмотря на некоторые сложности, в начале августа 1939 года Левенсоны прибыли в Нью-Йорк. Нам неизвестно, чем занялся Левенсон по приезде, однако вряд ли можно сомневаться в том, что человек с его деловой хваткой и некоторым первоначальным капиталом не пропал в новой стране.

Письма Гольденвейзера, пожалуй, единственная в своем роде хроника возникновения «русского Нью-Йорка», в силу специфических обстоятельств бывшего поначалу преимущественно русско-еврейским. Число берлинцев, прибывающих в Нью-Йорк, непрерывно увеличивалось. В июле 1939 года Гольденвейзер информировал Фрумкина о некоторых из них: «Розенталь очень быстро освоился с обстановкой и открывает с двумя компаньонами бюро.

<sup>978</sup> Гольденвейзер А.А. – Эфросу А.Ю., 10 июля 1939 года: Gold-5.

<sup>979</sup> Левенсон А.А. – Гольденвейзеру А.А., 30 января 1939 года: Там же.

<sup>980</sup> Лансировать (от *франц.* lancer, буквально: бросить) – пускать в оборот, распространять в публике с какой-либо целью.

<sup>981</sup> Гольденвейзер А.А. – Левенсону А.А., без даты: Gold-5.

<sup>982</sup> Там же.

Приехал вчера А.Г. Левенсон. Не реже, чем каждую неделю появляется кто-нибудь “по русской квоте”»<sup>983</sup>.

В том же месяце Гольденвейзер сообщал А.Ю. Эфросу об уже приехавших или прибывающих вскоре на берега Гудзона общих знакомых. Среди них были Будневич, Койфман, Баш, С.М. Коган, А.Г. Левенсон, М.Я. Розенталь, Д.Н. Григорович-Барский<sup>984</sup>.

В августе 1940 года «летописец», еще не ведающий, что он пишет историю, сообщает М.Л. Кантору о возвращении А.Ф. Керенского «со своей новой женой», интересуется известиями из Латвии и Эстонии, только что ставшими «советскими» со всеми вытекающими для русских эмигрантов последствиями. В Нью-Йорке находился Я. Брамс, «бывший издатель бывшего “Сегодня”», газеты, в которой столь часто печатался Гольденвейзер в конце 1930-х годов. Брамсу удалось выбраться из «потустороннего мира», в котором «Сегодня» превратилось в «Трудовую газету». Беспокоила Гольденвейзера судьба Г.А. Ландау, сотрудничавшего в последние годы в «Сегодня»<sup>985</sup>. И не напрасно: Ландау был арестован 14 июня 1941 года, отправлен в лагерь (Усольлаг [АМ-244], Молотовской [Пермской] области), где и умер 15 ноября 1941 года<sup>986</sup>. Такая же участь постигла одного из редакторов газеты, с которым Гольденвейзер состоял в переписке: Михаил Семенович Мильруд был арестован советскими властями в 1940 году и приговорен к 8 годам заключения, которое отбывал сначала в Воркуте, потом в Караганде. Умер 24 ноября 1942 года в селе Долинском Карагандинской области. Был арестован и умер в лагере и другой редактор «Сегодня» – Борис Осипович Харитон, отец будущего создателя советской атомной бомбы академика Юлия Харитона. Были арестованы, отправлены в лагеря или расстреляны и многие другие сотрудники газеты, включая карикатуриста С.А. Цивинского, расстрелянного на Лубянке в Москве. Но обо всем этом станет известно лишь много лет спустя.

Население русско-еврейского Нью-Йорка продолжало непрерывно увеличиваться. «За последние месяцы в Нью-Йорк приезжает очень много эмигрантов, живших раньше в Берлине и Париже, – сообщал Гольденвейзер З.С. Шалиту. – Наугад могу перечислить следующих лиц, многие из которых Вам знакомы: Мюльман, Перников, Едвабник (Абр. Пав. и Дав. Пав.), Глюк, Ниссе, Брамс, Вязменский, Данненберг (это все рижане), далее: М.Я. Розенталь, А.Г. Левенсон, Койфман, Будневич, Кобылянский, Голобородько, С.М. Коган, три брата Трахтенберга, Дубойский, Баш, г-жа Русина, г-жа Тумаркина, г-жа Пинес (называющая себя здесь Пирсон)... Затевадается здесь клуб, вроде “Ахдута”<sup>987</sup>. Уже было несколько заседаний, дело встречает большое сочувствие. М.Г. Эйтингон, который был председателем Общественного собрания русских евреев в Берлине, также принимает в этом участие»<sup>988</sup>.

«До сих пор здесь не было “русской колонии” такого характера, как в Париже и Берлине в 1920 – 1940-х гг., – писал Гольденвейзер Кантору. – Но возможно, что теперь она начнет создаваться. Плохо то, что все постарели, устали и разочаровались»<sup>989</sup>.

Похоже было, однако, что устали далеко не все.

Работа, связанная с помощью русским евреям, которой занимался едва ли не каждый бывший берлинец, сумевший перебраться за океан, навела Б.М. Кадера на мысль о создании организации взаимопомощи, аналогичной той, которая существовала в Берлине: «Хорошо было бы иметь здесь, в Америке, союз *русских* [выделено Кадером. – О.Б.] евреев, внося в этот

<sup>983</sup> Гольденвейзер А.А. – Фрумкину Я.Г., 21 июля 1939 года: Там же.

<sup>984</sup> Гольденвейзер А.А. – Эфросу А.Ю., 10 июля 1939 года: Там же.

<sup>985</sup> Гольденвейзер А.А. – Кантору М.Л., 15 августа 1940 года (в оригинале ошибочно 1930): Gold-6.

<sup>986</sup> См. подробнее: Григорий Адольфович Ландау: необходимые уточнения / Публ. В. Гессена // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7). С. 189 – 192.

<sup>987</sup> «Ахдут» («Единство») – название клуба в Берлине, принадлежавшего Союзу русских евреев в Германии.

<sup>988</sup> Гольденвейзер А.А. – Шалиту З.С., 20 ноября 1940 года: Gold-6.

<sup>989</sup> Гольденвейзер А.А. – Кантору М.Л., 15 августа 1940 года (в оригинале ошибочно 1930): Там же.

Союз старые русские традиции, русский дух и русско-еврейское сердце. Не подумали ли Вы об этом, многоуважаемый Алексей Александрович?»<sup>990</sup>

Кадр, о чем речь пойдет в заключении, как в воду глядел. Тем более что приток русских эмигрантов из Европы продолжался. «Русская беженская колония в Нью-Йорке все пополняется, – сообщал Гольденвейзер Элькину в самом начале 1941 года. – Вчера приехали Алдановы, накануне – Люня Лахман с сыновьями. Открылся русско-еврейский клуб, нанявший роскошное помещение (бывший особняк одного из Селигманов на 56 улице). Я юрисконсультую и буду оказывать бесплатную юридическую помощь. Дело по добыванию аффидавитов и виз также принимает организованные формы в лоне ОРТ-а, в чем я также принимаю деятельное участие. Как видите, мой американский быт начинает приближаться к берлинским образцам»<sup>991</sup>.

Характерно для военного времени (хотя США еще не вступили в войну), что письмо, отправленное из Нью-Йорка 16 января, шло почти полтора месяца и было получено Элькиным, обосновавшимся недалеко от Оксфорда, лишь 28 февраля. Но, несмотря на войну, международная почта работала, что и дало нам в руки письма – источники, на которых, по выражению А.И. Герцена, «запеклась кровь событий».

Некоторые эмигранты добирались до Нью-Йорка весьма экзотическими путями. Так, адвокат из Ковно (Каунаса) Я.Д. Робинзон, юрисконсульт литовского правительства, проделал путь через Москву – Балканы – Италию – Францию – Лиссабон. Робинзон намеревался писать книгу по международному праву. Варшавский адвокат Шатенштейн проделал «еще более интересную Одиссею»: Варшава (уехал 7 сентября 1939 года) – Вильно (Вильнюс) – Москва – Владивосток – Япония – Сан-Франциско – Нью-Йорк<sup>992</sup>. Шатенштейн наверняка был «крестником» японского консула в Каунасе Тиунэ Сугихары (1900 – 1986), выдавшего вопреки указаниям своего правительства шесть тысяч виз еврейским беженцам. По-видимому, и в случае Робинзона не обошлось без японской визы. Иначе каким образом он мог выехать за границу через Москву?

«Делами о визах я занят ежедневно: с каждым делом очень много хлопот и подвигаются они медленно, – сообщает Гольденвейзер в мае 1941 года. – Мне дали секретаршу и оплачивают расходы, но надлежащей помощи (особенно в самом главном вопросе – добывании аффидавитов) я ни от кого не получаю. Дела Гессена, Бланка, Полонского в ходу. Надеюсь, что всем им удастся выхлопотать чрезвычайные визы. Целый ряд дел в разной стадии подготовки (Цвибак-Седых, Зильберберг, Зелюк, А. Поляков и многие другие). Из вновь приехавших назову: Соню Гринберг-Винавер, д-ра Гольдшмидта с женой и М. Гинзберг, Браунштейна, Миркина-Гецевича, К.М. Рабинерсон. Л.М. Зайцев получил визу»<sup>993</sup>.

Практически в каждом письме – сообщения о вновь прибывающих, жалобы на отсутствие помощи, на длительность рассмотрения документов в Госдепартаменте. В мае – июне появляются Б.И. Золотницкий, Г.Е. Левинский, Я.Г. Фрумкин. В сентябре пришел пароход «Новемар» с тысячей беженцев на борту. На нем прибыли в числе прочих «брюссельские Зайцевы», Пулики, Слоним, еврейский поэт Шнеур, семья Лебедева, вдова Л.М. Брамсона с дочерью, Г.П. Федотов и многие другие. «Их поездка была кошмарной. Однако, все должны быть рады, что находятся здесь. Подумать только, в каком состоянии проводят нынешние праздники около семи миллионов евреев, живущие на территории от Вены до Полтавы...»<sup>994</sup>

<sup>990</sup> Кадр Б.М. – Гольденвейзеру А.А., 5 июля 1939 года: Gold-5.

<sup>991</sup> Гольденвейзер А.А. – Элькину Б.И., 10 – 16 января 1941 года: Oxford University, Bodleian Library, Manuscript Division, Boris Elkin Collection. Л. 22.

<sup>992</sup> Там же. Л. 23 об.

<sup>993</sup> Гольденвейзер А.А. – Элькину Б.И., 12 мая 1941 года: Gold-7.

<sup>994</sup> Гольденвейзер А.А. – Элькину Б.И., 18 июня и 3 октября 1941 года: Там же.

В 1942 году эмигранты все еще продолжали прибывать. «Многие приехали и многие еще рассчитывают приехать», – сообщал Гольденвейзер Элькину, оставшемуся одним из его немногих европейских корреспондентов. Приехал из Ниццы через Касабланку, Ямайку и Кубу шурин – Илья Львович Гинзбург, с женой и 16-летним сыном. Их путешествие продолжалось около семи недель, и они «страшно исхудали». На том же пароходе прибыл журналист Яков Моисеевич Цвибак, известный более под псевдонимом Андрей Седых, и сразу же начал печататься в главной русской газете Нового Света – «Новом русском слове». Вообще, эмигрантская жизнь кипела: «Те, кто жив и дополз до Нью-Йорка, не желают признать себя вышедшими в тираж. “Новый Журнал” Алданов Вам послал. Вышел тут еще один журнал, а лекций, собраний и обедов с более или менее банальными речами становится все больше и больше»<sup>995</sup>.

Наряду с новостями о вновь прибывших в переписке появляются сообщения иного рода – об арестованных, расстрелянных, погибших в лагерях друзьях, родственниках, знакомых. В лагере в «свободной» зоне Франции погиб Ал.М. Кулишер. Был взят в заложники и расстрелян Илья Британ. Б.Л. Гершуна выпустили из лагеря в Компьене, но там еще находились Д.М. Одинец и И.И. Бунаков-Фондаминский. Последнему было суждено быть депортированным и погибнуть в Освенциме<sup>996</sup>.

Главным делом Гольденвейзера по-прежнему была работа по вызволению русских евреев из Европы: «Я продолжаю руководить работой по добыванию аффидавитов и исхлопатыванию виз для оставшихся в Европе общественных деятелей. Комитет этот состоит теперь при клубе “Горизонт” и работает более продуктивно, чем когда он числился при ОРТ... В Вашингтоне у нас в производстве теперь десятков дел, а подготавливается еще десятков»<sup>997</sup>.

Поразительно, что в ситуации, когда характер нацистской политики по отношению к евреям был вполне понятен (хотя о лагерях смерти еще не было известно) и при этом США уже находились в состоянии войны с Германией, американская бюрократия работала не спеша. Процесс получения виз занимал во многих случаях более чем продолжительное время: так, дело о визе для библиографа Я.Б. Полонского и его семьи тянулось «года полтора». В мае 1942 года Полонские визу получили, но выехать из Франции так и не смогли. И.В. Гессен также был еще во Франции, он ждал визу для невесты своего сына Софьи Григорьевны Лапинер. Илья Бикерман визу получил, а его отец до этого события не дожил – он умер 5 января 1942 года. Зато в апреле 1942 года в Нью-Йорк приехала племянница Гольденвейзера Вера Фридланд (дочь его сестры) с семьей. Вдова М.М. Винавера Роза Георгиевна Винавер была «как будто в пути»<sup>998</sup>.

Через полгода положение изменилось радикальным образом, и не в лучшую сторону. Гольденвейзер информировал Элькина:

Ни Канторы, ни Полонские не успели выехать из Франции, хотя американские визы у них были уже в июне. Этот подлец – Лаваль умудрился напакостить в самые последние месяцы, когда еще можно было ехать, затрудняя выдачу выездных виз. Все незаконченные дела в Виза-Дивижен, по-видимому, будут приостановлены впредь до представления по каждому делу данных о том, что заинтересованные лица выехали из Франции и находятся в стране, где функционируют американские консулы.

У меня не менее 50-ти незаконченных дел (платных и бесплатных) оказались в этой категории.

<sup>995</sup> Гольденвейзер А.А. – Элькину Б.И., 28 февраля 1942 года: Oxford University, Bodleian Library, Manuscript Division, Boris Elkin Collection. Л. 53 об.

<sup>996</sup> Там же.

<sup>997</sup> Гольденвейзер А.А. – Элькину Б.И., 28 мая 1942 года: Там же. Л. 68.

<sup>998</sup> Там же.

Мучительно думать о судьбе друзей и родных, оставшихся там, под гнетом лишений, террора и угрозы депортаций...<sup>999</sup>

Среди родных были сестры Гольденвейзера, остававшиеся в Ницце, и еще один шурин – Михаил Львович Гинзбург, «застрявший» в Марселе. В Нью-Йорке уже стало известно о депортации Фондаминского. Приходили и новости другого рода: «Шмелев подвизается в нацистской газете в Париже...»<sup>1000</sup>

В марте 1943 года в письме еще одному бывшему киевскому адвокату, Д.Н. Григоровичу-Барскому, Гольденвейзер подвел итоги своей «визовой работы»:

Другая область моей общественной работы – добывание виз для застрявших во Франции беженцев – теперь вынужденно прекратилась. В значительной части, эта работа пропала даром, так как много дел не успело пройти через все каверзные инстанции, а ряд лиц, уже получивших визы, не успел выехать из Франции. Тем не менее, многие приехали (один из последних – И.В. Гессен), и за всех них приходится радоваться. Увы, многих близких друзей и родных приходится оплакивать, как заживо похороненных. Не знаю, кого из них нам доведется еще увидеть, когда, наконец, откроется «железный занавес», окончательно отрезавший Европу после оккупации Юга Франции.

От Б.И. Элькина получаю довольно часто длинные письма. Он теперь живет в Лондоне и, по-видимому, не обременен делами. Переписываюсь также с Марком Владимировичем Виленкиным (не знаю, знаете ли Вы его – это русский адвокат, живущий уже давно в Лондоне). Тагер был в бывшей неоккупированной Франции. Шефтель и Кантор застряли на Ривьере (я занимался делами об их визах). Гершун в Париже (одно время был в лагере в Компьене, но с ноября 1941 года освобожден). Фальковский также в Париже (вероятно, ему приходится туго, если он не «коллаборирует» с новыми русскими беженскими учреждениями). Рубинштейн также на Юге Франции – за него есть все основания тревожиться. Адамов, по сведениям, в тюрьме – за слишком успешное занятие паспортными делами. Маклаков, говорят, освобожден из тюрьмы после продолжительного заключения, и его приютил у себя барон Нольде. Кистяковский умер, И.Б. Гуревич умер, Брамсон умер, Грузенберг умер – вероятно, еще многие умерли. Влад[имир] Абрамов[ич] Гольденберг жил в Тулузе и просил хлопотать о визе – но уже слишком поздно. Дело Кадиша тоже не закончилось. Я хлопотал также о поэте Давиде (так!) Кнута<sup>1001</sup>, художнике Льве Заке, пианисте А. Либермане, журналисте В. Азове, журналисте Ратнере, о А.Ю. Рапопорте, о типографе Зелюке, о ряде деятелей ОРТа и ОЗЕ. Все эти дела не удалось довести до конца<sup>1002</sup>.

<sup>999</sup> Гольденвейзер А.А. – Элькину Б.И., 20 ноября 1942 года: Там же. Л. 92 – 92 об.

<sup>1000</sup> Там же. Л. 92 об. Речь шла о сотрудничестве писателя И.С. Шмелева в нацистской газете на русском языке «Парижский вестник».

<sup>1001</sup> Речь идет об известном русско-еврейском поэте Давиде Кнута (литературный псевдоним Дувид Мееровича Фихмана). В августе 1940 года Кнут совместно с А. Полонским и другими создал еврейское движение Сопротивления во Франции (так называемая Еврейская армия, позднее – Еврейская боевая организация). Кнут был женат на Ариадне Скрябиной, русской поэтессе, дочери композитора А.Н. Скрябина. Ариадна (по принятии иудаизма Сарра) Скрябина была активной участницей Еврейской боевой организации, перевозила группы еврейских беженцев из Франции в Швейцарию. Была убита в июне 1944 г. в Тулузе в стычке с устроившими засаду полицейскими правительства Виши. Посмертно награждена Военным крестом и Медалью Сопротивления (Франция). Подробнее см.: *Хазан В.* Довид Кнут: жизнь и творчество. Université Jean-Moulin: Лион, 2000.

<sup>1002</sup> Гольденвейзер А.А. – Григоровичу-Барскому Д.Н., 5 марта 1943 года: Gold-8.

Через полтора года «железный занавес» открылся, точнее, был сорван войсками союзников. Начался подсчет потерь и помощь уцелевшим российским эмигрантам. Бывшим «берлинцам» и «парижанам», создавшим в Нью-Йорке целый ряд общественных организаций по образу и подобию европейских, предстояло принять в этом самое живое участие, используя опыт, накопленный в Берлине, а иногда даже названия организаций, там существовавших. Но это уже другая история.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История русско-еврейского Берлина как эмигрантского сообщества закончилась в июне 1941 года. Остались отдельные эмигранты, пытавшиеся с большим или – чаще – меньшим успехом выжить.

История русско-еврейской эмиграции в Берлине подразделяется на ряд этапов. В 1918 – 1920 годах происходит, условно говоря, обустройство эмигрантов в мегаполисе, становление российского эмигрантского сообщества. На 1921 – 1923 годы приходится расцвет русско-еврейского Берлина, пик численности его эмигрантского населения. Это время наибольшей интенсивности его политической и культурной жизни. Расцвет был в значительной степени обусловлен экономической конъюнктурой – слабостью германской марки и, вследствие этого, сравнительной дешевизной жизни. В эти годы Берлин – подлинная столица русского зарубежья. В 1924 году происходит массовый отъезд эмигрантов из Берлина, который, казалось, должен был быстро привести к исчезновению «русского Берлина». Берлин утрачивает роль столицы русской эмиграции, однако его население стабилизируется и сокращается гораздо меньшими темпами, чем это можно было ожидать.

Причем в наименьшей степени тяга к отъезду из Берлина, по сравнению с другими этническими группами российской диаспоры, была свойственна русским евреям. Это объяснялось меньшими языковыми проблемами; евреи, чьим родным языком был, как правило, идиш, легче осваивали немецкий; к тому же части элитных слоев эмиграции сослужило неожиданную службу прежнее несчастье – процентная норма при поступлении в высшие учебные заведения в царской России вынуждала многих из них учиться за границей, прежде всего в Германии. Следует также учесть, что Германия традиционно служила транзитным пунктом на пути из России в США, основную страну еврейской эмиграции. В США, как правило, стремились малоимущие. Люди сколько-нибудь зажиточные если уж оказывались за рубежом, то предпочитали Европу. Сокращение иммиграционных квот американскими властями привело к тому, что в Германии «застрали» тысячи восточноевропейских евреев, стремившихся перебраться за океан. Таким образом, в 1925 – 1933 годах наблюдается скорее стабилизация (даже с учетом экономического кризиса 1929 – 1933 годов) русско-еврейского населения Берлина или, точнее, не слишком быстрый его отток.

Русские евреи были частью российской эмиграции, что отражало их далеко зашедшую интеграцию в русское общество, в особенности в последние полвека существования Российской империи. В то же время эта интеграция была выборочной, что, соответственно, отразилось на социальном составе еврейской эмиграции, делившейся, как и вся русская эмиграция, на деловую, профессиональную и интеллектуальную элиту и низшие социальные слои. Особенностью еврейской эмиграции было то, что разделение проходило также по языковой линии: языком элиты был русский, языком «низов» – идиш. Русская эмиграция «вывезла» за границу все те противоречия и споры, которые раскалывали русское общество на родине. Евреи в дополнение к общероссийским проблемам «вывезли» и свои собственные: сионисты и автономисты, идишисты и гебраисты продолжили споры в эмиграции.

Массовая эмиграция была не понаслышке знакома российским евреям. За период с 1881 по 1914 год из России эмигрировали около двух миллионов евреев<sup>1003</sup>. Подавляющее большинство уезжало от нищеты и безысходности. Особенностью послереволюционной эмиграции было то, что за границу выехала значительная часть еврейской деловой, политической и интеллектуальной элиты. В этом было скорее сходство еврейской эмиграции с русской, нежели отличие от нее. Так, пятую часть Российского торгово-промышленного и финансового союза

<sup>1003</sup> Будницкий О.В. Век эмиграции // Еврейская эмиграция из России. 1881 – 2005. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9 – 13.

в Париже (его члены жили и в других странах, преимущественно в Германии) составляли предприниматели еврейского происхождения<sup>1004</sup>. За границей оказались банкиры и юристы, художники и издатели, правые бундовцы и левые эсеры (как, впрочем, и правые), сионисты и меньшевики, поэты и публицисты. Но нет худа без добра – многим из них довелось сыграть выдающуюся роль в культуре Русского зарубежья<sup>1005</sup>.

Вынужденная эмиграция – несчастье. Но в этом несчастье евреи имели определенные преимущества перед другими эмигрантами из России. Во-первых, это опыт предшествующих трех с половиной десятилетий перемещений по миру; эмиграция для евреев не была чем-то неизведанным. Если не родственники, то знакомые, если не знакомые, то знакомые знакомых были эмигрантами. Российские евреи лучше других этноконфессиональных групп представляли, что ждет эмигранта, с какими трудностями предстоит столкнуться и как эти трудности преодолевать.

Во-вторых, евреи имели опыт создания различных благотворительных организаций и организаций взаимопомощи. Российский опыт мог быть – и был – использован в эмиграции. Некоторые из еврейских организаций (ОРТ, ОЗЕ) просто перенесли свои штаб-квартиры или открыли отделения за границей. По модели как еврейских, так и общероссийских (Земгор) благотворительных организаций был создан Союз русских евреев в Германии – одна из наиболее эффективных еврейских общественных организаций Берлина, сочетавшая в своей деятельности благотворительность с просветительством. В-третьих, и это, возможно, было самым главным – наличие международных еврейских организаций, ряд которых был создан для помощи единоверцам в Восточной Европе. Среди них были такие, как Еврейское колонизационное общество, учрежденное еще в 1891 году для содействия еврейской эмиграции, и созданный специально для оказания помощи восточноевропейским евреям в связи с обрушившимися на них бедствиями в период Первой мировой войны Американский объединенный комитет по распределению фондов<sup>1006</sup> (Джойнт).

Благодаря деятельности разного рода благотворительных и профессиональных организаций болезненный процесс адаптации эмигрантов к реалиям новой для них жизни был значительно облегчен. Материальная и так называемая трудовая помощь, юридические консультации, борьба (нередко успешная) за отмену дискриминационных для беженцев законов – все это способствовало облегчению борьбы изгнанников за существование, постепенной нормализации их жизни. В эмиграции отчетливо проявился вкус русской интеллигенции (и ее составляющей – русско-еврейской интеллигенции) к «общественности», к борьбе за общие интересы. Особенно ярко эта черта проявилась в деятельности Союза русской присяжной адвокатуры в Германии. Созданный как общество корпоративной взаимопомощи, Союз стал инициатором объединения русских юристов в разных странах, организации их съезда (первого и единственного), выступал как ходатай по делам и защитник интересов русской эмиграции в целом.

При всей политической разобщенности русской эмиграции она находила возможности для объединения усилий с целью совместных действий в защиту собственных интересов. Это проявилось, скажем, в деятельности Эмигрантского комитета в Париже, созданного на основе консенсуса между правыми и левыми и принимавшего решения только по согласованию интересов обеих сторон, или в истории борьбы за создание общерусской газеты в Берлине после

<sup>1004</sup> Подсчитано нами по: Российские предприниматели в начале XX века по материалам Торгово-промышленного и финансового союза в Париже / Сост. Ю.А. Петров, М.К. Шацилло. М., 2004.

<sup>1005</sup> Евреи в культуре русского зарубежья: Сб. ст., публ., мемуаров и эссе / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992 – 1996. Вып. 1 – 5; Русское еврейство в зарубежье / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1998 – 2003. Т. 1 – 5 (6 – 10); Будницкий О.В. Материалы по истории российского еврейства в эмигрантских архивах // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: Новые источники, новые подходы. М., 2004. С. 206 – 223.

<sup>1006</sup> Напомним первоначальное (до 1931 года) название этой организации – Комитет по распределению фондов помощи евреям, пострадавшим от войны.

«кончины» «Руля». В этом случае объединились правые и левые, «эллыны и иудеи». В результате возник еженедельник «Наш век».

Германия была сравнительно комфортным местом жизни (в той мере, в какой вынужденная эмиграция может быть комфортной) для русских евреев. Наряду с таким фактором, как язык страны вынужденного пребывания, которым, как правило, хорошо владели представители русско-еврейской элиты и который носителям идиша (относящегося к германской группе языков) было не слишком сложно освоить, немаловажную роль в адаптации русских евреев к новой для них среде играла помощь со стороны немецко-еврейских организаций. Немецкое еврейство, вероятно, наиболее ассимилированное по сравнению с еврейством какой-либо другой европейской страны, было в то же время наиболее организованным и состоятельным. Содействие со стороны немецких евреев – политическое и материальное – было существенным, хотя и не решающим фактором, способствовавшим «обустройству» русских евреев в Германии.

Привлекательность Германии для русских евреев по сравнению с другими странами, обусловившая среди прочего сравнительную многочисленность русско-еврейской общины в Берлине, обернулась после прихода нацистов к власти ловушкой. В 1933 году начинается последний период истории русско-еврейского Берлина: период упадка, реэмиграции и депортаций. Вплоть до 1941 года для русских евреев (как и для немецких) выезд из нацистской Германии не составлял неразрешимой проблемы. Главной проблемой был запрет или ограничение на въезд в другие страны, ибо их границы были закрыты (или полуоткрыты) для евреев. «Еврейская жизнь» теплилась в Германии до начала 1940-х годов, сведясь в прямом смысле слова к кормлению не сумевших выбраться из ставшей проклятой страны. Не сумели выбраться в основном неимущие и престарелые. До последней возможности бывшие «русские берлинцы», деятели благотворительных организаций, теперь уже из-за рубежа оказывали помощь все еще остававшимся в Германии русским евреям. А затем над Германией, как и почти над всей Европой, опустился «железный занавес»...

В этот драматический момент мы расстались с нашими героями. Теперь, пунктиром, – о том, что было дальше. После освобождения Франции, где находились многие бывшие русские берлинцы, не успевшие перебраться за океан, начался подсчет потерь.

«Из Франции нами получено уже десятка полтора писем, – информировал А.А. Гольденвейзера Б.И. Элькина в декабре 1944 года, – среди других от В.М. Кремер<sup>1007</sup>, Б.Л. Гершуна, В.А. Маклакова, Е.А. Фальковского. Все письма говорят о длившемся годы кошмаре; не понять, как сами авторы писем выжили. Борис Львович пишет, что мы не можем вообразить, через что они прошли. Валентина Максимовна, – как Вы знаете, крепкая и энергичная женщина, – пишет, что не может выразить степени ее душевной усталости. Во всех письмах (среди них имеются и письма от немногих французских друзей) повторяется одно: депортирован... Из моих друзей и знакомых, близких и не близких, депортированы очень многие. Из наших товарищей-адвокатов депортированы: В.А. Гольденберг (с женою), Г.М. Переплетник (с женою), М. Адамов, О. Трахтерев. Из французских адвокатов депортирован Пьер Массе, один из первых адвокатов Франции, человек выдающейся талантливости и большого личного шарма. Естественной смертью умерли за время оккупации наши товарищи И.Б. Гуревич, Н.В. Тесленко, П.Н. Переверзев, И.А. Кистяковский»<sup>1008</sup>.

Депортация означала – смерть. Депортировали евреев в лагеря смерти в Польше, в основном в Освенцим... Среди депортированных были обе сестры Гольденвейзера. И многие, многие другие. Но кое-кто выжил и нуждался в помощи. Уцелевшие создают (или воссоздают)

<sup>1007</sup> Кремер Валентина Максимовна (1895 – 1983), дочь М.М. Винавера, доктор медицины, общественный деятель. В юности участвовала в сионистском движении. В эмиграции – товарищ председателя Общества русских врачей имени Мечникова, член правления Международного союза защиты здоровья и помощи детям, член правления Общества помощи русско-еврейской интеллигенции имени Я.Л. Тейтеля.

<sup>1008</sup> Элькин Б.И. – Гольденвейзеру А.А., 17 декабря 1944 года: Gold-36.

организации помощи во Франции, где по преимуществу сосредоточились пережившие Холокост евреи из разных стран Европы. Средства этих организаций весьма ограничены. Однако за океаном их бывшие соседи по Берлину или Парижу, успевшие «обустроиться» и адаптироваться на новом месте, возобновляют привычную работу: сбор средств, отправку посылок (продовольственных и вещевых) в Европу. Ведь в послевоенном Париже и кусок мыла – драгоценность.

В США еще в годы войны создаются новые структуры со знакомыми названиями – Союз русских евреев, Комитет имени Я.Л. Тейтеля. Среди основателей и руководителей Комитета – А.А. Гольденвейзер и Я.Г. Фрумкин, возглавлявшие Тейтелевский фонд в Берлине в 1930-е годы. В Париже создается аналогичный комитет, возобновляет свою деятельность Очаг русских евреев-беженцев. Его председатель – Б.Л. Гершун, переживший заключение в концлагере в Компьене.

Эмигрантов волнуют не только материальные проблемы. Русские евреи не были бы русскими интеллигентами, если бы не обсуждали судьбы мира и России. В публичных дискуссиях, статьях в эмигрантской печати, в личной переписке ведутся споры о возможности примирения с советской властью, о том, возможна ли эволюция советского режима, как относиться к власовцам, какую позицию занять эмиграции в условиях разворачивающейся холодной войны. Эмигранты, несмотря на возраст, не хотят «выходить в тираж» и все еще надеются на возвращение. Которому никогда не суждено состояться.

Возобновляют работу и организации русских юристов. В апреле 1942 года в Нью-Йорке группой русских адвокатов был основан Круг русских юристов. Теперь адвокаты уже не так строги в соблюдении чистоты риз. В состав Круга принимаются лица с высшим юридическим образованием, владеющие русским языком. Среди них могут быть «бывшие судьи, профессора юридических факультетов и т.д.». Кроме докладов и дискуссий на различные юридические и общественно-политические темы Круг устроил обед в годовщину принятия Судебных уставов 20 ноября 1864 года – русские юристы не желали забывать свои корни. Работой Круга русских юристов руководило бюро, в состав которого входили бывшие члены правления Союза русской присяжной адвокатуры в Германии А.А. Гольденвейзер и Л.М. Зайцев, секретарем бюро была еще одна дочь М.М. Винавера, «парижанка» С.М. Винавер-Гринберг.

Возобновило работу Объединение русских адвокатов во Франции. Осенью 1945 года его председателем был избран Б.Л. Гершун, одним из двух заместителей – еще один бывший берлинец Е.А. Фальковский, членом Совета – бывший член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии Г.Б. Забежинский<sup>1009</sup>.

История русско-еврейского Берлина кончилась. История русско-еврейской эмиграции продолжалась.

---

<sup>1009</sup> Гершун Б.Л. – Гольденвейзеру А.А., 5 ноября 1945 года: Gold-9.

## **Приложение 1**

### **Лекционная программа**

#### **Союза русских евреев в Германии\***

##### **1921**

13.06.1921. Доклады Я.Л. Тейтеля о тяжелых условиях жизни евреев в России и В.С. Манделя о возможности привлечь участников еврейских погромов к ответственности. Берлин.

16.11.1921. Собрание всех юристов – членов СРЕвГ. Председатель собрания – Я.Л. Тейтель. Доклад О.О. Грузенберга о виновниках погромов, которые остаются за пределами России. Берлин, Ложенгауз, Клейштрассе, 10.

##### **1922**

04.02.1922. Серия «К познанию современной эпохи». Одноименный доклад Д.М. Койгена. Берлин, Ложенгауз, 19:30.

18.02.1922. Серия «Философы-евреи». Доклад А.М. Лазарева «Философия Бергсона». Берлин, Ложенгауз, 20:30.

27.02.1922. Серия «К познанию современной эпохи». Доклад И.А. Тривуса «Условия экономического возрождения Палестины». Берлин, Ложенгауз, 20:30.

04.03.1922. Серия «К познанию современной эпохи». Доклад А.М. Кулишера «Правовое положение Палестины». Берлин, Ложенгауз.

18.03.1922. Серия «Философы-евреи». Доклад Г.Б. Ительсона «Спиноза, его жизнь и учение». Берлин.

25.03.1922. Серия «К познанию современной эпохи». Доклад Б. Певзнер «Еврейская женщина и еврейское будущее». Берлин.

01.04.1922. Серия «Философы-евреи». Доклад Г.Б. Ительсона «Спиноза и еврейство». Берлин, 20:30.

08.04.1922. Серия «К познанию современной эпохи». Дискуссия «Чем живет еврейство» (Б. Певзнер, С.И. Хоронжицкий, А.М. Кулишер, А.А. Гольденвейзер, Г.Б. Ительсон). Берлин, Ложенгауз.

29.04.1922. Серия «К познанию современной эпохи». Доклад С.И. Хоронжицкого «Прогрессивный и консервативный момент в истории еврейства». Берлин, 20:00.

13.05.1922. Серия «Философы-евреи». Доклад Г.Б. Ительсона «Соломон Маймон (1754-1800)». Берлин, Ложенгауз.

20.05.1922. Серия «Философы-евреи». Доклад М. Шварца «Георг Зиммель как философ культуры». Берлин, 20:00.

27.05.1922. Серия «К познанию современной эпохи». Доклад М. Гиршкопфа «Основные задачи нашей эпохи». Берлин.

31.05.1922. Серия «К познанию современной эпохи». Показ фильма о жизни еврейских эмигрантов в Палестине. Берлин, Ложенгауз, 20:30.

10.06.1922. Серия «К познанию современной эпохи». Доклад проф. Бернфельд «Значение Палестины в истории еврейства». Берлин, Ложенгауз, 20:30.

---

\* Источники: ГАРФ. Ф. Р-5774. Оп. 1. Д. 41. Л. 60; Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918 – 1941 / Hrsg. K. Schlögel, K. Kucher, B. Suchy, G. Thum. Berlin: Akademie-Verlag, 1999.

24.06.1922. Доклад Г.Б. Слиозберга «Еврейство и его мистика». Берлин, 20:30.

30.09.1922. Серия «Проблемы еврейской современности». Доклад Е.Д. Кусковой «Рост антисемитизма и тактика борьбы с ним» (закрытое заседание). Берлин, Ложенгауз, 20:00.

16.09.1922. Серия «Современные еврейские писатели». Вечер Шолома Аша. Берлин.

30.09.1922. Серия «Проблемы еврейской современности». Доклад А.М. Кулишера «Вопрос жизни и смерти (будущее еврейства)». Берлин, Ложенгауз, 20:00.

21.10.1922. Серия «Проблемы еврейской современности». Доклад Г.Б. Ительсона «Оптимизм и пессимизм в еврейском мировоззрении». Берлин.

28.10.1922. Серия «Современные еврейские писатели». Доклад Н.И. Штифа «Развитие еврейской литературы за последние 20 лет». Берлин.

04.11.1922. Серия «Проблемы еврейской современности». Доклад Ф.З. Шнеерсона «Неохасидские мотивы в современной еврейской культуре». Берлин, 20:00.

25.11.1922. Серия «Проблемы еврейской современности». Доклад А.З. Сингаловского «Евреи в Америке». Берлин.

02.12.1922. Доклад Ю.И. Айхенвальда «Рейн и Сена (О Ромэн-Роллане)». Берлин, Ложенгауз, 20:00.

16.12 и 21.12.1922. Серия «Современные еврейские писатели». Вечер Семена Юшкевича, читавшего отрывки из своего неизданного произведения «В некотором городе». Берлин, Ложенгауз, 20:00.

23.12.1922. Доклад М.Н. Шварца «Освальд Шпенглер как философ культуры». Берлин, Ложенгауз, 20:30.

## 1923

18.01.1923 (совместно с Керен-га-йесод). Дискуссия «Восстановление Палестины» (Х. Вейцман, Н. Соколов, В.Е. Жаботинский). Берлин, Ложенгауз.

27.01.1923. Доклад В.С. Манделя «Шейлок и жид Янкель (из “Тараса Бульбы”). Историко-литературная параллель». Берлин, Ложенгауз.

03.02.1923. Доклад А.М. Лазарева «Религиозно-философские искания современности». Берлин, Ложенгауз.

10.02.1923. Доклад А.М. Кулишера «Граф Биконсфильд как еврей и сионист». Берлин, Ложенгауз, 20:30.

17.02.1923. Доклад Г.Б. Ительсона «Коперник и его культурно-историческое значение». Берлин, Ложенгауз.

10.03.1923. Доклад В.И. Лацкого «Еврейская культура и свобода духа». Берлин, Ложенгауз, 20:30.

17.03.1923. Доклад Б.Д. Бруцкуса «Проблема расы и среды в еврейской экономике». Берлин, Ложенгауз, 20:30.

24.03.1923. Доклад И.М. Бикермана «Мнение и действительность в еврейской историографии». Берлин, Ложенгауз, 20:30.

05.05.1923. Доклад Ю.Д. Бруцкуса «Евреи и Хазары». Берлин.

12.05.1923. Доклад Х.И. Гринберга «Юмор в произведениях Шолом-Алейхема». Берлин, Ложенгауз, 20:30.

19.05.1923. Доклад С.И. Хоронжицкого «Отчего я стал сионистом». Берлин, Ложенгауз, 20:00.

06.10.1923. Доклад Н.И. Штифа «Проблемы старой еврейской литературы». Берлин.

10.12.1923. Доклад Ю.И. Айхенвальда «Исповедь писателя-еврея (по поводу книги Вассермана “Mein Weg als Deutscher und Jude”)». Берлин, Ложенгауз.

15.12.1923. Доклад Г.А. Ландау «О еврейской психике». Берлин, Ложенгауз.

## 1924

02.02.1924. Доклад М.Н. Шварца «О кризисе культуры». Берлин, Ложенгауз, 20:00.

09.02.1924. Показ фильма «Путешествие по Палестине в 1923 году», доклад о Палестине И.А. Тривуса, доклад П.Н. Савицкого «Русские храмы». Берлин, Ложенгауз, 20:00.

16.02.1924. Доклад А.З. Штейнберга «О еврейском национальном характере». Берлин, Ложенгауз, 20:00.

23.02.1924. Доклад Г.Б. Ительсона «Легенда о вечном жиде». Берлин, Ложенгауз, 20:00.

01.03.1924. Доклад А.А. Гольденвейзера «Социализм – индивидуализм – солидаризм». Берлин, Ложенгауз, 20:00.

22.03.1924. Доклад А.М. Лазарева «Вальтер Ратенау как человек и мыслитель». Берлин, Ложенгауз, 20:00.

05.04.1924. Доклад Х. Житловского. Берлин, Ложенгауз, 20:30.

10.05.1924. Доклад Л.М. Зайцева «Право и жизнь в советской России». Берлин, Ложенгауз, 20:30.

17.05.1924. Доклад Л.П. Карсавина «Демократия и неравенство». Берлин, Ложенгауз, 20:30.

31.05.1924. Доклад С.В. Шнеерсона «Дети-друзья – коллективная жизнь детства и грядущее поколение». Берлин, Ложенгауз.

## 1925

08.01.1925. Доклад А.М. Кулишера «Еврейский вопрос в России (самодержавие, революция и еврейство)» (другое название: «О еврейском вопросе на Западе и в России»). Берлин, лекционный зал синагоги (Фазаненштрассе, 79-80).

10.01.1925. Обсуждение доклада Кулишера. Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

13.01.1925. Доклад И.О. Левина «Два немецко-еврейских политика: Эдуард Ласкер и Людвиг Бамбергер». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

20.01.1925. Доклад С.И. Хоронжицкого «Прогресс еврейской историографии». Берлин, лекционный зал синагоги.

23.01.1925. Доклад Л.М. Зайцева «Право и жизнь в советской России». Гамбург.

03.02.1925. Доклад Г.Б. Ительсона «Мориц Лацарус, основатель науки психологии народов. К столетию со дня рождения». Берлин, лекционный зал синагоги.

04.02.1925. Доклад Л.М. Зайцева «Право и жизнь в советской России». Гамбург.

10.02.1925. Доклад И.С. Гурвича-Глуховского «К характеристике еврейского духа». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

21.02.1925. Доклад С.И. Гессена «Проблема собственности». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

25.02.1925. Доклад Г.Б. Ительсона «Мориц Лацарус, основатель науки психологии народов. К столетию со дня рождения» (продолжение). Берлин, лекционный зал синагоги.

11.03.1925. Доклад Ю.И. Айхенвальда «Памяти М.О. Гершензона». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

18.03.1925. Доклад Г.Л. Ловцкого «Философия Льва Шестова». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

25.03.1925. Доклад С.И. Хоронжицкого «Царь Давид». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

01.04.1925. Доклад Б.Д. Бруцкуса «Экономический кризис еврейства Восточной Европы и пути выхода из него». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

18.04.1925. Доклад Ю.И. Айхенвальда «Достоевский и еврейство». Гамбург.

21.04.1925. Доклад И.М. Бикермана «Обманутая Европа». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

28.04.1925. Доклад Л.И. Шестова «Исторический жребий Спинозы». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

05.05.1925. Доклад С.О. Португейса «Евреи и падение советской власти». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

12.05.1925. Доклад А.З. Штейнберга «Фердинанд Лассаль (к столетию со дня рождения)». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

26.05.1925. Доклад Б.Д. Бруцкуса «О специфических чертах социально-экономической эволюции России». Берлин.

02.06.1925. Доклад В.Н. Строева «В.С. Соловьев и его отношение к еврейству». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

04.11.1925. Доклад Д.М. Койгена «Религия в жизни личности». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

25.11.1925. Доклад С.И. Хоронжицкого «От Александра Македонского до императора Тита (по поводу второго тома “Истории” С.М. Дубнова)». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

16.12.1925. Доклад И.О. Левина «Антисемитские течения в современной Германии». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

## **1926**

06.01.1926. Доклад И.С. Гурвич-Глуховского «Долговечность еврейства и попытки ее объяснения». Берлин.

21.01.1926. Доклад С.Г. Черниховского «Иммануил Римский». Берлин.

26.01.1926. Доклад Л.П. Карсавина «Любовь и смерть». Берлин.

02.02.1926. Доклад Г.Б. Ительсона «Леон Модено». Берлин.

09.02.1926. Доклад И.А. Британа «Антисемитизм в советской России». Берлин.

17.02.1926. Доклад Ф. Тайльхабера «Еврейские сексуальные проблемы». Берлин, Фридрихштрассе, 20:30.

23.02.1926. Доклад И.В. Пузино «Ученые евреи в эпоху Ренессанса». Берлин.

26.02.1926. Доклад В.Н. Строева «Александр I». Берлин, Фридрихштрассе.

02.03.1926. Доклад Г.Б. Слиозберга «Американское еврейство». Берлин, Ложенгауз.

08.03.1926. Доклад С.И. Гессена «Новое средневековье». Берлин.

16.03.1926. Доклад Л.М. Фейгенберга «О Генрихе Гейне». Берлин, лекционный зал синагоги, 20:00.

22.03.1926. Доклад Ю.И. Айхенвальда «Антирусская книга “Сир Галахад”». Берлин.

12.04.1926. Доклад В.Н. Строева «Кавелин и Катков и их отношение к еврейству». Берлин.

19.04.1926. Доклад Г.И. Виленского «Так называемое евразийство, русский национализм и пути России».

26.04.1926. Доклад Г.Б. Ительсона «О кометах». Берлин.

12.05.1926. Доклад А.А. Гольденвейзера «Лига Наций или Соединенные Штаты Европы?». Берлин.

24.05.1926. Доклад И.В. Гессена «Падение царского режима (по личным воспоминаниям и документам)». Берлин.

02.06.1926. Доклад И.М. Бикермана «Просыпающаяся Европа».

27.10.1926. Серия «Вечера воспоминаний». Доклад Н.М. Волковыского «От Протопова до Дзержинского». Берлин, Ложенгауз, 20:30.

08.12.1926. Доклад Ю.И. Айхенвальда «Европеизм и русская революция». Берлин.

22.12.1926. Доклад С.Л. Франка «Новое варварство (стиль нашего времени)». Берлин.

31.05.1926. Вечер памяти С.Г. Фруга. Берлин.

## **1927**

12.01.1927. Доклад А.М. Кулишера «Антисемитизм в России». Ложенгауз.

27.01.1927. Доклад И.С. Гурвич-Глуховского «Преобразование Восточной Европы и его значение для еврейства». Берлин, лекционный зал синагоги.

03.02.1927. Доклад Г.Д. Гурвича «Деспотический или правовой социализм?». Берлин, зал юридической библиотеки Зака (Потсдамерштрассе, 112).

08.02.1927. Доклад М.Н. Шварца «Еврейский Раскольник (по поводу переписки Достоевского с Аврамом Ковнером)». Берлин, лекционный зал синагоги.

22.02.1927. Доклад барона М.А. Таубе «Борьба за министерские портфели и приближение катастрофы (1914 – 1916)». Берлин, лекционный зал синагоги.

27.02.1927. Собрание памяти еврейского композитора и музыкального критика Ю. Энгеля, недавно умершего в Тель-Авиве. Берлин, Ложенгауз, 11.30.

07.03.1927. Доклад В.Н. Строева «Из прошлого русского еврейства (земледельческие колонии при Александре I – легенда о жидо-масонах и т.д.)». Берлин, лекционный зал синагоги.

12.03.1927. Доклад Н. Эльяшева о недавно умершем поэте Иегоеше. Берлин.

14.03.1927. Доклад И.О. Левина «Из истории немецко-еврейской интеллигенции (берлинские литературные салоны в конце 18-го и начале 19-го века)». Берлин, лекционный зал синагоги.

24.03.1927. Доклад С.Г. Шермана «Погоня за Америкой (судьба европейского хозяйства)». Берлин, лекционный зал синагоги.

06.04.1927. Доклад Б.Д. Бруцкуса «Еврейская колонизация в России (факты и мнения)». Берлин, лекционный зал синагоги.

13.04.1927. Доклад С.Л. Франка «Памяти Спинозы (к 250-летию со дня его кончины)». Берлин, лекционный зал синагоги.

20.04 и 21.04.1927. Доклады Л.И. Шестова «Владимир Соловьев и религиозная философия». Берлин, лекционный зал синагоги.

27.04.1927. Доклад Ю.Д. Бруцкуса «Судьбы хазарско-иудейского государства». Берлин, лекционный зал синагоги.

04.05.1927. Доклад А.З. Штейнберга «Национальность и религия». Берлин, лекционный зал синагоги.

12.05.1927. Доклад В.С. Манделя «Мир без евреев». Берлин, зал юридической библиотеки Зака.

18.05.1927. Доклад А.Л. Векслера «Еврейство и христианство у Розанова». Берлин, лекционный зал синагоги.

25.05.1927. Доклад Г.А. Ландау «Евразийское обольщение». Берлин, лекционный зал синагоги.

30.05.1927. Доклад Г.И. Виленского «Английский мандат в Палестине и проблема еврейского государства». Берлин, лекционный зал синагоги.

08.06.1927. Доклад К.А. Кока «По весям Бразилии. Впечатления хо́дока (о попытках колонизации Бразилии русскими беженцами)». Берлин, лекционный зал синагоги.

14.06.27. Доклад Х.М. Чарыхова «Евразийство и антисемитизм». Берлин, лекционный зал синагоги.

08.11.1927. Доклад С.И. Гессена «Добро и зло у Достоевского». Берлин, Гутман-зал (Бюловштрассе, 104), 20:00.

14.11.1927. Доклад Б.Д. Бруцкуса «Еврейское местечко при советской власти». Берлин.

21.11.1927. Доклад С.И. Гинзбурга «Жизнь Дизраэли». Берлин.

27.11.1927. Доклад С.Л. Франка «Библейское предание и современная наука». Берлин.

15.12.1927. Доклад И.О. Левина «Ку-клукс-клан, Форд и современный американский антисемитизм». Берлин.

22.12.1927. Доклад Ю.Д. Бруцкуса «Ересь жидовствующих». Берлин.

## 1928

12.01.1928. Доклад М.А. Соловейчика «О библейской критике». Берлин.

12.01.1928. Доклад А.М. Кулишера «Настоящий момент в сионизме». Берлин, Гутман-зал.

14.01.1928. (совместно с клубом идишистов «Шолем-Алейхем»). Доклад Бен-Адира «Сионизм и еврейское положение в Палестине». Берлин, Ложенгауз.

26.01.1928. 1-й доклад М.А. Соловейчика «Корни исторической проблемы еврейства». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

02.02.1928. Доклад В.Н. Строева «Масарик и его отношение к России и к еврейству». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

04.02.1928. Доклад А. Клее «Правовое положение иностранцев в Германии и вопрос о переходе в германское подданство». Берлин.

09.02.1928. 2-й доклад М.А. Соловейчика «Корни исторической проблемы еврейства (к вопросу о возникновении еврейской диаспоры)». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

13.02.1928. 3-й (заключительный) доклад М.А. Соловейчика «Корни исторической проблемы еврейства». Берлин, Гутман-зал.

10.03.1928. Доклад С.Г. Шермана «Евреи и особенности послевоенного капитализма», дискуссия с Б.Д. Бруцкусом. Берлин, Гутман-зал, 20:00.

17.03.1928. Доклад Г.А. Ландау «Сверхгосударственные объединения», дискуссия с А.А. Гольденвейзером, В.Н. Строевым, Б.Д. Бруцкусом. Берлин, Гутман-зал, 20:00.

24.03.1928. Доклад Г.Л. Ловцкого «Ницше и проблема иудаизма». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

31.03.1928. Серия «Тенденции в немецком еврействе за последние 150 лет». Доклад А.З. Штейнберга «Просвещение и правительство». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

19.04.1928. Доклад А.З. Штейнберга «Реформация и ассимиляция» (о духовных течениях в немецком иудаизме). Берлин, Гутман-зал, 20:00.

03.05.1928. Вечер памяти В.Г. Короленко. Речи Я.Л. Тейтеля «Мои встречи с В.Г. Короленко», Е.Д. Молдавской «Воспоминания о Короленко и об его отношении к еврейству». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

10.05.1928. Доклад А.З. Штейнберга «О духовных течениях в немецком еврействе за последние 150 лет». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

22.11.1928. Доклад Л.И. Шестова «Л.Н. Толстой». Берлин, Ложенгауз, 20:00.

## 1929

02.01.1929. Доклад Р. Абрамовича «Антисемитизм в советской России». Берлин, Артиллерийштрассе, 6, 20:30.

04.02.1929. Доклад Л.М. Брамсона «Евреи в Южной Америке». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

18.02.1929. Доклад Б.Д. Бруцкуса «О социологии иудаизма». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

09.03.1929. Доклад И.О. Левина «Лессинг и его значение для еврейства». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

13.04.1929. Доклад Н. Яффе «Миросозерцание хасидизма в современной еврейской и мировой литературе». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

20.04.1929. Доклад В.Н. Строева «Славянофильство и еврейский вопрос». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

14.11.1929. Доклад И.С. Гурвича «Арабский национализм и Палестина». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

12.12.1929. Празднование Хануки. Доклад И.М. Бикермана «О Маккавеях». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

## 1930

16.01.1930. Доклад И. Фрейда «Еврейский вопрос в советской России». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

13.02.1930. Доклад М.Н. Шварца «Культурно-философский антисемитизм в Германии». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

12.06.1930. Доклад И. Британа «Евреи в русской культуре». Берлин, Гутман-зал, 20:30.

17.06.1930. Доклад А.И. Гидони «Евреи под советской властью». Берлин, Гутман-зал, 20:30.

24.06.1930. Доклад Р.М. Бланка «Перспективы еврейской эмиграции во Францию». Берлин, Гутман-зал, 20:30.

23.10.1930. Доклад И.О. Левина «Германский национал-социализм». Берлин, Гутман-зал, 20:30.

20.11.1930. Доклад Б. Бродского «Еврейское население Подкарпатской Руси (из путевых впечатлений)», показ фотографий. Берлин, Гутман-зал, 20:15.

16.12.1930. Доклад В.Н. Строева «Иудаистические реакции в христианстве и наши так называемые жидовствующие секты». Берлин, Гутман-зал, 20:15.

### **1931**

15.01.1931. Доклад А.М. Кулишера «Англия и Палестина». Берлин, 20:30.

10.03.1931. Доклад Шмарьи Левина (бывшего депутата Думы) «Три основные течения в новейшую эпоху еврейской истории». Берлин, клуб «Ахдут», Курфюрстендамм, 50, 20:30.

26.03.1931. Доклад Н.Ю. Гергеля «Евреи под пятилеткой». Берлин, клуб «Ахдут», 20:30.

14.04.1931. Доклад И.О. Левина «Лорд Биконсфильд. К 50-летию его смерти». Берлин, клуб «Ахдут», 20:30.

28.04.1931 (совместно с русско-еврейским общественным клубом). Доклад А.З. Штейнберга «Хасидизм». Берлин, клуб «Ахдут», 20:30.

### **1932**

19.12.1932. Доклад Г.А. Ландау «Спиноза. К 300-летию рождения». Берлин, клуб «Ахдут».

### **1933**

30.01.1933. Доклад Г.Л. Ловцкого «Религиозно-философские искания Генриха Гейне». Берлин, клуб «Ахдут».

27.02.1933. Доклад М.Н. Шварца «Еврейство в общественной немецкой интеллигенции». Берлин, клуб «Ахдут».

13.03.1933. Доклад Ю.Д. Бруцкуса «О происхождении русских евреев». Берлин, клуб «Ахдут».

## **Приложение 2**

### **Лекционная программа**

#### **Союза русской присяжной адвокатуры**

#### **в Германии\***

Доклады читались в основном в берлинском кафе «Леон» (затем переименовано в «Ягенбург»), находившемся на углу Ноллендорфплатц и Бюловштрассе, в читальном зале юридического книжного магазина Зака на Потсдамерштрассе, а также в русско-еврейском клубе «Ахдут» на Курфюрстендамм.

28.06.1920. Доклад Б.Л. Гершуна «Последние дни петербургской адвокатуры».

11.11.1920. Доклад В.С. Манделя «Права русских граждан за границей».

23.12.1920. Доклад барона М.А. фон Таубе «О правовом положении русских эмигрантов с точки зрения международного права».

07.01.1921. Доклад Д.А. Ионаса «О постоянном суде международной юстиции». Берлин, Коллегия адвокатов (Шёнебергер Уфер, 40).

11.02.1921. Дискуссия «О ликвидации долгов по сделкам, заключенным в русской и другой валюте».

11.03.1921. Доклад Е.А. Ефимовского «Проект русской конституции, составленный Крамаржем». Берлин, Коллегия адвокатов.

23.03.1921. Дискуссия о создании русского третейского суда. Докладчик – В.А. Гольденберг.

01.04.1921. Доклад Н. Абрамовича «Социология большевизма». Берлин, студенческий клуб, 18:30.

15.04.1921. Доклад В.С. Манделя «Вопрос об организации третейского суда». Берлин, Коллегия адвокатов, 20:00.

12.01.1922. Доклады И.А. Фихмана «О суде и адвокатуре на Дальнем Востоке» и З.Я. Рохлина «О положении суда и адвокатуры в Грузии».

03.03.1922. Доклад О.А. Верта «Правовые вопросы русской эмиграции в Германии».

14.03.1922. Доклад А.Л. Паткина «Современный федерализм в Германии».

28.03.1922. Доклад С.К. Сочивко «Психозы революционных эпох, как самостоятельные факторы преступности».

24.04.1922. Доклад М.Э. Гандина «Классовые промышленные организации предпринимателей и рабочих в Германии и их взаимоотношения». Берлин, ресторан «Лейтгауз».

06.05.1922. Доклад А.С. Гуровича «Власть и право. Проблема государственного суверенитета».

05.10.1922. Доклад французского присяжного поверенного Дуссана «Правовое положение иностранцев во Франции».

---

\* Источники: ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 11; Ф. 5769. Оп. 2. Д. 15; Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918 – 1941 / Hrsg. K. Schlögel, K. Kucher, B. Suchy, G. Thum. Berlin: Akademie-Verlag, 1999.

16.10.1922. Доклад Е.А. Ефимовского «Уголовная ответственность вождей побежденной революции».

30.10.1922. Доклад Л.М. Зайцева «Реформа суда в советской России в связи с введением в действие уголовного процессуального кодекса и положений о прокуратуре и адвокатуре».

13.11.1922. Доклад Л.М. Зайцева «Движение уголовных дел по новому советскому процессуальному кодексу».

15.01.1923. Доклад А.Н. Пилкина «Общественный идеал в современной научной литературе». Берлин, ресторан «Лейтгауз».

12.02 и 19.02.1923. Доклады немецкого адвоката Р. Фрейнда (Фройнда) о гражданско-правовом положении русских эмигрантов в Германии. Берлин, ресторан «Лейтгауз».

19.03.1923. Серия «Советское законодательство». Доклад Л.М. Зайцева об аграрных законах.

26.03.1923. Серия «Советское законодательство». Доклады И.М. Рабиновича «Общая часть гражданского кодекса РСФСР», С.К. Сочивко «Наследственные и семейные права в РСФСР». Берлин, ресторан «Лейтгауз».

12.04.1923. Серия «Советское законодательство». Доклад Р. Фрейнда «О советском законодательстве».

24.04.1923. Серия «Советское законодательство». Доклад А.Л. Паткина «Новый советский кодекс труда в освещении современного рабочего законодательства».

11.05.1923. Серия «Советское законодательство». Доклад С.К. Сочивко «Семейное и наследственное право в современной России».

18.05.1923. Доклад А.А. Гольденвейзера «Конституция Германской республики».

29.10.1923. Доклад В.С. Манделя «Право и нравственность в международных отношениях».

6.11.1923. Доклад Я.Г. Перского «Обесценение германской марки и гражданское право».

19.11.1923. Доклады Е.А. Фальковского «О судебном законе и праве бедности по германскому закону применительно к бесподданным», С.К. Гогеля «Кризис парламентаризма и демократии».

18.12.1923. Доклад А.А. Гольденвейзера «Советский федерализм».

10.01.1924. Доклад К.И. Савича «Российская коммунистическая партия в значении верховной власти СССР». Берлин, ресторан «Лейтгауз».

21.02.1924. Доклад А.А. Боголепова «Власть на местах в республиках советской России». Берлин, ресторан «Бюлов».

23.02.1924. Доклад К.И. Савича «Что такое легитимизм».

05.03.1924. Доклад И.М. Рабиновича «Порядок наследования для русских в Германии».

23.04.1924. Доклад Е.А. Фальковского «Юридические отношения квартирохозяев к поднаймаемым по германским законам и судебной практике».

09.05.1924. Доклад А.А. Гольденвейзера «Личное право или социальные обязанности».

24.11.1924. Доклад Е.А. Фальковского «Должно ли советское право применяться к эмигрантам в Германии (ст. 29 Вводного закона к Германскому гражданскому уложению)».

22.01.1925. Доклад И.М. Рабиновича и Е.А. Фальковского «Советско-германский торговый договор».

24.01.1925. Доклад И.М. Бикермана «Революция, как творческое и правотворческое начало».

31.01.1925. Доклад Л.М. Зайцева «Новое в проекте Германского гражданского уложения».

16.02.1925. Доклад В.С. Фридштейна «Новое в Германском уголовном судопроизводстве».

23.02.1925. Доклад К.И. Савича «Что такое легитимизм?». Берлин, «Ноллендорф-Казино», Клейстштрассе, 41, 20:00.

20.03.1925. Доклад В.С. Фридштейна «Новое в германском гражданском судопроизводстве».

02.04.1925. Доклад И.М. Рабиновича «Идеология советского гражданского законодательства».

23.04.1925. Доклад Н.Н. Переселенкова «Германский закон и практика в вопросе о несостоятельности».

13.05.1925. Доклад К.И. Савича «Новый хозяйственно-административный строй в советской деревне».

12.10.1925. Доклад Е.А. Фальковского «Процессуальные постановления договора (судебный залог, право бедности, патенты, третейские суды)».

01.11.1925. Доклад Г.Д. Гурвича «Гуго Гроций и современная теория международного права».

20.11.1925. Инсценировка суда над Родионом Раскольниковым с участием Н.П. Карабчевского (Рим) и адвокатов Союза.

11.12.1925. Доклад В.С. Манделя «Русские акционерные общества в эмиграции».

22.01.1926. Доклады И.М. Рабиновича «Наследство русских эмигрантов», Е.А. Фальковского «Судебный залог, право бедности, патенты и марки (принцип взаимности)». Берлин, Гутман-зал, 20:00.

04.02.1926. Доклад Е.А. Фальковского «Процессуальные постановления советско-германского договора от 12 октября 1925 года (судебный залог, право бедности, патенты, третейские суды)». Берлин, Шуберт-зал.

06.04.1926. Доклад А.И. Бунге «Современное экономическое положение Германии».

20.04.1926. Доклад Р.Р. Львовой «Социально-правовая охрана детей в Германии».

07.05.1926. Доклад А.И. Бунге «Экономическое положение современной России». Берлин, зал юридической библиотеки Зака, 20:00.

18.05.1926. Доклад Б.Д. Бруцкуса «Судьбы русского народного хозяйства в войне и революции». Берлин, зал юридической библиотеки Зака, 20:00.

25.10.1926. Доклад С. Ривлина «Германский закон о валоризации закладных».

05.11.1926. Доклад Г.И. Виленского «Проблема национальных меньшинств в международном праве и политике послевоенной Европы». Берлин, зал юридической библиотеки Зака, 20:00.

29.11.1926. Вечер, посвященный памяти М.М. Винавера. Доклады Б.Л. Гершуна «М.М. Винавер как адвокат», А.А. Гольденвейзера «Воспоминания о М.М. Винавере», Б.И. Элькина «М.М. Винавер как писатель-цивилист». Берлин, зал юридической библиотеки Зака, 20:00.

20.12.1926. Доклад А.А. Гольденвейзера «Британская республика народов». Берлин, зал юридической библиотеки Зака, 20:00.

06.01.1927. Доклад И.М. Рабиновича «Русско-германский договор с точки зрения международно-частного права». Берлин, зал юридической библиотеки Зака, 20:00.

17.02.1927. Доклад Е.А. Фальковского «Практическая евгеника и социальное принуждение», дискуссия с участием С.К. Гогеля, Г.И. Виленского, В.С. Манделя, А.П. Браунштейна. Берлин, зал юридической библиотеки Зака, 20:00.

02.03.1927. Доклад А.Л. Паткина «Советская монополия внешней торговли и русско-германский договор 12 октября 1925 года». Дискуссия с участием И.М. Рабиновича, К.С. Лейтеса, Л.М. Зайцева, Е.С. Рабиновича. Берлин, зал юридической библиотеки Зака, 20:00.

19.04.1927. Доклад Б.И. Элькина «Основные элементы народного хозяйства нынешней России». Берлин, зал юридической библиотеки Зака, 20:00.

05.05.1927. Доклад Е.С. Рабиновича «Третьейские суды в коммерческом обороте с Россией». Берлин, зал юридической библиотеки Зака, 20:00.

13.10.1927. Вечер, посвященный памяти А.Ф. Кони. Доклады Б.Л. Гершуна «А.Ф. Кони и адвокатура», И.В. Гессена «Воспоминания и характеристика», Е.А. Фальковского «Юрист-художник». Берлин, Шуберт-зал.

06.12.1927. Доклад Б.Д. Бруцкуса «Русское народное хозяйство под властью коммунистической партии». Берлин, зал юридической библиотеки Зака, 20:00.

27.02.1928. Доклад А.А. Гольденвейзера «Толстой и право».

03.05.1928. Доклад И.М. Рабиновича «Ликвидация иностранных капиталов бывших русских обществ». Дискуссия с участием В.С. Мандела и Б.И. Элькина. Берлин, зал юридической библиотеки Зака, 20:00.

07.05.1928. Доклад Б.Л. Гершуна о дореволюционном Сенате и В.Н. Гегарде. Берлин, кафе «Леон».

25.10.1928. Доклад С. Ривлина «Германский закон о валоризации закладных». Берлин, зал юридической библиотеки Зака, 20:00.

13.03.1929. Доклад Б.И. Элькина «П.Н. Милюков в политической жизни России». Берлин, гимназия Вернера, 20:00.

14.04.1929. Вечер в честь 10-летия со дня смерти К. Арсеньева. Выступления П.Н. Милюкова, Б.Л. Гершуна, Б.И. Элькина. Берлин, Ложенгауз, 20:00.

23.08.1929. 1-й доклад А.Д. Марголина: докладчик, только что вернувшийся из Америки, рассказывает о своих впечатлениях. Берлин, кафе «Шмидт», Мартин-Лютер-штрассе, 6, 20:00.

02.09.1929. 2-й доклад А.Д. Марголина «Законы, суд и адвокатура в США».

23.10.1929. Доклад А.А. Гольденвейзера «Соединенные штаты Европы». Берлин, кафе «Шмидт», 20:30.

04.12.1929. Собрание в честь 65-летия создания российской судебной системы. Доклад С.В. Завадского (Прага) «Памяти русского суда и его деятелей».

10.01.1930. Доклад С. Ривлина «О так называемых шварцкауфпроцессах». Берлин, кафе «Шмидт», 20:30.

17.02.1930. Доклад Б.И. Элькина «Новое акционерное право». Берлин, кафе «Шмидт», 20:30.

04.09.1930. 3-й доклад А.Д. Марголина (члена американской коллегии адвокатов) «Конституция, федеральные законы и суды в Соединенных Штатах Америки. Практика по русским делам». Ресторан «Альте Клаузе» («Старая келья»), Курфюрстендамм, 23, 20:00.

06.10.1930. Собрание Союза в честь 10-летия его существования. Выступления Б.Л. Гершуна «Русская адвокатура в Германии», Л.М. Зайцева «Адвокатура в советской России», Е.М. Кулишера «Заветы русской адвокатуры».

23.02.1931. Доклад С. Ривлина «Новые законы о валоризации ипотек». Берлин, клуб «Ахдут», 20:00.

20.03.1931. Доклад Г. Фрейда «Будущее гражданского права в Советском Союзе». Берлин, Шадовштрассе, 6-7, 20:30.

21.11.1932. Доклад Е.А. Фальковского «Что надо знать эмигранту?». Берлин, клуб «Ахдут».

12.12.1932. Доклад А.А. Гольденвейзера «Что такое фашизм?». Берлин, клуб «Ахдут».

## **Приложение 3**

### **Список**

**членов Союза русской присяжной адвокатуры в Германии\***

**(на 28 января 1933 года\*\*)**

АДАМОВ Михаил Александрович  
АРХАНГЕЛЬСКИЙ Михаил Владимирович  
БАЕВ Георгий Васильевич  
БЕМЕ Густав Густавович  
БЕРКОВИЦ Николай Александрович  
БЕРНШТЕЙН Исидор Борисович  
БОГРОВ Владимир Григорьевич  
БРАМСОН Леонтий Моисеевич  
БРОДСКИЙ Григорий Львович  
БРОДСКИЙ Яков Соломонович  
ВЕЙС Альфред Густавович  
ГАРТЕНБЕРГ Герман Яковлевич  
ГЕВГАРДТ Ричард Васильевич  
ГЕРШУН Борис Львович  
ГИДДИН Борис Маркович  
ГОЛОБОРОДЬКО Семен Моисеевич  
ГОЛЬДБЕРГ Лев Самойлович  
ГОЛЬДЕНБЕРГ Абрам Моисеевич  
ГОЛЬДЕНБЕРГ Владимир Абрамович  
ГОЛЬДЕНБЕРГ-ГРАНСКИЙ Леонид Маркович  
ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР Алексей Александрович  
ГОРДОН Михаил Яковлевич  
ГРИНКРУГ Михаил Александрович  
ЗАБЕЖИНСКИЙ Григорий Борисович  
ЗАЙЦЕВ Лев Моисеевич  
ЗАЛЕМАН Николай Викторович  
ЗИЛЬБЕРБЕРГ Захар Матвеевич  
ЗИЛЬБЕРМАН Николай Абрамович  
ЗИЛЬБЕРШТЕЙН Аркадий Львович  
КАДИШ Михаил Павлович  
КИЧИН Моисей Львович

---

\* Источник: ГАРФ. Ф. Р-5890. Оп. 1. Д. 48. Л. 1 – 6, 26.

\*\* На первой странице отпечатанного списка имеется надпись от руки «Испр[авлено] 28/I. 1933». Из списка вычеркнуты Яков Львович Альшиц, Павел Самойлович Антик, Владимир Акимович Виккер, Анатолий Эдуардович Дюбуа, Оскар Давидович Кайзер, Яков Исаакович Конгиссер (перечеркнут его берлинский адрес, вписан от руки парижский), Павел Александрович Туббе и Евгений Андреевич Френкель.

КОЖИН Сергей Георгиевич  
КУЛИШЕР Александр Моисеевич  
КУЛИШЕР Евгений Михайлович  
КУЧЕРОВ Самуил Львович  
ЛАВРЕНТЬЕВ Александр Дмитриевич  
ЛЕБЕЦКИЙ Владислав Антонович  
ЛЕВ Леон Аронович  
ЛЕВЕНСОН Александр Григорьевич  
ЛЕВИТАН Иосиф Давидович  
ЛЕХНО Валентин Иосифович  
ЛОШАКОВ Маврикий Аркадьевич  
ЛУРЬЕ Аркадий Ефимович  
ЛЬВОВА Розалия Рудольфовна  
МАЛКИЕЛЬ Лев Яковлевич  
МЕРКИН Моисей Лазаревич  
ОРЛОВСКИЙ Владимир Владимирович  
ПАТКИН Аарон Лазаревич  
ПЕРЕПЛЕТНИК Григорий Моисеевич  
ПОЛЬ Роберт Георгиевич  
ПОРТНОВ Даниил Исаевич  
РИВЛИН Зельман Самойлович  
РОЗЕНТАЛЬ Михаил Яковлевич  
РОМАНОВ Николай Николаевич  
РОХЛИН Захар Яковлевич  
РУДИНСКИЙ Борис Андреевич  
СОКОЛОВСКИЙ Александр Аркадьевич  
ТЕЙТЕЛЬ Яков Львович  
УМАНСКИЙ Григорий Борисович  
ФАЛЬКОВСКИЙ Евгений Адамович  
ФИШМАН Виктор Наумович  
ФРУМКИН Яков Григорьевич  
ХАРЛИП Григорий Яковлевич  
ЦЕЙТЛИН Апполинарий Абрамович  
ШВЕЙДЕЛЬ Наум Ефимович  
ШКЛЯВЕР Самуил Яковлевич  
ШОХОР Яков Семенович  
ШРЕЙБЕР Густав Густавович  
ШТЕЙН Роман Ильич  
ЭЛЬКИН Борис Исаакович  
ЭТТИНГЕР Марк Ионович  
ЯГДЖИАН Гайка Степанович  
ЯКОВЛЕВ Андрей Степанович  
ЯКУБСОН Соломон Израилевич

## **ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА**

### **Архивные материалы**

#### **Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)**

- Ф. Р-102 (Департамент полиции).
- Ф. Р-5769 (В.С. Мандель).
- Ф. Р-5774 (Союз русских евреев в Германии).
- Ф. Р-5815 (Общество помощи русским гражданам в Германии).
- Ф. Р-5890 (Союз русской присяжной адвокатуры в Германии).
- Ф. Р-5897 (Б.И. Элькин).
- Ф. Р-5981 (А.А. Гольденвейзер).
- Ф. Р-5986 (Б.Л. Гершун).
- Ф. Р-6030 (Русское республиканско-демократическое объединение в Германии).
- Ф. Р-6407 (Дети-друзья).

#### **Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PAAA)**

#### **(Политический архив МИД Германии, Берлин)**

- Nachlass M. Sobernheims (коллекция М. Зобернхайма).
- R 78679. Jüdische Angelegenheiten. Passangelegenheiten, Empfehlungen.
- R 78704. Jüdische Angelegenheiten. Antisemitismus.
- R 78705. Jüdische Angelegenheiten. Ausweisung von Ostjuden.
- R 78706. Statistik.
- R 78713. Jüdische Angelegenheiten. Jüdische Einwanderung.
- R 78721. Jüdische Angelegenheiten. Passachen und Empfehlungen.
- R 78722. Jüdische Angelegenheiten. Visum und Grenzempfehlungen.
- R 78729. Prof. Sobernheim. Jüdisch-internationale Konferenz.
- R 78731. Prof. Sobernheim. Zum Vortrag: Jüdische Angelegenheiten.
- R 83810. Russische Kriegsgefangene in Deutschland. Bd. 1.
- R 83811. Russische Kriegsgefangene in Deutschland. Bd. 2.
- R 83812. Russische Kriegsgefangene in Deutschland. Bd. 3.
- R 83813. Russische Kriegsgefangene in Deutschland. Bd. 4.
- R 83814. Russische Kriegsgefangene in Deutschland. Bd. 5.
- R 83815. Russische Kriegsgefangene in Deutschland. Bd. 6.
- R 83816. Russische Kriegsgefangene in Deutschland. Bd. 7.
- R 83817. Russische Kriegsgefangene in Deutschland. Bd. 8.
- R 83818. Russische Kriegsgefangene in Deutschland. Bd. 9.
- R 83819. Russische Kriegsgefangene in Deutschland. Bd. 10.
- R 83820. Russische Kriegsgefangene in Deutschland. Bd. 11.
- R 84333. Abteilung IV: Rußland. Juden.

**Centrum Judaicum Archiv**

**(Архив «Centrum Judaicum», Берлин)**

1, 75 A Stu 1. Nr. 9 – обзор деятельности еврейских организаций, в т.ч. Союза русских евреев в Германии.

**Archiv des jüdischen Museums Berlin**

**(Архив Еврейского музея, Берлин)**

XI Natio 104. B 307 (Союз евреев – немецких националистов).

**Ha-arkhiyon ha-merkazi le-toldot ha-‘am ha-yehudi, Yerušalayim**

**(Центральный архив истории еврейского народа, Иерусалим)**

M2/1/f Hilfsverein der deutschen Juden.

**Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture,  
Rare Book and Manuscript Library, Columbia University, New York**

**(Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории**

**и культуры, Библиотека редких книг и рукописей,**

**Колумбийский университет, Нью-Йорк)**

Alexis Goldenweiser Papers (фонд А.А. Гольденвейзера).

**Leeds Russian Archive**

**(Русский архив в Лидсе)**

Zemgor Collection (фонд Земгора).

**Oxford University, Bodleian Library, Manuscript Division**

**(Рукописный отдел Бодлеанской библиотеки,**

**Оксфордский университет)**

Boris Elkin Collection (фонд Б.И. Элькина).

**Периодическая печать**

Еврейская трибуна (Париж)  
Закон и суд (Рига)  
Народная мысль (Рига)  
Наш век (Берлин)  
Новое русское слово (Нью-Йорк)  
Последние новости (Париж)  
Рассвет (Берлин, 1922 – 1924)  
Руль (Берлин)  
Сегодня (Рига)  
Социалистический вестник (Берлин; Париж; Нью-Йорк)  
Israelitisches Familienblatt  
Jüdisch-liberale Zeitung. 1924  
Jüdische Rundschau. 1921  
Der nationaldeutsche Jude. Mitteilungsblatt des Verbandes deutschnationaler Juden. 1921 – 1924, 1930  
Rasswjet (Deutsches Heft). Berlin, 1925

**Справочные издания**

Большая советская энциклопедия. 1-е изд. М., 1926 – 1947.  
Краткая еврейская энциклопедия. Т. 1 – 11. Иерусалим, 1976 – 2005.  
Литературная энциклопедия русского зарубежья: 1918 – 1940 / Ред. А.Н. Николюкин. Т. 2. М., 2000.  
Незабытые могилы (Российское зарубежье: некрологи 1917 – 1979) / Ред. В.Н. Чуваков. Т. 1 – 6. М., 1999 – 2005.  
Поляков Л.Л. Русские евреи. Аналитический справочник. Нью-Йорк; Портланд; Орегон, 2010 – <http://russian-jews-refbook.org/>  
Российская еврейская энциклопедия. Т. 1 – 3. М., 1994 – 2000.  
Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках. Аннотированный указатель книг, журнальных и газетных публикаций, изданных за рубежом в 1917 – 1991 гг. / Ред. А.Г. Тартаковский, Т. Эммонс, О.В. Будницкий. Т. 1 – 4. М., 2003 – 2006.  
Северюхин Д.А., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917 – 1941). Биографический словарь. СПб., 1994.  
Серков А.И. Русское масонство. 1731 – 2000 гг.: Энциклопедический словарь. М.: РОС-СПЭН, 2001.

Указатели журнала «Социалистический вестник». 1921 – 1963 / Ред. А. Lande; предисл. А. Liebich. Париж: Inst. d'études slaves, 1992.

Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918 – 1941 / Hrsg. K. Schlögel, K. Kucher, B. Suchy u. G. Thum. Berlin: Akademie-Verlag, 1999.

Silbergleit H. Die Bevölkerungs- und Berufsverhältnisse der Juden im Deutschen Reich. Berlin, 1930.

Who was who in America. Vol. I (1897 – 1942). Chicago, 1943; Vol. III (1951 – 1960). Chicago, 1963.

### Опубликованные источники

А.А. Гольденвейзер и Набоковы (по материалам архива А.А. Гольденвейзера) / Публикация, вступительная статья и комментарии Галины Глушанок // Евреи из России в Америке. Кн. 2 / Ред. – сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007 (то же: Nabokov Online Journal. 2007. Vol. I).

Алданов М. Ключ. Берлин: Изд. Книгоиздательства «Слово» и журнала «Современные записки», 1930.

Андреев Н.Е. Б.И. Элькин (Некролог) // Новый журнал. 1972. Кн. 109.

Аронсон Г. Записки секретаря ОРТа / Публ., вступит. статья и комментарии А.И. Иванова // Архив еврейской истории. Т. 3. М.: РООСПЭН, 2006.

Бахрах А.В. По памяти, по записям. Париж, 1980.

Бахрах А.В. Бунин в халате; По памяти, по записям. М.: Вагриус, 2006.

Винавер М.М. Памяти Александра Соломоновича Гольденвейзера. Пг., 1915.

Вишняк М. Годы эмиграции 1919 – 1969. Париж – Нью-Йорк: Воспоминания. СПб.: ФормаТ, 2005.

Встреча с Сириным. [http://www.100tomov.ru/russ\\_proza/Nabokov\\_Vladimir/Vstrecha\\_s\\_V\\_Sirinym.gz/2/](http://www.100tomov.ru/russ_proza/Nabokov_Vladimir/Vstrecha_s_V_Sirinym.gz/2/)

Гершун Б.Л. Воспоминания адвоката // Новый журнал. 1955. Кн. 43.

Гессен В.И. В борьбе за жизнь (Записки эмигранта). Нью-Йорк, 1974.

Гессен И.В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж: YMCA-press, 1979.

Гольденвейзер А.А. Бегство // Архив русской революции. Т. XII. Берлин, 1923 (Репринтное воспроизведение: М., 1991. Т. 11 – 12).

Гольденвейзер А.А. В защиту права. Статьи и речи. Нью-Йорк, 1952.

Гольденвейзер А.А. Вальтер Ратенау (К годовщине его смерти) // Народная мысль. 1924. 22 июня.

Гольденвейзер А.А. Вождь американского пролетариата // Народная мысль. 1925. 10 янв.

Гольденвейзер А.А. Из Киевских воспоминаний // Архив русской революции. Т. VI. Берлин, 1922 (Репринтное воспроизведение: М., 1991. Т. 5 – 6).

Гольденвейзер А.А. Образы прошлого (А.Ф. Кони и С.А. Андреевский) // Сегодня. 1923. № 35.

Гольденвейзер А.А. Политические письма // Народная мысль. 1923. 21 окт.

Гольденвейзер А.А. Реликвии русского царизма (Письма и дневники Романовых) // Сегодня. 1922. № 69.

Гольденвейзер А.А. Самооборона против коммунизма // Народная мысль. 1924. 25 дек.

Гольденвейзер А.А. Счастье или позор? Из заметок о Льве Толстом к 95-летию со дня его рождения // Сегодня. 1923. 9 сент.

Гольденвейзер А.А. «Чрезвычайные указы» германского президента // Закон и суд. 1932. № 4 (24).

- Гольденвейзер А. Я.Л. Тейтель // Еврейский мир: Сборник 1944 года. Иерусалим; М.: Мосты культуры; Гешарим; Минск: МЕТ, 2001 (репринтное воспроизведение).*
- Гольденвейзер А.А. Якобинцы и большевики (психологические параллели). Берлин, 1922.*
- Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. М., 1959 (1-е изд., Ч. 1 – 2. М., 1922 – 1923).*
- Гольденвейзер А.С. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление // Этюды, лекции и речи на уголовные темы. Киев, 1908.*
- Гольденвейзер А.С. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление. Киев, 1911.*
- Грузенберг О.О. Вчера: Воспоминания. Париж, 1938.*
- Гуль Р. Я унес Россию. Т. 1. Россия в Германии. М.: Б.С.Г. – пресс, 2001.*
- Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути – <http://lib.rin.ru/doc/i/57534p73.html>.*
- «Другой газеты сегодня в Германии быть не может...». Письма Владимира Деспотули к Александру Бурову (1934 – 1938) / Публ. С.В. Шумихина // Диаспора: Новые материалы. Т. VIII. Париж; СПб.: Athenaeum; Феникс, 2007.*
- Дубнов С.М. Книга жизни. Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. М.; Иерусалим, 2004.*
- Духовная жизнь современной России (лекция А.А. Гольденвейзера) // Руль. 1923. 29 апр.*
- Еврейская антология. Сборник молодой еврейской поэзии / Ред. В.Ф. Ходасевич и Л.Б. Яффе. 3-е изд. Берлин: Изд. С.Д. Зальцмана, 1922.*
- Еврейский мир. Ежегодник на 1939 год. Иерусалим; М.; Минск, 2002 (репринтное воспроизведение).*
- Еврейский мир. Сборник 1944 года. Иерусалим; М.: Мосты культуры; Гешарим; Минск: МЕТ, 2001 (репринтное воспроизведение).*
- Еврейский сборник. Берлин: Русское универсальное издательство, 1921.*
- Еврейское местечко в революции. Очерки / Ред. В.Г. Тан-Богораз. М.; Л., 1926.*
- Зайцев Л.М. Взаимное исполнение иностранных судебных решений и русско-германский торговый договор: [Докл., сдел. на Экспорт. съезде в Киеве 21 февр. 1914 г.]. Киев: тип. А.И. Гроссман, 1914.*
- Зайцев Л.М. Независимость суда. СПб.: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1912.*
- Зайцев Л.М. Ответственность при массовых преступлениях. Киев: И.И. Самоненко, 1909.*
- Зайцев Л.М. Подданные враждебного государства и русские суды. Киев: И.И. Самоненко, 1915.*
- Зеелер В.Ф. Памяти хорошего человека // Русская мысль. 1954. 28 июня (№ 679).*
- К-н. Е. Что такое демократия? // Руль. 1925. № 1268. 4 февр.*
- «Крайне тяжелые дни»: Письма из Франции / Публ. О.Р. Демидовой // Русские евреи во Франции: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Кн. 1. Иерусалим, 2001.*
- Лурье В. Воспоминания // Студия. 2005 – 2008. № 9 – 12.*
- Международная конвенция о перевозке грузов по железным дорогам: Рус. и фр. текст с прил. и с разъяснениями по протоколам Берн. конф. 1878, 1881, 1886 и 1890 г. / Сост. И.М. Рабинович. СПб.: тип. Правительствующего сената, 1893.*
- Натан П. Восточные евреи в Германии и антисемитская реакция / Публикация А.Л. Полян; вступительная статья О.В. Будницкого и А.Л. Полян // Архив еврейской истории / Ред. О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2008. Т. 5.*
- Никольский Н. Письмо в редакцию // Часовой. 1933. № 107.*
- Нуар Ж. Гравюра // Гримасы пера. Рига: Литература, [1928].*
- Общий устав российских железных дорог по разъяснениям Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената и его отделений / Сост. И.М. Рабинович. СПб.: Право, 1914.*
- Пасманик Д.С. Русская революция и еврейство (Большевизм и иудаизм). Берлин, 1923.*

*Перельман А.Ф.* Воспоминания. СПб., 2009.

Протоколы заграничных групп Конституционно-демократической партии. 1923 – 1933 гг. Т. 6. Кн. 2. М., 1999.

Протоколы Съезда русских юристов за границей 1 – 4 октября 1922 года в Берлине: по стенограмме. Берлин: Издание Берлинского отделения Комитета съездов русских юристов, 1922.

Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии: В 6 т. Т. 4. Протоколы заграничных групп Конституционно-демократической партии. Май 1920 – июнь 1921 г. М.: Прогресс-Академия; РОССПЭН, 1996; Т. 5. Июнь – декабрь 1921 г. М.: РОССПЭН, 1997.

*Рабинович И.М.* Теория и практика железнодорожного права по перевозке грузов, багажа и пассажиров. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1891; Изд. 2-е. доп. СПб., 1898.

*Рабинович И.М.* Теория и практика железнодорожного права по перевозке грузов, багажа и пассажиров за 1898-1906 гг. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1907.

Россия и евреи. Берлин: Основа, 1924.

Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920 – 1930-е годы) / Сост. З.С. Бочарова. М.: РОССПЭН, 2004

Русские в Германии. Юридический справочник / Сост. И.М. Рабинович. Берлин: Слово, 1921.

Сафрут. Литературно-художественный сборник / Ред. Л. Яффе. Берлин: Изд. С.Д. Зальцмана, 1922.

*Тейтель Я.Л.* Из моей жизни: за сорок лет. Париж, 1925.

*Трубецкой С.Е.*, кн. Минувшее. М., 1991.

У Толстого: «Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого. Т. 1 – 4. М., 1979.

*Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О.* Русский Берлин, 1921 – 1923. По материалам архива Б.И. Николаевского в Гуверовском институте. Париж, 1983.

Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934 – 1940: В 2 кн. М.: Гей, 1998.

*Шехтман И.* Grimасы голуса // Народная мысль (Рига). 1923. 23 дек.

*Шкловский В.Б.* Zoo. Письма не о любви, или Третья Элоиза. Берлин, 1923.

*Шнеерсон Ф.З.* «Дети-друзья». Новые пути социального воспитания. Берлин, 1924.

*Элькин Б.* Новое акционерное право: К реформе акционерного права в Германии // Закон и суд (Рига). 1929. № 2.

*Эренбург И.Г.* Собр. соч.: В 9 т. М.: Худ. лит., 1962 – 1967.

Я.Л. Тейтель. Юбилейный сборник. 1851 – 1931. Париж; Берлин: Изд. Я.Е. Поволоцкого, 1931.

*Bernstein E.* Von der Aufgabe der Juden im Weltkriege. Berlin, 1917.

*Goldenweiser A.* «Tolstoy's Kampf gegen das Recht» // Archiv für Rechts und Wirtschaftsphilosophie. 1928. B. XXII.

*Nabokov N.* BAGAZH: Memoirs of a Russian Cosmopolitan. NY, 1975.

*Nathan P.* Ostjuden in Deutschland und antisemitische Reaktion // Zeit- und Streitfragen: Heft 5. Berlin, 1922.

*Simpson J.H.* The Refugee Problem: Report of a Survey. L.; N.Y.; Toronto: Oxford University Press, 1939.

*Teitel J.* Aus meiner Lebensarbeit. Uebersetzt von Dr. E. Hurwitz. Frankfurt a. Main: Verlag Felix Kauffmann, 1928.

*Winz L.* Die Ostjudenfrage // Ost und West. 1916. No. 16.

*Zweig A.* Das Los der Geflüchteten. Rede auf dem Presse-Tee des Verbandes Russischer Juden in Deutschland. Berlin, 1930.

## Исследования

*Амусин М.* Две эмиграции Ильи Эренбурга // Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе: 1919 – 1939 гг. / Ред. М. Пархомовский. Вып. 1. Иерусалим, 1992.

*Аронсон Г.Я.* Еврейская общественность в России в 1917-1918 гг. // Книга о русском еврействе. 1917 – 1967 / Ред. Я.Г.Фрумкин, Г.Я.Аронсон и А.А. Гольденвейзер. Нью-Йорк, 1968.

*Базанов П.Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917 – 1988 гг.). СПб., 2004.

*Бейзер М., Мицель М.* Американский брат: Джойнт в России, СССР и СНГ. М.; Иерусалим, 2004.

*Бердичевский Я.* Еврейские книжники Украины: Из истории людей и экслибрисов // Егупец. 2004. № 13.

*Бернацкий М.* Евреи и русское народное хозяйство // Щит: Лит. сборник / Ред. Л. Андреев, М. Горький и Ф. Сологуб. М., 1915.

*Бойд Б.* Владимир Набоков: Американские годы. Биография. М.; СПб.: Изд-во «Независимая газета»; Симпозиум, 2004.

*Бойд Б.* Владимир Набоков: Русские годы. Биография. М.; СПб.: Изд-во «Независимая газета»; Симпозиум, 2001.

*Боулт Дж.* Бегство в Берлин: Иван Пуни в эмиграции // Русский Берлин 1920 – 1945: Международная научная конференция / Ред. Л.С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006.

*Боханов А.Н.* Деловая элита России. 1914 г. М., 1994.

*Бочарова З.С.* Урегулирование прав российских беженцев в Германии в 1920 – 1930-е гг. // Русский Берлин 1920 – 1945: Международная научная конференция / Ред. Л.С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006.

*Будницкий О.В.* Братство Русской Правды – последний литературный проект С.А.Соколова-Кречетова // Новое литературное обозрение. 2003. № 6 (64).

*Будницкий О.В.* «Дело» Нины Берберовой // Новое литературное обозрение. 1999. № 5 (39).

*Будницкий О.* Завтра не имеет значения. Лидия Дан: Письма о Ленине // Колокол (Лондон). 2002. № 3. Июль – август.

*Будницкий О.В.* Из истории «русско-еврейского Берлина»: А.А. Гольденвейзер // Архив еврейской истории. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2005.

*Будницкий О.В.* Материалы по истории российского еврейства в эмигрантских архивах // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы / Ред. О.В. Будницкий, К.Ю. Бурмистров, А.Б. Каменский, В.В. Мочалова. М.: Дом еврейской книги, 2004.

*Будницкий О.В.* Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920). М., 2005.

*Будницкий О.* «Советская дипломатия покажет еще англичанам... кузькину мать!» (Из истории «советофильства») // Диаспора: Новые материалы. Т. VII. Париж; СПб.: Athenaeum; Феникс, 2005.

*Будницкий О.В.* Эмиграция // Россия. М.: Большая российская энциклопедия, 2004.

*Бунд.* Документы и материалы. 1894 – 1921 / Сост. Ю.Н. Амиантов, К.Г. Ляшенко, И.С. Розенталь. М.: РОССПЭН, 2010.

*Вайнберг И.* Берлинский журнал Горького «Беседа», его издатель С.Г. Каплун, поэт В. Ходасевич и др. // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1995. Т. 4.

- Вайнберг И.И.* «Беседа» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918 – 1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М.: РОССПЭН, 2000. С. 32 – 42.
- Винавер М.М., Заславский Д.О., Эрлих Г.М.* Из «черной книги» российского еврейства. Материалы для истории войны 1914 – 1915 года // Еврейская старина. 1918. Т. 10.
- Галушкин А.Ю.* К истории «сменовеховского» движения // Русский Берлин 1920 – 1945: Международная научная конференция / Ред. Л.С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006.
- Гальмарины М. – К., Леонтьев Я.В.* Деятельность берлинских комитетов помощи русским политзаключенным // Русский Берлин: 1920 – 1945: Международная научная конференция / Ред. Л.С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006.
- Гессен В.* Иосиф Гессен: юрист, политик и журналист // Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе: 1919 – 1939 гг. / Ред. М. Пархомовский. Вып. 2. Иерусалим, 1993.
- Гессен Ю.И.* История еврейского народа в России. Т. 1 – 2. Л., 1925 – 1927.
- Гиперинфляция* // Портфельный инвестор. 2008. № 11.
- Григорий Адольфович Ландау:* необходимые уточнения / Публ. В. Гессена // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 3 (7). С. 189 – 192.
- Гусев-Оренбургский С.* Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 г. Пг., б.г.
- Дневник контрреволюционера.* Берлин, 1923. № 1, 2.
- Дойков Ю.В.* Георгий Гурвич – социолог-эмигрант первой волны – [http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/06/24/0000214098/18\\_Dojkov.pdf](http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2005/06/24/0000214098/18_Dojkov.pdf).
- Духан И.* Эль Лисицкий и русско-еврейско-немецкий авангард // Русско-еврейская культура / Ред. О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2006.
- Евреи в культуре русского зарубежья:* Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе: 1919 – 1939 гг. / Ред. М. Пархомовский. Вып. 1 – 10. Иерусалим, 1992 – 2003.
- Еврейская эмиграция из России. 1881 – 2005* / Ред. О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2008.
- Еврейский ежегодник «Кадима» на 1918 – 1919 г.* / Ред. Б.А. Гольдберг. Пг., 1918.
- Елфимов Е.А.* Меншевицкий журнал «Социалистический вестник» в первые годы эмигрантского существования // Культура российского зарубежья. М., 1995.
- Емельянов Ю.Н.* «Русский Берлин» (издательские центры в 20 – 30-х гг.) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917 – 1940. Кн. 1. М., 1994.
- Жданов Д.Н.* Русские национал-социалисты в Германии (1933 – 1939 гг.) // Россия и современный мир. 1998. Вып. 3 (20) – <http://www.inion.ru/product/russia/zdanov.htm>.
- Журавлев С.В.* Человек революционной эпохи: Судьба эсера-террориста // Хранить вечно. Приложение к «Независимой газете». 2000. 31 марта.
- Засс А. – К.* «Ikh bin an emigrant... tsvishn emigranten... ikh vil es mer nisht...» Еврейские мигранты из Восточной Европы в Берлине 1918 – 1933 годов. // Еврейская эмиграция из России. 1881 – 2005 / Ред. О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2008.
- Иванов В.В.* ГОСЕТ: политика и искусство, 1919 – 1928. М., 2007.
- Иванов В.В.* Русские сезоны театра «Габима». М., 1999.
- Иоффе Г.З.* Выселение евреев из прифронтовой полосы в 1915 году // Вопросы истории. 2001. № 9.
- Ипполитов С.С., Катаева А.Г.* «Не могу оторваться от России»: Русские книгоиздатели в Германии в 1920-х гг. М., 2000.
- Каган В.К.* Борис Бруцкус. Иерусалим, 1989.
- Казовский Г.* Художники Культур-Лиги. М.; Иерусалим, 2003.
- Кантор В.* Метафизика еврейского «нет» в романе Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито» // Русско-еврейская культура / Ред. О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2006.

*Капитайкин Э.* «Веселый праведник» – Яков Львович Тейтель // Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе: 1919 – 1939 гг. / Ред. М. Пархомовский. Вып. 1. Иерусалим, 1992.

*Кельнер В.* «Здесь шумят чужие города и чужая плещется вода» (о поэтессе Раисе Блох) // Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе: 1919 – 1939 гг. / Ред. М. Пархомовский. Вып. 1. Иерусалим, 1992.

*Кельнер В.Е.* Миссионер истории: Жизнь и труды Семена Марковича Дубнова. СПб.: Мирь, 2008.

*Клиер Дж. Д.* Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России: 1772 – 1825. М.; Иерусалим, 2000.

Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. / Ред. Я.Г. Фрумкин, Г.Я. Аронсон и А.А. Гольденвейзер. Нью-Йорк, 1960.

Книга о русском еврействе. 1917 – 1967 / Ред. Я.Г. Фрумкин, Г.Я. Аронсон и А.А. Гольденвейзер. Нью-Йорк, 1968.

*Коростелев О.А.* «Новое слово» // Социальные и гуманитарные науки. 1999. № 2 (РЖ. Сер. 7. Литературоведение).

*Кратц Г.* Битов, Бунин и Берлин // Русский Берлин/das Russische Berlin 1918 – 1941: Издание к выставке «Русский Берлин 1918 – 1941» в Государственном историческом музее 13 – 27 мая 2002 года. Б.м., б.г.

*Кучеров С.Л.* Евреи в русской адвокатуре // Книга о русском еврействе: От 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М.: Мосты культуры; Гешарим; Минск.: МЕТ, 2002 (воспроизведение издания Нью-Йорк, 1960).

*Лапишин В.* Леонид Пастернак в Берлине // Пинакотекa. 1999. № 10-11 (3-4).

*Ларин Ю.* Евреи и антисемитизм в СССР. М.; Л., 1929.

*Левитан И.Д.* Русские издательства в 1920-х гг. в Берлине // Книга о русском еврействе. 1917 – 1967 / Ред. Я.Г. Фрумкин, Г.Я. Аронсон и А.А. Гольденвейзер. Нью-Йорк, 1968.

*Лор Э.* Новые документы о российской армии и евреях во времена первой мировой войны // Вестник Еврейского университета. 2003. № 8 (26).

*Лысенко А.В.* Голос изгнания: Становление газет русского Берлина и их эволюция в 1919 – 1922 гг. М., 2000.

*Миц М.* Национальные движения евреев и других меньшинств в национальных государствах // Вестник Еврейского университета. 2001. № 5 (23).

*Михайлова М.* Загадочная судьба актрисы Мирры Яковлевны Биренс // Параллели: Русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. 2004. № 4/5.

*Молок Ю.* Берлинский журнал «Вещь» и его русские критики // Русский авангард 1910 – 1920 годов в европейском контексте. М., 2000.

*Молок Ю.* Вещь как вещь или полемика на языке графики // Пинакотекa. 1999. № 10 – 11 (3 – 4).

*Моммзен Х.* Гитлер, немцы и 2-я мировая война (Доклад 17 октября 2007 г. в Германском историческом институте в Москве). Moskau: Deutsches Historisches Institut, 2008.

*Натанс Б.* За Чертой: евреи, русские и «еврейский вопрос» в Петербурге (1855 – 1880) // Вестник Еврейского университета в Москве. 1994. № 2 (6).

Очерк истории еврейского народа / Ред. Ш. Эттингер. Т. II. Иерусалим, 1990.

*Перепелкин М.* Франциск Ассизский в сутолоке провинциальной жизни // Performance: Все об искусстве. № 3 (20) – <http://lifeart.narod.ru/nom20/p20-3.htm>.

*Примочкина Н.Н.* Итальянские темы в публикациях журнала «Беседа» // Русские в Италии: культурное наследие эмиграции. М.: Русский путь, 2006. С. 251 – 259.

*Равдин Б.* Материалы к указателю еврейской печати Латвии. 1919 – 1940 // Балтийский архив. Т. VI. Рига, 2000.

*Раев М.И.* Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919 – 1939. М., 1994.

*Рогачевский А.* Борис Исаакович Элькин и его оксфордский архив // Евреи в культуре русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе / Ред. М. Пархомовский. Вып. 5. Иерусалим, 1996.

Российские предприниматели в начале XX века по материалам Торгово-промышленного и финансового союза в Париже / Сост. Ю.А. Петров, М.К. Шаццло. М., 2004.

Русский авангард 1910 – 1920-х годов в европейском контексте. М., 2000.

Русский Берлин / Ред. – сост. В.В. Сорокина. М.: Издательство Московского университета, 2003.

Русский Берлин 1920 – 1945: Международная научная конференция / Ред. Л.С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006.

Русско-еврейская культура / Отв. ред. О.В. Будницкий. М.: РОССПЭН, 2006.

*Сабенникова И.В.* Земско-городской комитет помощи русским беженцам за границей (Земгор): состав, структура и географические центры // Зарубежная Россия. 1917 – 1939. Т. 1. СПб., 2000.

*Сабенникова И.В.* Российская эмиграция (1917 – 1939): сравнительно-типологическое исследование. Тверь, 2002.

*Седых А.* Русские евреи в эмигрантской литературе // Книга о русском еврействе. 1917 – 1967 / Ред. Я.Г. Фрумкин, Г.Я. Аронсон и А.А. Гольденвейзер. Нью-Йорк, 1968.

*Соколов М.* Создание Республиканско-демократического союза // Диаспора: Новые материалы. Т. VI. Париж; СПб., 2004.

*Соломинская Е.* Союз русских евреев в Германии (1920 – 1935 гг.): урок истории // Евреи в культуре русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе: 1919 – 1939 гг. / Ред. М. Пархомовский. Вып. 10. Иерусалим, 2003.

Статистика еврейского населения: Распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи. 1897 г. / Сост. Б.Д. Бруцкус. СПб., 1909.

*Степанский А.Д.* Россия в британских архивах // Отечественные архивы. 1994. № 6.

*Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. Париж; М., 1996.

*Толстой А.В.* Русская художественная эмиграция в Европе: XX век: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора искусствоведения. М., 2002.

*Толстой А.В.* Художники русской эмиграции. М.: Искусство-XXI век, 2005.

*Флейшман Л.С.* Высылка интеллигенции и русский Берлин в 1922 г. // Русский Берлин 1920 – 1945: Международная научная конференция / Ред. Л.С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006.

*Фрай Н.* Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933 – 1945. М., 2009.

*Фрезинский Б.* Мозаика еврейских судеб. XX век. М., 2008.

*Хазан В.* Довид Кнут: жизнь и творчество. Лион: Université Jean-Moulin, 2000.

*Хазан В.* Об одной вероятной полемике, или Берлинские импульсы повести В. Жаботинского «Самсон Назорей» // Русский Берлин 1920 – 1945: Международная научная конференция / Ред. Л.С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006.

*Хейфец М.Р.* «Социалистический вестник» и «социалистическая страна» // Евреи в культуре русского зарубежья / Ред. М. Пархомовский. Вып. 1. Иерусалим, 1992.

*Христофоров В.С.* Высылка ученых и деятелей культуры из России в 1922 г. в документах ГПУ // Русский Берлин 1920 – 1945: Международная научная конференция / Ред. Л.С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006.

*Ципперштейн С.* Евреи Одессы: История культуры. 1794 – 1881. М.; Иерусалим, 1995.

*Цфасман А.Б.* «Русский Берлин» начала 1920-х годов: издательский бум // Вестник Челябинского университета. 2008. № 34.

*Чистяков К.А.* Российская политическая эмиграция в Берлине во второй половине 1930-х гг. // Русский Берлин 1920 – 1945: Международная научная конференция / Ред. Л.С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006.

*Шехтман И.Б.* Еврейская общественность на Украине (1917 – 1919 гг.) // Книга о русском еврействе. 1917 – 1967 / Ред. Я.Г. Фрумкин, Г.Я. Аронсон и А.А. Гольденвейзер. Нью-Йорк, 1968.

*Шехтман И.Б.* Погромы Добровольческой армии на Украине: (К истории антисемитизма на Украине, 1919 – 1920 гг.) / Вступительная статья И. М. Черикова. Берлин, 1932.

*Шифф С.* Вера (Миссис Владимир Набоков): Биография. М.: Изд-во «Независимая газета», 2002.

*Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. М., 1987.

*Шлэгель К.* Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918 – 1945). М.: Новое литературное обозрение, 2004.

*Шлэгель К.* Русский Берлин: попытка подхода // Русский Берлин 1920 – 1945: Международная научная конференция / Ред. Л.С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006.

*Юниверг Л.* Евреи-издатели и книготорговцы русского зарубежья // Евреи в культуре русского зарубежья / Ред. М. Пархомовский. Вып. 1. Иерусалим, 1992.

*Юхнева Н.В.* Русские евреи как новый субэтнос // Ab Imperio. 2003. № 4.

*Юхнева Н.В.* Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Вторая половина XIX – начало XX в. Л., 1984.

*Янгиров Р.* Из истории русской зарубежной печати и книгоиздательства 1920-х годов (По новым материалам) // Диаспора: Новые материалы. Т. 6. Париж; СПб., 2004.

*Яцен В.В.* Об иррациональном в истории. Биографические заметки к переписке С.Л. Франка и Д.И. Чижевского (1932 – 1937, 1947 гг.) // Русский Берлин 1920 – 1945: Международная научная конференция / Ред. Л.С. Флейшман. М.: Русский путь, 2006.

*Adler-Rudel Sh.* Ostjuden in Deutschland 1880 – 1940. Tübingen, 1959.

*Altshuler M.* Russia and her Jews. The Impact of the 1914 War // The Wiener Library Bulletin. 1973. Vol. 27. No. 30/31.

*Aschheim S.E.* Brothers and Strangers. The East European Jew in German and German Jewish Consciousness, 1800 – 1923. Wisconsin, Madison, 1982.

*Aschheim S.* Spiegelbild, Projection, Zerrbild. «Ostjuden» in der jüdischen Kultur in Deutschland // Osteuropa. 2008. No. 58. Heft 8 – 10.

*Barkai A., Mendes-Flohr P.* German-Jewish History in Modern Times. Vol. 4. Renewal and Destruction. 1918 – 1945. New York: Columbia University Press, 1998.

*Baron S.* The Russian Jew Under Tsars and Soviets. 2nd ed. New York, 1976.

*Bauer Y.* American Jewish Joint Distribution Committee // Encyclopaedia Judaica. Vol. 2. Col. 827 – 832.

*Baur J.* Zwischen «Roten» und «Weißen» – Russische Kriegsgefangene in Deutschland nach 1918 // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.

*Bechtel D.* Jiddische Literatur und Kultur in Berlin im Kaiserreich und in der Weimarer Republik // Jüdische Sprachen in deutscher Umwelt. Hebräisch und Jiddisch von der Aufklärung bis ins 20. Jahrhundert / Hrsg. M. Brenner. Göttingen, 2002.

*Beizer M.* The American Jewish Joint Distribution Committee // The YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe / G. Hundert, ed. New Haven & London: Yale University Press, 2008.

*Beizer M.* Who Murdered Professor Israel Friedlaender and Rabbi Bernard Cantor: The Truth Rediscovered // American Jewish Archives Journal. 2003. Vol. 55. No. 1.

- Bérard E.* Il'ja Erenburgs Berliner Zeit (1921 – 1923) // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.
- Berlin Moskau / Москва Берлин 1900 – 1950. München; NY: Prestel, 1995.
- Beyer T.R., Kratz G., Werner X.* Russische Autoren und Verlage in Berlin nach dem Ersten Weltkrieg. Berlin, 1987.
- Biber H.* Antisemitizm in di erste yorn fun der Vaymarer Republik // YIVO Bleter. V. XXIX (идиш).
- Bieber H. – J.* Anti-Semitism as a Reflection of Social, Economic and Political Tension in Germany: 1880 – 1933 // Jews and Germans from 1860 to 1933: the Problematic Symbiosis / D. Bronsen, ed. Heidelberg 1979.
- Braun S.* Der Allgemeine Jüdische Arbeiterbund in Deutschland // Kalonymos. 2008. No. 4.
- Brenner D.A.* Promoting East European Jewry: Ost und West, Ethnic Identity, and the German-Jewish Audience // Prooftexts. Vol. 15. 1986. No. 1.
- Brenner M.* The Renaissance of Jewish Culture in Weimar Germany. New-Haven; London, 1996.
- Brumlik M.* Vom Obskurantismus zur Heiligkeit. «Ostjüdisches Denken» bei Buber, Heshel, Levinas // Osteuropa. 2008 (August-Oktober). No. 58. Jahrgang. Heft 8 – 10.
- Budnitskii O.* Kellogg Michael. The Russian Roots of Nazism: White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917 – 1945. Cambridge: Cambridge University Press, 2005 (review) // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007 (Winter). Vol. 8. No. 1. P. 190 – 200.
- Budnitskii O.* Von Berlin aus gesehen – Die Russische Revolution, die Juden und die Sowjetmacht // Transit und Transformation. Osteuropäisch-jüdische Migranten in Berlin 1918 – 1939 / Hrsg. V. Dohrn, G. Pickhan. Göttingen: Wallstein Verlag, 2010.
- Burchard A.* Die russische Emigrantenzeitung *Naš Vek* // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.
- Caplan M.* Belarus in Berlin, Berlin in Belarus. Moyshe Kulbak's *Raysn* and *Meshiekh ben-Efrayim* between Nostalgia and Apocalypse // Yiddish in Weimar Berlin. At the Crossroads of Diaspora Politics and Culture / G. Estraiikh and M. Krutikov, eds. London: Legenda, 2010.
- Cresti S.* Aporien der jüdischen Identität. Literatur und Judentum in der Zeitschrift *Der Jude* von Martin Buber // Jüdisches Leben in der Weimarer Republik / Hrsg. W. Benz, A. Paucker u. P. Pulzer. Tübingen, 1998.
- Der große Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. München, 1994.
- Deutscher I.* The Prophet Armed. Trotsky: 1879 – 1921. Vol. I. N.Y., 1965.
- Die Juden und die deutschen Linke in der Weimarer Republik. 1918 – 1933. Düsseldorf, 1971.
- Die Russen in Berlin. 1910 – 1930. Berlin, 1995.
- Dmitrieva M.* Spuren des Transits. Jüdische Künstler aus Osteuropa in Berlin // Osteuropa. 2008. No. 58. Heft 8 – 10.
- Dodenhöft B.* «Laßt mich nach Rußland heim». Russische Emigranten in Deutschland von 1918 bis 1945. Frankfurt a. M.; Berlin; Bern, 1993.
- Dohrn V.* «Wir Europäer schlechthin». Die Familie Koigen im russisch-jüdischen Berlin // Osteuropa. 2008. No. 58. Heft 8 – 10.
- Erste russische Kunstaussstellung // Die Russen in Berlin. 1910 – 1930. Berlin, 1995.
- Eschelbacher K.* Die ostjüdische Einwanderungsbevölkerung der Stadt Berlin. Ph. Diss. Berlin, 1920.
- Eshel A.* Von Kafka bis Celan: Deutsch-jüdische Schriftsteller und ihr Verhältnis zum Hebräischen und Jiddischen // Jüdische Sprachen in deutscher Umwelt. Hebräisch und Jiddisch von der Aufklärung bis ins 20. Jahrhundert / Hrsg. M. Brenner. Goettingen, 2002.

*Feder E.* Paul Nathan – Politiker und Philanthrop // Deutsches Judentum. Aufstieg und Krise. Stuttgart, 1963.

*Figes O.* A People's Tragedy: The Russian Revolution: 1891-1924. N.Y., 1998.

*Finkin J.* «Like fires in overgrown forests»: Moyshe Kulbak's Contemporary Berlin Poetics // Yiddish in Weimar Berlin. At the Crossroads of Diaspora Politics and Culture / G. Estraikh and M. Krutikov, eds. London: Legenda, 2010.

*Gergel N.* Di pogromen in Ukraine in di yorn 1918 – 1921 // Šriftn far ekonomik un statistik. 1928. No. 1.

*Gergel N.* The pogroms in the Ukraine in 1918 – 1921 // YIVO Annual of Jewish Social Science. 1951. Vol. 6.

*Gidal N.T.* Ha-yehudim be-Germanya mi-tequmat ha-romaim 'ad le-republiqat Waymar. Yerušalayim, 1997 (иврит).

*Gitelman Z.* A Century of Ambivalence: The Jews of Russia and the Soviet Union, 1881 to the present. 2nd ed. Bloomington, 2001.

*Heid L.* «Dem Ostjuden ist Deutschland das Land Goethes und Schillers». Kultur und Politik von ostjüdischen Arbeitern in der Weimarer Republik // Archiv für Sozialgeschichte. B. 37. Braunschweig; Bonn, 1997.

*Heid L.* Harry Epstein – Ein Anwalt der Ostjuden in der Zeit der Weimarer Republik // Juden in der Weimarer Republik / Hrsg. W. Graß, J.H. Schoeps. Stuttgart; Bonn. 1985.

*Heid L.* «Proletarier zu sein und Jude dazu, das bedeutet unsägliches Leid...» Sozialisten zur «Ostjudenfrage» // Juden und deutsche Arbeiterbewegung bis 1933. Soziale Utopien und religions-kulturelle Traditionen. Tübingen, 1992.

History of the Jewish People / H.H. Ben-Sasson, ed. Cambridge, Mass., 1976.

*Hufen Ch.* Die Zeitung «Novoe Slovo»: Eine russische Zeitung im Nazionalsozialismus // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941. Leben im europäischen Bürgerkrieg. Berlin: Akademie Verlag, 1995.

Jews and Germans from 1860 to 1933: the Problematic Symbiosis / D. Bronsen, ed. Heidelberg, 1979.

*Jonge A. de.* The Weimar Chronicle. Prelude to Hitler. NY; London, 1978.

Jüdische Sprachen in deutscher Umwelt. Hebräisch und Jiddisch von der Aufklärung bis ins 20. Jahrhundert / Hrsg. M. Brenner. Goettingen, 2002.

*Kaplan M.A.* Die jüdische Frauenbewegung in Deutschland, Organisation und Ziele des Jüdischen Frauenbundes 1904 – 1938. Hamburg, 1981.

*Kaplan M.A.* Jüdisches Bürgertum, Frau und Familie im Kaiserreich. Hamburg, 1997.

*Kazovsky H.* Jewish Artists in Russia at the Turn of the Century: Issues of National Self-Identification in Art // Jewish Art. 1995/96. No. 21/22.

*Kellogg M.* The Russian Roots of Nazism: White Émigrés and the Making of National Socialism, 1917 – 1945. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

*Klier J.D.* Imperial Russia's Jewish Question, 1855 – 1881. Cambridge, 1995.

*Klier J.D.* Russia Gathers her Jews: The Origins of the «Jewish Question» in Russia 1772 – 1825. DeKalb, 1986.

*Koller S.* «The air outside is bloody»: Leyb Kvitko and his Pogrom Cycle 1919 // Yiddish in Weimar Berlin. At the Crossroads of Diaspora Politics and Culture / G. Estraikh and M. Krutikov, eds. London: Legenda, 2010.

*Krutikov M.* Unkind Mirrors: Berlin in Three Yiddish Novels of the 1930s // Yiddish in Weimar Berlin. At the Crossroads of Diaspora Politics and Culture / G. Estraikh and M. Krutikov, eds. London: Legenda, 2010.

*Kuznitz C.E.* The Origins of Yiddish Scholarship and the YIVO Institute for Jewish Research. Unpublished doctoral dissertation, Stanford University, 2000.

- Leščinski Y.(J.).* Di yidiše vanderung far di letste 25 yor. Berlin, 1927 (идиш).
- Levin N.* The Jews in the Soviet Union since 1917. N.Y.; L., 1988.
- Liebmann H.* International Migration of the Jews // International migrations. Vol. II. Interpretations by a group of scholars in different countries / W.F. Willcox, ed. NY, 1931.
- Lohr E.* Nationalizing the Russian Empire: the Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003.
- Lohr E.* The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // Russian Review. 2001 (July). Vol. 60.
- Löwe T.* Der Politiker Eduard Bernstein: eine Untersuchung zu seinem politischen Wirken in der Frühphase der Weimarer Republik 1918 – 1924. Bonn, 2000.
- Löwe H. – D.* The Tsars and the Jews: Reform, Reaction and Anti-Semitism in Imperial Russia, 1772 – 1917. Chur, 1993.
- Lowenstein S.M., Mendes-Flohr P., Pulzer P., Richarz M.* Deutsch-jüdische Geschichte in der Neuzeit. B. 3. München, 1997.
- Maurer T.* Ostjuden in Deutschland: 1918 – 1933. Hamburg, 1986.
- Mchitarjan I.* Das «russische Schulwesen» im europäischen Exil: zum bildungspolitischen Umgang mit den pädagogischen Initiativen der russischen Emigranten in Deutschland, der Tschechoslowakei und Polen (1918 – 1939). Julius Klinkhardt, 2006.
- Mendes-Flohr P.* The Kriegserlebnis and Jewish Consciousness // Jüdisches Leben in der Weimarer Republik / Hrsg. W. Benz, A. Paucker u. P. Pulzer. Tübingen, 1998.
- Mierau F.* Russen in Berlin. Literatur. Malerei. Theater. Film. 1918 – 1933. 2. Aufl. Leipzig, 1987.
- Moulis V.* Die russische republikanische Tageszeitung *Dni* // Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.
- Nathans B.* Beyond the Pale: The Jewish Encounter with Late Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles; L, 2002.
- Neiss M.* Jiddische Zeitungen und Zeitschriften im Berlin der Weimarer Republik // Jüdisches Leben in der Weimarer Republik / Hrsg. W. Benz, A. Paucker u. P. Pulzer. Tübingen, 1998.
- Neiss M.* Presse im Transit. Jiddische Zeitungen und Zeitschriften in Berlin von 1919 bis 1925. Berlin, 2002.
- Niewyk D.L.* The Jews in Weimar Germany. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1980.
- Perets R.* Die Vermittlung der hebräischen Sprache in Deutschland vor 1933 // Jüdische Sprachen in deutscher Umwelt. Hebräisch und Jiddisch von der Aufklärung bis ins 20. Jahrhundert / Hrsg. M. Brenner. Goettingen, 2002.
- Pickhan G.* «Jakobs Berliner Kinder». Ein Warschauer Bundist im Berliner Jüdischen Theater 1935 // «Der Fremde im Dorf». Überlegungen zum Eigenen und zum Fremden in der Geschichte. Rex Rexheuser zum 65. Geburtstag / Hrsg. H. – J. Bömelburg und B. Eschment. Lüneburg, 1998.
- Pickhan G.* The «Bund» in Poland and German Social Democracy in the Thirties // Proceedings of the Twelfth World Congress of Jewish Studies. Jerusalem, July 29 – August 5, 1997. Division B: History of the Jewish People. Jerusalem 2000.
- Pinsker Sh.M.* Literary Passports: The Making of Modernist Hebrew Fiction in Europe. Stanford: Stanford University Press, 2011.
- Polyan A.* Productive Help in Russian-Jewish Berlin – The Union of the Russian Jews in Germany // Transit und Transformation. Osteuropäisch-jüdische Migranten in Berlin 1918-1939 / Hrsg. V. Dohrn, G. Pickhan. Göttingen: Wallstein Verlag, 2010.
- Pulzer P.* Jews and the German State. The Political History of a Minority. 1848 – 1933. Oxford; Cambridge, 1993.

*Ravid B.* Alfred Klee and Hans Goslar: From Amsterdam to Westerbork to Bergen Belsen // *The Dutch Intersection: The Jews and the Netherlands in Modern History* / J. Kaplan, ed. Leiden: Brill Publishers, 2008.

*Rogger H.* Jewish Policies and Right-Wing Politics in Imperial Russia. Berkeley; Los Angeles, 1986.

*Roskies D.* Against the Apocalypse: Responses to Catastrophe in Modern Jewish Culture. Cambridge, Mass.; L., 1984.

Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941 / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.

*Rutkoff P.M., Scott W.B.* New School: a history of the New School for Social Research. New York: Free Press, 1986.

*Sanders M.K.* Dorothy Thompson: a Legend in Her Time. Boston: Houghton Mifflin, 1973.

*Schaefer B.* Hebräisch im zionistischen Berlin // *Jüdische Sprachen in deutscher Umwelt. Hebräisch und Jiddisch von der Aufklärung bis ins 20. Jahrhundert* / Hrsg. M. Brenner. Goettingen, 2002.

*Schechtman J.B., Benari Y.* History of the Revisionist Movement. Vol. 1. Tel-Aviv, 1970.

*Scherr B.P.* A Curtailed Colloquy: Gorky, Khodasevich and *Beseda* // *Russian Literature and the West: A Tribute for David M. Bethea* / Eds. A. Dolinin, L. Fleishman, L. Litvak. Stanford Slavic Studies. 2008. Vol. 35 – 36. Part 2. P. 129 – 146.

*Schleunes K.* The Twisted Road to Auschwitz: Nazi Policy toward German Jews, 1933-39. University of Illinois Press, 1970.

*Schlögel K.* Berlin: «Stiefmutter unter der russischen Städten» // *Der große Exodus: die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941* / Hrsg. K. Schlögel. München: Beck. 1994.

*Shapiro L.* The History of Ort. New York, 1980.

*Shavit Y.* A Duty Too Heavy to Bear: Hebrew in the Berlin Haskalah, 1783 – 1819: Between Classic, Modern, and Romantic // *Hebrew in Ashkenaz. A Language in Exile* / L. Glinert, ed. New York, Oxford: Oxford University Press, 1992.

*Skandura C.* Die Ursachen für die Blüte und für den Niedergang des russischen Verlagswesens in den 1920er Jahren // *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941* / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.

*Sklarz L.* Die Geschichte und Organisation der Ostjudenhilfe in Deutschland seit dem Jahre 1914. Inaugural-Dissertation. Rostock, 1926.

*Stanislawski M.* Tsar Nicholas I and the Jews. The Transformation of Jewish Society in Russia. 1825 – 1855. Philadelphia, 1983.

*Studies in Contemporary Jewry: An Annual 4: The Jews and the European Crisis, 1914 – 1921* / J. Frankel, ed. Bloomington, 1988.

*Tippner A.* Bewegung und Benennung. Jüdische Identität bei Il'ja Erenburg // *Osteuropa*. 2008. No. 58. Heft 8 – 10.

*Trachtenberg B.* Jewish Universalism, the Yiddish Encyclopedia and the Nazi Rise to Power // *Yiddish in Weimar Berlin. At the Crossroads of Diaspora Politics and Culture* / G. Estraiikh and M. Krutikov, eds. London: Legenda, 2010.

*Transit und Transformation. Osteuropäisch-jüdische Migranten in Berlin 1918 – 1939* / Hrsg. V. Dohrn, G. Pickhan. Göttingen: Wallstein Verlag, 2010.

*Ušakov A.* Die Russischen Hilfsorganisationen in Deutschland zu Beginn der 20er Jahre // *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941* / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.

*Vetter M.* Die Russische Emigration und ihre «Judenfrage» // *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941* / Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1994.

*Volkman H. – E.* Die russische Emigration in Deutschland. 1919 – 1929. Würzburg, 1966.

*Weiß Y.* Wir Westjuden haben jüdisches Stammesbewußtsein // *Archiv für Sozialgeschichte*. B. 37. Braunschweig; Bonn, 1997.

*Williams R.C.* Culture in Exile. Russian Emigrés in Germany, 1881 – 1941. Ithaca; London: Cornell University Press, 1972.

*Wistrich R.S.* Eduard Bernsteins Einstellung zur Judenfrage // Juden und deutsche Arbeiterbewegung bis 1933. Soziale Utopien und religios-kulturelle Traditionen. Tübingen, 1992.

*Wolf M.* Russische Juden gegen «jüdischen Bolschewismus» – Der Vaterländische Verband im Russischen Berlin // Transit und Transformation. Osteuropäisch-jüdische Migranten in Berlin 1918 – 1939 / Hrsg. V. Dohrn, G. Pickhan. Göttingen: Wallstein Verlag, 2010.

*Wolitz S.* The Kiev-Gruppe (1918 – 1920) Debate: The Function of Literature // Studies in American Jewish literature. 1978. No. 4.

Yiddish in Weimar Berlin. At the Crossroads of Diaspora Politics and Culture / G. Estraiikh and M. Krutikov, eds. London: Legenda, 2010.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН – Академия наук  
БРП – Братство русской правды  
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)  
Вольфила – Вольная философская ассоциация  
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства  
ВСЮР – Вооруженные силы Юга России  
ВХУТЕИН – Высший художественно-технический институт  
ВХУТЕМАС – Высшие художественно-технические мастерские  
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет  
ВЦСПС – Всесоюзный центральный совет профессиональных советов  
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР  
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации, Москва  
ГАХН – Государственная академия художественных наук  
ГОСЕТ – Государственный еврейский театр  
ГПУ – Государственное политическое управление при Народном комиссариате внутренних дел СССР  
ГУЛАГ – Главное управление исправительно-трудовых лагерей, трудовых поселений и мест заключения  
Джойнт – American Jewish Joint Distribution Committee, Американский объединенный комитет по распределению фондов  
Евсекция – Еврейская секция Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)  
ЕКО – Еврейское колонизационное общество  
ЕКОПО – Еврейский комитет помощи жертвам войны  
Земгор – Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей  
ИВО – Yidišer visnšaftlekher institut (Еврейский исследовательский институт, букв. – Еврейский научный институт), ранее – Yidiše visnšaftleke organizatsye (Еврейская исследовательская организация, букв.: Еврейская научная организация)  
ИДГЕЗКОМ – Yidišer gezelšaftlekher komitet (Еврейский общественный комитет)  
МВД – Министерство внутренних дел  
МВТУ – Московское высшее техническое училище  
МГУ – Московский государственный университет  
МИД – Министерство иностранных дел  
МХТ – Московский художественный театр, с 1919 г. МХАТ – Московский академический художественный театр  
Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения РСФСР, позже СССР  
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел  
НСДАП – Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия)  
НСДПГ – Unabhängige Sozialdemokratische Partei Deutschlands (Независимая социал-демократическая партия Германии)  
ОЗЕ – Общество здравоохранения евреев  
ОЗЕТ – Общество землеустройства еврейских трудящихся  
ООН – Организация объединенных наций  
ОПОЯЗ – Общество изучения поэтического языка

ОРТ – Общество ремесленного труда, позднее – Общество распространения труда между евреями

ОСОАВИАХИМ – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству

Помгол – Всероссийский комитет помощи голодающим

РДО – Республиканско-демократическое объединение

Реввоенсовет – Революционный военный совет республики

РЗИА – Русский заграничный исторический архив

РКП (б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)

РНИ – Русский научный институт

РНСД – Российское национальное и социальное движение

РОВС – Русский общевоинский союз

РОНД – Российское освободительное национальное движение

РПЦ – Русская православная церковь

РПЦЗ – Русская православная церковь за границей

РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия

СДПГ – Социал-демократическая партия Германии (Sozialdemokratische Partei Deutschlands)

СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет

СРЕВГ – Союз русских евреев в Германии

СРПА, СРПАвГ – Союз русской присяжной адвокатуры в Германии

УНР – Украинская народная республика

ЦК – Центральный комитет

ЧК – Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем

ЮНЕСКО – United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры)

AFA – Arbeiterfürsorgeamt der jüdischen Organisationen Deutschlands (Бюро попечительства о рабочих еврейских организаций Германии)

ARA (APA) – American Relief Administration (Американская администрация помощи)

РААА – Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (Политический архив МИД Германии, Берлин)

DDP – Deutsche Demokratische Partei (Немецкая демократическая партия)

DNVP – Deutschnationaler Volkspartei (Немецкая национальная народная партия)

HIAS – Hebrew Immigrant Aid Society (Общество помощи еврейским иммигрантам и беженцам)

НІСЕМ – акроним HIAS, ICA и Emigdirect

ICA (JCA) – Jewish Colonization Society (Еврейское колонизационное общество)

JTA – Jewish Telegraphic Agency (Еврейское телеграфное агентство)

NBER – National Bureau of Economic Research (Национальное бюро экономических исследований, США).

SDPG – Sozialdemokratische Partei Deutschlands (Социал-демократическая партия Германии)

VDNJ – Verband deutschnationaler Juden (Союз евреев – немецких националистов)

YIVO – см. ИВО

YMCA – Young Men's Christian Association (Христианская ассоциация молодых людей)

## Сведения об авторах

**Олег Витальевич Будницкий** – доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории и директор Международного центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН. О.В. Будницкий – автор свыше 200 научных работ, в том числе монографий «Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология» (2000), «Российские евреи между красными и белыми (1917 – 1920)» (2005, перевод на английский – *Russian Jews between the Reds and the Whites* [2012]), «Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918 – 1957» (2008).

**Александра Леонидовна Полян** – научный сотрудник кафедры иудаики Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, преподаватель Центра Библистики и иудаики Российского государственного гуманитарного университета и проекта Эшколот; преподает историю еврейской литературы и еврейские языки; переводчик с идиша.